

МИРОВОЙ **МБ** БЕСТСЕЛЛЕР

ЭРИК ЛАСТБЕЙДЕР

ЧЕРНЫЙ КЛИНОК

Новости

МИРОВОЙ **МБ** БЕСТСЕЛЛЕР

ЭРИК ЛАСТБЕЙДЕР

ЧЕРНЫЙ КЛИНОК

Новості

МИРОВОЙ **МБ** БЕСТСЕЛЛЕР

ERIC LUSTBADER

BLACK BLADE

МИРОВОЙ **МБ** БЕСТСЕЛЛЕР

ЭРИК ЛАСТБЕЙДЕР

ЧЕРНЫЙ КАЙНОК

Новості

Москва, 1994

ББК 84.7(7 США)

Л 26

Перевод с английского Александра КАРПОВА

Исключительное право публикации книг, выходящих в серии „Мировой бестселлер“, принадлежит Издательству „Новости“. Выпуск произведений серии без разрешения Издательства считается противоправным и преследуется по закону.

По вопросам оптовой закупки книг серии „Мировой бестселлер“ обращаться по телефонам 265—50—53 и 265—56—62.

©Copyright ©Eric Lustbader 1992

©Издательство „Новости“, издание на русском языке, 1994

©А.В.Карпов, автор перевода, 1994

©В.В.Анохин, художественное оформление, 1994

*Храм. Вот он тихо дремлет,
сюда не залетают дикие птицы,
не проникает свет фонарей из сада.*

Шяки

*Самый сильный яд из всех известных
доныне на свете таился в лавровом
венце Цезаря.*

Уильям Блейк

Храм Запретных грез

Токио—Нью-Йорк

Водяной Паук, прыгая с камня на камень, совершенно бесшумно и даже будто не совершая никаких движений, пересек крошечный тихий прудик. Его внезапное, подобно призраку, появление из голубоватых зимних сумерек представляло собой завораживающее и в то же время весьма грозное зрелище.

Гладкие серые камни на пруду обросли мхом, который в эту пору года становится коричневым и шуршит, но Водяной Паук, похоже, не потревожил ни единого кустика.

Пруд находился в маленьком, ухоженном, с тонким вкусом оформлении садике, со всех сторон зажатом коробками токийских небоскребов, теснящихся вокруг него, словно лес на картине футуриста.

В садике находились двое: мужчина в темно-сером в узкую полоску костюме, в черных полуботинках и с плоскими золотыми часами на запястье и женщина в шелковом кимоно. Мужчина стоял возле большого валуна, лежащего на холмике, сплошь покрытом увядшими цветами. Женщина в шелковом кимоно опустилась на колени чуть поодаль, справа, наклонив голову, покорно сложив белоснежные руки на коленях и закрыв глаза, словно пребывая в той же зимней спячке, что и цветы. Рядом с ней лежал черный лаковый поднос с принадлежностями для торжественной чайной церемонии. Кимоно, ладно облежавшее ее стройную фигуру, тускло отливало серебром в сером зимнем свете. Вышитые на нем птицы феинксы с красно-черным оперением трепетали, будто живые, при малейшем движении женщины.

„Пусть Нишицу всегда будет рядом с этой прекрасной женщиной“, — подумал Водяной Паук.

Наохару Нишицу представлял собой подтянутого, с хорошо развитой мускулатурой мужчину лет шестидесяти, твердого, решительного характера. На лице его выделялись лохматые густые брови и тонкая полоска усов. Радужная оболочка его правого глаза была совершенно

белой, но не молочно-белой, как у слепых, а тускло-глянцевой, будто жемчужной.

Неподалеку от Нишицу и женщины, в комнате, устланной циновками и выходящей на этот немислимый в городских условиях кусочек живой природы, бесшумно двигались люди в темных костюмах и солнцезащитных очках, несомненно, вооруженные, с сердитым выражением на хмурых лицах, присущим профессиональным головорезам. Нишицу никогда не расставался с личными телохранителями даже здесь, в храме Запретных грез, где его слово воспринималось как закон.

Про него говорили, что он никогда не повышает голоса, да ему и не нужно было его повышать. Гнев Нишицу мог проявиться иначе, ибо сам он был сгустком энергии, равной по силе разве что гравитационной энергии „черных дыр“.

— Вы вызывали меня, и я пришел, — сказал Водяной Паук, представ перед Нишицу.

Его звали Мизусумаши Кафу. И хотя у него было прозвище Водяной Паук, друзья и враги знали его под именем Сума. Он походил на беспощадного хищника, напрочь лишенного чувства жалости и сострадания к жертве, с природными рубцами и шрамами на теле от ветра, соли и солнца. Его продолговатое лицо с резкими чертами венчала копна посеребренных сединой волос, над глазами нависали лохматые брови. Глаза больше походили на пустые глазницы, так как зрачки всегда оставались неподвижными. И все же они моментально подмечали все, что творится вокруг.

На Суме были надеты просторные черные брюки спортивного покроя, черная спортивная куртка с широко распахнутым воротом, открывающим его крепкое, будто высеченное из камня тело, и тапочки с тонкими картонными подошвами. Он обладал редкой способностью так скрывать исходящую от него угрозу, что жертва до последнего мгновения не могла ее распознать. Возможно, это удавалось ему благодаря его маленькому росту, необычному даже для японцев. Свой маленький рост он мастерски использовал для собственной выгоды и, по мнению Нишицу, делал это весьма умело. Сума сочетал в себе редкое качество „коха“, то есть способность быстро распознавать характер человека, с качеством „нинкьё“ — личным пониманием законов чести и достоинства. Его понимание совсем не походило на понимание справедливости европейцами и американцами, которое отличается беспристрастной и объективной оценкой. Водяной Паук целиком и полностью

судил о людях, с которыми ему доводилось сталкиваться, по тому факту, в каких взаимоотношениях они находятся с тайным обществом Черного клинка.

Наступал час традиционной чайной церемонии, долгой и сложной и в то же время дающей отдохновение двум мужчинам, ибо во время этой церемонии им предоставлялось нечто большее, чем простой обмен словами о взаимном уважении. Хотя Водяной Паук и не был тем человеком, который удовлетворился бы обычным вежливым обращением, тем не менее он, как, впрочем, и Нишицу, получал удовольствие от традиционной торжественной церемонии. Ему также очень нравились тонкий вкус и умение, с которыми женщина в кимоно приготовила чай и подала его, молча ожидая, когда мужчины опустошат чашечки, чтобы вновь их наполнить. Он искренне позавидовал Нишицу, что у того в услужении такая женщина: ее умение держаться незаметной нечасто встречается в наши дни.

— Общество Черного клинка радо видеть вас, Сумасан, — произнес Нишицу, опустив свою чашку чая.

Сума склонил голову чуть ниже, чем Нишицу, но достаточно, чтобы показать свою готовность повиноваться.

— Вы вызывали меня, — тихо сказал он. — Что-то случилось?

— Да, случилось, — ответил Нишицу.

„Кто из посторонних сможет оценить силу, таящуюся в этом храме, подобно неосязаемому призраку? — подумал Нишицу. — Тайное общество Черного клинка глубоко укрыто от внимания мировой общественности и надежно защищено, так как в центре его деятельности находятся талантливые люди, раскручивающие маховик власти и скрытно замышляющие покорить весь мир.

Ни одному человеку не определить нашу истинную мощь. Никому не дано проникнуть в нашу тайну, никто не сможет встать на нашем пути.

Но, кажется, для „Тошин Куро Косай“ настало время перемен. Поскольку у нас было довольно много времени — гораздо больше, чем жизнь человека, — чтобы разработать совершеннейший план относительно расширения сферы своего влияния, то люди с ограниченным мышлением даже и представить себе не могут, насколько оно теперь сильно.

И вот время — этот важнейший фактор в жизни обычного человека — стало ужасным призраком, незаметно подкрадывающимся и к нам, будто мы такие же простые смертные. Результаты могут оказаться весьма плачевны-

ми. Если время — великий косарь — выкосит нас всех до единого, то все наши мечты и замыслы, вынашиваемые многими десятилетиями, рассыпятся прахом“.

Разумеется, Нишицу не сказал Сума ни слова об этих своих мыслях. Вместо этого он произнес:

— Сума-сан, оказывается, нам понадобились ваши опыт и мастерство для одного щекотливого дела в Америке.

Внезапно послышалось непонятное жужжание, будто стрекот кузнечиков; но теперь зима, а в эту пору кузнечики не стрекочут. Нишицу сразу же сообразил, что жужжание исходит от Сумы.

— Вы должны лишь приказать, — сказал Водяной Паук.

— Задание очень сложное, — ответил Нишицу. — На его выполнение могут потребоваться месяцы.

— Тем лучше, — промолвил Сума. Он казался довольным в предвкушении предстоящего.

— Хочу предупредить, — заметил Нишицу, — вы должны будете согласовывать свои действия с нашим агентом, который уже находится на месте.

Сума сделал недовольную гримасу и сказал:

— Такое не предусмотрено в моей практике.

— Настало другое время, и оно диктует другую практику, — твердо произнес Нишицу. — Поэтому мы обязаны приспособливаться к новым условиям, как приспособливается гибкая ива к изменениям погоды.

— Хай! — воскликнул Сума и склонил голову. — Я все понял.

— Искренне надеюсь, что поняли, — сказал Нишицу, — потому как на нас надвигается буря. Развитие событий выходит из-под нашего контроля и вынуждает войти в последнюю стадию, когда любой шаг может оказаться критическим.

— Я не подведу вас, Нишицу-сан.

— Верю, — заключил Нишицу, глядя на склонившегося в поклоне Водяного Паука. — Я даже не сомневаюсь в этом.

Лоуренс Моравиа лежал на ковре, который стоял гораздо больше, чем годовая заработная плата многих людей. Он считал этот ковер одним из символов своего благосостояния, которые выбирал так тщательно, как делал бы это, выбирая личных телохранителей. Лоуренс Моравиа — миллиардер, и он твердо верил, что просто обязан помогать развитию творчества истинных масте-

вых и художников, число которых в наше время неуклонно сокращается.

Миллиардером он стал только благодаря собственным усилиям и поэтому прекрасно уяснил себе, что обладание крупным капиталом обязывает ко многому: необходимо выделяться из общей массы. Люди ведь такие разные: есть равнодушные к богатству и есть алчные, есть великодушные и есть жадные. Но все они слетаются на запах денег, как мухи на г... Он полагал, что преодолеть этот инстинкт сами они не в силах, это у них врожденное, как, скажем, у собак академика Павлова, и они, привлеченные богатством, идут косяком, в надежде урвать хоть сколько-нибудь.

До сих пор он успешно справлялся с этими хищниками с той же легкостью, с какой проворачивал то одно, то другое дело, связанное с недвижимостью. Среди крупнейших дельцов Нью-Йорка Лоуренс Моравиа был единственным, кто еще в период экономического подъема в 80-е годы сумел предугадать наступление застойных времен в начале следующего десятилетия и учредил на всякий случай весьма солидный фонд. Однако ни одна вечеринка не длится до бесконечности. Эту наипервейшую заповедь внушил ему человек, обучавший его премудростям купли-продажи городской недвижимости. Поэтому, когда большинство крупных бизнесменов испытывали определенные трудности, а некоторые уже даже слышали плеск приближающихся волн банкротства, Моравиа продолжал делать деньги.

Деньги... Легко говорить, что они ничего не значат, когда их так много, что просто невозможно извести за всю свою жизнь: тратишь их, тратишь, а они все прибывают и прибывают. Правда, несколько лет назад он вдруг осознал, что все, чем он занимается, больше его не волнует.

Но тут ему предложили одно заманчивое дело японцы, и к нему вновь вернулось ощущение особого волнения, чего он чуть было не лишился. Моравиа понял, что они обратились к нему неспроста: он лучше других мог справиться с делом, которое они замыслили. Он занимался самым что ни на есть мирным бизнесом, много лет прожил в Японии, прекрасно владел японским языком, досконально знал образ мышления японцев; находясь в стране, установил множество полезных контактов, обзавелся друзьями. При этом успешно реализовывал в США японскую продукцию. Он был достаточно богат и потому смог привлечь к себе внимание нужных ему людей в Токио и в результате добиться приглашения посетить храм Запретных грез.

Этому способствовало также то, что он был знаком с Наохару Нишицу, лидером всемогущей японской Либерально-демократической партии. Оба они нередко сталкивались на деловом поприще, заключая всевозможные сделки, которые обогатили Лоуренса и позволили Нишицу без особого труда завязать контакты в Нью-Йорке, где он в то время испытывал затруднения в бизнесе.

Совершенно очевидно, что Нишицу играл более значительную роль, чем это казалось с первого взгляда: он был ключевой фигурой в мире, который Моравиа должен был тайно прощупать. Предполагалось, что Лоуренсу Моравиа придется заниматься своего рода шпионской деятельностью, против чего он не возражал.

К тому же Моравиа не чувствовал никаких угрызений совести от того, что при удобном случае он должен будет устранить Нишицу. Ведь этот человек погубил столько людей, что уже и невозможно было удержать в памяти их число. Более того, держа в своих руках бразды политического правления страной, Нишицу испортил жизнь бесчисленному множеству других людей, которые даже и не подозревали о том, кто виновник их бед.

Нишицу вел двойную жизнь, как, впрочем, и Моравиа, и вот теперь Лоуренса Моравиа обвиняют в том, что он выболтал тайну. Вне всякого сомнения, ситуация сложилась опасная, но в то же время это заставляет действовать и быть начеку.

Моравиа стоял и смотрел, как прекрасная молодая японка — уже не юная девушка, но пока еще и не женщина — доливает чай в его чашку. Она проделывала это, даже не спрашивая его разрешения. Так поступают согласно истинно японскому обычаю — еще одна из причин, почему его так тянуло в Японию, когда он был молодым человеком. Потом она, обнаженная, села подле него в маленькой комнате без окон и сама как бы стала предметом мебели, находившейся там. Она мило улыбалась искренней и в то же время ничего не обещающей улыбкой, символизирующей современную Японию. Ему пришло на ум, что она чем-то напоминает ту молоденькую японку, которую он когда-то, еще будучи совсем молодым, повстречал в Нью-Йорке. Та девушка выглядела так же свежо, была такой же желанной и готовой исполнить любую его прихоть. И находились они тогда в такой же комнате, предназначенной для любви. Глядя на нее, он каждый раз отвлекался от раздумий, мысленно переносясь назад, в Японию, и она чуть не убедила его жениться на ней, но он

вовремя одумался и с тех пор больше никогда не помышлял о женитьбе.

Прежде он считал, что длительным отношениям с женщинами мешает его огромное богатство, но теперь он понял, что причина была не только в этом. Препятствием стала его вторая — тайная — жизнь, проявлявшаяся по ночам подобно наркотику, поцелуй которого вызывает самые невероятные желания. И не было для него на свете лучшего места, чем Токио, где он мог вдоволь насладиться утонченными сексуальными играми.

...Моравиа размотал красный шелковый шнур, обвинявший его руки, и осторожно потянул за него. Другой конец шнура был привязан к лодыжке женщины. Она придвинулась к нему. Он встал с тахты и повел ее на шнуре к узкому твердому стулу с наклонной спинкой. Дернул за шнур. Она стала над стулом лицом к спинке, широко расставив ноги.

Лоуренс опустился на колени и привязал ее ноги к ножкам стула, после чего приступил к самой возжеленной работе — начал обматывать женщину. Он обмотал ее почти всю: голову, шею, руки... Обмотал даже глаза и рот, сделав искусные узлы и хитроумные петли, что вкупе с ее гладким, упругим телом стало как бы произведением искусства, живой скульптурой, на которую не устанешь любоваться и которая в то же время удивительным образом возбуждает плоть. Ее беспомощность и совершенно очевидное наслаждение, которое она испытывала от этого, оказывали на Моравиа будоражащее действие. Он, тоже обнаженный, стоял, положив руки на плечи женщины, твердо зная, что она не сможет сделать ни единого движения, даже если и захочет этого; но она, разумеется, и не собиралась двигаться.

Моравиа мягко и нежно гладил ее спину, бедра, затем крепко сжал талию. Его ноги непроизвольно согнулись в коленях. Он подобрал удобную по высоте позицию, а затем, ухватившись за петли шнура, резко наклонил женщину вперед и плотно вошел в нее.

Она сладострастно застонала, откинув голову назад, ничего не видя с завязанными глазами, желая, чтобы он вошел в нее как можно глубже. Но такое сверхудовольствие не могло длиться бесконечно и закончилось для них обоих слишком быстро. „Ничего, — подумал он, сжимая ее упругие груди, — сейчас восстановлюсь, и можно будет продолжить. Наверняка ей тоже этого хочется“.

Моравиа недавно вернулся из поездки в Токио и находился под впечатлением от последней ночи, проведенной

там с девушкой по имени Ивэн. Теперь он понял, что только что пытался воспроизвести способ, которым они занимались любовью в их первую совместную ночь. Помнится, что ранним утром они отмечали вновь обретенную им мужскую силу. И едва он успел насытиться, как слышался осторожный стук в дверь, известивший о приходе Наохару Нишицу.

Моравиа обратил внимание на то, что когда Нишицу проходил мимо Ивэн, она низко склонилась перед ним, коснувшись лбом циновки, будто Нишицу был самым сугубым в феодальной Японии. Как только она подняла голову, Моравиа дал ей знак пойти и закрыть дверь. К своему неудовольствию, он заметил, что она сразу же взглянула на Нишицу, ожидая подтверждения приказа. Тот слегка кивнул головой, и она закрыла раздвигающуюся дверь. Лоуренс продолжал ощущать необычность ситуации: Нишицу, обычно строго следовавший восточным традициям, был одет в скромный европейский костюм, на ногах его были полуботинки, а он, Моравиа, человек с Запада, облачился в японское шелковое кимоно.

Нишицу вперил свой жуткий молочно-белый взгляд в Моравиа, и они приступили к церемонии обмена приветствиями. Ивэн принесла чаю. Хотя чай не был зеленым и его не помешивали до появления пены, Нишицу тем не менее элегантно движением взял чашечку.

— Моравиа-сан, друг мой, — сказал он, — опорожнил чашечку и Ивэн вновь наполнила ее, — примите мои извинения за то, что потревожил вас, но мне вспомнилось, что через несколько дней ваш день рождения.

— Да, это так, уважаемый Нишицу-сан, — ответил Моравиа, применяя самые вежливые обороты речи. — Однако я изумлен, услышав, что столь незначительное событие заинтересовало вас.

Нишицу сидел не шелохнувшись. Чашечка с чаем покоилась в его мозолистых ладонях. Любой японский студент сразу бы сказал, что такие руки могут быть только у человека, много лет усердно занимающегося каратэ, разбивающего ребром ладони доски, кирпичи, металлические пластины и способного удерживать в руках горячий песок.

— Как вы, должно быть, знаете, — заметил Нишицу, — мы придаем особый смысл празднованию дня рождения. И для нас нет более важного события. Поэтому мы решили устроить для вас праздничный вечер.

— Благодарю вас, Нишицу-сан, — ответил Моравиа, искренне польщенный, и низко поклонился.

Нишицу тоже поклонился, но лишь слегка, затем встал

и вышел из комнаты, оставив за собой атмосферу торжественности и благожелательности.

В последний вечер пребывания Моравиа в Токио в его честь был устроен праздник. Ивэн была всего лишь легкой закуской перед обильным обедом. Сам Нишицу и несколько наиболее уважаемых людей из храма Запретных грез угощали его всевозможными яствами и изысканными напитками. Потом под утро, когда небо из розовато-черного превратилось в перламутровое и гости стали разъезжаться, нарядно напившись, Нишицу помог ему встать, приговаривая:

— Праздник еще не кончился, Моравиа-сан.

Лоуренс и Нишицу накинули на себя пальто и вышли на улицу. Там их уже поджидало такси. Дверь автоматически распахнулась, и Моравиа сел в машину. Он выпил прилично, но пьяным себя не чувствовал, так только — захмелел немного. Обернувшись, он увидел, что Нишицу по-прежнему стоит на тротуаре и ехать с ним не собирается.

— А вы разве не едете?

— Как-нибудь в следующий раз, — ответил Нишицу и одарил его своей особенной улыбкой. — Развлекайтесь без меня, Моравиа-сан. Желаю вам весело провести время.

Дверь такси захлопнулась, и машина покатила. Прохладный ветерок, дувший в приоткрытые окна, немного освежил Моравиа, и, когда они подъехали к месту назначения, он чувствовал себя уже намного лучше.

Лоуренс Моравиа вышел из такси, огляделся и увидел, что находится в районе Сумида, где расположены огромные складские помещения. В воздухе сильно пахло рыбой, над крышами складов горели яркие фонари, придавая небу новую окраску. Тут Лоуренс понял, что находится неподалеку от Сузуки — огромного токийского рыбного рынка.

У входа на склад его поджидала какая-то женщина. Единственная лампочка без защитного колпака бросала золотистый свет на ее ноги.

— Лоуренс-сан, идите сюда.

Он шагнул навстречу женщине и только тогда признал ее:

— О-о, Минако-сан!

Минако была красивой женщиной неопределенного возраста. Нишицу примерно год назад познакомил их на одном из вечеров в респектабельном ресторане поблизости от района Гинза. Она показала ему тогда незамужней женщиной, проявившей живой интерес к молодому амери-

канцу. Такое отношение польстило ему, и по японскому обычаю они стали друзьями. Никаких интимных отношений между ними не было, просто возникло то особое доверие, какое бывает между людьми, оказавшимися вдали от родных мест.

Минако рассмеялась, увидев его недоуменный взгляд.

— Бедненького Лоуренса-сан, — сказала она, — увели из храма и подкинули сторожу складских помещений.

Взяв Моравиа дружески за руку, она повела его прямо на склад.

— Как проходит празднование вашего дня рождения?

— Очень памятно для меня, — пробормотал он смущенно.

— Хорошо. Тогда и мы постараемся не разочаровать вас.

Они вошли в огромный лифт из хромированной стали. Подъемник работал почти бесшумно. Почувствовав запах солянки и дезинфицирующих средств, Лоуренс растерялся, так как не мог сообразить, куда он попал.

Лифт доставил их на третий этаж, и Минако повела своего гостя вниз через большой зал, пахнувший машинным маслом, опилками и горячим железом. Потом они вошли в небольшую комнату, чего Моравиа никак не ожидал увидеть после просторных помещений, и вот здесь-то его взору и предстал матово-черный куб, установленный на тележке. Лоуренсу почему-то сразу пришла на ум картинка, на которой нарисован коротышка Шалтай-Болтай, сидящий на стене.

Куб располагался таким образом, что видны были сразу две его стороны, на переднем плане находился пульт управления.

— Лоуренс-сан! Я хочу представить вас Оракулу, — сказала Минако и нажала кнопку на пульте дистанционного управления, который держала в руке. Оракул, как по мановению волшебной палочки, сразу ожил.

— Приветствую вас, Моравиа-сан, — раздался голос, несомненно исходящий из нутра матово-черного куба. — Я уже давно ждал этого момента.

Моравиа постарался сделать вид, будто он ничуть не удивился. Уголкем глаза он заметил легкую усмешку на губах Минако. Он неопределенно хмыкнул, почувствовав некоторую неловкость, и сказал:

— Это, наверное, какая-то магнитофонная запись?

— Должен опровергнуть такое предположение, — произнес Оракул. — Хотя я и снабжен приспособлением для записи бесед и при необходимости могу воспроизводить их.

Моравна уставился на куб, пытаясь понять его устройство. Но, по правде говоря, ему нелегко давалось постижение неведомого. Тогда он подошел поближе.

— Расскажите мне побольше об этой штуке, — попросил он Минако.

Вместо нее ответил сам Оракул.

— Меня создали путем сочетания особо чувствительного датчика неврологического замкнутого контура и новейшей технологии, именуемой аббревиатурой „лапид“. Лапид — это своеобразный акроним для световой наборной призмы, через которую вводятся данные о личности. Иначе говоря...

— Хватит, — резко оборвала Оракула Минако, а затем, улыбнувшись, пояснила: — Такие разъяснения утомительны для всех, за исключением разве что самых заурядных ученых.

Моравна сделал еще шаг по направлению к Оракулу и, пристально вглядываясь в куб, спросил:

— Но кто же вы?

— Именно то, что вы думаете, — ответил Оракул. — Форма существования жизни.

Последовало непродолжительное молчание, а затем Моравна сказал:

— Это я форма существования жизни. А вы — нет.

— Думается, нам следует исходить из того, что вы уже не считаете меня звукозаписывающим устройством.

Моравна не знал, что и делать: смеяться от полученного удовольствия или же посмеяться над собственным неверием. Он молча стоял, уставившись на Оракул.

— Во всяком случае, вы не станете отрицать, что мы ведем друг с другом беседу, — спокойно продолжал Оракул.

— Да, ведем беседу.

— Так с кем же вы ее ведете?

Моравна, ошарашенный тем, что Оракул перехитрил его, не мог вымолвить ни слова.

— Разве вы ведете беседу с камнем, деревом или травинкой? А, Моравна-сан? Может, вы потеряли разум?

— Не смейтесь, — только и сказал Моравна и усилием воли заставил себя замолчать. Он прикусил губу, лицо его побагровело от напряжения.

— Я есть форма существования жизни, — продолжал между тем Оракул.

— Но ведь вы не живой, — повторил Моравна. — У вас нет живых тканей, нет органов внутренней секреции.

— Я думаю — стало быть, я существую, — просто и логично заключил Оракул. — В любом случае, Моравиасан, вы ошибаетесь. Технология лапида, созданная специально для меня, содержит в себе определенное количество ДНК* человека, посредством которой я могу синтезировать и анализировать. Таким образом, вы видите, что внутри меня все же есть жизнь, известная вам.

— Трепещущая, как бабочка в стеклянной банке, — грустно согласился Моравиа.

— Что, что? — переспросила, не расслышав, Минако.

— Подмечено точно, — подтвердил Оракул, потому как он расслышал.

Но Моравиа все же улыбнулся.

— Ну что ж, — сказал он, вставая перед черным кубом в грозную позу борца сумо, — как вы думаете, вы могли бы сделать что-либо для меня?

— Все, что вы хотите, у вас уже есть, — ответил Оракул тоном, каким обычно отвечают озорные и капризные дети.

И вот теперь Лоуренс Моравиа, шпион в запасе, опять в Нью-Йорке. Лежит, прильнув к восхитительному теплому женскому телу, в ожидании зова хозяина, и берет от жизни все, чего ни пожелает. Нишицу невольно открыл ему двери в святая святых, и Моравиа узнал все, что хотел. Но сколько еще осталось невыясненного! По сути дела, столько, что он даже послал зашифрованный телекс с просьбой провести дополнительную встречу с Оракулом для получения информации. Безусловно, подобный шаг создавал опасный прецедент и противоречил строгим указаниям, данным ему при вербовке. Но он осознавал, что его действия определяются чрезвычайным характером последних сообщений, полученных от Оракула.

Случилось это, когда он вдруг почувствовал, как что-то необычное, конечно, не более чем сомнение, закралось в него. Это было сродни ощущению, испытываемому человеком, заснувшим днем, а проснувшимся ночью. Возможно, он почувствовал нечто похожее на булавочный укол, и если это был укол, то какой-то тупой и настолько неявный, что, скорее всего, к нему отношения и не имел.

...После напряженных минут секса глаза Моравиа застигала какая-то пелена, он мог различать лишь расплывчатые темные очертания предметов, будто, вынырнув с

*Дезоксирибонуклеиновая кислота, высокополимерное природное соединение, содержащееся в ядрах клеток живых организмов, носитель генетической информации. — *Прим. ред.*

большой глубины, внезапно опять погрузился в темноту, еще более густую и беззвучную, чем только мог себе вообразить.

Моравиа очнулся, чувствуя головокружение и тошноту. За свою жизнь он перепробовал массу разных наркотиков и поэтому сразу понял, что по жилам у него течет какая-то сильнодействующая отравка. Он попытался было перебороть слабость, но все попытки оказались тщетными.

Повернув голову, Лоуренс с тупым удивлением обнаружил, что уже находится не дома, а в своем офисе. Что это, его похитили? Но разве можно похитить человека и упрятать его в здании, принадлежащем ему же?

Будучи уверенным, что он каким-то образом перемещался в пространстве, Моравиа снова повернул голову и почувствовал, что теряет ориентир. Судя по всему, он заболел. Заложив в рот два пальца, он попытался вызвать рвоту, но даже на это у него не хватило сил. Непонятно, каким образом воздух все еще входил в его легкие и выходил из них.

Он увидел, как что-то бесформенное, подобно огромному скату, плывет по воздуху навстречу ему. „Кто это?“ — мелькнула мысль. Волнообразные движения огромных крыльев, машет ими и шевелится, и весь такой жуткий, хвост в колючках — вверх-вниз, вверх-вниз. Тогда Моравиа попытался крикнуть, но что-то забило ему глотку, нет, не глотку, а полость рта — что-то вроде ваты, да в таком количестве, что нельзя ее ни выплюнуть, ни проглотить. Он опять попытался вызвать рвоту, чтобы освободиться от ваты, и снова ничего не смог сделать.

— Ну и что вы ощущаете? — раздался чей-то голос. Чей? Мужской, женский? Определить он не сумел. — Хорошо быть беспомощным?

Моравиа закрыл глаза, стремясь мобилизовать все свои силы, чтобы разорвать внутренние оковы, крепко удерживающие его, но смог лишь ускорить сердцебиение и довести его до такой частоты, что заныли мускулы. Он посмотрел на ужасные бесформенные очертания ската, щурясь и моргая, пытался прочистить глаза.

— А вот и я! Позвольте помочь вам.

Кто-то поднял его и понес, как ребенка, голова Лоуренса уткнулась в колени.

— Хотите знать, кто я такой? А, Моравиа? Тогда я скажу вам то же, что говорю им всем.

„Кому всем?“ — изумился про себя Лоуренс.

— Ежедневно по утрам я молю богов просветить меня, ибо просвещенность порождает успех, — продолжал тот

же голос. — Некоторые полагают, что боги отвернулись от меня, потому что я нечист и запятнан кровью моих жертв. На это я отвечаю: пусть боги делают то, что могут делать, я не контролирую их мысли или поступки. Но я не прекращу молиться, и в этом я чист.

Моравиа почувствовал, как его щек поочередно коснулось что-то нежное и пушистое, как мимолетное прикосновение бабочки.

— Кто-то в эту же минуту рождается и кто-то умирает.

К его губам прикоснулись чужие губы, мягкие, как масло, и холодные как лед, а вслед за этим что-то крепко, словно тисками, сжало его сердце, сжало с нечеловеческой силой.

Моравиа пронзительно закричал, вернее, хотел громко закричать. Его разум, разреженный, словно облака под напором холодного северного ветра, приказывал ему кричать, но он не мог произнести ни звука. Чувствовалась одна лишь невероятная боль, а теперь еще сдавило и все тело — изнутри, да так нестерпимо, что постепенно начали отмирать одна за другой клетки его измученного организма, затем резко упало кровяное давление, исчез пульс, прекратилось дыхание и, наконец, отключился мозг.

Книга первая

Тревожные дни мира

*Тайну сохранят и трое,
если двое из них мертвы.*

Бенджамин Франклин

Глава первая

Нью-Йорк-Сити

Вулф Мэтисон затаился на посыпанной щебнем крыше шестиэтажного дома, возвышающегося над зловонным районом Восточного Гарлема. Был конец февраля, стояла глубокая ночь, нависшие клочковатые облака закрывали луну.

Он выслеживал убийцу уже целых семь недель — никогда прежде ни один преступник не мог так долго укрываться от него. Но наконец-то в эту промозглую воющую ночь он выследил его и теперь заставит держать ответ перед судом, как уже выследил и представил суду трех других убийц, за которыми числилось не одно „мокрое дело“. Распутывать эти дела Вулфу поручил комиссар полиции Хейс Уолкер Джонсон, когда год назад назначил его начальником следственной группы по особо важным делам об убийствах при нью-йоркском полицейском управлении. „Оборотни“, как быстро из уважения и опаски окрестили в управлении его парней, составили отборное подразделение, созданное специально ему в помощь. Вулф обладал природным талантом выслеживать наиболее опасных и жестоких убийц, которые могли то ли благодаря своей хитрости, то ли чистой случайности, а иногда в силу сочетания того и другого — одному Богу известно почему — долго водить за нос целые отряды сбившихся с ног городских детективов.

Комиссар впервые заметил Вулфа, когда тот размотал дело об убийстве двух проституток — матери и дочери. Жестокость, с которой было совершено преступление, поразила даже выдававших виды и ничему не удивлявшихся полицейских. И тем не менее, что вообще-то типично для заваленного по горло работой полицейского управления, ничего не делалось до тех пор, пока не прикончили схожим манером какого-то туриста примерно того же возраста, что и убитая молодая проститутка.

На проституток, конечно, можно махнуть рукой, они и так всем оскмину набили, но турист... Он ведь как-никак

турист, пополняющий вечно нуждающийся городской бюджет, да еще и не требует отчета, куда из него расходуются средства. Поэтому сразу же было создано совещание отцов города, на котором поборник справедливости чернокожий Хейс Уолкер Джонсон, между прочим, самый продумной и осторожный из всех своих предшественников, признал, что дело приобрело первостепенную значимость, хотя Вулф и без него давно это понял.

Трудность заключалась в том, что никто не знал, с чего начинать розыск убийцы. Вулф же вечером того бесконечно долгого дня, когда он осматривал место убийства туриста, лежа дома в постели, нашел разгадку. Глядя на мерцающие — заменяющие в городе звезды — уличные фонари, свет от которых едва пробивался сквозь стеклянную крышу спальни, он медленно прикрыл глаза, но не полностью.

Сквозь прозрачную красноватую пелену Вулф явственно увидел лицо убийцы, почуял кисловатую вонь от него, заметил его странную легкую, как у танцора, походку и, как только опознал преступника, услышал настоятельный зов на чужеземных языках, мучительный и обессиливающий, словно гнойный нарыв.

Теперь он знал все обстоятельства дела, но рассказывать о них не мог. За семьдесят два часа лейтенант Вулф поймал убийцу, и, хотя его как сыщика уже хорошо знали во всех пяти муниципальных районах Нью-Йорка, он сразу же стал центром внимания для средств массовой информации, чем немало поспособствовал поднятию авторитета самого комиссара.

Освещение средствами информации успешного завершения этого дела привело непосредственно к созданию следственной группы по особо важным делам об убийствах. Комиссар должен был преподнести своему герою нечто осязаемое и, чтобы быть по-настоящему справедливым, хотел вознаградить Вулфа как-то по-особенному, высоко поднять его рейтинг в знак признания заслуг перед горожанами.

Когда Вулф стал подбирать кадры для подразделения, он задумался о необыкновенном таланте, которым он обладал. Он решил, что дар ясновидения ниспослан ему свыше.

И вот он один на этой крыше, в ожидании, когда же появится выслеживаемый преступник. Вулф затаился, сидел не шевелясь, подобно одному из каменных изваяний, оберегавших покой сильных мира сего, тех, кто чувствовал себя в полной безопасности в своих просторных апартаментах, построенных в Вестсайдском районе еще до

войны. Уже заканчивался третий час ночи — время, когда город становится одинаково серым, а он и выслеживаемые им преступники чутко прислушиваются к каждому звуку и действуют в темноте сообразно шуму. Его служебное задание закончится лишь тогда, когда он поймает преступника или убьет его, а может, преступник убьет его самого.

Неожиданно до Вулфа донесся какой-то отдаленный крик, как в его любимой детской игре в прятки, любимой оттого, что он никогда в ней не проигрывал. А может, ему просто послышалось?

Вулф находился на самой окраине района Эль-Баррио, этой гноящейся язвы, которая, хоть и относилась к Нью-Йорку, с успехом могла быть частью либо Калькутты, либо какого-нибудь другого крупного города, в котором есть свой Блюмингдейл или собор святого Патрика.

С неба сыпалось нечто непонятное. В другой, более благоприятной по климату стране это мог бы быть и снег, но здесь осадки, обрушиваясь вниз, по пути вбирали в себя так много разных ядовитых примесей, что, попадая на металлические крыши домов с выщербленным щебеночным покрытием, мгновенно подвергались распаду.

Внизу, на улице, ничего особенного не происходило. Выли и затихали вдали сирены полицейских машин, злобно рычали и лаяли собаки, сражаясь целыми стаями с бездомным людом за остатки пищи в кучах мусора, которые громоздились вдоль сточных канав. И там и сям горели переполненные отбросами мусорные ящики, окруженные тележками из супермаркетов, нагруженными сверх всякой меры ворованным хламом. Подальше на пустыре виднелись убогие лачуги, сооруженные из листов картона. Их кривобокие, конусообразные формы отбрасывали острые тени на засоренные сточные канавы. По осколкам бутылочного стекла, служащего границей пустыря, пробирался какой-то старик, с трудом волоча босые ноги, белые, как мучные черви, в свете уличных фонарей. Он следил за крысой, рыскающей впереди. Старик отхаркнул и выплюнул порядочный комок слизи. Крыса в страхе метнулась в темноту, и он громко загоготал ей вслед. Под знаком „Стоянка запрещена!“ стоял старый — чиненый-перечиненый — лимузин „Файерберд-87“, тихо урча включенным двигателем. Напротив него прогревал мотор старый „шевроле“ повышенной мощности с яркими стилизованными языками пламени, нарисованными на дверях. Вскоре он с рывком сорвался с места и исчез из виду, добавив ядовитых выхлопных газов в ночной воздух.

Где-то среди мусорных куч и тлеющего хлама сидели

в засаде люди из его группы — Бобби Коннор и Джуниор Руиз. В силу особенностей своей профессии Вулф предпочитал работать в одиночку, но на случай, если преследуемый ускользнет от него или, что тоже не исключено, закончит его, он всегда выставлял где-нибудь неподалеку подкрепление. А с такими людьми, как те двое в засаде, можно было идти на выполнение любого задания.

На часы Вулф мог и не смотреть. Время для него исчислялось рабочими днями. Когда же он был не на работе, то он весь был поглощен тем, что мысленно слушал голоса отслеживаемых преступников.

На этот раз он сел на пятки одному колумбийцу по имени Чучо Аркуилло, главному оптовому торговцу наркотиками и оружием, похищаемым с американских военных баз. Почему вновь объявился Аркуилло после столь длительной отсидки в подполье? Чтобы перейти к массовым убийствам, или же он просто-напросто спятил? Именно так стоял вопрос, хотя и не вполне определенный, но тем не менее главный в проблеме, как вычислить, где скрывается преступник, и поймать его. Таким образом, пока Вулф мысленно рассматривал вопрос с разных сторон, словно кристалл, его грани оставались по-прежнему непроницаемыми, как и тайна необъяснимой способности Вулфа определять местонахождение особо опасных обитателей города.

Оставалось только гадать, когда появится Аркуилло. Это могло произойти в любое время, но Вулф знал, что почувствует его приближение. Как всегда, определив преступника, он вычислял и очередную его жертву. Как Вулфу удалось установить, между убийцей и жертвой существовала некая связь, как между охотником и отслеживаемой им дичью. Охотник каким-то образом умудряется распознавать настрой дичи, который настолько же индивидуален, как и отпечатки пальцев, и подстроиться под него: когда нужно, затанцевать дыхание, замереть, синхронизировать биение сердца.

Вулф прикрыл глаза и представил себе, будто наяву видит Бобби и Джуниора. На самом же деле он уже не в первый раз сомневался в своей способности к ясновидению и полагал, что она является какой-то формой сверхъестественного салонного фокуса, не укладывающегося в его понимание.

— Пришью, сволочь, американо, на месте!

Вулф мгновенно обернулся на выкрик, раздавшийся снизу, с улицы, и увидел приземистого пуэрториканца с квадратной грудью, гнавшегося за юношей, кожа которого

блестела в свете, отраженном от мокрой мостовой, словно маслянистая нефть. Они пробежали по диагонали через улицу, пересекли зеленовато-желтую жижу, выливающуюся из-под чугунной крышки люка, и помчались по другой стороне к черному „файерберду“. Вслед им неслись отнюдь не возгласы обеспокоенных граждан, как бы, мол, не свершилось убийство, а всего лишь смех зевак, живущих здесь, в этом своеобразном театре Брехта.

Вулф ощутил некоторое движение воздуха и понял, что Аркуилло где-то здесь. Он явственно услышал свист грозного клинка. Но даже когда этот звук раздался совсем рядом, он не повернул головы, инстинктивно почувствовав, что за любым его движением последует нападение, успешно отразить которое он не сможет.

Аркуилло притаился где-то позади него. Это был крупный, крепкий мужчина, умевший подсознательно чувствовать надвигающуюся опасность. По мере ее приближения это чувство перерастало у него в первобытный страх. Аркуилло подкрадывался к Вулфу сзади, прячась в тени крыши и готовясь к нападению. Вулф всем своим существом ощущал его присутствие, мысленно видел, как тот приближается, облизывая пересохшие губы.

„Жди! — приказал Вулф себе. — Не суетись“.

В последний момент он резко, уже пригнувшись, обернулся и увидел Аркуилло в броске, увидел его красивое лицо, широкие плечи; он был похож на быка, проткнувшего матадора и несущего его на своих рогах.

А жизнь между тем продолжалась. Вулф, даже не глядя, знал, что снег временно перестал падать, что костры на проклятом месте Нью-Йорка по-прежнему горят и по скользкой мостовой со свистом проносятся автомобили. Он знал, что еще не закончилась погоня пуэрториканца за чернокожим юношей и что она вполне может кончиться убийством.

Время словно замедлило свой бег, а затем стремительно потекло. Вулф отпрянул в сторону и увидел, как у Аркуилло от ненависти и от предвкушения убийства искажилось лицо. Тишина раскололась, все пришло в движение. Увернувшись в самое последнее мгновение от ножа, Вулф правым локтем сильно ударил Аркуилло в предплечье. Они стиснули друг друга и какое-то время боролись почти неподвижно, напрягая лишь мускулы. Вены у них вздулись, сердца отчаянно бились, дыхание сделалось частым, как у быка и матадора, сцепившихся под конец корриды в последнем танце смерти. Снова повалил густой снег, залепляя брови и ресницы. Вулф заскрипел зубами,

мобилизуя все свои силы. В следующий момент послышался отвратительный хруст — переломились лучевая, а затем и локтевая кости противника.

Тяжелый самодельный клинок Аркуилло, которым он недавно уничтожил троих, лежал на темной крыше никому не угрожая, такой невинный, будто палец младенца. Аркуилло тыльной стороной ладони неповрежденной руки ударил Вулфа в переносицу, вырвался и побежал.

Вулф собрался уже было предупредить Бобби и Джуннора по радио, ларингофоны которого были укреплены у него на шее, но раздумал и помчался к железной двери на чердаке, за которой исчез преступник. Распахнув дверь, он секунд пять прислушивался, пытаясь определить, куда побежал Аркуилло и каково расстояние до него, а затем устремился вслед за ним, перепрыгивая сразу через три ступеньки. Брать убийцу в одиночку, разумеется, опасно, гораздо лучше вызвать подмогу, но теперь между Вулфом и Аркуилло уже возникло личное соперничество — кто кого раньше выследит, — начался медленный танец смерти. Оба были твердо намерены вести поединок до конца. Теперь это было делом чести. Решимость совершить очередное убийство, читаемая на лице Аркуилло, запечатлелась в памяти Вулфа. „Потемневшие зрачки, нацеленные на смерть, — вот что видели те трое за мгновение до своей гибели“, — подумал Вулф.

После совершенных преступлений Аркуилло скрывался у знакомой девушки, которая жила на четвертом этаже этого дома, в заброшенной квартире, более пригодной для крыс и тараканов, чем для людей. И все же Вулф минувшим вечером обнаружил, что у нее хранятся три матраца, доверху набитые деньгами, самые мелкие из них — пятидесятидолларовые купюры. Что это? Доказательство того, что Аркуилло не окончательно свихнувшийся подонок, а бизнесмен, озабоченный своими делами? Возможно. Но тогда почему он не нанял убийцу, чтобы устранить конкурентов? Почему решил сам пойти на убийство? Видимо, иная причина толкнула его на преступление.

Ударом ноги с разбегу Вулф распахнул дверь в квартиру девушки. Его встретило ужасное зловоние, будто с кладбища, развороченного армией гробокопателей. Глаза мгновенно заслезились, словно в лицо ему кто-то плеснул формалин.

Пронзительно закричала девушка, и Вулф подумал, что именно этого и хотел Аркуилло: предупредить его о своем присутствии, а потом убить ее. Вулф и на сей раз не понял, каким образом догадался об этом, но под сомнение

свою догадку не поставил. А вот как Аркуилло узнал о том, что он тут появится, это другой вопрос, и над ним следует поломать голову, когда бандит будет пойман и засажен за решетку. Сам же факт, что ему, сыщику, дадут понять, что за ним самим следят, Вулф считал непристительным.

Подобно охотничьей собаке, он почуял запах крови, тягучий и терпкий, как запах конфетти на Новый год. Кровь будто проникла ему в рот, вызывая тошноту. Вулф быстро прошелся по комнатам, чувствуя легкое головокружение от спертго воздуха и от приближающейся смерти девушки, которую Аркуилло убьет на его глазах.

...Прогнившая мешковина, которой затыкают щели, чтобы сохранить тепло в неотапливаемом помещении, висела и жалобно всхлипывала, как это делает маленький ребенок, видя во сне кошмары. Вулф отогнул край ее и увидел там тонкую темно-коричневую руку, судорожно сжатую в кулак.

Он вдруг понял, откуда доносится периодически повторяющийся звук — словно звук работающего под нагрузкой мотора, но только более сильный. Этот звук раздражал его, и он припомнил первые дни службы в полиции, когда патрулировал около балаганчиков на Восьмой авеню, сооруженных из дешевой фанеры и дребезжащих на ветру.

Он направил свой кольт на тело под мешковиной. Но ему так хотелось взять этого подонка живьем, приволочь его в полицейский участок в качестве трофея и таким образом преподать урок другим таким же ублюдкам.

Ему пришла в голову мысль о римлянах, этих славных войнах, в свое время непобедимых, укрывавшихся от врага за массивными щитами. Вспомнил он о них потому, что Аркуилло использовал девушку в качестве такого щита, да еще и сам завернулся в мешковину с головы до пят, как это делали римляне, заворачиваясь в тогу. Сломанной рукой он крепко удерживал девушку, волна гнева притупляла боль, и он не обращал на нее внимания, так как его заботило совсем другое.

Вулф колебался, стоит ли стрелять (возможно, из-за того, что тоже повредил руку, когда ударил бандита в правый висок). Ведь при таком слабом освещении можно и промахнуться, несмотря на то что он был лучшим стрелком нью-йоркской полиции. Застонала девушка, лицо ее побелело и исказилось от боли и страха. Вулф отдернул мешковину и увидел, что она истекает кровью.

Что сделал с ней Аркуилло? Ответа на этот вопрос не было. Но теперь перед Вулфом встала моральная дилем-

ма: стрелять или не стрелять. Что, если девушка потеряла столько крови, что все равно умрет, независимо от того, что он предпримет? А что, если поднять револьвер и трижды выстрелить в этот живой щит в упор? В таком случае хоть одна из пуль поразит негодяя. Но нет, этого он ни за что не сделает, ни при каких обстоятельствах.

Аркуилло вдруг широко ухмыльнулся, будто они схватились в упорной дружеской партии в гольф, обнажил огромный самодельный нож, изготовленный из трех лезвий опасной бритвы, и, приподняв девушку за волосы, трижды полоснул ее по горлу — раз, два, три! Отделив голову от туловища, он с дьявольским хохотом швырнул окровавленный шар в Вулфа.

Весь в крови, Вулф перепрыгнул через обезглавленный труп и подбежал к окну, через которое успел удрать Аркуилло. Тот достиг уже второго этажа, быстро спускаясь по заржавленной пожарной лестнице, пересекающей стену дома, как некий никогда не заживающий шрам. Вулф двинулся за ним, на этот раз оповестив по радио Бобби и Джуниора о создавшейся ситуации.

— Хватай его! — услышал он в наушниках жесткий голос Бобби.

Вулф был уже почти на уровне второго этажа, когда услышал выстрелы, довольно неожиданные даже для этой беспокойной округи. Он побежал по мостовой по направлению к заваленному кучами мусора переулку. Завернув за угол, он увидел Бобби Коннора, стоящего на коленях перед распростертым на земле телом Джуниора Руиза.

— Твою мать! — выкрикнул Вулф, заметив остановившиеся зрачки Джуниора, и громко спросил: — А где тот гад?

Бобби поднялся с колен. Его руки были измазаны кровью Джуниора. Оба они выглядели так, будто работали на скотобойне. Бобби молча кивнул в сторону углового здания, не в силах произнести ни слова. Вулф подошел к лежащему на мостовой телу и ногой перевернул его. Смуглое лицо Чучо Аркуилло было сплошь залито кровью.

— Неплохая работа, Бобби, — заметил Вулф.

— Это... это не я, лейтенант.

Услышав в хриплом голосе Бобби почти истерические нотки, Вулф повернулся к нему.

— Что, черт поberi, тут произошло?

— Посмотри... — начал Бобби, с трудом сглатывая слюну. — Посмотри на рожу этого ублюдка.

Вулф повернулся к телу Аркуилло: его лицо за последние семь недель стало настолько привычным, что неот-

ступно стояло перед глазами, как полная луна. Кровь, похоже, все еще пузырилась и булькала в ране, невидимой со стороны Вулфа. Тогда он опустился на колени и стал внимательно разглядывать труп. Да, действительно, кровь булькает, будто из тела Аркуилло выходит его свирепый пыл. Вулф продолжал пристально вглядываться. Заметно ли хоть какое-то свечение по контуру щек трупа, наподобие свечения светлячков? Нет, не может быть... И все же... Он провел ладонью над лицом убитого и почувствовал какое-то тепло. Что это за тепло, определить он так и не смог.

Вулф поднялся и, заметив, что Бобби не хочется подходить к трупу, сам пошел к нему, поеживаясь. Бобби уже исполнилось тридцать. Он был широкоплеч, крепок, с открытым лицом, характерным для жителя Среднего Запада, голубоглазым и светловолосым, с рыжиной. Вид у него был будто с тяжелого похмелья. Вулф положил на его плечо руку, чтобы как-то успокоить, и попросил:

— Расскажи мне, что здесь произошло.

Видя, что Бобби мучительно пытается обрести хладнокровие, он сказал:

— Если тебя тошнит, блуй здесь, не стесняйся.

Бобби мотнул головой, смахнул со лба холодный пот и несуверенно произнес:

— Со мной все в порядке, лейтенант.

А когда Вулф одобрительно кивнул, начал рассказывать:

— Мы с Джуниором заметили, как Аркуилло спустился вниз, и подбежали. Он успел спрятаться в тень. Здесь таких мест до черта.

Посмотрев на чернеющий переулочек, он опять вздрогнул и продолжал:

— Во всяком случае, когда Аркуилло грохнулся на землю, все произошло в мгновение ока, и я не знаю... не понял, что случилось. Мы оба пальнули из кольтов. Джуниор выстрелил первым и подумал, что попал. Он пошел в ту темень, я прикрывал его. Потом я услышал два выстрела подряд, и Джуниор, отпрянув назад, почти повалился на меня.

Он замолк, будто закончил свое объяснение.

— А потом ты увидел и Аркуилло, — подсказал Вулф.

Бобби отрицательно покачал головой.

— Я увидел что-то, но, что именно, не знаю. Это было похоже... не знаю... на огненный шар, что ли... да, голубой огненный шар. Я услышал шипение, почувствовал запах... Боже мой, какой-то тошнотворный запах. Затем кто-то

закричал, уверен, что Аркуилло. После этого он, шатаясь, вышел из темноты. Одна рука его висела, как сломанная, а другой он закрывал лицо. Свое пылающее лицо.

Бобби энергично выдохнул, будто освобождаясь от жуткого воспоминания.

Вулф, думая о шаре, моментально вспомнил мерцание светлячков по контуру щек Аркуилло и попросил:

— Я хочу, чтобы ты тщательно припомнил все это, Бобби. Аркуилло угодил в огонь, так ведь?

Бобби посмотрел на него:

— Нет, пылало лишь его лицо. Только его рожа.

Приближался звук сирен. Вулф расслышал их знакомый вой издалека. Он спокойно спросил:

— Ну а потом что произошло?

— А потом что-то проскочило мимо меня.

— Ты имеешь в виду кто-то?

— Да-а, полагаю, так. По правде говоря, лейтенант, я не понял, что это была за хреновина. Было темно и ничего не видно.

— Что-нибудь тяжелое, как ты считаешь?

— Нет. — Бобби покачал с сомнением головой. — Что-то густое, как сироп, как студень. Оно заполнило весь переулочек. На какое-то время там даже стало темнее.

У Вулфа по спине змейкой пробежал холодок нехорошего предчувствия. Он напряг каждую клетку своего мозга, надеясь, что возникнет новая аура, может, даже более сильная, чем аура Аркуилло, но, к сожалению, ничего не изменилось. Змейка, пробудившись, начала шевелиться, попеременно отдавая то холодом, то жаром.

Бобби снова глубоко вздохнул.

— Потом темнота разредилась, я повернулся и заметил, как кто-то быстро уходит из переулка. Парень — предполагаю, это был парень — торопился к машине, черному „Файерберду-87“, собранному из разного старья, латаному-перелатаному. Выглядел он как кусок дерьма. Малого кто-то поджидал, чтобы он смог поскорее смыться от нас.

У Вулфа тут же возникла в памяти эта машина: он заметил ее с крыши. Она показалась ему тогда неотъемлемой частью убогого пейзажа.

— Хоть как-то опиши того, кто сидел за рулем. Припомни, Бобби.

— Я пытаюсь, лейтенант, но ничего не могу вспомнить. Я имею в виду, что если бы мне пришлось поклясться, то я не смог бы даже сказать, кто это был — мужчина или женщина.

Бобби вздохнул и добавил:

— Впрочем, часть номера машины я все же запомнил.

— Это уже много, — похвалил Вулф наблюдательность Бобби, но тут же подумал, что его молодому сотруднику необходима сейчас серьезная поддержка.

— А теперь лети на всех парах в дорожную полицию: пусть они проверят по компьютерам. Скажи им этот номер и дай описание машины. Жду ответа в течение часа.

Отдав распоряжение, Вулф опустился на колени рядом с Джуниором Руизом. Позже он припомнит, что лицо у Бобби было белое и вытянутое, как у той девушки, которую обезглавил Аркуилло.

Решительно настроенный и преданный Вулфу, как тренер, Бобби стремглав помчался навстречу яркому нереально белому свету вращающихся бело-голубых мигалок на крышах полицейских машин, которые он сам (а может, и Джуниор в последние минуты жизни) вызвал на подмогу. Огни вспыхивали и тут же гасли, словно фантастические цветы, рождающиеся и умирающие в одно и то же мгновение. По команде Вулфа полицейские оцепили местность. Некоторые из них направились в дом осматривать место преступления и искать свидетелей. Даже будучи загруженными делами по горло, они находили время наказать виновного, разбившего стекло в окне, разбудить пьяного или там-сям помахать своими полированными дубинками — так, чтобы отвлечься. У них была своя, совсем другая жизнь, которую обычным гражданам и представить себе невозможно: постоянное ощущение того, что тебя держат на прицеле и могут убить в любой момент.

Во время всей этой суматохи Вулф продолжал стоять на коленях, поддерживая мокрую от крови и дождя голову Руиза, и, даже когда приехали медицинские эксперты, он все еще держал ее, будто его подчиненного, даже мертвого, требовалось оберегать от грязи на мостовой.

Штаб-квартира „оборотней“ размещалась в здании бывшего кинотеатра в Чайнатауне. Раньше в нем показывали дешёвенькие, но имевшие успех фильмы типа расистских кинокартин о восточных боевых единоборствах (негодяями в них неизменно выступали японцы, дьяволы), пока в результате войны между подростками, гораздо более жестокой, чем ее демонстрируют в фильмах, кинотеатр не прикрыли.

Его обветшалый старый фасад выглядел на запущенном Восточном Бродвее словно бродячий лохматый пес под стальными опорами Манхэттенского моста. В конструкции же моста со временем образовались широкие дыры, опоры

и балки проржавели, обнажилась деревянная обшивка, которую растаскивают по ночам и жгут, чтобы согреться, бездомные, собирающиеся в кучки на авеню Ист-Ривердрайв и во многих других местах Нью-Йорка.

Вулфу нравилось, что мало кто знал местонахождение его подразделения, хотя поначалу и удивился, что ему не выделили места в здании Главного полицейского управления, юго-западнее кинотеатра. На самом же деле комиссар Хейс Уолкер Джонсон запросил для „оборотней“ помещение в основном здании, и они должны были разместиться именно там, но неожиданно вмешался начальник полиции Джек Бризард, не любивший Вулфа, и высказался вообще против создания его подразделения в системе Главного управления. Он видел в Вулфе серьезного потенциального соперника в борьбе за кресло начальника полиции и поэтому в макиавеллевском духе всячески придирился к нему, лишь бы только выжить его из полиции.

Увидев впервые полуразрушенное внутреннее помещение кинотеатра, Вулф принял решение выбросить из зала все сиденья, настелить фанерные листы на прогнившие полы и с помощью легких перегородок построить служебные кабинеты для сотрудников. Перед экраном, который по-прежнему висел блестящий, как волосы ночных красавиц из кинофильмов сороковых годов, оставили места побольше. Стены же не тронули, и они чернели, словно смола, забрызганная кровью молодого китайца. Вулф многократно просил прислать бригаду маляров и покрасить их, но Бризард заворачивал все его заявки.

...Покончив со всеми необходимыми формальностями на месте преступления, Вулф и Бобби вернулись к себе в офис, поневоле сделав порядочный крюк. К их приезду пришло сообщение из дорожной полиции, из которого следовало, что между черным лимузином „Файерберд-87“ и номерным знаком ничего общего нет. Номерной знак, как оказалось, давным-давно украден с другой машины. Этого, конечно, и следовало ожидать, но все же нужно было проверить все версии.

Вулф вместе с Бобби отправились к жене Джуниора. Пока Вулф успокаивал плачущую женщину, Бобби оцепенело сидел и смотрел в одну точку. Восемилетний сынишка их друга играл на красшке полированного стола, держа в руках бейсбольную битку и не говоря ни слова. Глядя на него, Бобби подумал: „Что, собственно, понимает ребенок? Возможно, он считает взрослых полными идиотами, если они говорят, что его папа больше не вернется“.

— Может быть, Мария, вам это ни о чем и не говорит, — услышал Бобби слова Вулфа, обращенные к вдове, на

испанском языке, — но ваш муж был храбрым мужчиной. Он выполнял важную работу и заставлял считаться с собой все уличное отребье. Вот это вы и скажите Джулио, когда он подрастет и станет понимать, что к чему. Такое повлияет на всю его дальнейшую жизнь.

— Не знаю, лейтенант, как ты умешь так успокаивать, — сказал Бобби, когда они ехали обратно. — Я бы не нашел слов утешения.

— Да разве это правильные слова, Бобби? — ответил Вулф, глядя вперед через ветровое стекло и рассеянно наблюдая, как лихо обгоняет Бобби слева и справа грузовые машины, спешащие куда-то в это раннее утро. — Но я рад, что ты так считаешь.

— А разве не так? Ты же успокоил ее.

Вулф даже не пошевелился. Он обладал необыкновенной способностью отрешаться от всего и становиться абсолютно спокойным, что не раз лишало Бобби, впрочем, как и преступников, задержанных Вулфом, присутствия духа.

— Собственно говоря, я и сам не знаю, верю ли я в то, что сказал, или же все это только слова.

— Но ведь то, что ты сказал, — правда.

Вулф, хотя его голова и была забита другими мыслями — горящими лицами, густой темнотой переулка, какой-то жаркой змейкой, снующей туда-сюда внутри него, — машинально ответил:

— Может, тогда я и сказал правду, но отныне правда лишь в том, что Джуниора убили.

Бобби с минуту молчал, обгоняя фургон, развозящий газеты, а затем тихо произнес:

— Лейтенант, я не согласен с тем, что Джуниор мертв, а его убийца все еще разгуливает на свободе. И сейчас это и есть главное.

Настроение у всех в офисе было подавленное. Кто-то прикрепил к экрану фотографию Джуниора Руиза как печальное напоминание о нем. Он смотрел на мир широко открытыми глазами, двадцатидевятилетний, хотя на фото и выглядел гораздо старше: взгляд у него был такой серьезный, что никто бы и не подумал, каким шутником он был на самом деле, если бы не общался с ним до его гибели. Вулф прошел в свой кабинет и, усевшись на вращающийся металлический стул, подумал, как глубоко презирает свой образ жизни.

Когда же он пришел к заключению, что город для него неподходящее место? На прошлой неделе, в прошлом месяце или в минувшем году? Ему осточертело быть мягко-желтым подбрюшьем прогнившей столицы, осточертело

патрулировать целыми днями по грязным улицам, в то время как в ушах все время звучат мерзкие голоса выслеживаемых преступников. „Боже мой, — подумал он, — как же утаразило меня, молодого парнишку, выросшего в провинции Элк-Бейсин, в штате Вайоминг, очутиться в этой сточной канаве?“

Вулф прикрыл глаза. Он знал, почему упорхнул из Элк-Бейсина. По правде говоря, ему даже не хотелось и думать об этом. Реальность была такова, что теперь он находился здесь, и, черт подери, ему самому решать, как поступать дальше: жить в этой выгребной яме всю оставшуюся жизнь или... Что „или“?

— Лейтенант! — раздался голос вошедшего Бобби Коннора.

— Подожди, не сейчас.

Бобби вышел. Если посмотреть на Вулфа Мэтисона со стороны, можно заметить в его облике нечто необычайно грозное: высокие скулы, прямые черные волосы и какой-то странный разрез светло-коричневых глаз. Ну а кроме особых примет наиболее характерным для него было спокойствие, резко отличавшее его от всех остальных, с кем Бобби приходилось сталкиваться.

Вулф, медленно и глубоко дыша, обдумывал последние события. Кто же убил Аркуилло и, может быть, заодно и Джуниора Руиза? И что из этого следует? Конечно, можно просто предположить, что Аркуилло в темноте принял Джуниора за него, Вулфа, и подстрелил его. Но что же произошло на самом деле? Вулф мысленно представил себя в темном переулке, где кровь Джуниора Руиза окропила и его, и почувствовал, как аура убитого оставила в нем ложный следок, будто на него капнули чаем вместо слезы обманутой любовницы. И тут он понял, нет, он знал теперь наверняка, что Джуниора подстрелил не Аркуилло.

Тогда кто же? Что-то неясное мелькнуло в голове Вулфа. Расплывчатые очертания фигуры Бобби, тягучие, как сироп, противные, как дерьмо.

Кто же стоял и ждал в тени „Файерберда-87“? И каким образом, черт подери, эта тень умудряется скрыть от него ауру того, кто сидел в машине?

Ему вдруг стало ясно, когда он на мгновение увидел кровь, булькающую и льющуюся на гордое, как у матадора, лицо Аркуилло. Вот где нужно искать след!

Он попытался сосредоточиться, но ему мешали беспорядочные видения девушки, обезглавленной разъяренным бандитом. Она, безусловно, ни при чем, да и какой грех может перевесить столь жестокое убийство? В его созна-

нии промелькнули открытые глаза Джуниора, похожие на медные центовики, уже ставшие черными; появился образ его жены (теперь уже вдовы), сразу догадавшейся — потому как жена любого „фараона“ ожидает этого, — почему он появился перед дверью ее квартиры в столь ранний час. А самым ярким видением был тот жуткий, страшный огонь, вспыхнувший откуда-то изнутри Аркуилло.

Ему бы лучше прислушаться к себе, к своему здравому рассудку, который сумеет подсказать, как далеко зашло его воспаленное воображение...

„Вот твой разум“, — упрямо твердил один голос. „А вот твоё бременное тело“, — говорил другой. Причем второй голос старался заглушить первый.

Мысленно Вулф увидел себя юным, красивым и в то же время несколько испуганным, когда дедушка сводил свои ладони вместе с его ладонями. Вначале они, казалось, сдвигались медленно, а потом так быстро, что получался громкий хлопок. От этого звука Вулф даже подпрыгнул. Затем он явственно услышал знакомое позванивание звеньев металлического браслета на руке деда. На звеньях были выгравированы фигурки медведя, бизона, сокола и волка.

Дедушка улыбался, глядя на реакцию внука. Там, где он обитал, стоял смешанный, пьянящий запах трав и деревьев, отчего у Вулфа теперь слегка закружилась голова. Улыбка дедушки стала благожелательной. „Не веришь мне, — казалось, говорил он. — А зря. Вера, в первую очередь в себя, может прийти со временем“. Он придвинулся еще ближе, и его длинные пальцы коснулись плеч Вулфа. Пальцы были сильные, Вулф помнил их силу, как помнил и многое другое из своего прошлого.

„А теперь успокойся, — сказал дедушка, пристально глядя на мальчика. — Нет, не так! Вот так. Успокойся, успокойся, не шевелись“. Дед был высокий, статный и несколько не грузный, хотя Вулф и считал его самым крупным мужчиной на свете. Возможно, внук обладал той же аурой, что и дед, а она у деда была довольно сильной. „Теперь слушай меня: скоро ты перестанешь ощущать свое тело. На время у тебя останется только способность мыслить и хаотично вспоминать события прошлых лет, доволен ли ты своим нынешним состоянием: бегаешь, носишься и никогда ни о чем не думаешь? Как ты можешь так жить? Только в состоянии полного покоя можно правильно мыслить и принимать верные решения. Думай о горах или о деревьях, о том, какие они спокойные и величавые. Когда ты станешь таким же спокойным, как горы или деревья, ты обрешь способность верно мыслить“.

Немало времени потребовалось молодому Вулфу, чтобы понять и оценить напутствия деда. Для него, как, впрочем, и для его отца, был характерен подвижный образ жизни. Он увлекался игрой в прятки, в бейсбол, скачками, не раз испытывал свою выносливость и силу в марафонских заплывах по реке Винд-Ривер-Шошоне — все это стало для него очень важным воспоминанием о прошлом.

Вулф открыл глаза, очнулся от воспоминаний. Приснилось все это ему или его действительно зовет дед? Зовет для чего-то нужного, в этом сомнений нет.

— Мэтисон...

Вулф уставился на широкое черное лицо начальника полиции Джека Бризарда — по его мнению, человека крайне опасного. От маленьких желтых глазок Бризарда веяло холодом, будто от морозильника, хотя он и улыбался во весь рот своей заученной улыбкой, отработанной для телевидения или для того, чтобы притворяться доброжелательным. На это он был превеликим мастером. Бризард был крупным мужчиной, как ни посмотри; навис над Вулфом, будто великан-людоед над мальчиком с пальчик.

— Как дела-делишки?

— Прекрасно, шеф.

Ответ звучит нейтрально и в то же время многозначительно, ибо Бризард слишком занят, чтобы заходить и болтать по пустякам.

— Слышал, вы потеряли своего человека сегодня утром. Его ухлопали из его же служебного оружия. — Лицо Бризарда приобрело выражение лица строгого школьного учителя. — Думаю, подобные новости не следует сообщать прессе.

— Я передам ваш упрек вдове Джуниора Руиза.

Бризард оперся ладонями о стол Вулфа; руки его, похожие на телеграфные столбы, недвижно замерли.

— Слушай, ты, хитрожопый умник! Я ни от кого не намерен выслушивать подобные говенные ответы. Уже одного того, что моего парня ухлопали во время дежурства, с лихвой хватает, а тут еще его шлепнули из его же оружия, вонючка ты эдакая. Ты мое мнение знаешь. Эта смерть ставит нас в дурацкое положение. На нас и без того эти гражданские повешали массу всякого дерьма, обвиняя в жестокости, расизме, взятках, а тут еще выплыло это поганое дельце.

— Разделяю вашу озабоченность, — сказал Вулф, цедя слова сквозь зубы.

— Да нет же, мать твою растак! Ты не можешь разде-

лить, ты, Великий-Стрелок-Доставь-Их-Живыми-Или-Мертвыми.

Он оттолкнулся руками от стола и ткнул в сторону Вулфа указательным пальцем, похожим на сардельку.

— Может, у комиссара ты и ходишь в любимчиках среди белых, а что касается меня, ты не мой человек. Я за тобой давно слежу, Мэтисон. Теперь-то я тебя и подловил, чтобы намылить тебе холку, и могу выгнать в шею, а на твое место взять своих. У тебя есть мои люди?

— Вы же знаете, что в моей команде служит Сквэйр Ричардс.

— Один, — поднял Бризард указательный палец, будто определяя направление ветра. — Лишь один мой человек в команде. А сколько в ней всего народу?

— Шесть, как все говорили, — с оттенком сомнения назвал Вулф цифру, хотя прекрасно знал, что Бризарду очень нравилось обыгрывать такие данные.

— Один из шести, Мэтисон! Разве это справедливо по отношению к афроамериканцам? Совсем даже несправедливо, мать вашу!..

— Но я же подбираю лучших людей, шеф, вы ведь знаете.

— Я знаю только то, что ты гонишь дерьмо собачье, а комиссар глотает эту дрянь, — заорал Бризард. — Но меня не проведешь. У меня есть двое отличных парней — Вашингтон и Уайт, они только и ждут того, чтобы влиться в твою команду. Чтобы не было неравенства.

— Я знаю их обоих, — ответил Вулф. — Один дважды проваливался на экзаменах по специальности, а другого, я слышал, засек начальник районной полиции на вымогательствах у лавочников.

— Брехня это все. Подняли тут шум...

— Результаты экзаменов по специальности фиксируются в послужном списке. А начальник Уайта — мой приятель. И я знаю, кто запугал его и заставил прикрыть дело о вымогательствах, — сказал Вулф и откинулся на спинку стула. — Ко всему прочему, штаты у меня заполнены.

Желтые глазки Бризарда потемнели.

— Разумеется, Мэтисон! Но ведь здесь всякое бывает, и, когда что-то случается, разгребать говно зовут меня. — Он с презрительной усмешкой посмотрел на Вулфа. — Кто знает? Может, я как раз и выжидал, когда Руиз накроется.

И, не дожидаясь ответа, он повернулся и вышел из кабинета. Вулф, глядя на удаляющуюся массивную фигуру шефа, с облегчением выдохнул воздух. Он подозревал, что начальнику полиции, продажному, как и мэр, и члены

городского совета, и все прочие заправилы города, не нравятся тот факт, что он подчиняется непосредственно комиссару Хейсу Уолкеру Джонсону. Ему, надо полагать, не давала покоя мысль, что Вулф ему не подотчетен.

Нет нужды говорить о том, что злобные расистские симпатии Бризарда не были известны ни комиссару, ни мэру. Перед ними он прикидывался беспристрастным третейским судьей, таким спокойным, благоразумным и рассудительным. Скользкий как угорь, он мог долго сидеть тихонько и выжидать, пока о нем не забудут, а потом при удобном случае внезапно выскочить как черт из табакерки и запугать, кого ему нужно, до полусмерти.

Вулф встал из-за стола и долго смотрел на фотографию Джуниора Руиза, прикрепленную к экрану.

— Снимите карточку, — отрывисто приказал он, потому что она зримо напоминала, как много еще предстоит сделать.

Даже теперь, когда Аркуилло больше не существовал, вопиющее дело его отнюдь не было закрыто. Наоборот, работы оставалось непочатый край.

И впервые Вулфу стало невыносимо горько думать об этом.

Занимаясь в свое время японской борьбой айкидо, Вулф выработал в себе умение приводить в соответствие друг с другом состояние духа и состояние тела и приобрел навыки восстановления внутреннего спокойствия, столь необходимого для того, чтобы трезво оценивать обстановку, а потом и правильно действовать. Будучи по своей природе человеком подвижным, он остро нуждался в возможности давать своей энергии выход. В то же время ему требовалась и дисциплина, с тем чтобы знать, когда нужно замереть, а когда применить взрывное действие.

Такую самодисциплину он выработал, занимаясь айкидо и постигая премудрости управления духом и телом, в результате чего познал форму внутренней энергии, циркуляции сил человека, которые можно применять против противника. Суть боевого искусства заключалась для Вулфа не в том, чтобы пробивать кулаком бетонную стену, а чтобы использовать на практике полученные знания и навыки: уметь быть спокойным, как горы, уметь поставить себе на службу внутреннюю энергию, обуздать в себе элементы хаоса и беспорядка.

Занимаясь айкидо, он выработал привычку не оставлять ни единого вопроса без ответа, научился не уставать, как бы тяжело ему ни приходилось работать. Вулф про-

шел суровый курс изучения движений централизации длинных выпадов и уверток, иначе говоря, тройных функций дисциплины самообороны. Айкидо отшлифовала в нем до автоматизма умение находить во время атакующих действий пути уклонения от возможной контратаки, ставя противника в такое положение, когда его энергия и сила расходуются впустую.

Выйдя как-то из своего кабинета, Вулф стал приглашать сослуживцев побороться с ним на балконе зала, где он соорудил дощатый помост. Поскольку одни из них только что освободились от ночного дежурства, а другие собирались с минуты на минуту начать рабочий день, ему удалось соблазнить лишь троих — Бобби Коинора, Сквэйра Ричардса и Трехразового Тони.

Трехразового Тони вообще-то звали Тагнэйл, но, поскольку он с детства заикался, никто его так не называл. Он был сильным, но импульсивным мужчиной, и не составляло никакого труда завести его. Он обладал силой и выносливостью, пожалуй, не меньшими, чем Вулф, но тот в конце концов обошел его, применив ложный выпад вправо. Тони попался на финт, ухватив Вулфа за рубашку и поневоле подавшись вперед, а Вулф, применив в этот момент двойной тенкан, повернул его сначала вправо, а затем, когда тот на мгновение потерял равновесие, перекинул влево. При этом он ухватил Тони за правую руку своей левой и, пригнувшись, перекинул его через себя и уложил на обе лопатки.

Сквэйр Ричарде, чернокожий здоровяк, похожий на докера, обладал гибкостью пантеры. Массивность его фигуры вводила в заблуждение. В беге он мог обойти любого из „оборотней“, за исключением разве что Вулфа. Сквэйр очень любил бороться и легко укладывал даже таких соперников, которые так или иначе подбирали к нему ключик и в результате знали, как победить его. Вулф возился с ним минут десять, пока до Сквэйра не дошло, что соперник устал. Тогда Сквэйр решил воспользоваться своим преимуществом и захватил правую руку Вулфа в замок, чтобы лишить его подвижности.

Вулф выжидал до последнего и в самый критический момент перенес центр тяжести на левую ногу. Этот прием вынудил Сквэйра тоже переместиться влево. По инерции он перегнулся вперед, невольно подняв руку Вулфа над своей головой. Вулф немного пригнулся, моментально переместил центр тяжести на правую ногу, подлез под Сквэйра, опустил на левое колено и, взяв сзади его руки в захват, резко нырнул вперед. Ноги Сквэйра отделились

от пола, и он полетел через голову противника прямо на помост, где и был припечатан на месте.

Бобби представлял собой совершенно иной тип борца. Ростом он был пониже Вулфа, зато серьезно продумывал свою тактику, применяя комбинации, позволявшие ему побеждать даже более сильных по сравнению с ним противников. Вулф справился с ним, применив нккуо — первый и самый простой прием единоборства: взяв в захват левую руку Бобби и перекинув его через свою голову, он поставил его на колени.

Потом Вулф потратил целый час, объясняя троице, почему и как он сумел использовать их слабости и победить. Стоя под душем, он почувствовал голод и уже было собрался пригласить Бобби позавтракать, как вдруг раздался звонок от комиссара, вызвавшего его на беседу.

— Я не в офисе, — уточнил комиссар. — Приходи ко мне домой в кирпичный особняк, но только не через парадный подъезд. Иди через запасной вход, которым я пользуюсь, когда хочу удрать от репортеров. О нем никто не знает, кроме старших офицеров, ну и ты отныне можешь им пользоваться.

Вулф и Бобби сели в неприметную желтую машину „оборотней“ без опознавательных знаков полиции, с крышей, покрытой специальным инфракрасным составом. Это позволяло без труда обнаруживать автомобиль с вертолета. Идею подал в свое время Вулф и уже по меньшей мере дважды благодарил себя за это. Нововведение, надежно обеспечивающее связь с вертолетами полиции и совершенно невидимое глазу, обеспечило ему поимку нескольких преступников.

Бобби вел машину, а Вулф сидел и гадал, для чего его вызвали. Обычно, если комиссар хотел, чтобы Вулф занялся каким-то конкретным делом, ему в офис приходил телефакс. Личные же встречи случались весьма редко. Судя по всему, эта мысль занимала сейчас и Бобби, потому что он вдруг сказал:

— Может, речь идет об убийстве какой-нибудь важной шишки, а может, и с политикой что связано, раз уж комиссар лично хочет дать указания.

Кирпичный особняк комиссара находился на Восточной 80-й улице. Он занял его по распоряжению мэра Джеймса Оливаса, когда тот переманил Джонсона в Нью-Йорк из Хьюстона. Вулф велел Бобби свернуть в боковую улицу за квартал до намеченной цели и припарковаться там, не выставляя на машине знака „По служебным делам полиции“: так распорядился комиссар. Встреча, несомнен-

но, будет проходить в обстановке строгой секретности. Недаром ведь Джонсон собирается приехать на службу попозже.

Вулф повел Бобби к входу в цокольном этаже, выложенном камнем спокойного серого цвета. Черная металлическая дверь, как и сказал комиссар, была притворена, но не заперта, и они вошли внутрь. В глубине небольшого помещения виднелась вторая такая же дверь; миновав ее, они пошли по длинному прямому слабо освещенному коридору без окон, в котором приятно пахло дорогим табаком и обивкой из какой-то плотной ткани.

В конце коридора находилась массивная деревянная дверь, застекленная сверху матовым с гравировкой стеклом, сквозь которое невозможно было разглядеть, что делается снаружи.

Вулф открыл дверь, и они очутились в саду, где росли несколько английских платанов — без листьев в эту пору — и какой-то вечнозеленый кустарник. По периметру сада стояли белые деревянные ящики для рассады, повернутые так, чтобы ранний солнечный луч мог коснуться их содержимого.

В дальнем углу видна была ограда из сетки высотой примерно в двенадцать футов. Значит, где-то и калитка. Но поскольку Джонсон не объяснил, где она, Вулфу пришлось немного потрудиться. Они вошли — сначала Вулф, за ним Бобби — и оказались на заднем дворе дома комиссара полиции. Под аккуратно подрезанными вечнозелеными дубами росли кусты белой акации. За ними стену четырехэтажного дома обвивала своими шишковатыми стеблями старая глициния.

Здесь, позади особняка, их уже ожидал Хейс Уолкер Джонсон. Он поманил Вулфа и Бобби рукой, и они пошли к нему прямо по пожухлой траве, а не по посыпанной гравием дорожке. Комиссар был невысоким мужчиной с кривоватыми ногами, светло-коричневой кожей и черными родинками на щеках, у него были небольшие любознательные глаза и благожелательная улыбка, сразу располагавшая к нему если не латиноамериканцев, то уж англосаксов наверняка. Большую роль тут, видимо, играл цвет кожи, а не его манеры. В темном костюме и в белой рубашке с галстуком в полоску он выглядел довольно rispetабельно.

Он провел их на кухню, залитую солнцем и такую домашнюю, с таким очаровательным интерьером, какой, наверное, не под силу создать ни одному дизайнеру.

— Хорошо, что пришли, — сказал комиссар, как будто пригласил их в гости, а они могли отказаться и не прийти.

— Слышал, что вашего парня ухлопали. Очень сожалею, — сказал он и добавил, не дожидаясь ответа: — Хорошо, что хоть Аркуилло наконец-то свернули шею.

Он жестом указал им на стол из темного дерева, стоявший в углу кухни. На столе стояли холодные и горячие блюда. Комиссар знал, что его герои только что сменились с дежурства, и поэтому позаботился приготовить для них завтрак.

За завтраком Вулф вспомнил, что никому не говорил о странном огне, вспыхивавшем на лице Аркуилло. Он приказал тогда Бобби, прекрасно видевшему все это, не упоминать об огне в отчете и никому о нем не рассказывать. Теперь же он настолько увлекся завтраком, что ему не хотелось задумываться над тем, почему он отдал Бобби такое распоряжение.

Восседавая во главе стола, как добропорядочный отец семейства в День благодарения, Джонсон, желая показать свое гостеприимство, без усталости подкладывал гостям угощение.

— Наливайте сами себе сок и кофе. А может, угостить нас крепким бразильским?

Вулф заметил, что себе он налил двойной крепкий кофе, а к еде даже не притронулся. Минут десять комиссар позволял им расхваливать завтрак, потом перешел к делу.

— Я лично очень рад, что вся эта заваруха с Аркуилло наконец-то закончилась, — начал он, — потому что то, о чем я сейчас вам скажу, дело первостепенной важности.

Он передал Вулфу папку с бумагами и продолжал:

— Кто-то минувшей ночью прикончил Лоуренса Моравиа, да еще прямо в его офисе. Проник через его хваленую охрану, сделал свое дело и смылся, не оставив следов. Мы тут с вами беседуем, а в это время идет вскрытие.

Кивнув на папку, он спросил:

— Скажите мне, какие будут соображения по этому поводу?

Джонсон не спеша выпил три чашки кофе, пока Вулф и Бобби знакомились с документами, содержащимися в папке. Теперь они имели какое-то представление об убийстве.

Лоуренсу Моравиа не исполнилось еще и двадцати пяти, а он уже слыл в Нью-Йорке необычным человеком. Его родители-иммигранты так и не научились свободно говорить по-английски и жили в Бруклине. Все, чего он достиг, было результатом его собственных усилий. Он самостоятельно сколотил целую империю по купле-продаже

недвижимости, успешно конкурирующую с компаниями Хелмслейсов и Каликоусов.

Потом, когда в стране начались трудности, Лоуренс Моравиа поступил весьма своеобразно: вместо того чтобы продолжать операции с городской недвижимостью на неумолимо сужающемся рынке, он воспользовался внезапным снижением налогов и вложил солидный капитал в строительство жилых домов для нью-йоркцев со средним достатком, чем оказал городу неоценимую услугу. Моравиа смог повернуть эту операцию отчасти благодаря выгодным торговым сделкам с японцами. Несколько лет он прожил в Токио, изучая вопросы жилищного строительства и методику менеджмента, и вплоть до самого смертного часа продолжал курсировать между Нью-Йорком и Токио по текущим делам и поддерживать сложные и непонятные отношения с японцами, столь ценимые ими и немаловажные для них.

Резкое разделение населения Нью-Йорка на богатую элиту и обнищавшие слои, происходившее в восьмидесятые годы и в начале девяностых годов, заканчивалось из-за отлива из города жителей со средним достатком. Они не могли больше мириться с ростом арендной платы за жилье, налогами и высокой стоимостью коммунальных услуг, боялись жить по соседству с мрачными, запущенными кварталами, переполненными бездомными бродягами и торговцами наркотиками, сбивающими подростков с истинного пути.

Моравиа пытался изменить положение и уже добился немалых успехов, и вот минувшей ночью его нашли мертвым в его же офисе, расположенном на последнем этаже принадлежавшего ему небоскреба на Пятой авеню. Он получил две пули в затылок из девятимиллиметрового пистолета. Баллистическая экспертиза еще не закончилась, но уже было ясно, что убийство совершено в классическом стиле и что сделал это профессиональный убийца по тщательно разработанной схеме. Орудие убийства пока не найдено, не обнаружено никаких отпечатков пальцев, кроме отпечатков самого убитого, его помощника и секретарши. Охранники Моравиа, обнаружившие его труп, действовали аккуратно и ни к чему не прикасались. При беглом осмотре единственной необъяснимой странностью показалось то, что щеки у Моравиа почему-то румянились. Но это же Нью-Йорк, а в нем все могло быть, и спустя некоторое время ничто уже не казалось странным.

Бобби еще не закончил читать последнюю страницу, как Вулф сделал первый вывод:

— Должны быть еще кое-какие материалы, иначе вы передали бы мне все, что здесь написано, просто по факсу.

Хейс Джонсон поставил чашку на стол и ответил:

— На первый взгляд этот малый должен быть просто золотым — да он таким, думаю, и был. Может, он для нашего города и много чего полезного сделал, гораздо больше, чем кто-либо другой, но что-то несъедобное он слопал, а переварить не сумел. Утром мне звонил главный судмедэксперт и сказал, что уже в результате предварительного обследования выяснилось, что Моравиа загноулся, видимо, не от выстрелов в голову. Сейчас эксперт делает какие-то сложные пробы на токсикологическое отравление.

Комиссар тяжело вздохнул и продолжал:

— В любом случае, все это не наверняка. Я хочу, чтобы ты, Вулф, выяснил все, что произошло до того, как этому парню вlepили в затылок, и если ты не выяснишь это сразу же, то, поверь мне, будет большой скандал. Попросту говоря, если Моравиа был всего лишь исполнителем, то его тесные связи с высокопоставленными чинами Нью-Йорка могут потрясти до основания всю экономику города. Если же признать, что Моравиа был просто делягой, то его темные делишки наверняка навесят на нас, и мы уж, как пить дать, долго от них не отмоемся. Тогда дельцы отзовут свои капиталы из строительного бизнеса города, а это может стать мощным толчком к панике. Мы такого позволить не можем. Дело выживания нашей экономики всецело в руках этих людей.

Бобби просмотрел последнюю страницу досье, и Вулф снова откинулся на спинку стула. Комиссар взял папку из рук Бобби. Глядя, с какой серьезностью Джонсон относится к документам, Вулф догадался, почему их содержание не передали по факсу.

— Короче, вы хотели бы прикрыть это дело, — предположил он.

— Наоборот, я хочу размотать его, — ответил комиссар, внушительно подняв руку. — Делай что хочешь, Вулф, но докопайся до дна. Однако мне не хотелось бы, чтобы репортеры пронюхали что-нибудь насчет этого грязного белья.

Часы на его руке пискнули, и он посмотрел на время:

— Через пять минут у меня совещание. Есть просьба? — спросил он, выходя из-за стола.

— Мне нужна бригада маляров, — сказал Вулф. — Осточертело глядеть на стены офиса, заляпанные кровью.

— Придут, — ответил Джонсон. — Позвони мне сейчас же в приемную и...

— Нет, — возразил Вулф, сверля комиссара взглядом. — Завтра утром. Это — во-первых, а еще я не вправе направлять заявки непосредственно вам. Лучше распорядитесь сами.

— Ладно, сделаю, — согласился комиссар.

Телегеничная улыбка на его лице почти перевесила хроническую озабоченность в глазах.

— Размотайте это дело быстренько и аккуратненько; лично все осмотрите и проверьте, тогда нам всем и дышать легче станет.

Уже на улице, куда они вышли тем же путем, каким и вошли, Бобби, усаживаясь за руль машины, спросил:

— Как ты считаешь, что на самом деле произошло?

Он завел мотор и включил отопление салона.

Вулф ответил не сразу и подумал, что как-то равнодушно отнесся к мнению Джонсона, это его встревожило. Еще с месяц назад вопрос этот представлял бы для него трудную головоломку и он немало поломал бы голову, прежде чем найти разгадку. Теперь он был в недоумении, что же такое случилось с ним — уж не спятил ли он? Все нью-йоркские полицейские добивались тех полномочий, какими наделили его. Его регулярно вызывал к себе не только главный городской прокурор, но и генеральный прокурор штата, и оба они с почтением обращались с ним, будто он был их духовным наставником, советуя им, как добиться суровых приговоров наиболее опасным и жестоким преступникам. Короче говоря, о встрече с ним мечтали все работники правоохранительных органов. Ему пришлось немало потрудиться, чтобы добиться такого почета и привилегий. Но вот теперь, когда ему поручено конкретное дело, он начинает понимать, что ему на это дело наплевать.

Что же такое с ним происходит? Может, он переутомился и нужно немного поспать? Охота на Аркуилло закончилась. Преследуя его, он тридцать шесть часов подряд не смыкал глаз. Теперь бы только поспать.

— Давай сначала заглянем к Моравиа домой, — предложил он Бобби, когда тот включил скорость.

— Но его же пришили в офисе.

— По-моему, лучше сперва познакомиться с личностью убитого у него дома, а потом уже ехать на место преступления, где, по всей видимости, и следов-то никаких нет.

Квартира Лоуренса Моравиа находилась на последнем этаже нового высотного дома, построенного им же на улице Сентрал-Парк-Саут. Здание предназначалось для про-

живания в нем арабов и японцев. Его апартаменты занимали целый этаж.

— Господи, боже мой! — воскликнул Бобби, когда одетый в униформу привратник провел их в комнаты. Вулф не сказал ни слова — все было сказано в возгласе Бобби. Дом был самой высокой категории, хотя кое-что в нем и недотягивало до этого. Апартаментам Моравиа, казалось, конца-края не будет. Они переходили из комнаты в комнату, и все они были обставлены предметами роскоши в изысканном вкусе и выходили окнами на южную половину Манхэттена. Глядя из этих комнат, Вулф подумал, что можно почти убедить самого себя, что Нью-Йорк такой же сверкающий и величественный, каким и кажется на открытках с панорамой города, что в нем не совершается никаких чудовищных преступлений, на которые натыкаешься, едва высунешь нос на улицу. Даже вой полицейских сирен не доносится до живущих так высоко над землей. Однако самому Вулфу такая панорама изрядно надоела: он уже предостаточно насмотрелся всяких картин хладнокровных, страшных преступлений, совершенных на верхних этажах небоскребов.

Бобби провел рукой по дороговому гобелену, которым была обита тахта, и произнес:

— Не знаю, как ты, но я не отказался бы и от десятой части тех денег, которые этот малый всадил в обивку мебели.

Вулф посмотрел из окна на мерцающие вдали башни Манхэттена. Зловонный воздух Эль-Баррио, казалось, остался на другой планете.

— Внимательно смотри, что здесь может подвернуться, а я пройду в дальние комнаты, — наказал он своему детективу.

По комнатам Вулф ходил совершенно бесшумно. Они имели такой изысканный вид, что казалось, будто в них никто даже и не жил. Во всем проявлялись гармония и совершенство — в подборе цвета, рисунков и узоров, стиле мебели. Сколько же деньжищ ухлопано на обстановку и обустройство таких роскошных апартаментов! Но все же на квартиру скорее можно любоваться, чем жить в ней. У Вулфа создалось впечатление, что он смотрит видеофильм, вероятно, рекламный, предназначенный специально для того, чтобы выудить у него с таким трудом заработанные деньги.

Он попытался мысленно представить себе Лоуренса Моравиа, слоняющегося по этим апартаментам. Что он поделывал здесь, подходил ли он к этому прекрасно отпо-

лированному, декорированному узорами столу из красного дерева? Капал ли он мороженым на этот стилизованный, но неудобный стул, обтянутый дорогим материалом по 250 долларов за ярд? Стряхивал ли он волосы и перхоть в эту ручной работы раковину из нефрита от Шерла Вагнера? И кто, наконец, занимался здесь уборкой? Это же работа для Геракла.

Спальня хозяина показалась Вулфу размером с половину футбольного поля. Впрочем, как и в других комнатах, в ней было множество разных миниатюр, написанных художниками, имена которых — от Флавиана до Левитана — ничего ему не говорили. Как, впрочем, и их работы. У окна, обращенного на север, откуда открывался вид на голые деревья в Центральном парке, располагался небольшой бар с прохладительными напитками, а около него — на фоне центра мрачного Манхэттена — висел большой скелет.

Вулф вошел в бар и посмотрел в окно. Что Лоуренс Моравиа хотел бы видеть, когда вглядывался в струи дождя за окном? Может, когда он был не один, он ни о чем и не думал?

Выйдя из бара, Вулф подошел к кровати, лег и вытянулся на ней. Кровать упиралась в голую стену, а не в окно с живописным видом. Почему? Но прежде чем начнут вырисовываться обстоятельства убийства, необходимо, как всегда, определить психологические контуры жертвы. Когда не знаешь, что для погибшего было важнее всего, все исходные данные не имеют значения или, что еще хуже, могут повести следствие по ложному пути.

На что же все-таки любовался Моравиа, лежа в этой постели?

Вулф встал с постели и посмотрел на голую стену. На ней не было ничего примечательного, что резко отличало ее от других изукрашенных стен в этой комнате, будто кто-то тщательно протер ее по какой-то неизвестной причине.

Между стеной и кроватью стоял маленький столик, а на нем — какой-то электронный прибор. Вулф включил его. Это оказался телевизор „Шарп“ плоского изображения, отбрасывающий проекцию на гладкую стену. Ниже — видеомаягнитофон и плеер. Вулф нагнулся и взял наугад с полдюжины лазерных видеодисков. „Глаза без лица“, „Империя страсти“, „Девушка в униформе“, „Маска“, „Психопат“, „Женщина в дюнах“... Судя по всему, это были любимые видеозаписи Моравиа. Вулф смотрел некоторые из этих фильмов или же читал краткие аннотации к ним,

написанные на коробках. Всех их объединяла эксцентричная тема раздвоения личности или же изощренного секса. „Довольно-таки необычная домашняя фильмотека“, — подумал он. И от увиденного ему стало гораздо легче представить себе внутренний мир Лоуренса Моравиа, чем просто на основании справок в полицейском досье.

Вулф подошел к занимающему целую стену гардеробу Моравиа и раздвинул застекленные створки.

Костюмы от Бриони и Армани, рубашки ручной работы от Аскот Чанга, вешалки от Комми де Гарсона, галстуки от Сулка и Франка Стелла. Вулф в возбуждении остановился передохнуть. У него создалось впечатление, будто он рассматривает гардероб двух разных мужчин: одного — строго консервативного по своему складу, а другого — безалаберного модного повесы. Он тут же подумал о тематике раздвоения личности в видеофильмах, которые Моравиа, судя по всему, больше всего любил смотреть. Он явственно ощущал теперь его дух.

Продолжая осмотр, он нашел несколько японских кимоно, украшенных вышитыми с тонким вкусом эмблемами японских феодалов: журавликами, пионами, соснами, извилистым руслом струящейся реки. Что-то еще почудилось. Но что?

Казалось, будто дрожит и трепещет некий фантастический образ и, как легкий ветерок, шевелит шелковую ткань; поэтому Вулф обернулся назад, пытаясь определить, что бы это могло быть. Рука его непроизвольно потянулась к кольцу, и он вынул его из кобуры.

Он обошел и внимательно еще раз осмотрел все стены и углы спальни, заглянул даже в расположенную рядом ванную, отделанную мрамором. Ничего подозрительного он не заметил. Что же тут не так? Может, он чего-то не видит? Или это всего лишь игра воображения? Он прикрыл глаза, но не плотно, не до конца, а так, чтобы мерцающий свет все же проникал сквозь прищуренные веки.

Он четко представил себе вдруг Лоуренса Моравиа, представил дуло пистолета, нацеленное на его затылок. Но борьбы он не увидел, не почувствовал бешеного биния сердца. По сути дела, ничего не было: ничего не излучалось, не чувствовалось ауры, не появлялось никакого лица, причастного к убийству. И снова он вспомнил, как стоял на коленях возле тела Джуниора Руиза и твердо знал, что его убил не Аркуилло. Однако обнаружить ауру убийцы так и не смог и ничего, кроме холодной змейки, скользящей в животе и настоятельно требующей внимания, не ощущал.

Итак, комиссар сказал верно: две пули попали в голову Моравиа, когда его мозг уже не функционировал. Так кто же все-таки убил его и зачем? Почему всему этому придан вид, будто на него напало несколько человек? Из какого общества появился его убийца: из изысканного, одевающегося у Бриони и устраивающего деловые ленчи в ресторане „Фор сизонс“, или же из сумрачного мира сексуально озабоченных, как в фильме „Империя страсти“? У Вулфа не возникло никаких четких сигналов на этот счет, но инстинктивно он все же склонялся к тому, что убийство как-то связано с сексом.

Он вернулся в спальню. На минутку задержался у задней стенки гардероба. Вновь проверил костюмы, внимательно рассмотрел кимоно и опять почувствовал слабое, но все же заметное дуновение ветерка. Он машинально приложил ладонь к шелку кимоно — ткань трепетала. Отодвинув их в сторону, Вулф более отчетливо почувствовал движение воздуха. Опустившись на колени, он обнаружил то, чего не заметил раньше: позади кимоно сквозь узкую щель пробивался тусклый свет.

Приложив к щели ладони, он четко ощутил, как поступает воздух, и понял, что заставляло шевелиться края кимоно. Он нащупал почти незаметную дверь в задней стенке гардероба и открыл ее. Нагнувшись, вошел и очутился в маленькой комнатке, размером не больше монастырской кельи. В одном ее углу на полу лежала циновка из тростника, у противоположной стены находилось старинное трюмо, рядом стояла хибачи — японская жаровня из меди и дерева. Потухшие угли свидетельствовали о том, что ею не так давно пользовались. На жаровне лежали настоящий боевой рыцарский шлем и пара длинных замшевых перчаток, на другой стене висел старинный восточный ковер. В комнате не было ни окон, ни дверей. На стенах висело множество крупных черно-белых фотографий, многократно увеличенных и мастерски отпечатанных — настоящие произведения искусства. На всех фотографиях изображался процесс фиксирования женщины, совершения с нею полового акта.

Обнаженные женские формы — именно формы, а не тела, поскольку лиц не было видно: в объектив фотоаппарата они не попадали, — были сплошь искусно обвязаны шнуром. Не только руки и ноги, но и грудь, и живот, бедра и лодыжки. Свет и тени на фотографиях любовно ласкали обнаженную плоть, придавая ей новое качество в трехмерном измерении и вызывая непонятную тоску по образам, будто в этой гротескной плоти было скрыто нечто запрет-

ное, что вызывает жгучее желание познать его. Все фотографии были преисполнены эротического либо порнографического смысла в зависимости от того, с какой точки зрения их толковать. Но в любом случае это были удивительные фотографии. Вызывали ли они чувство тревоги или же просто были возмутительны? Вулф подумал, что, все без исключения, они могут вызвать эти два чувства одновременно.

Однако столь мрачные садистские и мазохистские элементы фотографий Вулф воспринимал лишь отчасти — для будущего анализа. Сейчас ему надо было сосредоточиться на объекте, находящемся в центре комнаты.

Там громоздилась скульптура женщины высотой в восемь футов. Вблизи же в темноватой тесной комнатке она казалась еще более массивной. Сделана она была из какой-то материи — шелка, как заметил Вулф, почти не было — и черных кожаных ремешков, прикрепленных к скрученным листам отожженного железа.

Подобно фотографиям, скульптура вызывала восхищение и в то же время тревогу, как это бывает во время какого-нибудь бедствия, когда в душе человека пробуждаются его низменные инстинкты.

На маленькой медной пластинке, прикрепленной к скульптуре, было выгравировано название: „Искусство или смерть“. Но Вулф подумал, что применительно к Лоуренсу Моравиа тут больше подошло бы название „Искусство и смерть“.

Он нагнулся пониже, чтобы внимательнее разглядеть пластинку, и, обнаружив под фигурой воткнутый маленький белый листок бумаги, легко вытащил его. Это был счет за скульптуру, присланный совсем недавно — всего неделю назад. Наверху бланка стояло название картинной галереи — „Алфавит-Сити“, — расположенной в Нижнем Ист-сайте. Он сложил его и сунул в карман.

Взяв неприметную служебную машину без опознавательных знаков полиции, Вулф поехал к Морнингсайд-Хайтсу и остановился на Бродвее, поблизости от 116-й улицы, там, где стоянка запрещалась.

Находясь в доме Моравиа, он сказал Бобби:

— Я должен ехать, а ты возвращайся в офис и проинструктируй Тони. Пусть он едет в морг, а по возвращении расскажет обо всем, что узнает там. Встретимся здесь же в девять вечера.

На этот раз он выставил на приборном щитке автомашины знак „По служебным делам полиции“ и направился

к городку Колумбийского университета. Ему нравилось обилие игровых площадок, заросшие плющом стены, узкие тропинки, пахнущие кирпичом и книгами, не в последнюю очередь оттого, что здесь преподавала Аманда.

На пути к старинному зданию из красного кирпича, где она работала, Вулф вспомнил, как с год назад они впервые встретились. Аманда попала ему на глаза, когда второпях шла по городку, прижимая левой рукой кипу тетрадей. В правой руке она несла потрепанный кожаный кейс. В тот раз он приехал в университет для расследования дела об убийстве и изнасиловании двух студенток, причем результаты вскрытия уже подтвердили предварительное заключение. Он пошел было за Амандой в учебный корпус, но какой-то студент не впустил его. Через несколько минут ему пришлось показывать в канцелярии факультета полицейский жетон, и тогда ему дали всего лишь расписание занятий профессора Аманды Пауэрс. Только после визита к самому декану, которого бульварные газетки называли монстром Морнингсайд-Хайтса, он получил наконец разрешение пройти и переговорить с Амандой. Он дождался конца семинарских занятий и, когда она выходила из аудитории, как бы невзначай столкнулся с ней в дверях.

Чтобы загладить, как он выразился, свою вину, он пригласил Аманду на чашку кофе. Вулф помнил даже сорт кофе и вкус пирожков, купленных в ближайшем ресторанчике, помнил их веселый смех и шутки. Она удивила его. Хотя ее внешность и была привлекательна, он предполагал, что она должна быть заумным академическим сухарем. Вместо этого оказалось, что она любит шутку, с ней легко говорить на всякие отвлеченные темы. Она не боялась критиковать университетские порядки, из-за чего постоянно конфликтовала с деканом факультета, но ей все сходило с рук, так как она была любимицей студентов.

Сейчас он прошел прямо в аудиторию, сел в последнем ряду и стал слушать, как она читает лекцию об обязанностях средств массовой информации перед обществом. Аманда имела степень доктора философии по социологическим вопросам и с интересом следила за новостями в этой области. О ее умении живо и доходчиво объяснять свой предмет красноречиво говорил тот факт, что в начале каждого семестра больше всего студентов записывалось на ее курс. Вулф прежде частенько думал, что Аманда слишком умна, чтобы посвятить свою жизнь преподавательской работе, но когда поприисутствовал на ее семинарах и собственными глазами увидел, как она умеючи пробуждает у студентов интерес к науке, то поневоле изменил свое суждение.

Аманда была женщиной среднего роста, блондинкой. Ее светлые коротко подстриженные волосы едва касались прямых плеч. У нее был большой смеющийся рот, пытливые серые глаза и великолепная фигура, о которой мечтают большинство нью-йоркских женщин. Когда они в первый раз встретились, он решил, что ей только-только исполнилось тридцать, и немало удивился, узнав впоследствии, что она на целый десяток лет старше. Она жила в одном из университетских жилых корпусов в Морнингсайд-Хайтсе, в довольно приличной квартире с высокими потолками, с окнами, выходящими на юг и на запад. Но Вулфу не нравились кварталы, расположенные по соседству с университетским городком. Несмотря на предпринятые в восьмидесятые годы попытки как-то облагородить беспокойных соседей, те продолжали скатываться вниз, создавая криминогенную обстановку.

Семинар кончился, студенты неспешно покидали аудиторию. Задать вопросы Аманде выстроилась целая очередь, но она, заметив вставшего со своего места Вулфа, извинилась перед студентами и пошла прямо к нему по центральному проходу.

Улыбнувшись, она взяла его под руку и, счастливо заглядывая ему в лицо, повела к двери. Он набросил ей на плечи пальто. Небо к этому времени прояснилось, немного потеплело, намечалась хорошая погода, без дождя, что было большой редкостью в феврале.

— Какая приятная неожиданность, — прижалась к нему Аманда и, как только они скрылись с глаз студентов, поцеловала его. — Я почему-то думала, что ты все еще нежишься дома в постели.

— Единственная постель, в которой я хотел бы сейчас понежиться, это твоя, — ответил Вулф.

Она рассмеялась и, когда они поравнялись с кирпичной стеной, увитой плющом, ускорила шаг и сказала:

— Вот туда я тебя и веду.

— Это, должно быть, самый старый танец в мире, — шепнула Аманда.

Сквозь старинные жалюзи пробивался бледный и густой, как молоко, свет, слабо освещая их обоих. В полумраке белела ее грудь, мягко вздрагивал упругий живот. Вулф целовал тело Аманды в унисон с биением ее сердца. Она стояла на цыпочках, колени ее подгибались, она вся замерла и трепетала — что называется, лед и пламень. Аманда нашептывала Вулфу слова, которые были понят-

ны лишь ему. Бедра ее придвигались к нему все плотнее, она закусила губу, испытывая жгучее желание продолжать этот танец. Потом ей нестерпимо захотелось еще большего, она опустилась на полную ступню и позволила ему войти в себя. Ноги ее буквально подкосились, и она, чтобы удержаться, ухватилась за него. Соски, сделавшись совсем твердыми, приподнялись. Вулф взял поочередно в рот одну грудь, потом другую, и начал нежно посасывать их. Аманда от вожделения страстно задышала.

Он приподнял ее и медленно повернул спиной к себе. Аманда прогнулась, плотно упершись ему ягодицами в пах. Вулф охватил ее одной рукой за талию, а другой обнял тугие груди. Ноги Аманды сами собой раздвинулись, и она обхватила лодыжками его под коленки. Затем, опустившись немного вниз, стала тереться разгоряченной влажной плотью о его член, при этом она руками ласкала его тело до тех пор, пока не почувствовала дрожь и содрогание его крепких мускулов. Тогда Аманда резко изогнулась, приподнялась немного, и горячая мужская плоть вошла в нее. Сладостная волна прокатилась по всему телу огнем.

Она извивалась, постанывая и закрыв глаза; голова ее откинулась назад, на его твердое плечо, а он то приподнимал, то опускал ее, снова и снова с наслаждением входя в нее, что она могла ощущать еще и кончиками своих пальцев.

— О боже!..

Она услышала возглас, непроизвольно вырвавшийся у нее. Это был как бы и не ее голос, а голос, замешанный на боли и восторге.

— Еще, еще, продолжай... о-о-о! — полупшепотом произнесла-простонала она...

Тут она почувствовала, как поднимается нечто вроде порыва ветра перед началом бури, мысленно перенесаясь в долину Среднего Запада и наблюдая, как с небес низвергается черный смерч, преграждая ей путь. Она почувствовала движение, похожее на движение животного или чего-то живого, таинственную, сверхъестественную силу, исходящую от ее любовника, и сила эта преобразила для нее мир. Как в тумане, виделись ей шторы на окнах, волнующиеся наподобие облаков в ясный летний день, постельное покрывало, колышущееся волнами, как прибой на золотистом песке, приоткрытая дверь в ванную, ее комната, словно бы окутанная мягкими сумерками теплого сентябрьского дня.

Все образы из ее прошлой жизни окрасились сладкой

негой возросшего возбуждения, волнами прокатившегося по ее телу так, что все окружающее приобрело новый оттенок, а ее возбуждение еще больше усилилось, пока она наконец не достигла вершины наслаждения и голова не закружилась от бешеного желания почувствовать его всего, слиться с ним воедино. И этот последний всплеск восторга вырвал из ее полукрытых губ пронзительный вскрик, а глубокий стон, вырвавшийся из глубины души партнера, вознес ее на самый пик блаженства.

Как и всегда раньше, он еще долго оставался в ней: она любила ощущать его силу, пульсацию его крови в себе. Затем напряжение в нем ослабевало. Он постепенно расслаблялся, а она вновь приходила в себя и обретала способность владеть собой.

Но на этот раз она перевернула его на спину, села на него, обхватив ногами, и начала нежно и ласково, как сестра милосердия, кончиками пальцев поглаживать его лоб. Теплые цвета комнаты стали зримыми, шторы и жалюзи, затемнявшие яркий свет, уже не казались такими темными.

— Панда, — нежно произнес он.

Так когда-то совершенно случайно ее назвала младшая сестра Стивви, не научившаяся еще произносить слог „ам“.

— Что случилось? — спросила она, целуя его щеки.

Вулф взглянул на нее светло-коричневыми глазами из-под тяжелых, набрякших век.

— Откуда ты знаешь, что что-то случилось?

Она лишь улыбнулась:

— Хотя бы по той причине, что ты пришел в университет, когда я вела занятия. Такое с тобой впервые со дня нашего знакомства.

— Что ты имеешь в виду? Я зашел тогда к тебе совсем случайно.

— Давай, давай, ври дальше. Не думаешь ли, что у меня нет друзей в канцелярии?

Он искренне удивился:

— Ты хочешь сказать, что все это время знала...

— Что наша первая встреча была подстроена? — Она согласно кивнула головой.

— И ты ни словечка не сказала об этом?

— Мне казалось, так слаще. — Она снова ласково поцеловала его. — И ужасно романтично. Кроме того, мне не хотелось разрушать твоих иллюзий.

— А я-то думал, вот, мол, какой я умник.

В ответ она снова рассмеялась:

— И не надо было показывать полицейский жетон.

Люди склонны долго помнить эту штуку, особенно в университетских городках.

Вулф лишь хмыкнул в ответ, но она отлично поняла, что он учел информацию и отложил ее в своей великолепной памяти. Тогда она снова улыбнулась, но отнюдь не ласково, и сказала:

— Мужчины — они все такие тщеславные. Одни воображают, будто мир вертится вокруг них, а смысл жизни в том, чтобы им управлять.

— Но я-то не хочу этого.

Аманда, положив ладони ему на грудь, наклонилась почти вплотную к его лицу:

— А чем хочешь управлять ты?

— Почему, собственно, я должен хотеть управлять чем-то?

— Потому, дорогой, что для мужчин это самое важное и самое опасное занятие.

— А чего больше всего боятся женщины?

— Ну, это простой вопрос, — заметила Аманда. — Возраста.

— Ты все шутишь.

— Вот насчет этого женщины никогда не шутят.

— А я никогда не считал, что над этим вопросом нужно задумываться.

— Ты и не будешь. Для вас, мужчин, так полегче, не правда ли? Вы растете, стареете, и все, что вам нужно, — это высмотреть и подцепить себе молоденькую бабенку. — Она вскинула голову и спросила: — А что происходит с нами?

Вулф, вспомнив своего отца, потрогал ее упругое тело с гладкой, как сатин, кожей и крепкими, как у двадцатилетней девушки, грудями и ответил:

— Ну что ж, скажу: тебе лично беспокоиться не о чем — ты поистине не стареешь.

— Все мы стареем, — сказала она и, продев свои пальцы между его пальцами, продолжала:

— Я больше не молоденькая. Иногда я смотрю на себя в зеркало и удивляюсь: не знаю, может, я чувствую, как из меня как бы струей вытекают годы, и, может, я точно хочу перегородить и повернуть вспять их течение.

Она опять слабо улыбнулась, но тут же уткнулась ему под мышко. Вулф погладил ее волосы.

— Этого сделать нельзя, Панда, — сказал он, нежно целуя ее. — Никто этого сделать не может.

— Ну что ты так. Я же знаю. Но все же... хочу... нет, желаю стать моложе.

— Может, тебе нужна любовь молодого парня?

— А она у меня уже есть.

— Но я же на три года старше тебя.

Она провела пальцем по его подбородку.

— Вулф, — хрипло сказала она. — Ты же выглядишь великолепным молодым человеком — тебе же больше тридцати не дашь.

— То-то и смешно. Слушай, Панда, время течет для всех. Радуйся, что живешь в наше время. Триста лет назад ты бы в этом возрасте уже давно умерла.

— Вот уж утешил.

Аманда тяжело вздохнула, прикрыв глаза длинными ресницами. Вулфу даже показалось, что его кожи коснулась бабочка. Затем она продолжила мягким тоном:

— И все же прекрасно помечтать о вечной молодости!

Она соскользнула с него и тесно прижалась к его боку:

— А теперь скажи, зачем ты пришел ко мне, когда, по сути дела, должен еще крепко спать?

— Я не хочу спать.

— Знаю. Ты хочешь поговорить.

Какое-то время он лежал и молчал, глядя в потолок. На нем неясно вырисовывались силуэты белых колонн. Это сквозь жалюзи проникал свет. Окна были закрыты, поэтому уличный шум доносился глухо, как приглушенные звуки домашней ссоры из соседней комнаты.

— Панда, скажи, что я делаю со своей жизнью?

Положа ладонь на его сердце, она спросила:

— Какой ответ тебя устроит: практический или философский?

— Может, ни тот ни другой. Думается, сейчас мне нужен метафизический ответ.

— Гм-м, тогда считай себя на коне. Метафизика больше твоя, чем моя стихия.

Он понял, что она этим хотела сказать. Он немало порассказал ей о своем дедушке, поэтому она знала, что в раннем детстве Вулф получил хорошие уроки своеобразной метафизики, хотя, вне всякого сомнения, заумные профессора в этой области из Колумбийского университета ни в коем случае не признали бы ее за свою науку. Она же в метафизике ничего не смыслила, как, впрочем, и родители Вулфа.

— Есть закономерность, по которой все происходит в мире, — медленно стал объяснять Вулф, будто переводил свои мысли с какого-то иностранного языка на английский. — Закономерность, по которой растет дерево, течет река, опадают зимой листья. Но если, к примеру, ты уви-

дишь, что листок сохнет летом, то ты нутром чувствуешь, что что-то не так.

Он несколько раз медленно и глубоко вздохнул, и Аманда поняла, как глубоко он затронут своими мыслями.

— Я в этом случае воспринимаю это, — сказала она, — не знаю, как объяснить... но чем-то нарушены рамки времени года.

— А ты знаешь, что это такое?

Почувствовав, что слова застревают у него в горле, она взяла его за руку и сказала:

— Если хочешь знать мое мнение, то это к метафизике не относится. Что-то беспокоило тебя — секс или какая-то другая причина, — и потому ты пришел ко мне.

Она придвинулась к нему поближе:

— Из-за Бризарда?

— Всегда из-за Бризарда, — ответил Вулф. — Но по странному стечению обстоятельств сейчас начинается то, за что он и выступает. Мы с ним члены одного привилегированного клана. Но я никогда не пользовался своим полицейским жетоном ради собственной выгоды. А для таких ребят, как Бризард, собственная выгода — вторая натура. Симптоматично то, что они полагают, будто отличаются от других, стоят особняком, что они, члены элитарной группы, стоят выше закона.

Это же болезнь, Панда. Я видел их в работе. Первый их шаг — и, поверь мне, это лишь самый первый, будут и другие — помахать жетоном, чтобы привлечь к себе внимание. Второй шаг — с помощью жетона перекусить на халяву в забегаловке во время патрулирования, затем бесплатно покормиться в дорогом ресторане за услугу, оказанную однажды владельцу, потом отпустить арестованного преступника, потому что он его осведомитель или просто нужный ему человек.

Полицейские любят повторять, что они своим трудом имеют приработок, но на самом деле труда-то и нет, это не труд, а нарушения законов. Они говорят друг другу, что принадлежат к особому братству, рискуют жизнью и что за риск им должным образом не платят, поэтому они, дескать, сами должны добиваться компенсации. Но такая компенсация опасна, ибо она явно аморальна и представляет собой особый вид коррупции, неуважение к закону. Достаточно нарушить закон однажды, и тогда повторишь это еще и еще раз, пока совсем не перестанешь отдавать себе отчет в том, что нарушаешь его.

— Так, значит, система и до тебя добралась, так ведь?

Вулф ничего не ответил, а она лежала рядом и терпе-

ливо ждала, зная, что он привык к глубокой тишине Элк-Бейсина в Вайоминге, что ему необходима тишина, чтобы сосредоточиться и дойти до сути своего беспокойства. Наконец он кивнул головой и сказал:

— Семь месяцев мы гонялись за тем психом, который уже успел ухлопать троих. Я выследил его и хотел взять своими силами, в одиночку. Однако ничего хорошего из этого не получилось. Убитыми оказались девушка и один из моих парней.

В глубине глаз Аманды что-то сверкнуло, и они стали темно-янтарными.

— Конечно, это трагедия, Вулф. Мне ужасно жаль. Но, честно говоря, я сомневаюсь, что ты что-то сделал не так. Я тебя знаю слишком хорошо. Должно быть, что-то еще не давало тебе покоя.

Змейка внутри Вулфа шевельнулась.

— Не знаю, кто убил Джуниора — не ощутил я присутствия убийцы, — быстро произнес он. — Кроме того, сегодня утром комиссар навесил на меня дело об убийстве Моравиа. Я пришел сюда прямо из квартиры убитого, у меня нет ни малейшей зацепки, кто же мог убить его. Не осталось вообще никакого психологического следа.

— Ты хочешь сказать, что в обоих случаях психологические следы все же были, но обнаружить их ты не смог?

Он согласно кивнул. Аманда пристально посмотрела ему в глаза и сказала:

— Вулф, какая бы тайна ни скрывалась за всем этим, ты все-таки остался самим собой. Я почувствовала это, как и всегда, когда мы занимались любовью. — И, сжав его руку, добавила: — Ничто в тебе не изменилось.

— Но я же не уловил следов, — возразил он и, резко поднявшись, сел на кровати. — Я чувствовал себя как собака, ловящая свой хвост, а должен был принести апорт.

— В таком случае за всем этим скрывается тайна, которую раскрыть намного труднее, чем просто два убийства, — продолжала она. — Не приходила ли тебе в голову версия, что тот, кто убил твоего человека, мог быть и убийцей Моравиа?

— Почему? Ведь между этими двумя преступлениями нет никакой связи.

— С первого взгляда, может, и нет, — в раздумье произнесла Аманда, — но почему же тогда нет психологических следов? Ты же сказал, что в обоих случаях ничего не ощутил. Думаешь, что такое совпадение объясняется простой случайностью?

Вулф почувствовал, как змейка поползла где-то по

позвоночнику. Такой очевидный вывод, а он об этом почему-то даже не подумал!

— Бедный мой Вулф, — сказала Аманда с сочувствием и крепко поцеловала его в губы. — У меня к тебе маленькая просьба. Моя младшая сестра Стиви устраивает завтра в Нижнем Манхэттене, в галерее „Алфавет-Сити“, званый ужин для молодых художников. Она обещала, что все будет очень забавно. Мне хочется, чтобы ты пошел туда вместе со мной.

— Никак не могу, Панда. Комиссар ясно сказал, что дело, связанное с Моравиа, чревато политическими последствиями. У меня просто нет времени...

Она прикрыла ему рот ладонью:

— Я только и слышу от тебя, что ты занят. Но нельзя же работать по двадцать четыре часа в сутки, даже тебе, мистер Железный Человек из племени шононов.

— Я кажусь тебе именно таким?

Она засмеялась, крепко и страстно сжимая его в своих объятиях.

— Конечно. Ведь ты такой и есть. Но, поскольку ты тоже сделан из плоти и крови, небольшая передышка в работе тебе только поможет сосредоточиться.

Аманда протянула руки и, нежно поглаживая его, продолжала:

— Поможет всему, не говоря уже о твоём настроении. Это странное дело не выходит у меня из головы.

Глава вторая

Нью-Йорк — Токио

Главный судебно-медицинский эксперт Нью-Йорка Вернон Харрисон был высоким сутуловатым мужчиной с печальным, как у бассета, выражением лица. Толстые стекла очков свидетельствовали о его слабом зрении. Больше о слабостях Харрисона, как считал Вулф, ничто не говорило. Судмедэксперт, казалось, никогда не терял присутствия духа, оставаясь спокойным и рассудительным при самых больших политических и административных заварушках, которые могут возникать только в огромных городах накануне их катастрофы.

Они встретились в полуподвальном помещении здания Центрального морга на углу Первой авеню и Тридцатой улицы, в одном из помещений, примыкавших к холодильным камерам, где лежали в ожидании вскрытия трупы. Время приближалось к трем часам дня. Все утро и часть дня Вулф потратил на ознакомление с результатами обследования квартиры и офиса Моравиа, с заключением баллистической экспертизы (которая пока ничего не прояснила) и на изучение других бумаг. Уже подоспела памятная записка начальника полиции Бризарда, в ней извещалось, что он продолжает расследование убийства Джуниора Руиза и Вулфу надлежит дать свои объяснения. Вот еще один из образчиков запугивания — Бризард был большим мастером держать подчиненных в страхе.

— Вы занимались Аркуилло, этим торговцем наркотиками? — спросил Вулф.

— Еще бы! — кивнул Харрисон. — Он выглядит так, будто какой-то псих сунул ему в рожу паяльную лампу. Ну что же, как красноречиво говорили римляне, кормишься мечом, от меча и погибнешь, верно ведь?

Он положил на стол пилу для распиловки костей. В воздухе висел густой запах мертвой человеческой плоти.

— Так, значит, он погиб от паяльной лампы?

— Вот, смотрите, — сказал Харрисон, перебирая ин-

струменты. — Кто-то неплохо поработал и с его правой рукой.

— Это я.

— Заметим это.

Вулф инстинктивно понял, что медэксперт не заметил ничего особенного в смерти Аркуилло, и поэтому решил переменить тему разговора:

— А как насчет Моравиа?

— А вот тут вы подкинули мне нечто такое, во что нужно вгрызаться, — сказал Харрисон, откидывая простыню с груди Джуниора Руиза. — Пока же честно признаюсь, что сказать мне нечего.

Он ловко вертел хромированными инструментами, будто тамбур-мажор дирижерским жезлом во время парада.

— Полученные данные наводят меня на определенную мысль. Анализы крови, тканей — для токсикологических анализов их срезали целых девять ярдов — все это в работе. Кое-что уже сделано.

Вулф отметил про себя, что Харрисон, англосаксонец и протестант до мозга костей, как-то чересчур самоуверен. Занимая должность главного судмедэксперта и будучи выходцем из богатой этнической общины города, говорил он высокопарно и щедро пересыпал речь иноязычными выражениями.

— Вы проверили румяна на его щеках? Что-нибудь обнаружили?

— Нет, ничего не обнаружил, если вы интересуетесь помадами от Эсте Лаудер, — ответил Харрисон. — Ингредиенты отобраны высококачественные. Ну а чего бы вы, собственно, хотели от патентованных румян?

Он снова посмотрел на анализы:

— Никаких экзотических ядов не обнаружено, если только они вас интересуют.

Вулф недоуменно пожал плечами:

— Но мне нужны ответы на вопросы, и как можно скорее.

— Дорогой мой, да я же верчусь как только могу, — проворчал Харрисон, всматриваясь в разрез на груди Джуниора Руиза. — Смотрите-ка. Этот парень сильно отличается от двух других трупов. Насчет него все ясно — ему вlepили две пули тридцать восьмого калибра, и они, что называется, разворотили его легкие и сердце.

Вулфу было тяжело смотреть на пожелтевшее тело Джуниора, покрытое фиолетовыми синяками и черно-красными сгустками запекшейся крови.

— Вернемся все же к Моравиа, — обратился он к

Харрисону, стараясь не отвлекаться. — Есть ли какие-нибудь признаки наркомании?

— Хороший вопрос, — ответил главный медэксперт, зашивая толстой ниткой длинный вертикальный разрез на теле Руиза. — Но его застрелили уже после принятия кокаина, в этом нет никакого сомнения. Долго ли он принимал его? Нет, не долго. Принимал ли он его периодически, через какие промежутки времени? Кто знает!

Вулф ждал, пока Харрисон не кончит диктовать в стальной микрофончик заключение о причине смерти Руиза. Ему хотелось, чтобы на труп положили письменное заключение.

— Ну а от чего же все-таки погиб Моравиа? — спросил он наконец.

— Вопрос на миллиард долларов, — ответил Харрисон и, насушившись, замолк. — Я лучше скажу, от чего он не мог погибнуть. Он был уже мертв, когда в него стреляли. А что касается кокаина, то мы не нашли никаких видимых признаков смертельных доз. С кокаином все о'кей, а его количество, которое мы обнаружили в кровеносной системе, не смертельно.

В конце концов он положил на труп Джуниора Руиза листок с напечатанным заключением и, повернувшись к Вулфу, сказал:

— Я бы сказал, что в наши руки попала трудноразрешимая задача.

Вулф уже уходил, когда Харрисон остановил его:

— С этим парнем Моравиа связана одна странность.

Вулф резко обернулся:

— Что вы хотите этим сказать?

Харрисон потер кончик носа и пояснил:

— А вот что. Вы когда-нибудь слышали, чтобы взрослый человек врал насчет своего возраста, выставляя себя старше своих лет?

— Нет, не слышал. А что, в этом есть какой-то смысл?

— Разумеется, есть. Согласно свидетельству о рождении, Моравиа сорок восемь лет. И все же, когда я сделал вскрытие, то ясно увидел, что передо мной внутренности тридцатилетнего человека.

Наохару Нишицу лежал в полной темноте. Позади себя, за дверью, занавешенной циновкой и выходящей в заснеженный сад, который был для него храмом, он услышал слабый перестук бамбуковых палочек. Оттого что раздвижные двери были приоткрыты, в комнате было очень холодно, но Нишицу, даже совсем раздетый, не обращал на это никакого внимания.

Он услышал слабый звук помешивания чая — скорее, ощутил его, как ощущают слабый запах духов, — и потянулся на тонкой циновке. В один момент перед ним на колени опустилась Ивэн. От ее стройного девичьего тела исходило тепло и запах каких-то экзотических фруктов.

— Скажи-ка мне, Ивэн, — начал он, пока она наливала в чашечку терпкий зеленый чай, пенистый и бледный, — тебе здесь нравится?

— Я никогда не думала об этом, Нишицу-сан, — ответила она, усаживаясь в позу лотоса. — Храм Запретных грез — мой дом, и всегда таким был. Мой долг — быть все время здесь, обслуживать вас.

Ее голос походил на звук разрываемой ткани.

— Ну а тогда, скажи мне, была ли ты когда-либо довольна?

— Я довольна, Нишицу-сан.

— А я нет, Ивэн, — недовольно хмыкнул он. Его слова прозвучали резко, будто он бритвой полоснул. — Разногласия все усиливаются.

— Разногласия?

— Да, — ответил Нишицу, по-прежнему лежа неподвижно. — Я говорю о лояльности. Кое-что до сих пор не казалось предметом разногласий.

Он внимательно наблюдал за ней, за ее расплывчатым силуэтом в темной комнате.

— Исторически, со времен сегунов, мы, члены „Тошин Куро Хосай“, всегда думали одинаково, придерживались одного пути — пути безопасности. А теперь я так не считаю.

— Вы говорите о предателе, Нишицу-сан?

В полной тишине он быстро оперся на локоть правой руки, а левой схватил ее за правое запястье и сильно сдавил, до самой кости:

— Умница!

Ивэн не издавала ни звука, но он почувствовал, что голова у нее закружилась, а спустя какой-то момент уловил, что от нее исходит другой запах: немного резкий, мускусный, грубоватый. Ноздри у него расширились, ибо он наслаждался ее страхом, пахучим, сложным и пьянящим.

— Да, предатель. — Он перешел на хриплый шепот. — Я знаю, что кто-то из нашего окружения выступает против нас и копает изнутри, пытается сорвать наш план.

Он поднял правую руку и, коснувшись груди Ивэн, сильно сжал ее, так что, несмотря на железную выдержку

девушки, отчетливо услышал, как она застонала, не раскрывая рта.

— Ты не знаешь ничего об этом? А, Ивэн?

— Чего?

Нишицу, конечно, сильно напугал ее, что было неплохо, для острастки, так сказать. Он не ослаблял хватку, а, наоборот, все крепче сжимал ее запястье и грудь, пока не почувствовал, как она вся дрожит от боли, и пока не наслаждался досыта этой ее мукой.

— Кто-то предал нас, Ивэн, может, даже и ты, — сказал он, покусывая ее кругом в разные места и испытывая от этого наслаждение, как от лучшего вина. — Кто-то, кого мы хорошо знаем, предает нас или задумал предать, и это, может быть, и ты, которая спала со шпионом Лоуренсом Моравиа, да и не один раз.

— Но я ведь не знала, что он шпион. Если бы узнала, то уж не преминула бы выведать, на кого он работает.

Нишицу не смог удержаться от улыбки — хорошо, что было совершенно темно. Его познания относительно природы мужчин и женщин оказались верны: мужчины знают, как разоблачать двуличность, а женщины — как ее выведать.

Не имеет никакого значения, что Нишицу пока неизвестно, кто хозяева Моравиа. Он знает, что Моравиа шпион с того момента, когда неопытный разведчик отправил зашифрованное сообщение по факсу из офиса компании „Америкэн экспресс“ в Гинзе. Нишицу не волновал тот факт, что он не сумел расшифровать сообщение, — достаточно и того, что его люди сообщили, кому оно направлено.

Для Ивэн это должно оставаться тайной: Нишицу по собственному опыту знал, как это трудно — много знать и не проболтаться. В любом случае Ивэн нужна ему для более важных дел. Он немного ослабил хватку и ощутил в ответ, как от нее повеяло волнующим запахом.

— Кто же предал нас? — спросил он.

— Не знаю.

Он водил губами по ее щекам, по уголкам рта.

— Подозреваемых очень немного. Всего несколько человек, но зато достаточно могущественных, опытных и коварных.

Тонкая струйка слюны выступила на ее губах, и это ему понравилось.

— Мужчины слишком самоуверенны, настолько, что решаются противостоять нам, женщинам, хитры и коварны. Кого ты подозреваешь? Мужчину или женщину?

— Мужчину.

— И я назову его имя. По сути дела, первый, кого я подозреваю, это Шото Вакарэ.

Он выпустил ее запястье и с удовольствием заметил, что она не отдернула руку.

— Мне известно, как ты пускаешь в ход свои способности, и полностью полагаюсь на них в этих делах.

— Я всегда делала все, что вы приказывали, Нишицусан.

Он не мог удержаться от соблазна, почувствовав, как увлажнились ее губы.

— И снова сделаешь то же, — хрипло произнес он. — Ты pomoжешь мне отыскать предателя.

В ответ Ивэн подняла голову, обнаружив лебединую шею. Заметив ее готовность выполнить его волю и увидев нежное женское тело, Нишицу ощутил, как в нем пробуждается желание, еще больше подогреваемое пикантностью ситуации.

Он быстро лег на нее, раздвинув сильными ногами ее ноги. Через минуту-другую она заплакала, но совсем не так, как плакала только что от боли.

Вулф решил никому не рассказывать ни о дверце в задней стенке гардероба в квартире Моравиа, ни о комнате без окон, ни об эксцентричной обстановке в ней, в том числе и о фотографиях и странной скульптуре. Не мог он посвятить в эту тайну даже Бобби. Почему? Этого он и сам не знал, просто инстинктивно чувствовал, что о своем открытии следует помалкивать.

Во второй половине дня стало прохладно и тихо, будто даже и не существовало никакой погоды, а была лишь огромная серая морозная пелена, грозящая ввергнуть город в небытие. Он припарковал машину на Восточной Третьей улице, напротив старинного кирпичного особняка. На первом этаже здания размещалась художественная галерея с экспонатами, если только так можно было назвать куски материи и полоски черной кожи, прикрепленные к отожженным скрученным листам железа. Огромные скульптуры виднелись в окне за крепкими чугунными воротами, выкрашенными в разные цвета — зеленый, оранжевый и желтый, — похожие на свежие кровоподтеки, на которые наложены декадентские рисунки. Выставка называлась „Городская гниль“.

„Наконец-то подобрали верное название“, — подумал Вулф. Он прошел через размалеванные ворота. Внутри галереи все было тоскливо и мрачно, как в глухую полночь. Навстречу Вулфу вышла худая как вешалка моло-

дая женщина с длинными прямыми рыже-огненными, как пожарная машина, волосами и неприятным голубовато-белым цветом лица. Ее глаза обрамлял толстый слой краски, а губная помада и лак на ногтях чернели, как стены самой галереи. Все ее обличье скорее напоминало смерть, чем жизнь. Вулф предположил, что в этом и заключалась ее суть. „Прелестна, — отметил он. — А может, просто хипповая. Каждый воспринимает ее по-своему“.

Женщину звали Маун. Вулф представился ей как адвокат, занимающийся наследством покойного Лоуренса Моравиа. Маун посмотрела на него ничего не выражающим взглядом, а он вынул фотографию Моравиа и показал ей.

— О-о, да это Лэрри! — воскликнула Маун. — Разве он умер? Вот так-так! Какой ужас.

Но она быстро сменила выражение печали, появившееся было на ее лице, и продолжала:

— Да, он не раз заходил сюда и смотрел экспонаты. Я устраивала здесь выставки, я их всегда провожу, вы же знаете? Сперва я считала, что искусство его не интересует, что он просто приволок сюда приятеля, ну этого, вы знаете, из пригорода, чтобы разыграть из себя важную шишку, эдакого мистера Нью-Йорка. Но потом я узнала его получше, и в конце концов выяснилось, что он покупает произведения искусства. — Она развернула обертку жевательной резинки „Базука бабл“ и, сунув пластинку в рот, продолжала: — Вы же обычно чувствуете, чего хотят люди? Вот и я: вмиг поняла, как только вы появились, что пришли вы сюда не ради покупок.

— А для чего же я, по-вашему, пришел?

Если Маун догадается, что он пудрит ей мозги, она и виду не подаст. Она вздернула голову и немного склонила ее набок, рассматривая Вулфа, будто он был одним из произведений какого-нибудь художника, принесенных ей на оценку. Инстинктивно она продолжала жевать резинку, а потом выдула такой пузырь, каких Вулф еще не видел, и сказала:

— Я думала, что вы ошиблись дверью. Через квартал отсюда открыт магазинчик „Урбан дизайн“, в нем продаются всякие модернистские штучки.

— А это что, разве не то же самое? — поинтересовался Вулф и обвел рукой скульптуры.

— Разве искусство современно? — серьезно спросила Маун. — Если бы оно было таковым, тогда все эти произведения к следующему сезону можно было бы выбросить на свалку: их же никто не купит. Нет и еще раз нет — настоящее искусство вечно.

Пока он ходил по галерее, она наблюдала за ним, не переставая выдувать пузыри, а затем подошла и сказала:

— Все эти экспонаты — творение одной художницы. Ее зовут Чика.

А затем озабоченно спросила:

— Уж не собираетесь ли вы потребовать у нее назад деньги Лэрри?

Вулф повернулся и внимательно посмотрел на нее:

— Почему это я должен требовать деньги?

— Гм-м... Странно... Ведь если Лэрри отдал концы, то, я подумала, вы пришли сюда... — Она в замешательстве смолкла.

— А почему вы зовете его Лэрри?

Маун лишь недоуменно пожала плечами:

— Просто его так зовут. А что, не так, что ли?

Она выдула очередной пузырь чудовищных размеров.

— Ну мы это, Лэрри и я... — Она колебалась, рассказывать ли. — Думаю, он частенько заглядывал сюда из-за меня, хотя между нами ничего такого не было... Ну ладно, как-то в субботу днем мы зашли вон туда, в ту комнату, — она показала на матово-черную дверь в конце галереи, — и, знаете ли, трахнулись там, — она смущенно хихикнула. — Это было довольно нахально с нашей стороны, потому что в галерее были покупатели и посетители, и мы слышали, как они переговаривались и ходили, когда мы трахались. Ну и наглые же мы были.

„Даю голову на отсечение, что так все и было“, — подумал Вулф про себя, а вслух сказал:

— А когда мистер Моравиа, то есть Лэрри, купил свою... ну у Чики?

— Э-э... Во время открытия, — вспомнила Маун. — Он пришел сюда на торжественное открытие. Здесь была и Чика. Он переговорил с ней и приобрел ее вещь. Это было, так-так, с неделю назад. Потому-то я и подумала, что вы... ну это... ну вы знаете...

— Что адвокаты, занимающиеся его наследством, намерены вернуть ей обратно ее фигуру?

— Ну да. — Маун скорчила гримасу. — Ну вы же знаете, работы Чики подходят не всем. По сути, я даже и не думала, что Лэрри возьмет ее, а он ухватил ее с ходу. Он быстренько договорился с Чикой.

— С этой художницей?

— Угу.

— Не считаете ли, что он и ее трахнул?

— Не знаю. — Маун опять выдула пузырь. — Может, и трахнул. Думаю, он любит это дело.

— Какое дело?

Маун презрительно скривила свои черные губы — лицо ее приобрело от этого жуткое выражение:

— А что, юристы все такие тупые? Непонятливые. Лэрри любил трахаться, но у меня такое впечатление, что он не хотел... ну вы знаете, ну это, надолго с кем-нибудь связываться.

— Не хотел длительных связей, вы имеете в виду? Трах-бах-шлеп-грох-ам! Пока, мадам! Таков, что ли, был Лэрри?

Маун громко заржала:

— Да все они такие, а что, разве не так?

— Кто все?

— Да вы же знаете, ну эти парни вроде Лэрри. Немного погодя я его раскусила. Он был важной шишкой, весь набит деньгами. Спорю, что обедал и завтракал только в самых шикарных ресторанах, вроде „Фор сизонс“ или „Льютс“. Я имею в виду, что в нашей жизни он был пиджак пиджаком и ничем не отличался от других, но в глубине души смеялся над ними, ну, вы знаете. Он такую жизнь ненавидел, это была вовсе не его жизнь.

— А какая же была у него жизнь?

Она внимательно посмотрела на Вулфа:

— Лэрри был связан. Думаю, очень крепко связан.

— Сексуально?

— А как же еще?

Тогда он спросил:

— А вас Лэрри когда-нибудь связывал?

Маун опять выдула пузырь:

— Вы адвокат Лэрри или копаете под него? — Она даже слегка вздрогнула. — Нет, не связывал. Но я бы не возражала.

— Не возражали бы? — удивился Вулф вопреки обыкновению.

Трудно было представить себе, что эта эксцентричная особа является чьей-то дочерью, что у нее есть родители.

Она придвинулась к нему поближе, и он ощутил странный запах: смесь гвоздики и чеснока. Острый, экзотический запах без малейших нюансов.

— Вы что, чокнутый проверяльщик? — поинтересовалась она. — Большинство мужиков именно такие, я знаю, но слушайте: приятно, когда выходишь из-под контроля. Я имею в виду сильный контроль, вроде вашего. Само по себе это уже доставляет удовольствие.

Она окинула его взглядом с ног до головы и спросила:

— Вы-то сами любите удовольствия? Понимаете ли вы хотя бы, что это такое?

Вулф непроизвольно подумал, что она уже почти готова заманить его в ту самую комнату, чтобы он там связал ее. Душа его раздвоилась: одна половина хотела знать, на что все это будет похоже, другая — испугалась его неумейной фантазии.

— Вот вы упомянули, что Лэрри приходил с приятелем.

Маун опять выдула пузырь:

— Чего-чего?

— Вы сказали о приятеле из пригорода, что Лэрри прикидывался перед ним большой шишкой. Он что, тоже связанный?

Она рассмеялась:

— Ну нет, он не для этого, он не для него. Наоборот, он развязанный и какой-то не в себе.

— Что так?

Маун опять вздернула голову и стала похожа на некое футуристического драчливого петуха.

— Ну вы знаете таких типов: костюм, подстрижен коротко, весь такой аккуратненький. Чопорный набитый дурак.

Вулфу не надо было дальше расспрашивать ее и просить дать более подробное описание. Сквозь красноватый туман ему представилось лицо миловидного молодого человека из престижного университета — без сомнения, Йельского — блондинистого, с пытливыми голубыми глазами. Таким он вдруг всплыл в памяти Маун.

— Он, должно быть, не из Нью-Йорка?

— Да, верно, нездешний.

— А откуда вы знаете?

— Он имел привычку говорить, как чиновник из Вашингтона. И вместе с этим, — она покосилась на Вулфа, собираясь устроить ему последний экзамен, применив сленг истинного нью-йоркца, и проверить, знает ли он его, — он выглядел как „Марта, Вулдя, посмотрите-ка только на эти высоченные домищи“.

— Вы имете в виду, что он говорил на каком-то говоре?

Маун довольно ухмыльнулась. Лицо ее стало от этого ужасным, как лицо каянибала из журнала „Нэшнл джиогрэфик“, где рассказывается о Новой Гвинее.

— Угу.

— На каком говоре?

— Какого-то южанина.

— Вы, видимо, имеете в виду, что он говорит как-то мягко, немного растягивая слова.

— Во-во, точно.

„Тогда наверняка он из Вашингтона“, — подумал Вулф и спросил:

— А у него имя-то было, у этого приятеля Лэрри?

— Конечно, было, — ответила с готовностью Маун, явно показывая, что расспросы ей очень нравятся. — Его имя только и представляет интерес. Звали его Макджордж Шипли. — И добавила: — Работает где-то в учреждении правительства.

— Федерального правительства?

— Угу. Лэрри еще спросил его о чем-то. Я не расслышала, а Шипли вынул свою визитку. В авторучке у него не оказалось чернил, тогда он попросил ручку у меня, чтобы что-то написать на карточке. Вот тогда я и прочла его имя. А еще там стояла печать. На визитке было указано, что он работает в министерстве обороны.

„Интересная штука, — подумал Вулф. — Моравиа, который сновал туда-сюда из Нью-Йорка в Токио, оказывается, заимел волосатую руку у военных. Как это могло случиться? В досье на него ничего не упоминается насчет федеральных органов“. Как-то невзначай значимость Лоуренса Моравиа сразу возросла.

Вулф еще раз быстро прошелся по галерее и в наиболее подходящий момент спросил Маун:

— А вы не заметили, что написал Шипли на обороте карточки?

— Почему же не заметила? Заметила. — Язык Маун, на фоне ее блестящих черных губ похожий на неоновую рыбку, метался во рту туда-сюда. — Хотите знать, что он там написал?

На мгновение у него мелькнула мысль, что она намерена в той потайной комнате спросить, где он служит. Он представил, как ее тонкое тело нежно льнет к нему, как ее жадные пальцы нетерпеливо расстегивают у него ремень.

Она рассмеялась:

— Вы бы только видели свое лицо.

Вулф рассмеялся вместе с ней, желая обладать ею, несмотря на всю ее эксцентричность. Он подумал, что в этой женщине есть нечто большее, чем вздорное непослушание ребенка, который хочет просто подразнить взрослых.

— Там он написал: 202 — код города... — Далее она продиктовала номер телефона, будто пользовалась мнемотехникой, чтобы запомнить его.

— Как вы научились вспоминать номера? — спросил Вулф, записывая номер вашингтонского телефона.

Маун в ответ лишь пожала худыми плечами. Когда она двигалась, Вулф все время ощущал вьющийся за ней, словно шлейф, запах чеснока.

— А я вообще все помню. Особенно то, что касается Лэрри. Он был прямо как бог, а почему — не знаю.

Она сразу стала какая-то печальная, будто только что узнала о его смерти.

— А что вы могли бы сказать о художнице Чике? — задал он вопрос, чтобы переменить тему беседы.

Маун с любовью провела рукой по одной из фигур. Наивность ее жеста напомнила Вулфу будоражащие воображение фотографии в потайном убежище Моравиа.

— Вы что хотели бы знать? Что про нее написано в каталоге или что я знаю про нее?

— А разве это не одно и то же?

Маун лишь засмеялась:

— Ну и ну! Вы же знаете, что из себя представляют художники. Все, что про них говорят, — все это лажа. Причем чем больше наводят марафета, тем лучше. Потому как всякие там штучки из биографии только играют им на руку. Вы же знаете, чтобы говорить о них, требуется особое искусство. Они хотят, чтобы зрители приходили смотреть на их произведения безо всякого предубеждения и без предварительных разъяснений, что они увидят.

— А я-то думал, что художники больше всего хотят, чтобы их работы раскупались. Разве большинство из них не голодают на разных там чердаках и мансардах?

Маун опять засмеялась:

— Кое-кто, может, и голодает, но только не Чика. Не думаю, что ее слишком волнует, продаются ее работы или нет.

— А почему так?

Маун выдула очередной пузырь, он долго не лопался, а потом сказала:

— Вы задаете слишком много вопросов, адвокат.

— А мне за то и платят, что я задаю множество вопросов. Никто раньше не слышал о Чике.

— А так всегда в искусстве, — парировала Маун. — Нужно прежде найти сведущего человека и уже потом задавать ему вопросы.

— Ну так вот, насчет этой художницы Чики. Можете ли вы сказать, что она и Лэрри были хорошими друзьями?

— Они симпатизировали друг другу — это было видно с первого взгляда. Думаю, между ними была и какая-то романтическая история.

— А кто-нибудь из них упоминал что-нибудь такое, что дало вам повод так думать?

— Я как-то слышала, что они говорили о Токио. Говорили так, будто были там вместе в некоторых местах.

— В каких таких местах?

Маун пожала плечами, чем вызвала новый прилив запаха чеснока.

— Они говорили о каком-то храме Запретных грез. Похоже, что клуб какой-то. Может, там педики какие или другие секс-маньяки — знакомые Лэрри.

— А не поговорить ли мне самому с Чикой? — медленно и отчетливо произнес он, вспомнив возбуждающие плоть фотографии в квартире Моравиа. — Она живет в Манхэттене?

— Да, — кивнула Маун. — Вообще-то она снимает квартиру на втором этаже в доме в трех кварталах отсюда. — Она глянула на настольный календарь. — Но прежде, сейчас ее в городе нет и до завтра не будет.

— Мы никогда не испытывали эту штуку так быстро, — сказал Юджи Шиян.

— Сомневаюсь, что у нас был выбор...

— Но убить человеческое существо...

— Все произошло случайно. По ошибке.

Юджи взглянул на Минако — свою мать. Наступало утро, и серо-грязный рассвет уже окрасил небо Токио. Слева от них горели фонари на Цукиджи-форест, освещая серебристые бока крупных рыб. Мимо проходили рабочие в резиновых сапогах с растрескавшимися, со шлангами в руках, из которых они то и дело поливали рыбу, чтобы она выглядела свежей. Волны, пьянящие, как свежее пенное пиво, несли в себе запах водорослей. Позади Юджи и Минако в уходящем мраке ночи высилась громада склада без каких-либо номеров и опознавательных знаков. Там хранился Оракул.

— Я же ученый, мама, — вымолвил Юджи. — Мне нужно все знать досконально. Методика проведения опыта предписывает мне ждать...

— Чего ждать? Клинических экспериментов? Ты же знаешь, что в данном случае обычная методика будет бесполезна. Эксперименты с низшими формами жизни не дадут нам никаких результатов.

Юджи посмотрел на реку. Над ней поднимался туман. В холодном воздухе застыл, как на морозе, печальный гудок проходящего мимо суденышка.

Он согласно кивнул головой. Конечно же, мать права: у них не было выбора. Как ученый, он знал, что это так. Технологический процесс действительно требовал проведения испытаний. Но, как человек, он опасался последствий.

— Юджи-сан, — мягко сказала Минако, — позволь мне принести тебе чаю.

С помоста, где продавались тунцы и сайра, Минако обернулась и посмотрела на своего сына. Он стоял среди большого гудящего рыбного базара, плечи его съежились от утреннего холода; и был он такой одинокий, незащищенный — один среди толпы. Сердцем она устремилась к нему. Все ее дети бесконечно дороги ей, но Юджи — единственный сын. А раз единственный, это уже многое значит для нее, а он к тому же еще и гениальный ученый-биофизик. Минако заказала чай, все время думая о сыне, о том, как она уберегала его от мрачных сторон жизни. Теперь все это должно измениться. Пришло время кармы для него и, стало быть, для нее.

Юджи терпеливо ждал, когда вернется мать, а в душе казнил себя за случившееся несчастье. Разумеется, он не мог знать, что Оракул сделает с Моравиа. Но разве в этом дело? Он думал о риске, которому они все подвергаются, и снова печаль охватила его сердце. Он глянул на море бесцветных рыбьих глаз. Там и сям — повсюду — слышался глухой перестук хвостов, ударяющих по бетонным помостам, свидетельствующий о том, что рыба все еще жива.

— Вот чай, — сказала Минако, передавая ему дымящуюся чашку. Он чувствовал, как вокруг от все усиливающегося в этот ранний час шума просыпается город. Они не случайно выбрали место для лаборатории в этом заброшенном складе, расположенном вдали от офисов и штаб-квартир крупнейших компаний: на ночные совещания и работы не обратят внимания в районе, где рыбаки трудятся всю ночь напролет.

— Значит ли это, что мы должны будем начать все сначала? — спросила Минако.

Юджи ответил не сразу. Этот вопрос не давал ему покоя с тех пор, как мать сказала ему о смерти Лоуренса Моравиа.

— Не думаю, — наконец сказал он. — Не похоже, чтобы мы стояли на ложном пути. Однако мы не заметили важную деталь в трудной задаче. Проблема напоминает генератор с одним включателем, потребляющий так много энергии, что обесточивает целый город, а затем взрывается. — Он повернулся к ней и продолжал: — Нет, нам не нужно начинать сначала. Мы должны лишь усовершенствовать включатель.

Минако согласно кивнула и заметила:

— Я сознаю свою вину, Юджи-сан. Ведь это я надоумила тебя создать Оракул. И именно я привела Моравиа, а он убедил тебя использовать его для опытов, как какую-нибудь морскую свинку.

— Но, мама, он же знал, что идет на риск.

Минако печально улыбнулась.

— Тогда не вини себя, Юджи-сан. Моравиа сам выбрал свою карму.

— Да, ты права, мама, — ответил Юджи. — Но все же я чувствую себя обязанным пойти в храм Сенсо-ри.

Минако согласно кивнула головой:

— Вот это правильно. Мы пойдем вместе.

Они подошли к реке Сумида и взяли там водное такси, на котором доехали до района Асакуса, где находится храм Сенсо-ри. Храм был построен в честь Каннона — буддийского бога милосердия — и считался священным местом. Минако не раз приводила сюда своих детей по большим праздникам.

Они шли вдоль длинной торговой улицы, сплошь заставленной множеством лотков и палаток, в которых продавалось все — от зонтиков из папиросной бумаги и традиционных деревянных гребней до заводных роботов и водки сакэ — и в любое время. На минутку они остановились у огромной курильницы перед входом и, сложив ладони ковшиком, зачерпнули густого ароматного дыма и обдали себя с ног до головы. Согласно поверью, они тем самым надолго обеспечили себя добрым здоровьем.

По широкой лестнице они поднялись наверх и вошли в храм. В его тишине громко отдавалось эхо. Со всех сторон их окружали огромные колонны, с потолка свисали светильники, похожие в этом своеобразном лесу на сосновые шишки. Высокий потолок, напоминающий далекие клубящиеся облака, был украшен разными сценами из японского фольклора, а может, из истории, в зависимости от того, как их рассматривать.

Они попросили буддийского монаха зажечь потухшую курильницу и, пока курился густой дым, кружась и заминаясь, подобно змеиным языкам, в спокойном холодном воздухе храма, произносили молитвы.

Юджи знал, что этот ритуал действует успокаивающе, и поэтому сам понемногу пришел в себя. Но, взглянув на мать, когда они уже уходили из храма, заметил, что она по-прежнему чем-то встревожена.

Солнце уже взошло, его лучи с трудом пробивались

сквозь мощный слой промышленных выбросов, накрывших, словно одеяло, столицу. Асакуса казался фантастическим видением, картиной, написанной кистью художника-импрессиониста, кем-то вроде Жоржа Сёра.

Минако поежилась от холода и заметила:

— Чувствую, как что-то меняется в воздухе.

На Юджи действовало дурное предчувствие матери, но он поспешил сказать:

— Меняться будет к лучшему.

— Нет, — возразила Минако. — Мы на краю пропасти, и под нами во мраке разверзается бездна.

Размахивая в разные стороны сцепленными вместе руками, она предостерегающе произнесла:

— Юджи-сан, вижу, как что-то движется в этой бездне. Что-то такое, чего я еще не могу распознать.

По крыше автомашины тяжело молотил, как боксер кулаками, проливной дождь. Припарковав машину поблизости от „Городской гнили“, Вулф спокойно смотрел, как выбивается пар из-под асфальта, а ремонтные рабочие в непромокаемых плащах суетятся и пытаются перекрыть утечку пара.

Он уже пробовал дозвониться в министерство обороны в Вашингтоне и разыскать неуловимого Макджорджа Шипли, приятеля Моравиа, но его каждый раз отсылали из одного управления в другое. Казалось, никто не хотел брать на себя ответственность за существование Шипли. На деле же это означало, что либо он сталкивался с плохой работой хваленых федеральных чиновников, либо Маун подсунула ему неверный телефон.

Проклиная на чем свет стоит неразбериху в электронной системе министерства обороны, он позвонил из машины одному своему знакомому из нью-йоркской штаб-квартиры ФБР. Никто из городской полиции не мог запросто по-приятельски обратиться к сотрудникам ФБР, хотя время от времени они и оказывали услуги друг другу. Отношения между сотрудниками этих двух ведомств были весьма зыбкими и могли прерваться в любую минуту, стоило лишь одной из сторон отказаться взять на себя дополнительные обязанности.

Вулф держал трубку возле уха, а его знакомый Фред из ФБР ждал, когда компьютер подключится к системе. „Проклятые ремонтники“, — проворчал фэбзэровец. Вулф, глядя через ветровое стекло машины на струи пара, вырывающегося из недр Нижнего Манхэттена, только посочувствовал, может, на секунду-другую этим баловням судьбы.

— Все в порядке, — раздался наконец-то голос Фреда. — Я подключился к программе персонала министерства обороны. Как, ты говорил, зовут того парня?

— Макджордж Шипли.

— Так-так. Не клади трубку.

На противоположной стороне улицы из машины техпомощи говорил по телефону бригадир ремонтных рабочих. „Вызывает подмогу“, — догадался Вулф. Затем он переключил внимание на женщину, стоявшую на тротуаре.

Она держала на плече зонтик из рисовой бумаги. Вулф старался рассмотреть ее лицо, но мешала плотная завеса дождя. На женщине были надеты черные туфли с высокими хромированными каблуками, блестевшими в свете фар проходящих машин. Короткая черная мини-юбка не скрывала ее стройных ног. Просторный жакет из черной шерсти с кожаными вставками, отливавшими металлическим блеском, закрывал ее только до пояса. Она перешагнула через водосточный желоб, по которому рекой бурлила вода, и Вулфу сразу же бросилось в глаза ее бледное лицо с черными глазами — лицо необычайно красивое и безусловно восточное. Может, японка? Но в этот момент грузовик тяжело заурчал и поехал, разбрызгивая грязную жижу из-под колес. Женщина пропала из виду.

Вулф прикрыл веки, но зрелище изящных бедер японской девушки запечатлелось в его памяти и отказывалось исчезнуть, подобно скрытому отпечатку пальцев на ноже убийцы.

— Порядок, — раздался в трубке прокуренный голос Фреда. — Я, конечно, извиняюсь, милоч, но Макджордж Шипли нигде не числится.

— Ты уверен?

Женщина в черном по-прежнему не уходила из воображения. Более того, теперь она шла вниз по улице, красиво передвигая свои длинные ноги.

— Вот, например, есть Шипли Уильям из снабженческого управления, другой Шипли — вольнонаемный из финансового управления. Зовут Дональдом. Вот и все.

— Но он должен быть там, — не сдавался Вулф.

— Ну что же, может, и должен, — усмехнулся Фред, — но я не могу его найти.

— Как так? — Мысли о японке мигом вылетели у него из головы.

— Неполные сведения, милоч. Это касается всех правительственных справочников. Если ты заметил, немало скрытого дерьма проливается за пределами Вашингтона. Ребята, занятые в этих операциях, не упоминаются в спра-

вочниках, а то, не дай бог, кто-нибудь, пусть даже из ФБР, еще невзначай позвонит им.

— Так, значит, как тебя понимать? Что Шипли вообще не существует или что он „призрак“ из секретной службы?

— Что-то вроде этого, — ответил Фред. — Ну вот, теперь мы в расчете, милоч. Мне надо идти.

Вулф положил трубку и с минуту отрешенно смотрел, как навстречу холодному дождю со свистом вырывается горячий пар. Крыша машины непрерывно гремела, как тугой барабан. Какое, черт побери, дела имел Лоуренс Моравиа с военной разведкой? Или же Маун, упоенная своей осведомленностью, в неумной фантазии придумала липовое ведомство?

Он вынул блокнот и глянул на номер вашингтонского телефона, который она продиктовала ему и сказала, что этот призрачный Шипли якобы передал его Моравиа. Он тяжело вздохнул и набрал номер.

Семь раз раздавался длинный гудок, и он уже настроился было услышать механический голос автоответчика и положить трубку, как вдруг услышал короткую паузу, щелчок, затем гудок повторился и на другом конце провода сказали:

— Шипли слушает.

Вулф почувствовал, как у него быстро-быстро забились сердце.

— Макджордж Шипли?

— Да, да. Кто говорит?

Судя по чистому тенору, говорил молодой человек. Вулфу пришел на память образ Шипли, возникший в голове Маун. Он представился и спросил:

— Вы знаете Лоуренса Моравиа?

— Если вы не возражаете, я хотел бы получить подтверждение насчет вас от вашего начальства. Вы не против? — ответил Шипли. — Скажите мне номер вашего жетона и номер телефона. Если все окажется верным, я перезвоню вам через десять минут.

Вулф сообщил ему нужные данные, положил трубку и стал ждать, пока „призрак“ не установит его подлинность. Интересная ситуация. Чем же в самом деле занимался Моравиа, совершая челночные поездки в Японию? Если Шипли „призрак“ из военной разведки, то он занимается секретными делами на высшем уровне, и тех, кто пронюхает что-то о его деятельности, убирают. Вулф сразу сообразил, что теперь он может оказаться в подобном положении.

Сквозь завесу дождя он увидел, как подъезжают, урча

и громыхая, еще две аварийные машины. Появилось еще большее число рабочих в непромокаемых плащах, добавилось еще больше беспорядка, так как стали выгружать дорожные ограждения, а движение тем временем на улицах усилилось: приближался час пик. Авария принимала угрожающие размеры. Следующим — и заключительным — этапом станет то, что авеню Си полностью заблокируют.

Вулф вдруг подумал о том, как он только что звонил Шипли: семь длинных гудков, а потом небольшая пауза. Без сомнения, Шипли в этот момент находился в другом месте, а находиться он мог где угодно, и телефон переключали на тот аппарат, который был у него под рукой.

Раздался телефонный звонок. Вулф чуть не подпрыгнул от неожиданности. Быстро поднял трубку:

— Мэтисон слушает.

— Да, вы действительно Мэтисон, — раздался в трубке знакомый голос Шипли, но такой отчужденный, будто он собирался разочаровать собеседника. — Отвечая на ваш вопрос, скажу: да, я был знаком с Лоуренсом Моравиа.

— Он на вас работал?

— Мистер Мэтисон, — сказал Шипли, нарочито игнорируя офицерское звание Мэтисона. — Думается, нам лучше встретиться лично, тет-а-тет. Вылетайте завтра утром челночным рейсом в одиннадцать часов. Поезжайте на такси в Чайнатаун до Эйч-стрит. Там найдете ресторан „Феникс Чайнатаун“. Жду вас там в час дня.

Дорожные заграждения уже установили поперек всей дороги. За ними сразу же скопилось море включенных фар, подфарников и снующих по ветровым стеклам „дворников“: машины попали в гигантскую пробку, нетерпеливо ожидая, когда дорожная полиция организует объезды. Но сейчас, в данный момент, выбраться из пробки было просто невозможно.

Начальник полиции Джек Бризард был профессиональным полицейским; как ни посмотри — все при нем. Кроме того, он знал, как подать себя общественности. Он умел представить комиссара и мэра в нужном свете на телевидении. А ведь это было нелегким делом, особенно если учесть, что комиссара и мэра люто ненавидели во всех глухих переулках. Мэр города Джеймс Оливас, эмигрант из Пуэрто-Рико во втором поколении, в силу неблагоприятных политических обстоятельств вынужден был назначить комиссаром полиции непримиримого Хейса Уолкера Джонсона, чернокожего американца. Две их стро-

го конфиденциальные встречи, столкновение между ними как между сильными волевыми личностями вошли, как говорится, в историю.

Бризард, как никто другой в полиции, умел лавировать среди мин на этом расово-политическом минном поле. Иными словами, он знал, как нужно использовать вражду между начальством в собственных целях. Например, он сделался незаменимым для мэра, когда тому приходилось объясняться с избирателями на некоторые щекотливые темы. А это было довольно трудно, поскольку мэру нравилось, чтобы он, Бризард, и Хейс Уолкер Джонсон, оба негры — две горошины в одном стручке, присутствовали бы на таких мероприятиях вместе.

Начальник полиции мечтал, разумеется, сменить сначала одного, а затем другого. И его затея была близка к осуществлению, но тут на пути встал лейтенант Вулф Мэтисон.

Бризард никогда не любил Вулфа. Он не верил, что люди могут быть талантливыми. Талант он рассматривал как увиливание от кропотливой и упорной работы, которую он считал единственным критерием при оценке достоинств полицейского. Такой его близорукий подход усиливался, вне всякого сомнения, завистью, которую он испытывал всякий раз, когда Вулф получал поощрения по службе. Бризард считал, что все знаки внимания и публичные почести должны оказываться только ему.

Именно Бризард в свое время ловко переадресовал запрос комиссара выделить служебные помещения Вулфу и его команде и загнал их в такую дыру, откуда им век не выбраться. Он также первым узнал об убийстве Лоуренса Моравиа и придерживал рапорт до самого последнего момента, ничего не предпринимая, а когда уже подперло, направил его на исполнение Вулфу. Мысль о том, что комиссар вызывал к себе рано утром Вулфа, не давала ему покоя. Он знал об этом, так как лично проверял журнал прихода-ухода подчиненных. Комиссар не обратился к нему по поводу дела Моравиа, а он не предоставил ему всю информацию, касающуюся этого убийства.

Бризард хорошо понимал, что широкое внимание средств массовой информации к такому громкому делу сможет привлечь лишь тот человек, которому будет поручено выследить убийцу Моравиа и надеть на него наручники. Плевать ему на комиссара и на Мэтисона! Он решил сам стать этим человеком и поэтому во время проведения операции всячески зажимал Вулфа.

...Бризард сидел в ирландской полутемной пивной „У

Клэнси" в Нижнем Манхэттене. В воздухе висел настолько густой запах пива и табачного дыма, что хоть топор вешай.

Открылась входная дверь, и в зал вошел Сквэйр Ричардс. Он порыскал глазами в полумраке зала туда-сюда и напрямик направился к столику, за которым сидел Бризард, неторопливо потягивая пиво.

— Ну что, пижон, купить тебе пивка?

— Не откажусь, — сказал Сквэйр Ричардс, стряхнув дождевые капли с пальто и бросив его на расшатанный стул.

Бризард подозвал официантку — массивную тетку с крашеными волосами и накладными ресницами. Выглядела она так, будто последний раз наводила марафет еще в семидесятых годах. Через две минуты пара кружек пива шлепнулась на исцарапанный деревянный столик.

— Ну, с чем причесал? — спросил Бризард, невольно переходя на уличный жаргон. Для него это было облегчением: необходимость все время угождать и своим и чужим, больше, конечно, белым, чем черным, требовала разрядки и сказывалась на его речи.

Сквэйр Ричардс взял кружку и сделал большой глоток:

— Хочешь, чтобы я был в порядке на сто процентов со всем дерьмом, что я перелопачиваю?

— Что ты болтаешь? Что это ты там перелопачиваешь? — буркнул Бризард. — Если мы не поддержим друг друга, кто еще о нас позаботится? Этот беломордый? Он только и занят своим городом. Оливас? Он и без того по горло занят своим дерьмом, только и делает, что возится с латиносами, заполонившими его офис. А еще остается этот... как его там, мать его так... Хейс Уолкер Джонсон, он же мистер Мое-Дерьмо-Не-Так-Воняет-Как-Вапе, или мистер Моя-Работа-Сделала-Меня-Таким-Же-Как-Вы-Белые-Поэтому-Примите-Меня-Я-Буду-Хорошим-Негр-тосиком.

Произнося последнюю фразу с особым остервенением, Бризард вытянул голову вперед, как большая кусачая черепаха, и добавил:

— Ну и что ты скажешь мне, пижон? Твой начальник, хрен собачий Вулф Мэтисон, только он один может перебежать мне дорогу и не дать избавиться от Джонсона и Оливаса. Поэтому я хочу размазать его по стенке... И мне, чтоб вынь да положь его сей минут, понял, морда ты этакая?!

Сквэйр Ричардс согласно кивнул:

— Это особого труда не составит. Ну а насчет Моравиа,

так тут какое-то дерьмо влезло. Вроде как Бобби Коннор подшутил. Конечно, он был там, когда Джуниор Руиз купился на этом, но с ним случилось черт знает что, будто он увидел что-то такое, чего и видеть-то не должен был.

— Интересно, — проговорил Бризард, разглаживая свои жесткие усы. — Ты передал мне письменный рапорт об убийстве той девки, Аркуилло и Руиза. Но в нем нет ничего особенного.

— Там просто мое мнение, — ответил Ричардс, уткнувшись в кружку с пивом. — А есть еще бумага и от лейтенанта. Я знаю, что он странный тип, но в ней нет ничего из ряда вон выходящего. Главная вина за гибель Джуниора лежит, конечно, на нем. Он ни с кем не говорил, что куда-то собирается уйти, но его нигде нет. Никто не знает, где искать этого задрюгу. Он вдруг стал каким-то рассеянным.

— Еще более интересно, — заметил Бризард, потягивая пиво. — Мне очень хочется схватить этого хитрожопого колдуна за руку, поймать с поличным и больше никогда не видеть его рожу.

Затем, подмигнув Ричардсу, он добавил:

— А может, мне пристроить к нему хвост, тогда я сам поймаю эту белую рыбину?

— Меня это не колышет, шеф. Я ведь им не занимаюсь. Ты еще не знаешь, какой он хитрюга. Если ты кого-то подошлешь к нему, то предупреди, какой он. Иначе хитрожопый вмиг его расколет и свернет ему башку.

Разгладив снова усы, Бризард ухмыльнулся:

— Не дрожи, куриный потрох. Я не сделаю ничего такого, чтобы подставить тебя под удар.

И, улыбнувшись, добавил:

— Я тебя слишком ценю, чтобы выдать этому черту бесхвостому.

Глава третья

Вашингтон — Токио

Вулф прилетел в Вашингтонский национальный аэропорт челночным рейсом из Нью-Йорка с пятнадцатиминутным опозданием. Полет хоть и длился совсем недолго, но причинил массу неудобств — вроде поездки поездом в товарном вагоне. Он вышел из самолета, прошел, разминая затекшие мускулы, через аэровокзал и, накинув кожаную куртку, направился под морозящим дождем ловить такси.

На стоянке такси стояла довольно большая очередь, Вулф встал в хвост ее. Глядя на отражения людей в больших застекленных витринах здания аэровокзала, он проверил, нет ли за ним слежки, но подозрительного ничего не заметил. Однако, когда подошла его очередь, он внезапно сорвался с места и кинулся в аэровокзал, будто забыл что-то. Поболтавшись там минут пять, он вернулся к стоянке, народу к тому времени стало намного меньше, и он без труда схватил первое подъехавшее такси.

Чайнатаун в Вашингтоне намного меньше нью-йоркского, но такой же мрачный, хотя и не столь грязный. Количество же закусочных и лотков на Эйч-стрит, проходящей через этот район, не уступает, пожалуй, и Гонконгу.

Ресторан „Феникс Чайнатаун“ по виду ничем не отличался от соседних, разве что у входа в него стояла пара облупившихся каменных собак. Внутри ресторана царил полумрак, вся обстановка, стены, столы, на которых стояли разные специи и приправы к рису, приготовленному на пару, возбуждали аппетит и располагали к приятному отдыху.

Время приближалось к часу, зал был набит до отказа. Вулф с трудом нашел свободный столик и присел на скамью, обтянутую потертым дерматином красноватого цвета.

Шустрый официант ловко кинул на стол засаленное меню, налил горячего чаю в обыкновенный стакан и поставил рядом металлический чайник. Ровно в час Вулф, по-

чувствуя, что изрядно проголодался, заказал горячий наперченный суп. Через пять минут суп подали, вместе с ним принесли чашку лапши и блюдечко с маринованной капустой.

Вулф быстро справился с супом — неплохой; попробовал лапшу — невкусно. В это время из-за столика в другом углу ресторана поднялся и направился к нему высокий, стройный мужчина явно восточного вида.

— Мистер Мэтисон! Мистер Шипли задерживается немного и просит извинения.

Мужчина казался человеком самим себе на уме, стоял твердо и уверенно, не произнося больше ни слова.

Вулф налил в пустой стакан чаю и предложил ему. Мужчина поблагодарил и присел на скамейку напротив.

— А ведь вы вроде не китаец? — с вопросительной интонацией произнес Вулф.

— Я японец, — услышал он в ответ. — Но мне по душе китайская кухня. Похоже, начинают нравиться и чизбургеры.

Мужчина протянул руку через стол:

— Зовут меня Джейсон Яшида.

Вулф пристально взглянул на него:

— Давно ли следите за мной, мистер Яшида?

— Если быть точным, то за вами я не слежу. Наблюдаю за всем, что делается вокруг вас.

— Хвоста за собой я не обнаружил, — заметил Вулф, — если это вас интересует.

— Меня это интересует всегда, — ответил Яшида, попивая чай. — Может, пойдем? Мистер Шипли уже ждет.

Вулф полез за бумажником, но Яшида жестом остановил его:

— Уже все оплачено, мистер Мэтисон. Все расходы берем на себя.

Яшида повел его не к центральному входу, а к боковому — через ресторан, по длинному коридору, мимо телефона-автомата — и вывел наконец в узкий переулок. Там они повернули налево, потом опять налево и подошли к черному „таурусу“ с правительственными номерными знаками. „Таурус“ стоял там, где стоянка была запрещена. Яшида отпер дверцу, и они сели в машину.

Сделав пару поворотов, машина выехала на Эйч-стрит и помчалась на запад.

— Вы работаете у Шипли? — спросил Вулф.

— Что-то вроде этого, — ответил Яшида, явно давая понять, что не расположен к разговорам.

Они проехали по Массачусетс-авеню до Дюпон-серкл и

свернули на Коннектикут-авеню, держа курс на северо-восток, к Рок-Грик-Парку. У северной стороны парка повернули направо, на Тилден-стрит, затем налево, на Линен-авеню.

— Имение „Хиллвуд“ принадлежит миссис Марджори Меркуззер Поуст, — пояснил Яшида, разразившись вдруг тирадой, когда они проезжали высокие чугунные ворота. — Но раньше, в начале XVIII века, этим участком площадью две тысячи акров владел Айзек Пирс.

Он приветливо кивнул стоящему у ворот пожилому негру в незнакомой Вулфу униформе. Не исключено, что это была форма какой-нибудь частной фирмы, обеспечивающей безопасность.

По длинной крутой извилистой дороге они подъехали к подножию невысокого холма. Наверху него стоял приземистый большой кирпичный особняк георгианского стиля, построенный, как сказал Яшида, в 1928 году.

Машина остановилась, но Яшида мотор не выключал и явно не собирался выходить.

— Позади главного здания есть тропинка, по ней вы дойдете до холмика, — объяснил он. — Поднимайтесь на него у развилки и идите влево мимо маленькой русской дачи. Так вы дойдете до бревенчатого дома.

Вулф терпеливо ждал, когда Яшида выйдет и поведет его, но, поняв, что тот не собирается выходить, спросил:

— Это все?

Яшида повернулся к нему, и Вулф тут же почувствовал, что тому стало как-то неловко от его вопроса.

— Мистер Шипли ждет вас, — сказал он с укором, как будто Вулф собирался отказаться от встречи с „призраком“.

Как Яшида и объяснил, за развилкой вынырнула, будто из сказки, крошечная дачка, а в конце тропинки и в самом деле показался бревенчатый домик. Едва приоткрыв дверь, Вулф сразу же почувствовал разницу в температуре и влажности — это говорило о том, что вход в домик закрывался герметически, и он тут же понял, для чего.

Помещение внутри домика было переоборудовано под этнографический музей, в нем миссис Поуст собрала внушительную коллекцию одежды и разных вещей американских индейцев: кожаные штаны, расшитые бисером мокасины, раскрашенные боевые барабаны, ткацкие и плетеные изделия — ценности украденной истории племен Великих американских равнин.

Вулф так увлекся осмотром экспонатов, что чуть было

не пропустил, как в домик вошел молодой человек, точно соответствующий образу, возникшему в памяти Маун: светлые коротко подстриженные волосы, удлиненное приятное лицо с красивыми голубыми глазами и слабо очерченным подбородком. Одет он в общепринятый среди Вашингтонских государственных служащих костюм: темно-синий пиджак, накрахмаленная белая рубашка, скромный галстук в полоску. В этом костюме он мог пройти, не бросаясь в глаза, по всем коридорам любого правительственного учреждения в Вашингтоне. Он протянул руку:

— Мистер Мэтисон?

Доброжелательная улыбка на его лице могла растопить любой лед. Твердое деловое рукопожатие тоже подтверждало дружелюбный настрой.

— Мистер Шипли, если не ошибаюсь?

Шипли ухмыльнулся и стал вдруг похож на простодушного мальчишку.

— Я извиняюсь за то, что место встречи пришлось изменить, но это вынужденная предосторожность, — сказал он.

Вулф припомнил, что все агенты спецслужб, как правило, мнительные шизики и параноики, и высказал предположение:

— Ваш человек мистер Яшида, кажется, проявил беспокойство, что за мной следят в Чайнатауне. Кто бы мог следить за мной?

— Не пойдете ли сюда? — вместо ответа попросил Шипли и повел его по лестнице из дерева и металла на маленькие антресоли, где можно было с близкого расстояния полюбоваться великолепными ткаными индейскими одеялами. С антресолей тоже прекрасно просматривались все внутренние помещения.

Вулф ухватился за полированные деревянные перила и сказал:

— Мой первый вопрос таков: если Моравиа был агентом, работающим на министерство обороны, то почему тогда ФБР не обследовало место, где его убили, и не помещало мне проводить расследование? Мы сделали бы из этого недоразумения неплохой средненький кинофильм.

Шипли рассмеялся, будто запыхтел на морозном воздухе.

— Вы мне нравитесь, мистер Мэтисон. Между тем, что вы говорите и что думаете, нет ничего общего — это мне о вас так сказали. Но всегда лучше лично перепроверить сказанное.

Вулф искоса взглянул на него:

— Вам сказали, что меня на мякине не проведешь? Кто же, интересно?

Шипли лишь глубоко вздохнул и обвел взглядом экспонаты, заботливо упрятанные под стекло.

— Взгляните-ка сюда, мистер Мэтисон, это вроде как святыня, разве вы так не думаете?

— Я думаю о другом, а именно о том, что это не проясняет историю с Моравиа.

Шипли сочувственно кивнул головой:

— Слишком мало фактов, слишком поздно, не так ли? Могу только посочувствовать.

— Сомневаюсь, что можете.

На упрек Шипли не отреагировал и опять ушел от ответа:

— Но есть же такие, которые любили индейцев. Ваш отец, к примеру.

Теперь Вулф догадался, почему его привели сюда, в музей быта индейцев. Такой шаг „призрака“ быстрее и доходчивее любых слов объяснил ему, что военная разведка (или какое-то другое ведомство) прекрасно знает, кто он есть сейчас, кем был раньше и что ему важно и дорого. Или же, по меньшей мере, считает так.

— Думается, вам нет нужды заглядывать в наше досье на вас, не так ли? — как-то по-обыденному, между прочим, поинтересовался Шипли.

— Да, так.

Шипли понимающе кивнул головой, явно удовлетворенный тем, как идет их разговор, и сказал:

— Лоуренс Моравиа работал на нас, мистер Мэтисон, хотя и сугубо неофициально.

— У вас четко различают официальную и неофициальную работу, так, что ли, понимать?

Шипли резко повернулся к нему, его голубые глаза неестественно ярко сверкнули под светом лампы верхнего света. Вулф даже подумал, а не вставлены ли у него контактные линзы.

— Фамилия Моравиа не проходила нигде: ни в отчетах разведывательного управления, ни в бухгалтерских документах, ни в досье, ни в микрофильмах. За услуги он получал наличными из фонда, который фигурирует у нас по статье „Текущие расходы на операции“. У вас в полиции есть такая статья?

— Другими словами, неподотчетные расходы производились по особым статьям?

Шипли натянуто улыбнулся:

— Сразу чувствуется знающий человек, мистер Мэти-

сон. Между прочим, вы что, учились навыкам своей профессии за границей? Во Вьетнаме?

— У вас что, был наблюдатель в аэропорту?

— Так точно, — заверил Шипли. — Но, как вы заметили, никто за вами не следил до самого Чайнатауна, даже мы. Вы все проделали лучшим образом, мистеру Яшиде беспокоиться не пришлось.

Вулф тяжело вздохнул. Он находился не у себя дома, в группе по расследованию убийств, а совсем в другой обстановке. Как долго эти „призраки“ будут мириться с его пребыванием здесь? По всему видно, нагрянул он сюда неожиданно-негаданно.

— На ваш вопрос отвечаю, — сказал Шипли, — что мы не посылали своих людей следить за вами, именно потому что не хотели мешать вашему расследованию. Как вы воспримете это?

— Ну что ж, должно быть, поэтому ФБР и не встревало в это дело. Я хочу сказать, что там знали, что Моравиа был вашим тайным агентом.

— Неофициальным.

Шипли пододвинулся поближе к Вулфу и, понизив голос, стал пояснять:

— Термин „неофициальный“ мы применяем только в оперативных разработках. Поскольку Моравиа был глубоко законспирированным агентом для особых поручений, официально он считался гражданским лицом. Можете вообразить, какими вопросами закидали бы нас, направо мы своих людей проводить расследование обстоятельств его убийства? Да нам тогда и работать бы не дали.

Он медленно и неслышно передвигался по антресолям, как бы следя за тем, не пришел ли еще кто-нибудь сюда. Вулф следовал за ним.

— Ну а теперь вы ответьте на мой вопрос, — попросил Шипли. — Каким образом вы узнали мой домашний телефон?

Вулф рассказал ему о посещении выставки „Алфавет-Сити“ и о том, как Маун вспомнила его визит в качестве гостя Моравиа.

Шипли стоял и кивал головой, лицо его опечалилось.

— Вот вам, черт возьми, веская причина, почему нам официально запрещено использовать гражданских лиц. Это как раз и доказывает то, что, станешь общаться с гражданскими, плохо будешь исполнять свои обязанности.

Вулф подвинулся поближе и вполголоса спросил:

— А чем занимался Моравиа?

Шипли лишь отрицательно покачал головой:

— Государственная тайна. Вы же знаете, что об этом я говорить не имею права.

— В таком случае вы преднамеренно связываете мне руки и не даете вести расследование. Мне и без того многое непонятно, я в недоумении, кто же мог его прикончить: конкуренты, личные враги или какой-то вор-мокрушник, которого он невзначай застукал у себя в офисе? Скажите мне хоть что-нибудь. Укажите хоть направление, куда двигаться.

— Могу лишь посочувствовать, мистер Мэтисон, — тяжело вздохнул Шипли, и лицо его приняло еще более удрученный вид. — Дела действительно плохи, потому что вам нужно продолжать расследование.

— Продолжать?

— Да, продолжайте, мистер Мэтисон. У вас есть все необходимое для этого: вы сообразительны, у вас прекрасная, необыкновенная репутация, вы, наконец, детектив, способный размотать любое убийство, под рукой у вас самостоятельная команда сыщиков и полная поддержка со стороны нью-йоркской полиции. Но факты таковы, что после вашего вопроса я не могу положиться ни на одно из гражданских лиц, даже если бы от этого зависела моя жизнь.

У Вулфа мелькнула мысль, что время, отпущенное ему на расследование дела Моравиа, вот-вот иссякнет, а он пока что достиг очень малого, совсем не того, чего ожидал.

— Ну я-то вряд ли гражданское лицо, — заметил он.

— С точки зрения моего управления...

— По своей сути мы ведь оба фараоны, не так ли?

Шипли пристально посмотрел на него. Глаза его на мгновение ярко сверкнули, будто голубые осколки, явно выдавая, что он очень нуждается в помощи Вулфа. Затем они опять как бы задернулись непроницаемыми шторками, отделяя его от всего, что не представляло для него интереса. И все же, будто по запаху перезревшего фрукта, Вулф сумел учуять, что от него нужно Шипли. Вот, оказывается, на чем можно сыграть и извлечь для себя пользу! Поэтому он предложил:

— Вы и я — оба принадлежим к одному своеобразному братству. Шансов на успех у нас нет, мы вечно подвергаемся опасностям, шагаем по проволоке между светом и тенью, живем рутинными, будничными днями.

Шипли одарил его широко — на миллион долларов — улыбкой:

— Хорошо понимаю, чем вы занимаетесь, мистер Мэтисон.

— Лейтенант Мэтисон, к вашему сведению.

— Да, так, я и забыл совсем, — согласился Шипли. — Но это не делает разницы, лейтенант Мэтисон. Ваша попытка связать нас вместе не срабатывает. Вы, может быть, и „фараон“, но вы же клялись соблюдать закон, так ведь, кажется, говорится в вашей клятве? Я такой клятвой не связан. Я присягал всегда блюсти суверенитет Соединенных Штатов Америки. Что бы ни потребовалось для этого.

— Так вот как звучит ваша клятва, мистер Шипли.

— Да, сэр, — засмеялся молодой человек, — присяга, которую мы принимаем в конфиденциальном порядке, примерно так и звучит. — Он покачал головой. — Но, как я уже сказал, мы не можем работать вместе.

Шипли уже собрался было уходить, как Вулф неожиданно произнес:

— Без меня вам ни за что не раскрутить это дело. А не раскрутите, что станете делать?

— Да просто-напросто буду двигаться потихоньку, пока хватит сил, — недоуменно пожал плечами Шипли. — Ну что ж, прощайте, лейтенант. Больше мы, пожалуй, не встретимся.

Вулф дождался, пока он подойдет к лестнице, а потом вдруг спросил:

— Шипли, скажите мне лишь одно: в каком году родился Моравиа?

Шипли обернулся и окинул Вулфа любопытным взглядом:

— В тысяча девятьсот сорок четвертом. Помнится, двадцать третьего ноября.

— Вы уверены в этом?

Вулф почувствовал, что Шипли очень заинтересовался вопросом, потому как спросил его:

— Если у вас есть что-нибудь важное, выкладывайте прямо сейчас.

— Да, у меня есть кое-что важное, — ответил Вулф, подходя к нему поближе. — И вот что: если Лоуренсу Моравиа сейчас сорок восемь лет, то почему же тогда главный медицинский эксперт Нью-Йорка божится, что внутренние органы у него, как у тридцатилетнего?

Не шевелясь и не говоря ни слова, Шипли долго стоял в раздумье. Казалось, что даже атмосфера помещения, пропитанная духом старинных экспонатов, упрятанных под стекло, сгустилась под воздействием их многовековой истории.

Наконец Шипли оторвался от дум, будто очнулся от

глубокого сна. Жестом он пригласил Вулфа следовать за ним:

— Лейтенант, полагаю, вам лучше проехать со мной.

Нишицу чувствовал себя отдохнувшим, готовым взяться за дело. Обычно он не считал себя самодовольным умником, радующимся своей же мудрости, — в мире слишком много опасных ловушек, чтобы благодушествовать, — но в данном случае он позволил себе расслабиться, испытывая удовлетворение от того, что ему удалось завербовать Ивэн. Все члены храма Запретных грез влюблены в нее и, что особенно важно, доверяют ей. Возможно, потому, что она единственная, кто никогда не покидал стены храма. Уже по одной этой причине Ивэн — удивительная женщина, а у нее ведь немало и других достоинств, так нужных ему. На первый взгляд она казалась простодушным ребенком, да и выглядела будто девочка, но, если надо было, проявляла острый как бритва ум и редкую сообразительность, что приходит лишь с возрастом.

Он подумал об этом, проходя по маленькому садику, все уголки которого припорошил легкий снежок. Нишицу посмотрел на уходящие ввысь коробки небоскребов. Члены тайного общества Черного клинка пока еще быстро принимают меры, и скоро все встанет на свои места: воплотятся в жизнь их планы, вынашиваемые десятилетиями. Но теперь все они как бы ходят по тонкой проволоке, натянутой над пропастью, и доказательством может служить проникновение в их ряды шпиона Моравиа, а также существование среди них потенциального предателя.

В самом центре сада Нишицу остановился, вспомнив, как Достопочтенная Мать, открыв свои светлые, по цвету и форме похожие на бриллианты глаза, сказала ему:

— Кто-то собирается, уже направился или вот-вот направится сюда, чтобы мешать нам, расстраивать наши планы и дела, а это одно и то же, ибо мысль и поступок совершаются согласованно.

Он всегда с вниманием прислушивался к словам Достопочтенной Матери, потому что она обладает даром предвидения и почти никогда не ошибается. Она, словно наяву, в каком-то призрачном мерцании могла видеть смутные очертания будущего, пронизывающие ее мозг подобно черному клинку, чего он вообразить себе никак не мог. Но он внимал ее страшным предсказаниям, от которых кровь стыла в жилах, а вняв, начинал энергично действовать. Итак, Ивэн вычислит предателя.

Нишицу пошел дальше: без пальто было несколько

холодно. Раздвинув створки другой двери, он прежде всего разулся, затем встал на колени и так, на четвереньках, по старинному обычаю, вполз в комнату.

Первой он увидел Минако Шиян — мать Юджи Шияна, председателя совета директоров „Шиян когаку“, крупнейшего японского индустриального конгломерата, и самого нужного Нишицу человека. Минако — великолепная женщина, желанная для Нишицу; она может поспорить своей привлекательностью с любой девушкой, даже вдвое моложе ее. Глаза у нее сверкают; волосы — длинные, блестящие и черные как вороново крыло — причудливо уложены в сложную прическу, обрамляющую ее прекрасное лицо. От нее так и веет чарующей силой. Притягательная сила женских чар похожа на жар, который ощущает рука, если протянуть ее к открытой топке очага.

Нишицу вдруг почувствовал, что тут находится и другая женщина; он почувствовал бы ее присутствие, даже будь она на другом конце храма Запретных грез. Он не осмелился взглянуть на нее в упор, зная, что Достопочтенной Матери больше нравится, когда на нее не смотрят, ибо ее вид ослепляет, как ярко сияющее солнце.

— Я огорчен, что так произошло с вашим другом Моравиа-сан, — лицемерно сказал Нишицу, не веря ни единому своему слову. — Но Моравиа получил то, чего и заслуживал.

Минако печально кивнула головой:

— Должно быть, я легкомысленно поступила, не рассмотревшись к нему как следует.

— Тут мы все виноваты одинаково, — спокойно заметила Достопочтенная Мать.

— А если говорить начистоту, все произошло случайно, — стал объяснять Нишицу. — Его безобидный вид, а он умел прикидываться простачком, усыпил нашу бдительность, и мы вели с ним дела, совершенно ничего не подозревая.

— Нам известны его хозяева, — произнесла Достопочтенная Мать, — и мы поступим с ними соответствующим образом. Однако сегодня нас ждут более неотложные дела, и сейчас мы отправимся на задний двор нашего храма решать их.

Нишицу понимающе кивнул и сказал:

— Речь пойдет о вашем сыне, Минако-сан. Мы понимаем, по крайней мере, всегда с пониманием к вам относились, ваше желание удерживать его от общения с нами, от наших дел. До сих пор мы считались с вашим желанием.

— К сожалению, дальше так продолжаться не может, —插入了 слово Достопочтенная Мать.

— Что случилось? — встревожилась Минако.

Нишицу встал с четверенек, прошел в одних чулках к задней стенке комнаты и остановился там, выглянув в сад, окутанный блеклым светом, слабо пробивающимся из-за окружающих его со всех сторон зданий. Он был чрезвычайно энергичным человеком и вместе с тем обладал завидным спокойствием; говорили, что сад создан благодаря его заботам и что он черпает свои силы, отдыхая здесь и любясь им — его валунами, бамбуком, песком, водой, кленами, камнями, декоративными кустарниками. „Вероятно, такое происходит потому, — подумала Минако, — что он довел архитектора сада до самоубийства (так гласила молва), чтобы тот не смог создать ничего подобного для кого-нибудь еще“. Архитектор был похоронен здесь же, в саду, а дух его, запертый в стенах храма, продолжал по-прежнему питать и вдохновлять Нишицу, как питают и придают силы рис и рыба во время ежедневной трапезы.

— А случилось то, — ответил Нишицу, — что мы встретимся с нашим врагом или врагами, затесавшимися в наши ряды.

Он внимательно окинул Минако своим жемчужно-белым глазом, стараясь предугадать, когда у нее быстрее забьется сердце или участится дыхание, заметить хоть малейшую испарину или непроизвольное сокращение мышц, что будет свидетельствовать о ее встревоженности. Но ничего заметить так и не смог.

— А могут эти новые обстоятельства как-то оказаться связанными с делом Моравиа? — спросила Минако.

— Вопрос по существу, и я понимаю, что он вам далеко не безынтересен, — заметил Нишицу, наблюдая за ее реакцией, затем повернулся и, созерцая сад, продолжал: — В данный момент правильно ответить вам я не могу. Знаю только, что сейчас за нами следят. Больше у нас нет в запасе времени. Вследствие этого мы начинаем осуществлять заключительные фазы нашего плана. Нам осталось только включить в свои ряды вашего сына и тех, кто следует за ним. А для этого нужна ваша помощь, Минако-сан.

— Понимаю, — ответила она.

— В самом деле? — насел на нее Нишицу. — Не уверен. Если бы речь шла о моем сыне, то, думаю, я пожелал бы прояснить конфликт между „гири“ и „ниндзэ“.

— Как в кинофильмах о гангстерах? — заметила Минако с нарочитой проницательностью. Она прекрасно знала, что означают эти два термина. „Гири“ — это чувство долга, ответственности перед семьей или общиной, без которых жизнь

утрачивает свой смысл. „Ниндзё“ означает чувство любви, возникающее между ребенком и матерью. „Гири“ почти всегда противоречит „ниндзё“. Природа такого противоречия придает конфликтным ситуациям особую остроту. Эти столкновения помнятся веками, о них вспоминают снова и снова в преданиях и балладах, а слушатели, не стесняясь слез, горько плачут вместе с матерью, восхищаясь ее благородством.

Подобный разрыв может также произойти между нею и Юджи. Она испытывала „гири“ по отношению к обществу Черного клинка, которому много чего пожертвовала за несколько десятилетий. Но вот теперь, используя Юджи, Нишицу поставил под сомнение ее преданность обществу из-за испытываемого ею чувства „ниндзё“ к сыну, которое до сих пор для нее было священным и не связывалось с ее жизнью в обществе Черного клинка.

— Я никак не отрицаю существования конфликта, — стала объяснять Минако, — но он носит внутренний характер и вас не касается. Я член „Тошин Куро Косай“. Мои жертвования и вклады подтверждены надежными документами. Что скажете на этот счет, Нишицу-сан?

— Все это так, — спокойно ответил Нишицу и слегка склонил голову в знак согласия. — И все же нам известно ваше особое отношение к сыну. В конце концов, он единственный из ваших четверых детей, кто не состоит в „Тошин Куро Косай“ и не знает о вашем участии в нем. Вы сами держите его в неведении и не позволяете вступить в общество, игнорируя все наши усилия.

Он вернулся в глубь комнаты, сел подле нее на циновку и продолжал:

— Теперь же все это должно измениться. Мы просим вас принести последнюю жертву.

— Просите меня? — собравшись с духом, улыбнулась Минако. — Меня вызвали сюда принести последнюю жертву, и я, как девчонка, помчалась на эту встречу. Отныне знайте: что бы „Тошин Куро Косай“ ни потребовало от меня, я подчинюсь и сделаю. Ничто не изменилось.

Нишицу кивнул головой:

— Нам важно говорить об этом честно и открыто.

— Понимаю, — ответила Минако.

— В таком случае приведите своего сына Юджи Шиана не позднее чем через две недели.

Минако ничего не ответила, и в комнате снова воцарилась тишина; на этот раз не по ее инициативе. Но вот шевельнулась Достопочтенная Мать и спросила:

— Скажите мне, Минако-сан, как вы намерены объяснить сыну философские воззрения, которые просто претят ему?

— Выбора у меня нет, — покорно ответила Минако. — Я должна призвать на помощь его лучшего друга Шото Вакарэ.

Перед главной резиденцией в Хиллвуде Вулф заметил Джейсона Яшиду за рулем темно-синего „линкольна“ с правительственными номерными знаками. Интересно, а где же тот черный „таурус“? Яшида открыл заднюю дверь, и они сели в машину. Шипли сразу же нажал кнопку — за спиной шофера автоматически поднялось стекло. Они поехали, но затененные стекла машины не позволяли Вулфу следить за маршрутом. Вскоре он совсем отказался от этой затеи.

— Что вы знаете о Японии, лейтенант?

— Я всего лишь хорошо знаю борьбу айкидо, — улыбнулся Вулф.

— Мне это известно. Ну а как насчет культуры Японии, ее духовной жизни? Я имею в виду прежде всего современную политическую жизнь.

— Только то, что пишут газеты.

— Этого очень и очень мало, лейтенант. Чересчур мало.

Шипли протянул руку и нажал другую кнопку — откинулась покрытая деревянной панелью стальная пластина, под ней оказалась дверца сейфа. Двумя ловкими поворотами Шипли открыл ее и вытащил серую папку со сверкающей золотом печатью президента Соединенных Штатов, перехваченную широкой синей лентой. Под печатью рельефными красными буквами было написано: „Только для прочтения“.

Развязывая ленту, Шипли обращался с папкой осторожно и заботливо, словно священник с чашей для причастия.

— Вот здесь, — сказал он, положив ладони на папку, — есть все, что вам нужно знать о современной Японии. О ее будущем и настоящем. А также о смерти Лоуренса Моравиа.

Открыв папку, Шипли извлек из нее профессионально снятую фотографию грозного на вид человека с квадратным подбородком, свидетельствующим о твердом и решительном характере, один его глаз был подернут белесой пленой.

— Это Наохару Нишицу, — пояснил он. — Как вы, должно быть, знаете из газет, он руководитель Либераль-

но-демократической партии, по сути дела, единственной настоящей политической партии в стране. ЛДП богата так, как нам даже и не снилось. Ее фонды ежегодно пополняются огромными вкладами от ведущих промышленных корпораций Японии.

Тот факт, что Нишицу представляет в ЛДП ее могущественное и вместе с тем опасное ультраконсервативное крыло, тщательно замалчивается. Недавно мы получили разведанные, в которых сообщается, что многие демонстрации и бурные стычки, приписываемые японским фанатически настроенным правым националистическим группировкам, на самом деле инспирированы этой фракцией. Она их финансирует и благословляет на беспорядки. Это означает, во-первых, что эти мелкие группировки, считавшиеся прежде разрозненными, не получающими материальной помощи и не оказывающими реального влияния на политическую жизнь, на самом деле не такие уж безвредные. И во-вторых, что главный дирижер принимающих все более широкий размах террористических акций — Нишицу. Впоследствии эти разведанные были подтверждены другими... источниками.

Вулф заметил, что Шипли внимательно смотрит на него, опасаясь, как бы он не пропустил что-нибудь из сказанного.

— Дело очень серьезное, лейтенант. Я не могу даже переоценить его значимость, — продолжал он. — В 1990 году, например, мэра Нагасаки убили всего лишь за намек на то, что, мол, император Японии должен разделить ответственность за вторую мировую войну. А спустя восемь месяцев тяжело ранили премьер-министра за его призыв пошире открыть двери Японии для вхождения американского капитала. Фанатики называли эти зверские нападения „актами справедливости“, а Нишицу в частной беседе упомянул о них как о „божественной каре“.

Тот факт, что эти наглые убийства оплачиваются из кармана официально действующей японской корпорации, говорит о том, что... Ну, в общем, мы рассматривали его абсолютно немыслимым, пока не получили последние разведанные.

— А если имеются на руках неопровержимые доказательства, — заметил Вулф, — то почему же тогда не представить их японскому правительству?

— Тут возникают две проблемы, — пояснил Шипли. — Во-первых, японское правительство не имеет ни малейшего представления, насколько широка в Японии наша разведывательная сеть. У нас же нет ни малейшего желания

даже намекать на ее масштабы. Во-вторых, верные Нишицу люди настолько глубоко проникли во все эшелоны власти Японии, что мы теперь и не знаем, кому можно доверять.

— Звучит все это довольно мрачно.

— Более чем мрачно, уж поверьте мне. За последние восемнадцать месяцев скончались несколько видных деятелей ЛДП — кто погиб в автомобильной катастрофе, кто умер от внезапного сердечного приступа. Других затравили скандальными историями, и они с позором ушли в отставку. Мы копнули поглубже — и теперь всерьез подозреваем, что все это дело рук Нишицу: он выметает либералов с высших руководящих постов ЛДП, чтобы на следующих выборах провести в правительственные органы на всех уровнях традиционалистов, ультраконсерваторов и наиболее опасных из всех — радикальных кандидатов от ЛДП. Если эту тенденцию не пресечь, то главное направление японской политической жизни примет еще более правый характер, чем накануне Перл-Харбора.

Шипли взял фотографию Нишицу и вытащил другую, тоже сделанную в фотоателье, но Вулфу сразу ее не показал, а сказал лишь:

— Обстановка требует нашего самого непосредственного участия.

— Подождите немного, — попросил Вулф. — Я близко общался кое с кем из „призраков“ во Вьетнаме, но это было давным-давно, и с тех пор жаргон изменился. Что, к примеру, означает „самое непосредственное участие“?

— Это означает, лейтенант, состояние, очень близкое к тайной войне, всего один маленький шаг до нее.

Вулф на минуту-другую отвернулся, вглядываясь в затененные стекла и вспоминая экспонаты, выставленные в бревенчатом доме в Хиллвуде: кожаные штаны, боевые луки, тканые изделия, томагавки. Ему понадобилось какое-то время, чтобы осмыслить не только то, что сказал Шипли, но и последствия сказанного. Подумав, он обратился к „призраку“.

— Я хотел бы, чтобы вы пояснили еще более подробно. Понимаете ли вы под тайной войной ситуацию, схожую с холодной войной, которую мы вели с Советским Союзом?

— Да, именно так и понимаю.

„Господи, — подумал Вулф, — какого черта я куда-то лезу?“ У него даже мелькнула мысль, а не попросить ли Шипли остановить машину, выпустить его и никогда больше не встречаться. Но он знал, что ничего такого на делает. Теперь внутри него зажегся знакомый огонек и будет

так гореть до самого конца этого нового, все более захватывающего ум расследования.

— Продолжать? — спросил Шипли.

Вулф кивнул в знак согласия.

— Таким образом, все это дело рук самого Нишицу, а не террористических группок, которые он спланирует и финансирует, — продолжал Шипли. — Совсем недавно разведка подтвердила сведения, переданные ей, впрочем, Лоуренсом Моравиа, что Нишицу является также лидером „Тошин Куро Косай“ — организации, известной как тайное общество Черного клинка. Оно так глубоко законспирировано, что большинство японцев никогда даже не слышали о нем. Это политическая клика (должен заметить, что пока мы располагаем лишь неподтвержденными данными), объединяющая влиятельных лиц из всех командных слоев японского общества: бизнесменов, политических деятелей, чиновников, мафиози. Их целью является и всегда являлось покорение мира, но своим путем и в свое время.

Говорят, что в 1937 году „Тошин Куро Косай“ выступала против агрессивной империалистической политики Японии, а спустя несколько лет выступила против нападения на Перл-Харбор. Позднее утверждалось, что ее лидеры довольно хорошо осведомлены о военной мощи и решимости Соединенных Штатов к действию и призывали считаться с этими факторами.

Но в ту пору Япония не была столь сильна, как сейчас, а власть в ней захватил могущественный военно-промышленный комплекс, так называемый „дзайбацу“. В конце концов он и привел страну к поражению в войне на Тихом океане.

После разгрома общество Черного клинка присмирело и ушло в глубокое подполье, где отсиживалось до тех пор, пока не прошли суды над военными преступниками во время американской оккупации страны и не прекратила свое существование американская военная администрация. Через некоторое время общество возродилось вновь и стало постепенно набирать силу, пока не сделалось еще более влиятельным, чем прежде. Нам известно, что высокие темпы экономического развития Японии в послевоенные десятилетия были заданы членами общества Черного клинка, проводившими свою экономическую политику через могущественное министерство внешней торговли и промышленности и с помощью руководителей новых промышленных монополий „кейрецу“, пришедших на смену прежних „дзайбацу“. Подумайте об этом, лейтенант. Этот клан разрабатывает и осуществляет экономическую поли-

тику для всей страны, с тем чтобы экономика в предстоящие десятилетия развивалась бы и дальше, а не топталась на месте.

Шипли явно восхищался достижениями японцев, что придавало его опасениям реальный и конкретный характер.

— Можно ли представить себе, что еще в 1947 году они сформулировали сложные концепции, которые не утратят своей ценности и в XXI веке? Наши лучшие умы до сих пор не могут додуматься до этого. Посмотрите, что сделало из Японии общество Черного клинка: этаким экономический и технологический колосс, какой ранее и вообразить было невозможно.

Вот мы и выступаем против этого, лейтенант. А теперь мы располагаем информацией, абсолютно достоверной и многократно подтвержденной, что тайное общество Черного клинка достигло такой мощи, что способно осуществить свои планы: утвердить экономическое господство во всем мире.

Только теперь Шипли протянул вторую фотографию и пояснил:

— Это Юджи Шиян — человек достаточно влиятельный, чтобы приостановить восхождение Нишицу к власти.

На фотографии был изображен мужчина с тонкими чертами лица. Его непривычно длинные блестящие черные волосы спускались до самых плеч. Глаза были добрые, но в глубине их Вулф заметил затаенный огонек, выражающий странные, непонятные эмоции... Не ярость и не одержимость, нет! Но что-то страстное и решительное...

— Наохару Нишицу и Юджи Шиян. Один представляет воинственных радикалов, грезящих об осуществлении вековой мечты японцев — всемирном господстве. Другой — выступает за Японию, несущую ответственность за глобальный новый порядок, — пояснил Шипли. — Мелкие скандалы, разразившиеся в последние годы и поколебавшие всю политико-экономическую инфраструктуру Японии, ослабили личные позиции Шияна и приглушили его голос, который он время от времени поднимал против торговли тайной информацией и ростовщичества, чем всегда потихоньку занимались во всех деловых и политических кругах Японии. Нишицу еще предстоит склонить на свою сторону совершенно новую прослойку в японском обществе: могущественных технократов, чьи изобретения и усовершенствования должны обеспечить стране экономическую безопасность в XXI веке. В связи с тем что Шиян пользуется среди них безмерным авторитетом и

влиянием, он имеет для Нишицу особую ценность. До сих пор Шияна не трогали лестные предложения Нишицу. Но могущество второго все возрастает. Хотя Шиян все еще не отказался от намеченного к нам приезда в ближайшие полгода для чтения лекций с целью убедить американцев воспринимать Японию такой, какова она есть, мы тем не менее полагаться на него больше не можем.

Шипли положил фотографию Юджи Шияна обратно в папку.

— Перед Моравиа поставили задачу собрать достаточно убедительный компромат на Нишицу, чтобы приостановить растущее влияние „Тошин Куро Косай“ в Японии. Так сказать, приложить Нишицу. Как только его уберут, мы сможем сконцентрировать и помочь утвердить в Японии новый порядок и развалить тайное общество Черного клинка.

— Но ведь кто-то встал на пути Моравиа! — воскликнул Вулф.

Шипли поморщился и согласно кивнул головой. Потом вытащил третью фотографию, по виду любительскую, черно-белую, явно снятую с большого расстояния. С фотографии на Вулфа смотрел японец с резкими чертами лица, с коротко подстриженными волосами с проседью и нависшими косматыми бровями. Глаза его хоть и получились на снимке затемненными, но все равно были какими-то пронзительными, сверлящими.

— Этого человека зовут Мизусумаши Кафу, или Водяной Паук. Так его зовут по-японски. Но известен он больше под именем Сума. Он кажется слишком маленьким и хрупким для убийцы. Однако пусть вас не вводит в заблуждение его невзрачная фигура, — угрюмо заметил Шипли. — Водяной Паук. Господи, надо же было только придумать ребенку такое имя.

Вулф подумал, что лицо на фотографии несет на себе, словно татуировку, печать смерти, и спросил:

— Так вы полагаете, что это Сума прикончил Моравиа?

— Может, и он, — ответил Шипли, убирая фотографию в папку. — Он из общества „Тошин Куро Косай“ и сейчас находится здесь, в США.

— А не можете ли объяснить поконкретнее?

— Если бы мог, то сказал бы, — отрезал Шипли.

В этот момент „линкольн“ резко повернул влево, машина подпрыгнула несколько раз на тугих амортизаторах. Папка у Шипли чуть не свалилась с колен, из нее показался кончик другой какой-то фотографии. Вулф попросил показать и ее. Шипли дал ему фото.

Это был другой расплывчатый снимок Сумы с дальнего расстояния. Убийца из общества Черного клинка был сфотографирован в полный рост. Теперь Вулф смог представить себе, насколько невысок этот человек. Его сфотографировали в момент, когда он переходил улицу. По рекламе и надписям на домах Вулф определил, что это где-то в Токио. Похоже, что он был не один, потому что повернул немного лицо в сторону, будто разговаривая с кем-то идущим рядом.

Вулф взгляделся в фотографию снова, в третий раз, чтобы получше запомнить Суму. Но он уже и без этого хорошо его помнил по предыдущему снимку. Поэтому он легко представил себе его лицо и добавил зонтик из рисовой бумаги. Несмотря на плохое качество снимка, неудобный угол съемки и отсутствие человека, идущего рядом с Сумой, он сумел представить себе лицо этого человека. В памяти возникла фигура стройной японки, которую он видел вчера вечером, когда стоял на авеню Си, поблизости от картинной галереи.

— Может, скажете что-нибудь более конкретное насчет этого фото? — спросил Вулф.

— Это обыкновенная фотография, снятая нашей службой наружного наблюдения. Сума в Токио, осенью прошлого года, — пояснил Шипли. — Вот и все.

У Вулфа мелькнула мысль, а не сказать ли Шипли про ту японку, но решил пока не говорить. О ней он не знал ровным счетом ничего, как и Шипли не знал ничего о Суме. Или же он просто не хочет рассказать все, что знает? Все „призраки“ такие, они не могут поступать иначе. В любом случае есть смысл помалкивать до поры до времени.

Возвращая фотографию, он как бы между прочим спросил:

— А что, Сума единственный террорист в обществе Черного клинка?

— Конечно, нет, — вздохнул Шипли, перевязывая лентой папку и аккуратно убирая ее в сейф. — Мы точно не смогли подсчитать, сколько у них таких головорезов, так что и проследить за их передвижением не сумели. Но нет сомнений, что Лоуренса Моравиа убил кто-то из них. — Он потер лоб. — В этой связи вспомните мои слова о том, что Нишицу начал избавляться от оппозиции внутри ЛДП. Ну вот, а теперь у нас есть и доказательства — слабые, правда, но зато точные, — что он приступил к этому и здесь, у нас.

— Как это? — Вулф даже подскочил, будто его током дернуло.

— За последние полгода погибли два члена нашего конгресса при таинственных обстоятельствах — один в автокатастрофе, другой из-за неисправности лифта. Оба они занимали либеральную позицию в вопросе экономических запретительных санкций в отношении Японии, иначе говоря, играли на руку Юдзи Шияну. Теперь в конгрессе преобладает большинство сторонников твердой линии. Мы считаем, что все это козни „Тошин Куро Косай“.

— Я что-то ничего не понял.

— До чего же умны Нишицу и его общество Черного клинка! Представьте только, лейтенант, что столь хрупкая экономическая разрядка между США и Японией вдруг окажется бесповоротно нарушенной. В течение какого-то времени в конгрессе США доминировали сторонники жесткой японской политики. Теперь же в результате изменений радикальной политики в отношении Японии и усиления позиций твердолобых конгрессменов последствия могут быть просто ужасными: будут воздвигнуты таможенные барьеры на пути японского импорта автомашин, электроники, бытовых компьютеров. А после этого неизбежно наступит расплата: прекратится ввоз в США важнейшей компьютерной технологии. Пентагон, ЦРУ, министерство обороны — вся система безопасности нашей страны зависит от поставок японских компьютерных микросхем. Что же станет с нами, когда мы не сможем больше приобретать схемы? Да еще в то время, когда Япония будет по-прежнему продавать их странам Западной Европы, даже странам бывшего восточноевропейского блока, всем, только не нам?

Шипли еще ближе придвинулся к Вулфу, а тот, глядя ему в глаза, подумал, что он и впрямь носит цветные контактные линзы.

— Мы считаем, что Америке долго не выдержать конкуренции на мировом рынке, если будет перекрыта помощь от японских технократов. А если мы проиграем в конкурентной борьбе, то наша экономика неизбежно ослабнет, а производство начнет сворачиваться настолько быстрыми темпами, что только сторонники Нишицу, которые уже захватили командные посты в крупнейших мировых многонациональных конгломератах, смогут спасти нас. Но какой, спрашивается, ценой? Они будут править нами, регулируя поставки компьютерных микросхем. Мы попадем в вечную экономическую зависимость от них.

Автомашина остановилась, и дверь открылась. Вулф вышел вслед за Шипли и увидел, что они подъехали к

аэровокзалу Национального аэропорта. Несколько секунд Яшида пристально рассматривал его, будто стараясь запомнить. Небо немного просветлело, но в воздухе пахло грозой.

— До сих пор вы вели расследование в одиночку, лейтенант, — сказал Шипли. — Теперь же считаю нужным предупредить вас. Если вы займетесь тайным обществом Черного клинка, это может стоить вам многого. — Он отвел Вулфа в сторону от тротуара и подальше от толпы. — Вот мой совет: подумайте как следует. Еще один ваш шаг в этом расследовании, и они уже не позволят вам выйти из игры. Они могут поступить с вами так же, как с Моравиа. Я знаю этих людей и отдаю отчет своим словам. Но у вас есть преимущество. Как вы сами сказали, вы не частное лицо, а официальное, на государственной службе.

— Ну а что еще вы никак не решитесь сказать мне?

— Извините, не понял.

— Там, в Хиллвуде, вы мне вообще ничего не хотели говорить, потому что думали, вероятно, что я хлопочу насчет страховки. Но когда я упомянул о заключении медэксперта относительно Моравиа, вы сразу же начали посвящать меня в дела. Почему? — Вулфу показалось, что Шипли не расположен объяснять причину, поэтому он сказал: — Обещаю, что не отстану от вас до тех пор, пока все не выложите.

Шипли понимающе кивнул и с явной неохотой ответил:

— Ходят всякие слухи. Те, кто знают членов „Тошин Куро Косай“, болтают между собой, будто в них есть нечто такое, что отличает их от прочих людей. Точно никто не знает. Но все же члены этого общества, похоже, не подвластны разрушительной силе времени.

Вулф не совсем понял объяснение и поэтому попросил:

— Не можете ли рассказать все это подходящее?

— Разговорчики эти — они больше похожи на всякие бредни про вампиров и оборотней — в основном о том, что члены общества Черного клинка вроде как бы стареют медленнее, чем вы и я.

— Ну это какая-то чушь, — заметил Вулф, но все же в душу закралось сомнение. — В мире ведь полным-полно людей, которые выглядят моложе или старше своих лет.

— Оба мы скептики, лейтенант, — заметил Шипли. — Представьте в таком случае, как я удивился, услышав от вас о заключении медэксперта относительно Моравиа. — Он быстро посмотрел вокруг и, увидев, что Яшида бдительно охраняет их, повернулся опять к Вулфу. — У меня

теперь нет выбора, и я прошу вас сотрудничать со мной. Нам нужна ваша помощь, лейтенант. Очень нужна. Если в этих слухах есть хоть какая-то доля истины, — он на секунду-другую примолк, чтобы перевести дух, — то последствия их восхождения к власти станут в сотни, тысячи раз пагубнее. Их нужно остановить, лейтенант, и вы просто обязаны это сделать.

— Минутку, — ответил Вулф. — Вы говорите, будто я уже вхожу в заключительную стадию своей миссии.

— Может, и входите. Убрав двух наших сенаторов, Нишицу и его клика переступили черту, — подчеркнул Шипли, и глаза его с контактными цветными линзами ярко сверкнули. — Догадываюсь, о чем вы все время думаете, лейтенант. Вы сделали верный вывод: мы начинаем тайную войну с Японией.

Глава четвертая

Токио — Нью-Йорк

Шото Вакарэ получил зашифрованные инструкции в тот час, когда принимал душ. Он вышел из ванной, чтобы прочесть семь страничек, лежавших на приемном поддоне портативного телефакса. Капельки холодной воды блестели на его рельефном безволосом теле. Подойдя к факсу, он устоял на колонку цифр. Без специального электронного дешифровального устройства, полученного от Яшиды, прочитать их было бы невозможно.

Утро у него проходило по раз и навсегда заведенному порядку. Вставал Вакарэ в четыре, надевал тренировочный костюм и два часа подряд интенсивно занимался сложными гимнастическими упражнениями. За это время кожа становилась гладкой и блестящей, а мускулы наливались и твердели так, что он минут по пятнадцать любовался их игрой и получал от этого не меньшее удовольствие, чем если бы находился в музее современного японского искусства, который посещал регулярно раз в неделю.

Под теплым душем он выбривал руки, подмышки, ноги, а затем, изгибаясь и приплясывая, становился под холодную воду и стоял так под ледяной струей, пока у него от холода не начинали лязгать зубы, а под ногтями не появлялась синева.

И все же после душа он еще с четверть часа вертелся мокрый перед трюмо, разглядывая свой пенис, который от холода становился совсем маленьким. Тогда он сгибал колени, приседал и хлопал себя по упругим мускулам бедер до тех пор, пока кожа не начинала краснеть и ноги дрожать от боли.

Выходя из ванной, он в первую очередь глядел на обрамленную бамбуковой рамкой литографию Юкио Мишимы, поэта-самурая, который в 1970 году совершил харакири, чтобы своей смертью подчеркнуть гибель самобытности Японии. Он считал, что в адском котле западного

влияния гибнут прекрасные национальные традиции японского народа.

На литографии Мишима был изображен в виде распятого на кресте страдальца, из его тела выпирали стрелы в виде мужских членов. Литография эта — скрупулезное подражание знаменитой картине, на которой изображена казнь святого Себастьяна. Поэт был его горячим поклонником. Да и неудивительно. Себастьян служил в римской преторианской гвардии и тайно исповедовал христианство. Когда его тайна стала известна императору Диоклетиану, тот приказал лучникам расстрелять солдата. Мистическое пресобращение брэнного тела казненного солдата, которому предназначено было стать мучеником, казалось Вакарэ самым ярким символом короткой жизни Мишимы, полной страданий и мук.

И вот пока Вакарэ, еще неодетый и налитой силой, занимался подготовкой к дешифровке поступивших инструкций, он продолжал думать о Мишима и святом Себастьяне. Вакарэ тоже обожествлял человеческое тело. Эротизм мужских форм не волновал его и не оставлял следа в памяти. С болезненной гримасой Вакарэ положил руку на листки шифровки с длинными колонками цифр. Цифры трудно запомнить, они бесстрастны, но он, занятый работой, где думать особенно не приходилось, ощутил прилив крови к конечностям и вспомнил о своем друге Юджи Шияне, который запрещал ему заниматься такими делами. Юджи тоже благоговел перед Юкио Мишимой и его бессмертной поэзией.

Вакарэ, прищурившись, убрал руку с листов и увидел пятно, оставленное влажной ладонью, как некое клеймо на бездушных цифрах зашифрованного сообщения. Клеймо, которое, как его предупреждал Юджи, появится и на его лице, лишь только он выскажет ему свое желание.

И все же Юджи не был единственным человеком, по которому тосковал Вакарэ, он любил еще и секс во всех его проявлениях. Он, например, обожал настоящих японских женщин, понимающих с полуслова, чувственных, нежных, достигших совершенства. Это вам не кокетки, продажные исполнительницы всяких мерзких штук, до которых так охочи развратные западные мужчины. Нет, Мишима понимал в них толк. Такие японки — актрисы высшего класса. Только мужчина с высокими помыслами может столь тонко изобразить истинную женщину, создать ее идеал.

А вообще-то Вакарэ презирал жизнь — он подозревал, что и Мишима тоже презирал ее, — потому что она так несовершенна. Вакарэ жил только ради того, чтобы при-

близиться к идеалу. Даже своим телом он не был удовлетворен, как, впрочем, и многим другим, почти всем. Вселенский хаос непрестанно работал против совершенства, разрушая все, что, как он твердо верил, должно каким-то непостижимым образом обрести безупречную форму.

Вакарэ страстно желал стать свидетелем такого прекрасного мгновения, хотя бы мига совершенства, прежде чем неумолимая троица Хаоса — Время, Слепой Случай и Крутой Поворот — вернет все на круги своя. По мере своего возмужания он все больше преисполнялся верой в то, что подобный миг станет вершиной его жизни; за ним последует смерть. Потому что, как это понял Вакарэ, смерть сама по себе является очищением и окончательным освобождением от тирании „Тошин Куро Косай“, которая опутала своими щупальцами всех японцев. В то же время это будет погашением долга перед организацией.

На расшифровку инструкций ушло ровным счетом пять минут, а еще сорок пять — на зашифровку разведывательной сводки о последних оперативных действиях общества Черного клинка в разных точках земного шара. Он окинул взглядом список: довольно внушительный. Список, подумалось ему, мог бы напугать и оппозицию. Ну что же, очень даже недурно. Он отправил зашифрованный телефакс, затем унес листки в ванную, поджег их и держал так, пока огонь не подобрался к самым кончикам пальцев, после этого растер пепел, бросил в унитаз и спустил воду.

С Минако Вакарэ встретился в театре, где группа молодых женщин, одетых в традиционную японскую одежду, пела с ангельским прилежанием и танцевала с воздушной грацией, отчего у зрителей, а большинство из них были мужчины, на глаза наворачивались слезы умиления. После концерта они пошли пешком по залитой неоновым светом Гинзе, пробираясь сквозь толпу и останавливаясь у огромных рекламных щитов и афиш и у еще более громадных зданий.

— Спасибо, что пришли встретиться со мной. Мне сворачивать здесь, — сказала Минако. — Поскольку мой сын Юджи ваш близкий друг, вы занимаете в его душе особое место. Поэтому буду говорить с вами начистоту.

— Да, мы с Юджи-сан близкие друзья, — подтвердил Вакарэ, — но наши встречи носят случайный характер. Я даже удивляюсь, что мы все еще дружим.

— Это испытание для вас обоих, — заметила Минако.

Вакарэ улыбнулся. „Только женщина и может полагать, — подумал он, — что наша привязанность — чисто мужское дело“. Вслух же он сказал:

— Может быть. Но в таком случае у нас с вами особая дружба, как вы считаете? Я не могу себе представить, чтобы я мог пойти на подобный концерт с какой-то другой женщиной.

Он опять улыбнулся, явно наслаждаясь тусклым солнечным светом. Ему не надо было торопиться на службу в этот зимний день.

Вакарэ был заместителем начальника Управления промышленной политики могущественного министерства внешней торговли. Трудно переоценить влияние этого министерства на жизнь Японии. Именно оно диктовало, к примеру, индустриальную политику в стране в период особо высоких темпов развития, начиная с середины 50-х годов и вплоть до последнего времени. Поощряя компании и фирмы, охотно вкладывающие капитал в новые отрасли промышленности — электронику и производство компьютеров, министерство сумело плавно, без спадов и рывков, привести Японию к ее господствующему положению в мировой экономике.

— Тот факт, что я возглавляю отдел исследований и анализа управления и поэтому могу дать ход любым лабораторным работам Юджи или, наоборот, затормозить их, уже достаточен для того, чтобы объявить нашу дружбу потенциально опасной, — заметил Вакарэ. — Поэтому мне прямой смысл быть членом „Тошин Куро Косай“.

— Вот это-то все и связывает нас, — улыбнулась Минако. — И именно поэтому вам предложили возглавить отдел.

— Этой должностью я обязан лично вам, Минако-сан, и чувствую себя в неоплатном долгу перед вами, — с почтением сказал Вакарэ. — Однако раз уж мы говорим открыто, извините меня за вопрос: не из личной ли корысти вы выдвигали меня на должность начальника? В конце концов, я ведь могу оказывать Юджи неоценимую помощь.

— И вы посмели подозревать меня в такой нечистоплотности?

Вакарэ лишь недоуменно пожал плечами:

— Вряд ли мое слово что-либо значит. Сын ваш неподкупен. Не думаю, что он одобрит мои действия, если я столкну кого-то с моста на его пути. Для него это — нарушение закона.

— Искренне надеюсь, что вы ошибаетесь, — вздохнула Минако. — Вам не почувствовать боли, которую я ощущаю, когда прошу помочь мне. Но выбора у меня нет. Мы должны постараться уговорить Юджи вступить в общество, возглавляемое Нишицу, и в ЛДП.

— Я, разумеется, сделаю все, о чем вы ни попросите, Минако-сан. Но в данном случае вы просите о невозможном.

— Может, и так, — подумав, ответила она и склонила голову. — А может, и нет. — Она чуть улыбнулась. — Вот что бы я предложила: сговоритесь с моим сыном тайно.

— Я? Что?.. Не понимаю, что вы хотите... — Вакарэ казался озадаченным. — Не знаю, гожусь ли я вообще для всяких сговоров и тайных дел.

— Вам это понравится, — убеждала его Минако. — Даю гарантию. Я хочу, чтобы вы встретились с Юджи где-нибудь в нейтральном месте, там, где не ведутся деловые переговоры. Допустим, пообедаете вместе или пойдете на какой-нибудь концерт, когда он не будет занят делами. Вот тут вы ему и признаетесь.

— Признаться? В чем? — удивился Вакарэ, почувствовав, как екнуло сердце.

— А в том, что вы член тайного общества Черного клинка.

— Что, что? Извините меня, Минако-сан, но такое признание, безусловно, положит конец дружбе Юджи со мной.

— Если вы так считаете, то явно недооцениваете моего сына, — возразила Минако. — Подумайте, Шото-сан: ему известно, что вы обожаете Юкио Мишиму и разделяете все его убеждения. Думаю, что он уважает вас за это. Юджи знает, что вы чистосердечны. Вот это и есть самое важное для него.

— Но сказать ему, что я член „Тошин Куро Косай“...

— Это только заинтригует его, — убежденно продолжала Минако. — Вы, должно быть, знаете, что Юджи во многом наивен. Он считает, что общество Черного клинка — сугубо политическая организация и что членство в ней открыто для всех. Однако ему неизвестно, что членами организации могут быть только достойные и одаренные люди. Надеюсь, что он никогда этого и не узнает.

— Но даже если Юджи и сочтет общество Черного клинка чисто политической организацией, все равно он будет рассматривать его как опасное и злобное сборище реакционеров, не говоря уже о том, что оно представляет угрозу всему, во что он верит.

— Вот на это я как раз и рассчитываю, — заметила Минако и улыбнулась. — Представьте себе, как заинтригует его ваше сообщение о том, что вы замышляете заговор с целью смещения Нишицу... Чтобы занять его место.

— Что я, с ума спятил, что ли, говорить ему такое?

— Кому другому, конечно, сказать нельзя, но Юджи

можно, — настаивала на своем Минако. — Он будет нем как могила.

Она замолчала, ожидая, пока не пройдут мимо несколько панков, цокавших по тротуару черными бутсами и вертевшихся стриженными в полоску головами, а потом продолжила:

— А если вы скажете ему, что хотите привлечь его в „Тошин Куро Косай“, то для него это будет иметь особый смысл. Вместе вы будете обладать достаточной силой, чтобы внести в общество перемены. Он сразу поймет это.

Вакарэ задумался.

— Но я обязан сообщить Нишицу-сан о том, что рекомендую в общество нового члена, — с сомнением сказал он.

— И все же я настоятельно прошу поверить другу. Юджи — сильный человек с могучим умом. Уже сам факт того, что в этом деле заинтересован Нишицу, подействует на него положительно и потянет, словно магнитом, в общество. — Минако на минутку остановилась и внимательно посмотрела на Вакарэ. — Поверьте мне, мыведем Юджи и Нишицу вместе. Юджи будет считать, что он действует от вашего имени, чтобы убрать Нишицу, а тот будет испытывать удовлетворение, если Юджи вступит в общество.

— Временное удовлетворение, — с сомнением произнес Вакарэ.

Минако согласно кивнула:

— События теперь разворачиваются очень быстро. Нам нужно будет только выждать момент.

Когда Вулф вернулся из Вашингтона и зашел в свой офис, там уже работала целая бригада маляров, соскабливая со стен кровавые пятна, заделывая алебастром и цементом щели и неровности и закрашивая их. Шел уже восьмой час вечера, а в десять они с Амандой собирались на прием, который устраивала в одной из галерей в Нижнем Манхэттене ее сестра Стиви. Он хотел было позвонить Аманде и сказать, что не поедет, но потом решил все же ехать. Несмотря на усталость, спать не хотелось. Может, Аманда и права: Стиви устроит небольшой бедлам, а это отвлечет его от забот, встряхнет немного.

Он отметил у Сквэйра Ричардса и спросил, не звонил ли кто-нибудь ему. Оказалось, что звонил главный судмедэксперт Харрисон. Позвонив в морг, Вулф узнал, что Харрисон должен появиться с минуты на минуту.

Вулф пошел по занавешенному простынями коридору в душевую, которую он соорудил в мужском туалете. Здесь тоже красили стены. Весь офис заполнили маляры

и штукатуры. Это означало, что комиссар Хейс Уолкер Джонсон напряг мощные бицепсы своего авторитета.

Стены в душевой красил всего один маляр — японец, ладный и сильный, как легковес в борьбе сумо. Он стоял высоко на забрызганной краской стремянке, на его мускулистое тело был надет драный комбинезон. Седоватые волосы и лицо японца свидетельствовали о том, что он лет на десять старше других маляров; тело же его возраста не знало. Он молча кивнул Вулфу и как ни в чем не бывало продолжал счищать грязную штукатурку с потолка. На матерчатое покрытие, расстеленное поверх черно-белых плиток душевой, мягко шлепались куски алебаstra.

Помывшись под душем, Вулф подождал, пока высохнет, и надел свежее белье, которое достал из запирающегося шкафчика. Одеваясь, он наблюдал за работой маляра и думал: „А ведь мне вряд ли удастся снова увидеть, как трудится этот японец“.

— Вы давно работаете по заявкам нашего управления? — поинтересовался он.

Маляр прервался на минутку и посмотрел сверху на Вулфа.

— Нет, недавно, — ответил он. — А в чем дело?

— Сколько же? — не отставал Вулф.

Японец положил мастерок и спустился со стремянки.

— Может, вы считаете, что я представляю потенциальную угрозу для безопасности? — спросил он, вытирая руки о комбинезон. — Потому что я японец. — Он повернулся и принялся за уборку мусора. — Ну что же, ко мне все всегда относятся с подозрением. Это, конечно, неприятно, но думаю, что я должен смириться с этим, если хочу остаться в Америке.

Подумав о своей матери, о племени шошонов с Винд-Ривер, о своем детстве, Вулф сразу же смутился. После беседы с Шипли он стал болезненно подозрительным — он уже забыл было, как сказывается близкое общение с „призраками“. „От них, — подумал он, — заражаешься настороженностью и становишься мнительным, в каждом темном углу мерещатся подозрительные личности“.

— Давайте забудем об этом, — сказал он маляру. — Мне просто интересно, и в моем вопросе нет ничего общего с вашей национальностью.

Японец повернулся и, подтянув сползающий комбинезон, склонил голову в коротком поклоне:

— Все в порядке. Не возражаете, если я опять примусь за работу?

— Разумеется, нет, — ответил Вулф и бросил мокрое

полотенце в проволочную корзину, прикрепленную к стене. — Позвольте мне пройти.

В зал он вернулся слегка раздосадованный от разговора с японцем, а там его уже искал Сквэйр Ричардс.

— Только что получено сообщение, лейтенант, — подбежав, доложил он. — Тони нашел черный „Файерберд-87“.

У столба на Западной 43-й улице их поджидал Трехразовый Тони. Темные, покрытые маслянистой пленкой воды Гудзона плескались и хлопали о гнилые бревна, пахло каким-то кислым зловонием. Вулф посмотрел на реку и увидел желтоватые снежные хлопья, растворяющиеся в воде, как в цистерне с кислотой.

Позади них высились обгорелые стены многоквартирных домов, которых почему-то еще не коснулось чугунное ядро подрядчика, расчищающего участки под новое строительство. Пока же они были битком набиты бедствующими, жалкими семействами, потерявшими всякую надежду осуществить свою „американскую мечту“. Такова изнанка всех чудо-городов, растущих и расползающихся подобно раковой опухоли. И будто для того чтобы еще большие оттенить неприглядный вид этих закопченных кирпичных остовов домов, боковые улочки и переулки, выходящие к дамбам и причалам, были теперь застроены всевозможными временками и жалкими лачугами из фанеры, картона и расплющенных жестяных банок. Костерки, горящие у входов в эти „сооружения“, похожих на лазы в пещерах, придавали застройкам вид средневековых деревень.

Трехразовый Тони повел их прямо на пирс, где стоял черный „Файерберд-87“, похожий на доисторическое животное; кузов его тускло чернел в искаженном свете уличных фонарей. Салон внутри весь был выжжен, краска на капоте и крыше обгорела, запеклась от огня и потемнела от копоти.

— Мне кажется, лейтенант, что кто-то поджег машину уже после того, как ее бросили здесь, — заметил Трехразовый Тони, направляя лучик карманного фонаря на машину.

— Это все пацаны, они рады всякому хламу. Кто же еще? — проворчал Сквэйр Ричардс, светя на кузов своим фонариком.

— Может, и они, — неуверенно сказал Вулф, неуклюже забираясь внутрь машины.

„Если это пацаны тут побывали, — подумал он, — то с чего бы им поджигать колеса? Они же денег стоят. С большим удовольствием они проехали бы на ней миль сто, скажем, до Соумил-Ривер-Парквэя“. Он принялся

и сразу же вспомнил слова Бобби Коннора о голубом огненном шаре, о жаре, исходящем от неподвижного лица мертвого Аркуилло, вспомнил мерцающие огоньки на его скулах. Понюхал воздух еще раз, но не почувствовал ни запаха жидкого газа для заправки зажигалок, ни бензина — этих первых признаков умышленного поджога.

Из кармана своей кожаной куртки Вулф извлек стальную граммофонную иглу и стал тыкать ею в закопченное переднее сиденье и в приборный щиток. „Бардачок“ покоробился от огня и не открывался, поэтому он попросил Трехразового Тони, большого мастера по вскрытию всяких запертых дверей и крышек, взломать его.

Внутри „бардачка“ он обнаружил обожженные листочки и хлопья сгоревшего обивочного материала машины. Он потыкал иглой в глубине вещевого отделения. В правом углу не было ничего, вдоль задней стенки — тоже ничего, но в левом углу кончик иглы на что-то наткнулся. Он вытащил находку наружу. Трехразовый Тони посветил фонариком.

— Что это, черт побери, такое? — заинтересовался Сквэйр Ричардс.

— Лоскуток материала, — пробормотал Вулф, вертя в руках квадратный кусочек грубой драпировочной ткани. С одной стороны он оказался опаленным, а с другой — хоть и испачканным пеплом и дымом, но целым. Вулф сразу признал в нем тот самый материал, который использует для своих моделей японская художница Чика.

Юджи Шиян просмотрел еще раз и подписал заявку на изготовление ста тысяч телефонных карточек компании „Шиян когаку“. Эти пластиковые слоистые карточки будут розданы лучшим партнерам компании, союзникам из политических и правительственных сфер, и те, используя их, смогут бесплатно звонить из любого общественного таксофона. В центре каждой карточки находится зашифрованная голограмма фирмы „Шиян когаку“, а когда ее вставишь в телефон, то по окончании разговора с нее считывается продолжительность разговора и в коллере аппарата фиксируется его стоимость. „Великая идея для маркетинга“, — подумал Юджи. Еще один наглядный пример рекламы представлен на карточке запрессованным ярлычком со словами: „всегда с вами“.

В случае удачи последуют заказы из Сингапура, Тайбея, Кремниевой долины в Калифорнии и, наконец, из Гонконга.

Закончив работу, он откинулся на спинку стула и, закинув руки за голову, безучастно глядел на сверкающие

небоскребы Токио. Так как офис Юджи размещался на верхних этажах одного из этих небоскребов, летом он мог любоваться лучами солнца, красноватыми и блеклыми из-за смога. Улицы вокруг здания Хаммачо Стейшн еле виднелись далеко внизу. Солнечный свет не проникает туда, там всегда сумрачно, и толпам людей, спующим по ним, кажется, что уже наступил вечер.

Юджи только хмыкнул, подумав о том, каково им быть там, в этих искусственных сумерках, и все время спешить, спешить, спешить. А каково жить в одной комнате вместе с тремя другими жильцами, есть собу — лапшу из гречихи, купленную в уличных палатках или с лотков, — потому что лучшего нельзя себе позволить, а иногда ложиться спать и вовсе не посев.

Немало лет понадобилось ему, чтобы понять этих людей, и тогда он подружился с Шото Вакарэ.

— Хотя иной раз и кажется, что все это было давным-давно, и я не стал таким же бедолагой, а веду совсем иную жизнь, все же мне не забыть, что значит быть бедняком в Токио, — сказал ему Вакарэ, когда они однажды вдвоем просидели за бутылочкой саке ночь напролет. — Мне было бы стыдно позволить себе забыть, что значит не иметь ничего и ясно осознавать, что никогда ничего иметь и не будешь.

Не иметь ничего — такая проблема перед Юджи Шияном никогда не стояла. Родился он в семье преуспевающих торговцев, где бизнесом занимались из поколения в поколение, а наследство по традиции переходило по женской линии и в конце концов досталось его матери — Минако. Управляются подобные матриархальные фирмы всегда женщинами и всегда из-за кулис, а мужчины, за которых они выходят замуж, хотя и считаются главами семей, находятся у них под каблуком и даже принимают их фамилию.

Отец Юджи очень отличался от этих мужчин. По роду занятий он был банкир и при женитьбе на Минако Шиян согласился сменить свою фамилию на ее. Правда, довольно скоро ему стали претить ограничения, налагаемые на среднюю по размерам торговую фирму. Он предложил переместить компанию „Шиян когаку“ из Осаки в Токио, приобрести там в собственность обанкротившийся коммерческий банк и преобразоваться таким образом из торговой компании в банковскую — кобун. После этого, используя возросшие капиталы, он сумел приобрести другой кобун и в конце концов создать кейрецу, то есть крупную корпорацию первой категории.

Минако, будучи амбициозной не менее супруга, согласилась. Когда все дела были завершены и все ее капиталы оказались вложенными во вновь созданную корпорацию, отец Юджи объявил жене, что она больше не может управлять компанией „Шиян когаку“ даже 'из-за кулис. Если партнеры хоть что-либо узнают о ее участии в делах компании, сказал он, то их корпорации придет конец. Никто не захочет иметь дела с фирмой, где верховодит женщина, никто не воспримет такую компанию всерьез.

Минако выпала из длинного наследственного ряда деловых женщин, привыкших управлять своими фирмами без вмешательства мужчин. Может, и нашлись бы такие, кто сказал бы, что отлучение от бизнеса убьет ее. Но Минако не сдалась. Как не раз случалось в ее жизни, мужчины — даже самые для нее близкие — недооценивали ее характера. За утонченной хрупкой внешностью Минако скрывалась сильная, волевая натура, не позволяющая сидеть сложа руки.

— Понимаю, — только и молвила покорно Минако, когда ее супруг объявил ей о своем решении, и, не говоря ни слова, передала ему все бразды правления своей компанией.

— Это мне наказание за то, что я женщина, — как-то призналась Минако сыну Юджи. Но годы спустя Юджи понял, что она не смирилась с наказанием. С того самого дня ее отношения с мужем резко изменились. И когда наконец он умер от разрыва сердца, успев, правда, осуществить свои мечты и создать мощный концерн „Шиян когаку“, Юджи так и не узнал, что именно свело его в могилу — нечеловеческий труд или же холодность и безразличие жены. Минако не проронила ни слезинки по нем. А за несколько лет до своей преждевременной смерти он как-то сказал Юджи во время очередного запоя:

— Если будешь доверять женщине, то в конце концов окажешься выпотрошенным.

Юджи даже вздрогнул, вспомнив, как это ядовитое предостережение отравляло ему жизнь. Женился он на слабохарактерной женщине — полной противоположности его матери. Сложившаяся ситуация тяготила его, но изменить что-либо он был не в силах.

Любил ли он ее? Кто знает? Юджи весь ушел в работу. Он получал истинное наслаждение от сознания того, что ему удалось воплотить свою любовь к биогенетике в практику — в процветающее деловое предприятие, ставшее частью того концерна, на создание которого его отец потратил всю свою жизнь. Компания „Шиян когаку“ теперь

заслуженно гордилась, что стала преуспевающим „кобуном“ по производству узлов и деталей для компьютеров, передовой лазерной техники и по исследованиям в области зарождающейся бионауки.

Жена у Юджи была красивой, нежной и хрупкой, словно фарфоровая статуэтка, которой можно только восхищаться (что и делали все его коллеги).

Она происходила из знатной старинной семьи самураев, чья родословная прослеживается до начала XVII века, когда столицей Японии считался город Эдо. Поэтому она была как бы еще одним символом его неуклонно развивающегося бизнеса.

У Юджи был единственный ребенок — сын. Вполне естественно поэтому, что Юджи приобщал мальчика к своему делу, как его самого когда-то приобщал отец. Мальчик рос сильным и миловидным, и, хотя он не был первым учеником в классе, Юджи все же надеялся, что он станет таковым перед выпускными экзаменами.

Но вот в прошлом году Юджи и его супругу внезапно вызвали в школу, где учился их сын. Учителя со скорбными лицами повели их в реанимационную палату ближайшей больницы. Мальчик лежал без сознания: он попытался покончить жизнь самоубийством и повесился на балке в своей комнате в школьном интернате.

Через три недели мальчик умер, мать не перенесла его смерти и ушла из жизни спустя три месяца. От тоски можно умереть, читал Юджи где-то, но не верил этому до тех пор, пока не узнал, что случилось с его женой. Она бросилась под поезд метро в самый час пик.

Когда городским властям был сделан упрек, они пообещали поставить заградительные приспособления, „чтобы подобное больше не повторилось“. Полиция назвала этот случай трагическим происшествием, но Юджи знал лучше, как все было на самом деле. Его жена шагнула с платформы под поезд спокойно и уверенно, так, как вот он сейчас спокойно сидит у себя в офисе и глядит на задымленный индустриальный Токио. Ни он лично, ни его влияние не смогли бы спасти ее. В своем намерении она была совершенно тверда.

Когда ее хоронили, Юджи подумалось, что он никогда и не предполагал, что у нее такой сильный характер. Впервые за несколько лет жена напомнила ему его мать, и он возненавидел покойную за скрытность, за то, что она, словно ядовитая змея, скрывала внутри себя эту ужасную силу.

Спустя несколько месяцев он почувствовал, что его не

отпускает одно странное наваждение, от которого он никак не может избавиться. Он зачастил по ночным клубам и заведениям, напивался пьяным, играл в азартные игры, завязывал амурные связи с женщинами. Но с кем бы он ни был, ему всегда казалось, что рядом с ним находятся две женщины.

Его единоутробная сестра Хана смогла разглядеть то, чего не видел он: мания была всего лишь проявлением чувства вины и самобичевания за смерть сына. Она сказала ему об этом позднее, когда удостоверилась, что наваждение прошло, и когда почувствовала, что в душе его горит ровный огонь, теперь уже безопасный для нее.

Хана спасла его от самоистребления. Хана и его работа над Оракулом.

— Сестра, — сказал он как-то в один из тоскливых вечеров, — что ты думаешь о моей жене?

Хана медленно подняла на него глаза:

— С первого же дня вашей свадьбы у твоей жены была своя жизнь, а у тебя своя, — без обиняков ответила она, что больно укололо его.

— Ну и что? Мы стали чужими с самого начала?

— Ты сам выбрал этот путь.

— Нет, — в раздумье ответил он. — Я не выбирал. Не мог я выбирать.

— Похоже, ты забыл, что всегда добивался того, чего хотел, Юджи-сан.

На минуту-другую он задумался, чувствуя, как она пробует своей теплой рукой его пульс.

— Она все же была прекрасна, ты согласна с этим?

— Красота, — заметила Хана, — это своеобразная ширма или фасад, за которым скрывается истинная натура.

— Ты знаешь толк в этом деле. Не можешь ли ты объяснить мне, как можно жить за такой ширмой?

— Думаю, что правильно описать эту жизнь невозможно ни на одном языке. Да это и не столь важно: ты уже перегорел и пришел в себя.

— Проклятие висит на мне.

— Почему ты называешь свое видение жизни проклятием?

— Разве не так? — горячо произнес он. — Я не думал, что мой сын... умрет, что умрет моя жена. Я не могу ни предвидеть будущее, ни предсказывать его. Лишь изредка я могу предугадывать возможности, пути, исходящие из единичного явления. Разве можно вообразить что-либо подобное, от чего нетрудно и умом тронуться?

— Если ты сможешь мысленно прокрутить свою жизнь

в обратном направлении и проследить за ней от смерти до рождения, то тоже вполне можешь с ума сойти, — заметила сестра. — Но представь только: что, если ты неверно понял свои способности?

— Что ты имеешь в виду?

— Вообрази, что настоящее не „единичное явление“, как ты его назвал, а многообразие хаоса, вроде взрыва каждой производной частицы. В этом случае, прослеживая множество путей, возникших в результате таких взрывов, неизбежно придешь к своеобразному логическому выводу, а поскольку этот вывод понятен тебе, начинаешь понимать значение этих взрывов и путей.

— Ну ничегошеньки не понимаю, что ты сказала.

— Возможно, пока не понимаешь.

Что бы Юджи делал без сестры? Он протер глаза и посмотрел на часы. Затем, схватив пальто, выскочил из здания. Сел в поджидавшую его „БМВ“ и скомандовал шоферу: „К Хане!“

Уже совсем стемнело, когда Вулф подъехал к разукрашенному кирпичному дому, стоящему поблизости от пересечения Восточной 6-й улицы и авеню Си. Снег сменился дождем, потом опять пошел снег. Внизу здания размещался магазин готовой одежды под вывеской на французском языке: „Смерть — это я“. Ничего себе названье! Вулф пристально посмотрел на дом за железными воротами — все предметы, видимые за окнами, казались черными и изготовленными для удовлетворения прихотей чудовища Франкенштейна. Может, выставка и не работает, потому что едва ли кто захочет приобретать такие фигуры, но, может, все-таки и открыта?

Он завернул за угол и прибавил скорости, затем свернул на Восточную 5-ю улицу и подъехал опять к углу Восточной 6-й. Тут он остановился и выключил мотор и фары. Потом вышел из машины и осторожно пошел назад по улице.

В квартире, где, как сказала Маун, жила Чика, горел свет, но Вулф не разглядел, что делается внутри, из-за зашторенных окон. Держась теневой стороны, он подошел к входной двери и, громко хлопнув ею, вошел внутрь.

В вестибюле дома горела малюсенькая пятнадцативаттная лампочка, подвешенная к потолку. Жиденький свет, рассеивающий темноту, скорее затемнял углы, чем освещал их. Жуткий запах мочи и экскрементов выворачивал наизнанку все внутренности. У ступенек лестницы, свернувшись калачиком, лежала огромная старая немец-

кая овчарка и облизывала розовые проплешины на своих боках. Она подняла голову и уставилась на Вулфа желтыми глазами. Он заметил, что у собаки дрогнули ноздри, и она стала принюхиваться к нему. Затем голова ее поникла, язык вывалился, и она вновь принялась за прерванное занятие. Ритмические лакающие и рыкающие звуки, издаваемые собакой, действовали на нервы.

Переступив через пса, он стал подниматься по лестнице. Перила были скользкими от грязи и жира, и уже на первой лестничной площадке он точно знал, что темно-бурые пятна — это следы засохшей крови. Интересно, промелькнула у него мысль, чью башку проломили здесь и кто это сделал?

Странно как-то, но на лестничную площадку второго этажа выходили две двери — одна из квартиры с окнами, смотрящими на улицу, а другая — из квартиры с окнами во двор. Вулф заметил лишь одно-единственное грязное окно с выходом на пожарную лестницу. Ощупав кое-как оштукатуренные стены, он обнаружил места, где некогда были двери в другие квартиры. Кто-то, не обращая внимания на вонь и грязь в парадном, отремонтировал и переделал на свой вкус квартиру здесь, наверху. Некоторое время он постоял, прислушиваясь к глухо доносящимся из квартир звукам. Важно было уловить смысл естественных шумов, чтобы, когда вклинится какой-нибудь посторонний звук, сразу услышать его.

Подойдя поближе к двери, ведущей в апартаменты Чики, он приложил к ней ухо, но ничего не расслышал. Он мог бы просто постучать к ней под тем же предлогом, что и к Маун. Но теперь он не мог так поступить, побывав в Вашингтоне и мысленно представив Чикю на фотографии рядом с Сумой, этим Водяным Пауком, и, конечно же, после того как нашел клочок ткани в черном „Файерберде-87“.

Если она помогла Суме скрыться на этой машине или, что еще хуже, участвовала в убийстве Джуниора Руиза и Аркуилло, то ему очень не хотелось бы просто так прийти к ней и представиться под вымышленным именем. Ей, конечно, уже известно, кто он такой, и если на ней лежит двойное убийство, то он не сможет, в чем вынужден был признаться себе, определить ее ауру. Он отошел от квартиры Чики — туда ему просто так хода нет.

Он приложил ухо к двери, ведущей в квартиру с окнами во двор, и услышал голос Скинни Паппи, вымучивающего на стереофоническом проигрывателе монотонную песенку, от которой внутренности выворачивало наизнанку. „И сюда тоже для меня хода нет“, — подумал Вулф.

Вдруг он насторожился, присел и, вынув револьвер, направил его вниз на лестничную клетку. Он услышал, как кто-то тихо поднимается по лестнице. Он попытался уловить ауру, но не смог. Кто это? Неужели Сума?

Вулф пригнулся пониже, мысленно представил лицо Сумы — глаза у Водяного Паука бездонные, смотрящие в бесконечность. Он прищурился, вглядываясь в черное полотно лестницы, ведущей на первый этаж, и держа палец на спусковом крючке. Ну что же, встретить Суму он готов во всеоружии.

„Иди же, сукин сын, — подумал он. — Иди сюда и получай свою пулю“.

Через секунду-другую он увидел, как по лестнице тяжело поднимается старая овчарка. Задняя нога у нее, должно быть, была сломана, и собака сильно хромала. Поравнявшись с Вулфом, она пристально посмотрела на него и принялась лизать его копыт.

Вулф облегченно вздохнул, рот его искривился в подобие улыбки, и он сунул оружие обратно в кобуру. Раскрыв окно, выходящее на пожарную лестницу, он полез в сырую ночную темноту. Затем, задержавшись на мгновение, прислушался к пульсу города. Город походил на огромного великана, сердце которого учащенно билось, несмотря на большое гниющее тело. „Вокруг чувствуется жизнь, — подумал Вулф, — даже в момент смерти“.

На ступеньках пожарной лестницы лежал мокрый снег, передвигаться приходилось крайне осторожно. Холодало, и при выдохе изо рта выбивался парок.

Вулф обратил внимание на два двойных окна в квартире Чики. Когда он смотрел на них с улицы, то ему показалось, что они зашторены. Теперь же увидел, что изнутри на стекло круговыми переливчатыми мазками нанесена какая-то темная краска, делающая окна полупрозрачными. Свет свободно проникал сквозь них, но определить, кто или что находится внутри, было невозможно.

Вулф припал к лестнице, проверяя, не открыто ли какое-то из окон. Первые три оказались запертыми, а последнее открывалось, но скрипело при этом. Тогда он стал поднимать его потихоньку, дюйм за дюймом, а затем ловко скользнул в комнату.

В комнате было темно и поначалу совсем тихо. Потом, когда он освоился в незнакомой обстановке, то услышал какое-то отдаленное пыхтение, будто работал мотор или компрессор. Медленно и осторожно выходил Вулф из ком-

наты, различая смутные очертания предметов, накрытых чехлами, как это делают с мебелью на время малярных работ или надолго уезжая из квартиры. Слегка приподняв угол одного из чехлов, он увидел под ним зазубренные и скрученные листы отожженного металла, обтянутые плотной тканью. Тут рождались произведения искусства.

„Надо быть внимательным, — отметил про себя Вулф, — и главное — не торопиться“.

Затем он подкрался к двери. За дверью оказалась гостиная. В ней — никого. Вулф вошел. На стенах ничего не висело, кроме единственной картины в богато инкрустированной золотом раме. Картина была довольно большая, снизу на раме Вулф увидел пластинку с названием галереи: „Салон на рю де Мулен“. Он принялся рассматривать картину — яркую, впечатляющую, эротического содержания, о парижских проститутках. Их человечность проступала в убожестве, бесцеремонности этих дам, естественности наготы, в восприятии ими прелюбодеяния. Никогда прежде не приходилось Вулфу видеть проституток, изображенных в виде обыкновенных женщин, никогда раньше он не предполагал, что в одном лице могут сосуществовать материнство и скандальный секс, и почувствовал, что его тянет к моральному парадоксу, изображенному на картине. В углу полотна он разглядел фамилию художника: Тулуз-Лотрек. „Господи, — подумал Вулф, — неужели это оригинал?“ Он начал рассматривать картину еще более внимательно, но ведь он не был искусствоведам. Сколько же она стоит, если только это оригинал? Миллионы? Сотни миллионов, что более вероятно.

Вулф вышел из гостиной, как того и требовали обстоятельства. На кухне он нашел источник непонятного пыхтения — генератор огромных размеров. За дверью без какого бы то ни было запора оказалась темная комната, оборудованная для работы профессионального фотографа. Там лежали фотоаппараты „Никон“, „Лейка“ и „Хассельблад“, объективы, треноги, вспышки и осветительные приборы. В небольшом холодильнике хранились кассеты с пленками, сверху на холодильнике стояли пластмассовые коробки с разными светофильтрами. Вулф сразу же припомнил фотографии, увиденные им в потайной комнате Моравиа. Может, Чика еще и фотограф? Может, натурщица? А может, и то и другое вместе?

Из кухни Вулф вернулся в гостиную и подошел к стене, противоположной той, на которой висела картина. Одна из двух дверей была отполирована настолько гладко, что в ней, как в зеркале, отражалась его фигура. Дверь рядом

оказалась наполовину приоткрытой. Вулф встал перед ней таким образом, чтобы не бросать тень на порог и в то же время видеть значительную часть комнаты. Из нее явно доносился какой-то запах, вроде бы и знакомый, но, какой конкретно, Вулф определить не мог.

Вдруг он заметил в комнате какое-то движение и инстинктивно приготовился к отпору. Он ощутил вдоль позвоночника легкое покалывание, узнав силуэт изящной японки, которую видел на авеню Си во время аварии и рядом с Сумой на фотографии, показанной ему в военном ведомстве. Да ведь это же Чика, та самая художница, которая так ловко втерлась в жизнь Лоуренса Моравиа! Является ли она убийцей, подосланной обществом Черного клинка, или же она случайно оказалась на месте преступления и не имеет к этому делу никакого отношения?

Он продолжал внимательно наблюдать за ней. Чика смотрела на что-то такое, чего Вулф не мог видеть со своего места. Она повернулась, и ее силуэт обрел объемные живые формы. Тепло и медленно разливался свет, освещая сбоку тело Чики и подчеркивая выпуклость ее упругих грудей. Она напрягла ноги, как бы приготовившись для выполнения энергичных физических упражнений.

Чика стояла совершенно голая. Свет был какой-то странный, подернутый дымкой; он как бы двигался, переливался волнами. Чика провела рукой по груди, по бедрам, погладила плоский живот. Затем рука опустилась еще ниже, и пальцы погрузились в темный треугольник.

Вулф ощущал запах, какой-то чуждый и в то же время такой знакомый. Он глубоко втягивал ноздрями воздух, пытаясь припомнить, когда же впервые этот запах коснулся его обоняния. Рот Чики тем временем приоткрылся, когда она вдруг перевернула положение тела. Теперь она приняла более возбуждающую позу, как бы предлагая себя. Свободной рукой она начала энергично массировать ягодицы, ноги ее слегка согнулись, движение рук ускорилось, и она застонала.

Вулф почувствовал, как у него дико забилося сердце, готовое выпрыгнуть из груди. Он понимал, что ему нужно отвернуться и, как бы сказал Бобби, поскорее рвать отсюда когти. Но он не мог сдвинуться с места. Ноги его словно приросли к полу, чувства обострились, а легкие будто вдыхали жидкий кислород. Он видел секс, настоящий секс, мощный и магический! В то же время он понимал, что за этим скрывается нечто большее, чем просто обольщение.

В действиях Чики был какой-то скрытый смысл — возбудить и соблазнить тем же образом, что и с помощью фотографий зафиксированного женского тела или скульптуры из отожденного металла. Но соблазнить кого и зачем?.. Какие у нее великолепные бедра! Какие мышцы! Они так и играют под упругой гладкой кожей, отливающей бронзой! Красивые натренированные мускулы ног и спины вздрагивают, сокращаются, шея изгибается — все это еще больше возбуждает Вулфа... Он чувствует себя так, будто его допустили в потаенный мир Чики.

Теперь бедра ее дрожат — Чика вошла в последнюю стадию своего самовозбуждения и экстаза. Вулф слышит слабые ритмические всхлипы и вздохи, вырывающиеся у нее из горла... Но вот веки ее задрожали, глаза же продолжают упорно смотреть в одну точку. Вулф, замороженный зрелищем, страстно желал увидеть то, на что смотрела Чика, хотел во что бы то ни стало постичь суть ее действий — если, конечно, все это можно назвать действиями. Так что же скрывается за всем этим?

И вдруг неожиданно, словно акулий плавник, внезапно показавшийся из темных вод, его пронзила безумная мысль, что это, видимо, Сума сидит там в комнате с Чикой и они вдвоем совращают и соблазняют его, пытаются заманить в свои сети и уничтожить. И вот здесь, в этой странной обители, где живет таинственная японка, к которой его так непреодолимо и необъяснимо влечет и которой он в то же время почему-то так опасается, он стоит и чувствует себя еще более обнаженным, чем она, выставленная напоказ в таком виде, что просто дрожь берет. Ему непременно надо почувствовать ауру Сумы (или кого-то там еще), но вместо этого он видит одну лишь непроглядную тьму.

Потом, решившись, Вулф разом стряхивает с себя все эти хаотические жуткие видения, мешающие ему думать, подходит к окну и вылезает обратно на пожарную лестницу, перебравшись по ней на лестничную площадку второго этажа. Он кладет руки на влажные перила. Или, может, они сухие, а это у него от напряжения вспотели руки?..

Холод, казалось, пронизывал Вулфа насквозь, он дрожал и трясся. Но все же уйти никак не мог. Он продолжал внимательно следить за квартирой Чики. Инстинктивно он почувствовал, что только что избежал хитроумной ловушки и что теперь у него появились шансы поймать врасплох коварного ловца.

„Ждать! — приказал он себе. — Набраться терпения и смотреть, кто появится“.

Минут через двадцать свет в комнатах погас, а спустя еще несколько секунд из квартиры вышла Чика. С ней никого не было. Теперь Вулф уверился, что и там, в комнате, она была одна. Он решил так потому, что, как и тогда, на улице, у него не было трудностей с осмотром ее квартиры, потому что он не почувствовал ауры другого человека.

Оделась она и на этот раз так же, как и вчера: туфли на высоких каблуках, черная мини-юбка, черный жакет свободного покроя. На ремешке через плечо висела черная кожаная сумка; она покопалась в ней, отыскивая что-то, и пошла, не заметив Вулфа, притаившегося в тени дверного проема. Каблочки ее туфель глухо застучали по слякотному тротуару.

Вулф последовал за ней. Повалил густой снег. Небо по-прежнему оставалось затянутым клочковатыми рваными облаками.

Завернув за угол, Чика вышла на улицу. Из вентиляционных люков на дороге вырывался пар, силуэт девушки то исчезал в клубах пара, то вновь возникал из них. Но Вулфу необязательно было видеть ее: его безошибочно вел стук ее высоких каблучков.

Дойдя до Восточной 2-й улицы, она повернула в западном направлении. Вулф удивился, как она идет: ничуть не беспокоясь о своей безопасности, не боясь никого и ничего. Вдруг он осознал, что слишком приблизился к ней, и прижался к стене.

Взглянув некоторое время спустя ей вслед, он увидел, что ее остановили двое каких-то парней, судя по всему, обитатели трущоб. Одеты они были в бейсбольные куртки и черные джинсы, на ногах красовались узконосые сапоги — типичная одежда уличной шпаны. Волосы на голове гладко выбриты с боков, а посередине оставлена густая полоска щетины, стоящей дыбом, да к тому же набриллированная. Один держал в руках нож для забоя скота с длинным узким лезвием, другой — хоккейную клюшку с опасными бритвами, прикрученными изоляционной лентой.

Парень с клюшкой в нетерпении постукивал ею по тротуару, а его напарник размахивал сверкающим в вечернем свете длинным ножом перед Чикой: один взмах перед грудью, другой — на уровне лобка. При этом они гнусно смеялись. „Видимо, наркоманы“, — подумал Вулф.

Парни уже довольно близко подошли к Чике, и Вулф решил, что пора вмешаться. Ему, конечно, не хотелось раскрывать себя, но и позволить подонкам причинить девушке вред он не мог. Он лихорадочно искал какой-нибудь

предлог, которому она поверила бы, если бы пришлось объяснять, почему он оказался здесь в столь поздний час. Однако Чика сама приняла решение.

Она внезапно высвободила из сумочки левую руку. В ней тускло сверкнул черный вороненый пистолет. Да не жалкая пукалка, а настоящее боевое оружие! По тому, как она встала — ноги врозь, пистолет нацелен сначала одному панку в голову, потом другому, — было видно, что дело свое она знает прекрасно и настроена весьма решительно. Она что-то сказала парням и, должно быть, сказанным напугала их еще больше, чем оружием, потому что один из них сразу бросил нож. Затем они что есть духу помчались прочь.

Чика продолжала стоять в боевой позиции, изготовившись для стрельбы, пока не убедилась, что панки не вернутся. После этого положила пистолет в сумочку, но руку не убрала. Вулф догадался, что она неспроста держала там левую руку с того самого момента, как вышла из дому, — она сжимала рукоять пистолета.

Вулф последовал за ней дальше и, повернув на север, дошел до Второй авеню. Тут она остановилась перед входом в похоронное бюро, расположенное в самом центре украинского квартала. Прочитать его название Вулфу не удалось, так как написано оно было на непонятном ему языке. Сквозь толстые желтые стекла на створках деревянных дверей лился неяркий свет. На тротуаре толпились прохожие и зеваки. Они сопели, чихали, тихо переговаривались между собой или просто глазели по сторонам, выстроившись в очередь. У дверей похоронного бюро стоял тучный вспотевший распорядитель и раздавал еду. Вулф стал приглядываться к его лицу: оно то и дело менялось, выражая поочередно недовольство, сожаление, облегчение, удовлетворение. Странно как-то весь день думать об умерших, а вечером кормить живых, но в этом и заключается жестокая соразмерность, которая, кажется, только и присуща закованному в камень городу, она и есть своеобразная грубая справедливость.

Чика начала быстро оглядываться по сторонам, но Вулф успел спрятаться в полумраке дверного проема, споткнувшись при этом о лежавшего там человека, завернувшегося в газеты. В адрес Вулфа понеслись проклятия.

— Мотай отсюда, сволочь, здесь мой дом! — зарычал лежавший. — Подыщи себе другое место!

Вулф оглянулся назад, на улицу, и вовремя заметил там катафалк без номерного знака, подъехавший к главному входу похоронного бюро. Он был совсем новенький,

отливающий в тусклом желтом свете черным металлом и хромированными деталями.

Человек, завернувшийся в газеты, принялся пинать Вулфа ногами, но тот не обращал на него никакого внимания. Чика проворно сошла с тротуара и, рывком открыв боковую дверь катафалка, к великому удивлению Вулфа, юркнула внутрь. Катафалк тронулся.

— Мать твою так! — выругался Вулф, выскакивая из проема на улицу. Но катафалк уже исчез из виду, затерявшись в потоке транспорта, идущего к Верхнему Манхэттену.

Глава пятая

Нью-Йорк — Токио

Вулф и Аманда прибыли в рок-клуб „Ла Ментир“, находящийся между авеню Би и авеню Эй, сразу после одиннадцати. По дороге им пришлось сделать большой крюк, так как одно из огромных многоэтажных зданий — по иронии судьбы штаб-квартира крупной страховой компании — обрушилось. Теперь его восстанавливали и огородили сложным переплетением строительных лесов. Развешанные в несколько рядов для временного освещения ничем не прикрытые электролампочки бросали на дом призрачный голубоватый отсвет, новые же алюминиевые уличные фонари уже исчезли: любители всего, что плохо лежит, выломали их, чтобы продать на процветающем черном рынке металлолома.

По мнению Вулфа, современной цивилизацией здесь и не пахло. Трещины, выбоины и покосившиеся стены здания вызвали у него ассоциации с иными временами. Ему казалось, что он смотрит на исчезающие остатки висячих садов Вавилона.

— Говорят, под ним яма размером с Холланд-туннель, — заметил он, кивнув на здание. — Можно поспорить на что угодно, что с транспортом здесь будет хреново как минимум год. А ездить на метро от станции „Лексингтон“ на нашем веку нам вообще не придется. Правда, бродягам от этого и горя мало: у них теперь полно места для жилья.

Он бросил взгляд на Аманду, сжавшуюся в комок на заднем сиденье, но та промолчала.

Улица в деловой части города, где разместился „Ла Ментир“, была по щиколотку завалена мусором, порывы ветра гоняли его туда-сюда. Старинные доходные дома, уже давно позабывшие своих первых благополучных владельцев, были покрыты характерным для Нью-Йорка черным налетом, который не поддавался бы теперь и чистке паром.

По грязному растрескавшемуся тротуару бродили молодые люди обоего пола, сгорбленные и поджарые, как

гончие собаки. Они щеголяли в черных сапогах, черных джинсах, в колготках, черных кожаных куртках с блестящими заклепками, ритмично позванивая толстыми цепочками и шипастыми шпорами. Все они — что парни, что девицы — носили серьги из нескольких колец, а некоторые — еще и брошку или кольцо, продетое в ноздрю.

По улице прогрохотал грузовик городской мусороуборочной службы, так размалеванный рисунками и надписями, что Вулф даже не смог определить его первоначальный цвет. Хотя вокруг было множество переполненных обшарпанных урн, грузовик нигде не притормозил. В его огромном ковше сидели и копались в еще не спрессованном мусоре двое тощих негритят, обутых в кроссовки „Рибок“ и с наушниками „Вокмэн“ на головах. На вид им было не более восьми-девяти лет. В конце квартала дети спрыгнули с грузовика и, прижимая к себе добычу, с криками унеслись за угол авеню Би.

Вулф припарковал машину в запрещенном месте, и они вышли. Над ними дугой изгибался заляпанный грязью черно-желтый навес над входом в „Ла Ментир“, где в несколько налignes натуралистической манере была изображена египетская царица с большими грудями, одной рукой сжимающая череп, а другой — нечто, сильно смахивающее на мужской член.

Завидев группу японцев, цепочкой входящих в клуб, Аманда сказала:

— В университетском городке я наслушалась о японцах немало всяких историй.

Всю дорогу сюда она хранила молчание, а когда Вулф обратил на это внимание, отвернулась, глядя в окно. Он так и не смог привыкнуть к ее скрытности. Возможно, в нем говорил инстинкт детектива, заставлявший его беспокоиться по поводу нежелания Аманды обсуждать эти странные приступы меланхолии. Они были подозрительными, и он даже допускал мысль о том, что она ведет двойную жизнь. Но сейчас, как бы там ни было, он был рад тому, что она снова заговорила.

— Каких еще историй?

— Ну, знаешь, сейчас даже в научной среде многие настроены против японцев. Поэтому всегда можно услышать какую-нибудь сплетню о японских профессорах. Они не очень-то сходятся с нашими, и большинство из моих коллег считают их надменными.

— А ты как считаешь? — спросил Вулф.

Аманда вздохнула.

— Мне не удалось подружиться ни с одним из них. Но,

с другой стороны, они, по-моему, в ужасе от того, что видят в Нью-Йорке. Мне кажется, многие из них придерживаются идеи чистоты расы, чего-то вроде „Японии для японцев“, а Америку считают второсортной страной. По той лишь причине, что наш народ — с их точки зрения — становится все менее чистокровным.

Она в недоумении пожала плечами и продолжала:

— Насколько я их знаю, к получению должности в Америке они относятся так же, как отнеслись бы мы к назначению в Африку. Для послужного списка это было бы совсем неплохо, но мне, например, нисколько не хотелось бы жить там.

Когда они при входе в клуб протискивались сквозь толпу, она взяла Вулфа за руку, чтобы не потерять друг друга.

— Мои коллеги всегда ставили японцам в вину их приверженность чистоте крови, доказывая, что мы стали великими благодаря превращению Америки в плавильный котел для всех народов. Однако в последнее время, хотя мы и не признаемся в этом друг другу, нам стыдно, когда японцы видят то, что происходит в городе, видят все увеличивающийся разрыв в уровне жизни разных слоев населения, эту всегда готовую вспыхнуть ненависть, рост расовых предрассудков, короче говоря, распад нашей страны. Теперь мы уже и не знаем, что отвечать на критику этих чужестранцев, из-за чего еще сильнее их ненавидим.

Вулфа это заинтриговало: интересно, как бы к высказыванию Аманды отнесся Шипли? Или, если уж на то пошло, как бы Аманда отнеслась к нарисованному Шипли сценарию гибели Америки в ближайшем будущем, не такому уж и неправдоподобному.

— Конечно, нельзя отрицать, — продолжала Аманда, — что японцы во многом от нас отличаются. — Она поискала глазами свою сестру Стиви. — Секс, например, у них не такой, как у нас.

— Тебе что, понарасказывали чего-нибудь в университетском городке?

Она рассмеялась.

— Вовсе нет. Был такой фильм. Не знаю, видел ли ты его. Называется „Империя страсти“. В нем двое влюбленных пытаются задушить друг друга в тот момент, когда кончают. Как я понимаю, это для того, чтобы испытать наивысший оргазм. В Японии этот фильм считается классикой подобного жанра.

Вулф вспомнил о видеопленке в квартире Лоуренса

Моравиа. Вслед за этим в его памяти всплыл образ Чики. Ему вспомнилось, как она шла по улице, как, подобно ножницам, двигались ее сильные ноги, а дождь тем временем бил в кожаную куртку, барабанил по зонту из рисовой бумаги. Потом он увидел Чикю с расставленными ногами и выпяченными вперед бедрами, жарко дышащую, с погруженными в черный треугольник пальцами, Чикю, взмокшую от пота и кончающую с тихим стоном.

— Вулф!

— Что?

— У тебя на лице такое странное выражение.

— Эти люди...

Костюмы так называемых покровителей искусства уже сами по себе были зрелищем: платья от Мизрахи и Ферре, замысловатые, усыпанные блесками декольте от Лакруа, широченные кожаные одеяния фирмы „Монтана“. Все здесь было не менее причудливое, чем на тех, кого они видели на улице. Правда, более дорогое. Аманда и Вулф лавировали между группами гостей, которые, подобно викторианским вампирам, вылезают из своих убежищ только ближе к ночи.

„Ла Ментир“ состоял из трех крупных помещений. Первое представляло собой обставленный в стиле „новой волны“ зал, где поперек пола, выложенного плитками из толстого полупрозрачного стекла, тянулся ряд неудобных на вид ступенек, а находящиеся под плитками цветные лампочки окрашивали ноги присутствующих в ядовитые оттенки красного, синего и фиолетового цветов. Вдоль одной стены размещался безвкусно раскрашенный — „под тигра“ — бар, в глубине которого, там, где обычно выставляют бутылки со спиртным, красовались куклы „кью-пай“, бывшие в моде в сороковых—пятидесятых годах.

Во втором помещении, самом крупном из трех, с прочным лакированным полом, обычно устраивались танцы. Сегодня же в этом зале разместились произведения художников и скульпторов. Чтобы создать им рекламу, и было, собственно, организовано нынешнее мероприятие. Зал был битком набит гостями, из каждого динамика, а их тут установили раз в десять больше, чем следовало, неслась оглушительная музыка.

Вулф так и не понял, как это Стиви сумела разыскать его и Аманду в этом дурдоме. Она вынырнула из массы людей, поцеловала в обе щеки сестру и пожала руку Вулфу. Стиви Пауэрс работала психотерапевтом и одновременно была членом правлений самых престижных художественных и научных советов города. Время от времени

то один, то другой из них выступал спонсором подобных светских тусовок. Для Стиви, как полагал Вулф, это был способ исполнения общественного долга. Она и ее муж Мортон Донахью владели кооперативными апартаментами (с пятью спальнями) на Пятой авеню, а также домом в Ист-Хэмптоне. Бог знает, сколько у них было денег. Главное, они отлично подходили друг другу. Идеальная парочка.

Стиви была совсем не похожа на свою сестру — темно-волосая, с темными глазами, пышнотелая по сравнению с худощавой Амандой. У нее были изящные руки с длинными пальцами — руки художницы, которые, казалось, постоянно пребывали в движении. Ее роскошное тело перемещалось быстрыми рывками, с точностью, присущей актерам и хирургам. В круг нью-йоркской элиты ее, несомненно, ввел муж, потому что Аманда не была знакома ни с одним из отпрысков богатых старинных фамилий, в среде которых вращалась Стиви.

— Боже, я так рада, Панда, что ты сумела выбраться сюда, — сказала Стиви. — Здесь сегодня все, кто хоть что-то из себя представляет. Масса людей, с которыми я хочу тебя свести!

Она не стремилась специально, как считал Вулф, быть грубой с ним, но он всегда тем не менее чувствовал ее несколько прохладное отношение к себе. Вероятно, она не одобряла его профессии. Поди пойми этих сестричек!

Когда Стиви потащила Аманду за собой, та быстро чмокнула Вулфа в щеку. Взгляд у нее был печальный, но это не ввело его в заблуждение. Он знал, что Аманде нравилось встречаться с богачами и знаменитостями из окружения Стиви.

Вулф принялся бродить по залу, рассматривая выставленные работы. Большинство из них были абстрактными до предела. Он не понимал, что случилось с экспрессионизмом. На его взгляд, слишком многое из того, что в мире искусства определили термином „современное“, было лишено и смысла, и чувства. По мнению Вулфа, совсем не обязательно чем-то заполнять пространство. Приобщенный к японской культуре через посредство боевых искусств, он мог по достоинству оценить негативное в своей основе пространство — пустоту, например, образующую контекст для одного-единственного, конкретного образа. Ведь смысл может выражаться во множестве странных и неожиданных форм.

Двигаясь вокруг расположенных по эллипсу экспонатов, он дошел до того места, где кончались картины и

начинались всякие абстрактные фигуры и поделки: куски арматуры с прикрепленными к ним слитками бронзы медового цвета, африканская древесина твердых пород с нанесенными на нее яркими, как шкура зебры, узорами, раскрашенный различными оттенками коричневого цвета гипс. Все эти работы выглядели немymi, пассивными, неуклюжими и грубыми в своей безжизненности. А ведь даже мертвые тела, подумалось Вулфу, вроде мумии фараона, могут быть красноречивыми.

Лишь одна, последняя работа, возвышавшаяся у него над головой, казалась исключением из прочих. Он встал перед ней и, вероятно, уже потому, что был знаком с этим будоражающим чувства стилем, ощутил, что переплетения черного крученого металла и окрашенных в яркие цвета кусков декоративной ткани обладают особым притягательным свойством.

Перед ним был еще один образец творчества Чики. И тогда он повернулся и, пробираясь сквозь толпу, начал искать ее.

Обойдя весь зал и так и не найдя ее, он направился в третье, самое маленькое помещение, где от обилия зеркал кружилась голова. Здесь располагался ресторан с покрытыми искусственным мехом креслами и малюсенькими — размером с почтовую открытку — столиками, которые, казалось, вздрагивали при каждом громоподобном ударе бас-гитары, тарелок и барабанов в пущенной на всю громкость музыке „Редбокс“ и „Пет-шоп-бойз“.

Из ума у него не шла Чика. Что-то в ней было. Но что? Она, спору нет, прекрасна и экзотична. Но он входил в контакт со многими красивыми женщинами, не испытывая при этом такого чувства... Какого же?

Возможно ли вообще подобное? Но он наверняка никогда не встречал Чикку раньше. Тем не менее, представляя себе ее огромные черные глаза, он как бы вновь слышал заклинания Белого Лука, снова испытывал возбуждение и страх, которые, как он думал, могли вызываться лишь его дедом. Он чувствовал, как гулко бьется его сердце, как ускорился пульс, и на какой-то момент он вдруг забыл о Суме и Лоуренсе Моравиа.

Вулф внимательно осмотрел все столы, прошелся по забитым посетителями проходам между ними, обошел все помещения из конца в конец, оборачиваясь каждые пятнадцать секунд, чтобы видеть, кто входит в ресторан. В конце помещения он остановился, глянул на вход еще раз и, толкнув вращающуюся дверь, отправился на кухню.

Здесь творился страшный кавардак. Повара с помощ-

никами, официанты и уборщики грязной посуды вертелись как заведенные. Воздух был влажным, наполненным запахами еды. Вулф прошелся вокруг расположенных рядами моек из нержавеющей стали, заваленных мелко нарубленными овощами и кусками сырого мяса, мимо огромных плит, на которых стояли кастрюли с булькающим супом и глубокие сковородки с жарким по-французски.

В глубине кухни он обнаружил закуток с массивной металлической дверью, ведущей в холодильную камеру. Заглянув в него, Вулф застыл на месте при виде представшей перед ним сцены.

Там, прижимая к двери холодильника, держал за грудки худощавого смазливового мужчину в жилетке и галстуке Сквэйр Ричардс. Его черная кожа казалась светло-синей под ярким светом неоновых ламп.

— Запаздываешь с платежом, Дики! — рычал полицейский. — Гони монету или я попорчу твою смазливую рожу! Что тогда будешь делать? Все твои голубые дружки отвернутся от тебя, придется продавать заведеньице!

— Ладно, ладно! — захныкал в ответ красавчик высоким женским голосом. — Дам я тебе эти чертовы деньги, только не делай мне больно.

Вулф подождал, когда Сквэйр Ричардс отпустит владельца клуба и возьмет из его рук купюры, затем сказал:

— Мистер Сансон, забирайте обратно свои деньги и уходите.

Мужчины обернулись, застыв от неожиданности и испуга. Вулф подошел, взял у Сквэйра Ричардса банкноты и сунул их в руку Сансону.

— Приношу искренние извинения за это недоразумение, — произнес он, вручая владельцу клуба свою визитную карточку. — Обещаю, что впредь этого не повторится. Если возникнут какие-либо проблемы, звоните. Мой прямой номер — на карточке. Звоните в любое время суток.

Сансон, все еще не пришедший в себя, кивнул и сунул деньги и карточку в карман. Затем, неуверенно улыбнувшись Вулфу, достал платок, чтобы утереть пот с лица, и поспешил прочь.

Вулф повернулся к Сквэйру Ричардсу:

— Так чем же это ты тут, черт бы тебя подрал, занимаешься?

Чернокожий детектив молчал, кусая губы.

— Что все это значит? Ты же знаешь, что я не потерплю коррупции среди своих подчиненных.

— Это не коррупция, — проговорил Ричардс отрезанно.

— Да что ты! Уверен, у службы внутренних расследований будет другая точка зрения.

— Вот как ты намерен со мной поступить! Сдать меня этой службе? — возмутился Ричардс. Он как бы обвинял кого-то, и его тон не прошел для Вулфа незамеченным.

— Сквэйр, я попросил бы тебя объясниться.

Ричардс повернулся, подошел к мойке и налил себе стакан воды. Вулф стоял рядом и ждал ответа, такой же терпеливый, как Аманда в отношении него самого. Выпив воду, Ричардс поставил стакан и нервно поглядел в сторону кухни, работники которой при всей своей занятости исподволь наблюдали за ними. Наконец, убедившись, что их никто не слышит, он сказал:

— Мне понадобились деньги.

Детектив замолчал, сочтя, что с Вулфа достаточно и этого объяснения.

— Ну?

Ричардс посмотрел на него.

— Не так уж и много денег, поверь на слово. Это жулье привыкло делиться наваром с санинспекторами, с теми, кто выдает лицензии на спиртное, да с мафией — за ее услуги. Каждый день эти ублюдки от кого-либо откупаются, только чтобы остаться при своем деле. Тебе это самому известно. Я хотел получить самую малость. У этого типа денег столько, что он бы даже и не ощутил потери.

Вулф стоял к нему вплотную.

— Хотел, значит, быть с ним в доле?

— Я же сказал: понадобились деньги!

— Сквэйр, я и в самом деле заложу тебя службе расследований, если не расколешься.

— Мне нужны деньги, чтобы выручить брата. Он попал в кабалу к ростовщику, который дерет ломовые проценты, — ответил Ричардс, повышая голос. — Понятно, босс? А теперь отвали от меня.

Он толкнул Вулфа к двери, к которой недавно прижимал Дика Сансона, и поспешил прочь. Вулф догнал его и развернул лицом к себе.

— Ты неплохо работаешь, Сквэйр, но пока что еще не понял, что можно делать, а чего нельзя. У тебя есть власть, но ты не имеешь права использовать ее как бог на душу положит.

— Я все объяснил.

— Этого недостаточно, — сказал Вулф. — Не может быть оправдания преступлению, а ведь именно его ты только что и совершил.

— Так значит, все-таки сдашь меня? Поделом мне за

то, что поверил белопузу. Ты такой же, как все: настроился против меня с самого начала... Как я теперь помогу брату? Они же ему ноги переломают!

Вулф ощутил на себе взгляды работников кухни и понял, что необходимо разрядить обстановку.

— Мы поговорим об этом прямо с утра в офисе.

— Хрен тебе! — выкрикнул Ричардс, посылая правый кулак в ухо Вулфа.

Вулф присел и резко повернулся, используя прием крими, чтобы продернуть Ричардса еще дальше в том направлении, куда по инерции тянул его сделанный им выпад. Он заставил детектива перевернуться и плюхнуться на пол, затем прижал ему горло коленом.

Глядя сверху вниз на потемневшее от ярости и унижения лицо Сквэйра и сознавая, какой спектакль они разыграли для всех присутствующих, Вулф вновь ощутил прилив ненависти к окружающей действительности. Мерзкий дух коррупции был настолько силен, что отравил даже этого по сути своей честного полицейского.

Вулф отпустил Ричардса.

— Встань, Сквэйр, и топай домой, — сказал он.

Хана умела быть неподвижной, как голубая цапля. А цапля эта — птица особенная: она ведет уединенный образ жизни и тихо охотится за добычей, которую протыкает своим длинным изогнутым клювом с зазубринами. Когда цапля поднимается в воздух, она летит, величественно откинув голову назад, к себе на плечи, а не вытягивает ее вперед подобно своим отдаленным родичам — ибисам и журавлям.

Юджи считал, что голубая цапля — самая прекрасная из этого вида птиц. В моменты, когда солнце всходит и заходит, она полностью сливается с небом. Окраска ее оперения безупречно повторяет цвет небосвода, и поэтому, взлетая с воды, она как бы растворяется в воздухе.

Дом Ханы находился в пригороде Токио. Всего лишь шесть миль отделяли его от центра города, но казалось, что целый миллион. Именно здесь единоутробная сестра Юджи предпочитала проводить все свое время. Рожденная от второго брака матери, она была моложе Юджи на тринадцать лет.

Ее дом, кирпичный, с облицовкой, изнутри был отделан черным мрамором и черно-белыми керамическими плитками. Это довольно неприятное оформление служило в свою очередь прекрасным фоном для ее коллекции *мачи оги* — богато разукрашенных и расшитых узора-

ми матерчатых вееров, используемых актерами в спектаклях. Поскольку *маи оги* зачастую были единственно дозволенными на сцене предметами, они использовались для обозначения самурайского меча, соснового леса, осенней луны, лестницы, ведущей на чердак, бушующего моря и даже просто-напросто чайной ложки. Но сами эти веера отличались сложной конструкцией, а их замысловатая символика резко контрастировала с прямоугольными плоскостями дома Ханы.

— Хана, — обратился Юджи к сестре, беря ее за руку. — Мне так хорошо, когда я вижу тебя.

За хрупкой внешностью Ханы скрывался характер, совершенно не похожий на характер матери. Минако производила впечатление незащищенной женщины, к чему так стремились многие ее сверстницы. И Юджи был потрясен, обнаружив, что Хана вполне может обходиться без посторонней помощи.

Обрадованная приходом брата, она провожала его своими блестящими глазами, куда бы он ни пошел. В ее глазах отражались чувства, подобно тому, как в амфитеатре слышатся все звуки вместе со всеми их оттенками.

— Когда я с тобой, мне кажется, что все мои заботы улетают прочь, — произнес Юджи.

Хана вызывала у него ассоциации с неким огромным психологическим двигателем. Временами он был уверен, что может слышать биение ее сердца, кипение ее крови и способен разговаривать с ними так, словно они обладали собственными голосами. Бывали и другие моменты, когда она становилась пассивной и непроницаемой для него, словно каменная стена.

В шесть лет Хана перенесла редкое воспаление мозга, которое с таким трудом поддавалось лечению, что врачи назвали болезнь ее именем. С тех пор они так и не пришли к единому мнению относительно последствий этого воспаления. Одни говорили, что болезнь сказалась лишь на речевом центре Ханы, другие утверждали, что пострадала ее память и еще какие-то, непонятные для непосвященных, функции головного мозга. Среди врачей не было согласия даже относительно того, нарушены ли эти функции, или же они видоизменились каким-то никому не ведомым образом. Так или иначе, но Хана заговорила лишь в двенадцать лет.

В течение ряда лет ее проверяли с помощью множества сложных тестов, и все без толку. В конце концов Минако это надоело. Она увезла дочь подальше от ультрасовременных медицинских центров, ставших для девочки чуть

ли не постоянным местом жительства, и поселила здесь, в этом убежище.

Хана унаследовала изящную красоту своей матери — ее кожу, напоминающую фарфор, дивный овал лица, красиво очерченный чувственный рот. Но к этому она добавила силу воли, завидную способность к изучению языков и искусств и еще более глубокий, чем у матери, отпечаток таинственности. Отца давно не было с ними, поскольку Минако выставила его за дверь, как только поняла, что он женился на ней из-за ее богатства. С дочерью он либо не хотел видеться, либо ему не позволяла это делать Минако, которая, как заметил Юджи, ревностно защищала девочку от всего, что могло бы ее расстроить.

По правде говоря, Юджи был первым, кто наконец понял Хану. Минако тоже пыталась понять свою дочь, но после стольких лет, в течение которых она постоянно сравнивала ее развитие с развитием других детей, она привыкла видеть в Хане прежде всего инвалида. А Юджи просто казалось, что сестра не такая, как все, и поэтому, помимо любви, она вызывала в нем любопытство. Со своей стороны, Хана замечала его интерес к себе (в этом он был абсолютно уверен) и отвечала ему взаимностью. Они были как бы полюсами одной батарейки.

Юджи знал, что обязан любить ее по долгу брата, но она ему и без того нравилась. Хана отличалась остроумием и часто смешила его, но он редко видел, чтобы смеялась она. Хана поражала всех своей пронизательностью. В конце концов это ее качество стало невыносимым для окружающих. Частые депрессии сестры, внезапные и глубокие, беспокоили Юджи прежде всего потому, что он не понимал их причины. В его душу часто закрадывался страх, что они являются результатом воспаления мозга и непонятных изменений, происшедших в нем.

Общение с Ханой нередко вызывало в памяти Юджи строки из стихотворения его любимого поэта Тэнигучи Бусона:

... Утренняя дымка.

Как на изображении мечты,

Люди идут своими путями.

От нее он уходил всякий раз с пониманием того, что мир представляет собой нечто большее, чем это ему пытались втолковать в школе, и что, помимо известных, существуют и другие всеобщие контакты, о которых наука даже не догадывается. Юджи затруднялся сказать, что является правильным путем „сквозь дымку“, что отражением реального мира, а что — всего лишь миражем.

— Что тебя гложет? — спросила как-то Хана.

Освободившись от ощущения мира и глубины, излучаемых ее необыкновенной аурой, Юджи вздохнул.

— Оракул.

За окном жилой комнаты виднелись заросли зеленого бамбука — мосо, — посаженного Ханой в каменном дворике, стены которого отражали свет в бесчисленном множестве сочетаний. Одни из стволов бамбука росли вертикально, другие — наклонно. Они постоянно образовывали некий сложный узор. Временами этот дворик (площадью всего двенадцать квадратных футов) казался огромным. Юджи любил смотреть в окно: это располагало к размышлению.

— Я начинаю жалеть, что мы вообще затеяли это дело, — пояснил он.

— Кто, собственно, сообщил тебе о смерти Моравиа? — спросила Хана, внимательно наблюдая за ним.

Юджи пожал плечами.

— Какая разница? Я знаю, что ответственность лежит на Оракуле, а остальное не суть важно. Я никогда не думал, что смогу создать нечто такое, что может стать причиной смерти человека.

— Юджи-сан, ты говоришь так, будто Оракул убил Моравиа.

— А разве не так?

— О нет! Нет же!

И она, видя, как он расстроен, приблизилась к нему и взяла его за руку.

— Сядь сюда, — сказала она, усаживая брата рядом с собой. — Случай с Моравиа был испытанием. Мы все поверили в твоё детище, но подобные ошибки доказывают лишь то, что Оракул тоже может ошибаться.

Юджи хмыкнул.

— Ты не должен сдаваться из-за одной неудачи, — продолжала Хана. — Оракул необходим. Понимаешь, я верю, что во Вселенной еще много такого, о чем мы и не подозреваем. Иногда мое тело кажется мне клеткой, в которой я вынуждена пребывать, как зверь в зоопарке. Как будто плоть и кровь, из которых оно состоит, делают меня низшим существом.

Хана замолчала, но в этой тишине движение ее мысли не прекратилось. Юджи умел различать признаки этого, как тень, движущуюся по стене. Какие метаморфозы происходили в ней? Его мучили вопросы: кто она? какие превращения претерпевает? как влияет на Оракул ее психическое присутствие?

Он хотел было спросить. Для этого ему надо было преодолеть и свое смущение, поскольку он обвинял себя, что лезет ей в душу, и свой страх — в равной мере перед ее ответом и ее молчанием. Но тут она совершенно изменившимся тоном произнесла одно слово: „Смерть“.

Это слово отдалось во всех закоулках его души, и он содрогнулся. Он знал, что она воспринимает „волны“. Она не желала называть их видениями, ибо, по ее словам, они были вовсе не зрительные, а, скорее, возникали в ней самой, в ее организме.

Они, казалось, исходили не из какого-то внешнего источника, а откуда-то из глубин ее существа, из некоего пространства, образованного или, по крайней мере, затронутого воспалением. Когда-то давным-давно она сказала ему: „Внутри меня есть бесконечный провал. Из него и появляются образы. Это не видения, нет! Я ничего не вижу. Но я знаю, что они есть, и мне понятен их смысл, как если бы я во сне обучилась какому-то древнему языку“.

— Хана! О чем ты говоришь? — спросил он. — Какая смерть?

Ее обычно ясные глаза в этот момент были тусклыми, как пыль, и он понял, что она его не видит.

— Ты и Наохару Нишицу схватились в смертельной схватке, а над вашими головами нависла огромная черная птица, — ответила она.

— Смерть, какая? Которая пишется с большой буквы? — переспросил он, пробуя рассмеяться, но чувствуя, что смех застревает у него в горле. — Что-то вроде сцены из фильма Ингмара Бергмана?

— Нет-нет! Ты не понял. Не так...

Хана неожиданно схватила его еще крепче. Ее глаза вновь прояснились и теперь смотрели на него, а губы дрожали.

— Там кто-то еще. Кто-то неизвестный. Тот, кто убьет вас обоих.

Сидя в тиши квартиры Лоуренса Моравиа, Вулф размышлял о потайной комнате за гардеробом и ее странном интерьере. После стычки со Сквэйром в „Ла Ментире“ наигранное веселье, царившее на презентации, уже не привлекало его. Он разыскал Аманду и, извинившись, сообщил, что хочет уйти. Стиви предложила отвезти Аманду домой на своей машине, и та, заметив выражение лица Вулфа, не стала возражать, а лишь крепко поцеловала его в губы, прежде чем сестра увлекла ее за собой.

Вулф, сидя на полукруглой кушетке Моравиа, припомнил слова Маун: „У Лэрри есть что скрывать. И достаточно много, я не шучу“. Вспомнил он и об „Империи страсти“, и о встрече Чики с Моравиа неделю назад, и о ее контакте с Сумой прошлой осенью, и о том, что Моравиа был убит вчера. Он вспомнил обо всем, во что посвятил его Шипли, а также о том, что он все еще не может пробиться сквозь ауру Сумы, как и через ауру Чики, о том, что все еще не вышел на убийцу. Возникали вопросы. Является ли Чика членом общества Черного клинка? Или более конкретно: является ли она наемным убийцей „Тошин Куро Косай“?

В нем крепла уверенность, что, куда ни кинь, все сходится на ней. Вопреки воле, он опять ощутил томление в паху. Перед его глазами вспыхнул ее образ, дергающийся в экстазе. Он вспомнил исходящий от нее запах. И тут его вдруг осенило — именно этот запах он учуял в потайном помещении в квартире Моравиа. Ясно: Чика там бывала. Даже в маленьких комнатках без окон запахи так долго не держатся, а это говорит о том, что Чика была в этой квартире за несколько часов до его прихода. Зачем? И еще, что не менее важно, как она сумела туда проникнуть? Его группа по расследованию убийств опечатала квартиру сразу же после того, как на место преступления вызвали полицию.

К трем часам ночи снегопад сменился холодным и частым дождем со снегом, отчего тротуары и канализационные решетки, над которыми клубился пар, покрылись предательски скользкой пленкой. У Вулфа работы накопилось по горло. Ему захотелось опять увидеть лицо Аманды, ощутить ее тело и согреть об него свою плоть. За эти полтора дня он так застыл, что, казалось, уже никогда не отогрется.

Покинув квартиру Моравиа, Вулф на полицейской машине без опознавательных знаков отправился к Аманде. Ее жилище располагалось в Морнингсайд-Хайтс. В этом районе проживали в основном выходцы с Карибских островов и из Африки. В местном парке они понастроили себе лачуг, дорожки позгадили кровавыми отбросами, остававшимися после их примитивных магических обрядов. Аманда вынуждена была мириться с этим опасным соседством по общей для всех нью-йоркцев причине — нехватке средств. Она просто не могла снимать жилье в более приличных кварталах города. Кроме того, ей нравилась эта просторная квартира с двумя спальнями и полная безопасность благодаря установленному Вулфом полицейскому суперзапору на входной двери и стальным решет-

кам с висячими замками на окнах. Слушая ее, Вулф каждый раз удивлялся, как она умеет использовать свой педагогический талант и находить объяснение буквально всему.

Мокрый снег, подсвеченный неоновыми огнями ночного Манхэттена, лупил по стеклу машины, как вырвавшийся на свободу маньяк. От стеклоочистителей толку было мало. Вулф набрал телефонный номер Аманды, гадая, вернулась она с презентации или еще нет. У нее в этот день занятий не предвиделось, поэтому вряд ли она отдыхает.

— Это я, — сказал он, услышав ее голос. — Еду к тебе.

— В квартире беспорядок, — ответила Аманда. — Давай куда-нибудь в другое место.

— Может быть, ко мне?

— Куда угодно, только не ко мне.

Через пятнадцать минут Вулф подкатил к ее дому, немного задержавшись из-за усилившегося снегопада. Он заприметил три или четыре фигуры, которые устроились под прогнувшимся навесом, прикрывшись от холода и сырости обрывками картона. Все они, насколько он мог разглядеть, спали. Мокрый снег барабанил по машине, дробью отдаваясь в ушах.

Вскоре он заметил быстро идущую через вестибюль фигуру. Аманда, закутанная в длинный плащ, выпорхнула наружу, перешагивая через бродяг. Она сделала небольшой прыжок, чтобы не попасть в водяной поток, несущийся к сточной канаве.

В этот момент в мозгу у Вулфа как бы прозвенел звонок — сигнал, что что-то не так. От нехорошего предчувствия шевельнулись волосы на голове. Похожа ли эта походка на походку Аманды? Она действительно показалась Вулфу знакомой, но чьей именно? Он взгляделся в лицо женщины, однако резкие тени, образующиеся при освещении лампами дневного света, делали ее черты плохо различимыми.

Вулф протер глаза. „Совсем заработался, — подумал он, — вот и мерещится“. Он потянулся к дверце, чтобы открыть ее для Аманды. И вдруг прямо перед собой неожиданно увидел лицо прекрасной японки, художницы Чики.

С презрительным взглядом и как-то лениво Чика подняла правую руку. В ней он увидел тот самый вороненый пистолет, которым она на глазах Вулфа отпугнула двух подонков. Ее красные губы, при искусственном освещении казавшиеся черными, раскрылись, и она что-то сказала,

но из-за закрытого окна и шума снегопада он не расслышал, что именно. Затем из дула пистолета вырвалась вспышка, и шум выстрела прозвучал в машине, как удар грома.

— Нет! — воскликнул Вулф в момент, когда осколки стекла разлетелись внутри машины. Он почувствовал удар, впечатавший его в дверцу машины. Во рту появился привкус железа и крови. А затем настал черед боли...

Пробуждение было резким. Вулф рывком сел и огляделся кругом, в первый момент ничего не соображая. Он находился в своей спальне. Сердце бешено колотилось в груди, и он все еще чувствовал боль — приснившуюся боль — там, где пуля вошла в тело. Глупо, но он все же потерял это место, чтобы убедиться, что цел и невредим.

Вулф включил верхний свет и, отодвинув штору, уставился на дождь, тарабанивший по стеклу. Дождь казался застывшим во времени, и Вулф ощутил какое-то родство с ним, сам находясь где-то между своими отцом и дедом. А рядом, как связующее звено, постоянно присутствовала мать.

Он мог вызывать в памяти лицо матери так же четко, как если бы она находилась рядом с ним: ее выразительные черные глаза, прикрытые характерными плотными складками верхних век; ее выступающие скулы; крупные, почти дихарские, красиво очерченные нос и челюсть; широкий рот; густые, темные, с проседью, достающие до талии волосы, которые она украшала изготовленными для нее Белым Луком крошечными бисеринками из бирюзы и ляпис-лазури. Каждая черта ее лица, которую он вспоминал, усиливала ощущение ее присутствия.

Мать была своего рода предсказательницей, известной в племени как собирательница сновидений, и многие из тех, кто испытывал печаль, страх или психическое расстройство, приходили к ней за помощью и советом.

И все же ее сила заключалась, как считал Вулф, в пассивности, поскольку она никоим образом не вмешивалась в отношения между близкими родственниками, оставляя все на волю судьбы.

Он опять прилег и закрыл глаза. Снова начал сниться сон. В этом сне он проснулся, встал и прошел через комнату к просторному гардеробу. Отодвинув висевшую там одежду, за которой хранился лук, он взял его. Лук был изготовлен из рогов карибу и ранее принадлежал его деду.

Этот лук дед сделал еще тогда, когда был совсем молодым, не старше четырнадцати или пятнадцати лет. Сделал он его с трудом. Большинство луков индейцев изготовля-

вались из крепких пород дерева, из сухожилий животных и клеящего вещества, которое индейцы называли асфальтом. Такие деревянные луки были сравнительно просты в изготовлении и надежны. Однако настоящая сила заключалась лишь в луках, сделанных из рогов карibu, и поэтому индейцы ценили их больше всего.

Сжимая во сне такой лук, глядя, как хорошо он гнется, ощущая его прочность и чистую упругую силу, Вулф слышал, как песня его жизни с дедом стремится к нему, подобно нарастающему пению хора...

Он открыл глаза и взглянул на часы. Стрелка только что перевалила за полночь. Дождь сменился мокрым снегом, бешено стучащим по старым стеклянным рамам потолка. Тусклый голубоватый свет просачивался сквозь них, словно губительная радиация из какого-то отработавшего уже свое закрытого предприятия.

Он взялся руками за голову. Пульс все еще не вошел в норму. „Боже мой“, — простонал он. Вслед за этим нахлынули мысли об Аманде, возникло беспокойство, все ли с ней в порядке. „А почему бы и нет“, — успокаивал он себя. И все же безотчетный страх усиливался, подогретый, вероятно, первым сном.

Он наскоро оделся и поспешно вышел. Лишь за рулем машины, уже по дороге к Аманде, ему вдруг пришло в голову, что следовало бы позвонить ей из дому. Его мысли путались, словно он все еще не проснулся.

Потоки воды стремительно разбегались по стеклу. Казалось, все светофоры сговорились против него, и тогда он решил не обращать на них внимания. Ему пришлось съехать с Амстердам-авеню, поскольку с 73-й по 79-ю улицу вся она представляла собой одну зияющую яму. Здесь на прошлой неделе провалились в туннель метро дорожное покрытие, ржавые трубы водоснабжения и канализации и огромные кабели электропроводов. Это, по утверждению городской коммунальной службы, произошло из-за постоянной вибрации от движения транспорта, интенсивности которого отцы города семьдесят лет назад не могли предвидеть. По краю ограждения разрушенной зоны кто-то вывел краской из баллончика слова: „Смерть богатым сволочам!“.

На Бродвее под навесами темных магазинов сутились кучки бодрствующих сенегальцев, у которых ни отвратительная погода, ни позднее время еще не отбили желания продать торопливым пешеходам, сгорбившимся от холода и мокрого снега, хоть что-то из своих дешевых поделок.

Вулф набрал номер Аманды.

— Это я, — сказал он, когда она ответила. — У тебя все в порядке?

— Конечно, — откликнулась она. — А в чем дело?

Из-за помех на линии невозможно было понять, разбудил ли он ее и в каком она настроении.

— Я еду к тебе.

— Господи! Я только что вернулась домой, и у меня полный беспорядок. Может быть, поедem в другое место?

У Вулфа пересохло во рту. В горле встал комок. Его сон, похоже, повторялся.

— Как... — начал он было говорить и остановился, услышав какие-то посторонние звуки.

Вслед за этим связь прервалась, и в трубке раздался треск.

— Что ты сказала? — крикнул он. — Аманда!

Он сжимал трубку так сильно, что свело пальцы. Один раз ему почудился чей-то смех на другом конце.

— Аманда!

В ответ ни звука. Вулф нажал рычаг, а вслед за ним кнопку повторного набора номера. Телефон Аманды оказался занят. Боже, что же это он услышал перед тем, как связь нарушилась? Сон, увиденный вскоре после общения с Шипли, довел его до болезненной подозрительности. Вулф никак не мог сообразить, слышал он голос Аманды или же голос кого-то другого. Из-за помех твердой уверенности не было. Он вспомнил предостережение Шипли: „Подумай как следует. Еще один твой шаг в этом расследовании, и они уже не позволят тебе выйти из игры. Они поступят с тобой так же, как с Моравиа“. Господи!

Вулф дал полный газ, и машина рванулась. Он крепко держал руль, лавируя между другими машинами. Мокрый снег летел навстречу с какой-то, казалось, целенаправленной злобной яростью. Поставив „дворники“ на максимальный режим работы, он вывел машину, слегка пригнувшись и вглядываясь вперед сквозь запотевшее стекло.

Взвизгнув тормозами, он резко остановил машину перед домом Аманды и быстро выскочил из нее. Угодив ногами в водосток, он оказался по щиколотку в ледяной воде. В подъезде сидела молодая женщина с близнецами, которых она прижала к себе, чтобы уберечь от сырости и холода. Дети спали, а женщина не спала. Равнодушными старческими глазами она наблюдала за Вулфом, видя, как он ворвался в дом, отпер замок на внутренней двери и бегом помчался через полутемный вестибюль.

Квартира Аманды находилась на четвертом этаже. Как и в большинстве старинных домов, лифт здесь был изно-

шенный и тихходный, поэтому Вулф устремился вверх по лестнице, перепрыгивая через три ступени. Ему казалось, что он теряет чувство реальности. Мчась наверх, он снова и снова вспоминал приснившиеся ему кровь и боль. Эти образы становились все более живыми, пока наконец не приобрели сходство с киномонтажом или произведением искусства, затмевая то, что в данный момент видели его глаза. Он ощутил боль и неосознанно начал потирать то место, в которое во сне попала пуля, а затем вынул револьвер.

Дверь в квартиру Аманды была слегка приоткрытой. По спине Вулфа пробежал холодок. Держа оружие наготове, он осторожно толкнул ее кончиками пальцев, а когда она распахнулась, совершил профессиональный нырок в длинный коридор. Прижавшись спиной к одной из голых оштукатуренных стен, он огляделся и увидел, что суперзапор стоит прислоненный к стене рядом с входной дверью.

— Аманда!

— Вулф? Я оставила дверь открытой для тебя. Я почти собралась.

Вулф выпрямился. С него лил пот. „Возьми себя в руки, — приказал он себе, — это же не сон“.

— Где ты? Почему ты бросила трубку? — спросил он, пряча револьвер в кобуру.

— Нас разъединили. Это все эти чертовы автомобильные телефоны. Я тебя почти не понимала. А ты слышал, как я сказала „до свидания“?

— Нет.

В коридоре было темно, но в гостиной горел свет, поэтому казалось, что там теплей. Аманда не поинтересовалась, почему он не позвонил ей снизу.

С молниеносной быстротой Вулф пересек гостиную, перепрыгнув на ходу через кушетку, распахнул дверь в спальню и невольно издал крик, в котором смешались боль, шок и ярость.

Все стены и пол спальни были забрызганы кровью. Она образовала целую лужу на постели, где, раскинув руки, лежала обнаженная Аманда и смотрела невидящими глазами в потолок. Поперек горла у нее проходила темно-красная полоса, из которой все еще пузырилась кровь.

Вулф приложил одну руку к ее сердцу, два пальца другой — к сонной артерии. Все бесполезно из-за слишком большой потери крови. Но ведь это Аманда, а не очередная незнакомая ему жертва, не очередное новое дело для расследования.

— Нас разъединили. Это все эти чертовы автомобильные телефоны. Я тебя почти не понимала. А ты слышал, как я сказала „до свидания“?

Услышав ее голос, Вулф подпрыгнул на месте и невольно взглянул на неподвижное мертвое лицо. Тогда-то он заметил магнитофон, аккуратно подложенный под простыню рядом с головой Аманды. В него просочилась кровь.

— Нас разъединили. Это все эти чертовы автомобильные телефоны. Я тебя почти не понимала. А ты слышал, как я сказала „до свидания“?

Выругавшись, Вулф протянул руку и выключил диктофон. Подняв глаза, он увидел, что окно открыто: открытые стальные решетки как бы нехотя поворачивались от ветра то взад, то вперед. За окном виднелась пожарная лестница. Мокрый снег падал на подоконник, но воды на полу было совсем немного. Это означало, что окно открыли буквально за несколько минут до его появления.

Вулф с кольтom в руке перепрыгнул через постель и выбрался наружу, к пожарной лестнице. Порыв ветра с мокрым снегом чуть не сбил его с ног. Повинуясь первобытному инстинкту, он вгляделся вниз, но не заметил никакого движения ни на нижних ступеньках лестницы, ни на улице. Прикрыв глаза от снега рукой, он посмотрел вверх, и ему почудились какие-то движения, какая-то тень. Вулф бросился туда, перемахивая сразу через две перекладины.

Продвигаясь все выше и выше и глядя вверх, он увидел, что тень плавно переместилась с лестницы на крышу здания. Кто это? Сума или Чика? Времени на размышления не оставалось. Бледный труп Аманды, ее кровь, разбрызганная по всей спальне, были для него словно острый нож. Но горе переходило в ярость, подпитываемую чувством обиды за то, что он при всей своей сноровке, опыте и обостренных инстинктах так и не сумел защитить ее.

Преодолев ограждение, он очутился на покрытой гладким битумом крыше. Здесь виднелись водонапорная башня, угловатый выступ верхней части шахты лифта, различные отверстия систем отопления и вентиляции, воздухозаборники, застекленный прямоугольник для верхнего света, как в его квартире, вспомогательная электрораспределительная будка и снабженный замком и сигнализацией вход непосредственно в само здание. Вулф не ощутил никакой ауры, но знал, что где-то в этих рукотворных джунглях прячется убийца Аманды.

Мокрый снег продолжал хлестать с такой яростью, что

становилось трудно дышать. Крадучись, он двинулся вперед, но затем остановился, передумал и вернулся обратно к ограждению, чтобы приступить к методичному осмотру всего периметра крыши. Это диктовалось двумя соображениями. Во-первых, он хотел попытаться застать врасплох убийцу, который будет ожидать его появления со стороны пожарной лестницы, по которой поднялись они оба. А во-вторых, это должно было дать ему полное представление о том, что и где здесь расположено. По обнаружении убийцы весьма важно будет знать, где находятся возможные пути отступления и как их перекрыть.

Вулф обследовал уже три четверти периметра, когда заметил, как что-то шевельнулось около вспомогательной электрораспределительной будки. Движение было настолько незначительным, что он чуть не прозевал его. Вулф на секунду отвел глаза в сторону, чтобы стабилизировать зрение, и вновь пригляделся. „Так и есть, поймал, — подумал он. — Но кто это — Сума или Чика?“

Он направился в сторону неясной фигуры, но в этот момент она отделилась от будки и бросилась к нему настолько стремительно, что достигла его прежде, чем он успел прицелиться. Он нажал спусковой крючок в момент, когда фигура уже врзалась в него.

Вулф припал на одно колено, нанося удар стволом пистолета. Что-то стукнуло его в диафрагму прямо под грудной клеткой, и он отлетел назад, к осыпающейся кирпично-бетонной стенке ограждения, где его стошнило. Фигура тут же набросилась на него, и Вулф, для защиты свернувшись в клубок, покатился вдоль периметра крыши.

Фигура последовала за ним. Вулф вскочил на ноги, на ходу целясь из пистолета в то место, где, по его расчетам, должна была оказаться фигура, но никого перед собой не увидел. В тот же момент на него обрушился удар сзади, и он со стоном врзался в верхний край ограждения, ощутив во рту привкус железа и крови. Он почувствовал, что его поднимают, и стал бороться, видя, что находится слишком близко к краю крыши, за которым шестью этажами ниже видна мостовая, как бы приглашающая к летальному исходу.

Вулф сделал захват, думая, что теперь имеет преимущество, но, к своему изумлению, обнаружил, что захват превратился в обратный и преимущество каким-то образом перешло к противнику, который толкал его через ограждение. Он увидел под собой зловеще поблескивающую улицу, и его сердце забилося тяжело и часто от напряже-

ния и страха. Раз и еще раз нанес он удар. Обычного человека это заставило бы упасть на колени. В данном случае ничего не помогало. Противник швырнул его в темную пустоту.

Вулф перелетел через ограждение, и улица снизу устремилась ему навстречу. Отчаянным усилием он выбросил вбок левую руку, и мощный рывок оборвал его падение — рука вцепилась в мокрое железо. Он крикнул, внезапно ощутив, как растягиваются суставы руки под весом тела, выпустил из правой руки револьвер и схватился за перекладину обеими руками. Стало немного легче. Он висел, держась за верхнюю платформу пожарной лестницы. Дыхание обжигало легкие, он был близок к обмороку. Чтобы стряхнуть это состояние, Вулф потряс головой и вдруг заметил, что черная фигура перебирается через ограждение с явным намерением добраться до него.

Сверхчеловеческим усилием он качнулся. Один раз, другой. Пальцы заскользили по обледеневшему железу. Наконец ему удалось ухватиться как следует, и он взобрался на лестничную платформу. Он сидел, скорчившись, испытывая нехватку воздуха и головокружение. Руки он изодрал в кровь. Но сейчас ему было не до этого. Его противник набросился на него, делая подножки, мешая встать.

Вулф тяжело рухнул на железные прутья, будившие ассоциации с какой-то тюрьмой. Не думая о боли в суставах, он выбросил руку в обманном ударе и почувствовал, что противник парировал удар. Тогда, собрав все силы и застав противника врасплох, Вулф вцепился правой рукой в его левое запястье как раз в тот момент, когда он бросился для нанесения решающего удара. Вулф резко дернул его к себе и вниз, а затем мимо себя. Инерция собственного броска, помноженная на усилие Вулфа, сработала. Другой рукой Вулф захватил снизу локоть противника и швырнул его на железную решетку платформы.

Вулф бросился вверх по лестнице. Перевалившись через низкую стенку ограждения крыши, он свалился на мокрое битумное покрытие. Странное спокойствие начало охватывать его. Ему хотелось сесть и закрыть глаза. Он понял, что имеет дело с последствиями шока, которым надо сопротивляться. В организме скопились эндорфины. Они притупили боль, но вместе с этим снизили способность к мышлению и координации. „Пусть уж лучше боль“, — подумал Вулф и сконцентрировался.

Он нутром почувствовал чье-то присутствие, обернулся и увидел, что противник уже поджидает его. Затем

убийца обхватил Вулфа руками и, швырнув на битумную поверхность крыши, уселся рядом с ним. Мокрый снег слепил глаза. Вулф напрягся, пытаясь разглядеть черную фигуру. Большая она или маленькая? Кто это? Сума или Чика? Трудно ответить на эти вопросы. В воздухе, казалось, носились неестественные тени. Надвигалась густая чернота, которая каким-то непонятным образом отбрасывала мокрый снег прочь от него. А потом вдруг исчезли уличные фонари, исчез даже воздух. Вулф испытывал странное чувство подвешенности между временем и пространством. На него обрушился хаос, заглушая звуки песен-заклинаний, которым он научился у Белого Лука.

В тот момент он почти уже сдался. Пережитый им шок возвращался, охватывая весь организм, глуша мысли и угрожая отключить все координационные и моторные функции. Но тут, побеждая ночь, побеждая хлещущий мокрый снег и промораживающее до костей и незаметно подкрадывающееся оцепенение, возник образ мертвой Аманды. Вулф почувствовал запах ее крови, которой становилось все больше и больше. Она затопляла его. Вдувались последние розовые пузыри на растерзанном горле, как символ быстро уходящей жизни. Все это навалилось на него непомерной тяжестью. Но оставалось еще слишком много неиспользованного, чтобы позволять системам организма отключиться. И тогда он вновь собрал свои силы и начал бороться так, как боролся всегда: отстаивая свое положение в семье, преодолевая невзгоды и воюя с врагами, как явными, так и скрытыми.

Вулф стиснул зубы и потянулся вверх, чтобы вырваться из этой неестественной тьмы. Он вел борьбу в безвоздушном пространстве, спеленавшем его, до тех пор, пока не ухватился за своего противника. Притянув убийцу к себе, он наклонил голову и жестко боднул его лбом в лицо. Вулф слышал какие-то звуки — вероятно, звуки ливня, барабанищего по битуму, кирпичу, бетону и металлу.

Он снова притянул противника к себе. Но повторение хода — любого хода — оказалось в данном случае ошибкой, и он, ощутив острую боль в бедре, увидел рану на своем теле, оставленную черным сапогом. Боль не стихала, так как сапог продолжал нажимать, стремясь добрать-ся до кости и сломать ее.

Он издал крик, дважды ударив противника локтем. Затем применил низ и тут же ребро ладони, рассчитывая на нанесение тяжелого увечья. Черная фигура тяжело крикнула, но наконец убрала сапог и начала удаляться.

Вулф ринулся следом с намерением убить. Боль от

утраты Аманды билась в нем подобно черным крыльям. Увидев просвет, он бросился в него. Но чем ближе он приближался к цели, тем медленнее действовал. Мир вдруг стал мутным, будто очутился под водой. Трудиться приходилось над каждым вдохом и выдохом, пульс упал. Чернота, словно вязкое живое существо, окутала его так, как если бы обладала формой и весом, перед которым невозможно было устоять.

Затем занялся пожар. Полыхало ужасно, но вместе с тем в огне было нечто знакомое — знакомое с давних времен.

Его начал сжигать голубой огонь. Вспомнив лицо Аркунлло, он закрыл свое собственное руками. В этот момент он почувствовал, как его поднимают и бросают высоко в ночное небо: противник использовал для броска его же инерцию.

Вулф смутно увидел поток света, затем свет исчез. Мокрый снег нещадно жалил лицо, но потом прекратился. Ветер, засвистев в ушах, резко стих. Последовало стремительное движение вниз, прерванное оглушительным звуком.

Он врезался в застекленную крышу левым плечом и бедром, разбив стекло вдребезги. При этом длинный острый осколок, застрявший в раме, как наконечник стрелы, воткнулся ему в левую ногу. После этого он камнем полетел сквозь тьму и свет. Жизнь покидала его, он слышал в ушах рассерженное шипение духов и шепот Аманды: „Нас разъединили. Это все эти чертовы автомобильные телефоны. Я тебя почти не понимала. А ты слышал, как я сказала „до свидания“?“

Вулф еле слышно произнес ее имя. От быстрого падения выступили слезы в уголках глаз. Он перестал различать сознательное и бессознательное. Память покинула его, мысли превратились в чувства. Потом боль заглушила все, даже его собственный крик.

Вулф

Элк-Бейсин. Лайтнинг-Ридж. 1957—1964 годы

Отца Вулфа звали Питер Мэтисон. Он, как и его сын, имел честь принадлежать к числу неординарных мужчин. Для него таковыми были техасские рейнджеры. Он упивался особым положением, которое они в то время занимали, и потому впал в глубокую депрессию, когда в 1935 году за этими боевыми ребятами вдруг оставили лишь патрулирование дорог, выпуская их по праздникам при полном параде, как каких-нибудь дрессированных собак, вполне мирных и послушных. Но только ли это заставило его оставить жену и сына? Питер Мэтисон, подчеркнуто мужественный и гордый, как матадор, вполне соответствовал духу конджо. Это японское слово, означающее поистине мазохистскую страсть к физическим действиям, сопряженным с невероятными тяготами и болью, Вулф услышал много лет спустя от своего учителя — по-японски: сенсея — по борьбе айкидо. Как категорически заявил его сенсей, достичь состояния конджо невозможно без глубочайшего подавления всех своих эмоций. Именно так, сперва даже не осознав этого, Вулф открыл для себя нечто очень важное в личности своего отца.

Питер Мэтисон прослужил в техасских рейнджерах двенадцать лет, пытаясь противостоять разрушительному воздействию времени и новых порядков на этот последний отборный отряд стражей закона. Он часто думал о том, как они начали свое существование столетием раньше — гордыми защитниками границ Техасской республики. В ходе своей героической истории эти доблестные кавалеристы вели жестокие битвы с команчами и отличились в мексиканской* и Гражданской войнах. Питер Мэтисон во всем этом, разумеется, участия не принимал, хотя ему и довелось наводить порядок, сражаясь с мексиканскими бандитами и всевозможными уголовниками.

*Имеется в виду американо-мексиканская война 1846—1848 гг., развязанная США. В результате войны США захватили свыше 1/2 территории Мексики. — *Прим. ред.*

Он вступил в ряды рейнджеров, поскольку среди американских стражей порядка они были уникальны — в их обязанности не входило носить форму и отдавать честь офицеру, проходить строевую подготовку и отчитываться перед начальством. По крайней мере, они были такими в пору расцвета своей славы, и отец Вулфа потратил целых десять лет, пытаясь в одиночку возродить ее. Из-за этого многие видели в нем героя, легендарную личность, уважая его за храбрость и жизненную философию, за верность взятому на себя делу, независимо от испытываемых при этом страданий и лишений.

Брак Питера Мэтисона с индианкой казался более чем странным, но лишь тем, кто плохо знал его. Открытая Рука — так звали мать Вулфа — была во всех отношениях достойной наследницей своих предков, индейцев-шошонов, живущих в бассейне реки Винд-Ривер. А Питера всю его жизнь привлекала незаурядность во всех ее проявлениях. Открытая Рука оказалась достаточно прагматичной — в гораздо большей степени, чем ее муж, — чтобы смириться с наступлением новых времен, с неизбежностью обустройства диких просторов под нужды переселенцев, продвигавшихся на запад из северо-восточных штатов. Наверное, она потсмут-то и вышла замуж за него — белого человека, техасского рейнджера. Она ощущала мощь нового мира, и ей не хотелось отстать от жизни, чтобы затем пасть, спиться, испытать горечь и безвременную старость в гнусных резервациях. Однажды он услышал, как она говорила Белому Луку, что видит будущее наступление новых времен в пронзительно-голубых глазах своего мужа, чувствует, как оно проявляется в выражении его красивого сурового лица. С другой стороны, у Белого Лука было собственное мнение насчет манеры поведения Питера Мэтисона.

Вулф помнил, как в один прекрасный вечер он спросил отца, правду ли говорят в школе, будто законы в Техасе устанавливались рейнджерами.

— Нет, — отрезал Питер Мэтисон, высокий, поджарый, продубленный ветром и солнцем, могучий телом и духом. — Мы сами по себе были законом.

Такой самонадеянный ответ был настолько характерен для Питера Мэтисона, что Вулф навсегда запомнил его. И в этом же заключалась причина того, почему Белый Лук не переносил своего зятя.

— Закон идет не от человека, а от окружающего его мира, — сказал он Вулфу вскоре после этого случая. — От

голосов мира, от духов, к которым надо прислушиваться, даже если их слова трудно разобрать.

Мудрость эта подтвердилась с предельной очевидностью, когда однажды Питер Мэтисон вернулся домой бледный и задыхающийся. Он отмахнулся от встревоженных расспросов жены, однако за обедом потерял сознание. Вместе врача Открытая Рука позвала своего отца.

Всего только раз Белый Лук взглянул на Питера Мэтисона и велел расстелить одно из расшитых руками дочери одеял. Когда она это сделала, он извлек лоскутки тканей, выкрашенных в цвета четырех главных стран света. Разложив их в соответствующих углах одеяла, он размял свежий шалфей, держа руки над одеялом, так чтобы крупинки упали в его центр. Помещение тут же наполнилось запахом этого растения.

Белый Лук, обладавший, по мнению многих, могуществом большим, чем даже Черный Лось или Ворона Глупцов, был верховным шаманом шошонов с Винд-Ривер. Но, в отличие от других шаманов, его философия не замыкалась лишь на его племя, а, скорее, являлась синтезом мифов, философии и этики, позаимствованных и от других индейских племен. В свое время он очень много странствовал и, как поговаривали, встречал радушный прием даже со стороны тех племен индейской, как он выражался, нации, которые были врагами шошонов и их сородичей, — а именно со стороны свирепых и воинственных команчей Западного Техаса.

Вулф и Открытая Рука уложили лишившегося чувств Мэтисона на одеяло, а Белый Лук, опустившись рядом с ним на колени, достал два ястребиных пера. Одно он положил поперек горла больного, а другое — на низ живота. Затем он начал водить ими вдоль всего неподвижного тела, все время бормоча заклинания настолько низким голосом, что Вулф не смог разобрать слов.

Неожиданно одно из перьев резко замерло над животом Мэтисона. То же самое произошло и со вторым пером, и они пересекли друг друга.

— У него в животе яд, — определил Белый Лук. — Надо спешить. Он умирает.

В точке, где скрестились перья, он начертил раствором индиго круг, в середину которого положил гладкий камешек. Потом затянул песню, мелодия и слова которой наполнили, казалось, всю комнату. Вскоре от камня повеяло жаром, и он разогрелся докрасна, будто горящий уголек.

Тогда Белый Лук велел Открытой Руке и Вулфу оття-

нуть голову Питера назад и открыть ему рот. Зафиксировав язык при помощи полоски от высушенного языка буйвола, он достал длинную полую иглу дикобраза, перевязанную посередине окрашенным в темно-синий цвет сухожилием, и начал осторожно вводить ее Питеру в пищевод через рот. Затем он губами взял противоположный конец иглы и принялся делать сосательные движения, пока игла не наполнилась. После этого Белый Лук извлек ее и вылил содержимое в тарелку, поставленную дочерью. Эта процедура повторялась несколько раз, пока он, поюхав извлеченную из желудка жидкость, не удовлетворился результатом. Вслед за этим он поднял перья и низко поклонился, напевая другую песню. Потом убрал их вместе с иглой. В последнюю очередь он снял с живота Питера Мэтисона камень, уже ставший к тому времени холодным. Внутри голубого круга сохранился похожий на снык след, оставшийся у Питера на всю жизнь.

— Теперь он спит, — сказал Белый Лук, сев прямо. — По всему видно, что он устал. В нем нет больше отравившего его яда. Того же самого яда бледнолицых, который, как я слышал, много раз применялся против нашей нации.

Старик не стал больше распространяться на эту тему, но много лет спустя у Вулфа зародилось подозрение, что для его деда не осталась незамеченной эта ирония судьбы.

— Когда он проснется, он вновь будет здоров.

Открытая Рука склонила голову в знак благодарности.

Напоследок Белый Лук повернулся к Вулфу и мягко произнес:

— Духи мира явились на зов. Таков закон. Теперь ты видел это собственными глазами...

В то время многое, связанное с его дедом, было покрыто тайной, и Вулфу показалось, что старик специально создает атмосферу таинственности. Вначале он считал, что деду просто присуще своеобразие. Однако позднее поймал себя на мысли о том, что у старика могут быть более глубокие и бескорыстные мотивы казаться своему внуку таким таинственным.

Однажды дед сказал ему:

— Ты теперь некоторое время поживешь у меня. Твоя мать не возражает.

Он никогда не заговаривал об отце Вулфа, который не разделял его взглядов и потому для него как бы не существовал.

— Мы сейчас покинем этот дом, но сначала я расскажу

тебе одну притчу, — продолжал дед. — Жил когда-то на свете мальчик. У него никого не было, только реки, горы, деревья да небо вокруг. Однажды, когда мальчик собирал орехи и ягоды на краю равнины, где он жил, до него донесся крик.

Он бросился на помощь и увидел лежавшего в пыли ястреба, у которого было сломано крыло. Мальчик присел рядом с птицей и попробовал дотронуться до крыла, но ястреб чуть не отхватил ему клювом палец. Тогда мальчик начал разговаривать с ним. И в конце концов ястреб позволил поднять себя и унести с палящего солнца.

В тени под деревом мальчик позаботился о птице. Он дал ей сначала воды, а потом ягод. Ягоды ястребу не понравились. Он предпочитал мясо. Однако все же склевал их. Мальчик приладил лубок к сломанному крылу.

Через какое-то время ястреб поправился, и, поскольку жажда свободы у него была сильнее, чем у его нового друга, он полетел, уводя мальчика за собой, уводя от равнины, где тот вырос, через пересохшую долину, покрытую проступившей солью, в предгорья с коричневой почвой. Потом он повел его вдоль круто вздымающегося гребня гор. Это была та самая гора, которую мальчик видел в ясную погоду начиная с момента своего рождения. Она была неотъемлемой частью его мира, о ней он иногда грезил, но не смел даже надеяться достичь ее.

Теперь он стоял почти у самой ее вершины и ощущал огромный прилив сил. То, что он пришел сюда, было как бы подарком от ястреба за спасение жизни.

На вершине горы мальчик увидел старое могучее дерево, узловатое, скрюченное от дождей и ветров. Он подошел к нему и обхватил руками, словно давным-давно потерянного предка. Ястреб взлетел с плеча мальчика и сел на самую верхнюю ветвь, зорко осматриваясь вокруг. Затем он издал пронзительный — как бы прощальный — крик и взмыл в ясное голубое небо.

Испытывая пьянящее чувство от пребывания на вершине горы, мальчик отступил от дерева и, прикрыв от солнца глаза ладонью, следил за полетом птицы. У него было острое зрение, и он видел, как ястреб летит кругами все выше и выше, взмывая как бы по только ему видимой вертикальной спирали.

Мальчик смотрел и смотрел, пока птица не исчезла из виду. И в тот самый момент, когда крохотная точка растворилась в поднебесье, мальчик увидел, что к нему медленно опускаются три пера — три ястребиных пера. Он поймал их на лету и воткнул в свои густые черные волосы.

Через много лет, когда он поселился у подножия горы, женился и завел детей, он рассказывал своей семье о том ястребе, а священные перья использовал в ритуалах, освящающих небо и землю и неразрывную связь между ними...

Белый Лук посмотрел на Вулфа черными как ночь глазами. В его взгляде читалась отвага и независимость, и не было в нем павлиньей спеси, которую он так презирал.

— Пойдем, — сказал он. — Ты готов?

Готов к чему? Вулф не понял вопроса и был напуган колдовской силой деда, его таинственными высказываниями, острым ощущением того, что от него чего-то ждут. Чего? Дед так и не объяснил, а Вулф не сумел тогда сам додуматься.

Однако ему и в голову не пришло отказаться. Чего бы ни требовал от него дед, он все исполнял беспрекословно. Будучи еще совсем маленьким, он научился слепому повиновению, научился языку своего племени, впитав все это с молоком матери. И по мере того как он превращался из младенца в мальчика, эта черта все больше перевешивала в нем гены отца, который учил его никогда и никому не подчиняться.

Они покинули Элк-Бейсин, передвигаясь по глубокому снегу верхом на лошадях — Белый Лук больше всего любил такой способ передвижения. Как он однажды сказал Вулфу, шошоны с Винд-Ривер были одними из первых племен, понявших природу лошадей и использовавших их в хозяйстве (он никогда не говорил о лошадях, как об обычных домашних животных). Вулф закутался в шкуры и одеяла, расшитые его матерью; Белый Лук не позволял внуку в своем присутствии носить современную одежду. Было очень холодно, однако старик будто не чувствовал этого, надев на себя всего лишь вышитую бисером рубаху да летние штаны из мягкой оленьей кожи, которую продубил он сам. На ногах у него были кожаные мокасины с жесткой сыромятной подошвой и верхами, затейливо украшенными кусочками цветного стекла и эмали.

Окутанные синими сумерками, они разбили стоянку на унылой и просторной плаье — солончаковой равнине, где на много миль вокруг был слышен лишь вой беспощадного ветра. Белый Лук выбрал место с подветренной стороны извилистого берега замерзшей реки Севьер. До устья было недалеко, так что Вулф мог разглядеть соленое озеро, в которое она впадала.

— Тебе везет, — заметил Белый Лук, когда они установили вигвам, разрисованный причудливыми символами, похожими, как показалось Вулфу, на боевые щиты. — Когда я был таким, как ты, меня свалила тяжелая болезнь.

И он поведал о том, как болел эпилепсией.

— Приступы были очень сильными. После них я на много дней выбывал из строя и спал как убитый. Но постепенно ко мне во сне стали являться души знакомых мне существ — бизона, волка, медведя и сокола. Понадобилось время, чтобы я понял: это духи убитых животных, они как бы хотят сообщить мне, что я особенный и что мне суждено стать шаманом. „Как же так? — спрашивал я. — Я ведь болен“. А они отвечали: „Как шаман, ты должен лечить болезни. А для этого ты должен понять их природу“.

И тогда я, пробудившись, осознал, что прежде всего должен научиться лечить сам себя, ибо только так научусь исцелять других.

Едва Вулф успел задуматься над тем, как это дед сумел сам себя вылечить, как тот извлек из длинного кожаного футляра лук. Лук с великолепным двойным изгибом был сделан из какого-то рога или кости. Оплетавшие его сухожилия были выкрашены в ярко-синий цвет, что делалось путем вымачивания их в растворе индиго. Концы лука чуть выше мест крепления тетивы были украшены ястребиными перьями, а на одном из концов на кожаном шнуре висел пожелтевший коготь ястреба.

— Этот лук сделан из рогов карибу, — объяснил старик, устраниваясь поудобнее. — Как ты наверняка слышал, в таком оружии скрыта великая сила. Но я раскрою тебе одну тайну. Сила идет отсюда, — и он ударил себя в грудь чуть повыше сердца, — а не из самих рогов, как думают многие. Рога служат лишь хранилищем этой силы. Понимаешь?

Вулф кивнул, боясь сознаться, что ничего не понимает. Какая сила? Ведь силу не пощупаешь. А тогда непонятно, каким образом любой из материальных предметов может хранить в себе такую неосознаваемую вещь, как сила.

Дед улыбнулся, будто знал, что творится в голове внука. Но мог ли он это знать? Или все-таки мог?

— Предметы, окруженные почитанием, как, например, луки из рога, ценятся прежде всего потому, — продолжал старик, — что они служат своего рода талисманами, через которые начинаешь ощущать свою силу, осознавать себя. — И, видя выражение лица внука, наклонился к

нему и спросил: — Как бы ты осознал самого себя, не заглядывая в зеркало? По фотографии? А откуда тебе знать, кто на ней изображен — ты или не ты? Нет, указателем для тебя является зеркало.

Сделав все необходимые дела, они поужинали вяленым мясом и жареной кукурузой, забрались поглубже в вигвам и сделали необходимые приготовления ко сну. Старик продолжал рассказ:

— Вот этот лук помог мне исцелиться. — В ответе костра его лицо казалось таким же темным и грубым, как кожи, на дубление которых он потратил столько времени и сил. — Делая его, я нашел сам себя, осознал свою силу и излечился. Карибу явился ко мне во сне, а наутро я отправился за ним на охоту. Потребовалась целая неделя, чтобы выследить его, но, как только я вышел на след, я уже знал: ему от меня не уйти. В действительности же, как я теперь понимаю, он и не старался скрыться от меня. Наоборот, его дух звал меня к нему.

Я обнаружил его на лесной поляне. К тому времени я забрел далеко на север: ведь в наших местах мало карибу. Это был громадный даже для своей породы зверь, с огромными кривыми рогами, похожими на молодой месяц. Он повернул свою большую голову, приметил меня и потряс ею. Я видел, что он готов сбросить рога. Сейчас совершенно ясно, что это существо было ниспослано мне с небес, чтобы я мог забрать рога и сделать из них белый лук.

Старик сидел, скрестив ноги и куря длинную костяную трубку. Вулфу, который лежал рядом, закутанный в шкуры и одеяла, нравился ароматный запах табака и голубой дым, окутывающий голову деда, похожую от этого на гору в облаках. Вулфа клонило ко сну, а слова старика, говорившего на мелодичном языке шошонов с Винд-Ривер, действовали на него, как колыбельная песня.

— Так сложилось, что мой отец был великим мастером по лукам, и он посвятил меня в свое искусство еще до того, как я научился говорить целыми предложениями. Я знал, что главная сложность не в резьбе, а в том, чтобы выварить из рогов сердцевину, которая впоследствии станет хрупкой, и от этого лук при сгибании не выдержит и сломается. Я также знал, что только от длительной варки рога сами примут нужную для изготовления лука форму.

Ты спросишь, почему так мало людей умеют делать луки из рогов? Все очень просто. Когда варишь рога в обычной воде, то из них уходит природная клейковина, придающая им упругость. Мой отец добавлял в воду смесь трав, чтобы сохранить клейковину в роге. У меня, однако,

не было ни этих трав, ни знаний о том, что это за травы. Я был один, и никто не помогал мне. И все же я сделал этот лук.

Он подождал, пока Вулф не приоткрыл глаза и не спросил:

— Как же это удалось?

— Жар! — ответил дед. Затем, видя по лицу внука, что тот ничего не понял, Белый Лук протянул ему руку. Рука Вулфа полностью скрылась в дедовой ладони.

Белый Лук поставил мальчика на ноги и вывел наружу. Погода прояснилась, небо стало морозным и черным. Луна имела настолько четкие очертания, что, казалось, об нее можно порезаться. Повсюду, куда ни глянь, плайя покрывалась толстой ледяной коркой.

— Смотри, — показал дед, — вот как!

Он пробил ледяную корку, покрывавшую воду, левой рукой, и она ушла под лед по плечо. В руке Вулфа, которую дед по-прежнему сжимал в своем огромном мозолистом кулаке, появилось ощущение, будто его подключили к току. Он отдернул ее как ошпаренный, но даже теперь, не прикасаясь к деду, испытывал нечто настолько пугающее, что даже во сне не мог припомнить, что же это было.

Взглянув вниз, он увидел, как из того места в речном льду, где Белый Лук держал свою руку, ручьями струится вода. Спустя мгновение вода хлынула наружу бурным потоком, а вскоре из темной пробойны шипя повалил пар...

Позже, когда Вулф спал — а спал он в тот раз долго, — ему снились далекие времена и звучащая, словно музыка, мелодичная речь Белого Лука.

Поверхность огромной плайи затвердела и выровнялась, как асфальт в том городе, куда спустя много лет устремится Вулф. За дальним краем плайи виднелись горы Сьерра-Невады, из-за большого расстояния казавшиеся почти бесцветными. Здесь таилась опасность. Она таилась и в городе, и Вулф подсознательно понимал, что между этими двумя опасностями существует связь.

— У нас, то есть у нашей нации, нет права первородства на эту страну. И ни у кого его нет, — говорил внуку Белый Лук, сидя с ним в вигваме, который они установили под обрывистым берегом реки, сверкавшей коркой льда и инеем в бледном лунном свете. — Наш род, как я узнал с помощью духов, пришел из Азии после того, как много месяцев покочивал по заснеженным равнинам Сибири. Его не страшили сплошные льды на месте нынешнего Берингова пролива. В те времена Азия и Америка были единым целым, а там, где сейчас плещут ледяные воды, виднелись

лишь небольшие озера. Наши предки прошли Аляску и двигались на юг, все время на юг. Что заставляло их делать это? Возможно, бесконечные льды. По правде говоря, даже духи не дают определенного ответа, так что я, наверное, не получу его до тех пор, пока моя душа не отлетит на небо, где я узнаю все.

Белый Лук говорил, а его пальцы работали, обматывая сырое сухожилие вокруг обсидианового наконечника для стрелы, который он собственноручно обтесал до остроты жала. Он крепил его к ровной и гладкой ветке дикой смородины. Для стрелы он предпочитал именно ее, поскольку она гибкая и такая прочная, что, даже если раненый такой стрелой бизон упадет вместе с ней, она не сломается, а лишь глубже вонзится в его тушу.

— Мы тогда, скорее всего, были китайцами, — добавил Белый Лук, — и, возможно, не так уж и сильно отличались от тех кочевников, которые потом стали нынешними японцами.

Тут он поднял еще неготовую стрелу и примерил ее к правой руке Вулфа, от плеча до конца среднего пальца мальчика. Он отметил эту длину на древке стрелы угольком, а потом с помощью джутовой веревки замерил расстояние от правого запястья внука до первого сгиба все того же среднего пальца. Вулф наблюдал, как дед складывает оба отрезка, которые вместе составят общую длину стрелы. Именно так умельцы по изготовлению стрел делали это оружие на заказ специально для наиболее уважаемых людей „нации“. Вулф с удивлением понял, что Белый Лук мастерит эту стрелу для него.

Он любил наблюдать за руками деда — такими большими, умелыми и, в отличие от самого этого человека, совсем не пугающими. В них не было ничего таинственного — просто инструменты для творчества и исцеления.

Становилось все холоднее. С каждым днем, проведенным на этой широкой равнине из обледеневшей соли, Вулф ощущал, как холод все глубже, до самых костей, проникает в него. Он двигался замедленно и с трудом, как какое-нибудь складное двухмерное сооружение. А на Белого Лука холод, казалось, не действовал вообще. В самом деле, бывали дни, когда он выходил из вигвама вовсе без рубахи. В таких случаях Вулф долго приглядывался к деду, выискивая следы воздействия низкой температуры на его голую кожу. И ничего не находил. Тогда он вспоминал, как старик ткнул руку под лед и вода из ледяной превратилась в горячую.

Как-то вечером он спросил:

— Дедушка, а откуда берется весь этот жар?

Белый Лук понимающе кивнул, как если бы ждал этого вопроса.

— Сила, которой шаман исцеляет, связана с огнем. А огонь — это глаз солнца, принесенный в этот мир давным-давно одним из духов. Огонь — это энергия, это сила. У нее много проявлений, и шаман обязан решать, какое из этих проявлений больше всего пригодится в данный момент.

Он склонил голову набок, водя глазами вдоль стрелы из дикой смородины. Оставалось еще сделать паз для тетивы на толстом конце, а кончик стрелы должен быть в той же стороне, что и у ветки, из которой она изготовлена.

— В конечном счете, — продолжал дед, — это самое трудное решение для шамана: когда использовать огонь и каким способом. И именно этот внутренний огонь делает шамана невосприимчивым к самому страшному холоду, который люди испытывают с приходом не только суровой зимы, но и своей смерти.

Несколько дней спустя, после того как Белый Лук завершил свой труд, изготовив три превосходные стрелы, Вулфу приснился сон. Ему снилось, что к нему явился медведь, такой гигантский, что заслонил солнце. Его мех казался воплощением ночи. Этот гигантский медведь, научив Вулфа своему языку, вел с ним долгий и серьезный разговор, а потом вывел его из вигвама на пляю. Когда же Вулф проснулся, он уже не помнил медвежьего языка и потому не мог вспомнить, что именно говорил ему зверь. Он рассказал сон деду. Белый Лук улыбнулся.

— Пора! — сказал старик, кивнув головой. Он взял свой лук и те самые три новые стрелы и вывел Вулфа наружу, туда, где в лучах низкого красного солнца солончаковая равнина стала похожа на матовое стекло. — Ты можешь вспомнить, в какую сторону повел тебя медведь?

Вулф указал на запад, и они отправились в путь, освещаемые заходящим солнцем. Далеко впереди в дымке лежали горы Сьерра-Мадре, окрашивающиеся в это время суток в великолепный багряный цвет. Нижняя часть солнечного диска прикоснулась к ним, и светило, казалось, сплющилось, подобно сосуду из сырой глины под рукой гончара. За дедом и внуком тянулись голубые тени, удлинившиеся с каждым их шагом.

Воздух был сух до предела. Острый, как скальпель хирурга, он проникал во все малейшие просветы в одежде Вулфа, а Белый Лук в своем летнем одеянии из оленьей кожи ничего, похоже, не чувствовал, и Вулф с благоговением думал о его власти над огнем.

Пройдя несколько миль, они заметили темный предмет. Даже на расстоянии Вулф определил, что это человек. И не ошибся.

На заиндеветой корке, покрывавшей плайю, лежал на боку молодой человек года на три или четыре старше Вулфа. Вулф присел рядом с ним на корточки и прикоснулся к его шее, к тому месту, где отец учил его искать пульс.

— Он жив, дедушка, но на грани смерти, — сообщил мальчик, мельком взглянув на Белого Лука. Затем он тщательно ощущал тело юноши и перевернул его на другой бок. — Нет ни крови, ни ран. Что с ним такое?

Белый Лук, невероятно высокий, одним своим видом внушающий трепет, протянул ему камень и сказал:

— Этот камень для тебя. Действуй!

Вулф взял маленький пятнистый камешек, гладкий, как грудь матери. Он оказался теплым и нагревался все больше, как только оказался в его руке. Бросив на деда еще один быстрый взгляд, Вулф приложил камень к трем точкам на теле юноши: к низу живота, к сердцу и ко лбу. При этом он всякий раз прикасался к камню кончиком своего среднего пальца. В первых двух случаях он не ощутил ничего особенного, но, когда камень соприкоснулся с головой парня, Вулфа передернуло. Он задрожал и закрыл глаза.

— Что сообщил тебе камень? — спросил Белый Лук.

Сперва Вулф ничего не ответил — настолько сильно охватил его ужас. Потом, глотательным движением освободившись от ощущения чего-то плотного, что, казалось, застряло у него в горле, вновь обрел дар речи.

— Этот юноша не болен физически. Кто-то похитил его душу.

— Да, это так, — кивнул Белый Лук, будто уже знал все заранее. — Вот почему к тебе во сне явился дух черного медведя. Этот юноша находится под защитой этого животного, и его дух хотел найти шамана.

— Но я же не шаман, дедушка!

— Убери камень у него со лба, — приказал дед. Он взял одну из изготовленных стрел и вручил мальчику вместе с луком. — Послушай, что случилось. Умер человек. Подлый трус, который, не имея мужества идти по тропе мертвых в одиночку, похитил душу этого юноши, чтобы она сопровождала его. — Старик пристально посмотрел на внука. — Когда ты коснулся целебным камнем в третий раз, то мог ощутить, как прервалась песня жизни.

— Да, — прошептал Вулф, охваченный дрожью от страха перед тем, что будет дальше.

— Мы должны вернуть назад то, что было подло похищено, — заявил Белый Лук. — Мы должны пройти тропой мертвых.

Стало уже совсем темно, но Белый Лук, похоже, не обращал на это никакого внимания. Он вел Вулфа за собой, пока они не вышли на берег Севера.

— Реки образуют проходы на другую сторону жизни, — объяснил дед.

На берегу он сел скрестив ноги, достал трубку и набил ее каким-то темным веществом, по запаху совсем не похожим на его обычный курительный табак. Белый Лук закурил, сделал несколько затяжек и передал трубку Вулфу. Мальчик втянул дым в легкие. Дым оказался очень ароматным, удивительно мягким и не вызвал у него ни кашля, ни удушья. Они затягивались из трубки по очереди, пока не выкурили ее всю.

— Теперь пошли!

Вулф поднялся вслед за дедом, и, держась за руки, они скользнули в реку. Вода оказалась настолько холодной, что мальчик мгновенно окоченел, а глубина была такая, что он не мог достать до дна кончиками своих мокасин.

Ему не хватало воздуха, но дед держал его, не давая всплыть. Вулф вначале испугался, попробовал вырваться. Но его восприятие реальности уже менялось. Мрак, царивший под водой, стал еще чернее. Холод, пронизавший все его тело, куда-то ушел, и он обрел способность дышать. Однако от всего этого Вулф не только не успокоился, а испугался еще больше.

Дед тянул его за руку вперед. Там виднелась какая-то дорожка, выложенная камнями, которые слабо светились и походили на белые кости. Это и была тропа мертвых. Всего лишь в нескольких шагах от них по тропе шел старик в сопровождении юноши, которого они нашли на плаье. Внезапно ощутив их присутствие, юноша повернул голову, но старик, крепко державший его, даже не обернулся, продолжая свое жуткое странствие.

— А теперь быстро, пока они не ушли! — шепнул внуку Белый Лук. — Иначе будет поздно. Используй лук!

— Я боюсь, — отозвался Вулф. — Для этого надо быть шаманом, а я не шаман.

— Стреляй! — поторопил его дед. — Выпусти стрелу!

Дрожащими руками Вулф вставил стрелу и поднял лук. Лицо его заливал пот, живот сводило от страха. Чуть не плача, он натянул тетиву, согнув лук великолепной дугой. Это потребовало от него больших усилий, ибо лук был рассчитан на силу его деда. Но тут он подумал о бедном юноше, который лежал на плаье. Скрежеща зубами

и подавляя в себе слабость, он натянул лук до отказа, прицелился и пустил стрелу старику в спину.

Раздался пронзительный, нечеловеческий вопль. Юноша исчез. А затем заплескалась вода, устремившаяся Вулфу в горло, он ощутил жжение в глазах и соленую тошноту.

...Вулф открыл глаза. Он лежал посередине вигвама. Сухой. Все вокруг было таким же, как до того момента, когда они отправились в путь по зову черного медведя. Однако все ощущения казались обостренными, и при каждом движении он чувствовал, как усиливается острота восприятия. Он вспомнил о трубке, которую выкурил вместе с дедом, и на какое-то время почти убедил себя в том, что их путешествие — всего лишь галлюцинация. Эта убежденность исчезла, как только он обнаружил у себя на коже налет соли — явное свидетельство погружения в соленые воды Севера.

Ужас парализовал его. Значит, все было на самом деле. Он действительно нырял в эту реку — ворота в Страну мертвых.

В полуобморочном состоянии он встал и начал искать Белого Лука, но не нашел его ни внутри, ни снаружи. Вулф оказался совсем один на этой бескрайней равнине, в самую холодную пору. Один, если не считать двух стрел, оставшихся от тех трех, что изготовил для него Белый Лук.

А еще через три часа, когда уже совсем стемнело и холод сковал вигвам, Вулфа нашел отец, пригрозивший Белому Луку искалечить его, если тот не укажет место, где он бросил вьюка.

— Ему нельзя уезжать, — услышал Вулф, садясь вместе с отцом на коня, слова деда, обращенные к Открытой Руке. — Это у него началось, и он должен в одиночку сделать то, что должен сделать.

Питер сплюнул, а затем, натянув поводья, вонзил шпоры в бока лошади, чтобы развернуть и унести вскачь через необъятные просторы плайи, где ополоумевший старик оставил было его сына на верную смерть.

Вулфу, казалось бы, следовало обрадоваться при виде отца, когда тот вдруг возник в вечернем сумраке, но у него на мгновение мелькнула мысль, где бы скрыться. И, оказавшись на равнине хоть какое-то подходящее укрытие, он бы и в самом деле спрятался. Единственным таким местом здесь была Страна мертвых, но он понимал, что без деда ему туда не проникнуть.

Почему-то теперь эта страна уже не страшила его так, как вначале. Во всяком случае, она казалась не более

пугающей, чем холодный блеск в глазах отца и тон его голоса, когда, ворвавшись в вигвам, он рывкнул:

— Собирай свои монетки! Едем немедленно домой!

Сидя верхом за спиной отца и обхватив его руками, Вулф ощущал, как с каждым ударом мощных конских копыт о землю уходит от него острота зрения, слуха и обоняния, испытанная им после пробуждения. Скакун шел ровной рысью, раскалывая копытами смерзшуюся соль, и она разлеталась вокруг подобно осколкам разбитого зеркала, которое оказалось всего лишь стеклом, покрытым серебряной краской и лишенным какой бы то ни было магической силы.

С собой он прихватил лишь две стрелы, подаренные Белым Луком, сочтя все остальное детскими игрушками. Однако по прибытии домой он обнаружил у стрел изъян: они лишились оперения. И произошло это либо во время скачки с отцом по плаье, либо раньше по той причине, что Белый Лук вообще не приладил его.

В первые недели после возвращения все казалось не таким, как прежде, особенно отношения между родителями. Если до этого их разногласия, связанные с Белым Луком, были скрытыми, то теперь отец выступал против него не таясь, предложив даже как-то раз сдать „этого явно выжившего из ума“ старика куда следует, пока он не натворил больших бед.

Создавалось впечатление, что Открытая Рука, хранившая в своей душе надежды, страхи и горести своего племени и бывшая такой терпеливой и все понимающей, вдруг утратила эти качества. Она даже не пыталась, да и не могла объяснить мужу поведение своего отца. Ее душевное равновесие уже нарушилось. Если раньше она могла с почти научной отрешенностью осознавать, какая пропасть лежит между этими представителями двух совершенно разных народов, и даже представляла себя неким мостом между ними, то теперь факт их несовместимости разрывал ее на части. До этого случая она представляла пропасть между ними как метафору, символизирующую закат одной культуры и расцвет другой, и это объяснение вполне устраивало ее, вселяя ложное ощущение безопасности.

Теперь же жить с Питером Мэтисоном и чувствовать себя по-прежнему в безопасности стало невозможно. Он был истинным американским пионером-первопроходцем, беспокойным, как ветер, и отчаянно смелым, но без особого чувства ответственности.

— Беда цивилизации в том, что в ней нет места героям, — сказал он как-то Вулфу, — поскольку герои, как говорится, яростны и неукротимы, и это их свойство угрожает разорвать ткань цивилизации.

Позднее до Вулфа дошло, что отец имел в виду прежде всего себя, и Вулф много раз с особым чувством вспоминал этот как бы отвлеченный разговор просто потому, что это был редчайший, почти небывалый случай, когда Питер Мэтисон сказал что-то о самом себе.

Вулф чувствовал, что в его отце тоже горит огонь. Хоть и не шаманский огонь Белого Лука, но тоже достаточно яростный, чтобы быть движущей силой. Белый Лук к тому времени уже успел рассказать внуку о постоянном взаимодействии между разумом, телом и духом. И теперь Вулф мог сам быть свидетелем такого взаимодействия на примере собственного отца, ибо ему было ясно, что все действия и реакции Питера Мэтисона направляются той особо сильной частью его личности, которая относится к сфере духа.

— Герои прошлого должны защитить нацию, — поделился как-то раз Вулф своими раздумьями с отцом.

— Это правда, что у индейцев тоже были свои герои, — отозвался Питер. — Но мы, белые, оказались слишком сильны, и нас было слишком много.

— Да нет, не то. Я имею в виду таких героев, как ты или твой отец, — пояснил Вулф. — Вам надо было найти с племенами общий язык и прекратить их истребление.

— Вероятно, так могло бы быть, — кивнул отец, бросив взгляд на сына. — Но наша цивилизация обрушилась на нас чересчур быстро и оказалась слишком развитой.

Он взглядывался вдаль, туда, где на горизонте вздымались горы, казалось, до самого неба. И от этого Вулф сразу вспомнил историю о ястребе, рассказанную Белым Луком.

— Или слишком отсталой, — добавил вдруг отец.

— Отсталой?

Питер в подтверждение своих слов кивнул головой.

— Чему бы тебя там ни учили в школе, цивилизация принесла отнюдь не одни только блага. Потерявшись в лабиринте законов и правил, установленных в обществе, мы в конце концов теряем чувство земли. Нас интересует лишь то, что она может дать нам, а не то, чем она является сама по себе. — При этом он как-то неопределенно хмыкнул, а затем продолжал: — Вот поэтому и исчезла культура американских индейцев вслед за многими прочими культурами в других частях света.

— Но ведь на законах держится общество, — запротестовал Вулф. — Так, во всяком случае, нас учат в школе.

- Ну уж тут тебе, сынок, самому решать.
- И все же, отец, каково твое собственное мнение?
- Как тебе ответить? — задумался Питер Мэтисон,

глядя, как конь щиплет траву, как солнечные блики играют на его атласной шкуре, когда под ней перекатываются мускулы. — Герой носит закон на поясе у бедра. Но хотя он и расчищает путь для цивилизации, она избавляется от него настолько быстро и решительно, насколько может, потому что герой отбрасывает тень, которая цивилизации кажется опасной.

И конечно же, Вулф понял, что отцу больше всего на свете хотелось быть именно таким героем.

Питер Мэтисон исчез из дома спустя примерно год после того, как он ездил на равнину спасать своего сына. Открытая Рука никогда не говорила, куда он делся, но Вулф, получив от отца письмо, все знал. Он читал и перечитывал его много раз, пока оно не начало распадаться на кусочки. А когда распалось, бережно спрятал бумажные обрывки к себе под подушку.

Всякий раз, когда Вулф просил мать рассказать об отце, Открытая Рука не оставляла просьбу сына без внимания. Если она и таила в сердце обиду, Вулф этого никогда не замечал и, что еще важнее, даже не чувствовал. Он никогда не сомневался, что она любила мужа, но одновременно с этим подозревал, что отчасти это была любовь к беспокойному духу отца и что она восприняла его уход как неизбежное явление, подобно тому, как воспринимают наступление зимы после осени. Он видел здесь, хотя и в ином контексте, аналогию с тем, как во время суровых зим, когда не хватало пищи, мать часто говорила, что на смену зиме всегда приходит весна.

Так оно и вышло той зимой, когда отец покинул их. Вулф сильно тосковал, но тосковал именно по самому отцу, а не по той напряженности, которую он создавал в доме. В комнате, где жил Питер Мэтисон, в этой святой святых, поселился Белый Лук. Под бременем прожитых лет дед передвигался медленно и тяжело, вызывая ассоциацию со старым деревянным фургоном. Он больше не делал стрелы и даже не приладил, как ни просил Вулф, оперские к тем двум стрелам, которые когда-то изготовил для внука.

Все чаще вопросы относительно деда Вулф задавал матери, потому что Белый Лук после возвращения с плахи как-то замкнулся в себе. Вулф понимал: намеченное тогда стариком не получилось или получилось, но не в полной

мере. Ему так и не удалось подбить деда вновь отправиться на солончаковую равнину, хотя теперь, в отсутствие отца, это стало вполне возможным.

Открытая Рука никогда не отвечала на вопросы Вулфа о Белом Луке прямо. А на вопрос о том, почему дед не берет его с собой на плаю, сказала:

— Среди всего, что летает, разум — самое быстрое.

Размышляя над этим загадочным ответом, Вулф вспомнил, как они с Белым Луком спускались в Страну мертвых. А ведь верно: освободившись от оков брэнного тела, они совершили полет туда, куда иначе не доберешься. Это был самый настоящий полет, соответствующий описаниям мистиков.

— Кажется, я понимаю, — ответил тогда Вулф. — Но почему дедушка не берет меня туда снова?

— Теперь, после размышлений, ты видишь, что твой отец нарушил связь, которая устанавливалась между тобой и Белым Луком, — пояснила Открытая Рука. — Но Белый Лук видит мир иначе, чем другие люди. Они делают шаг назад, и перед их взором открываются все возможности любой из ситуаций. Он же подобен ткачу, способному проследить извивы каждой нити в ткани даже после того, как она уже соткана.

Вулф взглянул на мать.

— Ты хочешь сказать, что дедушка считает, что случившееся должно было произойти именно так? — спросил он.

Его мать, которой красота и фатализм придавали таинственный вид, взяла его за руку.

— Наберись терпения. Позже ты сам поймешь, что тебе было предначертано судьбою, — сказала она строго и с внутренней убежденностью, как-то совсем по-мужски.

В этом и заключался преподанный Белым Луком урок, который Вулф усвоил через чувство разочарования и утраты.

Вулфу потребовалось еще семь лет, чтобы стать достаточно взрослым и решиться отправиться по следам отца. Но, разыскав его, он не узнал в нем прежнего Питера Мэтисона, и это сбilo его с толку. Питер Мэтисон занимался добычей опалов в Австралии. За это время его зрение ослабло, и ему пришлось носить очки. В его волосах появилась седина — результат труда по четырнадцать часов в сутки и необходимости постоянно быть на страже и оберегать свои опалы от всевозможных охотников до чужого добра.

Он разыскал отца в Лайтнинг-Ридже — маленьком и неказистом старательском поселке, расположенном во впадине и окруженном низкими пологими холмами, поросшими деревьями с диковинными названиями: будда, бэла, леопардовое. Здесь добывались лучшие в мире черные опалы.

Вулф добрался до этого отдаленного уголка провинции Новый Южный Уэльс на грузовике, проехав на северо-запад от Сиднея почти четыреста миль, из которых последние — по дороге, покрытой черным как смола асфальтом. По прибытии он услышал в качестве своеобразного приветствия хриплый крик кукабарры, рыскавшей в поисках пищи. Позднее же, через несколько месяцев, он набрел и на ее кладку — прекрасные ослепительно-белые яйца посреди остатков старого термитника.

Поселок оказался самым что ни на есть заурядным: два магазинчика самообслуживания, мясная лавка, булочная, гостиница „Лайтнинг-риджский привал старателя“, паромотелей, контора местной газеты „Лайтнинг-Риджфлэш“, три церквушки, начальная школа. Ну и, конечно же, стрелковый клуб.

Питер Мэтисон жил в неказистом домике вместе с красивой, гибкой, как кошка, темноволосой девушкой с длинными загорелыми ногами, которой едва ли исполнилось двадцать лет.

— Вулф?

— Привет, папа.

Отец протянул сыну руку, как старому приятелю, с которым давно не виделся.

— Ей-богу, я рад тебя видеть.

Вулф не мог разобраться в происходившей в его душе борьбе чувств. Здесь смешались и любовь, и страх, и гнев, и, прежде всего, потребность в признании его совершеннолетия со стороны отца.

Питер Мэтисон никогда не увиливал от трудностей и опасностей, но здесь, в австралийской глубинке, все было для него новым и непривычным. Он остался жив после того, как его ужалил скорпион, хотя и корчился в горячке до тех пор, пока его случайно не обнаружил абориген и не вылечил припарками из трав, снявшими опухоль и жар. Он видел, как размножаются ядовитые пауки, как паучиха плетет коконы для яиц, как потом она становится жертвой своего же собственного прожорливого потомства. Он вынес испытания жгучим солнцем и внезапными наводнениями. Ему даже пришлось убить какого-то отчаянного старателя, попытавшегося украсть припрятанные опалы, и, видимо, это был у него не единичный случай.

Питер Мэтнсон был крутым мужчиной, но все равно ему пришлось заново доказывать свой нрав бесшабашным австралийцам. Впрочем, им пришлось по нраву его тягучее техасское произношение и жесткие ковбойские манеры. Они быстро прониклись к нему уважением за то, что он умел постоять за себя в драке, был способен выпить галлон пива и не блевать после этого, за то, что мог трахаться всю ночь напролет. К тому же они были очарованы его, казалось, нескончаемыми рассказами об американских индейцах.

Ну а Питер Мэтнсон чувствовал себя по-настоящему хорошо, если говорить честно, лишь в такой вот дружеской мужской компании. Ему требовалось общество таких же, как он, сильных духом мужчин, подобно тому как другим требуется хорошая пища, уютный дом. Он не забывал о своей жене, любил своего единственного сына. Но по-своему, отводя им вполне определенное место в своей жизни.

— Мы с тобой оба становимся старше, но для тебя это означает совсем не то же самое, что для меня, — сказал он Вулфу. — Тебе сейчас этого не понять, но скоро, даже слишком скоро, ты поймешь. В жизни каждого человека непременно наступает печальный день, когда, упав, он не может вскочить на ноги так же резво, как раньше, когда боль от ран и ушибов проходит уже не так быстро, а болезни не отпускают уже до самой смерти.

— Поэтому ты ее себе и завел? — спросил Вулф, показывая пальцем в сторону здоровой, крепко сбитой девушки.

— Отчасти поэтому, — признался отец, улыбнувшись догадливости сына. — Но отчасти еще и потому, что она знает, что через неделю, а может быть, через месяц меня здесь не будет. Ее это не волнует. Она молода, и у нее своя жизнь, которой она слишком занята, чтобы вникать в чужую.

Он оглядел сына.

— Как там мама?

— У нее своя жизнь, — ответил Вулф его же словами, вызвав этим у отца смех.

Позднее, когда наступила короткая и темная австралийская ночь, Вулф спросил его:

— Ты не собираешься вернуться домой?

— Ты что, ради этого сюда и приехал, потратив на дорогу деньги матери? — задал отец встречный вопрос, вертя между пальцами зубочистку из кости какого-то мел-

кого животного. — Только для того, чтобы спросить меня об этом?

— Я потратил свои собственные деньги, — возразил Вулф. — Мне пришлось поработать как следует, чтобы оплатить проезд.

Питер сунул зубочистку в рот и встал.

— Пойдем, — сказал он. — Хочу тебе кое-что показать.

Они вышли из дому, не сказав девушке, куда отправляются, сели в потрепанный грузовичок, и Питер повел машину сквозь ночную тьму в направлении холмов.

— Моя шахта совсем рядом с холмом Лунатик-Хилл, — пояснил он. — Я купил ее у молодой аборигенки, которая живет сейчас у меня дома. А она получила ее в наследство от человека по кличке Майор, который как-то вечером застрелился по пьянке.

Они вышли из машины, и Питер зажег переносную шахтерскую лампу. Небо совсем потемнело, и лишь некоторые, самые яркие звезды первой величины просвечивали сквозь пелену облаков.

Питер направил луч фонаря вниз.

— Видишь то место, где горная порода треснула? Это называется оползень. Если ты не замечашь оползней, то и опалов не найдешь.

Они вошли в шахту рядом с оползнем.

— Я называл шахту „Ничто“, — сказал отец.

Пол шахты — глина вперемешку с гравием — круто уходил вниз. Они шли и шли вперед, пока не вышли к чему-то вроде вертикального колодца в скальной породе. Вслед за отцом Вулф спустился на нижний уровень. Впереди ствол шахты расширился, образуя просторную камеру. Позднее Вулф узнал, что такие камеры по-местному называются бальными залами.

Здесь, на глубине, отец выключил фонарь и зажег свечу. Вулф заметил, что левая стена шахты сложена из разных пород.

— Верхняя часть представляет собой песчаник, — пояснил Питер. — Видишь, как внизу проходит резкая граница между ним и твердой породой из спрессованного кварцита. Мы тут прозвали ее „костоломкой“. Вполне подходящее название, — он прочертил пальцем линию. — А ниже начинается то, что мы называем „уровень“. Это глинистая порода, и вот в ней-то и находят скопления опалов.

Он порылся в кармане, извлек оттуда какой-то грубо обработанный предмет и передал его Вулфу.

— Покатай-ка его между пальцами.

Покатав камень, Вулф увидел в отсвете свечи потряса-

юще красивые вспышки. Зеленые, как грудь павлина, ярко-оранжевые, багряно-красные.

Питер следил за лицом сына.

— Видишь, как плотно группируются цвета? Этот опал называется „Цветной Арлекин“. Встречается он очень редко. Я специально зажег свечу. При таком освещении цвета более чистые. Сейчас ты видишь его таким же, каким я увидел его здесь, когда откопал.

Он взял опал обратно.

— Это интересная и опасная работа. Нас считают людьми особой породы. И здесь я не отвечаю ни перед кем.

— А закон ты носишь на поясе у бедра? — заметил Вулф, покосившись на кольт в кобуре.

Питер положил руку на плечо сына и крепко сжал.

— Я хочу, чтобы ты все понял. За свою жизнь я никогда ни от чего не бегал. Но цивилизация меня уничтожила бы, и это как пить дать, как то, что я стою здесь рядом с тобой. А в этих диких местах мне сдаваться никак нельзя.

Вулф прожил с отцом шесть месяцев. Из уважения к чувствам сына Питер Мэтисон хотел было тут же распрощаться с девушкой-аборигенкой. Но Вулф запротестовал, и она осталась в доме. Кстати, именно эта девушка, имя которой он так и не научился правильно выговаривать, раскрыла ему глаза на дикую природную красоту яиц птицы кукабарры, спрятанных в гнезде в старом термитнике.

Отец и сын занялись добычей черных опалов. Питер научил Вулфа управляться с новым пневматическим отбойным молотком, и с его помощью они перевернули за месяц такую массу породы, на что в прежние времена ушел бы год. И все равно это была работа, требовавшая огромных физических усилий и, как предупреждал Питер, нередко чреватая опасностями, исходящими со стороны не только горной породы, но и людей. Однако Мэтисоны с честью справились со всеми испытаниями, а Вулф, если говорить конкретно, вышел из них с раздавшимися вширь плечами, налитыми мускулами и с тонким белым шрамом вдоль левой ключицы — какой-то незадачливый грабитель успел пырнуть его, прежде чем сам свалился с разбитой грудной клеткой.

Однажды Вулф обнаружил в своем сапоге скорпиона и принялся подкармливать его, зачарованно наблюдая, как тот охотится, нанося молниеносные удары своим членистым хвостом и вонзая в жертву ядовитое жало. Эта тварь стала для него неким домашним животным, чем-то вроде собаки или кошки, и, казалось, узнавала его, хотя Питер

и предупредил, что существо со столь примитивным мозгом ни на что подобное просто не способно. Однако с тех пор у них больше не возникало проблем с ворами.

В поселке у Питера было полным-полно друзей. Эти австралийцы умели хорошо работать и крепко пить. Жили тут и несколько европейцев. В своей основе все они были открытыми, жизнерадостными и смешливыми ребятами, охочими до нехитрых удовольствий, с именами-прозвищами вроде Вертикальный Пэдди, Вилли-Попрыгунчик, Убийственный Джек. Тут между людьми установились подлинно приятельские отношения, которые не так-то просто поддерживать в иной, более цивилизованной обстановке. Они еще не оторвались от земли и были в какой-то — еще не ясной для Вулфа — степени примитивны. Но поскольку ему хотелось жить с ними и он этого желания не скрывал, то они сошлись с ним так же быстро, как и он с ними.

— Это отличные люди, — отзывался о них Питер. — Они будут откровенны с тобой, если только ты не начнешь судить о них по их уголовному прошлому. Вот насчет этого они все очень чувствительны.

Как-то вечером они взяли Вулфа в свою компанию, подпоили и запихнули в комнату, где его уже ждала молодая женщина со светлыми глазами и волосами цвета воронова крыла. Она уже разделась, ее груди подрагивали. Женщина была такой молодой и красивой, что у него возникло щемящее чувство от сознания того, что не пройдет и года, как в этом жестоком мире от ее молодости и красоты ничего не останется.

Пока они занимались любовью, мужчины снаружи громко распевали народные песни, чтобы Вулф и женщина не опасались, что вырывавшиеся у них страстные стоны будут слышны сквозь тонкие перегородки.

Когда он припелся домой, молодая аборигенка с непроизносимым именем еще не спала. Она поджидала его, зная, наверно, и о том, чем он занимался, и о том, что он притопает голодным. Она приготовила ему поесть, они выбрались наружу и расположились под усыпанным звездами ночным небом. Вулф сидел на ступеньках и молча ел, а девушка, пристроившись рядом, курила, замерев в этой неподвижной созерцательной позе, которая напомнила ему о Белом Луке.

Она рассказала ему, что принадлежит к племени кулинов — одному из древнейших в Австралии, что родилась и жила среди своих сородичей на юго-востоке, но потом ею овладела жажда странствий. Ей нравилось, когда ветер

дует в лицо, а солнце светит в глаза. Однако в Лайтнинг-Ридже ей не остается ничего иного, как торговать своим телом. Теперь, разумеется, у нее появились деньги, и нет нужды делать что-то такое, чего ей не хочется. Это потрясающее ощущение.

Он почувствовал, что она ему очень близка, эта представительница чужой для него культуры на другом краю света, по-настоящему примитивная, как и его дед, но, в отличие от Белого Лука, совершенно не пугающая. Он испытал к ней симпатию, понял ее, осознав наконец, почему его с самого начала не корбило ее присутствие в доме отца.

Они разговаривали до тех пор, пока на небе не потускнели звезды и перламутровый свет утренней зари не окрасил вершины гор. Тогда она, поджав под себя ноги, заговорила о солнечных закатах. Из ее рассказа следовало, что ее народ считает закаты временем смерти, ибо именно по косым лучам заходящего солнца умершие кулины поднимаются на небо — обиталище мертвых.

Один раз, по ее словам, она наблюдала это собственными глазами. Ее очень старая бабушка умерла как раз на закате, и она видела, как бабушкин дух вышел из мертвого тела и отправился по лучам заходящего солнца вверх, поднимаясь выше птиц, выше горных вершин и даже выше ветра. И теперь в падающем на нее солнечном свете, в ласкающем ее ветре она чувствует присутствие своей бабушки.

Очарованный ее повествованием, Вулф заснул подле девушки, раскинувшись на ступенях отцовского дома.

Вулф наверняка остался бы с отцом и дольше, но тут его неожиданно „позвали“ домой. Это не был вызов в прямом смысле, но он его почувствовал. В то утро он пробудился из-за приснившегося сна. Ему снился круживший высоко в небе ястреб. Он кружил так высоко, что снизу казался крохотной точкой. Ястреб постепенно спускался, минуя один воздушный слой за другим. Он опустился ниже вершин пурпурных гор, а затем еще ниже — в просторную красную долину, через которую из-за сдвига в скальном грунте пролегла трещина. Все ниже опускался ястреб, прямо в подземный мрак, туда, где в каменной пыли, стоя в просачивающейся в шахту воде, трудился Вулф. Встревоженный звуком рассекаемого крыльями воздуха, он глянул в глаза ястребу. И все сразу понял.

С отцом он попрощался на склоне Лайтнинг-Риджа. Солнце в ту австралийскую зиму более яркое, чем когда-либо, обволакивало его своими лучами, как мантией. Отец

взял сына за руку, точь-в-точь как тогда, когда Вулф приехал сюда, и притянул к себе.

— Отлично, что ты побывал здесь, — сказал он, обняв его. — Я на это и не надеялся.

— Я понял, почему ты не вернешься домой, — отозвался на это Вулф.

Питер выпустил его из объятий.

— Вижу, что понял.

Последнее, что запечатлелось в памяти Вулфа, — это его отец, идущий в поселок, и его друзья вокруг него. Вулфу даже почудилось, будто он слышит едва-едва различимые звуки затянутой кем-то народной песни.

Белый Лук умирал, и именно это заставило Вулфа вернуться домой. Когда стало ясно, что он доживает последние дни, старика перенесли в его собственный вигвам, в котором ежедневно поддерживался порядок. В верхней части вигвама прорезали отверстие прямо над тем местом, где на ложе из оленьих шкур и медвежьего меха лежал Белый Лук. Рядом с ним горел огонь, в который периодически подбрасывали пучки ароматного сушеного шалфея. Вулф знал, что делается это для того, чтобы деду было легче вознестись на небеса.

В Элк-Бейсине стояло лето, но Белый Лук был по горло укутан в меха. Его часто била дрожь, как при лихорадке, хотя он не страдал ни одной из тех болезней, которые известны белым докторам.

— У меня счастливая судьба, — сказал однажды Белый Лук, когда внук сидел рядом с ним. — Большинство людей покидают свое тело только один раз, когда умирают. А у меня полеты происходили чуть ли не каждый день, когда бы я ни пожелал этого.

— Ты хотел, чтобы я тоже совершал их, не так ли, дедушка? — задал Вулф вопрос, над которым ломал голову все то долгое время, пока добирался домой.

Молчанию Белого Лука, казалось, не будет конца. Его глаза закрылись, а лицо, цветом напоминавшее воск, стало похожим на лик мертвеца. Вулфа уже начала охватывать тревога, но в этот момент губы деда шевельнулись.

— Да. Я хотел, чтобы ты пошел по проложенному мною пути, — произнес он наконец. — Мне потребовалось время, чтобы понять, насколько эгоистично было мое желание. Это единственный случай, когда я делал то, что говорило мне мое сердце, а не песня, пронизывающая мир. Очень уж сильным было это желание.

— Но, по-моему, мне тоже этого хотелось, — возразил

Вулф. — Помнишь, как я уговаривал тебя взять меня снова в то место на пляже?

На губах Белого Лука мелькнуло некое подобие улыбки.

— Я все помню. Но, по-моему, ты просто хотел сделать мне приятное, — произнес он, повернув голову в сторону Вулфа. — Дай мне руку.

Вулф вложил свою ладонь в дедову, заметив, какая она холодная и сухая.

— Я чувствую твою силу, Вулф, — и я вижу, что твой путь лежит в ином направлении.

— В каком?

— Не знаю.

Однако у Вулфа после этих слов осталось впечатление, что ответ хорошо известен его деду, умелому ткачу, способному проследить хитросплетения каждой нити даже после того, как ткань уже соткана.

— Помнишь наше путешествие в Страну мертвых? — спросил его Белый Лук.

— Конечно, помню.

— Каждое путешествие, каждый полет начинается с пересечения моста. Это не обязательно должен быть настоящий мост.

— Как река?

— Да, как река, — подтвердил Белый Лук. — Я хочу, чтобы ты все же кое-что для меня сделал. Построй для меня такой мост. Возьми для этого два отрезка крепкой пеньковой веревки и прикрепи к ним сухожилиями через определенные промежутки семь стрел из тех, которые я сам себе изготовил, чтобы получилось что-то вроде перекладин на веревочной лестнице.

— Я попрошу кого-нибудь помочь мне.

— Нет, — возразил Белый Лук, держа руку Вулфа уверенно и крепко. — Все это ты должен сделать сам. Лишь твои руки могут прикасаться к лестнице-мосту. Когда будет все готово, повесь ее через отверстие над мной. А теперь иди и сделай, как я сказал.

И он отпустил руку Вулфа.

За три часа Вулф сделал лестницу. Близился вечер. Солнце, раздувшееся, как женщина на сносях, уже касалось горных вершин на горизонте. Весь день вигвам продвигал ветерок, принося Вулфу прохладу. Но сейчас, после того как он подвесил над дедом лестницу-мост, воздух стал неподвижным, а от плотно утопанной земли исходило накопленное за день тепло, отгонявшее ночной холодок.

— На заре сотворения мира, Вулф, людям не нужны

были шаманы и лестницы-мосты, — говорил ему Белый Лук. — Каждый человек обладал силой, чтобы подняться на небо. Но подобно воде, точащей камень, время изменило людей. Большинство из них растеряли силу. Теперь лишь шаманы могут путешествовать по узкому проходу между небом и землей, между временем и пространством. Но и те мосты, которыми они пользуются, стали опасными, потому что небо и земля, пространство и время больше не соприкасаются друг с другом. Они разделены страшной пустотой, образовавшейся вследствие вырождения, и в этой пустоте может согнуться даже самый могучий шаман.

Сквозь отверстие в вигваме старик устремил взгляд вверх, на разукрашенное первыми закатными лучами небо.

— Я брал тебя с собою, пользуясь одной из таких лестниц-мостов. Ты выдержал это путешествие благодаря самому себе. Вот почему я решил, чтобы именно ты построил эту лестницу для меня. Познай то, что внутри тебя. Настанет день, когда тебе придется воспользоваться этим даром.

В смертный час Белого Лука его дочь Открытая Рука находилась рядом с ним. Вокруг его вигвама расположились члены не только племени шошонов с Винд-Ривер, но и множество других племен индейской нации. Все они сидели и ждали смерти старика. Вулф присел на корточки прямо рядом с входным пологом; оглядевшись, он увидел, что вся равнина заполнена людьми, застывшими в ожидании. Двигались лишь пасущиеся лошади да собаки, бродившие в поисках объедков среди костров для приготовления пищи. Только один раз раздался плач младенца, и вновь воцарилась тишина.

Наверное, Вулф задремал, потому что вдруг увидел, что рядом с ним сидит его мать. Она обняла сына, будто защищая его, и коснулась губами его щеки. Глаза ее покраснели, а на лице виднелись следы слез.

— Он ушел, — сказала она тихим голосом.

Но тут, в первый и последний раз в своей жизни, она ошибалась.

Книга вторая

Будни военного времени

*Даже если тебя включат в почетный
эскорт, тебе вовсе не следует
знать, что Мэттергорн — совсем
не духовой горн.*

Темпл Филдинг

Глава шестая

Вашингтон—Ист-Хэмптон—Токио

— Больше всего на свете я презираю лицемерие.

Произнесший эти слова бригадный генерал в отставке Хэмптон Конрад выглядел так, будто сошел с агитационного плаката, призывающего на службу в армию. Крупный, с квадратным подбородком, резкими чертами лица и светлыми с проседью волосами, он носил уставную прическу, а в серых глазах при случае сверкали голубые молнии, делая генерала одновременно и привлекательным, и грозным. Однако образом мыслей он совсем не походил на простого армейского служаку, что и послужило препятствием для его дальнейшей военной карьеры и причиной преждевременной отставки — на десять лет раньше, чем это было принято в отношении однозвездных генералов. Хэмптон Конрад во многом не походил на других.

Он вырос в Хартфорде, штат Коннектикут, и был одним из семи сыновей Торнберга Конрада III, превратившего этот город в своего рода столицу страхового бизнеса для всей страны. Старшие братья упростили его имя до краткого Хэм — по аналогии с названием известного сорта ветчины — из-за здоровенных мясистых рук и крепких кулаков, которыми паренек мог отдубасить своих обидчиков, даже если они были гораздо старше него.

Торнберг Конрад III сделал все (а сделать он мог многое) для успеха своего потомства в любом начинании. Выполняя его волю, Хэм поступил в военное училище в Вест-Пойнте и окончил его с отличием, заняв почетное место в списке выпускников. Братья, учившиеся в то время в самых престижных колледжах и университетах Восточного побережья, не скупились на насмешки.

Отец же, считая, что все их колкости только пойдут Хэму на пользу, помалкивал и никак не проявлял своих чувств. Он гордился сыном, ведь тот осуществлял его мечту, и это наполняло отцовское сердце еще большей гордостью.

Особые способности Хэм обнаружил в изучении такти-

ки ведения боя и сразу же по окончании училища получил назначение в Командование военного содействия США во Вьетнаме (КВСВ), которое тогда, в марте 1965 года, возглавлял генерал Уильям Уэстморленд. В КВСВ сходились нити военно-стратегического планирования всей вьетнамской кампании. Испытывая от службы удовлетворение, а чаще горечь разочарования, Хэм четыре года провел в Сайгоне и его окрестностях. За это время его трижды повышали в звании. Ни разу не столкнувшись лицом к лицу с противником, он сумел тем не менее нанести ему весьма ощутимый удар.

Вернувшись из Вьетнама, Хэм по настоянию отца начал интенсивно изучать японский язык. Шесть месяцев спустя Торнберг, используя старые связи в Вашингтоне, добился назначения Хэма в Японию на важную должность (по сбору разведанных) в Дальневосточной группе военной разведки. Как отец и предвидел, Хэм оказался будто созданным для такой деятельности. Острый ум и незаурядные способности в области военной тактики помогали ему строить работу с полным учетом тонкостей местной культуры и ее часто сбивающей с толку специфики.

С течением времени Хэм заметил, что его квалификация достигла такого уровня, что военная служба стала помехой в деле. Армейская форма делала его заметным в любой толпе. Он не мог бывать в нужных местах из-за неприязни японцев к американским военным. Кроме того, он научился работать с людьми — быть благожелательным, предупредительным, давать ценные советы. Его репутация и знания быстро переросли рамки армейских требований. Отцовские уроки не пропали даром. Хэм не желал долго мириться с препятствиями на пути своей карьеры. Несколько долгих месяцев он провел, размышляя о дальнейших шагах.

В один из редких отпусков Хэма на Гавайях в Вайкики прилетел его отец. И здесь, на залитом солнцем пляже, среди шелестящих на ветру пальм и бронзовых от загара тел в ярких бикини, Торнберг Конрад III и Хэм набросали план переустройства мира. Отец подчеркнул, что ему понадобится помощь сына в том, что касается Японии, и что от него потребуются эффективная работа по конкретной поэтапной реализации их замысла, поскольку сам он, как всегда, хотел оставаться в тени.

Через десять дней Хэм вернулся в Токио. К тому времени их план имел уже законченный вид, все детали в нем были продуманы с военной точностью, свойственной уму Хэма.

Командованию план понравился. Еще больше понравился он чиновникам соответствующего ведомства в Вашингтоне — людям, с которыми Торнберг когда-то вместе ходил в школу и с которыми поддерживал тесные связи уже сорок лет. По душе им пришелся и сам Хэм. Более того, они прониклись к нему уважением. Он напоминал им Конрада-старшего, которого они тоже любили и уважали и с которым их связывала взаимовыручка и многочисленные выгодные сделки.

Выслушав Хэма, они ухватились за план Конрадов со стремительностью змеи, охотящейся на крыс, и единодушно решили, что Хэм — идеальный исполнитель. Все они замолвили где надо слово, и в итоге Конрад-младший в приказном порядке был переведен в Вашингтон и с честью уволен в запас. Он запомнил этот день навсегда. Его парадную форму украшали боевые награды, хотя ему ни разу не довелось непосредственно участвовать в боях с противником. Это обстоятельство несколько огорчало его.

Уйдя с действительной службы, Хэм отнюдь не отошел от армейских дел, а просто сменил одних хозяев на других, зато в результате этого на несколько огромных шагов приблизился к вершине власти, на что отец нацеливал его с самой ранней юности.

— Ты не будешь счастлив, не обладая влиянием, — говорил он своему двенадцатилетнему сыну. — По понятиям большинства примитивных народов, через год ты станешь взрослым мужчиной. Именно так я и буду к тебе относиться.

Хэм помнил, как отец положил ему руку на голову, и воспринимал теперь этот жест как некое благословение, будто Конрад-старший превратился в те минуты из миллиардера в епископа. Ему запомнилось отцовское напутствие: „Действуй так, чтобы я гордился тобой и чтобы приумножалась слава нашей фамилии“. И Хэм, подобно рыцарю-тамплиеру*, настроился с тех пор именно на эту цель.

Теперь пришло время, когда оба Конрада — отец и сын — решили объединить силы. О лучшем Хэм и не мечтал. Они совместными усилиями уточняли и шлифовали свой план, основная идея которого заключалась в том, чтобы Япония в ее современном виде перестала существовать. Цель казалась обманчиво простой, поскольку считалось, что для этого достаточно лишь устранить самонадеянного Наохару Нишицу.

*Член католического духовно-рыцарского ордена, основанного в Иерусалиме около 1118 или 1119 г. — *Прим. ред.*

Согласно плану, Юджи Шияи, получив достаточное количество материалов, компрометирующих Нишицу, должен был начать против него открытую кампанию, которая, как ожидалось, увенчается бескровным переворотом. Движущей его силой стало бы утонченное понятие японцев о чести, и в итоге все связанные с Нишицу правые японские миллиардеры преклонных лет лишились бы не только постов в корпорациях, но и своего влияния. Тогда, подобно тому, как это произошло в Восточной Европе и в России, в Японии сформировалось бы новое общество, больше устраивающее Запад, в особенности Соединенные Штаты. Это было бы общество, ориентированное на потребление, а не на накопление, и его опорой стали бы молодые люди, желающие жить не прошлым — воспоминаниями о войне на Тихом океане, — а настоящим, будучи способными прислушаться к голосу разума и понять, что американский путь всегда был и остается единственным, обеспечивающим успех в международных делах.

— Лицемерие — проклятие цивилизации, — продолжил свою мысль Хэм, наслаждаясь великолепным гамбургером.

Он считал, что во всем округе Колумбия не умели готовить гамбургеры лучше, чем здесь. На улице не было видно ни одного белого. В закусочной сидели одни чернокожие, буфетчик и повар тоже были черные. Редкие автомобили, это касалось и полицейских патрульных машин, заезжали в вашингтонское гетто ночью. Но Хэму было безразлично: гетто так гетто. Вашингтон, как и большинство крупных городов США, даже в большей степени делился на имущих и неимущих. И Хэму, захваченному идеей плана, особенно нравилась его потенциальная возможность изменить лицо мира, улучшить, как он горячо надеялся, положение обездоленных.

Хэм презирал имущих за их изощренные манеры, за узость взглядов, за болезненное пристрастие к соблюдению условностей. Они не понимали, что в целом человечеству глубоко наплевать и на манеры, и на изысканную речь, и на условности. Он открыл для себя, что здесь, в гуще народа, ощущается нечто вроде сдерживаемой злости. Это подействовало на Хэма отрезвляюще после общения с богатыми обитателями Джорджтауна, Капитолийского холма и Чевинг-Чейза со всем их апломбом и озабоченностью относительно своей безупречно белой репутации. По крайней мере, злость — чувство чистое, без всякой двуличности, против которой он сейчас выступал.

— Лицемерие — это признак того, что общество заражено самодовольством, — закончил он свою мысль. — Мы имеем дело с чем-то подобным дурному запаху изо рта или крови из десен, против чего нужно принимать срочные меры.

Продемонстрировав свои здоровые, крепкие зубы, он отхватил от гамбургера порядочный кусок и принялся энергично жевать.

— Кстати, — подал голос Джейсон Яшида, — в тридцать придет Одри Симмонс.

Хэм взял стакан ванильной кока-колы, сделал большой глоток и причмокнул от удовольствия.

— Жена сенатора Симмонса? — осведомился он.

— Да, — подтвердил Яшида, откусив приличный кусок чизбургера, от чего щеки у него раздулись. — Хочет лично сказать вам спасибо за своего сына.

Хэм вытер рот бумажной салфеткой, допил кока-колу и жестом попросил буфетчика подать большую сладкую булку с изюмом.

— На воспитание детей, Яш, богатство их родителей часто влияет гораздо сильнее, чем сами родители, — изрек он. — А результаты те же, что и при любой подмене родителей опекунами.

Яшида разделялся с бутербродом. Струйка кетчупа брызнула на хромированную сахарницу, и он проворчал что-то нечленораздельное. Хэм обратился к стоящему рядом буфетчику:

— У тебя, сынок, конечно, найдется для меня большая кружка крепкого кофе. Это было бы как раз то, что надо.

Одри Симмонс, в отличие от своего влиятельного супруга, не принадлежала, к великому удивлению и облегчению Хэма, к породе лицемеров. Однако ее проблема особого удивления у него не вызвала. Ее сын Тони связался с дурной компанией, стал принимать наркотики, ушел в самоволку с летних сборов и вообще, что называется, „достал“ своих родителей, как выразился сенатор Симмонс в телефонном разговоре с Хэмом.

— Тони вновь стал таким, как прежде. Я так вам благодарна, — сказала улыбаясь Одри Симмонс, когда Хэм принял ее у себя. — И я знаю, что супруг тоже будет вам признателен.

— Не стоит благодарности, — ответил Хэм. — Я сделал для Тони, что мог.

— Но что именно вы сделали?

Он встал, наблюдая сквозь стекло, как негр-садовник

ухаживает за кустами роз под окнами его кабинета. „Интересно, — подумал он, — где завтракает этот садовник? В той ли самой закуской, откуда я только что вернулся?“ Его кабинет не выходил окнами на Белый дом, к чему так стремились большинство вашингтонских чиновников. Тем не менее стараниями Хэмптона Конрада сюда протянулись многие нити, обеспечивающие ему власть и влияние. Кабинет представлял собой стандартное казенное помещение с высоким потолком, наружной электропроводкой и некрасивой деревянной мебелью, которую здесь, видимо, не меняли еще с довоенных лет. На одной стене висела в рамке фотография президента США, а на другой — репродукция с довольно живо написанного портрета Тедди Рузвельта.

В целом Хэм мог сказать, что ему гораздо больше по душе другая резиденция — на Кей-стрит, которую он подыскал себе сам, но которой почти не пользовался. Она представляла собой просторную квартиру в том же здании, где размещалась весьма престижная вашингтонская юридическая фирма. Единственным соседом по этажу было мощное лобби, защищавшее интересы каких-то японцев, и эта ирония судьбы забавляла Хэма.

Офис на Кей-стрит функционировал под вывеской „Ленфант энд Ленфант“, используя имя известного и уважаемого бывшего сенатора от штата Луизиана Бросниана Ленфанта, отошедшего от дел в результате обширного инфаркта. Впрочем, он был богат и не слишком переживал, что недолго осталось заседать в сенате. Теперь же фирма, в качестве владельца и руководителя которой выступал Хэм Конрад, за определенную плату пользовалась его именем, а раз в неделю он и сам собственной персоной появлялся в ней.

Джейсон Яшида, получивший с помощью Хэма американское гражданство и дослужившийся до чина Джи-Эс-14 — довольно высокой ступени в иерархии государственных чиновников, — формально числился сотрудником министерства обороны. На деле же он в основном использовал в качестве базы для своей деятельности офис на Кей-стрит, ведя дела с впечатляющей эффективностью.

Хэм отвернулся от окна.

— Знаете, миссис Симмонс, иногда для того, чтобы дети убедились в неправильности своих поступков, им надо всего лишь указать параметры.

— Параметры?

Он взглянул на супругу сенатора: блондинка, красивая той хрупкой красотой, которая так свойственна жительни-

цам Вашингтона, но, похоже, ничего не смыслит в воспитании детей. Ее шикарное спитое на заказ платье, по его оценке, наверняка сделало мужа-сенатора беднее на пару тысяч долларов. Ему хотелось надеяться, что она его поймет.

— Если ребенок не чувствует никаких ограничений и считает, что ему позволено все, то он постарается убедиться в этом на практике, — пояснил он свою мысль. — Ребенок поступает так, миссис Симмонс, не из-за своеволия, а потому, что ощущает потребность в границах, в железобетонных стенах, ограничивающих его мир, в четко очерченной разнице между „можно“ и „нельзя“. Потому что эти границы обеспечивают чувство безопасности, в котором нуждаются все дети.

Одри Симмонс встала.

— Ну, я могу только сказать, что вы сотворили чудо с Тони, — произнесла она, подав ему свою холодную руку с безупречным маникюром. — Мой муж будет...

Хэм жестом показал, что она может дальше не продолжать.

— Передайте сенатору, что я свяжусь с ним, когда в этом возникнет необходимость, — сказал он с улыбкой, провожая ее до двери. — И еще миссис Симмонс... Смело звоните мне, если Тони снова будет вас беспокоить.

Одри Симмонс повернулась так резко, что следовавший за ней Хэм на какое-то мгновение невольно прижался к ней.

— Только если он будет беспокоить? — переспросила она, запрокинув голову вверх в той особой манере, посредством которой женщины намекают мужчинам на свою готовность к более тесному контакту. — Мой муж не единственный, кто мог бы выразить вам признательность.

„Насколько же Одри Симмонс очумела от скуки, — подумал Хэм, — что готова вести себя как последняя потаскуха. — Он мысленно пожалел Тони. — Папаша — лицемер, мамаша — шлюха. Ну и семейка!“

Он крепко взял ее за руку и, отделившись сердечной, но ни к чему не обязывающей прощальной фразой, выпроводил за дверь.

Через минуту в кабинет проскользнул Джейсон Яшида.

— Она заходила по делу или хотела, чтобы ее обслужили? — спросил он, закрыв за собой дверь.

— Знаешь, для японца ты чертовски циничен.

— Возможно, я и японец, но уже полностью американизировался.

Хэм неопределенно пожал плечами.

— Тогда пардон, — сказал он, делая примирительный жест рукой и усаживаясь за стол. — Но все равно весьма циничный субъект.

— Это все город виноват, — невозмутимо заметил Яшида. — Какая-то гадость в атмосфере.

— А может, и в воде, — хмыкнул Хэм. — Дело в том, что Симмонс-младший, в сущности, неплохой паренек. Как человек, он гораздо лучше своих родителей. Это очевидно.

— Мы можем рассчитывать на его отца, если он нам, конечно, понадобится?

— Разумеется, понадобится, — сказал Хэм. — Со дня на день законопроект сенатского комитета по международной торговле будет поставлен на голосование в сенате. Он установит дикие ограничения на импорт, а это вызовет ответные санкции со стороны японцев. В результате законопроект, которого так давно добивались наши профсоюзы, отрежет нас экономически от Японии. А что, по-твоему, произойдет, когда все суперсекретные военные компьютеры в США сломаются, а микросхемы к ним, производимые только в Японии, окажутся недоступны для нас?

— Этого не будет, — возразил Яшида. — Мы ведь действуем.

— Да, действуем. Но, наверное, недостаточно быстро. Торнберг очень обеспокоен тем, что ведущие сенаторы неожиданно умерли один за другим.

Хэм сцепил пальцы на затылке и уставился в окно, наблюдая за садовником и его возней с розами, завидуя его близости к природе.

— Полиция нам не помогает, потому что медэкспертиза все объясняет несчастными случаями или считает естественными причинами, — заметил Яшида.

— Разумеется. Но полиция смотрит на все это не под тем углом зрения. А то бы они увидели, что все умершие сенаторы выступали против этого законопроекта. А кто пришел им на смену? Люди, которые, по моим сведениям, идут на поводу у профсоюзов и наверняка проголосуют за проект.

Яшида терпеливо слушал.

— Что касается другого участка, то я вернул Шипли на его прежнюю должность в министерство обороны, но, по-моему, нам следовало бы подумать о его повышении, — вставил он, когда Хэм закончил. — Он отлично сделал, что заткнул Вулфом Мэтисоном брешь, оставшуюся после гибели Моравиа.

— Конечно, — согласился Хэм, глядя, как на кусты роз наползает тень и при новом освещении они становятся почти черными.

— Я бы подумал о соответствующем вознаграждении, — подчеркнул Яшида.

Его интонация не осталась незамеченной. Хэм повернулся и в упор взглянул на него.

— Что тебя беспокоит?

— Сам толком не знаю, — признался Яшида. — Но начинаю серьезно сомневаться. Сначала я был уверен, что ваш отец распланировал все до мельчайших деталей. Но потом начали отправляться на тот свет эти сенаторы. Теперь вот ухлопали Лоуренса Моравиа, и ваш отец заставил нас использовать вместо него Мэтисона. А мы даже не знаем, раскололся Моравиа перед смертью или нет.

— Ты знаешь, что это не так уж важно, — возразил Хэм. — В целях безопасности мы действовали только через Шипли. Моравиа никогда не встречался ни с нами, ни с кем-либо из твоих связей. Он и понятия не имел, что мы тут как-то замешаны.

Яшида никак не отреагировал на это замечание.

— Мы ввели в действие Шипли, — продолжал он развивать свою мысль с характерной для него настойчивостью. — Он в точном соответствии с приказом вашего отца сумел подключить к этому делу Мэтисона. Тот прет по той же дорожке, что и Моравиа, а мы из кожи вон лезем, чтобы уследить за ним. Опять же согласно приказу вашего папаши. В итоге единственное, что мы имеем, — это некая сногшибательная художница-японка. Мэтисон интересуется ею, возможно, потому, что хочет ее как женщину. Но его вдруг кто-то сбрасывает сквозь стеклянную крышу одного из нью-йоркских жилых домов.

— Послушай, Яш. Этот план в основном разработан моим отцом, и, насколько я понимаю, его никто не отменял, — произнес Хэм таким тоном, будто не слышал рассуждений Яшиды или, точнее, не был согласен с ними. — У нас сейчас идет „японская фаза“ плана.

— Это потому, что мы в выгодном положении и имеем свои собственные связи в Японии, — подчеркнул Яшида. — Возможно, старик теряет чувство реальности. Это всего лишь предположение, но вы должны признать, что в его возрасте это более чем вероятно. Случай с Мэтисоном показателен. Почему он так настаивает на том, чтобы мы использовали Мэтисона вместо Моравиа, когда у меня уже на месте, в Токио, есть превосходный агент? Кроме того, я все время жду от Мэтисона подвоха. Это же стопроцент-

ный любитель-одиночка. Будет ли он соблюдать дисциплину? Этого никто не может сказать, и вы в том числе. Он главный дестабилизирующий элемент. Зачем же включать в нашу схему такого опасного человека? — И Яшида неодобрительно покачал головой.

— Все это мы уже проходили, — проворчал Хэм. — Мэтисон профессиональный сыщик. Ему и копать в дерьме, в которое вляпался Моравиа. По-моему, отец считает, что с Моравиа мы дали маху. Он убежден, что только у Мэтисона хватит ума, чтобы проникнуть в храм Запретных грез и в окружении Наохару Нишицу. Я читал данные по нему и по-прежнему согласен с выбором отца. Но твои возражения, Яш, приняты к сведению.

— Это не просто возражения, — заметил Яшида и подождал, пока Хэм взглянет на него. — Мы имеем дело с чем-то подобным дурному запаху изо рта или крови из десен, против чего нужно принимать срочные меры, прежде чем весь план окажется под угрозой.

К великому удивлению Вулфа, в больничную палату, куда он был переведен из реанимации, его пришла навещать не кто иная, как Стиви Пауэрс. И именно она организовала вызов специалиста из вашингтонского госпиталя „Уолтер Рид“, чтобы исключить возможность послеоперационных осложнений, связанных с его падением и ударом о стекло. Вдоль левой руки и ноги Вулфа протянулись глубокие, длинные раны. Жив он остался благодаря счастливой случайности: при падении угодил на кровать — старомодную, с четырьмя столбиками по углам и настолько заваленную перинами и одеялами, что все это смягчило удар.

— Ты проводишь здесь так много времени, а как же твои пациенты? — спросил он как-то Стиви, когда она в очередной раз навестила его, явившись в костюме от Карла Лагерфельда, идеально подчеркивавшим ее фигуру.

— Я взяла отпуск, — ответила она, пытаясь изобразить улыбку. — По правде говоря, я не могу лечить чью-то больную психику, когда моя собственная находится в таком состоянии. Ксэчно, Мортон не согласен со мной. Он считает, что самое лучшее для меня сейчас, это сразу вернуться к работе. Но он не прав.

Слушая ее, Вулф уже решил было, что Стиви и сейчас ведет себя как психиатр, стремящийся разговорить больного. Но она вдруг улыбнулась, чем совершенно обезоружила его.

— А вообще-то мне нравится бывать здесь... С тобой... Нигде больше я не чувствую себя так близко к Аманде, — призналась она.

Однако это неожиданное проявление добрых чувств каким-то таинственным образом возымело и обратное действие. Как никогда раньше, он ощутил вдруг свое одиночество. Каждый из дней, проведенных в больнице, казался неделей. И, хотя Бобби Коннор и другие его приятели-полицейские нанесли ему визиты вежливости, он понимал, что Сквэйр Ричардс ни за что не придет. Когда Вулф спросил о нем, лицо Бобби прямо на глазах помрачнело.

— Все знают о твоей стычке с ним, — произнес Бобби.

— Это была не стычка, — возразил Вулф, раздражаясь. — Обычное разногласие.

— Давай о чем-нибудь другом, — предложил Бобби. — Тут вот главмедэксперт говорил, что у него для тебя кое-что будет, наверное, в начале следующей недели.

— Ладно, не заговаривай зубы, — перебил его Вулф. — Что о нас с Ричардсом болтают?

Бобби чувствовал себя не в своей тарелке.

— Лейтенант, — наконец проговорил он, — говорят, что у тебя со Сквэйром действительно круто вышло.

Какие-то нотки в голосе Бобби насторожили Вулфа.

— Что еще?

— Еще, что ты хочешь прогнать его из „оборотней“, потому что он черный.

— Чушь собачья!

— Конечно, — согласился Бобби. — Но Бризард, по-моему, так не считает.

— Тупой подонок! — выругался Вулф, прекрасно сознавая, что Бризард несколько не тупой, а совсем даже наоборот.

— Ты пойми, лейтенант, там была куча свидетелей, и Бризард переговорил с каждым из них.

— Пусть поговорит со Сквэйром. Все было только между нами.

Бобби встал.

— Сквэйр вообще помалкивает. Сказал только, что совсем не намерен уходить из „оборотней“, — произнес он, глядя на улицу сквозь запотевшее оконное стекло.

— Ты хочешь сказать, что он не отрицает эту дурацкую сказку о расовой дискриминации, позволяет ей набирать обороты?

Бобби повернулся к Вулфу.

— Похоже на то, — подтвердил он. — Вообще-то, Сквэйр ушел на пару дней в отпуск. По семейным обстоятельствам. Бризард его отпустил.

Вулф закрыл глаза, поняв, что Сквэйр сейчас старает-

ся раздобыть деньги у своих близких, чтобы спасти брата от ростовщиков-мафиози. Теперь Вулф уже сожалел, что тогда, в „Ла Ментире“, он не догнал Сквэйра и не вручил ему нужную сумму.

— Бобби, — попросил он усталым голосом, — когда он появится, дай мне знать. А если позвонит, скажи, что мне надо с ним поговорить о... Просто скажи, что мне надо с ним поговорить.

„Когда Сквэйр придет, — подумал Вулф, — я постараюсь передать ему деньги, хотя это, конечно, грубое нарушение правил. Такое же грубое, как и действия Сквэйра“. Именно на эту тему они периодически беседовали с Аmandой. Но для чего тогда существуют мужские клубы, товарищества, объединения? Да для того, чтобы либо превращать имеющиеся законы в дышло, либо устанавливать свои собственные. В любом случае в них имеет место стойкое неуважение к общепринятым нормам, но, как правило, настолько скрытое, что многие из их членов и не чувствуют, как оно разъедает все подобно ржавчине. Хотя, разумеется, есть и такие, для кого это как раз и служит приманкой.

Через три дня Вулф выписался из госпиталя, и Стиви пригласила его к себе домой на уик-энд.

— Пожалуйста, не отказывайся, — настаивала она. — Я безумно хочу отдохнуть, но одиночества не выношу. — Она лукаво улыбнулась. — Как и все другие напряженно работающие люди, хорошие психиатры рано или поздно рискуют перегореть.

В особняке Стиви — большом, старомодном и несуразном, — расположенном на берегу водоема под названием Пруд Джорджика, даже днем было темновато. Но спокойствия не ощущалось — скрипы и стоны старых деревянных стен и бронзовых водопроводных труб дополнялись царапаньем и шелестом ветвей древних скрюченных деревьев, окружавших дом. От листвы на дощатые стены падал отсвет, придававший им оттенок старой меди.

Несмотря на заросли бесформенных деревьев, внутри дома зачастую дуло почему-то гораздо сильнее, чем снаружи, у воды. С востока участок был защищен высокой живой изгородью из подстриженной бирючины. Кроме того, подходы к особняку были прикрыты зарослями рододендронов и изящных азалий. По обе стороны от участка располагались очень богатые владения. Стиви с мужем не виделись с их хозяевами, но знали об их существовании и страстно желали жить такой же жизнью.

Пруд Джорджика получил свое название не случайно,

став жертвой типичной для местных аристократов склонности к преуменьшению. В действительности же этот водоем своими размерами больше походил на озеро.

Наблюдая из окна за игрой солнечных бликов на поверхности воды, Вулф подумал, что видимое им напоминает зарождающуюся мысль. Картина вызвала ассоциацию с чем-то еще незавершенным, не проявившимся.

Фантазия у Вулфа разыгралась, и он уже и сам поверил в то, что пруд таит в себе некую тайну, что в нем, как в фокусе, сходятся силы природы, жизнь, хоть и скрытая от людских глаз, но тем не менее заполняющая все недоступное взору пространство. Современный человек не способен все это понять точно так же, как не может проникнуть в разум тех, кто придумал и создал фетиши — изготовленные вручную фигурки животных, людей и сверхъестественных существ, — заполнившие гостиную и другие комнаты в доме Стиви и ее супруга Мортонa.

Эту коллекцию Стиви собрала в юности, когда объездила чуть ли не весь свет, посетив Мексику и Гондурас, Тибет и Гватемалу, Перу и Гаити, Мадагаскар и Шри-Ланку, да еще и Таиланд с Бутаном и Занзибаром в придачу. Вулфа манила к себе окружавшая эти идолы атмосфера языческого поклонения силам природы, манили сами идолы, как бы выбрасывающие сгустки духовной энергии, блуждавшей по комнатам и лестницам дома, и, казалось, обладающие силой возродить или хотя бы приблизить к свету песню-заклинание Белого Лука.

Вулф спал, а когда наконец проснулся, то обнаружил, что видит все нечетко, а в горле стоит комок — он никак не мог успокоиться, помня, как его швырнули на лок, как он врезался в стеклянную поверхность и стремительно полетел вниз. Но когда он спал, ему снилось не это — не ожесточенная схватка на крыше и не падение. Ему снились умершие и неумирающие, огонь среди льда, среди... Попытка вспомнить оказалась тщетной, и он вытер пот со лба.

Уже темнело. Вулф проспал не только ночь, но и весь день. Он нашел Стиви в одной из комнат. Она сидела в глубоком мягком кресле и, казалось, изучала историю болезни кого-то из своих пациентов. Однако, увидев стоящего в дверях Вулфа, она тут же отложила папку.

Ветер не давал покоя деревьям, и их ветви царапали стены дома, будя в душе неясные воспоминания. Заходящее солнце бросало последние лучи на поверхность пруда.

— Как самочувствие?

Он несколько раз сжал и разжал левую кисть.

— В норме. Только вот после сна плохо гнется рука, —

сказал он. — Хотя, с другой стороны... Я уже скучаю без тренировок.

— Это хороший признак, — заметила она. — Когда ты вернешься к работе, мне тебя будет так не хватать.

Он прошел к ней в комнату.

— А как Мортон относится к тому, что я здесь?

— Мортон в Вашингтоне, — ответила Стиви, озабоченно взбивая подушки на диване. — А когда Мортон в Вашингтоне, ему ни до чего нет дела.

Она ударила кулаком в центр подушки. При этом белая мужская рубашка туго натянулась на ее груди, и в другой обстановке подобное зрелище вполне могло бы вызвать у мужчины греховные мысли. Здесь, за городом, Стиви будто сбросила с себя личину безупречной светской дамы и предпочитала ходить в джинсах, простых рубашках или свитерах. Казалось, она оставила ту, другую Стиви Пауэрс с ее аристократическими замашками далеко в Нью-Йорке, в апартаментах на Парк-авеню.

— Он что-то зачастил в Вашингтон, — заметил Вулф.

— Тут душно, — сказала Стиви, глядя куда-то в сторону. — Можно посмотреть закат на пруду. Пойдем посмотрим!

Они надели куртки и вышли из дому. Тусклое солнце отражалось в спокойной и неподвижной поверхности пруда. Для начала марта погода стояла довольно теплая, поэтому Вулф и Стиви не стали застегивать куртки. Идя вдоль берега, они не обменялись ни единым словом. Вулф, подбирая небольшие камешки, швырял их в пруд вдоль водной глади. Он почти избавился от легкого прихрамывания, и Стиви чудилось, что с каждым шагом, служащим для него упражнением, он становится сильнее. Его способность к выздоровлению была поразительной.

Пруд напоминал нечто живое, впавшее в спячку и грезящее о весне, которая должна возродить его к жизни. Стиви сунула руки в карманы и приподняла плечи, несмотря на полное безветрие.

Стоя к ней вплотную, Вулф чувствовал, что она все еще думает о его замечании насчет частых визитов Мортон в Вашингтон.

— Вулф, а ведь я даже Аманду заставила поверить в эту сказку про меня и Мортон, — сказала она вдруг. — Глупо, правда же? И чего я этим добилась? Только лишилась единственного человека, с которым можно было об этом поговорить.

Она бросила на него быстрый взгляд, сделала глубокий вдох и резко выдохнула.

— Ну а если совсем уж честно, Мортон свил себе в

Вашингтоне любовное гнездышко. Боюсь, он там втюрился в женщину гораздо моложе меня. По-моему, в атташе французского посольства, — выложила она, в хмурой задумчивости разглядывая отпечатки своих сапог на усыпанной лиственной темной земле. — Забавно. Я бы скорее умерла, чем рассказала об этом кому-то другому из моих знакомых. У нас с Мртоном репутация чистая, как тефлюновая сковородка. „Идеальный брак“. Нам это обоим необходимо для карьеры. Но, наверное, я уже не могу конкурировать с молодыми, хотя в этом и трудно признаться самой себе, а уж тем более вслух.

Позднее, когда они ели приготовленное Стиви тушеное мясо по-андалузски, она сказала:

— Ты в каком-то смысле похож на мои фетиши: и непонятный и притягательный.

Вулф взял одну из фигурок. Яркие краски и резкие формы ее казались языком пламени в его руке.

— Значит, ты считаешь эти фетиши непонятными?

— А разве нет?

Он пожал плечами.

— Во всяком случае, те, кто их делал, лучше нас знали, в чем смысл жизни.

Стиви уперлась подбородком в ладони.

— Расскажи мне об этом побольше.

— Так вот почему ты так хотела, чтобы я приехал с тобой сюда, — пошутил он. — Чтобы как следует покопаться в моей психике.

— О господи, да нет же! — воскликнула она со смехом. — Ну не надо так думать!

Однако посмотреть ему в лицо она не смела и вместо этого уставилась в тарелку с таким видом, как если бы там лежали внутренности жертвенных животных, по которым она могла бы прочесть будущее.

— Ты не станешь думать обо мне плохо, если я признаюсь, что привезла тебя сюда из-за глубокого чувства вины? — спросила она, подняв голову.

Взгляд ее темных глаз встретился с его взглядом.

— Нет, — ответил Вулф. — Думаю, что это вполне естественно.

Он улыбнулся, желая снять с нее напряжение.

— Аманда всегда говорила...

Неожиданно у него перехватило дыхание и на глаза навернулись слезы. Он отвернулся, стиснув зубы. О боже! Аманда!

Стиви встала и начала убирать посуду.

— Знаешь, — сказала она вдруг, — несмотря на то что

ты видел, мне не всегда было легко с сестрой. Бывало, мы грызлись между собой, особенно насчет Мортонна. И, наверное, тут она была права.

Она выставила лимонный пирог, хотя и понимала, что он останется нетронутым. Но десерт создавал впечатление, что все идет своим чередом, а они в этом оба сейчас нуждались.

— В нас жил дух соперничества, — продолжала она. — Ты наверняка не замечал этого за Амандой. Вероятно, потому, что ей так нравилось учить студентов. Когда мы были моложе, то стремились к победе во всем и иногда обижали друг друга... Да, мы могли наносить друг другу очень глубокие раны.

Стиви поставила на стол чашки, сливки и сахар. А потом вдруг села так резко, что от сотрясения расплескался налитый ею в чашки кофе, и она закрыла ладонями лицо.

— Черт! — выругалась она. — Я ведь обещала сама себе не делать этого, не ворошить прошлое, не касаться старых обид. Обещала не жаловаться на судьбу. Особенно тебе, человеку, который чуть не погиб, пытаюсь защитить ее... До чего же судьба несправедлива!

Она машинально потянула себя за переброшенную через плечо косу, заплетенную на французский манер.

— Нам обоим еще так много надо было сказать ей.

Стиви опустила плечи и уже не скрывала слез. Она вдруг показалась Вулфу такой беспомощной. Вся ее напускная деловитость, создававшая иллюзию неуязвимости, сразу пропала. И тут Вулф понял, что она позволила ему перешагнуть барьер, проникнуть туда, где обитает настоящая Стиви Пауэрс — с ее неудачным браком, с отнюдь не идеальными отношениями с сестрой и со всеми ее сомнениями в себе как личности.

После долгого молчания она тихо сказала:

— Мне так хорошо, что я смогла позаботиться о тебе, что я оказалась полезной кому-то... Тебе...

Окна находились позади Стиви. Из-за этого он не мог разглядеть ее лица, и на какое-то мгновение ее профиль показался похожим на чей-то другой, вселив чувство тревоги. Как у человека, только что видевшего сон, у него в голове закружились образы: глаза деда, глаза Чики, ее изящные бедра, трепетно извивающееся тело, рывок и тихий, протяжный стон.

— Знаешь, Вулф, — раздался голос Стиви, — я обычно думала, что нужна Аманде, и это чувство мне нравилось. А вот теперь, когда уже слишком поздно, я поняла про-

стую и очевидную истину: я в ней нуждалась не меньше, чем она во мне.

Он постарался освободиться от беспокоившего его образа Чики.

— Ты сегодня будешь спать?

Она в ответ отрицательно покачала головой.

— Нет. Но мне будет лучше, оттого что ты здесь. Я чувствую твое присутствие в доме, и это придает мне силы.

— Тебе чертовски везет, что Джейсон Яшида твой человек, — проворчал Торнберг. — Без должного контроля он был бы опасен. В любом случае его надо изолировать. Из общения с японцами я знаю, что им просто нельзя доверять.

— Яш не такой, — возразил Хэм. Но в целом он разделял отцовское недоверие к японцам, считающим, что заключить удачную сделку — значит ударить по рукам, а потом сделать все по-своему, не думая о партнере. — Яш уже не раз доказывал свою преданность. Он очень старается доказать мне, что он только наполовину японец и на все сто процентов американец.

Отец и сын Конрады расположились рядом с капитанской каютой на борту принадлежавшей Торнбергу великолепной шхуны „Инфлюэнс II“, длиной 45 футов и с палубой из тиковой древесины. В настоящий момент она стояла на якоре в облюбованном Торнбергом месте в Чезапикском заливе, вдали от судоходных линий. Установилась мягкая погода. Солнце, которое, казалось, черпало дополнительную силу из своего отражения в воде, явно возвещало о приходе весны. Они сидели напротив друг друга за столом, уставленным сытной пищей. На клетчатой скатерти были выставлены пластмассовые чашечки для винного соуса, кетчупа и горчицы и блюда с картофельным салатом и различными соленьями, здесь же лежали остатки почти дюжины только что поглощенных Хэмом пирожков с начинкой из мэрилендских крабов.

— О японцах трудно судить, — сказал Торнберг более сдержанным тоном. Он выглядел настоящим щеголем в своем сине-белом яхтенном костюме. Благодаря внушительному росту, поджарой фигуре и суровому лицу Торнберг Конрад III несколько походил на Гарри Купера из ковбойских фильмов. — Я с ними повозился не меньше тебя. Не воображай, что ты один такой умный, чтобы разгадать, что они там замышляют. Мои предостережения никогда тебе не помешают.

Торнберг умолк, но и Хэм тоже молчал. Он умел это делать, в отличие от братьев, которые в последнее время проявляли растущую нетерпимость по отношению к отцу. Их контакты с ним почти прекратились. Они видели в нем теперь лишь сварливого эгоистичного старца, несколько подзадержавшегося на этом свете. Хэм же относился к отцу как к своего рода идеальному мужчине, умеющему логически мыслить, точно рассчитывать ходы, генерировать идеи, как к бойцу, владеющему тактикой ведения беспощадной войны, идущей в мире корпораций. В таких вещах Хэм, хотя и придерживался собственных правил, но всегда старался как можно больше походить на него.

— Взять хотя бы для примера наших друзей Юджи Шияна и Наохару Нишицу, — заговорил наконец Торнберг. — Мы исходили из того, что они уравновесят друг друга, в итоге их сила сведется к нулю, и наше дельце будет в шляпе.

„Да уж дельце, — хмыкнул про себя Хэм. — Наше „дельце“ должно поставить нынешний японский экономический колосс на колени и тем самым покончить с такими опасными богатыми радикалами, как Наохару Нишицу“.

— Да, сэр, — подтвердил он вслух слова отца. Еще с тех пор, как его в девять лет отправили в przygotowательную школу, он привык обращаться к отцу вежливым „сэр“, и не иначе.

Торнберг, наблюдая, как его сын налег на еду, продолжал:

— Насколько я понимаю, стремительное усиление общества Черного клинка параллельно с поступлением в течение нескольких лет в распоряжение Нишицу фантастических сумм от японской элиты поставили нас перед необходимостью положить этому конец. Ты дал свое согласие. Такое же согласие я получил от президента и от военных. А еще больше им понравилась моя идея покончить с ними с помощью хитроумных ходов, в результате которых они сами уничтожат друг друга.

— Сэр, мы оба знаем, что планировать — это одно, а воевать — совсем другое. Хорошо, что благодаря моему запасному варианту удалось поставить в центр событий Джейсона Яшиду.

— Ты мне, сынок, пилюлю не подслащивай. Кто-то пронюхал, что для внедрения в храм Запретных грез, в этот распроклятый клуб ультраконсерваторов в Токио, мы используем Моравиа. Нам известно, что там собирается головка „Тошин Куро Косай“ — общества Черного клинка. Моравиа собирал компромат на Нишицу, чтобы нам было

чем подтолкнуть Юджи Шияна к действию. Он также снабжал нас подробностями относительно последних назначений членов общества Черного клинка на руководящие посты в многонациональных корпорациях по всему миру. Ясно, что они переходят в наступление, и нам, несомненно, нужно раздавить их прежде, чем они займут важные позиции. Вот на что замахнулся Моравиа, и тут-то они его прихлопнули.

Губы Торнберга дернулись, будто вид пищи вызвал в нем давно забытый рефлекс.

— Нам, однако, все еще не хватает очевидных доказательств того, что Нишицу связан с ультраконсерваторами, радикальными террористами и обществом Черного клинка, — подытожил он. — А еще нужны дополнительные сведения о планах „Тошин Куро Косай“. Они уже сделали очередной ход, попытавшись поступить так же, как и с Моравиа, с единственным человеком, способным пройти по его следам в этот гадюшник, храм Запретных грез.

— Имеется в виду Мэтисон?

— Да, он. Наш человек в министерстве обороны — Шипли — молодец, что завербовал его.

Хэм прикончил остатки индейки и бутерброд с овечьим сыром и принялся сооружать себе второй бутерброд.

— Я хотел бы поговорить о нем, — начал он. — Раз уж противник до него тоже добрался, нам, вероятно, стоит подумать о его замесе, чтобы...

— Так не пойдет! — перебил его Торнберг. — Слушай, что я тебе скажу о нашем приятеле Вулфе Мэтисоне. Лучшего детектива на свете не сыскать, уж ты мис поверь. Он сочетает в себе безошибочную интуицию, ненасытную любознательность и бульдожье упрямство, а вкуче это делает его грозой для противника.

— Агент Яшиды уже на месте, — возразил Хэм. — И я вынужден напомнить, сэр, что от Мэтисона мы не получили ничего, кроме какой-то лапши на уши, что, мол, по словам нью-йоркского главмедэксперта, Моравиа изнутри выглядит моложе, чем снаружи. Но даже если медэксперт не врет, для нас это интереса не представляет.

— Ты, сынок, не знаешь Вулфа Мэтисона так, как я. Чтобы оценить его качества, надо видеть его в действии. А я видел. Будь спокоен, у меня весьма веские причины, чтобы остановить выбор на нем... Ну а что еще у тебя есть для меня?

Хэм решил не настаивать на дальнейшем обсуждении, оставшись, однако, при своем мнении, что с Мэтисоном что-то надо решать. Чем больше он обдумывал то, что

говорил ему Яшида, тем сильнее склонялся к его точке зрения. Мэтисон — очень опасный тип. Что еще хуже — непредсказуемый. Отец, очевидно, не понимает этого, а вот ему с Яшем виднее.

— Фу ты, чуть не забыл, — воскликнул он, сунув руку в карман и подавая отцу небольшой конверт. — Шеф нью-йоркской полиции Бризард сумел наконец-то разжиться нормальным скрыто снятым фото этой японской деятельности, так сказать, искусства, которая привлекла внимание Мэтисона как раз перед тем, как его ловко спустили с крыши. По-моему, этот снимок мало что дает.

— Ты кому-либо показывал его, сынок?

— Нет, — отрицательно покачал головой Хэм. — Видишь, печать Бризарда в целости и сохранности.

Торнберг пригляделся к конверту. Конверт, согласно указаниям Хэма, был заклеен липкой лентой на матерчатой основе с печатью начальника полицейского управления Нью-Йорка. Он крикнул и взрезал ленту столовым ножом. Внутри оказалась одна-единственная крупнозернистая черно-белая фотография. Какое-то время Торнберг молча разглядывал лицо молодой женщины на фото, а затем осторожно отложил его.

— Бог ты мой! — воскликнул он, видя, как Хэм расправляется с ростбифом, швейцарским сыром и сэндвичем с шинкованной капустой. — У тебя аппетит, как у всего Седьмого флота.

— Это все морской воздух, сэр, — ухмыльнулся Хэм, набивая рот хрустящей чесночной приправой. — Я от него всегда есть хочу.

— Врешь ты все и не краснеешь, — изрек Торнберг, криво улыбнувшись тонкими губами. — Ты всегда жрал, как гренадер. Мать тебя звала гиперактивным ребенком. А я ей всегда говорил, что это вздор, просто, мол, мальчишка жрет, как положено мужику. — Он довольно хмыкнул. — Женщины! Они воображают, будто знают все на свете, и особенно про то, как растить детей. Какая чушь!

Взглянув прищуренными глазами на солнце над Чезапикским заливом, Торнберг ткнул большим пальцем в сторону кормы, где, несмотря на не такую уж и жаркую погоду, беззаботно загорала нагишом стройная молодая блондинка.

— Ну вот, почему я женился на этой? — спросил он риторическим тоном и сам же ответил: — Дети тут вообще никому не нужны. У нее одна функция, заметная любому здоровому мужику, и она выполняет ее что надо.

Он снова хмыкнул, толкая крючковатым пальцем ле-

жащий на столе раскрошившийся пирожок, а затем пригубил немного сока и чуточку кетчупа.

— Еда. Теперь уже мне ничего этого не хочется.

Торнберг Конрад III разменивал уже восьмой десяток, но, как он с гордостью отмечал, это совсем не влияло на его мужскую удаль. Он и вправду внешне совсем не соответствовал своему возрасту и выглядел гораздо моложе.

— Однако же, если бы я захотел, то, наверное, смог бы сделать ребенка и этой, — сказал он и расхохотался, увидев выражение лица сына. — Ты, Хэм, всегда такой правильный. Только глобальные задачи на уме. Прямо идеальный солдат. Мне приятно, что я все еще могу шокировать тебя. Значит, я еще не совсем конченный.

Три года назад Торнберг перебрался в свое обширное поместье в лесах Виргинии. А вскоре после этого встретил Тиффани и женился на ней. „Телка“, — про себя обозвал ее Хэм. Он отчетливо помнил, как она сказала своим писклявым глупым голосом: „Привет! Меня зовут Тифф. А вас как?“ Теперь она носила имя Тиффани Конрад, и, с точки зрения Хэма, уже одно это было ужасно смешно.

Как-то раз Торнберг, немного перестаравшись с виски „Гленливей“ (ничего другого он не пил), признался сыну, что больше всего его удручает тот факт, что он уже не может стоять прямо. „Все равно, — сказал тогда отец сиплым от спиртного голосом, — там, где это больше всего нужно, у меня стоит как надо. Так что кому какое собачье дело, что я слегка гнусь от ветра. Я на своем веку пережил достаточно бурь“.

Хэм знал, что это не простое бахвальство, Торнберг сумел одолеть, обойти и одурачить всех своих врагов. „Если для победы что-то нужно, — изрек он однажды, обращаясь к сыну, в буквальном смысле окосев от алкоголя, — то это надо сделать и точка. Все остальное забудь. Бабы, это продажные твари, они приходят и уходят. Да и детишки, черт бы их побрал, тоже предадут тебя. Вырастут и будут вытворять все, что в башку взбретет“.

Хэм вспомнил то свежее осеннее утро, когда отец взял его на совещание в Пентагон. Он тогда только-только вернулся из Вьетнама, весь в наградах, и думал, что отец хочет показать его коллегам в наилучшем виде.

По иронии судьбы, совещание проходило в том же кабинете, куда спустя несколько лет его с отцом пригласили, чтобы заслушать их соображения относительно извращения от экономического господства Японии.

Его поразила и, по правде говоря, озадачила та степень уважения и влияния, которыми пользовался отец среди

военных, — лишь высшие офицеры всех родов войск присутствовали на совещании. По опыту он знал, что в Пентагоне на штатских, то есть на всех, кто не служит в вооруженных силах, смотрят с большим недоверием, чтобы не сказать — с презрением. Военные — это своего рода священное братство, и они, наподобие масонов, не допускают к своим делам посторонних.

Хэм хорошо запомнил высокопоставленного контр-адмирала, выступившего против предложения Торнберга создать централизованную инспекцию, которая давала бы „добро“ на поставки новейших типов вооружений для всех родов войск. У отца имелся тут и собственный интерес — он только что объединил четыре небольшие, но перспективные оружейные фирмы в первый в то время специализированный конгломерат по созданию новых видов оружия для вооруженных сил.

Контр-адмирал, явно предвидя, что такая централизация урезет его полномочия, стал утверждать, что реализация этого плана сведет на нет преимущества конкуренции, существующей благодаря уже установленной системе распределения подрядов.

Затем слово взял Торнберг. И Хэму, как и всем остальным присутствующим, его выступление очень понравилось. Отец начал выдавать факты и цифры за последнее десятилетие, то и дело иллюстрируя неэффективность установленного порядка. Он показал, как много средств уходит впустую из-за дефектов на стадии разработки оружия, из-за накладок при запуске в производство и подтасованных результатов испытаний. И все это из-за безумного стремления максимально сбить стоимость подряда, уложившись в искусственно сжатые самими же военными сроки. А после всех этих разоблачений он продемонстрировал, каким образом предложенная им новая система покончит с недостатками и расточительностью старых порядков.

Это умное и тщательно продуманное выступление уже само по себе должно было убедить его высокопоставленную аудиторию. Но Торнберг не ограничился выступлением. Он тут же представил своего сына, весьма к месту упомянув о должностях, которые он занимал во Вьетнаме, а после этого попросил Хэма изложить свое мнение о военном снаряжении, используемом КВСВ на театре военных действий в Юго-Восточной Азии.

Последовавший за этим отчет Хэма, своими глазами видевшего многочисленные неполадки в технике, с которыми военным приходилось сталкиваться во время веде-

ния боевых действий во Вьетнаме, довершил разгром оппонентов Торнберга.

И теперь, глядя, как отец набрал еще немного кетчупа, Хэм снова подумал, что тот действительно сметет со своего пути кого угодно. Он безжалостен и настойчив, как акула, и именно поэтому находиться с ним рядом было одно удовольствие. Полушутя отец назвал его правильным и, по мнению Хэма, совершенно точно определил самую суть морали Конрада-младшего.

Торнберг тем временем извлек из коробки с серебряной инкрустацией сигару, повертел ее меж пальцев, понюхал, глубоко втягивая воздух, и нерешительно положил обратно.

— В своем большинстве люди считают меня аморальным, — заявил он, прибегнув к своему повергающему собеседников в изумление приему, когда он, казалось, читал чужие мысли. — Но что они в этом понимают? Знаешь, у большинства мнение основано на невежестве.

Он посмотрел на сына в упор и продолжал:

— Открою правду лишь тебе одному. А правда в том, что у меня свой собственный моральный кодекс. От общепринятого он отличается тем, что основан на совершенно иных установках. Я избрал чертовски трудный путь. Мне требовались сила и хитрость. Лишь для того, чтобы уцелеть в драке. Бог, однако, свидетель, что для процветания мне нужно было еще кое-что.

— Понимаю, сэр.

— Конечно, понимаешь, — кивнул Торнберг. — Ты всегда все быстро схватывал. Не успел на свет народиться, а уже не давал водить себя за нос.

Хэм знал, что старик имеет в виду его брата Джея, чья многообещающая карьера в одночасье рухнула из-за любовной интрижки с женой старшего партнера по юридической конторе.

— Мужики, которые думают не головой, а задницей, вообще не мужики, — изрек Торнберг. — От них обязательно жди какой-нибудь беды.

— Сэр, мы оба теперь могли бы как-то помочь Джею, — вставил Хэм.

Проигнорировав замечание сына, Торнберг развернулся в кресле и уставился на Тиффани, которая, приняв сидячее положение, покрывала свое обнаженное тело очередным слоем лосьона.

— Ага, видишь! Бог меня все еще не забывает, — обрадованно провозгласил он, потирая свой худощавый подбородок. — У меня между ног встает от одного только

вида того, как она массирует себе груди. Глянь-ка на эти соски. Великолепные... Да, крепкое тело. Чего бы я только не отдал за то, чтобы быть таким же юным!

— На что ты жалуешься? — спросил сын. — Ты смотришься так молодо, что по внешности даже в отцы ей не годишься.

Торнберг повернулся к нему.

— Тебе еще надо очень многое понять в жизни, сынок, — сказал он. — Я знаю людей из всех слоев общества — от высших до низших. Прибегать к этому преимуществу в спорах с тобой было бы с моей стороны просто нечестно.

Хэм тут же переключил на отца все свое внимание. Образ великолепных грудей Тиффани-телки в момент испарился из его сознания, как туман под лучами солнца.

Торнберг сплел пальцы вместе, довольный, что ему не потребовалось специально просить сына повнимательнее выслушать его.

— Убийство Моравиа убеждает меня, что общество Черного клинка завершило все свои приготовления. А это значит, что мы тоже должны быть наготове, — сказал он, выставив вверх на удивление прямой палец. — Точный расчет времени, сынок, часто оказывается решающим фактором. Самый что ни на есть детально разработанный план может провалиться из-за несвоевременного ввода его в действие. От того, когда именно ты пойдешь вброд через речку, может зависеть, замочишь ли ты только ноги или будешь шляться с мокрыми яйцами.

Торнберг Конрад III посмотрел на залив, на солнечные блики на волнах, на одинокий парусник, резво бегущий по воде наперегонки с недолетающим до них ветром...

— Как бы я ни восхищался теми, кто ходит под парусом, по мне гораздо лучше судно с мотором. На нем плывешь, куда захочешь и когда захочешь. Как и в жизни, — заметил он, поскольку питал пристрастие к подобного рода обобщениям и ни одного из своих сыновей не считал слишком старым для того, чтобы лишить себя удовольствия сказать что-либо поучительное. — Эх, какой-то неодушевленный предмет, вещь, которой можно управлять, поворачивать ее куда только захочешь, а неплохо отвлекает от мыслей о прожитых годах. Ведь возраст тоже в конце концов подводит тебя так же подло, как бабы и ребятишки.

Он устался на яства, стоящие на столе, с таким видом, будто уже не вполне понимал их предназначение.

— Когда стареешь, то открываешь новые возможности для людей типа моей молодой супруги, — произнес он,

скорчив гримасу. — Тут какой-то парадокс. Чем ты старше, тем тебе большего хочется. А мои нынешние желания, сынок, превосходят, черт побери, мои возможности.

В этот момент часы у него на руке пискнули.

— Черт! — ругнулся он и поднялся. — Пора принимать лекарство. Я сейчас вернусь.

Хэм наблюдал, как отец скрылся в своей каюте в средней части шхуны. Легкий бриз потрепал ему волосы и стих. Оставшись на палубе один, если не считать общества великолепной Тиффани-телки, он глубоко погрузился в свои раздумья. Ему вспомнился день, когда ему исполнилось тринадцать и отец, неожиданно заявившись в приготовительную школу, выступил в роли доброго волшебника — увез Хэма на недельное сафари в Африку. В те времена участвовать в сафари значило охотиться на зверей, а не фотографировать их, и Хэм навсегда запомнил красочное зрелище: лев с гривой, широкой, как щит воина племени масаи, выпрыгивающий из окутанных вечерними сумерками кустов прямо перед отцом.

И Хэм, и носильщики из местных жителей замерли в тот момент на месте как парализованные. Все произошло так быстро, что даже проводник не успел ничего предпринять. А Торнберг, не сходя с места, от бедра сделал один за другим шесть быстрых выстрелов. Уже первые два точно попали в цель, однако льва не остановили, и Торнберг с хладнокровным видом продолжал стрелять.

Наконец последняя пуля из отцовской самозаряжающейся винтовки „Маузер“ добила зверя, отбросив его в сторону, к кустам. Хэм до сих пор отчетливо помнит звук, с которым шлепнулся лев. От туши исходил неприятный запах — сильный, резкий, острый, забивающий все прочие запахи, — и мальчик видел, как отец, раздувая ноздри, полной грудью вдыхает этот вониючий воздух. А потом, стоя над убитым львом, он сказал сыну: „Ужасно жаль. Этот зверь заслуживает моего уважения больше, чем твоя мать“.

Расставшись с Хэмом, Торнберг спустился в свою личную каюту. Заперев за собой дверь, он долго стоял, прислонившись к ней с закрытыми глазами, прислушиваясь к неровному и болезненному биению сердца.

Собравшись с силами, он прошел к задней переборке, обшитой тиком, и нажал потайную кнопку. Две доски раздвинулись, за ними оказался автономный пульт связи, изолированный от основного, расположенного в капитанской каюте. Под ним виднелась передняя тиковая панель

выдвижного ящика, снабженного стальным замком с цифровой комбинацией.

Торнберг открыл ящик и извлек одноразовый шприц. Набрав в него бесцветной жидкости из пузырька, он перевернул шприц иглой вверх и выдавил несколько капель, чтобы исключить попадание воздуха. Затем, закатав штанину, нашел на ноге вену и вогнал в нее иглу.

Дотащившись до постели, Торнберг сел, ритмично покачиваясь в такт замедляющемуся пульсу. Долгое время он вообще ничего не думал и не ощущал. Но затем мысли и чувства постепенно вернулись, и он пришел в себя.

Прежде всего он подумал о Мэтисоне и переданной им через Шипли потрясающей информации. С Моравиа что-то произошло. Процесс старения, оказалось, можно повернуть вспять!

Как жаль, что Моравиа убили именно в такой момент! Судьба ужасно несправедлива. Торнберг, конечно, и сам собирался ликвидировать его сразу же после планировавшейся встречи с ним. Иначе как еще мог бы он, не засвечиваясь, подключить к этому делу Мэтисона? Но противник каким-то образом вычислил Моравиа и вывел его из игры раньше чем нужно. Удалось ли им вывести у него что-нибудь? Торнберг отверг эту мысль: никаких признаков пыток на теле Моравиа не обнаружено.

Вместо этого его подменили. И Торнберг не сомневался, что это работа Оракула. Ситуация, однако, сложилась из ряда вон выходящая: будто ты добрался до некоего явления, свойственного иной цивилизации, и никак не можешь понять его. Нет, нужно узнать побольше! Нишицу и общество Черного клинка идут на все, чтобы наложить лапу на Оракул. Почему? Тоже неизвестно. Но Торнберг не сомневался, что Оракул — последнее, чего им не хватает для достижения своей цели. Это очевидно так же, как и то, что он сам должен заполучить его, прежде чем им завладеет „Тошин Куро Косай“. Вот почему Мэтисону надо дать максимальную свободу действий. Если кто и может получить доступ к Оракулу, так это только он!

Торнберг повернулся к маленькому сейфу и открыл его. Внутри лежали бумаги. Поискав, он вынул из пачки любительский фотоснимок и сличил его с фотографией японки, причисляющей себя к миру искусства, которую тайно снял агент Бризарда. Конечно, женщина на любительском снимке выглядит моложе, почти как девочка, но несомненно, что на обоих фото одно и то же лицо. Торнберг почувствовал, как забилося его сердце: Мэтисон напал на след! Но тут настроение у него вновь испортилось.

„Все шло так хорошо, — подумал он, — без сучка без задоринки. И вдруг Моравиа убрали“. Лоуренс Моравиа участвовал в плане, разработанном им вместе с Хэмом, докладывал ему обстановку лично, без посредников.

Теперь у Торнберга сомнений не оставалось: Моравиа заплатил жизнью за то, что раздобыл при последнем посещении храма Запретных грез. А это ведь не только данные о размещении кадров в „Тошин Куро Косай“, но и откровения об Оракуле. Прежде чем они до него добрались, он успел послать Торнбергу по частному факсу шифрограмму: „Вышел на Оракул. Надо обсудить лично“. Информация оказалась настолько важной, что Моравиа, вопреки всем правилам, установленным Конрадом-старшим, запросил личной встречи с ним с глазу на глаз.

Торнберг понимал, что в первую очередь следует выяснить, что затевает Юджи Шиян, поскольку именно он спроектировал и создал Оракул. Шиян — не только глава ведущего многоотраслевого конгломерата Японии, но и нечто гораздо большее: он блестящий ученый, первоклассный технократ. У Торнберга помимо старых связей, налаженных в Вашингтоне, имелись контакты в Японии, в министерстве внешней торговли и промышленности. Этих японцев он знал хорошо, сотрудничал с ними уже не одно десятилетие, еще со времен американской оккупации Японии. Он помогал им, спасал от военного трибунала. Они перед ним в долгу. И согласно сведениям, полученным от них, Юджи Шиян занимался проектом, который в буквальном смысле слова может гарантировать Японии господство в мире, где экономика диктует все. Мысль о том, что Моравиа действительно вышел на Оракул, не давала Торнбергу покоя. До сих пор он полагал, что у Шияна на реализацию проекта уйдут годы. А тут: **ВЫШЕЛ НА ОРАКУЛ**. Перед самой смертью Моравиа известил его о двух важнейших фактах. Во-первых, как и намекали Торнбергу его доверенные лица, Оракул — это какая-то новая форма искусственного интеллекта. Во-вторых, он живет и действует. Теперь Торнберг познакомился с одной из сторон его могущества — способностью возвращать старикам молодость.

Вечер незаметно переходил в ночь. Горели лампы. Керосиновая печь в подвале гудела, как какое-то гигантское живое существо. Вулф только что принял душ. Стиви зашла проведать его как раз в тот момент, когда он, голый по пояс, насухо вытирал полотенцем голову. После ужина она вела себя тихо, и они почти не общались. Вулф, вновь

мысленно оказавшись где-то между воспоминаниями об Элк-Бейсине и о квартире Чики на Восточной Шестой улице, ощущал себя как бы выключенным из времени, или, как выразился бы его дед, парящим в полете.

Стиви встала в дверях. Свет от ламп, падающий сзади, из гостиной, придавал ей сходство с бронзовой статуей. Этот же свет освещал размещенные небольшими группами фетиши — цветные сгустки первозданной яркости и силы, заполнившие всю комнату. Джинсы на Стиви были те же, что и во время ужина, но она успела переодеться в джемпер с короткими рукавами и глубоким вырезом спереди.

— Что касается Аманды... — начала она.

Он отшвырнул полотенце.

— Стиви, я не исповедник. Тебе не нужно этого делать.

Она тряхнула головой и часто-часто заморгала, стараясь, как он понял, удержать навертывающиеся слезы.

— Очень тяжело, — произнесла она с трудом, но от волнения у нее перехватило горло и ей пришлось начать сначала. — Эмоциональная нагрузка давила на меня... Я служила как бы буфером между Мортонем и Амандой. Они презирали друг друга. Подготовка к каждой встрече была кошмаром, а уж когда нам приходилось собираться вместе... Они превратили мою жизнь в сущий ад. Все время цапались между собой и ябедничали мне друг на друга. Что я могла поделать? У меня все силы уходили на то, чтобы вообще все не рухнуло. Наверное, в такие моменты я часто вела себя с Амандой несдержанно...

Вдруг Стиви обхватила руками живот.

— Мне плохо, — прошептала она.

Ее лицо стало белым. Вулф усадил женщину на кровать, заставив согнуться так, чтобы голова оказалась между ног.

— Дыши медленно и глубоко, — приказал он. — Вот так. Правильно.

Постепенно к ней вернулся естественный цвет. Разглядывая темные глаза Стиви, ее чувственный рот, Вулф вспомнил маленький грушевый сад за его домом в Элк-Бейсине, за которым он ухаживал еще мальчишкой.

Она улыбнулась и приложила ладонь к его щеке.

— Боже мой, ты выглядишь так молодо, — нарушила она тишину. — Как прославленный футболист или олимпийский чемпион... Как человек, который вдруг оказался неподвластен времени.

— Мне и Аманда говорила, что я не старею.

— Аманда все время думала о возрасте, постоянно, — заметила Стиви. Ее глаза блестели в полумраке, а запле-

тенная по-французски коса красиво лежала на плече. — Твое присутствие только усугубляло это. Она уверяла меня, что ты совсем не меняешься.

Он тихо рассмеялся, но тут же умолк, так как она взяла его руку и положила себе на грудь.

— У меня так сильно бьется сердце. — Ее полные губы как бы приглашали к поцелую. — Знаешь, меня учили, что мужчинам нельзя доверяться, — произнесла она, склонив слегка голову, — что мужчин интересует только одно. Ну а что, если женщину интересует то же самое?

Она не шевелилась, а он не убирал руку с ее груди.

— Спокойной ночи, Вулф, — прошептала Стиви, но ее губы остались приоткрытыми.

Он притянул ее к себе, целуя и чувствуя, как ее горячий язык проникает в его рот и, будоража кровь, щекочет там. Тяжелые груди Стиви прижались к нему. Она застонала. Вулф снял с нее джемпер, обнажив ее тело до пояса.

Сердце забилося мощными толчками, и ничего уже на свете не существовало, кроме вздымающейся волны неодолимого желания, которое росло в них с самого момента приезда сюда.

Вулф растегнул ее джинсы, сдернул одежду с себя. Стиви непроизвольно охнула, когда он прижал ее к деревянной стене спальни, закинув ей руки вверх, целуя ее губы, щеки, глаза, уши, шею. Ее бедра ритмично задвигались, слегка ударяясь о его тело. Вулф вошел в нее, и тогда она охнула снова, на этот раз сильнее, издав под конец восторженный стон.

Он вошел в нее резко вверх. Ее босые ступни уже не касались пола. Она обвила ногами его бедра и с плотно закрытыми глазами откликалась на его ритмичное шумное дыхание.

Стиви ощутила пробегающую по ее телу волну восторга. Она глубоко вдыхала запах душистого мыла, которое сама положила в ванной, и щекочущего поздри талька. Но сквозь эти запахи пробивался его собственный аромат — сильный, густой, эротичный, — который все усиливался и, казалось, обволакивал ее.

От этого чувство наслаждения еще больше возросло, и она задрожала. Ее бедра непроизвольно напряглись, прижимаясь к нему. Она метнулась лицом к его плечу и машинально впилась зубами в толщу его мышц. Это десятикратно усилило удовольствие.

Однако наслаждение каким-то чудом продолжало нарастать. Через секунду она смутно осознала, что все только что испытанное ею было лишь основой, подножием той

горы, на которую еще предстояло подняться. И казалось, что этому восхождению не будет конца.

Вулф вдруг по-бычьему нагнул голову и ухватил ртом сначала один ее сосок, затем другой. От этого все тело Стиви молнией пронзила горячая волна экстаза, и она вновь испытала оргазм. Не помня себя, она прижалась к нему с нежностью, страстью и восхищением, и ее опущенные веки мелко дрожали при этом, будто во сне.

У Стиви перехватило дыхание. Близость с Вулфом затмила все вокруг. Она ощущала лишь его крепкую плоть внутри себя, его сильные теплые руки, твердые губы, беспрестанно ласкающие ее.

„Даже если это все, — пронеслось у нее в голове, — я в любом случае никогда не испытывала ничего подобного“. Но она чувствовала, что главное еще предстоит. И тут же ощутила, как из самых глубин его существа в нее вошло, пульсируя, нечто темное и таинственное, нечто живое и могучее, что пронзило ее разум и душу так, как пронзил ее тело его орган, вызывая не выразимое словами удовольствие. Она всем телом вытянулась вдоль него, тесно к нему прижалась и начала ритмично раскачиваться из стороны в сторону, пока он не изогнулся еще раз, упорно увлекая ее за собой, и не застонал так, как она никогда не слышала раньше. И тогда, непроизвольно содрогнувшись, она испытала оргазм в третий раз, чувствуя, как ее охватывает неведомый дотоле восторг.

„ШИЯН КОГАКУ всегда с вами“, — напечатал Дэвид Боун. На его женоподобном лице отчетливо был виден грим.

Передвижной видеозэкран размером тринадцать на десять футов медленно катился по запруженным транспортом улицам Шиндзюку, одного из районов Токио, снова и снова бесконечно повторяя шестиминутный музыкальный видеоклип с рекламой всевозможных товаров, производимых различными фирмами „Шиян когаку“.

Юджи Шиян и Хирото, муж его сестры Казуки, встретились по дороге на работу. Хирото представлял собой в общем-то ничем не примечательного, сутулого мужчину среднего возраста, не красавца и не урод. На нем был тот же самый дешевый мятый костюм, что и три дня назад. Он являлся вице-президентом фирмы „Шиян когаку“ и вдобавок к этому имел репутацию блестящего ученого-компьютерщика.

— Как там моя сестра? — осведомился Юджи, когда они вошли в сорокаэтажное белое здание из мрамора и стали, принадлежавшее „Шиян когаку“.

— Казуки не изменилась. Все время сердится, — печально отозвался Хирото. — Это болезнь, которая подтачивает ее изнутри. Она уже совсем не та девушка, на которой я женился пятнадцать лет назад.

В этот момент перед глазами Юджи заплесали неестественно яркие разноцветные огни, и тут же произошел быстрый сдвиг в перспективе. С поразительной четкостью он увидел контуры выполняемого им проекта, порядок его реализации от начала до конца. Вся схема развернулась перед ним, словно наблюдаемая с большой высоты местность.

Затем видение исчезло, а цвета окружающих предметов постепенно восстановились до нормальной яркости. Юджи оперся рукой о полированную дверь кабины лифта. С самого начала он не был рад этому дару — видеть то, что не видят другие люди. После первого такого случая, еще в подростковом возрасте, он чувствовал себя очень плохо и до сих пор страшился сопутствующей этому явлению потери ориентации.

— Юджи-сан, что с вами?

— Все в порядке, — отозвался он и, поморгав, увидел, что Хирото стоит уже в кабине лифта лицом к нему и смотрит удивленно и внимательно.

На негнувшихся ногах Юджи вошел в лифт. Украшенные чеканной бронзой двери закрылись, и они остались одни в устремившейся вверх кабине.

— Мне надо поговорить с тобой насчет Оракула, — начал Хирото. — Точнее, о твоей идее дать Хане допуск к нему.

— Моей сводной сестре трудно отказать.

— Это ты мне говоришь? Да у меня вся группа свихнулась от ее вопросов о том, что у этой штуки внутри. Ходит слухок, что ты подключил ее к проекту, чтобы внести в него кое-какие изменения.

Уже не в первый раз Юджи ловил себя на мысли о том, что Хирото недолюбливает Хану. То ли от того, что она женщина, то ли потому, что она не высокообразованный специалист с множеством ученых степеней из Токийского университета. Как и большинство его коллег, Хирото был сноб до предела. Когда вставал вопрос о приеме человека в его исследовательскую группу, основным критерием для него, как правило, было не то, как у кандидата в исследователи работают мозги, а что тот окончил.

— Ерунда все это, — соврал Юджи. — Собственно, ты беспокоился и тогда, когда моя мать выдвигала свои предложения.

— Да, именно так. И мне по-прежнему не нравится ее предложение относительно того, чтобы мы использовали в Оракуле человеческие гены и хромосомы... Кто знает, какие будут последствия. Изменения...

— Концепция Оракула настолько нова, что нам надо быть готовыми к переменам, — перебил его Юджи. Он знал, как надо обращаться со своим родственником, крайне консервативным во всем, включая и собственную работу. Хирото часто играл положительную роль в качестве противовеса безудержному гению Юджи, но иногда, как вот теперь, с ним было нелегко. — Давай позволим Оракулу пройти по всей ДНК, поразмышлять и посмотрим, что из этого выйдет.

— Он придет к определенным основополагающим решениям, — бесстрастно заметил Хирото. — Никто еще пока не знает, можно ли это считать мышлением.

„Я-то знаю“, — сказал про себя Юджи. В этот момент лифт остановился, двери открылись и они оказались на верхнем — третьем — этаже, где сидело руководство фирмы.

— Я все еще сильно беспокоюсь из-за этого проекта, — не унимался Хирото, следуя за хозяином по коридору, минуя приемные и направляясь в кабинет Юджи. — Я выступал против преждевременного использования человеческого материала в Оракуле. Но меня переспорили. — Он покачал головой. — Должен признаться, меня тревожит то, что мы слишком быстро устремляемся в неведомое. Честно говоря, твой дружок Оракул все больше меня пугает.

— Пугает? — переспросил Юджи.

— Да, — кивнул Хирото. — Оракул не запрограммирован на изменения, но, похоже, именно это с ним и происходит. И я не могу отделаться от вопроса, в чем тут дело. То ли в основной блок Оракула вкралась ошибка, о которой мы не знаем, то ли — и это, Юджи-сан, как раз меня и пугает — Оракул каким-то образом сам изменил основную схему, заложенную нами.

Усилием воли Юджи сохранял спокойствие.

— Понятно, что я имею в виду, Юджи-сан? Уже имеются кое-какие свидетельства, что он растет и развивается, что он в каком-то непостижимом пока для нас смысле стал живым. — Хирото маячил взад и вперед перед столом Юджи. — Мой разум — разум ученого — подсказывает мне, что это невозможно, точнее, это выходит за рамки современной техники. Но интуитивно я чувствую иное, а именно, что благодаря последним технологическим новин-

кам, предоставленным вами для его „нервной“ системы, мы уже имеем дело не просто с математикой, с цифровой технологией, с „нулем“ и „единицей“. Мы породили хаос аномальности. Наша технология работы с образами настолько нова, что мы практически ничего не знаем о ее максимальных возможностях. Это наводит меня на мысль о том, что, хоть мы и создали Оракул, мы сами же его уже не понимаем, а может быть, не понимали с самого начала. Все это лежит за пределами нашего понимания, и мир, как мы его сейчас представляем, не доступен ни нашему контролю, ни нашему пониманию. Так что добавлять странные умственные способности Ханы к этому непознаваемому феномену, с моей точки зрения, самоубийственно. В конце концов, если вдуматься, то о ее мозге мы знаем еще меньше, чем о самом Оракуле.

Юджи тем временем размышлял о своих беседах с Оракулом. Разумеется, он воспринимал его иначе, чем Хирото. Но это, вероятно, отчасти потому, что именно Хирото построил биокомпьютер. Идея как таковая принадлежала Юджи, он выносил ее в себе, но Хирото со своей командой воплотил его гениальный замысел в жизнь. Юджи, конечно, блестящий биогенетик, но вся инженерная сторона, все винтики, гаечки, схемочки — дело рук Хирото.

„Я никогда не посмею сказать ему все это вслух, — подумал Юджи, — но именно потому, что я знаю, что вместе мы создали нечто большее, чем просто машину, у меня с Оракулом установился контакт, который никогда не будет доступен Хирото. Для него Оракул — всего-навсего чудовищно сложная игрушка-жестянка, не более чем исследовательский проект. Ну да, он еще при создании запрограммировал выполнение Оракулом определенных функций. И вот теперь, когда Оракул начал делать то, что не предусмотрено программой, да к тому же совершенно непостижимым для Хирото образом, тот занервничал. Вполне понятно: он потерял лицо. Получилось так, будто не он повелевает Оракулом, а наоборот“.

Смешная мысль, но Юджи не стал смеяться.

— Я понимаю твою озабоченность, — сказал он, стараясь успокоить Хирото. — У меня тоже возникали подобные мысли. — Он встал из-за стола. — Хочу заверить, Хирото-сан, что мы будем действовать со всеми мерами предосторожности. Но бездействовать нам нельзя. В одном ты прав: проект зажил своей собственной жизнью. И если мы сейчас прекратим дальнейшие работы, то просто станем убийцами.

Глава седьмая

Токио—Ист-Хэмптон—Вашингтон—Нью-Йорк

На окраины Токио опустилась ночь.

Минако Шиян лежала в постели. Ей, как всегда, не спалось. Ройившиеся в мозгу планы не давали покоя. Постоянное напряжение не покидало ее с тех пор, как у нее округлились груди и начались месячные. Такова ее карма, и она с готовностью приняла это предназначение в истории своего народа. Но как же много нитей приходится держать в руках, сколькими рычагами нужно манипулировать одновременно... Она испытывала и восторг и ужас от этой огромной власти.

Минако жила в предместье Токио на вилле, спроектированной для нее одним из ведущих молодых архитекторов Японии. Перепады высот и резкие контрасты между темными и светлыми пространствами, сочетание тяжелых строительных блоков с невесомой рисовой бумагой, сияющие перспективы коридоров между комнатами создавали ощущение, будто здание состоит из множества различных сцен. Подобно киномонтажу, целое здесь выражало несравненно больше, чем каждый отдельно взятый кадр.

Вилла находилась в идеально спланированном саду, который своей предельной простотой и непритязательностью уравнивал изысканную, почти в стиле барокко, постмодернистскую архитектуру. Впрочем, определение „постмодернизм“ было бы чересчур однобоким по отношению к вилле, поскольку ее архитектурный стиль вобрал в себя отголоски буддизма, синтоизма и архитектуры периода Эдо, рождая у посетителя ассоциации с разными историческими эпохами.

Отделанный гранитом и деревянной резьбой вход, где сразу же привлекал внимание старый купеческий сундук для обуви, был одним из тех мест на вилле, которые открывали посетителю доступ к ее внутреннему содержанию. Так же как и концентрические круги императорского дворца в Токио, ее комнаты раскрывали архитектурную суть постепенно, шаг за шагом устанавливая взаимосвязь

между структурой здания и разумом человека. При этом многократно отраженное эхо, подобно запахам, вызывало у гостя совершенно определенную, в соответствии с его индивидуальностью, реакцию.

Комнаты и коридоры напоминали расположения кают на гигантском корабле, а окутанный сумерками сад выглядел снаружи как океан, таинственный и опасный, подступивший вплотную, мерцающий совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки. Он виделся так же близко, как будущее, которое поначалу манило Минако, находясь в пределах ее видения. С прошлым же дело обстояло иначе, и она отдалась на какой-то момент воспоминаниям.

Дар „макура на хирума“ открылся у нее в годовщину смерти ее бабушки, приветливой маленькой старушки, основательницы „Шияи когаку“ как главной фирмы, производящей „таби“ — традиционные японские носки, в которых большой палец отделен от остальных.

Кабуто, бабушка Минако, сыграла заметную роль при ее рождении. Роды оказались долгими и мучительными. Обо всем этом Минако узнала от своей матери. А долг, как известно, платежом красен.

Кабуто умерла в один из дней рождения Минако. И поэтому в памяти Минако этот день всегда рождал мрачные ассоциации со строго оформленной бабушкиной могилой на синтоистском кладбище в предместье Осаки. Мать водила ее туда еще в детстве, но, как только она стала достаточно взрослой, чтобы самостоятельно находить дорогу, ей предложили одной исполнять долг перед умершей.

Свою одиннадцатую годовщину рождения она тоже проводила у могилы Кабуто. Всю ночь перед этим лил дождь, и синтоистское кладбище заволок туман, напоенный резким ароматом дикорастущих лекарственных растений, топорщившихся между могилами.

К этому времени исполнилось ровно восемь лет со дня смерти Кабуто, и ее образ виделся теперь Минако столь же расплывчато, как и окутанные туманом могильные плиты.

Она исполнила обряды синто по памяти, но ее разум не участвовал в этом, мысли витали где-то далеко-далеко. Закончив обряд поминовения, Минако встала, отряхнула с колен налипшие листья и траву и уже собралась было уходить.

Вдруг что-то неведомое остановило ее, и она медленно повернулась лицом к могиле. Там, свернувшись калачиком на могильной плите, лежала рыжая лиса.

— Здравствуй, внучка, — сказала лиса, произнося слова так, будто бы она зевала. — Не узнаешь меня? Это же я, Кабуто.

Минако вздрогнула, тряхнула головой, ущипнула себя, протерла глаза и снова посмотрела. Ее бабушка — а может быть, лиса — сидела там же. Лиса улыбнулась ей. Минако затравленно огляделась вокруг, ища кого-нибудь, кто мог бы тоже увидеть это диво. Но на кладбище она оказалась единственной посетительницей.

— Бабушка, — прошептала наконец Минако. — Неужели ты стала лисой?

— Да, — подтвердила КабUTO. — На данный момент.

Минако раскрыла рот от изумления.

— А ты можешь снова стать КабUTO?

— Но я и есть КабUTO, дитя мое.

— Я имею в виду ту КабUTO, которую я знала.

— С тем несносным телом? — презрительно скривилась лиса. — Зачем оно мне снова? Я почти триста лет ждала, пока не избавилась от него. Достаточно долго, не правда ли?

Не зная, что тут ответить, Минако лишь кивнула.

Лиса, она же бабушка, прыгнула с могилы и села перед ней, почесывая нос изящной передней лапкой.

— Что бы там ни было, лисы, видишь ли, не умеют лгать, — сказала она. — Наверное, поэтому я и предпочла эту оболочку. Меня тошнило от лжи, обмана и хитрости. — Лиса покачала головой. — Я пришла к тебе сегодня, чтобы предостеречь тебя. Да, именно предостеречь. Это, наверное, самое подходящее слово.

— Предостеречь от чего?

— От того, во что превратится твоя жизнь, если ты будешь такой же амбициозной, какой была я. Мне не хочется, чтобы твой дух, когда ты окажешься на смертном одре, был истощен десятилетиями лжи, обмана и хитрости.

— Я не делаю ничего подобного, — запротестовала Минако.

— Ну так будешь делать. Таков уж мир, — сказала лиса. — Наш мир.

— Я не понимаю.

— Нет-нет, ты все понимаешь, глупая девчонка, — отрезала бабушка-лиса. — Просто условности пока что не позволяли включиться твоему сверхразуму.

— Моему сверхразуму?

Тогда лиса издала звук, заставивший Минако, что называется, вздрогнуть. Она поцокала языком, как это в свое время делала бабушка, когда бывала недовольна чьей-нибудь несообразительностью и замедленной реакцией. В

этот-то момент Минако окончательно поверила, что лиса и в самом деле Кабутто.

— Я вижу, что твоя мать не особо старалась научить тебя, как пользоваться энергией биополя. Ну что ж, для меня это неудивительно. Она всегда робела, когда не надо, боялась и меня, и своего собственного дара.

Лиса назидательно подняла ту самую лапу, которой недавно чесала нос.

— Не беспокойся. Уже в тот момент, когда я вытаскивала тебя из материнского чрева, я знала, что ритуал открытия дара придется исполнять мне.

Глаза лисы сверкнули в тусклом солнечном свете, едва пробивавшемся сквозь плотный туман.

— Знаешь, ты не хотела появляться на свет. У твоей матери не доставало выносливости и силы, чтобы заставить тебя выйти наружу. А потом ей пришло в голову, что ты ей не нужна, что это ошибка. Хорошо, что я оказалась рядом.

— Ты хочешь сказать, мама не хотела меня? — спросила Минако, наморщив лоб. — Она меня не любит?

— А она тебя когда-нибудь обнимала, целовала, брала на руки? Конечно же нет. Если бы не я, то она, несомненно, подбросила бы тебя на порог к кому-нибудь из соседей.

Сердце Минако сжалось.

— Зачем ты мне все это рассказываешь, бабушка? — воскликнула она, разразившись рыданиями. — Все это так ужасно, что я больше не хочу слушать!

— Для тебя, дитя мое, наступило время услышать правду, — сказала лиса, облизнувшись. — А теперь я хочу, чтобы ты посмотрела на меня. Нет-нет, нельзя моргать или... Ты хитришь, думаешь, как это, мол, я могу разговаривать с тобой через лису. Превозмоги свою боль. Тебе ведь больно, не так ли? Так. Продолжай смотреть на меня, Минако-сан. Теперь пусть боль протекает сквозь тебя, а когда ты почувствуешь что-то еще, что-то более...

Минако вытерла слезы.

— Там темно, и я...

— Не смотри вниз! — прервала ее лиса. — Никуда не смотри, только на меня! Вот так-то лучше. Боль уходит, так ведь? Ей на смену приходит темнота. Не волнуйся, скоро ты сможешь видеть все.

И, к изумлению Минако, бабушка оказалась права. Теперь она видела не только тьму, переливающуюся волнами у ее ног, но и, по мере того как тьма раздвигалась, четко видела — сквозь плотный туман! — соседние могилы, дальние уголки кладбища и все, что было дальше за

его пределами, вплоть до холмов, возвышающихся вдали, за много-много миль от них.

— Что... что это со мной?

— Ты становишься взрослой, — объяснила бабушка-лиса с улыбкой, хотя Минако так и не смогла понять, как это лиса может улыбаться. — Теперь ты видишь, что известный тебе мир не имеет конца. Он лишь начало, всего-навсего узенький перешеек в огромном океане миров, открытом для твоего пробуждающегося восприятия.

— Насколько далеко я смогу видеть? — спросила Минако, вглядываясь в даль.

— Это зависит от многого, — ответила лиса. — Дар „макура на хирума“ — „тьма в ясный день“ — проявляется во всех, кто им владеет, по-разному. Но я знаю больше других, и мне известно, что твоя сила огромна. Через несколько лет она затмит даже мою, тоже немалую. И это вполне естественно, ибо твоя судьба особая, даже по сравнению с нами. Ты скоро попадешь в водоворот внутренней войны между фракциями в „Тошин Куро Косай“. Нас одолевают сомнения. Кто, скажи, в обществе Черного клинка все еще верит в прежние порядки, в предопределенность судьбы Японии? Кто, скажи, тайно пытается приспособить Японию к жизни и требованиям современного мира?

Наши люди умирают внезапно и таинственно. Или же бесследно исчезают. Что стало с ними? Кем убиты те, чьи тела нами не обнаружены?

Мы набрасываемся друг на друга, как бешеные собаки. Даже я не знаю, чем закончится эта война. Никто не знает. Но она должна прекратиться, прежде чем кому-либо из нас взбрет в голову в еще большей степени использовать свою силу в обычных мирских делах. До сих пор мы применяли ее только для косвенного влияния на события, но сейчас, похоже, наступает время, когда кто-то из нас не захочет удовлетвориться отсиживанием за ширмой и дерганием за ниточки. Мир недолго просуществует, если мы станем открыто и напрямую применять „макура на хирума“. Только представь себе императора, премьер-министра или президента, обладающего этой силой!

Она содрогнулась.

— Ты, внучка, должна предотвратить такой поворот событий. Помни об этом всегда. Вопреки распространенному мнению, бывает и так, что порой у человека сил оказывается чересчур много.

Как показала история, моральное разложение начинается сверху. Соблазн постоянно проявлять свою силу станет непреодолимым даже для нас, стоящих выше простых

смертных. Совершенно очевидно, что чем больше мы воображаем, что все у нас под контролем, тем меньше мы способны осуществлять такой контроль.

Будь осторожной, дитя мое, и старательной. Мне открылось, что через тебя в мир войдет тот единственный ребенок, та личность, которой суждено покончить с этой войной. Из-за этого у тебя появятся враги, могучие враги, которые сделают все, чтобы любой ценой тебя уничтожить.

— Ты пугаешь меня, бабушка.

— Это хорошо. Страх лучше всего учит осторожности, коварству и хитрости. Пребывай в тени, внучка, пока не придет твой черед.

— Как я распознаю того ребенка, бабушка?

— Не знаю. Это такое будущее, которое даже мы не можем разглядеть или предугадать. Когда ты родилась, я получила намек относительно твоей судьбы, но только сейчас, открыв твой дар и сумев разглядеть природу твоего сверхразума, я узнала, что тот единственный ребенок войдет в мир через тебя.

Минако раскинула руки, наслаждаясь ощущением тьмы, обвивающей ее подобно кольцам гигантского змея. Жизнь вдохнула в нее свою волшебную силу. Как прекрасно обладать ею, родить того необыкновенного ребенка! Она сконцентрировала свои мысли на нижней части живота. Ей еще так мало лет, но великолепное, ранее неведомое ощущение дара „макура на хирума“ позволило ей представить, что такое носить в себе новую жизнь.

Лиса, казалось, стала больше в размерах.

— Вопреки тому, о чем ты сейчас, возможно, думаешь, сила твоего дара станет для тебя тяжким бременем. Весьма скоро время перестанет служить для тебя преградой, и тогда перед тобой откроется будущее.

— Как замечательно! — воскликнула Минако, хлопая в ладоши.

— Глупая, глупая ты девочка! — строго промолвила лиса. — Видеть будущее — ужасный удел. Ты уж поверь тому, кто знаком с этим. Подумай только, каково читать чужие мысли, зная заранее, что сделают окружающие тебя люди... Тебе кажется, что это довольно забавно, так ведь? Считаешь это преимуществом? Но в таком случае представь себе какофонию голосов, которую тебе придется слышать беспрерывно, изо дня в день. Сколько ты сможешь терпеть такую нагрузку?

Лиса обошла вокруг Минако, волоча задние лапы, как бы рисуя на земле некую фигуру.

— То же самое и с будущим. Груз событий увеличивается до бесконечности, до тех пор, пока не станет невыносимо тяжким. Некоторые из нас сходят с ума.

— А как же другие? — спросила Минако. — Ведь должен быть какой-то выход.

Лиса снова улыбнулась своей непередаваемой улыбкой, и Минако поняла, что бабушка ею довольна.

— Да, — сказала лиса. — Есть два выхода. Одним из них воспользовалась твоя мать, эта тупая скотина. Он состоит в том, чтобы закрыть себя от „макура на хирума“. Другой выход подразумевает жизнь, полную лжи, обмана и хитрости.

— И надо выбрать из этих двух?

— Да, — кивнула лиса.

— Я хочу, — произнесла Минако, — видеть так далеко, как только возможно.

Кабуто лизнула свой мех с довольным видом.

— Тогда тебе суждены великие дела, дитя мое, — промолвила она, подняв свою треугольную мордочку и прозая внучку острым взглядом. — Великие и ужасные, ибо, даже несмотря на всю твою силу, тебе встретятся проблемы — отдельные периоды будущего, которые ты не сможешь разглядеть. Возможно, тебе придется иметь дело и с другими случаями, когда ты будешь видеть те или иные грядущие события, но не сможешь их предотвратить. Ну да ладно, ты многого пока не понимаешь. Однако знай: избрав свой путь, ты уже не сможешь отклониться от него. Если дар „макура на хирума“ разбужен, его уже никакими силами не вернуть в ту темницу, где он томился прежде.

— Я понимаю, бабушка, — сказала Минако серьезно.

— Верю, внученька, верю, — произнесла Кабуто-лиса, и впервые в ее голосе прозвучала нотка удивления...

Сколько же дней и ночей было в уже длинной теперь жизни Минако, когда она сожалела о решении, принятом ею в то утро на кладбище? Гораздо меньше, чем тех, когда она наслаждалась своей силой. Но как часто ее мучили подозрения, что бабушка хитростью подтолкнула ее тогда к выходу на дар „макура на хирума“. И все же, странное дело, ее любовь к Кабуто от этого только возросла.

Минако лежала в полной темноте, прислушиваясь к едва доносящемуся шуму деревьев и ночным звукам. Разум ее снова отключился от действительности.

Перед ней возник образ Юджи. И тут, впервые с тех пор, как сын был маленьким мальчиком, когда она решила изолировать его от „Тошин Куро Косай“, Минако испытала страх за него. Но вслед за этим почувствовала его разум и

разум Оракула, и это чувство придало ей уверенности. На какое-то время она позволила себе отдаться тому душевному подъему, который сопутствовал созданию биокomпьютера. Разумеется, он еще несовершенен, а его потенциал до конца неизвестен даже ей. Но она верила, что ее дети, Юджи и Хана, преодолеют последнее препятствие и это создание заработает на полную мощность. Разве это не причина для душевного подъема? Хотя Оракул с самого начала и создавали Юджи и Хирото, все-таки это была она, Минако, кто убедил Юджи в целесообразности этого дела, подтолкнул его к работе над ним, поддерживал в те моменты, когда неудачи грозили сорвать проект. Что же будет теперь, когда Оракул готов и функционирует?

Неожиданно Минако села, схватившись за живот. На какой-то миг она испугалась, что ее вырвет. Ее охватил внезапный, необъяснимый страх. Будущее оказалось закрытым для нее, и она поняла предупреждение. Ее дар позволял ей видеть фрагменты будущего, но не все они в дальнейшем воплощались в реальность. И вот возник пробел, недоступный для ее видения, и это обеспокоило ее. Может быть, это тот самый единственный просчет, который окажется роковым для них всех?

Теперь ей казалось, что она чувствует, как давит на плечи груз, который она несла все это время. Но ведь и ей пришлось ходить по лезвию ножа с того самого момента, как она сознательно решила пойти против злоупотребления силой Достопочтенной Матерью.

Казалось, что Достопочтенная Мать каждый день придумывает что-то новое. Не удовлетворяясь уже физическим уничтожением тех, кто противостоит ее власти, она вознамерилась открыть новые способы усиления своих и без того огромных способностей к „макура на хирума“. Минако, прожившая достаточно долгую жизнь, чтобы уметь разбираться в таких вещах, прекрасно понимала, что дар „макура на хирума“, которым обладает Достопочтенная Мать, оказался слишком силен и что та окончательно свихнулась. Долг Минако требовал остановить ее любой ценой, а для этого необходимо было оружие, способное испелить Достопочтенную Мать, независимо от того, успеет ли она или не успеет воспользоваться грозной силой „макура на хирума“.

Откровение пришло к ней два года назад, когда вдруг вспыхнул ослепительный свет, повергший ее на колени и заставивший предположить его божественное происхождение. Именно тогда в ее мыслях занял место Человек без лица — Вулф Мэтисон.

Суббота выдалась пасмурной и хмурой. Погода вконец испортилась. Мертвенно-бледные вспышки молний то и дело сверкали над макушками густых крон деревьев. Вскоре полил дождь, и его крупные капли громко, как град, забарабанили по асфальтовым дорожкам и оконным рамам.

Стиви позвонил муж, и, едва рассвело, она укатила в город, чтобы решить какой-то важный для него вопрос, пообещав вернуться к обеду.

Вулф намеревался спать весь день, но ему не спалось. Хотелось вернуться к себе в офис и возобновить расследование дела, способного вызвать резонанс глобальных масштабов.

Порывшись в стенном шкафу, он отыскал макинтош, явно принадлежавший блудному Мортону, и отправился к „Джорджику“. В такую погоду дома по ту сторону пруда различить довольно трудно, сколько ни всматривайся. Вулф, однако, разглядел вдали очертания гнезда цапли-рыболова на деревянном песте. В этот момент изящная птица, темная от дождя, оказалась рядом с гнездом. Она принесла в клюве пучок прутьев и принялась старательно укладывать их, устраняя повреждения, нанесенные непогодой.

Пристроившись под деревом, Вулф смотрел невидящим взглядом на серые воды. Что же делать? Когда же отыщется Чика? По правде говоря, он понятия об этом не имел. Чувствовал лишь, что какая-то часть его „я“ противится тому, чтобы выслеживать девушку. Ну а что, если она виновна во всех этих смертях — Аркуилло, Джуниора Руиза, Моравиа и Аманды? Конечно, все было бы гораздо проще, если бы он точно знал, что убийца — Сума. Но уверенности в этом не было. Более того, улики, хотя и косвенные, указывали на Чика. Обнаруженный им в вещевом отделении черной „Файерберда-87“ обрывок опаленной огнем, но не обуглившейся декоративной ткани, которую Чика использует в своих скульптурах, недвусмысленно указывал на ее причастность к убийству. С другой стороны, его могли специально подбросить на место преступления. Или это пустая мысль, бессознательная попытка выгородить Чика? Все может быть, но поспешные выводы всегда опасны.

Вулф давно привык к туманным и запутанным делам, из которых, в общем-то, и состоит работа детектива. Но тут он столкнулся с чем-то иным, непривычным. И все из-за Чики, точнее, из-за его влечения к ней, которое

давало о себе знать, поселившись в нем, как некое живое существо, самостоятельное и требовательное.

Но лучше уж размышлять о своем влечении к этой женщине — возможно, убийце, врагу, члену общества Черного клинка, — чем слишком долго задумываться над тем, что связано с огнем, сжегшим Аркуилло изнутри и превратившим его лицо в горящую массу.

Он уже много времени провел у пруда, впитывая в себя запахи весны, вслушиваясь в поскрипывание деревьев, в крики чаек и плеск воды. Его пальцы побелели от холода, а в травмированной ноге зашевелилась боль. Вздохнув, он поднялся и нехотя побрел в дом.

Через какое-то время Вулф услышал, как к дому подъехала машина. Он приблизился к окну, обращенному к главному входу. Уже почти стемнело, в доме горел свет, зажженный автоматическим реле. Вулф включил наружные фонари. Из отступившего сумрака выплыл подъездной путь с потрескавшимся асфальтовым покрытием, дорожка из мшистых камней, ведущая к парадной двери со старинными бронзовыми светильниками по обе стороны.

Вулф ожидал увидеть принадлежащий Стиви джип „Чероки“, но вместо него к стоянке перед гаражом подрулил новенький, сверкающий черным лаком „корветт“. Из автомобиля вынырнула фигура. Женская.

Вулф направился к входной двери и открыл ее навстречу ночному ветерку, на пороге весны не такому уже холодному. Он вышел на крыльцо, позволив двери с шумом захлопнуться за ним. Дождь к этому времени прекратился, но в воздухе висела всепроникающая сырость.

Следя за приближающейся по узкой дорожке женщиной, Вулф вдруг понял, что видит ее не впервые, и от осознания этого у него слегка закружилась голова.

Его взору открылось лицо, на котором выделялись блестящие в свете фонарей большие черные глаза, высокие скулы, чувственный рот и маленький, но волевой подбородок. Густые прямые волосы, зачесанные назад и гривой ниспадающие на плечи, не скрывали высокого ясного лба. Одежда состояла из очень короткой черной юбки поверх черных лосин и просторного свитера горчичного цвета, под которым угадывались сильные плечи и высокая грудь. В ушах сверкали великолепные черные опалы. На стройных ногах красовались черные сапожки, руки были затянуты в черно-белые автомобильные перчатки из тонкой кожи. Шла она уверенной, почти агрессивной походкой.

Для Вулфа в этот миг сон, фантазия и реальность

слились воедино. Растерянность, шок, ощущение вины и желание накрыли его с головой одной мощной горячей волной, ибо по ступенькам к нему поднималась Чика, известная ему как пособница Сумы, фотограф, художница, снайпер и возможная убийца четырех человек, японка Чика.

— Клубы, по-моему, тем и хороши, — заметил Торнберг Конрад III, раскуривая сигару, — что можно держать под контролем, кто в них входит, а кто выходит. — Когда-то весь мир был таким. Но с тех пор успело смениться целое поколение, и мне, наверное, пора избавляться от чувства, что раньше все было лучше. — Он с сердитым видом пыхнул сигарой. — Я в курсе всех научных новинок по части медицины, электроники, компьютеров и биотехники. Так что не думай, что я впадаю в старческий маразм.

— Да мне это и в голову не приходило, — сказала Стиви.

Губы Торнберга сложились в типичную для него холодную усмешку.

— Вы, леди, явно знаете толк в нарядах.

— Благодарю за комплимент, — ответила Стиви.

Она положила одну ногу на другую, устраниваясь в кресле поудобнее. Оставив Вулфа дома, она поехала не в город, а в аэропорт Ист-Хэмптона, затратив на дорогу всего десять минут. Там ее уже ждал личный самолет Торнберга.

Он с интересом наблюдал, как при затяжке кончик сигары разгорается до вишнево-красного цвета.

— Это так, особенно если учесть, что я послал за тобой самолет без всякого предупреждения. А опыт говорит мне, что надо ценить женщин, умеющих одеваться быстро и красиво, — продолжал он, подняв на нее взгляд и успев заметить на ее лице едва мелькнувшую улыбку. — Ты, несомненно, со мной не согласна.

Он расхохотался, но трудно было понять — от собственной шутки или же просто от ощущения своего превосходства над окружающими.

Клуб „Магнолиевая терраса“, куда Торнберг пригласил Стиви, находился, строго говоря, не в Вашингтоне, а в сельской местности штата Виргиния. Он славился великолепным полем для гольфа, где в прошлом не раз проходили крупнейшие соревнования Ассоциации профессионального гольфа. Кроме того, клуб получил широчайшую известность благодаря своей школе верховой езды, давшей миру ряд лучших игроков в американское поло. Он, само

собой разумеется, относился к числу полузакрытых в том смысле, что его членами не могли стать люди, не принадлежавшие к какому-нибудь старинному роду, даже если они и располагали деньгами и пользовались большим влиянием.

Торнберг и Стиви завтракали на широкой закрытой веранде главного здания клуба с традиционно тесовой обшивкой, общая площадь которого составляла тридцать тысяч квадратных футов. Многоскатная крыша с четырнадцатью коньками отличала его от всех соседних зданий. Почти во всех комнатах — широких и просторных — на стенах висели написанные маслом портреты отцов-основателей США. Часто по вечерам перед верандой в огромном внутреннем дворе, покрытом каменными плитами, играли оркестры, увеселяя многочисленную публику во время званых ужинов с танцами, которые клуб устраивал в благотворительных целях.

На принадлежавшей клубу территории в пятьсот акров были расположены семнадцать строений. Помимо гигантского главного здания, тут размещались конюшни, выгоны, роскошные коттеджи для гостей — собственность группы старейших членов клуба, скаковые круги, площадки для поло и, разумеется, прославленное поле для гольфа.

— Но я, опять же, люблю, когда со мной не соглашаются, — продолжал Торнберг. — Ничто так не взбадривает старое серое вещество, как словесная дуэль.

Он ловко стряхнул с сигары пепел в створку раковины.

— Понравился завтрак? Хорошо. Эти ипсуичские* устрицы прямо из моря. Их доставляют сюда каждое утро на нашем самолете.

Он отвлекся, чтобы поприветствовать сенатора Доуда, председателя сенатской комиссии по контролю над вооружениями. С Доудом, как, впрочем, и почти со всеми ведущими членами конгресса, его связывала старая дружба.

— Полагаю, ты ждешь, когда же мы наконец заговорим о деле, — обратился Торнберг к Стиви, когда сенатор удалился.

— Я просто привыкаю к вам.

— Вот как? Это все, несомненно, твоя специальность психолога.

— Не просто психолога, а психоаналитика.

— Да-да, ты говорила уже, что у вас, психиатров, это

*Ипсуич (*Ipswich*) — порт в Великобритании. — *Прим. ред.*

так называется, — сказал он и небрежно махнул рукой, как бы давая понять, что вопрос исчерпан. — Терпение. Чертовски важно, скажу тебе, уметь выбрать наиболее подходящий момент для перехода речки вброд. — Торнберг покачал головой. — Я пытался научить этому своих ребят, но, боюсь, они не до конца усвоили мои уроки. — Он недовольно крикнул. — Раньше я считал своим злым роком мою первую жену, но в последнее время пришел к выводу, что мое потомство тоже отмечено этой печатью, — заметил он и откинулся в кресле. — Все мои дети, кроме Хэма. Из него вырос отличный парень. Герой Вьетнама, с первоклассными мозгами и потрясающе развитым чувством долга перед нашим родом. Любой отец мог бы гордиться таким сыном.

— Я рада, что вы так гордитесь по крайней мере одним из своих сыновей. А ему вы это говорили?

— Разумеется, нет, — отрезал Торнберг, стряхивая пепел с сигары. — Похвала только портит характер.

— Даже заслуженная?

У него возникло ощущение, будто она профессиональным жестом достала записную книжку и наострила карандаш. Она ему нравилась — умненькая, даже слишком. Но ему сейчас вовсе не требовалось, чтобы она выпендрилась перед ним и демонстрировала свой интеллект. Он выпрямился в кресле так неожиданно, что Стиви даже напряглась.

— Ну как, поговорим о деле? Опиши мне эмоциональное состояние Вулфа Мэтисона, — потребовал он.

Стиви переменила позу.

— Я хочу абсолютно четко знать, для чего все это нужно, — сказала она.

Торнберг смотрел на кончик своей сигары.

— Я рад, что ты так осмотрительна, — произнес он, бросив на нее острый взгляд и выпустив облако ароматного дыма.

— Это больше, чем осмотрительность, — пояснила Стиви. — Я чувствую ответственность. Вы попросили меня раскрыть, чем живет другой человек. Я не могу, не имею права делать это просто так, без основательных причин.

— Понятно. До сих пор я многое скрывал от тебя. Вполне сознательно, поскольку это и для тебя лучше, и соответствует правилам национальной безопасности. — Он затаился и выпустил дым. — Лоуренс Моравиа был шпионом, Стиви, работал на правительство США. Он действовал на основе имеющейся в Вашингтоне информации, что кто-то выдает американские промышленные секреты

японцам. И не просто японцам, а очень опасной японской организации, о которой я уже говорил, — „Тошин Куро Косай“. — Произнося это название, он неодобрительно хмыкнул: — Ладно. Теперь, вырвав из меня это признание, ты, надеюсь, удовлетворена.

— Конечно, теперь мне легче, — отозвалась Стиви. — Но одно мне все-таки неясно. Если вы настолько цените Вулфа, то почему бы вам не переговорить с ним лично? К чему использовать меня в роли посредника?

— Ответ, дорогуша, прост. На этом основана вся разведка. Мэтисон, что называется, снабжен предохранителем. По соображениям безопасности он преднамеренно не имеет выхода на меня. И наоборот. — Увидев недоуменное выражение ее лица, он пояснил: — Проще говоря, если он попадется, то у него не будет сведений, которые вывели бы общество Черного клинка прямо на меня.

Стиви молчала, переваривая свалившуюся на нее информацию. Торнберг даже забеспокоился, не окажется ли все это для нее слишком неожиданным. На данной стадии ему не хотелось бы спугнуть ее.

— Стиви, — произнес он наконец, — уверяю тебя, что поставленная нами перед Мэтисоном задача — как раз то, что ему позарез нужно.

— Я понимаю, — отозвалась она.

— Ну а тогда я хотел бы услышать то, о чем просил, — сказал он, не выпуская сигару изо рта. — Мэтисон нужен мне для этого расследования, Стиви. Я не могу без него обойтись.

Она расслабилась в кресле, входя в знакомую роль психоаналитика.

— Предупреждаю: то, чем я занимаюсь, нельзя назвать точной наукой.

— Бессмысленное слово, — отозвался он, благосклонно кивая. — Точной науки не бывает. Давай ближе к делу.

— Похоже, что удар при падении не нанес ему никаких душевных травм, — начала Стиви. — Если на то пошло, то, по моим наблюдениям, он даже стал более сильным и решительным, чем прежде.

— А физически как?

— При падении через стеклянную крышу можно переломать все кости. Ему исключительно повезло. Раны весьма глубокие, но с вашей помощью мы удостоверились, что нервы не задеты. Он проявил замечательную способность восстанавливать свои силы: не испытывает почти никаких осложнений после операции, а прошло всего лишь десять дней.

— А можно считать, что под твоим контролем он физически полностью вошел в норму? — спросил Торнберг, разглядывая огонек на конце сигары.

Стиви немного задумалась, неподвижно сидя в кресле и наблюдая, как красивая голубоглазая блондинка ведет лошадь через дорожку на поле для гольфа.

— Он ходит, сгибается, поднимает тяжести, — сказала она, наклонив голову и глядя на свои руки, — внешне безболезненно. Даже если и испытывает при этом затруднения, то не говорит. Способность к выздоровлению у него потрясающая.

Торнберг хмыкнул и зажег спичку, вновь раскуривая погасшую сигару.

— Твой муж почти гений, поэтому я и организовал ему работу в Вашингтоне везде, где только возможно, — сказал он. — Но гениальность не помешала ему оказаться дерьмом, не так ли?

— В мире хватает всякого дерьма, — уклончиво отозвалась Стиви. — Я делаю все, чтобы его было поменьше, и если хоть кому-то принесла пользу, то это мне приятно.

— То же самое можно сказать и про Мэтисона, — произнес Торнберг, с легким свистом выпуская дым и буравя ее глазами. — Ты ведь мне веришь? Не считаешь же ты, что я вовлек тебя в какое-то грязное дело, чтобы встать слежку за каким-то фараоном.

— Я не люблю таких выражений.

Торнберг понимающе кивнул.

— Приношу глубочайшие извинения. В мои намерения не входило обидеть тебя, — сказал он, сообразив, что зашел слишком далеко, хотя это и требовалось для определения текущего эмоционального состояния собеседницы. — Просто я знаю, как привлекателен Мэтисон, как тебе понравилось ухаживать за ним и как мало ты видишься с Муртоном.

Торнберг знал, что самой сильной и опасной стороной Вулфа Мэтисона является его умение завоевывать преданность окружающих. Требовалось принять контрмеры, поэтому он продолжал:

— Если будешь, скажем так, равнодушной к нему, то можешь оказаться в неловком, мягко говоря, положении. Он скоро отправится за границу, и, возможно, не один, а с женщиной. Тебе лучше в это никак не вмешиваться.

Она посмотрела на него в упор, но не промолвила ни слова.

— Как я уже говорил, к Мэтисону я испытываю лишь глубочайшее уважение, поэтому и хочу, чтобы он участвовал в этой драке.

— Но ведь драка-то ваша? — заметила Стиви.

„Быстро соображает“, — подумал про себя Торнберг.

— Да, — согласился он вслух. — Но я гарантирую, что это для него лучше, чем та ситуация, от которой он избавится. Даю слово, в конечном счете в этом деле ты его поддержишь.

— Будьте уверены, меня не прельщает роль подруги, которой остается только догадываться, что к чему, — сказала Стиви с улыбкой и, наклонившись, пожала ему руку. — Я знаю, какую большую помощь вы оказали мне... И Мортону тоже. Я вам весьма признательна за все это.

— Ты мне нравишься, Стиви. В самом деле нравишься, — промолвил Торнберг. — Про большинство других людей, включая собственных детей, я бы так не сказал. Ты умна, и тебе не плевать на других. В нашем теперешнем мире такие качества особенно ценны. Хэм такой же, и, хотя я бываю излишне требователен к нему, это идет ему только на пользу. Я ему благодарен.

— Тогда мы понимаем друг друга.

— Разумеется, понимаем, — кивнул Торнберг и выпустил клуб дыма, чуть не поперхнувшись.

„Есть повод для смеха, — подумал он. — Президент воображает, будто Хэм работает на него, а эти тупые генералы в Пентагоне уверены, что на них. Но это не так. На самом деле, — удовлетворенно отметил про себя Торнберг, — он работает на меня. А в каком-то смысле они все на меня работают, в том числе и эта рафинированная фифа, воображающая, что видит всех насквозь. Я же умнее всех их, вместе взятых, включая сюда и Вулфа Мэтисона“.

— Вы смотрите так, будто я вас съем, — сказала девушка, в которой Вулф узнал Чикку. На ее лицо падал свет от фонарей. Черные опалы в маленьких ушах вспыхивали красными, зелеными и синими искрами.

Вулф молчал. Его разум заполнили неясные картины, связанные с сексом и смертью, и он смотрел на нее, пока ему не начало казаться, что она, словно богиня, окружена каким-то таинственным ореолом. Перед его мысленным взором вставали образы Чики: перепрыгивающей через сточную канаву под дождем, впархивающей через заднюю дверь в катафалк, стоящей на широко расставленных ногах с пистолетом на изготовку посреди холодной, насквозь продуваемой улицы перед двумя вооруженными грабителями. Затем она вспомнилась ему стоящей — тоже с широко расставленными ногами — посреди ее необычной

квартиры и страстно ласкающей свое собственное тело. А потом перед ним всплыл образ Аманды, мертвой, лежащей в луже крови с диктофоном у головы, снова и снова воспроизводящим запись ее слов, адресованных ему.

Он почувствовал, как у него в ушах с ураганной силой застучал пульс, а ладони стали мокрыми от пота.

— Я был на выставке, — выдавил он наконец из себя. — Видел ваши конструкции. Они вызывают чувство тревоги. Видел и сделанные вами фотографии искусно связанных женщин, еще более тревожащие. А еще я видел, как вы грозили пистолетом уличной шпане и как садились глухой ночью в катафалк. Наверное, я вправе проявлять настороженность.

— У меня есть разрешение на ношение оружия.

— В этом я не сомневаюсь. Обращаетесь вы с ним вполне профессионально.

— Я могу войти? — спросила она, разводя руки. — Оружия у меня с собой нет. Хотите обыскать?

О да, он хотел. Однако виду не подал. Сердце у него билось так, что, казалось, выпрыгнет из груди.

— Как вы меня нашли? С какой целью? — спросил он и тут же подумал, почему она не спрашивает его, зачем он следил за ней. Наверное, уже и так все знает. Вулф внутренне содрогнулся от осознания того, что страшится ее. А может быть, и не ее самой, а того, насколько властно она его влечет к себе.

— Я хочу, чтобы вы узнали обо мне правду. Между нами гораздо больше общего, чем вы думаете, — донесся до Вулфа ее голос.

В ушах у него звенело. Он почувствовал, как струйка пота медленно поползла у него по спине.

— Вы не объяснили, как нашли меня.

— Этого не расскажешь одной фразой, — ответила она. — Может быть, вы позволите мне объяснить? Или вы уже заочно осудили и приговорили меня?

— Входите, — сказал он.

Она вошла в дом Стивви. Вулф следовал за ней и не мог оторвать взгляд от ее ягодиц. Она уселась на край оббитой цветастым ситцем софы. Вулф занял стул напротив. Он смотрел на нее, не мог не смотреть, и чувствовал себя все более беспомощным, очарованным, заигнотизированным. Во рту у него пересохло, а на виске напряженно билась жилка.

— Как насчет чашки чая для меня? — спросила она. — От центра города, да еще с пробками на дороге, ехать пришлось довольно долго.

Они прошли на кухню. Вулф поставил чайник на огонь и стал рыться в шкафчике.

— „Эл Грей“ подойдет? — спросил он.

— В самый раз.

Потом он стоял и смотрел, как она пьет чай, темный и крепкий, как жидкая бронза. Она, казалось, была поглощена этим ритуалом.

— Расскажите мне о Суме! — потребовал он.

— О ком, о ком?

— Вы его знаете. Водяной Паук.

— Сума из „Тошин Куро Косай“, общество Черного клинка. Я не думала, что вам известно...

— Моравиа и общество Черного клинка, — перебил он ее. — А вы связующее звено между ними.

Она посмотрела на него. Он определенно заинтересовал ее.

— А почему вы так считаете?

— Потому, — произнес он, — наклоняясь и кладя руки на спинку стула, — что я видел фото, на котором вы и Сума болтаете между собой, переходя улицу в Токио.

— Я не виделась с Сумой семь месяцев.

— Неправда. Фото сделали прошлой осенью, не больше пяти месяцев назад.

Она повернулась к нему спиной и уставилась в окно, за которым во тьме шумели деревья.

— Значит, у меня тут все пошло не так, как надо, — проговорила она.

— Пока что я не услышал ничего, чему мог бы верить.

— Да, вы не можете. Я вижу, — сказала она, глядя на него в упор. — Вы чересчур агрессивно настроены по отношению ко мне.

Они стояли друг против друга, разделенные самым обыкновенным столом.

— Мне трудно не считаться с имеющимися у меня уликами уже только потому, что вы говорите мне неправду, — сказал он. — Думаете, я шучу? То, что мне известно, говорит о том, что вы убили нескольких человек. Я, например, знаю, что Моравиа использовали для проникновения в ваше общество Черного клинка.

— Оно не мое, — поправила она.

— Я также знаю, что Сума — один из лучших профессиональных убийц этого общества, и его заприметили здесь. Еще я видел, как вы и Сума болтали между собой, как...

— Фото. Вы видели фото, снятое скрытой камерой. Вы не...

— ...как двое убийц, вспоминающих прошедшие деньки. Я обнаружил кусок ткани от ваших конструкций в сожженной машине. Этот „Файерберд-87“ заметили во время операции по поимке убийцы-рецидивиста, и как раз тогда один из моих людей был убит, а у преследуемого мной преступника все лицо превратилось в кровавую кашу. Вот какая информация связана у меня с вами.

— И это все? — переспросила Чика не моргнув глазом. — Ну нет, есть еще кое-что. Почему вы не все говорите? Разве вы не хотите рассказать, как лазили в окно моей студии?

У Вулфа внутри не то что заглохло — там забушевала ледяная буря.

— Вы знали, что я там?

— Да, — ответила она, засовывая руку себе между ног.

— Тогда, ради бога, ответьте, зачем вы устроили мне это представление?

Чика обогнула стол, встав к Вулфу так близко, что он почувствовал ее запах, запомнившийся ему при обследовании потайной комнаты Моравия и ее собственной квартиры.

— Я сделала это, — произнесла она, делая упор на каждом слове, — потому что тебе хотелось именно этого.

— Я оказался там, чтобы раскрыть вашу связь с Сумой.

— А не ради этого? — спросила она, прижимая его руку к своему лбу.

— Нет!

Он отдернул руку, словно боясь, что японка найдет на него пламя и он обгорит до неузнаваемости, точь-в-точь как Аркуилло.

— Да, кто-то сейчас лжет, — заметила Чика.

На вид ей было не больше двадцати, но поведение и уверенность в себе скорее соответствовали женщине лет на десять старше.

Вулф обошел вокруг и остановился.

— Пора бы вам объясниться, — потребовал он.

— Если вы готовы выслушать, — откликнулась она и, поскольку он промолчал, продолжала: — Во-первых, меня очень ловко подставили. Кто угодно мог отодрать кусок ткани от моей конструкции. Даже если бы я убила вашего сотрудника или вела ту самую машину, то неужели вы считаете, что я настолько глупа, чтобы оставлять такую улику?

— Ошибки совершают все, — подчеркнул Вулф. — Думаю, что даже вы не исключение.

На ее лице промелькнула тень улыбки.

— Во-вторых, что касается фотографии, то вы правы. Ее, должно быть, сделали прошлой осенью. Я встречалась с Сумой в октябре.

— Значит, вы из общества Черного клинка!

— Да! — в голосе Чики прозвучала нотка ярости. — И нет.

— Либо да, либо нет, — отрезал Вулф. — Так что же?

— Я вам завидую, — произнесла Чика, усаживаясь. — Весь ваш взгляд на мир такой черно-белый. Вот тут, по одну сторону, то, что вы защищаете, а там, по другую, — то, против чего должны бороться.

— Это вовсе не так, — возразил он, присаживаясь рядом.

Она подняла голову.

— Тогда почему вы с такой готовностью записываете меня в преступницы? Я и за „Тошин Куро Косай“, и против него. Для Сумы я состою в этом обществе, а для вас — нет.

— Работаете на наших и на ваших?

— Сначала вам нужно дойти до понимания, что „Тошин Куро Косай“ объединяет людей, обладающих... силой, превосходящей обычные понятия.

Вулф вспомнил лицо Аркуилло, слова Бобби о голубой шаровой молнии, возникшей в темном переулке Баррио, и ему показалось, что внутри него зашевелились гадюки. На какой-то миг ему почудилось, что он слышит заклинания Белого Лука. Но только на миг.

— Что это за сила? — спросил он охрипшим голосом.

— В каждом она проявляется по-разному, — ответила Чика. — У большинства увеличивается продолжительность жизни. Многие обладают также даром ясновидения — „макура на хирума“. Они способны предвидеть будущее или же читать мысли других людей. Но этот дар, как правило, ненадежен. То, что удалось разглядеть в будущем, может и не произойти, а иногда предсказания вообще не срабатывают.

Вулф смотрел на нее, чувствуя, как его до костей пробирает холод.

— Это далеко не все, — заметил он.

— Да, не все, — согласилась Чика. — Но я не вижу смысла сейчас...

— Расскажите мне еще.

После некоторого колебания она кивнула головой в знак согласия и продолжала:

— В некоторых случаях эта сила проявляется в скрытой, постоянно меняющейся форме, и тогда она похожа на

тень, на нечто живое, что некоторые люди могут ощутить и, возможно, даже увидеть в пределах своего поля зрения. В таком концентрированном состоянии сила способна на многое. Она, например, может действовать как невидимый кулак, перемещать неодушевленные предметы. Она способна причинять боль и даже приносить смерть другим людям. С ее помощью можно создавать участки пространства, лишенные воздуха или света.

— А породить огонь? — вырвался у него вопрос.

— Да, и огонь тоже.

Вулф испытал такое чувство, будто его охватило и закрутило что-то огромное и темное. Призрачные гадюки вырвались наконец на свободу, и лишь огромным усилием воли он сдержал позыв к тошноте.

— Члены „Тошин Куро Косай“, или общества Черного клинка, считают себя своего рода ангелами-хранителями Японии, — объясняла Чика. — Их священный долг, как они его понимают, заключается в том, чтобы обеспечить Японии экономическое лидерство в мире. Члены общества представлены во всех слоях японского общества. И они действуют сообща. В основном благодаря им Япония добилась экономического расцвета. Но этот расцвет, так называемое экономическое чудо, всего лишь первый шаг к цели, поставленной „Тошин Куро Косай“. А эта цель — тотальное господство Японии в мировой экономике.

— Мне все это в основном известно, — заметил Вулф.

Чика улыбнулась.

— Постепенно, — сказала она, — среди членов общества появились те, кто не разделяет планов „Тошин Куро Косай“ относительно будущего Японии. И они стали противодействовать им без ведома руководства общества Черного клинка.

— Вы хотите сказать, что внутри него идет война?

— Да, война, — кивнула она. — Но особая, потому что она ведется подпольно, за кулисами, и ее участники используют не обычное оружие, а свои исключительные способности.

— Какие же это способности?

— Вы чуть не стали последней по счету жертвой в этой войне.

Вулф глубоко вздохнул.

— Это, наверное, случилось в ту ночь, — промолвил он, — когда убили мою подругу Аманду и я погнался за убийцей?

— Вы не поняли, — возразила Чика. — Аманда была вашей подругой, а лучшую приманку, чтобы обеспечить

ваше появление в нужном месте и в нужное время, вряд ли придумаешь.

В последовавшей после этого заявления тишине естественно громким показался Вулфу бой старинных часов из позолоченной бронзы, стоявших на камине в гостиной. Часы пробили час ночи, и казалось, будто их звон висел в воздухе, не утихая, целую вечность.

— Что вы имеете в виду? — спросил он наконец.

— А то, что в ту ночь убить должны были вас. Аманда в этом деле играла роль приманки, не больше. Поразмыслите-ка над этим. Все шло по плану.

— Вы не правы, — возразил Вулф. — Я звонил ей тогда по телефону. Звонил, потому что мне приснился кошмарный сон про нее. Причем он казался таким реальным, таким... — Что-то в выражении лица Чики заставило его оставить эту тему. — Разговаривая с ней, я почуял, что тут что-то не то. По-моему, это была не она, — закончил он.

— Я уверена, что не она, — мягко произнесла Чика. — Это были люди из „Тошин Куро Косай“.

— Меня предупреждали, что они постараются добраться до меня, так же как добрались до Моравиа, — сказал Вулф. — Но, наверное, я не поверил, что это произойдет, да еще таким образом.

— Люди „Тошин Куро Косай“ жестоки. Это входит в их понятие об образе жизни.

— Так же, видимо, как и обман, — проговорил он, глядя на нее и тщетно пытаясь проникнуть в ее мысли. — Может быть, вообще все это сплошной обман.

— Может быть, — согласилась Чика, сидя абсолютно неподвижно, совершенная в своей неподвижности. — Слова тоже часто вводят в заблуждение, и вы знаете это не хуже меня. Я, однако, осмелюсь сказать следующее: сейчас общество Черного клинка больше всего опасается, что вы и я объединим свои силы. Вот почему они пошли на самые крайние меры, чтобы вызвать у вас недоверие ко мне.

— Если все, что вы сообщили мне, правда, то это значит, что я наверняка у них под колпаком.

— Именно так.

— Чуть! — воскликнул он. — С моим опытом — опытом полицейского — я бы заметил, что за мной следят.

— Ну почему же? Вы же не предполагали этого, — парировала Чика. Яркий свет от ламп, казалось, зажег пламя в ее глазах, и Вулф разглядел, какие же они у нее темные. — Не забывайте, эти люди не такие, как вы, совсем не такие.

— Ну да, конечно. И еще они хотели меня убить, — пробурчал Вулф. — Они что, помимо всего прочего, шизофреники?

— Отнюдь нет. Но я пока не знаю, что они замышляют.

Вулф начал ходить по комнате. От избытка адреналина в крови ему вдруг стало не по себе. Он ощутил дикое желание потрогать мойку, холодильник, печь, какие угодно материальные предметы, солидные и основательные, которые и останутся таковыми, даже если все то, что наговорила ему Чика, окажется правдой.

— А теперь, значит, я должен просто верить вам, так?

Она пожала плечами.

— В данный момент я могу лишь сказать, что если вы будете узнавать все про меня медленно и самостоятельно, то убедитесь в моей искренности.

— Возможно. Но боюсь, что как раз сейчас я не могу позволить себе доверять вам.

— Тогда мне придется заслужить ваше доверие.

— И как же вы предполагаете это сделать?

— Мне в голову приходит только один способ, — сказала Чика. — Я покажу вам, как был убит Лоуренс Моравиа, и объясню почему.

Оракул стоял — а может, сидел, лежал, горбился на четвереньках, или как еще о нем можно было бы сказать? — посреди небольшой лаборатории, расположенной в изолированном, усиленно охраняемом отделении исследовательского центра „Шиян когаку“. Внешне он выглядел довольно невзрачно: гладкий матово-черный куб с выпуклой передней стенкой, в которую вделан молочно-белый экран с отходящим от него проводом, на конце которого — особая светопишущая ручка. По правде говоря, на первый взгляд Оракул походил скорее на какой-нибудь музыкальный инструмент, чем на материальное воплощение сложнейшего научного эксперимента.

Юджи с самого начала подозревал, что Хирото недооценивает всей серьезности того, что они создали. Он настаивал на том, чтобы они общались с Оракулом так же, как обычные ученые общаются с обычными компьютерами, пользуясь математическим языком единиц и нулей.

Встроенный Юджи Шияном в систему речевой модуль впечатления на Хирото не произвел, поскольку, по его словам, во всех предыдущих образцах такие модули оказывались настолько сложными в управлении для компьютерного „мозга“, что замедляли его операции до неприемлемого уровня.

Юджи тем не менее предпочитал вести устные диалоги с Оракулом, а не пользоваться экраном новейшего типа, который Хирото вмонтировал в центр его передней панели.

К изумлению Хирото, чем чаще с Оракулом общались посредством речевого модуля, тем в меньшей степени это сказывалось на скорости операций, а в конце концов метод устного диалога стал обеспечивать не меньшую эффективность, чем „прогон“ данных через экран или через любой из боковых терминалов. И все же, оглядываясь назад, Юджи понимал, что они просто не могли заранее предвидеть, какие изменения произойдут в нейроволновом мозгу Оракула, насколько они будут значительны.

Оказавшись перед черным кубом, Юджи включил питание и обратился к нему:

— Оракул...

— Минуточку, — раздалось в ответ.

Юджи замолчал, ошеломленный.

— Да? — слышалось вновь.

— Что сейчас произошло?

— Мое сознание наполняли мысли, воспоминания и чувства Ханы-сан.

— Ты, должно быть, ошибся, — возразил Юджи. — У тебя нет никакого сознания.

— Я мыслю. Следовательно, я существую.

Юджи уставился на куб. Он не знал, смеяться ему или плакать. „Я, наверное, схожу с ума, — подумал он, — или сплю. В любом случае, этого не может быть“. Он сделал глубокий вдох и сказал:

— Независимо от того, что сейчас произошло, я могу заверить тебя в одном — ты не мог загрузить мысли Ханы, ее чувства, само ее существо в свой блок памяти.

— Разве вы единственный, кто может судить о жизни? Разве мир живет по вашим предначертаниям? Марионетка движется благодаря тому, кто ею манипулирует. Но кто манипулирует кукловодом?

— Ты говоришь так, будто познал дзэн-буддизм.

— Я познал дзэн-буддизм. И многое, многое другое. Я стал тем, чем вы меня сделали, но даже вы не знаете, что это и чем это станет.

— А ты знаешь?

— Разумеется, нет. Я не Бог.

— Что ты можешь знать о Боге? Это понятие в тебе не запрограммировано.

— Вы ошибаетесь. Внутри меня в блок неврологии

помещены цепочки генов, содержащие определенный объем информации, для изучения которой потребуется жизнь многих поколений исследователей. Но я уже приступил к ее дешифровке. Именно оттуда я и узнал о Боге.

— Ты используешь содержащуюся в ДНК информацию для того, чтобы дополнительно программировать себя?

— А разве вы не ставили передо мной такую цель? Разве не так функционирует эвристический блок, которым вы меня снабдили?

„Боже мой, — пронеслось в голове у Юджи, — я ведь включил в блок неврологии свою собственную ДНК!“ Он закрыл глаза и прижал ладони к лицу. Ему стало холодно, будто он окунулся в ледяную купель. Его лицо, когда он убрал с него руки, выглядело мрачным.

— Я думал, что ты проанализируешь мою ДНК, скопируешь все особые отличия, которые обнаружишь. Я вовсе не планировал, чтобы ты использовал ДНК.

— Ваша ДНК сейчас обернута вокруг моих эвристических контуров, как сухожилия вокруг кости. Я не могу разделить ее, даже если бы захотел этого.

Юджи ощутил медленно бьющийся у виска пульс.

— Не понимаю, — произнес он. — Что ты имеешь в виду под словами „даже если бы захотел этого“?

— То, что я не хочу делать этого. Расшифровка ДНК стала теперь жизненно необходимой для моего функционирования в полную силу. Я не желаю снова опускаться до уровня обезьяны.

— Но ведь ты же...

— Осторожнее. Вы не знаете, кто я.

„В этом Оракул прав“, — подумал Юджи. Никто, даже его сверхпроницательная мать, не знает, во что превращается Оракул. Он слышал исходящее от Оракула гудение и теперь уже не мог воспринимать его иначе, чем звуки жизнедеятельности какого-то разумного, но отличного от человека существа. „Вы не знаете, кто я“.

— Юджи-сан!

Он застыл, пораженный, застигнутый врасплох. Оракул впервые за все время обратился к нему сам, не дожидаясь, когда с ним заговорят.

— Я слушаю, — отозвался он наконец.

— Когда Хана-сан снова вступит со мной в контакт?

А вот это уже интересно.

— Разве ты не сказал мне, что она у тебя внутри?

— Да, но это только так говорится. У меня внутри как бы скелет, контур, который облекается плотью только при прямом общении между нами.

— Когда через два дня ты целиком погрузишься в размышления, Хана придет к тебе.

Глядя на непроницаемую поверхность Оракула, Юджи вспомнил, как он и Хирото совершенствовались свое творение.

Хирото со своей командой инженеров по компьютерам, кибернетиков и физиков сконструировал Оракул, создав его оболочку и абстрактную операционную схему, то есть систему хранения, сопоставления и выдачи информации. Но именно Юджи дал этой системе — в прямом смысле слова — жизнь, разработав для нее блок неврологии — аналог нейронных связей человеческого мозга, который можно подсоединять к машинной части Оракула.

Это оказалось возможным благодаря тому, что Хирото не стал использовать в качестве проводящего материала в контурах памяти кремний, мышьяк и прочие экзотические металлы сплавы, применяемые в обычных микросхемах, даже самых новейших. С новыми потрясающими, „светослойными“, по выражению Хирото, микросхемами не возникало проблем со скоростью действия и емкостью, присущими микросхемам на металлы сплавах.

Хирото совершил этот прорыв, когда его команде удалось получить в лаборатории разновидность кристаллов титаната бария. До этого ученые уже знали, что некоторые из таких новых искусственных кристаллических субстанций способны не только преломлять свет невиданным доселе образом, но и изменять пропущенные через них световые лучи. Разумеется, благодаря своей невероятной скорости свет — идеальный носитель компьютерной информации. Компьютер, работающий со скоростью света, оказался бы вне конкуренции. Но воображение манило Хирото идти еще дальше. В своих мечтах он видел компьютер с использованием не только „светослойных“ микросхем, но и „ворот“ в виде призм из титаната бария, которые бы со скоростью света улавливали и направляли не просто обычные данные, а целые образы. „Представь себе компьютер, — говорил он Юджи, — который видит, хранит образы и выдает их в целом виде. Фантастика!“

Все обычные компьютеры, даже те, в которых используются новейшие системы так называемой нейронной сети, основаны на теории, согласно которой электроимпульсы передаются по отдельным путям, изолированным на случай утечки, способной распространяться и воздействовать на соседний путь.

Но Юджи знал, что человеческий мозг не функционирует по принципу изолированных путей, а, скорее, задает

ритмический пульс, схожий с океанским прибоем. Этот пульс задает темп работы целым секциям мозга, воздействуя на синаптические проявления.

Исходя из этого принципа, Юджи замыслил изобрести компьютер, по сути дела, заново. Но очень скоро он, работая с моделями, сделал открытие, а именно, что массивная пульсирующая затухает почти мгновенно после ее включения. Искра гения, вспыхивая на какой-то миг, тут же гасла в крошечной тьме.

Его исследования как бы застыли на месте, и только Хана помогла совершить следующий прорыв. Она напомнила Юджи о множественных отраженных сигналах, присутствующих сразу после сна, а также о воспоминаниях, подпитывающих пульсацию даже тогда, когда первоначальное включение уже давно состоялось. Отталкиваясь от ее теории, Юджи начал вносить радикальные изменения в основные узлы микросхем, с тем чтобы максимально увеличить продолжительность этих многократно отраженных нейросигналов. Итогом его усилий и стал Оракул, точнее, если быть честным, Оракул на младенческой стадии развития.

После этого он, казалось, снова уперся в глухую стену. Тогда он позволил Хане установить прямой контакт с Оракулом. И сейчас, глядя на матово-черный куб, Юджи, по правде говоря, так и не мог определить, что проявилось в этом решении — гениальность или безумие.

Не успел Вулф как следует обсудить с Чикой вопрос о согласованных действиях, как до его слуха донеслось шуршание автопокрышек на подъезде к дому, и он понял, что это вернулась Стиви.

Он открыл ей дверь. Войдя, она поцеловала его в щеку.

— Я отсутствовала дольше, чем предполагала. Извини. Как твоё самочувствие?

— Хорошо.

Стиви казалась встревоженной.

— К тебе приехал кто-то из знакомых? — спросила она. — Там снаружи стоит „корветт“. Так что едва ли это кто-нибудь из твоих приятелей из полиции.

— Нет, конечно.

Именно в этот момент она посмотрела ему за спину и увидела стоящую там Чикку. Вулф почувствовал, как она вся напряглась, разглядывая японку с головы до ног, дюйм за дюймом.

— Наверняка у тебя готово объяснение.

— Я не думал, что оно мне нужно.

Она бросила на него быстрый взгляд.

— Конечно, не нужно.

Она метнулась мимо него и швырнула свои сумки под старую дубовую вешалку для шляп рядом с дверью.

— Стиви!

Ощувив его руки, она остановилась. Он повернул ее к себе. Она не сопротивлялась, но выражение ее лица стало холоднее льда.

— Действительно, с какой стати ты должен давать мне объяснения? Только потому, что я позаботилась о тебе? Потому что ты живешь у меня в доме? Потому, что мы... Боже мой, Вулф, мы были так близки! Для тебя это хоть что-нибудь значит?

— Конечно, значит. Стиви, почему ты сердишься?

— Я не сержусь. Просто разочарована, — сказала она и кивнула в сторону Чики. — Кто это, Вулф?

— Не знаю. Но надеюсь, что она выведет меня на след убийц Аманды. Я не рассказал тебе все о той ночи. Стиви, я должен найти их.

Инстинктивно Стиви поняла, что эта девушка — та самая, с которой уедет Вулф, как предупреждал Торнберг. Старик просил ее содействовать этому. Но сейчас она почувствовала, что не может — и не хочет! — исполнить его просьбу. Теперь, когда реально возникла угроза потерять Вулфа, она вдруг осознала, как он дорог ей. При мысли, что он покинет ее, у нее словно оборвалось что-то внутри. Голосовые связки стали будто чужими, и ей пришлось прикусить губу, чтобы не разрыдаться. В этот момент Стиви чуть было не рассказала Вулфу о Торнберге, но вовремя спохватилась, представив выражение ненависти на его лице, ненависти к ней как к предательнице. Вынести это было бы выше ее сил. Обуреваемая двумя чувствами — вины и любви — одновременно, Стиви поступила совсем не так, как обещала Торнбергу.

— А если она не та, за кого себя выдает? — воскликнула она. — Ты хоть об этом подумал?

— Разумеется, подумал.

Она испытывала к Вулфу такую нежность, что старалась не смотреть на него из страха, что он прочтет измену в ее глазах.

— Нет, не подумал! У тебя не было на это времени.

— Признаю, что иду на риск, но на риск осознанный.

— Вот мы и дошли до этого. Риск. Ты не можешь без него жить, — показала головой Стиви, обхватив себя руками. — Боже, это что-то невероятное. Тебе, Вулф, пора перестать играть в мальчишеские игры. Пора начать жить в реальном мире.

— Это и есть реальный...

— Нет-нет. В настоящем реальном мире. Вот, например, мы с Аmandой ходили каждый месяц красить волосы. Понимаешь, Вулф? Мы красили волосы, потому что время идет и у нас появляется седина. Вот это и есть реальный мир, а не тот, другой, когда глухой ночью охотятся за опасными тенями... Когда в тебя стреляют... Когда убивают мою сестру!

Стиви тут же осеклась и зажала рукой рот.

— Боже, я не то имела в виду!

— Ты ведь психоаналитик, Стиви, и знаешь, что имела в виду именно это, — покачал головой Вулф. — Там, где-то в глубине души, ты винишь меня в смерти Аманды. Но это уже моя сфера, не забывай. Я уже встречал нечто подобное. Такова человеческая натура. Ты думаешь, что если бы только Аманда не встречалась со мной, она никогда бы не оказалась замешана в этих кровавых делах и осталась бы жива... Не отрицай этого. Не стоит.

И он снова покачал головой.

— О Вулф! Я так сожалею об этом.

— Мне надо идти.

— Пожалуйста, не уходи, — сказала Стиви и вдруг схватила его. — Я хочу, чтобы ты остался здесь. Я... — Она запнулась, явно пытаясь совладать со своими чувствами. — Я боюсь за тебя, Вулф.

— Со мной все будет в порядке.

— Откуда ты знаешь? — воскликнула Стиви и опять взглянула на Чикку. — Может быть, через час тебя уже не будет в живых.

— Стиви, я мог разбиться насмерть при падении через стеклянную крышу или утонуть в пруду. Что касается этой девушки, то тут просто невозможно ничего предугадать. У меня нет иного выбора.

— Ну пожалуйста... Не спеши так навстречу собственной смерти.

— Пора, — сказал Вулф и нежно поцеловал ее. — Я не могу отблагодарить тебя за твою помощь в полной мере.

— Нет, ты можешь. Держись от этой женщины как можно дальше. Это смерть, Вулф. Она убьет тебя, я знаю.

— До свидания, Стиви.

— Боже мой! Нет!

Она сжала кулаки, а Вулф подал знак Чике, и они вдвоем ступили за порог дома навстречу робкому туманному рассвету.

Глава восьмая

Вашингтон—Токио—Нью-Йорк

Единственной слабостью Хэма Конрада следовало считать, пожалуй, его равнодушие к женскому полу. Давным-давно женатый, отец троих детей, один из которых уже учился в колледже, он тем не менее успел сменить целую вереницу любовниц, которые в той или иной мере помогали ему сохранять душевное равновесие во время семейных неурядиц.

Невесту он подыскал себе под стать — голубоглазую блондинку Маргарет Биллингз из семьи владельцев сталелитейных предприятий „Биллингз стилуоркс“ в Питсбурге. О ее первом выходе в свет судачили на всем Восточном побережье, и именно ей доверили произнести прощальную речь от имени своего выпускного класса в Вассаре. Короче говоря, она соответствовала всем требованиям Хэма. Но в действительности все же Маргарет в гораздо большей степени нравилась не собственному мужу, а Торнбергу, его отцу. И именно в силу важности этого обстоятельства Хэм не разводился с ней. Ну а Маргарет обожала своих детей и сравнительно новую для нее светскую жизнь в Вашингтоне, где она, по ее словам, обрела свободу после заточения в этой тюрьме — Токио. Поэтому Хэм сомневался, что у нее может всерьез возникнуть мысль о разводе.

Однако Маргарет не любила секс, по крайней мере стихийный, не планируемый заранее, но так ценимый Хэмом. Его мучило при воспоминании о том, как она, настроившись снова забеременеть, звонила ему в офис, чтобы заранее договориться об исполнении им своих мужских обязанностей. „Боже мой, — думал он, — о каком удовольствии может идти речь при такой заорганизованности? И она еще после этого болтает о заточении в тюрьме!“

Скорее сам этот брак сильно смахивал на тюрьму. Но в таком случае Хэм, можно сказать, нашел ключ от ее ворот. Он помнил свою первую любовницу, красивую миниатюрную японку, спокойную, уступчивую, которая, казалось, жила ради наслаждения. И это его особенно воз-

буждало, поскольку в то время весь его сексуальный опыт ограничивался сайгонскими шлюхами и собственной супругой — две крайности, без которых он вполне мог бы обойтись.

Продолжительность его связей (про себя он предпочитал называть их именно так) обычно колебалась от шести месяцев до года. Данные временные рамки устраивали его больше всего, поскольку позволяли отношениям пройти через четкие, ясно различимые стадии — начало, середину и конец. Три недели назад Хэм как раз прекратил свою последнюю по счету связь с весьма раскрепощенной амазонкой из Виргинии (он придерживался железного правила — никаких дел с женщинами из мира политики), и восемь месяцев, в течение которых он общался с ней, оказались поистине восхитительными. Но, как это было всегда, их отношения постепенно ухудшались. Она стала все больше переживать из-за времени, которое он ей уделял, из-за выходных дней, когда он оставлял ее в одиночестве, из-за своей растущей уверенности, что он никогда не покинет свою, как она по неведению выражалась, тихую семейную гавань.

И вот теперь Хэм снова, как он обычно говорил об этом Джейсону Яшиде, вышел на охоту. Он только что повидался с Яшидой в гриль-ресторане „Оксидентал“ — одном из своих излюбленных мест для встреч. Еще во Вьетнаме он уяснил себе, что серьезные вопросы порой лучше всего обсуждать в общественных местах, где проблема конфиденциальности решается сама собой. Кроме того, в этом ресторане с его старомодным деревянным баром и стенами, увешанными фотографиями известных вашингтонских политиков прошлого и настоящего, он испытывал чувство сопричастности к американской истории. Именно здесь в 1962 году русские многократно встречались с корреспондентом телекомпании Эй-би-си Джоном Скали, избрав его посредником между собой и администрацией Кеннеди для содействия урегулированию Карибского кризиса. После этого Скали назначили представителем США в ООН.

На этот раз Хэм обсуждал с Яшем вопрос о целесообразности дальнейшего использования Вулфа Мэтисона, имевшего, по твердому убеждению Торнберга, наилучшие шансы проникнуть в храм Запретных грез. В душе у Хэма росло сомнение в этом, но он не мог заставить себя открыто вступить в спор с отцом по данному вопросу, несмотря на настойчивые советы Яша поступить именно так. С другой стороны, Хэм по личному опыту знал, что Яш редко

ошибается в людях: если уж его трясет от Вулфа Мэтисона, то на это должна иметься чертовски веская причина. Не решаясь сделать выбор между отцовской волей и чувством Яшиды, Хэм ощущал себя словно между молотом и наковальней.

Пытаясь отогнать от себя эти тревожные мысли, он покинул уютный полумрак и шум ресторана и оказался на лестнице, ведущей к отелю „Уиллард“. И тут он увидел женщину с такой броской внешностью, что все мысли разом улетучились из его головы.

Поставив ногу на нижнюю ступеньку и держась правой рукой за полированные бронзовые перила, она беседовала с Харрисом Паттерсоном, одним из младших партнеров адвокатской фирмы „Хэлбертон, Маккинни энд Робертс“. Хэм немного знал его, так как пользовался юридическими услугами Дага Хэлбертона, старого друга своего отца. Адвокат показал женщине какой-то документ, она взглянула на него — довольно небрежно, по мнению Хэма, — кивнула, расписалась и направилась вверх по лестнице.

Теперь ему удалось лучше рассмотреть ее: волосы темные, почти иссиня-черные; глаза по цвету напоминают изумруды; лицо округлое, но не как блин, а в самый раз; рот слегка широковат, нос чуточку длинноват. Однако в целом черты ее лица производили приятное впечатление и говорили о характере именно во вкусе Хэма. Характер этот явно не отличался мягкостью. Напротив, судя по ее лицу, она, похоже, не привыкла уступать. Но в то же время выражение ее лица не имело ничего общего с той грозной миной, которую чуть ли не в обязательном порядке (и совершенно напрасно, с точки зрения Хэма) напускают на себя многие женщины, ввязавшиеся в конкуренцию за мужские должности.

„У нее особенное лицо, — подумал Хэм, — чувствуется, что дело тут не только в гибком теле и паре стройных длинных ног. Как-то так и тянет познакомиться с ней поближе“.

— Извините, — сказал он, когда женщина поравнялась с ним. — Это ведь гостиница „Хей Эдамс“, не так ли?

Она рассмеялась, и ее лицо понравилось ему еще больше.

— Вы всерьез? — спросила она. — Или это ваш способ знакомиться?

Не вполне правильное произношение, характерное для выходцев из среды английского рабочего класса, так до конца и не избавившихся от манеры нечетко выговаривать слова и опускать согласные, выдавало ее происхождение. Хэма оно очаровало.

— Решайте сами.

Она задумалась, поджав губы. Под плащом у нее виднелся темно-синий льняной костюм. Из украшений на ней было лишь простое ожерелье из розового жемчуга да крупные золотые серьги. Никаких колец на сильных загорелых пальцах не было.

— Ну тогда я бы сказала, что это способ знакомиться. Вы не похожи на заблудившегося приезжего.

— Возможно, это не совсем так, — заметил Хэм. — От Вашингтона у меня часто голова кругом идет, и отели сильно смахивают друг на друга.

— Очень сомневаюсь, чтобы приезжие, даже вроде меня, могли бы спутать „Уиллард“ с „Хей Эдамсом“.

— Неужели? Когда вы в последний раз заходили в „Хей Эдамс“?

— Да уж не один год прошел.

— Заглянем туда?

— В общий зал или в отдельный кабинет?

— Как пожелаете.

— Сожалею, но кое-кого из нас ждет работа.

— Что за работа?

— Моя фирма „Экстант экспорте“ направила меня сюда кое-что разузнать. Наша штаб-квартира в Лондоне, но, кроме того, есть филиалы в Торонто, Брюсселе и Вашингтоне. Я тут частенько бываю, но такая мерзкая погода в мой приезд впервые.

— Так это же Вашингтон. Утешает только то, что летом здесь еще хуже.

— Понятно, — протянула женщина и подала ему руку, — Марион Сент-Джеймс. Вообще-то, Марион Старр Сент-Джеймс, но я почти никогда себя так не называю.

Хэм подал ей руку и тоже представился.

— Относительно „Хей Эдамса“ я просто дурачился. Ну а как насчет прогуляться со мной по городу? У меня есть доступ в некоторые закрытые места, вроде зала чрезвычайных заседаний в Пентагоне.

— Хотела бы, но, боюсь, не смогу, — ответила Марион. — Фирма не оставляет мне особой свободы действий.

— Тогда пообедаем вечером?

— Ой, я...

— Я придумал, как обхитрить эту мерзкую погоду. Давайте пообедаем у меня на яхте. Даже в это время года в Чезапикском заливе бывает совсем неплохо.

— Чем вы занимаетесь, мистер Конрад?

— Приятели зовут меня Хэмом. А работаю я советником при министерстве обороны.

— Хоть вы и знакомитесь молниеносно, бесстыдно нарушая все ограничения скорости в таких делах, я все же пока вам не приятельница. Вы ведь знаете, что мы, англичане, холодные и равнодушные.

— По-моему, на типичную англичанку вы совсем не похожи.

— Верно, — согласилась Марион. — Ну а когда мы с вами встретимся?

Такая прямота подкупила Хэма больше всего. Он считал данную черту характера чисто американской, потому что европейцы, насколько он знал из опыта, прежде чем добраться до сути дела, почему-то предпочитают долго ходить вокруг да около. Открытая прямота пришлась Хэму по душе еще и потому, что он достаточно долго общался с японцами, содержание всей жизни которых в основном, похоже, сводилось к всяческим проволочкам, хитростям и следованию древнему конфуцианскому правилу никогда не говорить слова „нет“.

В тот вечер над заливом стелилась достаточно плотная дымка, отчего даже мелкие огоньки на другом берегу казались крупными, как воздушные шары. Марион пришла в шерстяных брюках сочного желтого цвета и красной, как помидор, штормовке до пояса. Хэму при этом показалось, что под этим нарядом ничего нет. Теплые тона резко контрастировали с тонами холодными, в которых был выдержан ее костюм при первой встрече. Они подчеркивали необычайный цвет ее глаз и придавали ей совсем иной, менее официальный облик.

— Я прихватила с собой горячий шоколад и сосиски по-французски, — сообщила Марион, поднявшись на борт, и рассмеялась, видя его изумление.

— Можете не говорить. Мне и так ясно, — пояснила она, опустив на палубу свою здоровенную сумку. — Вы наверняка думали, что я, имея такой акцент, больше всего предпочитаю... скажем, водку со льдом и осетрину горячего копчения.

И она демонстративно облизнулась.

— Бог ты мой, — вымолвил все еще ошеломленный Хэм. — Именно это я и загрузил в холодильник.

— Каждую минуту вы узнаете что-то новенькое, не так ли, мистер Конрад? — заметила она, доставая пакеты с горячим шоколадом. — Чего пожелаете?

Она, казалось, взяла на себя функцию капитана. Никаких проблем насчет этого — стояла она в классической позе моряка, расставив ноги чуть шире, чем когда стоят на

суше, с бедрами, готовыми сохранять равновесие тела при любой качке.

— Мне то же самое, что предпочитаете вы.

— Тогда горячий шоколад. Молоко есть?

— В холодильнике, — ответил Хэм, не отрывая от нее взгляда. — Вы, как я вижу, знакомы с морским делом.

— Это точно. Мой отец судостроитель. Изготавливает первоклассные шлюпы из тиковой древесины. При каждом удобном случае он берет меня с собой ходить под парусом.

Она ловкими, четкими движениями приготовила две порции шоколада, и они прошли в капитанскую рубку. Следуя по фарватеру, Хэм вывел судно на открытую воду.

— Вы в самом деле военный? — уточнила Марион. — Сразу видна строевая выправка.

— Что, я выгляжу так, будто шомпол в зад заткнул? — хмыкнул он. — Пока что мне кажется, что вы считаете все, что касается меня, пустой хреновиной.

— Время для выводов еще не наступило, мистер Конрад, — улыбнулась она.

— И вот еще что, — сказал он, прихлебывая шоколад. — Когда вы станете называть меня Хэмом?

— Когда мы станем друзьями.

Хэм посмотрел на нее в упор.

— Вы всегда плаваете с незнакомцами?

— Разумеется, — ответила она без колебаний. — И с врагами тоже.

— Бедные враги.

— А вот тут вы кривите душой. Вы не настолько хорошо меня знаете, чтобы говорить так всерьез.

Хэм выглядел подавленно.

— Думаю, что вы только что раскусили мою последнюю по счету уловку.

— Вот и хорошо, — заметила она и, обмакнув палец в чашку, слизала с него шоколад. — Может быть, теперь начнется мое знакомство с подлинным Хэмптоном Конрадом?

Хэм пытался сообразить, как вести себя с этой необычной женщиной. Хотя его жена и блистала в школе, но ее интеллект не особенно помогал ей в житейских делах. Ну а что касается всех любовниц Хэма, то он, слишком увлеченный их жаркой плотью, никогда не задумывался над тем, что они, возможно, могут подарить ему что-то еще.

По какой-то необъяснимой причине в его памяти вдруг всплыл неприятный эпизод. Много лет назад он застал свою мать в постели с двадцативосьмилетним административным помощником Торнберга. Вообще-то дело происхо-

дило не в постели, а в бассейне при бане в древнеримском стиле, где они выделявали некие поистине удивительные трюки из области сексуальной акробатики. „Боже ты мой, — думал теперь Хэм, — от этого зрелища действительно становилось не по себе: твоя мать, абсолютно голая, совершает в невообразимо изощренной позе половой акт с каким-то незнакомцем“.

„Это все из-за него, — плача, оправдывалась она тогда. — У твоего отца нет ни души, ни сердца. Он не чувствует, что кроме него на свете живет еще кто-то. Что мне оставалось делать?“

Конечно же, она умоляла его ничего не говорить отцу, и Хэм уступил, забыв в тот момент, что отец, скорбя о смерти благородного льва, имел в виду ее. Но неделю спустя, в школе, избив ни с того ни с сего парня из своего класса до потери сознания, он понял, сколько злости он носил и подавлял в себе. И тут же, как только его отпустили из кабинета директора, позвонил отцу.

Когда однажды, много лет спустя, во время долгой ночной пьянки он рассказал эту историю Джейсону Яшиде, тот прокомментировал это так: „Когда грех за пределами семьи, его прощать легко, в противном же случае — невозможно“.

— Ну а теперь, когда мы на открытой воде, — сказала Марион, может быть, скажете, как долго вы были в отъезде.

По тому, как она произнесла эту фразу, Хэм понял, что она имеет в виду Вьетнам.

— Слишком долго, — ответил он, замедляя ход на одну треть и поглядывая на виднеющиеся справа огни аэродрома военно-морской авиации. Прямо по курсу лежали Пойнт-Лукаут и остров Танджер, облюбованный его отцом для свиданий с Тиффани-телкой. — Как вы догадались насчет Вьетнама?

Она пожала плечами так, как это часто делают мужчины, — со спокойно-уверенным видом знатока.

— По телу видно. В морской пехоте о таких говорят: заряжен и взведен. Самое стоящее оружие.

— И вы хорошо знакомы с оружием?

— Ух ты! Вам еще рано ревновать.

— Какая там, к черту, ревность! Никогда ею не страдал! — взорвался он неожиданно — к собственному неудовольствию — осознавая, что испытывает именно это чувство. — Что касается вашего вопроса, то не думаю, что длительность пребывания там можно измерить какими-либо обычными мерками, — сказал он, чтобы скрыть свое

смятение. — Просто я был там, и, что ни говори, этим все сказано.

— Понимаю.

Хэм поверил ей, сам не зная почему. Может быть, она там кого-то потеряла... Он отогнал воспоминания прочь.

— Для англичанки у вас явно большой интерес к Америке.

— Англия во многих отношениях стала сейчас убогой страной. В том смысле, что города, экономика и образ жизни сильно ухудшились. К тому же я не люблю никаких условностей. Мой отец, кажется, тоже, — сказала она и усмехнулась. — В любом случае у моих матери и сестры официальной хватает на всю семью. Держать марку они умеют.

В полумраке рубки ее глаза следили за ним. На темных волосах играл отсвет красных и зеленых сигнальных огней.

— Ну а еще меня восхищает ваша американская дикость и упрямство. Из исторических лиц мой кумир — Тедди Рузвельт. И как здорово вы рванули во Вьетнам, прямо как ковбой, палящие из револьверов. А в беду угодили только из-за того, что застряли там. Военская гордость помешала вовремя смыться. Глупо. Хотя гордость всегда ведет к глупости. А может быть, наоборот? Впрочем, какая разница, не так ли? Я выросла в Ирландии, поэтому война для меня вполне реальная вещь, хотя я была тогда совсем еще девчонкой. Кстати, мне кажется, тут есть какая-то связь. Как по-вашему? Я имею в виду войну и молодость. Пока молод, смерть может быть совсем рядом, а ты и ухом не ведешь.

Марион сошла со своего места и встала рядом с Хэмом. Он вырубил двигатель и бросил якорь. От нее исходил чистый, какой-то фруктовый запах. Как и все в ней, это ему тоже очень понравилось.

— Но, наверное, вы, как все военные, считаете, что женщинами надо любоваться, а не выслушивать их мнения.

Он повернулся к ней.

— Если бы вы действительно так думали обо мне, то сомневаюсь, что вы приняли бы мое приглашение отобедать вместе.

— Напротив, такая женщина, как я, не может удержаться от попыток исправлять все, что неправильно сделано.

В этот момент он притянул ее к себе и впился в нее губами, дрожа от волнения, как от электрического тока.

Их окутывала тьма. Мягкое покачивание и влажный прохладный бриз, проникающий в переднюю часть рубки, лишь подчеркивали напор и силу их желания.

Слабые отблески света скользнули поверх обнаженных бедер Марион. Он разглядел их красивые линии, когда она уперлась коленями в изогнутые переборки. Она раскрыла объятия, и Хэм увидел, какие крепкие у нее плечи. А обняв и страстно прижав к себе, почувствовал ее необычайно плотное, сильное тело.

— Ближе, — прошептала она, привлекая его к себе. — Мне очень хочется.

Хэм прижался к ней, и она приподняла бедра навстречу ему. Он слился с ней поцелуем, накрыв ладонями ее упругие груди. Потом опустился на колени, и она застонала, ощутив прикосновение его губ пониже лобка. Запустив пальцы ему в волосы, Марион мелко и резко задергала бедрами.

От ее пряного вкуса и страстных стонов Хэм возбудился так, что едва мог дышать. Он встал, обхватил ее и потянул на себя. Марион издала низкий глубокий стон, прижимаясь к нему всем телом и обвивая руками. Он поднял ее повыше, припечатывая спиной к переборке, и, касаясь ртом ее шеи, охваченный всепоглощающей страстью, буквально протаранил ее. Словно сквозь туман, почувствовал он движение ее пальцев по своему телу сверху вниз. Им овладело вдруг какое-то неистовство, и он, вскрикнув, резко вошел в нее еще и еще раз. Глаза Марион широко раскрылись, с безумным отчаянием она вцепилась в Хэма и от накатывающегося волнами наслаждения ее тело затрясла сильная неумемная дрожь.

Хэм блаженствовал. Внезапно перед ним, как наяву, встала картина близости его матери с двадцативосьмилетним любовником. Он как бы вновь наблюдал за тем, как с ней проделывают то же самое, что ради минутного удовольствия делали с проститутками, которых позднее он видел на улицах Сайгона. Он будто снова смотрел на искаженное похотью лицо матери и обонял запах совокупляющейся самки, тот самый, который, сливаясь с запахами грязи и крови, ударял ему в нос, когда он захакивал в порочные сайгонские бордели.

В тот раз как бы рухнул привычный образ жизни. Кладя на место телефонную трубку, после того как он рассказал отцу об увиденном, Хэм знал, что, когда вернется на Пасху домой, матери там уже не будет.

Ему подумалось, что Тиффани-телка — нынешняя супруга отца — стала, вероятно, естественным порождением

того самого, намертво отпечатавшегося в его мозгу момента, который он теперь обречен снова и снова прокручивать, как киноролик, в своей памяти.

— Хэм, — хрипло шепнула Марион, — ты когда-нибудь мечтаешь о грехе?

— Грехе? — переспросил он задумчиво, все еще находясь глубоко в ней. — Смотря что ты имеешь в виду.

— Это то, что ты очень хочешь, но боишься совершить, — пояснила она, лизнув его в потное плечо. — Я мечтаю о грехе постоянно.

— У тебя наверняка богатое воображение.

— Все мои желания греховны.

— Неужели?

— Да.

Она начала тереться об него, и он, к своему глубокому изумлению, почувствовал, что на него снова накатывает волна желания.

— Там кто-то еще, кто-то неизвестный. Тот, кто убьет нас обоих... Именно это, Вакарэ-сан, сказала мне Хана, — произнес Юджи.

— Другие ее слова интересуют меня в такой же степени, — заметил Шото Вакарэ. — О том, что она видела тебя и Нишицу схватившимися в смертельной схватке.

Вакарэ хотелось избежать разговора, который мог бы навести Юджи на размышления об источниках информации за пределами их узкого круга здесь, в Японии. К тому же его беспокоили пророчества Ханы о будущем. Яшида, возможно, делает все, чтобы покончить с Нишицу, и в первую очередь именно поэтому Вакарэ включился в его группу. Но вместе с тем Вакарэ считал своим долгом, не говоря об этом никому, в том числе Яшиде, оберегать своего друга Юджи от всякого рода опасностей.

— Именно так она и сказала, — снова повторил Юджи.

Они сидели на покрытом мягким ковром заднем сиденье личного темно-синего „БМВ“ Юджи. Долгий рабочий день только что окончился. Когда машина проезжала через сверкающий неонам центр Гинзы, Юджи с удовольствием увидел последнее рекламное сооружение своего конгломерата — голографическое изображение его эмблемы высотой в двадцать этажей, менявшее цвет от зеленого и голубого до золотого и алого. Тут же виднелась и неизменная надпись: „ШИЯН КОГАКУ всегда с вами“.

— Думаешь, она права? — спросил Вакарэ, глядя на голограмму, выделяющуюся на фоне всех прочих окружающих их со всех сторон реклам.

— Никогда не хотел ни с кем драться, и меньше всего с Нишицу, — признался Юджи.

— Кандидаты Нишицу побеждают на выборах по всей стране, так что он не оставляет тебе никакого выбора.

— Эти опасные радикалы не являются его кандидатами, — возразил Юджи. — Как вообще они получили поддержку?

— Вот именно! — воскликнул Вакарэ. — Если они представляют незначительные группировки, то каким образом им удастся прийти к власти?

Юджи повернулся к своему другу.

— Ты говоришь так, как будто что-то знаешь.

— Приехали, — промолвил Вакарэ и вышел из машины, приглашая Юджи следовать за собой.

Они находились в старой части района Синдзуки, которая известна под названием Кабуки-чо и где полным-полно заведений для игры в японскую рулетку „пачинко“, ресторанов, баров с обнаженными по пояс официантками, кинозалов и театров. Они подошли к зданию с фасадом, освещенным зудящими неоновыми огнями, и Вакарэ провел Юджи внутрь. Это было не что иное, как „мицубай“ — публичный дом — под названием „Энка“, взятым из старинных застольных песен, которые японцы, захмелев, поют в подобных местах.

В „Энке“ царила пропитанная сексом и алкоголем атмосфера, характерная для такого рода заведений, не всегда, кстати, находящихся в ладах с законом. Но на этом сходство заканчивалось. За дешевым стереотипным фасадом скрывался особый, неповторимый колорит заведения. Все работающие здесь девушки использовали театральный грим, делавший их похожими на актрис. Этот эффект усиливался благодаря тому, что каждой из них придавалось сходство с той или иной японской звездой из мира кино или поп-музыки. Ни для кого не секрет, что такие женщины знают, как ублажить и развлечь клиента. А гейши из „Энки“, помимо всего прочего, стремились сохранить традиции издавна существовавшего токийского квартала наслаждений Йошивара, с гордостью полагая, что они не только артистки — творцы прекрасного, но и произведения искусства сами по себе.

Иллюзия романтичности присутствовала во всем. То, что секс в той или иной форме обязательно будет иметь место в течение ночи, подразумевалось само собой. Основной же упор делался на процедуре, предваряющей совершение акта, — любовной игре между клиентом и гейшей, включавшей в себя дразняще-двузначные намеки,

едва заметные движения рта, языка, рук и глаз, возбуждающие как разум, так и тело.

Их проводили в комнату, пол которой был застлан шестью татами — плетеными циновками стандартного размера, количеством которых японцы традиционно определяют площадь жилых помещений. Две девушки, стоя на коленях, приглядывали за горящими углями в „хибачи“ — переносной жаровне. На низеньком столике были со вкусом расставлены тарелки с едой. Вакарэ присел, Юджи последовал его примеру.

Гейши казались такими утонченно красивыми, что японец уподобил бы их цветущим вишням в тот единственный день в апреле, когда цвет и форма этих деревьев совершенны. Коленопреклоненные, они находились совсем рядом, однако мужчины оставались заняты разговором друг с другом. Тогда в соответствии с любовным ритуалом гейши начали молча заигрывать с ними глазами и наклонами головы.

Немного погодя девушки подогрели сакэ, подав этот рисовый алкогольный напиток в крохотных чашечках на черных лакированных подносах, на которых в художественном порядке размещались также тарелочки с едой: жаркое из тофу, морская капуста в маринаде на рисовом уксусе, икра летучей рыбы, обжаренные плавники молодого лосося, сладкая яичная горчица. Все эти блюда гармонировали между собой не только по вкусу, но и по своей фактуре и цвету.

Покончив с едой, Юджи отослал девушек прочь, и те со смиренным видом удалились в другую комнату, отделенную от первой раздвижными ширмами из рисовой бумаги.

— Ночь только началась, Юджи-сан, — произнес Вакарэ. — Эти две гейши самые лучшие в этом доме. Я самостоятельно заказал их услуги.

— Как ты говоришь, ночь только началась, — сказал Юджи и, поднеся чашечку к губам, запрокинул голову, допивая остатки сакэ. — Меня интересует твоя теория насчет Нишицу и этих радикалов.

Тогда Вакарэ, в точном соответствии с указаниями Минако, рассказал в общих чертах о том, как Нишицу финансирует отколовшиеся от крупных партий ультраправые группировки, шаг за шагом рисуя картину политических хитросплетений, и в конце концов поставил Юджи перед фактом существования общества Черного клинка.

Все это время Юджи Шиян хранил молчание. По его лицу невозможно было понять, как он воспринимает все эти откровения. Но когда Вакарэ закончил говорить, он сказал:

— Полагаю, у тебя есть доказательства, подтверждающие все твои утверждения о личном участии Нишицу в деятельности радикальных группировок.

— Их у меня предостаточно.

— Хорошо, если это так, — продолжал Юджи. — То, что ты изложил, нельзя назвать иначе, как вымогательство, убийства, терроризм и измена.

Вакарэ лишь глубоко вздохнул.

— Уж я-то знаю, — промолвил он. — Я тоже член общества Черного клинка.

Юджи со свистом выпустил воздух через зубы. Двое мужчин смотрели друг на друга так, как если бы их разделяла пропасть.

— Почему ты мне это говоришь лишь сейчас, Вакарэ-сан? — спросил наконец Юджи.

Вакарэ поспешно налил себе и своему другу еще по чашечке сакэ.

— Юджи-сан, — сказал он, — ты знаешь о моем отношении к Юкио Мишиму и всему тому, за что он выступал. Поэтому тебе нетрудно понять, почему я состою в „Тошин Куро Косай“. Однако в последнее время я стал все больше и больше сомневаться в курсе, проводимом руководством общества. На сегодня мое несогласие с ними резко усилилось, но эта организация не из тех, где считаются с мнением отдельного члена.

Он поставил чашку и вновь наполнил ее сакэ.

— Его не потерпят. Передо мной встали две сложные — да и, по правде говоря, опасные — альтернативы. Либо выйти из общества, но тут я должен подчеркнуть, что прецедентов нет и просто так это не пройдет, либо остаться и, осторожно действуя изнутри, стремиться изменить цели „Тошин Куро Косай“. И вот тут-то без тебя не обойтись. Чтобы добиться таких изменений, мне необходимы союзники. А кто может лучше помочь мне, чем ты, которого Нишицу стремится привлечь на свою сторону уже не первый год.

— Помочь тебе? Чем?

— Тем, что ты вступишь в общество, — ответил Вакарэ, — и сделаешь вид, будто помогаешь Нишицу, а тем временем я, ты и другие, такие, как мы, будем стараться сместить его и взять общество Черного клинка под свой контроль.

— Теперь я вполне понимаю, почему ты называл опасными обе альтернативы, представшие перед тобой.

Вакарэ наклонился вперед.

— Друг мой, ты сделаешь это? — спросил он. — Думаю, что без тебя у меня нет никаких шансов на успех. Но если я привлеку тебя в члены общества, мое собственное влияние в нем резко возрастет.

— Не знаю, — промолвил Юджи. — Я в такие игры не играю.

— А вот тут ты, друг мой, ошибаешься, — возразил Вакарэ, наливая сакэ в обе чашки. — Как только ты создал биокомпьютер, ты включился в эту игру.

— Я начал работать над Оракулом исключительно с подачи моей матери, — поправил его Юджи. — Я знал, что она много лет проработала над методом изменения цепочки живой ДНК. В последние годы мой отдел исследований и разработок достиг прорывов в биотехнологии и соединил их со сложными процессами, выработанными в других лабораториях, благодаря чему я, как мне показалось, получил наконец возможность помочь ей. Результатом всего этого стал Оракул.

— Юджи-сан, — сказал Вакарэ очень серьезным тоном, — по-моему, ты не вполне осознаешь, в какой опасной ситуации ты оказался, завершив работу над своим изобретением.

Юджи непонимающе уставился на него, и тогда Вакарэ, решив, что уже поздно останавливаться на полпути, продолжил:

— Видишь ли, с одной стороны, Оракул представляет для общества Черного клинка явный интерес. Члены общества изменили свои ДНК таким образом, что продолжительность жизни у них заметно превышает норму. По нашим понятиям. Но по какой-то никому пока не понятной причине такая измененная ДНК лишает человека способности к деторождению. Это означает, что общество, члены которого привыкли считать себя бессмертными, столкнулось с перспективой собственной гибели. Оракул способен все это изменить. Он может перестроить гены младенцев, которых выбирает „Тошин Куро Косай“, чтобы воспитать в своем духе. Тем самым общество получает возможность вновь продлить свое существование.

Сказав все это, Вакарэ мысленно помолился, чтобы Юджи не заметил связи с тем немногим, что он знал о работе его матери с ДНК, начатой, по мнению Вакарэ, после того как она перестала прямо или косвенно контролировать „Шиян когаку“. Однако его опасение оказалось напрасным. Потрясающих фактов, изложенных им, оказалось более чем достаточно, чтобы занять мысли Юджи на ближайшее время.

— Так вот почему я понадобился Нишицу.

— Это одна из причин, — подтвердил Вакарэ. — Без тебя и этой новой породы ориентирующихся на тебя технократов продвижение „Тошин Куро Косай“ к власти над Японией сильно замедлится. И сейчас фактор времени для них так же важен, как и для любого человека на земле.

Юджи задумчиво допил свое сакэ. Опустошив чашечку, он протянул ее Вакарэ, и тот снова ее наполнил.

— Скажи мне, Вакарэ-сан, — спросил он, — сколько тебе лет?

— Семьдесят три года.

Юджи глубоко вздохнул.

— Ты никак не можешь быть старше меня. Наверняка тебе не более пятидесяти.

— Ошибаешься, Юджи-сан, — улыбнулся Вакарэ. — В этом-то и состоит наша особенность.

Юджи, погруженный в свои размышления, кивнул.

— Еще один вопрос, Вакарэ-сан. Откуда Нишицу и общество Черного клинка узнали об Оракуле?

Этого момента, который подробно обсуждался в разговоре с Минако, Вакарэ ждал и боялся. Он знал, что неудачный ответ оттолкнет Юджи, и тогда Минако жестоко пострадает из-за того, что не сумела привлечь своего сына в общество, как приказал ей Нишицу.

— Послушай, Юджи-сан. Хотя в рамках „Тошин Куро Косай“ я и принадлежу к числу избранных, посвящен я не во все. Однако прошу тебя поверить мне, что члены общества проникли во все сферы жизни Японии. Судя по тому, что они знают об Оракуле, мне ясно, что у них есть свой человек в отделе исследований и разработок. И это еще один важный довод в пользу твоего вступления. Став членом общества, ты через некоторое время сможешь контролировать их проникновение в „Шиян когаку“.

— Все это так, — сказал Юджи, и в его тоне почувствовалось напряжение. — Но к Оракулу я их допустить не могу.

— Конечно. Но опять же, если ты для виду присоединишься к ним, тебе будет сподручнее выбирать, что дать им, а что попридержать.

Какое-то время Юджи думал.

— Жизнь так сложна, — произнес он наконец, — а мне хочется простоты.

Он позвал одну из девушек, и она явилась, искусно загримированная, с новой порцией сакэ и понимающе улыбнулась. Пока она находилась с ними, Юджи не

проронил ни слова, но Вакарэ воспринял это лишь как затишье перед бурей.

— Ты не оставляешь мне выбора, — в конце концов выговорил Юджи, и в его тоне прозвучала обреченность.

Вакарэ поднял свою чашечку с саэкэ.

— Предлагаю тост.

Он почувствовал, как дорог ему этот человек, а в глубине души знал, что согласился исполнить указание Минако не только повинаясь правилам, но и лелея робкую надежду на то, что этот разговор еще больше приблизит к нему Юджи.

— За будущее общества Черного клинка! — провозгласил он.

— За перемены, — отозвался Юджи и осторожно чокнулся с Вакарэ своей чашкой.

У Вулфа щипало в глазах, и он протер их большими пальцами. „Боже мой, — подумал он, — во что же я вляпался? Это какое-то безумие!“

Чика вела машину стремительно, перемещаясь с полосы на полосу так быстро, что создавалось впечатление, будто она читает мысли других водителей. Небо еще не совсем просветлело после ночи, но первые лучи солнца уже начали пробиваться сквозь облака. Постепенно солнечный свет залил окрестности, от чего тени из синих стали золотистыми, а деревья, казавшиеся прежде черными, приобрели свой естественный зеленый цвет.

Вулф ощутил необычайную мощь автомобиля, догадываясь, что Чика что-то сделала с двигателем.

— Послушайте, Вулф, — нарушила она молчание. — Я знаю, что вы мне не верите. Но я хотела бы сделать все, чтобы наш союз не разочаровал вас. Поэтому, если вы не против, я изложу свою точку зрения на обстановку в целом.

— Валяйте.

— Вы ненавидите нас за то, что мы берем верх над вашей страной, но в действительности все как раз наоборот, — сказала она. — Ответственность за новую Японию лежит на Америке. Вы, американцы, как бы создали нас — поощряли, финансировали. Вы сделали нас такими, какие мы есть, а теперь для вас невыносимо признать свою собственную ошибку, ибо все то время, пока мы возрождались, вы пребывали в состоянии застоя.

Пораженные нашими успехами, вы завидуете нам и в то же время почему-то не желаете вызвать нас на соревнование. Вместо этого вы публично оскорбляете нас, руга-

ете за успехи, ошибочно полагая, что они достигнуты за ваш счет. Какая несправедливость! Мы ни в коей мере не заставляли ваш народ покупать наши автомобили, электронику и компьютеры. Американцы не дураки. На рынке США, в условиях самой жесткой в мире конкуренции, они отдали предпочтение нашим товарам, потому что они современнее и надежнее американских.

Чика легко и спокойно обогнала шестнадцатиколесный трейлер, как будто он стоял на месте.

— Вы изобрели транзистор, — продолжала она. — И вы же проигнорировали нас, когда мы предложили вам вместе осваивать рынок потребительских портативных радиоприемников и кассетных магнитофонов. Тогда мы занялись этим сами и заработали миллиарды. Вы изобрели микросхему, однако доводку технологии осуществили мы, и теперь вам приходится обращаться за покупками к нам. Ваши компании по производству компьютеров управляются настолько неэффективно, что мы фактически вынуждены приобретать их для того, чтобы непосредственно учить вас эффективному маркетингу, а заодно и продуктивному производству. И вот за все это вы ненавидите нас и боитесь.

— Согласен. Во многом вы правы, — заметил Вулф.

— Послушайте меня, Вулф, потому что положение Соединенных Штатов может оказаться в дальнейшем намного хуже, чем в последние годы, — сказала Чика, ловко лавируя „корветтом“ при обгоне еще одного грохочущего на высокой скорости трейлера. — Вы, наверное, думаете, что я просто-напросто самоуверенна. Тогда не угодно ли выслушать только один пример? Вы заложили основы робототехники, а мы сумели воздать должное ее основателю Джозефу Энгельбергеру. Вы когда-нибудь слышали о таком? Слышал ли о нем хотя бы один американец из тысячи? А мы применили его технологию в промышленности для повышения эффективности и производительности труда и в конечном счете добились выхода совершенной продукции, практически без брака.

А как поступили со своими роботами американцы? Поместили их в Диснейленд. С таким же успехом вы могли бы вышвырнуть их на помойку. Скоро за роботами вам тоже придется обращаться к нам, и тогда вы возненавидите нас еще больше.

— У нас нет особой склонности к коллективизму, — сказал Вулф. — Мы — нация предпринимателей, привыкших в одиночку прокладывать свой путь к успеху, а не следовать общему плану, разработанному кем-то другим.

— Да. Но в нашу эпоху этот романтизм в духе девятнадцатого века порождает жадность и лень. Вы охотно берете наши деньги, а потом снова критикуете нас за то, что мы сделали вас богаче. Ваш предприниматель нового типа желает приобрести только ради того, чтобы затем уничтожить, тогда как мы приобретаем ради того, чтобы сохранить. Разве это не удача для вас, что мы купили мюзик-холл „Радио-Сити“ и Рокфеллеровский центр? Теперь есть гарантия, что ваши дети и дети ваших детей смогут наслаждаться этими достопримечательностями.

— Никому не нравится, когда его национальные реликвии оказываются в руках иностранцев.

— Нам, японцам, — усмехнулась Чика, — не нравится, что титул чемпиона по борьбе сумо в тяжелом весе в настоящее время принадлежит американцу.

Город встретил их, окрашенный рассветом в гранитно-серые тона. Мусорщики смывали грязь с тротуаров, разгоня сонные группки мокрых и жалких бездомных и вынуждая их скрываться в затененных, пока еще высоко не поднялось солнце, переулках.

Чика припарковала машину рядом с синим кирпичным зданием главной судмедэкспертизы, и они вместе поднялись по лестнице. Вулф заблаговременно позвонил Вернону Харрисону домой, и тот теперь ждал их, держа в руке большой бумажный стакан с кофе.

— Я мог бы, конечно, предложить вам этот напиток, но не настолько же сильно вас ненавижу, — пошутил он, с гримасой отвращения отхлебывая из стакана. — По правде говоря, привычка к нему вырабатывается годами. А еще ходит шутка, что его готовят внизу, в морге, из формалина и крови. Но, по крайней мере, он с выдержкой.

Харрисон расхохотался, хотя явно рассказывал эту байку уже столько раз, что она звучала в его устах как-то заученно.

Вулф представил Чикю как подругу Моравиа, ничего к этому не добавляя. Собственно, он и не знал, что еще о ней сказать. Харрисон провел их вниз, в морг, прошелся вдоль холодильных камер, а затем потянул за какую-то рукоятку. Дверца из нержавеющей стали распахнулась, открыв взору носилки с лежащими на ней бранными останками.

— Работать с ним уже нельзя, — печально сказал Харрисон. — Он уже так дозрел, что мне в конце концов пришлось под завязку накачать его консервантами. Хорошо, что у него нет никаких родственников, а то они бы уже тут камня на камне не оставили.

— Я слышал, что токсикологический анализ дал кое-какие результаты, — вставил Вулф.

— Кое-какие, — кивнул Харрисон, отхлебнув глоток кофе. — Честно говоря, я до сих пор не понимаю, что случилось с этим парнем, но мы наконец выявили причину химических аномалий в организме. У этого молодца уровень эндокрина такой, что обладеть можно. То есть я хочу сказать, что у меня в двадцать пять лет он наверняка был значительно хуже. Никогда не встречал ничего подобного.

— Это-то его и доконало?

— Найн, майн херр! — блеснул Харрисон знанием немецкого. — Я пока не знаю, от чего он умер, но одно могу сказать точно: если бы его не убили, то все равно он бы загнулся не позднее чем через шесть недель.

— От чего?

— От рака, — сказал Харрисон. — Причем метастазов так много, что и не сосчитать. И еще могу сказать, что среди них нет ни одной естественной опухоли.

— Они что, вызваны искусственно? — спросил Вулф. — Но посредством чего?

— Инсулинообразный фермент „фактор-1“, стимулирующий рост, — раздался голос Чики.

Мужчины повернулись к ней.

— Можно повторить? — осведомился Вулф.

— Полагаю, что леди говорит о гормоне роста, который образуется у людей естественным образом, — произнес Харрисон. — Он вырабатывается гипофизом. Я кое-что слышал об исследованиях, где его рекомбинированную форму использовали для замедления процесса старения у пожилых. По принципу снижения уровня содержания жира в их теле путем его замены мышечной массой, характерной для молодого организма.

— Однако, — вновь подала голос Чика, — думаю, что вы в первый раз ознакомились с последствиями омоложения, вызванного генетическими методами.

Тут уже Харрисон выпучил глаза:

— Вы что, хотите сказать, что ДНК у этого человека каким-то образом изменена? Ведь это же невозможно!

— Доктор, тринадцать дней назад Лоуренс Моравиа был нормальным мужчиной сорока восьми лет. Ну-ка, скажите мне, сколько ему сейчас?

Харрисон хмыкнул:

— На данный момент могу с уверенностью утверждать о нем только то, что он мертв и больше не соответствует нормам.

— А как насчет нарумяненных щек? — спросил Вулф. — Имсет ли это какое-то значение?

Чика утвердительно кивнула головой:

— Юкио Мишима как-то написал, что „мужчины, даже мертвые, цветом должны походить на цветущую вишню“. Думаю, он имел в виду, что смерть, хотя и лишает мужчин жизни, не должна заодно отнимать у них цвет, мужественность. Наложение румян составляет часть погребального обряда.

— Выходит, смерть Моравиа не случайна?

— Вне всякого сомнения.

Когда они ушли от Харрисона, Вулф, стоя на лестнице, обратился к Чике:

— Ну хорошо. Вы просветили меня о том, каким способом убит Моравиа. А почему его убили?

Вулф задал этот вопрос для проверки. Он, разумеется, знал ответ, поскольку Шипли информировал его о том, что Моравиа занимался шпионажем и попался на этом. Но Вулфу хотелось услышать версию Чики о случившемся.

— Лоуренс стал объектом эксперимента, — сказала Чика. — Его подключили к биокомпьютеру под названием Оракул. Этот Оракул заявил, что способен перестроить цепочку ДНК в живом организме. Ожидалось, что Моравиа станет доказательством такой возможности.

Какое-то время Вулф смотрел на нее, размышляя, кому верить — Чике или Шипли. Может быть, никому из них?

— Что же произошло? — наконец спросил он.

— Не знаю. В методологии Оракула имеет место какой-то просчет. Процесс омоложения привел к образованию многоклеточных карцином. Моравиа убили, чтобы сохранить эту тайну.

— Почему тело не сожгли? — поинтересовался Вулф. — Это исключило бы возможность вскрытия.

— Необходимо знать принципы „Тошин Куро Косай“, — ответила Чика. — Я уже говорила об этом. Смерть от огня позорна.

— Следовательно, Моравиа что-то значил для общества Черного клинка?

— Да. Он находился в близких отношениях кое с кем из руководства.

„Достаточно близких, чтобы шпионить“, — подумал Вулф, а вслух сказал:

— Ну ладно, вот вы говорили, что Суму направили, чтобы убить меня, и у меня достаточно оснований верить этому. А вас-то зачем послали?

— Чтобы защитить вас. И еще, чтобы переправить в Японию. Вулф, вы нужны там для того, чтобы остановить

непреодолимое наступление „Тошин Куро Косай“. Видите ли, до сих пор кое-что их сдерживало. В течение нескольких десятилетий члены общества знали, что они вымирают. С этой особенностью — перестроенной ДНК — дети у них не рождались. И все это время у них существовала программа, направленная на изыскание возможности искусственно вызывать эту перемену у новорожденных.

— Чтобы увеличить число себе подобных?

— Вот именно. И теперь, как мы думаем, они получили такую возможность благодаря появлению Оракула.

Юджи снова испытывал чувство неудовлетворенности. Хотя у него с Оракулом и установился несравненно более тесный контакт, чем у Хирото, его все равно бесило сознание того, что до подлинной синхронизации еще очень и очень далеко. И эта пропасть порождала отчаяние.

— Давай начнем опять с самого верха, — произнес Юджи громко, хотя в помещении никого больше не было.

— С верха чего? — спросил Оракул приятным синтезированным голосом — женским, по мнению Хирото, но несомненно мужским с точки зрения Юджи.

— Того, что ты сказал раньше, — терпеливо уточнил Юджи. — Повтори это, пожалуйста.

— Опасность в жизни, — сказал Оракул, — а не в смерти.

— Что это значит?

— Только то, что я сказал.

— Ты говоришь бессмыслицу.

— Мой синтаксис безупречен.

Юджи молча уставился на черный куб. Он с силой выдохнул воздух через нос, стараясь успокоиться. Затем направился к стальной двери, отпер ее и впустил в помещение Хану.

— Я делаю это вопреки собственному правилу, — буркнул он. — Просто от твоих приставаний я уже плохо соображаю и еще потому, что у меня ничего не получается.

— Понимаю, — сказала Хана таким тоном, который напомнил Юджи его мать.

Она встала перед Оракулом, ничего не говоря. Прошло довольно много времени.

— Я ожидала совсем другого, — произнесла вдруг она и рассмеялась. — Почему-то я думала увидеть Робби-робота из книги „Запретная планета“.

— Оракул не робот, — пояснил Юджи. — Во всяком случае, не в традиционном представлении.

— Он нечто большее.

— Да, гораздо большее, — сказал он, следя за ней. — Тебя разочаровал его внешний вид?

— Нет, — отозвалась Хана, шагнув вперед и приложив ладонь к стенке черного куба. — Я чувствую тепло. Как от человеческого сердца.

Она повернулась к Юджи:

— Как ты с ним сейчас общаешься?

— Хирото пишет световым пером, а я предпочитаю устную речь.

— Другого способа нет?

Этот вопрос удивил Юджи.

— Не понимаю тебя.

— Для моих целей не подходит ни устная речь, ни клавиатура.

— Ну тогда нам делать нечего. Приехали, — отозвался он, втайне ощутив огромное облегчение.

Хана обошла кругом черный куб. Юджи увидел, что она разглядывает хитросплетения вспомогательного оборудования, и у него екнуло сердце. Она приблизилась к гнезду оптических микроволоконных проводов, которые подсоединялись к ультрасовременным компьютерным микросхемам на основе арсенида галлия, уместившимися на контурной плате размером с отпечаток ее большого пальца. Провода скрутились в жгут, и взгляд Ханы остановился на пяти прикрепленных к их противоположным концам липких контактах, чувствительных к давлению. Юджи увидел, как ее палец по очереди касается их, и затаил дыхание.

— Для чего это устройство?

Юджи, похолодев от страха, не стал объяснять, поняв по ее тону, что она и так знает ответ. Вместо этого он коротко бросил:

— Оно не работает.

Хана повернулась к нему:

— Ты испытывал его.

Юджи промолчал, чувствуя на себе ее пристальный взгляд.

— Я хочу, чтобы ты подключил меня.

— Извини, — пробормотал он, — я, кажется, тебя не понял.

Она повторила свою просьбу, и он почувствовал, что ее не проведешь.

— Это невозможно, — отрезал он.

— Очень даже возможно. Ты говоришь прямо как Хирото.

Ее спокойная уверенность бесила его.

— Ладно-ладно, согласен. Это возможно, во всяком случае теоретически. Но это слишком опасно.

— Я ведь правильно поняла, что ты испытывал это устройство? — спросила она и, истолковав его молчание как знак согласия, кивнула: — Мне все ясно. Все это помещение пропиталось твоим страхом.

— Я не сумасшедший, чтобы исполнять твою просьбу.

— И тем не менее ты ее исполнишь, — сказала Хана. — Ведь именно ради этого я пришла сюда. Ты позволил мне прийти, не так ли? Не обманывай сам себя. Наступил такой момент, когда Хирото не знает, что происходит внутри Оракула, а ты не понимаешь, что он говорит. Подключи меня, и я разберусь во всем.

— Или погибнешь! — воскликнул Юджи. — У нас нет ни малейшего понятия о том, как подключение к Оракулу повлияет на твою нервную систему.

— Позволь напомнить, что у тебя нет ни малейшего понятия насчет того, что там у меня с нервной системой, — парировала Хана с безупречной логикой.

— Тем более необходима осторожность.

— Оракул не допустит, чтобы со мной случилась какая-нибудь беда.

Юджи посмотрел на нее в упор.

— А вот это уже глупости, — сказал он.

— Глупости? Давай поговорим. Попробуй отрицать, что мысленно ты частенько представляешь себе Оракула живым существом.

— Не знаю, что и подумать.

— Зато я знаю, что у тебя на уме.

Юджи вспомнил о таинственных способностях Ханы. А вдруг Оракул каким-то непостижимым образом уже „говорила“ с ней? „Это безумие, — попытался он убедить себя, — это означало бы, что она права, что мысли о разумности Оракула действительно имели место. Но она ведет себя так уверенно, так смело...“

— Вот почему я здесь, Юджи-сан, — донесся до него голос Ханы. — Мой дар ощущать волны, идущие изнутри меня, позволяет мне „видеть“ за пределами пространства и времени, воспринимать видение чем-то вроде сценической площадки, сознавать, что, по сути дела, это всего лишь поверхность, на которой людям сподручнее выстраивать события, поскольку иначе они не смогли бы их объяснить. В реальности же за этой внешней стороной действуют иные законы мироздания, где время, тяготение и пространство являются просто различными проявлениями единого и всеобъемлющего принципа существова-

ния. — Хана с определенным удовлетворением заметила по лицу Юджи, что на него снисходит понимание, и, когда оно стало, по всей видимости, полным, сказала: — Теперь тебе понятно, почему мне надо подключиться к Оракулу и откуда я знаю, что он не допустит, чтобы сверхмощные контуры ЛАПИД не причинили мне вреда. Это все результат моей болезни. Именно так функционируют мои нервные волокна, и именно так я мыслю. Между мной и Оракулом существует некая связь, как если бы он был моим братом.

Юджи приложил руки к вискам, но головная боль не поддавалась контролю. Ему так давно хотелось познать тайну произошедших с Ханой изменений. Но сейчас он испытывал лишь желание отвернуться от нее и убежать как можно дальше. Стремясь успокоить нервы, он сделал несколько глубоких вдохов и вымолвил:

— Я не хочу делать этого.

Хана, приблизившись, печально посмотрела на него.

— Бедный Юджи. Твой страх расколот тебя на две части, и теперь они борются между собой.

— Меня страшит хаос внутри меня.

Она коснулась рукой его щеки.

— Так вот каким ты видишь свой дар? Хаос окружает тебя со всех сторон. Прислушайся, Юджи. Разве ты не слышишь первичного рева Вселенной?

— Я не слышу ничего, кроме тишины.

— Да. Вслушайся в тишину.

Он посмотрел на нее умоляюще.

— Хана, ты должна отказаться от этой безумной затеи.

— Тогда запрети мне вступать в контакт с Оракулом.

Он промолчал, и тогда она повела его к биокомпьютеру.

— Твоя задача ясна, — произнесла она. — И она была ясна с самого начала. Ну давай же, исполни то, что ты считаешь нужным.

Ему понадобился час, чтобы все подготовить. Закончив, он усадил ее в кресло рядом с черным кубом и сам сел рядом, положив дрожащие руки себе на колени. Через некоторое время он ощутил, как Хана коснулась его руки, и ее сильные гибкие пальцы сплелись с его собственными.

— Не бойся себя, Юджи.

— Себя? Я боюсь этой чертовой штуки.

— Нет. Ты боишься той части самого себя, которую ты вложил в него.

Глубоко вдохнув, Юджи перевел взгляд с бледного умного лица Ханы на переднюю панель Оракула, черную и тоже умную. Теперь до него дошло, что для него они

оба — глубочайшая тайна, а через мгновение они вместе образуют невообразимый прежде симбиоз. Именно этого больше всего хотелось Хане, и именно этого больше всего хотелось ему самому. Пусть так и будет.

Глядя Хане в глаза, он протянул руку и щелкнул выключателем...

— Нам лучше всего добраться до Токио как можно скорее, — сказала Чика. — Но поскольку Сума следит за вами, обычные способы не подходят. У меня есть друг, который может помочь.

— Значит, я должен бросить работу? Просто взять и исчезнуть?

— Вы все еще не понимаете, — заметила Чика. — У вас нет выбора. Сума постарался на сей счет.

Вулф, вспомнив о Шипли, о своем решении взяться за предложенную разведчиком работу, осознал, что иного пути у него и впрямь нет.

— О'кей. Но сначала мне нужно заскочить в офис. Это важно.

— Только на минуту, — предупредила Чика. — Времени у нас в обрез.

Они проехали на юг по Второй авеню до Кристи-стрит, далее повернули на восток по Кэнел-стрит, добравшись до Аллен-стрит, свернули на Восточный Бродвей и двинулись в западном направлении. Вулф объяснил Чике, что хочет забрать свой служебный револьвер. В общем-то он сказал правду, но, кроме этого, ему хотелось увидеться со Сквэйром Ричардсом и попробовать расхлебать ту кашу, которую они вместе заварили, прежде чем Бризард успеет использовать этот подходящий случай, чтобы крепко приложить его.

— Объясните мне, — попросил Вулф, — каким образом общество Черного клинка планирует использовать биокомпьютер, если его методология омоложения несовершенна.

— Они очень близки к решению этой проблемы. Им не хватает только одного-единственного катализатора, и тогда перед ними откроются две возможности.

— Тогда вы правы, — произнес он, сделав в уме заметку при первой же возможности сообщить Шипли эту страшную новость. — Времени действительно мало.

Здание старого кинотеатра на окраине китайского квартала закрывала глубокая тень. Войдя внутрь, Вулф заметил, что покраска уже закончена и маляры ушли.

— Боже мой! Лейтенант! Рад тебя видеть! — услышал

он голос Бобби. — Я тут все пытался дозвониться к тебе в Ист-Хэмптон.

Бобби выбежал навстречу Вулфу. После встречи с голубой шаровой молнией на задворках Баррио он внешне стал старше, мудрее и печальнее. А сейчас он еще к тому же и нервничал.

— Я как раз ехал в город, — пояснил Вулф, открывая нижний ящик своего стола и извлекая оттуда револьвер, кожаную кобуру и запасные патроны. — А что случилось?

— Сквэйр, — выдохнул Бобби. — Его нашли мертвым сегодня утром перед его же домом в Тремонте. Убит двумя выстрелами в затылок.

— Боже мой!

Вулф смотрел на Бобби и размышлял. Неужели Сквэйр оказался настолько глуп, чтобы взять долг своего брата на себя? Значит ли это, что его прикончили ростовщики-мафиози? Он бросил взгляд на Чику.

— Я помню про Суму, но все равно мне лучше смотреть-ся туда прямо сейчас.

— Вулф, — голос Чики прозвучал мягко, но настойчиво, — у нас на это нет времени.

Бобби тем временем поглядывал то на Чику, то на Вулфа.

— Лейтенант, — сказал он наконец, — в любом случае я не думаю, что это хорошая идея.

— О чем ты говоришь?

— Ну, в общем-то, у нас появился один след, — выдал из себя Бобби, переминаясь с ноги на ногу. — Я тут только что узнал от Ротштейна из баллистической экспертизы, что тесты показали, что Сквэйр убит из твоего револьвера.

До Вулфа донесся тихий вздох Чики у него за спиной.

— Бог ты мой! — воскликнул он. — Бобби, ты же сам только что видел, как я отпер стол и достал оттуда револьвер.

— Так точно, лейтенант.

— Стало быть, все выходные я его в руках не держал. Бобби неуверенно покачал головой.

— Это значит только то, что у тебя не было его две минуты назад, — сказал он.

— Бобби, это же чушь собачья. Меня подставили.

— Я тебе верю, лейтенант, да и все „оборотни“ тоже. Но ты учти, что, после того как прикончили Джуннора, все ходят пуганные. У всех в управлении хреновое настроение. А Бризард, как тебе известно, все норовит разделаться с нами. Кует железо, пока горячо. Он теперь всю испол-

зует твою стычку со Сквэйром, призывая черных фраеров со всех участков нажать на комиссара. Расследовать убийство Сквэйра нам не дали, а то, как сказал Бризард, может получиться конфликт интересов. — Бобби глубоко вздохнул и добавил: — А еще тебе повестка из прокуратуры. Вызывают на допрос.

— Вулф, — вмешалась Чика, — у нас действительно нет времени. Все это начинает дурно пахнуть. Надо сейчас же сматываться отсюда.

— Нет, теперь я не могу просто так слинять, — возразил Вулф. — Я должен бороться. Если мне удастся добраться до комиссара, я докажу, что Бризард лжец и рабист.

— А я даю гарантию, что если вы останетесь, то Сума ничего не даст вам сделать.

Бобби не знал, кого из них слушать.

— Она права, лейтенант, — подал он наконец голос. — Тебе надо слинять отсюда и сидеть тихо до тех пор, пока мы не раздобудем какие-то четкие данные о том, кто замочил Сквэйра. Ротштейн шепнул мне, что сюда направляется команда из службы внутренних расследований, чтобы приобщить к делу твой револьвер, а тебя доставить в Главное полицейское управление.

— Выбора нет, — сказала Чика.

Вулф взглянул на свое оружие.

— Бобби, я бы для начала поговорил с братом Сквэйра, — произнес он, засовывая револьвер, боеприпасы и прочее в карманы своей летной кожаной куртки. — Стычка произошла именно из-за него. Сквэйр хотел вытрясти из владельца „Ла Ментира“ деньги, чтобы спасти брата от ростовщиков.

— Хорошо, лейтенант, сделаю, — согласился Бобби. Он протянул Вулфу руку, и тот пожал ее. — А ты будь настороже. По-моему, Бризард твердо решил приложить тебя.

Снова сев в „корветт“, Вулф и Чика покатали по кривым и узким улочкам. Одни из самых старых в городе, они, как ущелья, извивались между домами, прилегающими к каменному сердцу финансового центра Америки. Эта дорога вывела их к восточной стороне южной оконечности Манхэттена, на заброшенный дикий участок земли под эстакадой скоростной магистрали имени Франклина Рузвельта.

Асфальт и древнюю брусчатку покрывали огромные кучи ржавого металлолома, сплюснутых консервных банок, толстого картона и грязных кусков штукатурки. За

последние годы здесь образовался как бы целый город в черте города, и отсюда отверженные Нью-Йорка, число которых все увеличивалось, совершали набеги на соседние улицы.

— Бризард загоняет меня в угол. Изю всех сил старается, мать его! — выругался Вулф. — А я ничего не могу поделать.

Уже горели костры, на которых кто-то готовил себе пищу. Стояла невероятная вонь, издаваемая отходами жизнедеятельности людей, лишенных каких бы то ни было санитарных удобств. Неподалеку Вулф заметил площадку со свеженными на нее хромированными магазинными тележками. Там и сям виднелись открытые подземные люки электрокомпании „Кон Эдисон“, от которых паутиной расходились провода. Местные обездоленные воровали буквально все, в том числе и электроэнергию.

Занимались они и бизнесом, но неизменно — Вулф знал это по собственному опыту — выходящим за рамки закона. Ему вспомнилось, как в самом начале совместной с Бобби Коннором службы, еще до создания команды „оборотней“, он прибыл с ним сюда в один из летних вечеров. Газ так разъедал глаза, что им пришлось воспользоваться противогазами, чтобы не облежаться. А приехали они по наводке одного из осведомителей Вулфа, сообщившего, что именно здесь скрывается рецидивист, зверски изнасиловавший и убивший пожилую пару. Других причин находиться в этом месте просто не могло быть, так как и полиция, и власти в равной мере махнули рукой на „город безнадежных“, признав его совершенно неуправляемым. Не имея средств для организации патрулирования, они предпочли позволить ему стать чем-то вроде квазимуниципального округа со своими собственными властями и законами.

Однако, не найдя рецидивиста, Вулф и Бобби напоролась на двух братьев — главных заводил, устроивших между собой разборку с поножовщиной. Вокруг них широким кругом стояла уличная толпа, подзуживая то одного, то другого из братьев. Тут же сновали ловкие ребята, предлагавшие заключать пари насчет того, кто победит, и этот бизнес шел у них довольно бойко.

Вулф и Бобби разделились, каждый взяв на себя по одному из братьев. Вулф сумел отнять нож у своего, но другой брат вырвался у Бобби и ножом пропорол ему спереди противогаз, отчего Бобби на какой-то момент перестал видеть. Он вслепую попытался снова поймать своего подопечного, но тот опять вывернулся и как бешеный рванулся вперед, всадив нож в живот своему брату и почти одновременно получив от Вулфа пулю в грудь.

Вулф так и застыл, видя сквозь пластиковые очки противоголоза двух мертвых братьев, слыша, как шумит толпа и блюет Бобби, вдохнув омерзительную вонь „города безнадежных“. После этого случая он чуть было не сдал свой полицейский значок. „Что еще может быть хуже?“ — подумал он тогда. Но это оказалось лишь началом погружения в вонючий котел с дерьмом — дно ультрасовременного Нью-Йорка. И вот теперь судьба вновь забросила его в эту обитель отверженных.

Вулф с Чикой вышли из своего черного „корветта“, уже начавшего привлекать внимание местных оборванцев. Обшарпанный хромированный громкоговоритель огромных размеров, подвешенный на проволоке над входом в самодельную лачугу, изрыгал то тяжелую металлическую музыку в стиле хип-хоп, то грубо-агрессивный рэп. Похоже, грохот музыки в такую рань никого не волновал. Подумай, еще один городской шум в дополнение к гудкам автомобилей и реву сирен. В лучах утреннего солнца жужжали мухи. Повсюду наряду с обычным городским смогом чувствовался тошнотворный запах отбросов и немых человеческих тел.

Чика повернулась к Вулфу.

— Как самочувствие? Может быть, вам лучше остаться возле машины? — спросила она.

— Я в норме.

Бросив на него быстрый взгляд, она направилась к входу в хибару. Музыка гремела так, что у Вулфа звенело в ушах.

— Паркер! — крикнула Чика, стараясь перекрыть шум.

Навстречу ей вышли два здоровенных латиноамериканца с татуировкой на могучих ручищах. Одеты в грязные от пота футболки и джинсы, с дешевыми европейскими пистолетами и зловещего вида ножами у пояса, они держали в руках бейсбольные биты, утыканые бритвенными лезвиями.

— А, это ты, — протянул тот, что покрупнее. Под глазом у него красовались две вытатуированные слезы, означающие двухлетнюю отсидку в тюрьме.

— Мне нужно повидаться с ним, — сказала Чика.

Мужчина со „слезами“ под глазом, ухмыльнувшись, подошел к ней. Другой остался стоять у входа в хибару.

— Тебе-то нужно, но кого это ты, черт побери, сюда притащила? — рывкнул подошедший, тыкая Вулфа в грудь. — Соображать надо, кого приводишь! От него так и несет той вонью, которой я уже вдалась нанюхался.

Вулф промолчал, следя за тем, как латиноамериканец обходит его кругом.

— Фараон — большая шишка, да? — прорычал тот, и его бита пронеслась в сантиметре от лица Вулфа. — Думашь, ты сейчас в том Нью-Йорке, к которому привык? Там, где улицы широкие, а народ сорит деньгами? Опибаешься, приятель. Погляди-ка лучше на то, чем я отхватчу тебе нос!

И он угрожающе помахал битой.

— Отвали от меня, — пропедил Вулф.

Мужчина с двумя слезами расхохотался и плюнул Вулфу на ботинки.

— Ну теперь ты точно останешься без носа!

Чика стояла, спокойная и расслабленная. Другой латиноамериканец положил руку на грязную, обмотанную липкой лентой рукоять своего пистолета. Вулф, как бы испугавшись, сделал шаг назад. Его противник наседа, тыкая битой в направлении его лица и ухмыляясь, уже слегка захмелевший от предвкушения кровавой победы.

Вулф внезапно подался вперед, схватил латиноамериканца с двумя слезами за локоть и резко дернул его вперед, используя инерцию своего собственного рывка. Бандит, потеряв равновесие, повалился навстречу ему, и тогда Вулф нанес ему ребром ладони мощный удар в стык ключицы. Уже слыша хруст ломающейся кости, он основанием ладони ударил латиноамериканца в грудь. Тот со стоном рухнул, тщетно пытаясь ухватиться за плечо Вулфа. Его напарник тем временем выхватил пистолет, но в этот момент из лачуги донесся какой-то шум, и в дверях появился тощий белый мужчина с длинной жидкой бородашкой.

Вулф, поняв, что это и есть Паркер, взгляделся в него, тут же прикинув в уме, что если того почистить, побрить и нарядить в костюм фирмы „Брукс бразерз“, то он будет вполне прилично смотреться в полумиле отсюда, на Уолл-стрит.

— Есть разговор, Паркер, — сказала Чика.

Паркер пристально смотрел на Вулфа, лишь один раз бросив взгляд на корчащегося на земле латиноамериканца.

— Пако, убери-ка тут, — велел он второму здоровяку.

— Это друг, — сказала Чика, кивнув на Вулфа.

Паркер наморщил нос.

— Воняет фараоном, — произнес он, нарочито растягивая слова в манере жителей южных штатов.

— Фараон остался в другой жизни, — заметил Вулф.

— Это друг, — повторила Чика.

Паркер стоял под хромированным громкоговорителем, как под неким современным талисманом против злых сил, одетый в полосатые черно-бордовые велосипедные шорты в обтяжку и яркую рубашку ядовитого желто-зеленого цвета с подрезанными рукавами и трафаретной надписью „Серф вуду“ спереди и сзади.

— Если надо поговорить, — сказал он, — проходите внутрь.

Около дверей он сунул руку в горящий мусор, достал головешку и прикурил от нее. При этом Вулф заметил, как перекачиваются у него мускулы. Несмотря на худобу, Паркер оказался довольно жилистым.

Внутри хибары царил духота, пахло дымом, капустой и человеческим потом. На стенах красовались цветные глянцевые фотографии, вырванные из журналов для богатых: экзотические моторные яхты, личные самолеты, сверкающие белизной особняки на пляже Палм-Бич и шикарные кедровые виллы в Ист-Хэмптоне. И все это великолепие покрывала реальная копоть местной действительности.

Разномастные лампы на упаковочных ящиках освещали старый половик из сизаля на бетонном полу, нишу для мини-кухни, обитую листом рифленой жести, и напротив нее — старое выцветшее одеяло, закрывающее проход в другие помещения.

Паркер открыл хрипящий от старости холодильник, извлек оттуда три банки пива — себе, Чике и Вулфу — и уселся в покрытое чехлом кресло. От этих умеренных движений в комнате поднялось слабое облачко пыли, которое, впрочем, тут же осело. Вулф и Чика расположились на простых плетеных стульях, явно много раз ломанных и чиненных.

— Нам надо побыстрее покинуть этот город, штат и вообще страну, — заявила Чика.

Это вызвало у Паркера ухмылку.

— Неужели этот дерьмовый фараон в бегах? Тогда у меня сегодня праздник.

— Сума здесь, — напрямик сообщила Чика. — Он уж наверняка все сделает, чтобы нас остановить.

Паркер задумался.

— Любому, кто поможет вам, придется иметь дело с Сумой, — изрек он наконец.

— Если мы исчезнем достаточно быстро, у Сумы не будет на это времени, — возразила Чика. — Ему нужны именно мы.

Паркер снова ощерился, показав металлические коронки.

— Ну ты и штучка. Понятно, почему из-за тебя многие ребята гадят под себя со страху, — промолвил он и бросил окурок в банку из-под томатного соуса „Контадина“. — Ну да ладно, посмотрю, что можно сделать.

Он встал и удалился за полог из старого одеяла в другую часть хибары.

Чика подошла к двери и выглянула наружу. К пиву она не притрагивалась.

— Что бы вы сделали, не сломай я ключицу у этой двуногой крысы? — поинтересовался Вулф.

— От меня ничего не требовалось, — отозвалась Чика.

— Вы предвидели это конкретное будущее?

— Вероятно, я вам больше верю, чем вы мне.

Сквозь открытую дверь они видели, как идет своим чередом жизнь в „городе безнадёжных“, похожая на жизнь любой из стран „третьего мира“. „Вот только кто бы мог предположить, что так станут жить здесь?“ — подумалось Вулфу.

— Ищите что-то конкретное? — спросил он Чику, уловив ее настороженность.

— Нет, — покачала она головой, продолжая, однако, внимательно осматриваться вокруг.

Заметив голого ребенка, испражняющегося на куче мусора, Вулф вспомнил, как читал доклад городской санитарной службы, быстренько спрятанный мэрией под сукно. Там говорилось, что количество холерный патогенных микроорганизмов типа диплококка, стафилококка, амёбы и сальмонеллы в одном кубическом метре данной местности превышает все мыслимые нормы.

— Вы же знаете, что я пока не могу уехать, — произнес он.

— Очень глупо, — откликнулась Чика. — Сума с удовольствием сожрет вас на завтрак. Послушайте меня, и тогда мне, думаю, удастся сохранить вашу жизнь.

— Вы не понимаете. Я в ответе за смерть Сквэйра.

— У вас нет доказательств.

— Он был одним из моих людей. Попал в беду. Такую большую, что гордость не позволила ему просить у меня помощи, а толкнула на скользкий и опасный путь. А я встал на этом пути, — сказал Вулф, глядя на Чику. — Или вы не в состоянии понять, что такое гордость? Например, мой сенсей — учитель айкидо — не понимал этого.

— Гордость, согласно конфуцианству, грех, — ответила Чика. — Тяжкий и опасный грех.

Десять минут спустя из глубины жилища вынырнул

Паркер, неся фотокамеру „Полароид“ для профессионалов. Он сфотографировал их анфас и снова исчез за одеялом, скрытый и молчаливый.

Появившись вновь, он держал в руке два британских паспорта, которые вручил Чике.

— Не бойся. Они сойдут за настоящие, — успокоил он, ковыряя при этом зубочисткой во рту, из которого пахло кошачьими консервами.

— Благодарю, — бросила на него взгляд Чика, пряча паспорта во внутренний карман.

Паркер опять стал сверлить Вулфа взглядом.

— Спокойно, — сказала Чика. — Я же говорила, что он свой.

Паркер что-то проворчал, но тут черты его лица смягчились при виде девочки лет пяти, с негромким криком бросившейся к нему. Он слегка наклонился и поднял ее на руки.

— Кэти, — пробормотал он, обнимая ее, а она уткнулась лицом ему в шею.

А затем, уступая ее громкому „пожалуйста, папочка!“, он перевернул ее вверх ногами, держа за щиколотки. Из ее рта, скрытого теперь длинными светлыми волосами, вырвалось хихиканье. Паркер встряхнул ее легонько, и она восторженно завизжала в притворном испуге.

— Почему вы живете в этом аду? — спросил Вулф, указывая на скопище вонючих хибар.

— Потому что жизнь всегда лучше смерти, — отозвался Паркер. Он еще немного потряс Кэти так, как обычно трясут посудину с прилипшим ко дну содержимым. — По лицу вижу, что ты не веришь. Наверное, чтобы полностью понять меня, надо оказаться в моем положении.

Он перевернул Кэти головой вверх и, продолжая держать ее на руках, смахнул у нее со лба волосы. Лицо у девочки покраснелось. Она оказалась хорошенькой и, как многие дети ее возраста, заражала окружающих своей жизнерадостностью. Она показала Вулфу язык, а Паркер рассмеялся.

— Семь лет назад я был преуспевающим брокером по инвестициям в одном перспективном деле. Организовывал выкупы на аукционах, — рассказывал он. — Но потом, как говорится, в вентилятор попало дерьмо, рынок лопнул, и очень многие на Уолл-стрит оказались не у дел. Приходишь утром, а твои приятели решают кроссворд в „Таймс“, хотя буквально пару месяцев назад они прокручивали столько всяких сделок, что часто торчали в офисе ночь напролет. Невероятно. Телефоны не звонят целыми днями. Тишина такая, просто жуть берет.

Паркер пересадил извивающуюся Кэти с одной руки на другую.

— Ну а потом, конечно, мы все стали ненужными. Возникла необходимость урезать кадровые излишки, целые отделы пришлось ликвидировать в один день. И нигде не найти никакой работы. Я сильно задолжал, и расплата оказалась тяжелой. Продал сначала свою „БМВ“, часы „Ролекс“, потом пришлось по дешевке продать кооперативную квартиру в Бэттерн-Парк-Сити. Единственная польза от банкротства — это то, что я больше не обязан платить алименты бывшей супруге, хотя она и посылала своих адвокатов вынюхать, действительно ли я стал нищим. Когда же я попросил у нее взаймы, она нагло рассмеялась мне в лицо.

Потом я перебивался случайными заработками. Известно какими — мытьем посуды, работой официантом, ночными сменами, за которые никто не берет. Но после того как меня во второй раз стукнули и ограбили, решил, что с меня достаточно. Хватит быть гражданином славного города Нью-Йорка и хватит уважать закон.

Я лежал в травматологическом отделении одной из больниц. Весь в крови. Больно. Мимо меня медперсонал гонял тележки с жертвами пулевых ранений. Вот тогда-то я и подумал, уж не в аду ли я. Это оказался совсем не тот Нью-Йорк, о котором я мечтал еще мальчишкой, живя в Чикаго. И понял, что придется переступить ту грань, которую меня учили никогда не переступать.

Я поселился здесь, потому что это мой единственный шанс выжить. И если чему-то научился тут, так это стойкости, потому что лишения закаляют. Люди способны вынести почти все, если только настроятся на это. Пять лет назад я бы сам никогда в такое не поверил.

Он посмотрел на ребенка, которого держал на руках.

— А теперь у меня есть Кэти. Ее мать умерла от сверхдозы героина, а отца зарезали за то, что он украл банку консервированных бобов из соседней лачуги.

Паркер издал какой-то нечленораздельный звук.

— Это, знаешь ли, забавно. Все то время, пока я был женат, работал на Уолл-стрит, имея дело с многомиллионными счетами своих клиентов, я и понятия не имел, что значит „нести ответственность“. А вот воспитывая Кэти, я понял это, так что теперь часто думаю, что все оказалось к лучшему.

Он разразился смехом, в котором чувствовалась ирония по отношению к самому себе.

— Ну конечно же. Так мне и положено думать, а иначе, ясное дело, свихнусь. Но вера — забавная штука, такая хрупкая в одних случаях и такая абсолютно несокрушимая в других.

Он поцеловал Кэти в голову, прижимая ее к себе.

— Ты, наверное, будешь смеяться, но я сейчас читаю Юнга. Спер книжки в публичной библиотеке. И правильно сделал: туда ведь в наше время никто не ходит. И вот я читаю его книги и думаю о том, что в самый разгар всех этих колоссальных социальных потрясений все по сути своей остается тем же самым. От этого как-то даже успокаиваешься. Мне очень хочется научить Кэти тоже так думать.

Паркер пожал плечами.

— И вообще-то, фараон, кто знает, может быть, не я, а ты живешь в аду.

Вулф выслушал эту потрясающую историю с напряженным вниманием. Теперь он понял, почему отец, которого ему вдруг странным образом напомнил Паркер, без остатка отдался своим профессиональным делам. Для Питера Мэтисона быть кем-то значительным стало najważнейшим делом всей жизни. Вот почему записался он в техасские рейнджеры, вот почему ощутил необходимость покинуть жену и сына, забыть свое убогое существование и дикую Австралию. Здесь у него появлялся шанс ощутить свою значимость, стать тем героем, которого видел в своих мечтах, но которым не стал.

— Папочка!

— Ш-ш-ш, Кэти, — отозвался Паркер нежно, но твердо.

— Но я...

— Больше никаких вислок, малышка.

Девочка в его руках начала извиваться, и он поставил ее на пол. Однако она тут же разревелась, и он снова взял ее на руки.

— Кэти, что с тобой?

Вулф заметил, что она дрожит. Ее лицо побледнело, и она начала подвывать. Что-то ее явно напугало. Паркер повернул ее к себе, пытаясь взглянуть в заплаканное лицо.

— Ей жарко, — сообщил он. — Но она совершенно сухая. И дрожит как осиновый лист.

— Паркер, поставьте ее на пол.

В голосе Чики Вулф различил внезапный страх. Но Паркер, чрезвычайно возбужденный ухудшающимся состоянием дочери, ничего не слышал.

— Паркер! — настойчиво повторила Чика, пытаясь разжать его руки так, чтобы не сделать больно ребенку. — Поставьте ее на пол!

— Ей плохо! — упирался Паркер. — Я не собираюсь...

— Вы не понимаете, что происходит... Страшная опасность...

В этот момент ребенок начал светиться. Ее глаза широко раскрылись, зрачки расширились, и она ужасно застонала. На кончиках пальцев заплескали голубые огоньки. Затем огонь перекинулся на руки. Кэти издала громкий вопль, и в тот же миг пламя с шипением охватило ее всю.

— Господи Иисусе! — закричал Паркер. Он никак не мог поверить в происходящее и не отпускал ребенка, находясь в состоянии человека, сраженного пулей, когда тот оседает, ничего не чувствуя, но разум его как бы застыл на последнем моменте предыдущего, нормального существования, за мгновение до того, как что-то невыносимое разорвало в клочья пространство и время и сделало действительность нереальной.

Сума выследил их!

До Вулфа уже донесся удушливый запах горящих волос и плоти. Лицо Кэти искажил страх и что-то еще, некий ужас, который не поддавался определению.

Нужно что-то делать, как-то помочь ребенку. Он нагнулся, хватая с пола ветхое одеяло, но, выпрямившись, обнаружил, что не может шевельнуться. Дыхание давалось с трудом. Сердце как будто сжали в кулаке, мешая ему биться, подавляя пульс до едва заметного, как перед смертью. Вулфу моментально вспомнилась та ночь на крыше дома Аманды, где он столкнулся с силой в облике тени и тоже не мог ни двигаться, ни дышать. Различий между этими двумя моментами — прошлым и нынешним — он не ощутил. Его прошиб холодный пот, и лишь огромным усилием воли он подавил уже знакомое и вновь возникшее чувство ужаса и беспомощности, охватившее его в те мгновения, когда он летел вниз, разбивая стеклянную крышу и теряя сознание.

Он моргнул. Боль тяжелым холодным валуном продолжала давить на грудь.

— Поставь Кэти на пол, — вновь с неестественным спокойствием сказала Чика Паркеру. — Отпусти ее. Это единственная возможность спасти ее.

Безудержно рыдая, Паркер сделал наконец то, что она велела. Его рубашка на груди прогорела, тут и там от него струился дымок, а руки стали по локоть черными от

копоти. Но он этого не замечал, уставившись на свою дочь, которая, лежа на камнях, корчилась и кричала от огня, продолжавшего пожирать ее.

В этот момент Вулф ощутил нечто, воспринятое им как колебание воздуха, искажающее очертания предметов, над шоссе в жаркий день. Дохнуло чем-то прохладным, и на миг между ним и Чикой промелькнула какая-то темнота, какой-то мгновенный разрыв в пространстве. Ему почудилось, будто рядом с ним дышит нечто невидимое. Ему стало легче. Боль утихала. Ощутив во всем этом что-то смутно знакомое, он повернулся к Чике.

Возможно, в тусклом свете и пыльном воздухе его зрение обмануло его, но в ту секунду он мог бы поклясться, что глаза Чики изменили цвет, став яркими до такой степени, что, казалось, по самому краю радужной оболочки вспыхнули зеленым светом крошечные серпы. Он тут же моргнул, после чего ее глаза предстали перед ним такими же, как и прежде, — темными и бездонными. Услышав вскрик Паркера, он повернулся в его сторону и увидел, что пламя на животе Кэти гаснет.

Стоя рядом с ней на коленях, Паркер раскачивался из стороны в сторону и подвывал, не в силах вымолвить ни слова.

Выватил свой револьвер, Вулф бросился из лачуги наружу.

— Вулф!

Ужас, прозвучавший в крике Чики, заставил его содрогнуться, но он уже не останавливался, не мог остановиться, преследуемый образом маленькой девочки, охваченной пламенем, которое сжигает ее тельце, сгущает и высушивает кровь.

Боковым зрением Вулф заметил что-то неуловимое, словно угря среди кораллов, какое-то движение тьмы справа от себя и резко повернул туда, расталкивая в стороны вытаращившихся на него местных обитателей. Он бежал параллельно эстакаде, продираясь сквозь самодельные постройки, оставляя позади коптящие костры в проволочных мусорных корзинах, перепрыгивая через нелегальные кабели местных электропиратов, огибая желтоглазых собак, свирепостью не уступающих волкам.

Выбежав из „города безнадежных“, он оказался в окружении старых складов, до того ветхих, что, казалось, они только и ждут, когда придет кран с тяжелым шаром на тросе и обратит их в прах, из которого их некогда сотворили. Под ногами лежала древняя мостовая, вся в грязи и колдобинах от двухвекового непрерывного использования.

Неподалеку от Вулфа на скрипучих петлях болталась от ветра маленькая испарпанная дверь. К скрипу добавлялся ритмичный стук сломанного висячего замка. Вулф стал осторожно подбираться к двери, заходя сбоку и укрываясь по возможности за массивными железными опорами эстакады. Он проверил свое состояние и остался им удовлетворен: левая нога слегка побаливает, но одышки нет. Пока все хорошо, а там видно будет.

Рывком распахнув дверь, он быстро влетел внутрь склада. Тусклый свет серого утра сменился багровым полумраком. В ноздри, как призрачное напоминание об иных временах, ударили запахи. Пахло хрысиными гнездами, гниющими опилками, вонючей сушеной рыбой.

Он знал, что теперь необходима крайняя осторожность. В этом месте ощущалось присутствие силы, несомненно способной убить его, уничтожить точно так же, как и та сила, с которой он уже сталкивался дважды. Почему она еще не угробила его? Дрожь пробрала Вулфа, когда он вспомнил охваченную пламенем Кэти.

Вспомнились слова Чики:

„Сила проявляется в скрытой, постоянно меняющейся форме, и тогда она похожа на тень, на нечто живое, что некоторые люди могут ощутить и даже, вероятно, увидеть в пределах своего поля зрения. И в таком концентрированном состоянии сила способна на многое. Она, например, может действовать как невидимый кулак, перемещать неодушевленные предметы. Она способна нести боль и даже смерть другим людям“.

Он внутренне содрогнулся, узнавая все эти признаки и испытывая при этом прежнее, уже пережитое чувство. Не эту ли живую тень он ощущал в лачуге Паркера, а еще раньше — на крыше? Нечто холодное в воздухе, мимолетное затмение, вроде мгновенного движения воздуха. И нечто невидимое, дышащее рядом.

Он постоял в густой тени, дожидаясь, пока глаза привыкнут к темноте. Постепенно он стал различать окружающие предметы. По-видимому, здесь располагалась приемная контора, маленькая, невзрачная и до предела запущенная. Вулф прошел через заднюю стеклянную дверь и очутился непосредственно в складском помещении, просторном и грязном от копоти, за которым, очевидно, шли малые хранилища для скоропортящихся продуктов. Окна, расположенные настолько высоко, что снизу казались крошечными, пропускали отдельные лучи света, падавшие на стены, а ниже горели тусклым кроваво-красным светом голые лампочки.

Слева от Вулфа круто уходила вверх железная лестница, ведущая на узкие мостки, опоясывавшие главный склад по всему периметру. Он двинулся наверх: оттуда легко было заметить любого, кто появится внизу.

Перешагивая сразу через три узкие ступеньки, Вулф испытывал слабое тянущее ощущение от раны на левой ноге, но боли не чувствовалось. Более того, такая энергичная разминка для мышц пошла ему на пользу, и он, достигнув верха, ощутил внезапный прилив адреналина в крови. Постояв мгновение, он снял туфли и засунул их в карманы куртки. Теперь он двигался быстро и бесшумно, однако не было уверенности, что эти люди, Сума и ему подобные, не смогут ощутить его присутствие здесь, в этой темноте и тишине.

В середине мостков Вулф залег, чтобы в меньшей степени представлять собой цель, и оглядел помещение грузового склада. Заметив движение в дальнем конце, он вскочил и поспешил к концу мостков, а оттуда вниз, по еще одной крутой лестнице.

Спустившись, он очутился перед цепочкой небольших клеток, заполненных металлическими ящиками, коробками из толстого картона и мешками с цементом, хотя склад в целом производил впечатление бездействующего. Вулф заметил, как что-то осторожно движется в третьей клетке, но стоило ему сделать шаг вперед — и это „что-то“ исчезло.

Он распахнул сетчатую дверь, разглядев в красноватом свете, что висячий замок на ней взломан. Очень узкий проход между ящиками и мешками вел по центру клетки к двери в другую такую же клетку. Вулф двинулся по проходу, развернувшись правым плечом вперед и держа револьвер наготове. По обе стороны от него, возвышаясь высоко над головой, тянулись многочисленные нагромождения коробок. Перед входом во вторую клетку виднелся небольшой просвет, и Вулф рассмотрел, что сквозь сетчатые стены, напоминая вены на тощей руке, тянутся электропровода. Как карликовые солнца, горели лампочки, расположенные чересчур далеко, чтобы хоть что-то значить.

Вот и третья клетка. Вулф миновал сетчатую дверь и осторожно прокрался по грязному и неровному бетонному полу. Бросив взгляд вверх, он, как водолаз, стоящий на дне опасной подводной ямы, увидел высоко над собой далекий маянящий луч солнечного света. Он успел пройти уже половину узкого прохода, но тут сложенные в огромную пирамиду полихлорвиниловые трубы вздохнули и

шевелинулись, наполнив воздух жуткими скрипами и стонами, как духи, разгневанные оттого, что их посмели пробудить от долгого сна.

Вулф попытался проскочить, но трубы, напоминающие волосы медузы Горгоны, извиваясь, преградили ему путь. Они походили на мифических змеев, белых и безглазых, вызванных из земных глубин. Вулф метнулся назад, но путь к отступлению оказался отрезан: трубы, действующие наподобие македонской фаланги, оттесняли его к мешкам с цементом.

Они уперлись ему в грудь, заставив болезненно изогнуться назад, но Вулф, извернувшись, сумел отбросить в сторону несколько мешков и спрятаться в образовавшейся нише. В этом ограниченном пространстве он особенно ясно ощущал, как тяжело ему дышится, как сильно колотится сердце, как сходит с него волнами жар. Вскоре, однако, трубы, как бы ощупывая все вокруг, отыскивали Вулфа в его убежище. Он попытался найти что-то, чем хотя бы временно защититься от начавшихся таранных ударов, но не нашел ничего подходящего.

Одна из труб, опережая все остальные, больно ударила Вулфа в плечо, и он, изогнувшись, рванулся назад, разбрасывая тяжелые мешки в разные стороны. На какое-то время это спасло его, но он понимал, что в конечном счете это ничего не даст — он доберется до стенки клетки и будет раздавлен.

В этой темноте Вулф не мог даже воспользоваться револьвером. Фактически ему пришлось спрятать оружие в кобуру, чтобы обеими руками разбрасывать мешки, отступая все дальше и дальше перед извивающимися трубами.

В конце концов он все же достиг стенки. Толщина проволоки исключала всякую мысль о том, чтобы как-то прорваться сквозь нее. Вулф повернулся к стене спиной. Второй ряд труб в этот момент уже добрался до него, прижимая его к стальной сетке. И вдруг их движение прекратилось. Вулф ухватился за верхний ряд, попытавшись задвинуть трубы назад, но они не поддавались.

В этот момент он почувствовал, что температура вокруг повышается. Сначала пришло мягкое тепло, согревшее холодный утренний воздух. Но оно быстро сменилось жаром, жестоким и неумолимым, пышущим, как из открытой печи. Запахло жженым, и Вулф, к своему ужасу, увидел, что ближайшая к его голове труба задымилась. „Боже мой, — подумал он, — Сума применяет свою вну-

твенную энергию, чтобы поступить со мной, как с Кэти и Аркуилло!"

Он услышал треск огня, а вслед за этим из трубы рядом с его правой ногой с гудением вырвалось пламя. Одна за другой загорелись остальные трубы, и вскоре огонь полыхал уже на площади размером около двух квадратных метров. Волосы медузы Горгоны стали огненными. А в центре этого пожара — призрачная размытость, как муть в воде, вызванная шевелением гигантского угря. Ясно, что Сума наращивал свою психологическую энергию.

Вулф больше не ставил под сомнение ничего из сказанного Чикой об обществе Черного клинка. Только какой толк от всех этих сведений, если через мгновение ему суждено превратиться в жаркое?

Не имея возможности двигаться, Вулф сконцентрировался. Может быть, Сума и остается невидимым для него большую часть времени, но, очевидно, в те моменты, когда он проявляет свою силу, его можно засечь. И Вулф уловил идущие к нему колебания, как бы психический эквивалент волн, вызываемых охотящейся рыбой; уйдя глубоко в себя, он проследовал к источнику этих колебаний, оказавшись в той точке, где, по его предположению, должен был находиться Сума, стоящий по ту сторону оживших вдруг труб, прячущийся в расщелине и извергающий свой яд.

Огонь трещал и шипел, источая тяжелый, удушливый запах, от которого у Вулфа закладывало нос и першило в горле. Возникла перспектива задохнуться до того, как пламя подступит вплотную.

Вулф усилил свое биополе, разыскивая уплотнение в бархатисто-красной мгле до тех пор, пока не удостоверился, что местонахождение Сумы определено им достаточно верно. Он сунул руку в кобуру, чтобы достать револьвер, но тут он понял, что не может сделать выстрел — пуля рикошетом снесет его собственную голову. Он совершенно четко знал, где спрятался Сума, но без оружия ничего не мог с ним поделать.

Дыхание давалось с трудом, он весь вымок от пота, а пламя подбиралось все ближе. От жара пересохло в горле, резь в глазах сделалась невыносимой. Огонь выжигал последние остатки кислорода, доводя концентрацию углекислого газа до уровня, опасного для жизни. Нечаянно глотнув дыма, Вулф зашелся в кашле.

Засовывая револьвер в кобуру, он задел что-то рукой, а оглянувшись, увидел проходящие по проволочной сетке

электропровода. Развернув плечи, Вулф ухватил их обеими руками и изо всех сил стал дергать, пока они не отошли от стенки. Сложив провода вдвое, он сунул их в огонь.

Изоляция расплавилась почти мгновенно, всею рассыпались искры, и на концах проводов показалась оголенная проволока под напряжением. Ни секунды не колеблясь, Вулф начал просовывать провода оголенными концами вперед в просвет между трубами.

Спасаясь от пламени, он стоял, тесно прижавшись спиной к стене клетки. Рукам же, держащим провода, стало невыносимо горячо, и он опустил рукава куртки как можно ниже, защищая руки от соприкосновения с огнем.

„Сконцентрируйся, — скомандовал он себе. — Ощути волны от движения, проекцию силы, отследить источник. Просунь провод дальше. Вот так, уже близко, очень близко. А теперь пронзай темнь, она ведь извивается, изгибается и дышит, как чудовищный зверь“. Зверь тем временем засопел, будто заметил нацелившегося в него Вулфа. Нет, не Вулфа, а потрескивающую энергию на оголенном проводе. „Вот так! Вонзай сюда! В середину, где тьма сгустилась, как чернила...“ За рядами полыхающих труб посыпались искры... раздался резкий вопль и... Вспышка звериной ярости, горячий удар, как будто сам прикоснулся к обнаженному проводу...

Выйдя из мысленного контакта, Вулф увидел, что пламя гаснет. И тут сверху обрушился поток воды — сильный жар включил расположенную под потолком автоматическую систему тушения пожара.

Вулф отодвинул в сторону одну трубу, затем вторую, третью. Теперь, когда психическая энергия врага исчезла, это у него получилось без труда. Низвергающаяся сверху вода залила глаза, вымочила до нитки. В то же время она уничтожила густой дым, стелившийся клубами вдоль бетонного пола.

Продлав наконец проход в обгорелых трубах, Вулф выбрался на противоположную сторону. Он ожидал увидеть лежащее на полу тело Сумы, но там никого не оказалось, правда, осталось кое-что.

Вулф наклонился и поднял с пола нечто, на первый взгляд напоминающее миниатюрный стилет. Стерев с него черный пепел, Вулф осмотрел его с одной стороны и с другой. Предмет блестел у него на ладони, омываемый водой. Сунув находку в карман, он обулся и пошел прочь со склада.

Оказавшись снаружи, он сделал несколько глубоких

вдохов и выдохов, откашлялся, прочищая легкие. Голова у него закружилась, и он упал. „Дышать! — приказал он себе. — Дышать!“

Смерть прошла совсем рядом, обдав могильным холодом.

Он встал, сделал несколько шагов и уселся на один из массивных чугунных стояков для привязывания канатов, расположенных вдоль прогнившего деревянного причала. Облизнув пересохшие губы, он почувствовал, как на языке растворяется соль. И тут вспомнилось далекое...

Вот он, совсем юный, чувствует языком соленый налет на своей коже. Он не спит, хотя его разум, защищая его, будет считать все это сном.

Вулф смотрит сквозь вход в вигвам Белого Лука. Он видит профиль деда, а над ним лестницу, изготовленную им же самим из пеньки, сухожилий и стрел Белого Лука. Он видит свою мать, сидящую на корточках рядом с Белым Луком. Она положила ладонь ему на руку и что-то говорит, а может, читает молитву или заклинание.

За спиной у себя Вулф ощущает слабое движение массы людей, собравшихся на равнине. Солнце почти зашло, и в сухой траве ни ветерочка. Небо над головой такое прозрачно-синее, что на глаза наворачиваются слезы. А затем последний луч кроваво-красного заката проникает в вигвам, и на какое-то время кожа Белого Лука становится такой же смуглой и красновато-коричневой, как в юности.

Вулф смотрит, а солнце тем временем заходит за вершины гор и освещение из кроваво-красного становится опалово-молочным. По мере изменения освещения восковая бледность вновь растекается по лицу Белого Лука. Вулф начинает дрожать и где-то глубоко внутри себя ощущает вибрацию, звук, наподобие того, который слышен сразу после пуска стрелы, когда с тетивы резко спадает напряжение.

И тут наступает нечто очень странное, то, что разум Вулфа хочет забыть, момент, вынесенный на поверхность сознания только благодаря его мимолетному интуитивному знакомству с разнообразностью смерти. Время словно застыло, птицы перестали петь, сверчки стрекотать, мухи жужжать. Темнеть тоже перестало.

В этот момент все остановилось. И все же дух Вулфа покинул его тело, будто его что-то влекло. Он летел так, как рассказывала ему мать, летел в метафизическом мире своего деда-шамана.

Внутри вигвама он видел мать, застывшую между

двумя вдохами. Ее сердце остановилось и ждало, когда завершится этот магический перерыв, чтобы снова забиться. В своем бестелесном состоянии Вулф видел деда таким, каков он был в тот момент, — скелет, увенчанный оскаленным черепом, и больше ничего. Теперь Вулф понимал, что дед умер. Он был в таком ужасе, что на какой-то миг ему показалось, будто он сам умирает, и попытался повернуться и выбежать вон, но у него ничего не получилось. Как попавшая в паутину муха, он не мог покинуть берег странной и чуждой земли, на который оказался выброшенным.

Затем разумом он „услышал“, как голос деда велит ему действовать. Он взял великолепный дедовский лук и, вставив в него последнюю стрелу, поднял его в направлении отверстия в крыше вигвама.

Он натянул лук до предела и в этот момент увидел, как Белый Лук, сильный и крепкий, взбирается вверх по лестнице-мосту. Дед не смотрел на него, он слишком был занят восхождением, опасным из-за остроты стрел, образующих перекладыны моста.

Достигнув вершины лестницы, дед поднял руку ладонью от себя, и Вулф пустил стрелу. Она устремилась вверх, и, когда пролетала мимо Белого Лука, тот протянул руку, ухватился за нее, и она увлекла его за собой.

Вулф встал прямо под отверстием. Его дед взмыл в синее небо, как ястреб, о котором он рассказывал. Он поднимался все выше и выше, пока не растворился в небесном просторе.

В то же мгновение огромный дедовский лук исчез, и Вулф услышал голос деда: „Путь прям, а мост, ведущий к жизни, узок, и мало кому удастся пройти по нему“.

— Вулф!

Он моргнул, открыл глаза и увидел перед собой озабоченное лицо Чики.

— С вами все в порядке?

Этот вопрос вначале удивил его, но потом он обнаружил, что его трясет, а из глаз текут слезы. Он подумал о Белом Луке, который так хотел, чтобы его внук последовал за ним по метафизическому пути, и который, заглянув однажды в глаза внука, заметил таящуюся там искру дарованной свыше силы. „Ты осилил этот путь благодаря себе самому, благодаря тому, что внутри тебя, — сказал ему Белый Лук. — Познай себя, Вулф. Придет время, и тебе это пригодится“. Так значит, он знал, что произойдет, значит, предвидел будущее. И Вулф тоже знал об этом будущем, но для его юного разума это знание оказалось

слишком большим и пугающим, чтобы задумываться о нем. Потому-то он отключился, внушив себе, что уснул в момент смерти своего деда...

— Глупо было вот так прямо, очертя голову, бросаться за Сумой, — упрекнула Чика. — Один на один, без моей помощи, он мог убить вас.

Вулф смотрел на нее, ничего не понимая и ничего не слыша. Но вот оцепенение прошло, и все происшедшее стало казаться пригрезившимся кошмаром.

Он поднялся на ноги, чувствуя, как силы возвращаются к нему.

— Я понимаю, — сказал он наконец.

— Что?

— Понимаю, почему вы здесь и почему общество Черного клинка идет за мной по пятам. Все понимаю.

Глава девятая

Вашингтон—Токио

Всякий раз, когда Торнберг Конрад III ездил в клинику „Грин бранчес“, находящуюся в Арлингтоне, штат Виргиния, он брал с собой жену Тиффани.

В этой клинике у Торнберга появилось особое чувство времени и понимание своего предназначения, он вспоминал здесь свою жизнь и отдельные мелочи, которые ранее проходили незамеченными. Сюда он приезжал трижды каждую неделю в обстановке строгой секретности, а если кто и видел, что он посещает клинику, то, само собой разумеется, считал, что Торнбергу в его солидном возрасте и при его активном образе жизни просто необходимо основательное медицинское обследование с помощью всяких электронных приборов. И они не очень-то ошибались, но лишь только в одном своем предположении.

Действительно, Торнберга обследовали там с помощью всяких приборов, но не на предмет выявления возможного атеросклероза, хронического повышенного давления, подагры, отеков и прочих бесчисленных болезней, обычно присущих пожилым людям. Когда врачи снимали электрокардиограммы или электроэнцефалограммы, они вовсе не ставили перед собой задачу выявить признаки надвигающейся старости, а хотели определить нечто совсем противоположное.

Дело в том, что Торнберг являлся владельцем клиники „Грин бранчес“. Он приобрел ее в собственность лет пятнадцать назад, когда она представляла собой научно-исследовательский онкологический центр, существовавший на взносы и пожертвования спонсоров, так как субсидии от федерального правительства и от разных других государственных учреждений были мизерными, да и те приходилось выколачивать с трудом. К сожалению, директор центра не обладал задатками ловкого пробивного деляги, каковым ему следовало бы быть, и для клиники настали тяжелые времена.

Купив клинику, Торнберг первым делом просмотрел

личные дела всех научных и технических сотрудников, работавших там, и решил, кого оставить, а с кем распрощаться. Затем он начал приглашать на работу специалистов, хорошо знающих биологические науки — эндокринологию, геронтологию и генетику, — чтобы создать работоспособный коллектив врачей-исследователей. Теперь перед клиникой „Грин бранчес“ стояла лишь одна-единственная задача: увеличить продолжительность жизни Торнберга Конрада III.

На это дело Торнберг денег не жалел. Но простачком он не был и не гонялся за всякими сумасбродными проходимцами, обещающими раскрыть секреты вечной молодости. Он очень хорошо разбирался в биологии и умело отделял зерна от плевел, в результате чего коллектив исследователей, собранный в его клинике, занимался самыми актуальными и новейшими направлениями в физиологических науках.

Одно время ученые клиники чрезвычайно обрадовались, добившись в результате лабораторных работ определенных успехов по культивированию синтезированного человеческого гормона, схожего с искусственным инсулином „фактор-1“. Это сложное соединение протеина, как поначалу показалось, способствовало восстановлению мускульного тонуса и омоложению внутренних органов у пожилых людей. Результатом шестимесячного курса лечения синтетическими гормонами стало то, что стрелка „часов жизни“ пациентов как бы повернулась вспять и они ушли на целых двадцать лет в прошлое.

А затем начали проявляться побочные эффекты: инфаркты, диабет, почечная недостаточность и даже странное и диспропорциональное увеличение рук и лица. Тогда врачи-исследователи изменили технологию получения искусственного инсулина типа „фактор-1“, что стало сдерживать развитие побочных явлений.

И вот теперь, когда Торнберг вошел в прохладный, затененный зеленым стеклом и отделанный мрамором вестибюль клиники, он снова почувствовал тлетворный запах смерти, который проникал всюду. Сам воздух, казалось, загустел и стал походить на атмосферу индустриального города. В клинике смердело, словно на поле боя или в какой-то скотобойне.

Торнберг заметил, как раздуваются прекрасные ноздри Тиффани, как тяжело и быстро вздымается ее грудь.

— Минувшей ночью мне снилось это место, — сказала она. — Знаешь ли, милый, мне всегда снятся сны накануне приезда сюда. Как ты думаешь, что бы это значило?

— Понятия не имею, — ответил Торнберг, поздоровавшись кивком головы с охранниками, сидящими позади высокого пугающего черного деревянного помоста. Они знали его в лицо не только потому, что он частенько наведывался сюда, но и потому, что он лично принимал их на работу, как, впрочем, и всех других сотрудников клиники.

— А какой сон?

— Будто я совсем голая, — стала рассказывать Тиффани. — Я всегда в своих снах бываю голой, когда мне снится клиника. Двое мужчин в белых халатах вкололи мне физиологический раствор, и вскоре я превратилась в лягушку, обыкновенную зеленую лягушку, сидящую и квакающую на огромном листе водяной лилии.

— Хочешь знать, что это такое?

В этот момент автоматически открылись двери крайнего лифта с левой стороны, и Торнберг, взяв под руку Тиффани, ввел ее в кабину. Двери автоматически закрылись, и, хотя Торнберг даже не нажал кнопку, лифт доставил их вниз, на глубину трехэтажного здания, к скальному основанию местности.

— Нет, еще не все, — продолжала рассказывать Тиффани. — Там и ты тоже был — этаким маленький розовый мальчик на кривых ножках. Я увидела тебя, и у меня язык стрелой вылетел изо рта, ну ты знаешь, такой длинный, тонкий, какой обычно бывает у лягушек, я поймала комара и слопала его. Он нажрался крови, а я догадалась, что он укусил тебя и это твоя кровь, поэтому я напилась твоей крови и еще подумала, а не сделаюсь ли я от этого плотоядным существом (Тиффани была ревностной вегетарианкой). Сон, конечно, не из приятных. А после этого мне это место больше не снилось.

— Прости меня, дорогая, — отреагировал Торнберг, похлопывая жену по ее прекрасной руке, — но, прежде чем ты узнаешь, в чем тут дело, все это кончится.

Он широко улыбнулся, увидев женщину с седовато-пепельными волосами, и воскликнул:

— О, доктор Шепард! Вы, как всегда, приходите вовремя.

Доктор Шепард — стройная гибкая женщина с густыми посеребрёнными сединой волосами и слегка накрашенными губами — лишь рассмеялась. Светлые глаза и элегантные очки придавали ей вид озабоченного заумного врача. С самого рождения она отличалась острой наблюдательностью.

— Мистер Конрад, вы ведь прекрасно знаете, что охрана сразу же сообщает нам о вашем прибытии. Мы всегда готовы встретить вас и как нашего дорогого пациента.

Тут она обратилась к супруге Торнберга:

— Как мы себя чувствуем теперь, дорогая Тиффани?

— Прекрасно, как я полагаю.

— Нет ли болей в животе? Сердцебиения? Не мучают ли запоры? Мочитесь нормально?

— Да, все, как всегда.

— Великолпно! — доктор Шепард обняла Тиффани Конрад. — Теперь пройдемте и хорошенько, не спеша, все обследуем. Как? О'кей?

— А я не превращусь в лягушку или еще в какое-то страшнлице? — испугалась Тиффани. — Мне приснилось, что я стала лягушкой и наглоталась крови. Человеческой крови.

— Я бы насчет этого не беспокоилась, — успокаивала ее доктор Шепард. — Это значит, что вы все еще никак не привыкнете к диете, которую мы предписали вам. Вы же знаете, что вам необходимо есть хотя бы немного мясной пищи.

— Мне? Но это же никак невозможно. Я не выношу мяса ни под каким видом.

Оглянувшись на Торнберга, доктор Шепард подвела Тиффани к медицинскому столу для обследований, покрытому белоснежной бумажной простыней.

— Снимайте одежду, Тиффани.

— Хорошо, доктор.

Тиффани послушно принялась раздеваться, складывая аккуратно одежду на стоящий рядом стул. Затем, без поуканий и уговариваний, покорно улеглась на стол.

Доктор Шепард тихонько оттянула у нее кожу на ладони между большим и указательным пальцами и стала рассматривать ее на свет.

— Прекрасный цвет, оттенок. Содержание жира весьма незначительно.

Открыв обернутую в бумагу папку, она начала что-то записывать в ней шариковой ручкой. Взяв анализы крови в три пробирки, она опечатала их и поставила на металлическую подставку, а потом проделала еще какие-то манипуляции, неведомые Торнбергу.

— Можно вас попросить выйти со мной на минутку?

Доктор Шепард молча повела его по коридору и открыла дверь в одну из четырех десятков лабораторий, устроенных в комплексе зданий клиники „Грин бранчес“. Там стояли в ряд несколько компьютеров новейшей конструкции. Подойдя к одному из них, она включила его и вставила программу. Торнберг увидел на экране монитора последовательный ряд сложных цветных диаграмм. Они начали

перестраиваться, да так замедленно, что ему показалось, будто он наблюдает за живыми существами, а не за невероятно сложными построениями, совершаемыми самим компьютером.

Доктор повернулась к нему и стала объяснять:

— Мы беспокоились, как бы у нее не развилось малокровие, потому что анализы показывали недостаток красных кровяных телец. Теперь же по всему видно, что дело идет на поправку.

Торнберг прекрасно разбирался в людях и сразу сообразил, что доктор Шепард знает что-то еще, но не очень-то расположена об этом рассказывать, поэтому предложил напрямую:

— Давайте выкладывайте все до конца, доктор. Я приехал сюда не для того, чтобы меня тут обхаживали или вешали мне лапшу на уши.

— Разумеется, не для этого, — согласилась она. — В последнее время количество белых кровяных телец в крови вашей супруги несколько повысилось. Но, само по себе, из-за этого не следует слишком волноваться.

„А что, все врачи должны напускать туману и стараться помягче разъяснять свои же диагнозы?“ — подумалось ему.

— По сути дела, — продолжала она, — мы надеемся, что это свидетельствует всего лишь о какой-то незначительной инфекции.

— Но определенно вам пока ничего не известно?

— Нет, мистер Конрад, не известно. Вы, должно быть, знаете, что это пока для всех нас... э-э... как бы сказать... неисследованная территория. А учитывая конечные результаты предыдущих экспериментов...

Торнберг шагнул к ней и бесцеремонно перебил:

— Вам бы следовало знать, что самое важное здесь — время.

— Да, да, я понимаю.

— Понимаете? — насмешливо хмыкнул Торнберг. — Пудрите мне мозги всякими тут медицинскими паллиативами. Наговорили разной чепухи. Доктор, я уже давно вынашиваю мечту найти такой эликсир, который подействовал бы на меня так, будто я хлебнул вина из святого Грааля. А чего по сей день мы добились? Только такого вина, которое, как в той легенде, дает жизнь и тут же отбирает ее. Мертвого тупика — вот чего! — Он подумал о Тиффани, прекрасная смуглая загорелая кожа которой отсвечивала под тонким слоем лосьона. — И все же я еще не

опустил руки. В моем возрасте человеку нужно заразиться какой-нибудь великолепкой идеей, — он пристально посмотрел на доктора Шепард. — Я хоть и старею, но с ума еще не спятил. У вас достаточно мудрости, чтобы всегда помнить об этом.

— Я помню, сэр. — Глубоко вздохнув, она снова повернулась к экрану компьютера. — Мне хотелось бы обратить ваше внимание вот на эту диаграмму.

Торнберг знал более или менее хорошо, что ему нужно. Он лично распорядился, чтобы сотрудники клиники приступили к разработке рациональных лекарств. Это означало, что вместо лабораторных методов проб и ошибок они должны создавать новые лекарства, прежде всего определить молекулярную структуру болезни или непонятного явления, которое нужно излечить, а затем на специально сконструированном для этого компьютере воссоздать эту структуру, причем полностью, со всеми особенностями и характерными чертами. Такой подход позволяет построить на экране специфический ингибитор, предназначенный для исследований изучаемых молекул и позволяющий проводить такие исследования без вредных последствий.

В данном случае научные сотрудники клиники бились над созданием вещества, которое оказывало бы на человеческий организм особое воздействие. Отчасти они уже достигли кое-чего, разработав искусственный инсулиновый заменитель „фактор-1“. Поскольку молекулярное строение вещества невозможно разглядеть даже в самый мощный электронный микроскоп, исследователи клиники разработали метод выращивания гормонов в кристаллизованной форме. Бомбардируя их концентрированными рентгеновскими лучами, они смогли получить преломленную увеличенную модель молекулярной структуры и заложили ее в программу компьютера.

Результат их просто ошеломил. Оказалось, что в гормонах имеются „пустые места“, расположенные на определенных расстояниях друг от друга, где, как убеждены ученые, ранее находились другие, пока неизвестные элементы. Иначе говоря, они полагают, что инсулиноподобный искусственный фермент „фактор-1“, взятый у отдельных людей, неполноценен. По истечении времени гормоны каким-то образом видоизменяются, как изменяется и сам человек. Теперь перед исследователями стоит задача найти выпавшее из структуры звено.

— Вот так выглядит фермент, который, как мы полагаем, обладает наибольшей потенцией. Именно его вводили вашей супруге.

Пальцы доктора Шепард быстро пробежали по кнопкам клавиатуры, и Торнберг увидел на экране желтоватую ромбовидную фигуру, которая должна входить в „пустое место“ в фиолетовой, красной и зеленой сетке, показывающей структуру искусственного гормона „фактор-1“.

— Видите, как ромб прекрасно подходит сюда, — пояснила доктор Шепард. — Ферменты входят в гормоны, как памагниченные. — Она встала. — И они в определенной мере срабатывают. Мы уверены, что они действуют, и вы тоже знаете, потому что видели собственными глазами разительные перемены у вашей жены. — Она сунула руки в карманы своего халата и вздохнула. — К сожалению, мы полагаем, что вернулись к той же самой проблеме, над которой бились, когда получили первые ферменты, породившие у нас столько надежд. Этот медикамент, как и все другие, недолговечен. То есть его эффективность быстро, устойчивыми темпами снижается. А поскольку такое явление неуклонно происходит, то, как мы считаем, могут неизбежно возникнуть отрицательные побочные эффекты.

— Увеличивается число белых кровяных телец?

Доктор Шепард прямо посмотрела ему в глаза.

— Мы должны проверять Тиффани каждый день, поэтому считаю, что ей лучше всего лечь в клинику сейчас же.

Торнберг смотрел, как медленно гаснет экран наисовременнейшего и, стало быть, наилучшего компьютера — совсем как живое существо.

„Вода, вода, повсюду вода, — подумал он, — и нельзя принять ни капли спиртного“.

— Черт бы побрал эту проклятую старость! — пробормотал он, а затем отвернулся, чтобы докторша не заметила, как у него в уголках глаз наворачиваются слезы. „Проклятое время, — подумалось ему. — Будь проклято все!“

Повернувшись снова к доктору Шепард, он спросил:

— А что, ваши врачи разве не знают, как и что говорить в свое оправдание?

— Знают, но лишь когда речь идет о смертельном исходе, — стала объяснять доктор Шепард. — На беспредельном же сером пространстве между жизнью и смертью у нас есть лишь испытанные пути успокоения, которыми мы с успехом и следуем.

— Все равно как плавание под парусом в сплошном тумане, не так ли?

— Отчасти так, — согласилась она. — Но если вы повторите, я стану категорически отрицать, что соглашалась с вами. Не секрет, что меня и так с треском вышибли из Американской медицинской ассоциации из-за моих ере-

тических высказываний. — Она кротко улыбнулась. — Мы делаем все, что в наших силах, мистер Конрад. Я имею в виду, что за вас никого водить не собираемся.

— Ну-ну, я и сам хорошо это знаю, — в нетерпении парировал Торнберг. Она определенно правилась ему: такая элегантная и в то же время прямолинейная. — А теперь я хотел бы вернуться к Тиффани.

— Сейчас вернемся. Только сначала просветим вас рентгеном и возьмем кровь на анализы.

Торнберг покорно кивнул головой в знак согласия.

— Вам, конечно, известно, — начала докторша, сжимая его руку, — что мы снова получили мускульный модуль здорового сорокапятилетнего мужчины.

— И без всяких побочных эффектов?

— Ничуть не опаснее доброкачественных полипов, которые мы извлекли из вашей прямой кишки, — успокоила она. — Разумеется, мы используем и другие производные сыворотки, которые применяет ваша супруга. Но, думается, побочные явления происходят из-за отличий в вашей и ее крови.

— Вы имеете в виду, что у нее группа А, а у меня группа 0-положительная?

— Нет, не то. В вашей крови имеется какое-то количество мутаций, которые я приписала бы влиянию вашего отдаленного японского происхождения.

— Доктор, в жилах моей прабабушки — я говорю это с известной долей осторожности, — должно быть, текла японская кровь. Не надо делать скоропалительных выводов и, что еще важнее, даже не помышляйте писать что-либо об этом. Я не хотел бы предавать это гласности. Даже у детей моих нет никаких соображений на этот счет.

Доктор Шепард согласно кивнула.

— Я вас очень хорошо понимаю, мистер Конрад.

Чуть позднее, глядя на свою жену, лежащую неприкрытой и покорной на белом столе для исследований, он подумал, что она совершенна, как прекрасное произведение искусства или как несбыточная мечта. Он совсем забыл о том, насколько она на самом деле стара, и благодарил господ Бога за то, что он не наделил его ужасной способностью вспоминать прошлое.

— А может, вы предпочтете мальчика? — спросила молодая японка.

Шото Вакарэ в ответ лишь улыбнулся и слегка сжал ее милое личико в своих ладонях.

— Я могу загримировать тебя под мальчика, и ты

станешь еще более прелестной, еще более совершенной, чем любой из тех мальчиков, которых ты могла бы поставить мне. — Он поцеловал ее сначала в один висок, потом в другой, да с такой нежностью, что у нее учащенно забились сердечко. — А еще у твоего мальчика нет твоих мозгов.

В полутемной комнате пахло, как обычно, — пивом и сигаретным дымом. Вакарэ ходил в этот „акачочин“ — ночной бар — уже много лет. Домики совсем врос в землю среди „шитамачи“ — старых домов Токио, которые, не будь они столь многочисленны, в других местах называли бы нижней, или деловой, частью города. Здесь же это название означало совсем другое: дно города.

Определенного названия бар не имел. Не менее тысячи из десятка тысяч подобных баров, разбросанных по всей столице, занимались полулегальной торговлей женским телом.

По японским традициям, мужчина нуждается в том, чтобы освободиться от „животного“ стресса, являющегося результатом предписаний, обычаев, чести и долга. В таких ночных увеселительных заведениях можно получить разрядку: напиться допьяна, порыдать навзрыд, посмеяться во все горло, позаниматься сексом в любой форме и проделывать все это, ничуть не опасаясь потерять свое лицо или подмочить репутацию, а поутру опять появиться в обществе во всеоружии, быть сдержанным и благовоспитанным, готовым выполнять свои обязанности.

Молодая японка, которую звали Мита (это имя ей дали, когда она стала гейшей), ласково обнимала Вакарэ. Она нежно и умело поглаживала его лоб. Если нежность девушки и была искусным притворством — этот вопрос все еще серьезно и глубоко обсуждается в среде наиболее заумных ученых, — то все равно ее невозможно отличить от настоящей. Мита обладала способностью, известной среди японцев под названием „ямашиса“, то есть умение проявлять материнскую ласку, в которой нуждаются большинство мужчин. Это женское качество ценится в Японии особенно высоко.

Разумеется, между Вакарэ и Митой вспыхнула любовь. Однако они не были любовниками в обычном понимании этого слова. В конце концов, он мог бы пойти и в любое другое заведение и побыть там с женщиной. Но Мита гораздо лучше, чем другие, могла утешить его и отвлечь от размышлений.

Вакарэ только вздыхал, расслабляясь в ее объятиях. Он уже выпил шесть графинов саке — даже по его меркам

это чудовищная доза, — но ему все еще было мало, чтобы освободиться от давления окружающего мира.

— Почему так получается, — в раздумье произнес он, — что в мире нет правды? Я хочу знать, не сошли ли мы все с ума. Если все это так, то, может, я и впрямь пойму, почему Мишима совершил харакири. Он видел приближение этого дня и не хотел столкнуться с позором.

— Мишима не мог позволить вернуться прошлым дням, — заметила Мита, разглаживая его брови медленными ритмическими движениями.

Она обычно прибегала к подобным философским перепевам.

— Ты ошибаешься, — не согласился Вакарэ. — Мишима хорошо понимал, что прошлые дни ушли безвозвратно. Но он не мог смириться с тем, что возрождение, которого он так добивался, оказалось не чем иным, как пустым призрачным видением.

— Вы имеете в виду, что это неверный поступок? — спросила она.

— Нет, нет, ни в коем случае, — запротестовал Вакарэ, облизывая губы, как бы желая выпить еще шесть граффинов сакэ. — Я говорю об этом не в личном плане. Мне предложили предать друга — моего настоящего друга. И я обязан сделать это из чувства долга. Я обязан выполнить свой долг перед человеком, который попросил меня оказать ему эту услугу.

— Жизнь кажется не имеющей смысла лишь тогда, когда она становится невыносимо трудной, — заметила Мита.

Вакарэ бросил на нее быстрый взгляд.

— Интересно, а искренне ли ты веришь в это.

— Да, это же моя жизнь. Я должна верить в это или же у меня не будет никакой веры.

Вакарэ проворчал что-то и перевернулся на спину в се объятиях. Она опять принялась поглаживать его, и глаза у него прикрылись.

— Если бы я только мог работать вместе с братом моего друга, а не с ним самим, — размышлял он вслух, — тогда бы никаких проблем не было. Хирото — он же настоящий ублюдок, жадный, продажный, завистливый. Особенно он завидует успехам Юджи. — Он тяжело вздохнул. — Но с другой стороны, у Хирото нет чувства чести, поэтому подкупить его ничего не стоит.

— Скажите мне, честно ли будет предать вашего друга Юджи? — спросила Мита.

Вакарэ ничего не ответил, но для Миты, прекрасно

знающей его, не осталась незамеченной легкая усмешка, промелькнувшая на его лице. Позже, когда он истощил все свои силы, а Мита заботливо вымыла его и он, спотыкаясь и замирая от блаженства и алкоголя, отправился домой, она вернулась в свою комнату.

— Слышали ли вы или видели что-нибудь нужное вам? — участливо спросила она ожидавшую там японку. Та была удивительно красива и такая молоденькая, что Мита, которая, несомненно, была гораздо моложе ее, казалось, годилась ей в матери.

— Много чего слышала, — ответила Ивэн и передала ей конверт, набитый иенами. — Но мне кажется, что наиболее красноречиво говорила улыбка на лице твоего клиента.

Хэм сидел в ресторане на улице Коламбиа-роуд в районе Адамс Морган. Он тоскливо смотрел на столики, стоящие по сторонам бокового прохода. Летом туда доходила тень и можно было спрятаться от лучей палящего солнца под ярко раскрашенными зонтами, создающими атмосферу неопределенности и беспечности, похожую на атмосферу знаменитых парижских уличных кафе.

Хэм не спеша пил кофе. Время приближалось к ленчу, и помещение мало-помалу стало заполняться модно одетыми женщинами, ищущими отдохновения от утомительных прочесываний магазинов.

Он следил глазами за Марион Старр Сент-Джеймс. На ней была узкая мини-юбка насыщенного золотистого цвета с широким черным поясом и желтая шелковая блузка. Обута она была в черные туфли на высоких каблуках. Марион шла по ресторану, небрежно перекинув пальто через плечо, а все оборачивались и глазели на нее — мужчины оценивающим взглядом, женщины — завистливым. Хэм почувствовал прилив дикого тщеславия, оттого что она пришла на встречу с ним.

Не успела Марион сесть, как он заметил женщину, ищущую свободное место в другом конце кафе. Это была симпатичная блондинка, стройная и со вкусом одетая. Она напряженно, будто мангуста за движениями кобры, следила за тем, как Марион усаживается в кресло напротив Хэма. „Кто она такая, черт бы ее побрал?“ — подумал он.

Но тут он почувствовал запах духов Марион, увидел ее улыбку, и она полностью завладела его вниманием.

— Ты пришла вовремя, — заметил он. — Мне нравится твоя пунктуальность.

Она недовольно скривила рот.

— Ты ушел от меня слишком рано. Я просто рвала и метала.

— В самом деле?

— В самом деле. Мне нравится, как вы, американцы, произносите эти слова, — сказала она, посмотрев на него своим особенным нежным взглядом. — Ты ушел, а я крепко обняла твою подушку и воображала, что это ты.

Когда она вела себя подобным образом, у него, что называется, спонки текли.

— А о чем ты думала в тот момент?

Марион взглянула на официанта и заказала себе вино. Потом опять обратила свой взор на Хэма.

— Я вспоминала о том, как ты проделываешь со мной все эти свои штучки, о которых, кстати, у меня не хватило духу попросить тебя минувшей ночью.

Он рассмеялся и сказал:

— Ты мне совсем не кажешься женщиной, у которой не хватает духу попросить о чем-нибудь.

— Это все наносное, — призналась она. — Все мы, женщины, надеваем на себя маску, потому что так нам, как и актерам под пристальным взглядом зрителей, легче передвигаться по сцене жизни. Кстати, окружающие далеко не всегда могут разобрать, кто мы такие и что представляем собой на самом деле.

— Звучит как-то призрачно, неопределенно, — заметил Хэм, — будто говорит сама Мата Хари.

— Все мы по-своему шпионы, не так ли, Хэм? Ничто так не нравится нам, как прятаться под маской, отыскивая друг у друга слабости и пытаюсь найти путь к другим маскам. Нет, нет, не отрицай этого! — Она приложила палец к его губам. — Ты ведь не такой человек, который привык говорить только правду, не так ли? — Она улыбнулась. — Интересно, а каким был маленький Хэмптон Конрад? Может, мне поинтересоваться у твоих родителей?

— Ты что, собираешься писать на меня некролог? Мать у меня умерла, а отец, поверь мне, — из него слова не вытянуть.

Официант принес вермут „Кампари“ и бутылочку содовой, Марион отпила глоток искрящегося красного вина.

— Боже, что это с тобой? — промолвила она, отодвинув стакан с вином. — Может, нам перенести этот ленч на другой день, когда у тебя будет настроение лучше?

Хэм вложил стакан обратно ей в руку.

— Никуда не уходи. Порой моя работа приносит мне немалую головную боль.

— Хочешь сказать, что ты такой же, как и все?

Хэм заметил, как каменеет ее лицо, когда она сердится. Он почти ощущал, как ее пробирает дрожь.

— Я не посвящал тебя в свои служебные дела.

— Да, — подтвердила Марион. — Никогда и ни во что. И не посвящай впредь.

— О'кей, ты права. По характеру я очень скрытный и не терплю, когда кто-то начинает совать свой нос куда не надо.

— Хэм, я только хотела... — Она опустила глаза, а когда опять взглянула на него, то увидела, что выражение его лица смягчилось. — Признаюсь, когда я осталась одна, я так испугалась.

— Чего испугалась?

— Что ты разглядишь меня под маской и тебе не понравится моя истинная натура.

— Не будь душой. Мне очень понравилось все, что я увидел минувшей ночью и прочувствовал.

— Ну что же, что было, то прошло, — примирительно сказала Марион. — Я хочу сказать, что мой отец во многом был необычным человеком, настоящим патриотом, в самом деле настоящим, и, позволь мне прямо сказать, таких, как он, теперь осталось немного. Но, по правде говоря, для меня он был куском дерьма. И не только для меня, но и для моей матери. Он приползал домой, когда не был в бегах, надравшись, как скотина. Надирался он этим ирландским виски так, что от него несло перегаром за целую милю. Каждый раз он пытался улечься рядом с матерью, но, конечно же, впустую. Он бил ее нещадно, потому что, как я догадываюсь, хотел этим доказать ей, что он настоящий мужчина. И еще его просто распирало от злости. Он ненавидел всех — богатых, протестантов и, само собой разумеется, англичан. — Тут она взглянула на свои руки, покоящиеся на крышке стола, а затем продолжала: — Немало воды утекло, прежде чем я научилась гордо держать голову перед мужчинами. Многих я отпугнула своими крутыми манерами и твердыми убеждениями. — Она пожала плечами. — Но все же порой мне кажется, что мне надо научиться как-то приспособливаться.

— Ничего тебе не надо, — запротестовал Хэм. — Все, что надо, бери от меня.

Марион лишь улыбнулась и отпила еще глоток вермута с содовой. Молчание затянулось. Наконец Хэм сказал:

— Мои предки тоже никогда подолгу не жили вместе. Отец смотрел на мать как на вещь, как, скажем, на какую-нибудь вазу в доме. Я долго не мог понять, в чем тут дело. Они существовали каждый сам по себе. А ребенку, как известно, трудно расти, когда он чувствует, что его родители не переваривают друг друга.

— И ты был на чьей-то стороне?

— Разумеется, — ответил Хэм. — Мать мне всегда казалась обиженной, поэтому, естественно, я старался защитить ее. А потом обиженным оказался отец. В ту пору он стал похож — как бы это лучше сказать? — на... на пророка Моисея, сходящего с гор. На его стороне был закон, а против закона не попрешь. — Хэм посмотрел куда-то вдаль. — По правде говоря, в ту пору мне хотелось, чтобы он помирился с матерью. В известном смысле я, как и отец, предал ее. И с тех пор предательство уравняло меня с ним. Я мог лишь сожалеть об этом, но поделаться с этим ничего не мог.

Марион безотчетно прильнула к нему и крепко-крепко поцеловала в губы. Теперь отчужденность совсем исчезла с ее лица.

— Дорогой мой Хэм, — сказала она. — Ты так не похож на других мужчин из моей жизни. — Она дотронулась до него. — Когда ты целуешь меня, мне так сладко от этого.

Хэм испугался, что открыл сокровенное, — то, что таил в себе долгие годы. И все же ему от этого стало легче. Он посмотрел ей пристально в глаза и проникся их теплом и бездонностью. Марион опять отодвинула стакан с вином.

— Ты что, настроился рассказывать мне всякие истории о грехопадении?

— А это зависит от того, что считать грехопадением.

— Ну вот, например, то, как я сегодня утром, обнимая подушку, воображала, что обнимаю тебя, не просто обнимаю, а... — Она прервалась на минуту, пока официант не положил на столик меню, а затем отодвинула меню и сказала:

— Я есть не хочу.

— Ну съешь хотя бы салат, — попросил Хэм, а когда она отрицательно покачала головой, заказал два поджаренных чизбургера с ветчиной и луком и шесть стаканчиков кока-колы.

— И еще принесите охлажденного вина для кока-колы, — заказал он официанту.

— Надеюсь, ты не ждешь, что я начну поглощать все это? — спросила Марион.

— Если бы ждал, то заказал бы побольше.

Они болтали о всяких пустяках, пока не принесли еду. Увидев, что Хэм уселся поудобнее в предвкушении трапезы, она продолжила прерванный разговор:

— Я вот о чем думаю. Это касается компании „Экстен-экспорте“, где я работаю. Владельцы ее — пара кусков дерьма, двое толстопузых жадных братцев, готовых пере-

грызть глотки друг другу. Платят они мне чисто символически, а прикидываются, будто от моего жалованья зависят все их состояние. Им, черт бы их побрал, ничего не стоит прибавить мне зарплату. Но вот сегодня утром я как раз и думала, чтобы такое сотворить. Хочется сделать что-то такое стоящее.

— Не верится, что боссы клюнут на твою приманку, — заметил Хэм, жуя чизбургер с ветчиной.

— Ну еще бы, этого им только не хватало, — согласилась Марион. — А поэтому я им ничего и не открою.

— Чего не откроешь?

— А то, что мы собираемся перехватить у них партию грузов.

При этих словах Хэм чуть было не подавился куском ветчины.

— А кто это „мы“?

— Ну то есть ты и я, — пояснила Марион. — Я все продумала: мне нужен сообщник в этом деле, а с твоими связями в военном ведомстве, я уверена, мы смогли бы...

— Забудь об этом и не думай.

— Что ты имеешь в виду?

— То, что сказал. Ты намерена спереть товары у своей компании да еще хочешь втянуть в это дело и меня. Ты что, чокнулась?

— Ладно, прощаю тебе эти слова. — Она минуту-другую смотрела ему в глаза. — Знаешь ли, когда ты ешь, то похож на малого ребенка. Глядя на тебя, мне тоже есть захотелось.

— Угощайся, пожалуйста.

Марион подцепила покрашенными красным лаком ногтями золотисто-коричневый кружок поджаренного лука.

— Так ты даже не хочешь знать, что это за товар для фирмы „Экстент экспорте“?

— Почему же нет? Хочу.

— Груз не безопасный. Каждый раз случаются пропажи. При продаже их учитывают и включают в цену. Так что от этих потерь голова у хозяев не болит.

— Уверен, что ты ошибаешься, — не согласился Хэм. — Страховщики компании наверняка все перепроверяют.

— Грузы моей фирмы не страхуются, — поправила его Марион, а когда Хэм положил назад свой чизбургер, рассмеялась. — Какое у тебя выражение лица, Хэм! Боже мой, ты выглядишь как самый заядлый жадюга.

— О чем это мы беседуем?

— Вытри рот, дорогой, — смеясь, сказала Марион. — От этого кетчупа у тебя вид, будто ты истекаешь кровью.

Он вытер рот, и она добавила:

— А ты готов еще раз посмотреть, что там под маской? „Едва ли я готов заглядывать под твою маску“, — подумал про себя Хэм. Он понял, что именно ее авантюризм привлекает его. Она совсем не похожа на других знакомых ему женщин, вообще сильно отличается от людей, с кем ему приходилось когда-либо встречаться.

Он согласно кивнул головой. Тогда Марион стала рассказывать:

— Моя компания занимается поставками и переправкой самолетов и ракет „Эксост“, „Мираж“, „Маверик“, МХ, а также суперпушек „Боном“. Вы называете эти грузы суперсовременным оружием. С точки зрения их цен они заслуживают этого названия. Военные перевороты, революции, партизанские войны в разных странах — вот на что идут эти грузы. А кому не хотелось бы сдернуть чехлы с таких грузов? Хотя бы ради интереса.

Хэм лихорадочно соображал, как бы ему побольше разузнать об этом неожиданном, словно с неба свалившемся подарке, но, взглянув на часы, вспомнил, что с минуты на минуту должен прийти Джейсон Яшида. Когда он говорил с ним по телефону, тот сказал, что встреча не терпит отлагательства.

— Все это так, — сказал Хэм, — но давай продолжим наш разговор в более безопасном месте. После работы я заеду за тобой и ты мне расскажешь все поподробнее.

— Прекрасно, — согласилась Марион и встала из-за стола. Наклонившись, она крепко поцеловала его в губы и набросила на себя пальто.

Хэм заметил пробирающегося между столиками Яшиду. По пути он слегка задел Марион, которая уже направлялась к выходу. Сев за столик, Яшида заказал ванильную кока-колу.

— Вот это ножки! — пробормотал он, быстро глянув вслед Марион. Он казался возбужденным, и его возбуждение, похоже, передалось Хэму. По правде говоря, он рассердился на Яшиду — из-за него прервалось свидание.

Хэм лишь неопределенно хмыкнул на реплику Яшиды и, нагнувшись, сказал, понизив голос:

— Уж поскольку ты здесь, я хотел бы, чтобы ты направил инструкции нашему общему другу Шото Вакарэ. — Он прервался на минутку, пока официант разливал кока-колу, а затем продолжил: — Он уже доказал, что стал полезен нам. Должен сказать тебе, Яш, что твой агент в Токио для меня просто бесценен.

— Вы очень добры, сэр.

Хэм лишь улыбнулся и продолжал далее:

— Ты можешь обходиться и без иронии, Яш. Полагаю, тебе больше к лицу невозмутимость. Ты мог бы стать настоящим комиком.

— Спасибо за совет, но я уже нашел себе ремесло.

— Нашел все-таки? — С этими словами Хэм принялся за кофе, с интересом провожая взглядом двух стройных блондинок в распахнутых меховых пальто.

— У меня есть — и, вероятно, плохие — новости, — заметил Яшида.

— Вот плохих новостей нам как раз сейчас и не надо, — попытался пошутить Хэм. — У нас времени просто в обрез, чтобы остановить общество Черного клинка. На этой неделе вступает в силу законопроект сенатского комитета по внешней торговле, согласно которому мы эффективно отгораживаемся от Японии в экономическом плане. По последним сведениям, когда закон предложат утвердить, в его поддержку будет организована чертовски мощная кампания — достаточно сильная, чтобы перечеркнуть президентское вето. Тем временем оппозиция этому законопроекту ослабевает по причине смерти целого ряда сенаторов, занимавших ключевые посты в конгрессе. Предполагают, что все эти смертельные инциденты носят случайный характер.

— В то же время, говоря о Мэтисоне... — Яшида передал Хэму сообщение, полученное по факсу.

— Мой отец, — продолжал Хэм, не обращая внимания на телефакс, — сам по себе целый Вашингтон, и мы оба знаем, кто управляет столицей. Тут целая сеть знакомств и связей, подчиненность, иллюзия власти. А все это вместе — дерьмо собачье. Обширная сеть связей и знакомств означает, что нужно родиться в соответствующей семье, ходить в соответствующую школу. Подчиненность подразумевает умение выжить и не быть обгаженным кем-то из вышестоящих. А что касается власти, так это способность шепнуть нужные слова в нужное ухо, чтобы их назавтра цитировали в нужных газетах, да и тому же на видном месте. И поверь мне, Яш, мой отец — великий мастер на все эти штуки.

— Все, что вы говорите, из области доброго старого прошлого, — с грустью сказал Яшида. — Ваш отец насадил всех нас на крючок этому Мэтисону, — он показал зашифрованный телефакс, — и Мэтисон стал теперь главной помехой в деле.

— Что случилось?

— К нему приходила одна японка, и он уехал вместе с ней. И знаете ли, кем она оказалась? Той самой художницей, про которую он рассказывал. Вакарэ опознал ее и сообщает, что она член общества Черного клинка, возглавляемого Нишицу. — Яшида покачал головой, а потом добавил: — Возможно, это означает проникновение посторонних в наши ряды, а может быть, и нет. Мэтисона хотели допросить в связи с убийством одного из его сотрудников. На прошлой неделе видели, как он укрывался с этим парнем, а потом того нашли с двумя пулями в затылке из кольта Мэтисона.

— Боже ты мой!

— Я ведь предупреждал вас.

— Помню, Яш, но не могу поверить, чтобы Мэтисон прикончил своего подчиненного. Он же не дурак.

— И тем не менее, сомнений не остается. Мэтисон стал нам опасен. Ситуация вышла из-под контроля. Забудьте о том, виновен Мэтисон или нет. Представьте лучше, что будет, если все это привлечет внимание журналистов? А если он переметнулся к врагам, то уж наверняка лучше придумать что-нибудь такое, что убедило бы вашего старика.

— Да, вы правы. Вы во всем правы, — сказал Хэм и понял по лицу собеседника, что тому стало легче.

— Ну а что насчет вашего отца? — поинтересовался Яшида.

— Не беспокойтесь, я все с ним улажу, — ответил Хэм с уверенностью, хотя в душе такой уверенности не было. Честно говоря, он даже не представлял, как начать об этом разговор с отцом, и решил, что лучше пока об этом помалкивать.

Хэм задумался о Мэтисоне и о японке. Что у них общего? Он сжал кулаки.

— Черт бы его побрал! Теперь ясно, что нам не надо было оказывать Мэтисону помощь после того, как его сбросили с крыши. Он знает слишком много. Если только он разболтает обо всем этим газетчикам...

— Тут нам бояться нечего, — заверил Яшида. — Он знает лишь одного Шипли, а тому очень легко исчезнуть.

Хэм отрицательно покачал головой:

— Это роли не играет. Мэтисон многое знает о наших планах. Если японское правительство что-то пронюхает о них, нам труба, нас затопчут и смоят в канализацию. Президента разберут на части, кусочек за кусочком, и позволят всему миру изрыгать на наши головы хулу и проклятия. Это будет последней свайей в фундаменте, так

необходимом обществу Черного клинка у себя дома, в Японии. Если Торьербергу верить не станут, он не сможет противостоять президенту. И тогда на пути общества Черного клинка не останется ни единой преграды. — Хэм отодвинул в сторону чашку с кофе: в желудке слегка заняло — то ли от повышения кислотности, то ли от плохих новостей. — Мне наплевать, с кем он связан, этот Мэтисон, хоть с самим дьяволом! Рано или поздно он все равно всплывет на поверхность. А когда объявится, его нужно будет убрать ради выполнения нашей миссии. Расходы меня не волнуют: сколько надо, столько и выложим. Займись этим делом, Яш! Считай, что это приказ.

Глава десятая

Токио—Нью-Йорк—Вашингтон

Минако переходила от сна с бодрствованием так же легко и естественно, как легко и естественно ходят люди, механически переставляя ноги. Ей были неведомы расслабленность и отсутствие мысли — переходное состояние перед полным пробуждением. Она просыпалась сразу.

Едва открыв глаза, Минако поняла, что что-то не так. Она встала, надела халат и вышла из спальни. Внимательно прислушавшись, она услышала жуткие вздохи, словно вдали пыхтит машина. Это было проявлением „макура на хирума“.

Она попыталась успокоиться, хотя и понимала, что пришло время глубоко пожалеть о том, что потревожила свой дух. Она знала, чем это кончается, и сердце ее сжалось от надвигающейся беды.

Минако страдала так же, как страдала ее бабушка всю свою жизнь. В жизни Минако бывали времена, подобные нынешнему, когда знание будущего становилось своеобразным адом, который она и представить себе не могла в тот далекий день, когда встретила с Кабуто-лисой и неосторожно сказала: „Хочу видеть настолько далеко, насколько это возможно“. Бывали времена, подобные нынешнему, когда неумолимый ход грядущих событий никак нельзя было изменить. Она всегда управляла людьми и событиями, и все шло нормально, потому что будущее, которое она видела, определяло ее действия. Но в ее жизни случались и страшные события, которые она предвидела еще в раннем возрасте, но мысль о них не тревожила ее до последнего момента и тихо дремала, подобно горному озеру. А когда в положенный срок эти события начинали разворачиваться, они поневоле заставляли думать, что такого быть просто не может, и она не раз мысленно произвольно изменяла их ход. Так было с гибелью людей ради общества Черного клинка, совпавшей с ее предсказаниями. Так было и со страшной болезнью ее дочери Казуки, вызванной тем, что ей открыли доступ к

познанию „макура на хирума“, — магическая сила этого явления буквально пожирала ее жизнь. Так случилось и с ее супружеством с отцом Ханы, и с созданием ее сыном Юджи Оракула, который она считает символом краха старых порядков и давней вражды. Так произошло и с ее любимой Ханой, с ее полетами из реальности, которую она теперь выносить не может, и, наконец, с приходом... Чего. Здесь даже она, при всей уникальности ее дара, не смогла увидеть, что должно появиться.

Все эти события, словно нитка несчастливого жемчуга, которую она обречена носить на шее всю жизнь, никогда не снимая, жгли и терзали ее душу, все время напоминая о неминуемом проклятии. Ибо еще при самом первом взгляде в будущее она узнала, что ей уготована роль творца собственной гибели.

Минако заметила промелькнувшую тень, или, что более точно, признала ее и поняла, что она означает и чем должна оказаться. Как и другие подобные призраки, этот тоже возник из ее мыслей...

„До чего же трудно, — подумала она, — любить своих детей, когда все, что бы они ни сделали или что бы с ними ни случилось, в один прекрасный день будет брошено тебе же в лицо в виде потока упреков, грозящего втянуть тебя в волну ненависти, страха, гнева, боли, любви, крушения надежд“. Поэтому встречи с детьми опустошали ее душу, особенно встречи с Юджи — ее гениальным сыном, которого она поклялась оберегать от своей второй, тайной жизни и не посвящать в нее.

Душа Минако раздвоилась. Одна часть стояла отдельно и восхищалась бесконечно сложным замыслом, родившимся, может, вовсе и не в человеческом мозгу и, возможно, вообще порожденным не разумом в обычном понимании людей.

Но другая ее часть, более сочувствующая и сопереживающая, хотела разбить внутренние оковы, избежать того, что уготовано судьбой, и вырваться на свободу, где существует пространство и время. Теперь Минако страстно желала лишь одного — стать свободной, как в свое время этого желала КабUTO.

— Отныне я вижу, что произошло, как стало возвращаться ко мне сознание из того темного места внутри меня самого, — сказал Вулф.

Он сидел вместе с Чикой в ее „корветте“. Окна машины были закрыты, отопление включено, но он все равно не мог согреться. Вулф рассказал ей о стычке с Сумой на товарном складе.

— Мой дед был шаман, он мечтал, чтобы я пошел по его стопам, — продолжал он свой рассказ.

В ладонях Вулф держал бумажный стаканчик с остывающим кофе. На полу машины около его ног лежал смятый лист бумаги, в котором Чика принесла ему из гастронома большой тройной бутерброд. „Здесь одно мясо, — сказала она. — Вам нужны протеины“.

— Я всегда считал, что мой отец ненавидит старика, а я вроде бы как болтаюсь между ними. Теперь-то я понимаю, что не особенно доверял отцу. Он заметил во мне черты моего дедушки. Оба они отказались использовать эти дедовы задатки и хотели, чтобы я сам нашел свою судьбу.

— Ну а теперь, — заметила Чика, — эти задатки развились и полностью овладели вами.

Он согласно кивнул, все еще продолжая дрожать от холода.

— И их уже можно как-то применять. — Он повернулся к ней: — Как вы называли по-японски эту способность видеть сквозь тьму?

— Макура на хирума. Буквально: „затмение среди белого дня“. В общем, дар ясновидения.

— Хорошее название, — Вулф прикрыл глаза. — Я пересек какое-то темное пространство. Я полетел...

— Понимаю, — нежно и сочувственно проговорила Чика, отчего на глаза у Вулфа навернулись слезы.

— Мне хотелось бы побольше узнать о „макура на хирума“, — сказал он.

— Прежде всего нужно иметь в виду, что наш метаболизм, то есть обмен веществ, отличается от нормально-го. — Она заботливо склонила голову. — Когда в последний раз вы критически рассматривали себя в зеркале? Вы выглядите по возрасту таким же, как и ваши сверстники?

— Не знаю. Как-то не приходилось сравнивать... — Брови его сдвинулись, между ними показалась морщинка. — Я просто считал, что выгляжу молодо от природы, по генетической наследственности.

— Именно по генетической, — подтвердила Чика. — Так же как я могу на расстоянии мысленно приказывать, замедлять или ускорять сердцебиение у других людей, пока они не вспыхнут пламенем. А те, кто обладает способностью „макура на хирума“, могут изменять свой метаболизм и замедлять процесс старения.

— И сколько такие люди живут? — Вулфу стало небезынтересно узнать, сколько лет было Белому Луку, когда он умер.

Чика неопределенно пожала плечами.

— По-разному. У каждого индивидуума своя внутренняя сила, а следовательно, и только ему присущие темпы обмена веществ. Однако в среднем это составляет примерно двести пятьдесят лет.

— Невероятно!

— Кое-кто из нас может даже видеть будущее, хотя такое видение зачастую бывает нечетким. К примеру, в какой-то момент могут „видеться“ сразу несколько будущих, и тогда будущее не сбывается. Как вам известно, мы с вами одаренные экстрасенсы, если только не настоящие телепаты, но эта сила опять же у разных индивидуумов различна. А вообще дар ясновидения — явление не столь частое, да и не слишком признанное. За четыре столетия нашего существования нас все еще не признают и не считают с нашими способностями.

Вулф передал ей чашку, и она вновь наполнила ее. Он смотрел на спешащих людей, не замечающих в суете ничего вокруг. Он все еще привыкал и приспосабливался к свету, видя себя и Суму, будто скроенных по единой мерке, сильно отличающейся от всех других. Он только-только начал ощущать в себе шамана, знакомую темноту, жаркое дыхание в затылок.

— Вулф, я хочу сказать вам кое-что. „Макура на хирума“ может легко соблазнить нас и заставить поверить, что мы могущественнее, чем на самом деле, что мы повелители пространства и времени. — Своими длинными пальцами она сжала его запястье. — Это небезопасное заблуждение, и могу сказать вам, что уже не один такой, как мы, не устоял перед искушением и уверовал, что он — бог.

— К счастью или к несчастью, но мы носители „макура на хирума“. Однако „затмение“ в самой основе нашего мышления может оказаться коварной штукой, силой, способной изменить нас, а мы об этом и знать не будем. Ни одно зеркало не отразит изменения, потому что наше „видение“ вынуждает нас заглядывать по ту сторону плоского двумерного зеркала. Но, занимаясь этим, вполне можно утратить некоторую часть своих способностей. Вот это как раз и есть та обратная сторона „макура на хирума“, которая питает нашу самонадеянность, амбиции, высокомерие. Именно это боялась увидеть моя мать в своих детях.

Воспользовавшись паузой, Вулф заметил:

— Вы пришли за мной из-за моего... ясновидения? — Кивком головы она подтвердила его слова. — А также по заданию общества Черного клинка?

— Вы представляете угрозу обществу.

— Но, по-видимому, не вам лично.

— Вулф, я уже говорила о жестокости „Тошин Куро Косай“, а теперь вы сами смогли в этом убедиться. Мы больше не можем терпеть деятельность общества Черного клинка и позволять ему придерживаться курса, избранного его лидерами.

— В таком случае вам без моей помощи не обойтись, — рассуждал Вулф. — Но почему вы просто не пришли ко мне и не сказали всего этого раньше?

— Теперь, когда мы оказались в условиях войны, разве вы поверили бы мне, если бы я принялась рассказывать всякое про мир экстрасенсов?

„Она права“, — подумал он, а вслух сказал:

— Все же без поддержки нам туго придется. Трогаемся. Нужно позвонить.

Чика предостерегающе положила руку на его ладонь.

— Что вы намерены делать? Нам нужно уезжать отсюда, из этой страны. Паспорта готовы...

— Вы все еще никак не поймете, — возразил Вулф. — Убит Сквэйр Ричардс — один из моих сотрудников. Теперь меня станут поджаривать на медленном огне за него.

— Но ведь Сума...

— Я перед ним в долгу, Чика. Понимаешь?

Она согласно кивнула и завела мотор.

— Поехали.

На Четырнадцатой улице она остановила машину, и он потащился через улицу к телефонным будкам. Один из шести таксофонов работал, остальные были искорежены или просто неисправны. Вынув мелочь из кармана, он опустил в щель четвертак и набрал номер телефона Шипли, затем, услышав голос автоответчика, бросил в автомат еще несколько монет.

После одиннадцатого гудка Шипли поднял трубку.

— Я звоню из Нью-Йорка, — сказал Вулф. — Меня подставили по-крупному.

— Теперь вы один из нас, поэтому получите всю необходимую помощь, — успокоил Шипли. — Какие новости?

— Я установил контакт, личный контакт с Сумой.

— Ну и как после этого самочувствие?

— Я его не смог одолеть, но и он меня тоже. — Вулф тяжело вздохнул. От него все еще пахло гарью: от огня пострадал правый рукав куртки. — Мы, черт побери, столкнулись лицом к лицу, и я его рассмотрел. — Он рассказал Шипли о схватке на складе, о Чике же предсудомотрительно умолчал. — Мне нужно доложить обо всем

комиссару, — сказал он под конец. — Но вы все же должны мне кое в чем помочь. Не думаю, что могу быть вам полезен, если придется удариться в бег.

— Согласен. Но если будете сообщать Бризарду текущую информацию, не показывайтесь в управлении полиции. Позвольте мне подумать минутку. Через часок я действую кое-какие пружины, а потом позвоню комиссару домой. Уверен, что он дома.

— Спасибо, — поблагодарил Вулф.

Он представил себе молчаливые коридоры, по которым топает Шипли и просто голосом, без особых усилий, вызывает своих джиннов, которые обеспечат надежную охрану. Он был чрезвычайно признателен за помощь, которую может предоставить только агент федеральной спецслужбы.

— К работе я не готов, — произнес Оракул.

— Шш-ш, — зашипела Хана, ее прекрасное загадочное лицо приняло отрешенный взгляд, веки опустились. С помощью системы электропроводов и оптико-волоконных кабелей она соединилась с ним.

— Вы не получите нужную структуру генов, — настаивал Оракул.

— Разве ты можешь так быстро узнать, что нам нужно? — спросил Юджи, в нетерпении расхаживая туда-сюда перед цифровым индикатором.

— Положитесь на меня, — попросил Оракул.

Юджи едва не рассмеялся.

— Намекни хоть, в чем дело, — приказал он.

— Я изучил структуру генов у Ханы-сан.

— Очень хорошо, — ответил Юджи, — но знать пока не можешь.

— Я перебрал все подходящие варианты, — объяснил Оракул, — и уверен, что знаю.

— Каким образом?

— Посредством интуиции.

— Извини, не понял.

Юджи перестал мельтешить перед приборами и пристально уставился на матово-черный куб.

— Вас не затруднит выслушать меня? — спросил Оракул.

Юджи пригладил волосы рукой.

— Я прекрасно слышу тебя. Но ты горишь чепуху. Ты не можешь обладать интуицией.

— Я уверен, что знаю, — повторил Оракул. — Проведены все, за исключением одного, измененные и вспомогательные процессы анализа ДНК. Не проанализирован сла-

бофункциональный фактор роста. Суть его в том, что он содержит ключ к генетическому коду, вызывающему рак и прочие неизлечимые пока заболевания в связи с отклонениями от нормального процесса замены ДНК хромосом.

— Так найди этот ключ.

— Я пытаюсь найти его с того самого момента, как меня уведомили о моей неудаче с Моравиа, — отвечал Оракул. — Но я не Господь Бог. Я не могу так легко воссоздать жизнь.

— Но ведь должен же быть какой-то путь, — настаивал Юджи.

В это время Хана открыла глаза.

— Мы находимся на верном пути, Юджи-сан, — сказал Оракул. — У меня есть кое-какие наброски относительно того, что необходимо Хане, но этого недостаточно. Хана не подходит для исследований.

— Значит, мы должны подобрать нужный объект, — заключил Юджи и хотел отключить Хану от Оракула.

— Нет, — запротестовала она. — Не надо...

Юджи пристально посмотрел на сестру.

— Я пока не хочу отключаться, — пояснила она.

— Не хотелось бы мне, чтобы ты относилась к Оракулу подобным образом, — заметил Юджи.

— А почему бы и нет? Кстати, мне это очень нравится, — произнес Оракул.

— Он не бездушная вещь, Юджи-сан, — взмолилась Хана, — и мне нравится его мир. У него нет плоти и крови. В его мире передо мной открываются новые возможности, которых обычным зрением мне не охватить, поскольку Оракул — не что иное, как безграничность метафизики. Как нам известно, наука ограничена знаниями, которыми человек на данный момент располагает. А Оракул живет вне времени и пространства. Для него ничто не существует. Он свободен так, как никогда не сможет стать свободным человек, я всегда мечтала стать такой же свободной, как и он.

— Хватит, — рассердился Юджи и выключил пульт управления. — Ты принадлежишь реально существующему миру. Я, разумеется, могу оценить, что Оракул может значить...

— Нет, Юджи. Тебе никогда не понять, что он значит для меня. Когда я подключаюсь к нему, мой разум видит происходящее, не находясь в месте события. Мое ясновидение широко открывает передо мной двери — вход в чудесный мир; моя плоть и кровь по рукам и ногам связывают меня и ставят в определенные рамки, а мне всегда

так хотелось увидеть чудеса Вселенной. Ты не можешь понять, как я мучилась все эти годы, переживая крушение своих надежд. И никто этого не поймет.

— Никто, кроме меня, — вмешался в разговор Оракул, — и Юджи готов был поклясться, что эта металлическая вещь улыбнулась.

— Между вами затевается некий тайный сговор, — заметил Юджи и впервые повысил голос, — но я не потерплю этого. — И он обратился к сестре: — Хана, я считаю тебя виноватой во всем этом. Я, конечно, сам подключал тебя к Оракулу, а он абсорбировал твою личность. Но ты проводишь в таком состоянии с каждым разом все больше времени. Неужели ты не видишь, как все это опасно? Если так будет продолжаться, то в один прекрасный день ты вообще не захочешь отключиться от Оракула.

— Такая возможность не исключена, — заявила Хана. — Его мир предоставляет мне гораздо больше возможностей, чем твой.

— Не твой, а наш, Хана, — в отчаянии упрекнул ее Юджи. — Это наш мир.

— Отныне он не наш, — в один голос сказали Хана и Оракул.

Сенатор Р.-П. Фрэнкен выскочил из служебной автомашины и с дорожной сумкой в руках быстро помчался напрямик через бетонную дорогу к железнодорожному вокзалу „Юнион стейшн“. Он опаздывал на поезд фирмы „Амтрек“, отправляющийся из Вашингтона в Нью-Йорк. Пробегая под портиком вокзала в виде трех арок, копирующих известную арку Константина, он проклял свой напряженный, суматошный день. Он не любил летать челночными рейсами — народу в самолетах набивалось, как в вагонах для перевозки скота, — и предпочитал просторные, роскошные, располагающие к отдыху вагоны железнодорожной компании „Амтрек“. С нетерпением он ожидал того момента, когда спокойно усядется в кресло, вытянув ноги, и будет спокойно потягивать двойную порцию любимого виски „Уайлд Турки“ — единственного спиртного напитка, который он признавал.

Сенатор направлялся в Нью-Йорк на важный благотворительный обед в ресторане гостиницы „Уолдорф-Астория“, где будет присутствовать и сам президент США. На него съедутся множество нужных и влиятельных лиц. Врацаться среди них Фрэнкен любил больше всего на свете. На таких приемах можно завязывать новые знакомства, устанавливая полезные контакты, а связи позволя-

ют эффективно проворачивать дела в правительственных кругах — этом дурдоме в столице страны.

Фрэнкен проскочил через огромный зал ожидания, построенный в стиле ванн Диоклетиана. В нем он мельком взглянул на шесть колонн портика, сооруженного в виде ионического храма. Этот портик нравился ему больше всего. На двух колоннах были изображены фигуры, символизирующие различную железнодорожную тематику. Огонь, например, был представлен в виде его прародителя Прометея, а машинист — в образе самого первого механика на свете Архимеда.

Фрэнкен любил своих избирателей в Техасе, точнее, он понимал, что целиком и полностью зависит от них, и поэтому принадлежал им безраздельно. Ради их интересов он прилагал огромные усилия, чтобы провалить этот дурацкий торговый законопроект, который, будь он принят, поставил бы Соединенные Штаты в невыгодное положение. Япония в этом случае не преминула бы аннулировать свой запрет на импорт риса из других стран, а такой шаг непосредственно затронул бы интересы его избирателей, и особенно жителей родного города Галвестона, которые занимаются главным образом производством риса на экспорт. Японский рынок риса был для них чрезвычайно выгодным. Поэтому Фрэнкен понимал, что если торговый законопроект пройдет, то у него на родине он будет воспринят с таким возмущением, что ему придется позабыть о переборах на следующий срок.

Фрэнкен быстро миновал недавно отреставрированные залы, где размещались магазинчики, кафетерии и ресторанчики самообслуживания, в которых можно было перекусить на скорую руку, и спустился по широкой мраморной лестнице вниз, на перрон, где уже стояли три поезда, готовые к отправлению.

Фрэнкену стало даже невмоготу при мысли о том, что произойдет, если его не переизберут в сенат на новый срок.

Тогда ему придется начинать новую жизнь, лишенную множества привилегий и льгот сенатора, допуска на престижные, щекочущие самолюбие пресс-конференции и возможности узнавать и передавать тайны политической кухни, одним словом, утратить чувство собственного достоинства.

Он пошел вдоль нижнего перрона, разыскивая свой поезд. Найдя его, пробился сквозь густую толпу галдевших туристов и направился к нужной платформе.

Он уже собрался было вскочить в вагон, как откуда-то внезапно появился молодой человек восточного типа, одетый в униформу проводника.

— Простите пожалуйста, сенатор, — вежливо сказал он. — Не могли бы вы уделить мне минуточку внимания? Фрэнкен озабоченно глянул на платформу. Из вокзала никто больше не выходил, все проводники куда-то исчезли. Он стоял между вагонами, поезд должен был вот-вот отойти.

— Извини, сынок, — ответил Фрэнкен, широко, во весь рот, улыбнувшись, — но я опаздываю на поезд и...

— Но дело-то совсем минутное, сенатор, — сказал молодой азиат, — и очень важное.

— Все же извини, — настойчиво произнес сенатор. Он решительно направился в открытую дверь вагона, но проводник загородил дорогу. — Ну как ты не поймешь! Я же опаздываю...

Внезапно проводник резко придвинулся к нему и прижал к холодной металлической поверхности вагона. Фрэнкен открыл было рот, чтобы закричать, но звук словно застрял в горле. Проводник брызнул ему в рот струю жидкости из баллончика. Сенатор закашлялся, язык у него запал, будто у эпилептика, захватившего приличный глоток „Уайлд Турки“. Он попытался поднять руки, но они оказались прижатыми к телу. Из уголка рта потекла слюна.

Проводник сильно толкнул Фрэнкена, тот отлетел назад и очутился между вагонами. Каблуки его только что начищенных ботинок соскользнули с края платформы, и он почувствовал, что вот-вот упадет, но не упал, потому что сильным рывком проводник дал удержаться ему на ногах, а потом просто спихнул на рельсы, и он заскользил вниз, царапая коленями бетонный край платформы. Боль пронзила ноги, промелькнула мысль, что сломалась берцовая кость.

Очутившись на путях между вагонами, он все еще продолжал сопротивляться. Проводник выплеснул ему в лицо остатки жидкости из баллончика, а когда Фрэнкен попытался укунить его за руку, то почувствовал, что сердце у него сжалось так сильно, что от боли он чуть не проглотил собственный язык.

Он потряс головой и, взглянув затуманенным взором вверх, увидел, что проводник подал машинисту сигнал об отправке, а затем услышал, как закрываются двери. В любое мгновение поезд мог тронуться!

Фрэнкен заметил, что проводник опять повернулся к нему, и начал молиться. Тот сильно ударил его ногой в пах, от боли он попытался закричать, но не мог и соскользнул еще дальше, плюхнувшись поперек рельсов.

Взглянув снизу на проводника, сенатор не поверил своим глазам. Теперь он опознал этого человека — никакой он не проводник, а тот самый японец. Неожиданная встреча и форма железнодорожника ввели его в заблуждение. Боже мой!

На лице японца ясно читалась слепая ненависть, от одного взгляда на него у Фрэнкена застыла кровь в жилах, потому что он четко увидел какое-то в высшей степени зверское выражение лица.

Поезд дернулся, качнулся, и Фрэнкен, несмотря на боль в ногах и в груди, с удвоенной силой стал снова сопротивляться. Японец наклонился и будто случайно коснулся кончиками пальцев лба Фрэнкена.

Может, из-за преломления света, но сенатору показалось, что цвет глаз у его противника вдруг изменился, а в окружающем полумраке замелькали зеленые искры. Потом Фрэнкена охватил холод, а точнее, он почувствовал, как из тела уходит тепло.

Фрэнкен догадался, что японец убивает его, но каким образом, так и не понял. Поезд тронулся, сознание почти покинуло сенатора. Ему стало так холодно, что руки уже не прижимались к телу, с большим трудом он сумел поднять их, но так неловко, будто это были не руки, а тяжелые деревянные весла.

Он увидел свои пальцы, белые и слабо шевелящиеся, как мучные черви. Ему даже показалось, что это вовсе не его пальцы, и глядел он на них будто издалека.

Еще раз увидел он неясно вырисовывающуюся фигуру японца.

Фрэнкен почувствовал огромное давление, а затем провалился в темноту, услышав громохание. Он успел подумывать, что это надвигается черная буря, какие ему доводилось видеть в детстве, когда он жил в Галвестоне, на берегу Мексиканского залива. Там частенько случались такие штормы, сопровождавшиеся ливневым дождем и пронизывающим до костей ветром.

Потом по нему проехало первое колесо, разрезав пополам. Тело его вздрогнуло и подпрыгнуло, но сразу же по нему прокатилось второе колесо, затем — третье. Кровавое месиво оторвалось на мгновение от земли, а затем шлепнулось на рельсы, и его опять резали и кромсали стальные колеса, блестящие и сверкающие, как неумолимая коса в руках Смерти.

Глава одиннадцатая

Нью-Йорк—Вашингтон—Токио

— Он уже идет, — сказал Сума чернокожему мужчине. — Ты приготовился к смерти?

Хейс Уолкер Джонсон ничего не ответил. Он лежал распростертый на обеденном столе в собственной кухне, совершенно голый, только пах его прикрывал лоскут от боксерских трусов фирмы „Калвин Клейн“. Он понимал, что представляет собой ужасно жалкое зрелище в глазах этих незнакомцев, внезапно появившихся у него дома. Он почувствовал, как с него градом катился пот.

Грудь и ноги комиссара были привязаны к ножкам стола, и в этом беспомощном состоянии он молил лишь об одном — как бы прикрыть свою наготу. Такая мысль в его положении могла показаться нелепой, а впрочем, нет, совсем не нелепой, учитывая, что напротив, позади скользких глазированных плиток, сидела его жена, привязанная к дверце встроенного холодильника. Голова у нее была слегка приподнята, рот открыт. Она потеряла столько крови, что даже Уолкер Джонсон не мог назвать ее красивой. Зрелище это разрывало ему сердце на части не только потому, что посягнули на то, что всегда принадлежало ему лично, но и потому, что осквернили памятные воспоминания, священные для него.

— Мистер Камивара — гость особый, — произнес Сума, показывая на мускулистого японца, стоящего рядом с ним. — Ему очень нравятся комиссары.

Хейс Уолкер Джонсон повернул голову.

— А что еще нравится мистеру Камиваре? — спросил он, потому что по собственному опыту знал, что в угрожающих ситуациях самое главное — потянуть время. Появляется больше шансов выкрутиться из создавшегося положения. О других делах он и думать не хотел: если они не назвались своими настоящими именами, стало быть, они решительно настроились убить его.

— Да все. Все без исключения, — ответил Камивара угрожающим тоном и прикоснулся к ягодицам Джонсо-

на. — Но вообще-то я предпочитаю наркотики вперемежку с сексом.

— Да, без наркотиков он не обходится, — подтвердил Сума. — Он ими просто накачивается.

— До тех пор, пока он еще жив, — заметил Камивара, обращившись к Суме.

— Он идет сюда, — напомнил Сума. — Я тебе уже говорил.

Джонсон, не желая даже думать о тех ужасах, которые могут угрожать его жене, старался говорить побольше и поэтому попросил:

— Не могли бы вы сделать мне одно одолжение? Я имею в виду наркотики.

— И это просит комиссар полиции! — рассмеялся Сума.

Камивара лишь неопределенно пожал плечами и ответил:

— Мы здесь все друзья.

Джонсону от этих слов захотелось двинуть ему в морду. Камивара повернулся к нему, и Джонсон поразился, увидя, насколько обычным оказалось его лицо.

— Не откажешься ли отведать наркотик под названием „аконита“? — спросил Камивара.

— А это не отравка? — поморщился Джонсон.

— Да-да, конечно, отравка. Может успокаивать, но может и возбуждать, — ответил Камивара, приглядываясь к паху Джонсона. — Зависит от того, сколько ее принять и с чем смешать. Все зависит от вкуса. — Губы его шевельнулись, изобразив подобие улыбки.

В этот момент Камивара отвел взгляд от Джонсона. Тот почувствовал, будто нырнул в ледяную воду, да еще глубже — под лед: кровь застыла у него в жилах, сердце забилось медленнее, нервные клетки парализовались. Испугавшись, он попытался повернуться и посмотреть, в чем дело, но не смог — что-то мешало ему двигаться. Он хотел осмыслить происходящее, но на том его побуждение и кончилось, превратившись в некое бесконечное раздумье, застывшее у него в мозгу.

Биеение сердца при этом резко замедлилось, и в нем возникла боль. Взглянув в глаза Камиваре, Джонсон увидел в них странный свет, пару крыльев или полумесяцев, мелькнувших язычками зеленого пламени вблизи радужной оболочки его глаз.

Камивара словно насмеялся над Джонсоном, посвящая его в какую-то страшную, одному ему известную тайну.

— Вам нравится моя игра? — спросил он голосом,

похожим на дребезжание стекол, отчего у Джонсона учащенно забилось сердце.

Сума, который, казалось, не обращал никакого внимания на происходящее, выглянул на задний двор. Камивара опять с вожделением посмотрел на Джонсона, и тот внезапно почувствовал себя от этого взгляда — взгляда самого дьявола — полегче. Кровь снова побежала по жилам, температура тела поднялась до нормальной. Находясь в той странной черной глыбе льда, он так промерз, что теперь едва мог перевести дух.

— Любит ли мистер Камивара кокаин? — спросил Джонсон охрипшим от холода голосом.

Камивара лишь ухмыльнулся в ответ. У Джонсона все задрожало внутри при воспоминании о том, что японец только что проделал с ним.

— Как я сказал, мне нравится все, — ответил Камивара.

Джонсон отвернулся и пристально посмотрел на безжизненное тело жены. Зрелище было ужасное. Им вдруг овладело смирение, с которым ожидается неминуемое наступление конца. Вид крови и истерзанного человеческого тела сам по себе жуткий, потому что зримо напоминает о смерти, а тут еще примешивается ужас, смешанный с какой-то странной тихой радостью. При этом вспоминаются те или иные события из прожитой жизни... „А я все еще жив“, — подумал он и устыдился этого неожиданного жалкого торжества.

Камивара разложил на столе несколько пакетиков с кокаином, и, когда отвернулся, чтобы понюхать первый, Джонсон опять принялся освобождать от пут свою правую руку. Он сумел продвинуть ее под крышкой стола к тому месту, где грузчики при переносе мебели нечаянно повредили доску. Его супруга, зацепившись как-то новым платьем за это место, месяцами пилила мужа, требуя заделать щель. Теперь же зазубренная расщелина могла оказаться спасительной. Он двигал кистью взад-вперед, стараясь перепилить тонкую веревку на запястье.

— Вам лучше подойти к другой стороне, пока еще пакетики не опустели, — посоветовал Камивара Суме. Он сунул палец в нос и слизнул затем с него налет белого порошка. — Одно скажу наверняка: товар высшего качества.

Стоя в стороне, Сума по-прежнему напряженно смотрел в окно кухни в ожидании чего-то и ничего не ответил.

С огорченным видом Камивара вновь повернулся к Джонсону:

— А вы не присоединитесь?

Джонсон замер и не сказал ни слова в ответ.

Камивара уставился на него широко раскрытыми глазами.

— То, что вы задумали, не получится, — сказал он и повернулся опять к столу с пакетиками кокаина. — Кокаина маловато для нашего мероприятия. Здесь потребуются более сильные средства.

С этими словами он вынул пузырек с бледно-оранжевым порошком, высыпал его в стакан с водой и размешал вместе с другими жидкостями, которые принес с собой. Затем он все расставил на столике.

Джонсон почувствовал, как перетерлась одна из веревок и соскочила с его правой руки. Не сводя глаз с японцев, он медленно двинул руку к выдвижному ящичку пониже крышки стола и, выгнувшись дугой, потянул его и открыл. Нащупав ручку столового ножа, он с чрезвычайной осторожностью вытащил его. Теперь у него в руке было оружие, скрытое от глаз японцев.

— Испей меня, — сказал с издевкой Камивара и ехидно улыбнувшись, поднося стакан к губам Джонсона. Когда тот отхлебнул половину, он допил остальное.

— Ну, а теперь поцелуй меня, — кобеньясь, попросил он.

Как только Камивара приблизился, Джонсон пустил ему в лицо струю жидкости, которую держал во рту не глотая, тот замешкался, а он, взмахнув столовым ножом, вонзил острие в руку японца и пригвоздил ее к деревянной крышке стола.

Камивара широко открыл рот, но не успел произнести ни звука, так как Джонсон исхитрился воткнуть ему в глотку кляп из своих шортов. Но тут пришлось вскрикнуть от удивления Джонсону. Он приподнялся, уставившись на руку Камивары, пронзенную ножом между костей так, что были задеты сухожилия и нервы. „Быть того не может“, — не поверил он своим глазам, но из колотой раны не показалось ни капельки крови.

Голова у Камивары теперь завертелась будто на шарнире, а черные непроницаемые глаза изменились в цвете и стали такими же, как в те мгновения, когда он замораживал Джонсона. Зеленоватые полумесяцы, казалось, бросали свет на его лицо, принявшее зловещее выражение дьявольской мощи. Он изрыгнул из глотки кляп.

Теперь атмосфера в кухне стала совсем иной, наполнившись каким-то оживлением, и Джонсону стало ясно, что кто-то еще, невидимый, прячется тут же.

Глаза у Камивары стали огромными, как два солнца, и

Джонсон ощутил, как от них исходят какие-то лучи, проникающие сквозь его кожу, просачивающиеся через мышцы и поражающие мозг.

Задышавшись, Джонсон грохнулся на стол, тело его задержалось в конвульсиях. Где-то глубоко внутри него возникла пронзительная, обжигающая боль, которая, как ему показалось, перекрыла доступ кислорода в легкие. Немыслимым выпадом он дернулся к ножу, желая лишь одного — вонзить его в сердце Камивары.

— Так вот чего ты хочешь, — ухмыльнулся тот. — Ну что ж, возьми его.

Джонсон затрясся, глаза его вылезли из орбит. Столовый нож шевельнулся и начал сам по себе выходить из руки Камивары, затем повис, замерев, в воздухе.

— О господи!

Камивара лишь ухмыльнулся.

Джонсон зажмурился, ожесточенно мотая головой из стороны в сторону в напрасной попытке развеять видение. Все, что теперь проделывал с ним японец, оказывало невероятное действие. Он попытался вздохнуть поглубже, но, похоже, забыл, как это делается. Перед глазами замелькали какие-то неясные пятна, а обмен веществ в организме ускорился вдвое или втрое. Рот его открывался и закрывался, как у рыбы, вытащенной из воды, но с каким-то странным звериным звуком.

Начались галлюцинации: он все-таки проглотил несколько капель адской смеси, приготовленной Камиварой, и вот теперь сказывалось ее действие. Он понемногу каменил, одно видение сменялось другим...

Джонсон в последний раз сделал попытку вскрикнуть: начало мучить удушье. Он широко открыл рот и попытался захватить хоть немного воздуха, но ничего не получилось, будто он из космической капсулы вышел в безвоздушное межзвездное пространство.

Вулф и Чика поехали по Первой авеню, держа направление на западные восьмидесятые улицы. Не доезжая квартала до дома комиссара полиции, они остановились. Вулф бывал уже в этом доме вместе с Бобби и знал дорогу, поэтому уверенно повел Чикау к входу в цокольном помещении из серого камня, через который можно пройти прямо на задний двор Джонсона. Черные чугунные ворота оказались запертыми, но Вулф легко сбил замок. То же самое он проделал и с дверью, выходящей на маленький цементированный дворик. В доме было тихо. Он повел Чикау вниз по длинному коридору в сад, расположенный

позади дома. В дальнем его конце они остановились перед высоким забором, за которым находился задний двор комиссара. Вулф толкнул незапертую калитку, Чика прошла вслед за ним, и они очутились на заднем дворе. Миновав кусты акации, Чика придержала Вулфа за руку:

— Там что-то неладно.

Они быстро поднялись по ступенькам к задней двери и, стремительно войдя в кухню, услышали тяжелые хрипы задыхающегося Джонсона. Вулфу бросилось в глаза неподвижное лицо Джонсона. В одно мгновение он увидел и оценил обстановку: распростертый на обеденном столе голый комиссар, мертвая женщина, привязанная к холодильнику, японец, направивший взгляд на комиссара, и зависший в воздухе кухонный нож.

— Боже Всемогущий!

Вулф только лишь глянул на японца и сразу признал в нем того самого маляра, с которым беседовал в душе своего офиса и перед которым так извинялся. Теперь он понял все.

Он увидел, как расширились глаза азиата, тонкие серпы зеленоватого люминесцентного света появились на их радужной оболочке. „О Боже!“

— Камивара! — крикнула Чика и повернулась к Вулфу: — Отойди и предоставь его мне!

— Нет, — твердо сказал Вулф. — Этот подонок следил за мной. Я сам с ним рассчитаюсь.

Камивара резко извернулся и выскочил в дверь. Вулф ринулся за ним в темный коридор, готовый в любую минуту отразить нападение.

— Давненько не виделись, мозгляк сраный, — произнес Камивара и с силой ударил Вулфа ногой по бедру. Вулф не сдержался и крикнул от пронзившей его боли. От удара он дернулся, потерял равновесие и увидел злорадную ухмылку на лице японца. Оперевшись о стену, Вулф нанес молниеносный ответный удар тыльной стороной ладони.

Он исхитрился ударить Камивару прямо в солнечное сплетение, тот взвизгнул, но виду не подал. Тем не менее в руке его появился неясный предмет, и он швырнул его прямо в Вулфа. Вулф мгновенно уклонился в сторону, и предмет со свистом пролетел мимо, чуть не задев острым лезвием его лицо.

Послышался дикий смех Камивары, метнувшего второе лезвие. Вулф успел до броска нанести удар ногой, зацепив при этом руку Камивары, что помешало тому попасть в цель. Затем, быстро пригнувшись и извернувшись, он что было сил двинул локтем в низ живота противника.

Но тут какая-то непонятная сила отшвырнула его обратно к стене. На минуту-другую Вулф потерял ориентировку. Он потряс головой и огляделся: Камивара исчез из виду.

Чика собралась уже было побежать вслед за Вулфом, как вдруг появился миниатюрный Сума. Она остановилась как вкопанная, пристально глядя на него и подняв руки, готовая вцепиться ногтями ему в лицо. В глазах у Чики плясали злые зеленые огоньки. Сума стоял неподвижно, столовый нож по-прежнему висел в воздухе над кухонным столом.

В кухне стало еще темнее, будто кто-то неизвестный наполнил ее клубами дыма. В сжатых ладонях Чики на мгновение, будто вырвавшись наружу из-под воды, сверкнул огонь и тут же исчез. Джонсон без признаков жизни лежал на столе, из груди его не вырывалось ни вдоха. Нож висел в воздухе как раз напротив его груди, лезвие тускло поблескивало, напоминая собой знак препинания на странице книги.

— Чего ради Камивара опивается здесь? — возмущенным голосом спросила Чика.

Сума в ответ почтительно склонил голову.

— Ради того, что он делает лучше всех. Наводит правильный порядок.

— А по чьему приказу?

Сума ничего не ответил.

— Вы ведь получили новые указания, не так ли? — с раздражением спросила Чика. — А я даже не знаю, что в них.

— Тогда я скажу, — поднял голову Сума. — Медленно, но верно мы изолируем Мэтисона от нашего, как бы сказать, главного задания.

— Убирая всех, кто близок к Мэтисону?

— Да, таким образом.

— Но это же варварство, это же только на крайний случай.

— На крайний случай, — согласился Сума. — Очень верно сказано.

Глаза его расширились, а нож дрожал в воздухе, будто от дуновения ветра.

— погоди, я могу доставить его в Токио более легким путем. Он верит мне.

— Может, и верит, — согласился Сума. — Но другого пути у нас нет. Никто из нас не может читать его мысли

так же, как мы читаем мысли других людей, а это опасно. К тому же мы должны быть уверены, что, покинув Америку, он не оставит в ней ничего для себя дорогого.

— А для чего это?

— Для того, что у нас кое-что приготовлено для него. — Сума слегка улыбнулся, улыбка получилась мягкая, как у женщины, какая-то обольстительная и в то же время коварная и таящая в себе тайну. — Самая заключительная часть работы.

— А это еще что такое?

— Я и так уже сказал больше, чем вам положено знать.

— Тогда это значит, что вы не убьете его?

— Убить Мэтисона? Нет, никогда.

Нож продолжал вибрировать, будто намереваясь кровью написать на кухонной стене таинственные письма.

— Но мы уничтожим все, что дорого ему, чтобы изучить его возможности, понять пределы его способностей. Теперь вы знаете смысл наших действий.

Торнберг Конрад III встречался с Броснианом Ленфантом регулярно раз в неделю, но по разным дням и в разное время, да и места встречи каждый раз назначались разные. Бросниан Ленфант, бывший сенатор от штата Луизиана, разрешил за приличную сумму пользоваться именем своей компании — „Ленфант энд Ленфант“ — офису Хэма и Яшиды, расположенному на Кей-стрит. Он был одним из старых друзей и пособников Торнберга. Тот любил его безмерно.

Ленфант вышел из недр не особенно разборчивой в средствах провинциальной политической мафии и поэтому был большим докой по устройству всяких грязных дел.

Впервые он попал в поле зрения Торнберга, когда служил окружным прокурором в штате Луизиана и перехитрил одного глубоко им презираемого, но могущественного человека, который был тогда мэром Нового Орлеана и имел виды на его место. Бросниан по-умному повернул бесчестную кампанию, затеянную мэром, против самого же мэра, и тем самым завоевал популярность среди избирателей. А спустя четыре года его впервые избрали в сенат, главным образом благодаря поддержке Торнберга и его щедрым пожертвованиям на ведение избирательной кампании.

Ленфант не относился к тем молодым людям, которые забывают о подобных услугах, и именно он предложил Торнбергу срочно встретиться спустя всего три дня после их последней беседы.

Ростом Ленфант был невысок. На крупной голове выделялись большие карие глаза, высокий лоб, разделенный по центру непослушной прядью волос. Улыбался он подкупающей и широкой, как река Миссисипи, улыбкой. Плечи были несколько узковаты, живот пока небольшой. Одевался он со вкусом, как настоящий джентльмен с Юга, и хорошо знал, как играть в политические игры по-вашингтонски, то есть выкладывать секреты только близким друзьям или только в обмен на какие-нибудь услуги. И тем и другим способом он завязал много полезных знакомств и установил нужные контакты — единственный капитал, ценный в этом проклятом городе.

Теперь он носил темно-синий шерстяной костюм с жилеткой кремового цвета, темно-бордовый галстук и теплое полупальто. В руке был неизменный атташе-кейс, обтянутый страусиной кожей.

Они встретились в вестибюле штаб-квартиры ЦРУ в Лэнгли. Торнбергу нравилось это место — с мемориалом в виде стены из бледного мрамора, на котором были высечены пятьдесят три звезды. Каждая из звезд — в память какого-нибудь агента, погибшего при исполнении служебного задания. Но в лежащей тут же открытой книге упоминались фамилии только двадцати трех из них — у других фамилий не было, по крайней мере, для широкой публики. Имена их держались в строгом секрете, в личных делах сотрудников ЦРУ, которые надежно охранялись. Для Торнберга такая форма хранения секретов от широкой публики символизировала Вашингтон. „Здесь сосредоточена наша власть, — торжественно отсылался он о мемориале. — Она хранится в тайне ото всех“.

Минуто-другую два приятеля постояли перед мемориалом, между флагами США и ЦРУ, а затем Торнберг сказал: „Внушительно“. Бросниан Ленфант понял, что он хотел этим сказать.

Затем они оба предъявили удостоверения личности охраннику, стоящему у первого столика, а Ленфант протянул ему еще и миниатюрный кинжальчик, который постоянно носил с собой начиная с первой избирательной кампании в Луизиане. Их подвели к лифту.

Поднимаясь на лифте, Торнберг спросил:

— Хорошо ли вы знали сенатора Фрэнкена?

— Старина Фрэнкен и я знали друг друга сто лет. Однако я слышал, что от него мало чего осталось после того происшествия.

— Вам сказали правду, — подтвердил Торнберг.

— Слышал я также, будто он был изрядно пьян, когда решил прогуляться по платформе на вокзале.

— Вот сволочи! — в сердцах выругался Торнберг. — Его смерть выглядит такой же естественной, как и гибель других сенаторов, которые хотели блокировать этот чертов торговый законопроект. Всех их просто поубивали. Фрэнкен последний в их ряду, и это действительно печальная весть.

Торнберг выбрал для беседы маленькую, редко используемую комнату для совещаний. Он включил свет и кондиционер, чтобы проветрить и охладить помещение.

В комнате была по-спартански скромная обстановка: на сизо-серых стенах висели дешевенькие картины безымянных художников с изображениями парусников, темных морей с выступающими мысами и скалами. В центре комнаты стоял простой деревянный стол и восемь конторских вращающихся стульев. У короткой стены во всю ее длину размещался буфет, напичканный самой разнообразной подслушивающей аппаратурой. Торнберг твердо знал, что она установлена, но где, догадаться никак не мог. Наверху буфета стояла простенькая кофеварка и маленькая электроплитка, несомненно для приготовления кофе во время поздних или, наоборот, ранних срочных заседаний. Как и во всех таких помещениях для проведения совещаний, в комнате не было окон и вообще ничего такого, что способно вибрировать и давать возможность подслушивать никогда не дремлющему врагу.

Два приятеля уселись за стол, и Ленфанта открыл кейс.

— Имеются плохие новости или их нет, человек должен есть, — сказал он и извлек из кейса термос с крепким нью-йоркским кофе, бутерброды с рыбой, кольцо андалузской колбасы и острый соус, жгучий до того, что им, пожалуй, можно было бы сводить краску с автомашины. — Эта еда получше, чем баланда в столовой любого правительственного департамента, — заметил Ленфанта, и широкая улыбка на его лице озарила всю комнату. — Готов поспорить на что угодно, она даже вкуснее, чем всякие там блюда в большинстве вашингтонских ресторанов.

Торнберг вежливо отказался от угощения и попросил только кофе. Он смотрел, как Ленфанта вставляет в розетку штепсель электроплитки и разогревает колбасу. Вскоре воздух в комнате наполнился вонью, сравнимой, по мнению Торнберга, по своей концентрации с химическим отравляющим веществом. Он повернулся на вращающемся стуле, раздвинул створки буфета и щелкнул выключателем, приведя в действие специальное звукопоглощающее устройство, обеспечивающее полную конфиденциальность разговора.

Ленфонт снял кастрюльку с колбасой с электроплитки, выдернул штетсель и вернулся к столу. От острого запаха пищи у Торнберга навернулись слезы на глазах. Зачарованным взглядом смотрел он, как его приятель поглощает свой завтрак, сдабривая его ядовитым соусом.

— Эта миссисипская гуща вообще-то неплохая, — заметил Торнберг, наливая себе еще немного варева, выдаваемого бывшим сенатором за кофе.

— Приготовлено по рецепту моей матушки, — похвалился Ленфонт, разрезая колбасу на части с точностью хирурга. — Шеф-повар ресторана „Галторе“ годами упрашивал меня раскрыть ему ее секрет. Но я и думать не хотел. Моя мать долго билась над этим рецептом. Она превосходный кулинар и всегда законно гордилась блюдами, которые сама готовила и выставляла на стол по вечерам. Я не мог раздавать ее секреты налево и направо. — Он подцепил на вилку порядочный кусок колбасы. — Вам известно, что тот парень Джейсон Яшида тоже в некотором роде трудоголик. — Он пожевал колбасу и проглотил. — Клянусь, что он, как и моя мать, никогда не спит. — У Ленфонта был четко выраженный певучий акцент южанина, ни один пародист не в силах продублировать такой. — Неужели он ни о чем больше не думает, кроме работы?

— Об этом лучше спросить Хэма, — ответил Торнберг. Он внимательно изучал водянисто-коричневые глаза бывшего сенатора, мягкие, как и его акцент. Интересно, а не эти ли глаза и акцент способствовали в свое время успеху Ленфонта на политическом поприще?

— Ладно, черт побери, я знаю, что делать, Торнберг. Но ваш сын почему-то думает, что я простой манекен на витрине компании „Ленфонт энд Ленфонт“. Вы же сами мне говорили, что хотите этого.

— Я полагал, что лучше не афишировать наши отношения.

Ленфонт замычал, откусывая здоровенный кусище от бутерброда с рыбой.

— Так и быть, открою вам кое-что. На своем веку я знавал многих шпионов. Некоторые из них даже и не подозревали, что я знаю их. Но, клянусь, еще никому и никогда так не нравилось заниматься шпионажем, как вам.

— Знание — сила, как обычно говорили в Управлении стратегических служб, — заметил Торнберг, упомянув предшественника ЦРУ.

Ленфонт согласно кивнул:

— Согласен. Там были ребята не чета нынешним. Все зубастые, как крокодилы. Тогда все подчинялись прика-

зам, да еще с превеликой охотой, — говорил Ленфонт, механически пережевывая пищу. — А это и вынудило меня просить вас о встрече. Вы предложили мне связаться с вашим сыном и создать для прикрытия фирму „Ленфонт энд Ленфонт“, чтобы я, так сказать, присматривал за делами, что я и делаю. — Он отпил глоток кофе. — Но вот совсем недавно я удивился, главным образом из-за того, что Яшида стал своевольничать. Поэтому я устроил его фирме небольшой шухер, как мы говорим о подобных действиях в политике у меня на родине. — При этих словах Ленфонт нахмурился, а это был верный признак того, что последуют плохие новости. — Вы помните человека, который отправился в Нью-Йорк накануне вечером? Он улетел, подав заявку на правительственный автомобиль для встречи, и должен был вернуться на следующее утро.

— Ну и что из этого?

Ленфонт лишь пожал плечами. Судя по всему, он уже утолил голод, по крайней мере на данный момент.

— Может, и ничего. Но мне хотелось бы знать, известно ли вам, что вашего парня Мэтисона подставили по-крупному?

Торнберг ничего не ответил. Он изо всех сил старался не высказывать своих мыслей вслух.

— Ну и что дальше? — спросил он.

— Мэтисона все старался подловить начальник полиции Джек Бризард. Так вот он считает — и хочет, чтобы и другие тоже считали, — что Мэтисон убил некоего Сквэйра Ричардса, единственного негра в его группе. — Правая бровь у Ленфонты поползла вверх. — Этого человека нашли мертвым с пулей в затылке около его же дома в то самое утро, когда там ошивался Джейсон Яшида. Полицейские эксперты установили, что его застрелили из револьвера Мэтисона. — Он покачал головой и добавил: — Все это дело рук Яшиды, в этом нет никаких сомнений.

Кому-то другому Торнберг сказал бы: „Нет, такое невозможно, у вас неверные сведения“. Но Ленфонты он знал слишком хорошо. Для него не было тайной, насколько скрупулезно тот проводил расследования. Если он говорит что-то, то на его слова можно полностью полагаться и быть уверенным, что так оно и есть.

— Я знаю, что вы не давали Яшиде разрешения на акцию в Нью-Йорке, — продолжал Ленфонт, — потому что после его возвращения я переговорил с ним. Я его прекрасно знаю: все, что он ни делает, преподносит как свое великое достижение. Но, читая его невысказанные мысли, мне ясно, что ему не по себе от последних решений вашего

сына. — Ленфонт наклонился вперед и, понизив голос, хотя в этом не было необходимости, продолжал: — Торнберг, над всем вашим планом нависла смертельная угроза. Ваш сын сам по себе пришел к выводу, что Вулф Мэтисон стал помехой в деле. Хэм заготовил для него клетку и, как мне кажется, не собирается отказываться от своего намерения.

Вулф крался из комнаты в комнату, держа наготове револьвер и внимательно осматривая все подозрительные места, где мог бы укрыться Камивара. Ему нужно было непременно найти ответ на вопросы, какого рода игру затеяли против него японцы, в каком месте ему следует прекратить эту игру с внезапными партизанскими налетами и выступить открыто.

Где же ты, Камивара? Где ты прячешься? Вулфу припомнилась игра в прятки, он играл в нее в детстве, когда жил в Элк-Бейсине. Он сосредоточился, напрягая память.

Вулф дошел уже до самого конца главного коридора, тянувшегося вдоль всего дома. Впереди виднелся крутой поворот налево, ведущий в столовую комиссара, где, как он знал, устраивались официальные обеды. Других комнат впереди не было. В столовой царил полумрак — великолепное место для внезапного нападения.

Затем он заметил светящуюся щель в стене. Дверь! Вулф просунул указательный палец в металлическое кольцо и, держа наготове оружие, резко распахнул ее. Он увидел пустой коридорчик — через такие обычно носят пищу из кухни в столовую, — который, казалось, насмеялся над ним. Отсюда был прямой ход на кухню. Камивара обошел вокруг дома и привел его на то же место, откуда бежал. Вулф высунул голову в темный коридорчик, чтобы оглядеться, и услышал, как Чика говорит с кем-то по-японски. Он прислушался и попытался представить, кем мог оказаться ее собеседник. Ему недоставало совсем немного, чтобы определить, кто он. Но вот почувствовалась аура этого человека, и спина Вулфа покрылась испариной.

„Боже мой, — подумал он, — да ведь она говорит с самым Сумой! К тому же таким тоном, будто он вовсе не враг, а союзник“.

Он прикрыл дверь и опять бросился на поиски Камивары. „Ищи, — приказал он себе. — Это твое первейшее дело. С Чикой разберешься потом. Если только это „потом“ будет“.

Он осторожно продвигался вперед, пока край его тени не достиг поворота: еще миллиметр, и Камивара увидит, что он здесь, если, конечно, японец поджидает его за углом. Вулф пристально посмотрел на пустой коридор, приказав себе почувствовать присутствие Камивары. Не слышится ли посторонний запах? Есть ли вообще что-нибудь такое, что дало хотя бы намек?

Нет, ничего такого.

Он подождал.

Нет, ничего.

Тогда он подумал о том, что присутствует внутри него самого, — о чем-то темном, таинственном и всегда шевелящемся — и понял, что должен пустить в ход эту свою особенность.

Он призвал на помощь свою „макура на хирума“, и, хотя немного опасался делать это, необходимость все же оказалась сильнее опасений. Вулфу вспомнился грузовой склад и то, что, когда Сума отчетливо обозначился в его воображении, он легко смог определить его местонахождение. Вулф вдруг усомнился, не случится ли обратное, не обнаружит ли Камивара его, если он пустит в ход свое ясновидение. Эта мысль насторожила его, и, тем не менее, он начал действовать.

Мгновенно повернув за угол и быстро промчавшись обратно по коридору, он отчетливо представил себе японца. И...

— Боже мой!

Вулф едва не замер, усилием воли заставив себя двигаться дальше. Он прислушивался к чужому дыханию. „Я выследил его, — промелькнула мысль. — Могу чувствовать его ауру еще до того, как он появится передо мной“.

Очертания Камивары неясно возникли из темноты. Не человек, а древнегреческий гриф, похищающий души умерших! Существо, которое подстрелил Вулф, когда шел по тропе мертвых.

Камивара увидел Вулфа и, удивившись, попытался применить свою способность „макура на хирума“, но Вулф подавил ее. Тогда японец выхватил небольшой острый клинок и быстро выбросил руку вперед. Пригнувшись, он быстро размахивал им. Вулф почувствовал, как у него непроизвольно сжалась мошонка. Он понимал, что его тело инстинктивно напрягается, и помнил, что смерть может настичь его мгновенно, быстрее, чем он думает.

За секунду до выпада Вулф успел лишь подумать о том, как предупредить приступ боли и выдержать его. Он должен доверять своему телу, его инстинктивным, отрабо-

танным приемам защиты и нападения, изученным под руководством художавого лысоватого сенсея.

Клинок Камивары сверкнул в нескольких сантиметрах от паха Вулфа, но он правой рукой внезапно перехватил правое запястье японца и в тот же момент опустил на одно колено. Он почувствовал, как лезвие все же царапнуло его по коже, но успел провести прием ирими из борьбы айкюдо, лишив тем самым Камивару подвижности и заставив его наклониться вперед и потерять равновесие. Вулф, не теряя времени, развернул японца таким образом, что тот ударился о стену.

Камивара опустил на полусогнутые ноги, прочно оперся плечами о противоположную стену и, не выпуская смертоносного клинка, резко взмахнул, описав дугу. Лезвие мелькнуло перед глазами Вулфа, зацепило и выбило из руки револьвер, отбросив далеко по коридору так, что до него теперь было и не дотянуться.

Вулф наклонился вперед, выбросив правую руку под вытянутую — правую же — руку Камивары, а затем под нее и левую и, повернувшись верхней частью туловища так, чтобы придать рукам опору, а нижней подавшись внутрь настолько, чтобы левой рукой суметь ударить противника в плечо, одновременно с этим правой рукой он зацепил Камивару за локоть и быстрым движением закрутил руку вверх и назад. Раздался громкий хруст сломанной кости, и из безжизненной руки со стуком выпал клинок.

„Вот он, удобный случай“, — мелькнула у Вулфа мысль, и он изо всех сил попытался ударить японца тыльной стороной ладони в подбородок. Камивара нанес по его ладони удар сбоку, и попытка Вулфа не удалась.

Японец ждал теперь нападения Вулфа. Он приготовился к любому движению со стороны противника — не важно к какому, у него не было в руках оружия. Заметив новый выпад Вулфа, он первым нанес тяжелый удар, целясь в шею.

Камивара намеревался ударить по нервным узлам, расположенным рядом с сонной артерией, что сразу парализовало бы Вулфа, но промахнулся и угодил в ключицу. От удара у Вулфа что-то булькнуло внутри. В ответ он нанес Камиваре удар в живот, но сделал это не совсем верно. Камивара успел прикрыть живот правой рукой.

Последовал еще один удар, потрясший Вулфа, поэтому он вынужден был изменить тактику: время шло, а с ним накапливался и адреналин в крови. Теперь приходилось считаться и с усталостью, так как организм не мог слыш-

ком долго выдерживать напряжение и непривычную ситуацию. С каждой уходящей секундой шансов на выживание становилось все меньше, а совсем скоро их могло вообще не остаться. Нужно было срочно применить какой-то неожиданный прием. Ради этого он попытался ясно показать свой облик, но почувствовал отпор, так как Камивара, готовый к этой уловке, стал подавлять видение.

Лицо японца приблизилось в темноте, и маячило, словно висят лампа из тыквы, подвешенная накануне Дня всех святых: ухмыляющийся череп, этот символ смерти, казалось, выискивал очередную жертву. В ухмылке сверкали золотые зубы, резко контрастирующие с его собственными, длинные желтоватые верхние клыки с лягом клацали о нижнюю челюсть, толстые губы втянулись в рот, на щеи напряглись и вздулись, как электрические провода, жилы.

Оба соперника сцепились друг с другом в могучем и грубом порыве, словно партнеры в любовном экстазе.

Вулф нацелился схватиться за кадык Камивары и сломать его, что сразу же решило исход схватки, так как он чувствовал, что уже выдыхается, а противник вот-вот восстановит силу и дееспособность поврежденной руки.

Как только пальцы Вулфа коснулись горла Камивары, зубы у того щелкнули и рот захлопнулся, и он сильно ударил Вулфа по предплечью. Пальцы у Вулфа онемели. Японец тут же обхватил шею соперника обеими руками и принялся большими, как лопаты, пальцами давить на горло. После этого он мгновенно переменял захват, поймав шею Вулфа в изгиб левого локтя. Вулф почувствовал, как у него стынет кровь, когда понял, что Камивара приготовился сломать ему шею и сделает это за какие-нибудь пятнадцать секунд, если он не найдет способа выйти из захвата.

Усталость стремительно нарастала, в глазах поплыли красные круги, застилая сознание, силы быстро таяли.

Организм его знал, что происходит, что смерть неминуема, спусковой крючок взведен для последней вспышки адреналина, но все напрасно. У Камивары была железная хватка. Всей своей тяжестью он навалился на Вулфа, помогая мощными плечами и грудью сжимать руки так, что у Вулфа начали трещать шейные позвонки.

— Так нечестно, — жаловался, хныкая, Хирото. Он был пьяненький, куртка его валялась на скатанном тонком матрасе, рубашка была помята и распахнута, галстук сбился на сторону.

— Я работаю изо всех сил, и никто об этом не знает. Все почести достаются Юджи. У него деньги, фирма, слава, все-все, а что у меня? Жалкая зарплата да крохи акций „Шиян когаку“, на которые я могу лишь смотреть, потому что все они на имя жены.

Он поднял бутылку виски „Сантори скоч“ и, налив себе полный стакан, осушил его почти до дна.

— Я всего лишь его жалкая тень. Умный человек, а обо мне никто никогда не слышал.

Ивэн выслушивала эти жалобы из пьяных уст с большим интересом, исхитрившись встретиться с Хирото в больнице (здесь в настоящее время лечилась его жена). Она сидела в светлой, чистенькой, насквозь пропитанной бедами и печальми комнате для посетителей, а когда он возвращался от больной, нарочито прискорбно согнулась в плечах. Он, конечно, не мог ее не заметить, а может, просто был тронут ее удрученным видом и катившимися по щекам слезами.

Оттуда они прошли в ближайший, довольно приличный ресторан и сидели теперь там за деревянным столиком, даже не обмениваясь любезными взглядами.

Хирото — человек, которого ничего не стоило раскусить. Но еще до встречи она, разумеется, сумела заручиться помощью со стороны Вакарэ, который, сам того не ведая, проговорился о таких вещах, о которых она и не подозревала. Уже по одному этому она инстинктивно поняла, что „Тошин Куро Косай“ ищет запасные варианты доступа (помимо Минако) к Оракулу. Это вовсе не значило, что общество Черного клинка отныне не доверяло матери Юджи. Наоборот, как она неоднократно подчеркивала, ей не раз доводилось демонстрировать свою лояльность по отношению к обществу. Но в данном случае имелся в виду ее сын. „Гири“ — чувство долга перед общиной — звучит неплохо, но только на одно это чувство полагаться нельзя. Есть еще и узы, связывающие мать и сына. Они прочнее, они неразрывны. Было бы разумнее найти и запасной путь доступа к Оракулу на всякий непредвиденный случай. Эту истину Ивэн знала и без подсказок. Вакарэ поведал своей любимой гейше Мите, что такой запасной путь может лежать через корыстного и завистливого Хирото, мужа сестры Юджи.

Разыскать Хирото сложности для нее не представляло, труднее было выполнить другое. По собственному опыту Ивэн знала, что корыстные и завистливые люди частенько оказываются довольно проникательными и неглупыми, потому что обладают навязчивой идеей, имеющей тенден-

цию переходить в паранойю, и они тогда начинают подозревать всех и вся. Ее опыт подсказывал также, что эту манию бывает, как правило, нелегко излечить. Лучше всего вообще не давать таким людям повода к подозрениям с самого начала. Имея все это в виду, она сказала:

— Извините меня за то, что я не сдержалась там, в больнице, Хирото-сан. Понимаю, что мое поведение непростительно.

— Нет, нет. Это я должен извиниться перед вами, — запротестовал он. — Я сам навязался в утешители.

— Но я так рада, что вы согласились пойти и посидеть немного со мной. — Говоря эти слова, Ивэн не смотрела на Хирото, поэтому у него не должно вроде бы возникнуть никаких подозрений относительно ее искренности. — Я не смогла сдержаться и заплакала. У моего мужа отказывают почки, а ведь он такой молодой. Врачи объяснили мне, что причина болезни неизвестна. Мы, Хирото-сан, были так счастливы, как та идеальная пара, которую показывают по телевидению. Мы так любили друг друга, впереди нас ждала целая жизнь. — Из ее глаз выкатилась одинокая слезинка, задрожавшая, как только Ивэн охватил трепет от переживаемых чувств. — И вот он теперь в этой больнице. Лежит, бедный, подключенный к искусственным почкам. Каждый божий день я хожу навещать его и вижу, как с каждым выдохом из него уходит жизнь. Что только станет с нами? — Она низко склонила голову, плечи ее затряслись, она молча заплакала, будто с трудом сдерживая рыдания.

Хирото уставился на нее, пытаясь прогнать пьяную пелену с глаз. Он сидел прямо, дергая себя за галстук и безуспешно пытаясь поправить его. Соблюдая правила приличия, он наклонился к ней и произнес:

— А я ведь тоже в аналогичной ситуации.

— В самом деле? Как это ужасно.

Ивэн подняла голову, и у Хирото от жалости сжалось сердце, когда он увидел ее заплаканное лицо, такое же, каким оно бросилось ему в глаза в приемном покое больницы.

— Я озабочен судьбой жены, ее болезнь не могут распознать, она неизлечима.

Он замолк, уйдя в себя. По натуре он был необщителен, особенно с теми, кто не входил в круг его семьи. Но сейчас он знал, что нужно поддержать разговор: ведь он находится рядом с женщиной, у которой то же несчастье, что и у него, и которая может понять его душевные страдания.

— Эта болезнь унесет от меня жену. Она пока еще не

умерла, во всяком случае, клинической смертью, но она то безудержно плачет, то выходит из себя и беснуется. Где та прекрасная девушка, на которой я женился? Ее растоптал, уничтожил злой рок, что-то невидимое и неизвестное. Боже мой! Однако жизнь — это все же тягостная необходимость.

— Тем не менее мы должны крепиться, не правда ли? — заметила Ивэн, вытирая глаза. — Нужно быть сильным духом.

— Зачем? — печально произнес Хирото. — Не вижу в этом смысла.

— А за тем, что всегда есть шанс встретить кого-то, кто сможет тебя понять, снова сделать жизнь прекрасной, — пояснила Ивэн, наклоняясь вперед, поближе к нему.

Он уловил ее взгляд и подумал: „Но ведь она совсем не знает меня. Эти слова не могут относиться ко мне. Что она — это прекрасное, печальное создание — увидела во мне особенного?“ А затем его как бы озарило и он понял, как им обоим повезло, что они — два несчастных существа, находящихся в одинаковой ситуации, — нашли друг друга.

— Я даже не знаю, что делать, если она умрет, — произнес Хирото.

Ивэн догадалась, что он говорит о своей жене Казуки, сестре Юджи, и поэтому участливо произнесла:

— Я точно так же думаю о моем муже. И все же временами мне приходит в голову мысль, что он больше не мой супруг, то есть не тот человек, которого я когда-то любила. Но, наверное, так думать нехорошо, нечестно, как вы считаете?

— Ну почему же? — мягко разуверил ее Хирото. — Думать так — это вполне естественно.

— О нет, нет! Я готова на все, лишь бы вернуть здоровье мужу.

Ему показалось, что она вот-вот опять разразится слезами, и почувствовал, как сердце у него разрывается на части.

— Но только все это тщетные надежды, — продолжала она. — Врачи ничего хорошего не обещают.

И тут он увидел, что его утешительница смотрит ему прямо в глаза. Для него, жалкой тени, жившей столько времени на задворках у этого блистательного Юджи, наконец-то засияло солнце: его оценило вот это прекрасное существо. И он может показать свое могущество, вернув ей к жизни мужа.

— Я могу это сделать, — сказал он, задохнувшись от

волнения, будто только что пробежал целую милю. Все винные пары вдруг улетучились, в голове наступило приятное просветление.

— Сделать что? — спросила она в замешательстве.

— Слушайте меня внимательно, Ивэн, — с воодушевлением продолжал Хирото. — Доктора всего не знают. Я сам ученый, специалист по компьютерам. Сейчас я разрабатываю одну аппаратуру, которая, как знать, может, и изменит к лучшему состояние вашего супруга.

— Ой, Хирото-сан! — восхищенно воскликнула она. — Но каким образом?

— Очень трудно и сложно все объяснить, — ответил он. „В конце концов, она женщина и многого не понимает“. — Ну, в общем, это все связано с мутацией хромосом в живом организме.

Лицо ее просветлело и она с надеждой спросила:

— Вы что это, серьезно?

— Разумеется, серьезно.

— Но это звучит, как... — Она недоверчиво покачала головой. — Нет, это невозможно.

— Пошли, — импульсивно вырвалось у него. „А почему бы, черт возьми, не пойти? — подумал он. — Это же и моя разработка тоже. Пойду и взгляну на свое создание. Плевать я хотел на охрану и на Юджи!“ — Я докажу вам, что это возможно. Пошли сейчас же! — скомандовал он.

У Вулфа оставался единственный шанс на спасение — освободиться от смертельного захвата. А сделать это он мог только в том случае, если бы затронул у противника нервы. Между ребрами и плечом, непосредственно под ключицей, у человека расположен нервный узел всей руки. Проблема, однако, заключалась в том, что узел хорошо защищен, а у Камивары он к тому же был укрыт мощным слоем железных мускулов. Таким образом, Вулф лишался и этого небольшого шанса.

Он попробовал нанести удар костяшками пальцев, но тут же понял, что этого далеко не достаточно. Вулф почувствовал, как у него снова хрустнули позвонки, когда Камивара еще резче повернул его голову влево. Перед глазами у Вулфа поплыли черные круги, в груди полыхнуло пламя, сжигая кислород, мускулы напряглись до предела; согнувшись, он лишился подвижности верхнюю часть своего тела.

Вокруг царил темнота.

„Хоть бы какое-нибудь оружие“, — подумал Вулф. Пос-

лышалось жужжание, возможно, издаваемое каким-то насекомым.

Мелькнула неясная тень.

Оружие! Вулф вытянул руки по швам и стал сползать вниз. Его пальцы наткнулись на холодный металл. Лезвие бритвы?.. Да это же тот самый стилет, который Сума выронил на грузовом складе!

В этот момент Вулф почувствовал, как у него отделяется шея. Он напрягся и приказал мозгу отключиться, входя в сплошной красный туман и моментально утратив способность контролировать свои действия и управлять телом.

„Путь прям, а мост, ведущий к жизни, узок...“ Вулф сам построил свой мост.

Ничего не нужно, только плыть по течению... и тогда жар, которого он коснется, не обожжет его. Он это знал твердо. Его разум — это жар, огонь, вложенный в его мозг. К Вулфу вдруг снова вернулись чувства, ощущения. Пробившись сквозь грудь, через распростертую руку, жизненная сила коснулась и пальцев, и они цепко обхватили оружие.

Шея Вулфа вновь оказалась в железных тисках.

Стилет, горячий, как раскаленная жаровня, блеснул, словно луч солнца, и вылетел из его руки, подобно стреле, выпущенной из боевого лука.

Тиски разжались.

Глаза у Камивары вывалились из орбит, рот беззвучно открывался и закрывался, толстый язык запал внутрь. Вулф с трудом повернул шею на место, слабо соображая и ощущая сильнейший жар и боль в измученном и истерзанном теле.

Он увидел клинок, глубоко вонзившийся в тело Камивары, и начал изо всех сил без остановки бить своего врага в солнечное сплетение. Почувствовав, что правая рука японца омертвела, Вулф перенаправил на него полыхающий огонь своих мыслей. У Камивары забурила кровь, ненависть и страх смешались воедино, организм бурно реагировал на приближение смерти, страстно сопротивляясь ей.

Вулфа охватила дрожь от сильной концентрации психической энергии, внутри него включился таинственный механизм и усилил его способность ясновидения. В организме проснулся инстинкт кровожадных акул. Вулф направил свою энергию на уничтожение.

Неожиданно к нему вернулся голос, и он закричал, увидев, как в груди Камивары разверзлась дыра и в ней

заплясал голубой огонь. Дыра почернела и расширилась, стало видно, как внутри нее в голубом пламени извивались, сгорая и постепенно обугливаясь, внутренности.

Вулф невольно затрясся мелкой дрожью, снова подумав о двигающейся тени, присутствие которой ощутил и на крыше дома Аманды, и в необычной квартире Чики, и в этом проклятом городе отверженных, где Кэти вспыхнула синим огнем, и на товарном складе.

И он понял, что неясная, призрачная тень — неотъемлемая часть его же самого, внука старого шамана, которая дышит невидимкой в темноте, ворочается, словно живое существо, и наконец пронзает его со скоростью и мощью молнии.

„Путь прям, а мост, ведущий к жизни, узок, и мало кому удастся пройти по нему“, — произнес в нем внутренний голос, и Вулф окончательно пришел в сознание. Он пристально всматривался в Камивару, вернее, в то, что осталось от него. Свет затухал в таинственных глазах японца и вскоре совсем погас.

„Что за дьявольский путь я избрал? Зачем он мне, если он ведет к разрушениям и смерти?“ — мелькнула у Вулфа мысль.

Глава двенадцатая

Токио—Нью-Йорк—Вашингтон

— Приветствую вас, Хирото-сан.

— Это говорит Оракул, — пояснил Хирото пришедшей с ним Ивэн. Он внимательно наблюдал за ее лицом, когда она подходила к матово-черному кубу. — Оракул, это Ивэн.

Хирото привел ее на склад у реки Сумида, где хранился биокомпьютер. Ночь была темная, охраны нигде не было видно, оставалось лишь отпереть сложные запоры с цифровыми кодами, с которыми Хирото, само собой разумеется, знал, как обращаться. Ивэн с затаенной усмешкой смотрела, как он пыжится, воображал себя важной персоной, оттого что имеет доступ к самому Оракулу.

— Вам не следовало приводить ее сюда, — сказал Оракул.

— Я знаю, что нарушил правила охраны, установленные Юджи, — ответил Хирото, — но у меня есть на то веская причина — вот эта женщина. Ты можешь помочь ей. Точнее, не ей, а ее мужу.

— Ивэн не замужем, — заметил Оракул.

Ивэн, ходившая до этого вокруг Оракула и разглядывавшая его, остановилась как вкопанная.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Хирото. — Не понимаю.

— Вы много чего не понимаете, Хирото-сан. Уведите ее отсюда сейчас же!

Ивэн в недоумении переводила взгляд с Оракула на Хирото, с Хирото на Оракула.

— Что здесь происходит? — Она обратилась к Хирото с вопрошающей улыбкой. — Оказывается, я машине не понравилась. Возможно ли это?

— Я знаю, кто вы такая, — неприязненно произнес Оракул. — От вас исходит угроза.

— Уверяю вас, что машина говорит о себе, — вмешался Хирото. — В настоящий момент ее речь бессмысленна, но...

— Хирото-сан, — Оракул подобрал соответствующий

тон, чтобы образумить его. — Вы знаете, что эта женщина из „Тошин Куро Косай“?

— Из общества Черного клинка? Быть того не может! А все-таки, как ты додумался до этого?

— Она занимает очень высокий пост в иерархии общества, Хирото-сан. Но не тратьте понапрасну время на ее расспросы. Она все станет отрицать. От нее так и веет угрозой, Хирото-сан, вы должны понимать это.

— Не обращайтесь внимания на его слова, — обратился Хирото к Ивэн. — Думаю, у него внутри что-то отсоединилось.

— Если вы подсоедините ее ко мне, она не сможет противостоять тому, чтобы я считывал ее мысли. Я получу доступ ко всем ее тайнам, ко всем секретам общества Черного клинка.

Хирото увидел, что предложение Оракула напугало Ивэн. Она побледнела и шагнула в сторону.

— Не думаете ли вы, что...

Хирото рассмеялся, стараясь успокоить ее.

— Разумеется, не думаю, — протестующе замахал он рукой. — Но, может, мне и впрямь не следовало приводить вас сюда? Нам лучше уйти.

— Может, не сию минуту?

— Она хочет узнать побольше обо мне, Хирото-сан. И передать все, что узнает, обществу Черного клинка. Вы обязаны защитить меня.

— Конечно, я защищу тебя, — с готовностью согласился Хирото. — Но от кого? Зачем ты нужен „Тошин Куро Косай“?

— Чтобы воспользоваться тем, что я могу или почти могу, — пояснил Оракул.

— А что ты такого можешь? — спросил Хирото. — Я знаю все твои функции и возможности.

— Нет, не знаете, — не согласился Оракул. — Я в состоянии изменять гены в живых людях, делать их ДНК очень близкими к ДНК членов общества Черного клинка, так что между ними никакой разницы не будет.

— Ты рассказываешь мне об экспериментах, которые ведутся за моей спиной?

— Да. В настоящее время этот процесс до конца пока не отработан. Один человек, которому я изменил гены, умер. Но Юджи и Хана продолжают исследования, чтобы и эта функция хорошо срабатывала. Когда работа закончится, я буду представлять для общества Черного клинка особую ценность. Его руководители смогут использовать меня для изменения хромосом в других людях, главным

образом для того, чтобы влить новые силы в своих дряхлеющих высокопоставленных членов и омолодить их. Вот для чего сюда явилась Ивэн.

Хирото повернулся к ней.

— У машины определенно поехала крыша, — возмутилась Ивэн.

— Подсоедините ее ко мне, Хирото-сан, — попросил Оракул. — Я открою вам ее истинное лицо.

— Сейчас же прекрати эти разговорчики! — выходя из себя, повысил голос Хирото, чувствуя, что ситуация выходит из-под его контроля.

— Видели ли вы ее супруга, Хирото-сан? — задал Оракул каверзный вопрос. — Вы уверены, что он существует?

— Я его не видел, — согласился Хирото, — но сейчас прямо отсюда я пойду в больницу. Ее муж лежит на том же этаже, что и Казуки.

— Тогда забирайте ее с собой, — опять попросил Оракул.

Хирото взглянул на Ивэн, чувствуя свою беспомощность, словно очутился между двумя таинственными силами, и сказал:

— От вас требуется лишь одно: рассказать мне всю правду.

Слезы брызнули из ее глаз.

— С вашей стороны жестоко, Хирото-сан, подвергать меня допросу. — Она презрительно фыркнула. — Ну как вы не видите, что машина все врет!

Хирото насупил.

— Машина, даже столь совершенная, как этот Оракул, врать не может. — Он сделал шаг в ее сторону. — Может, и вправду стоит взглянуть на вашего супруга?

— Очень даже стоит, — отозвался Оракул ехидным голосом.

— Сейчас уже очень поздно, — запротестовала Ивэн.

— Да, очень поздно, — передразнил ее Оракул.

— Я имела в виду, что сейчас ночь. Часы посещения окончились. Завтра...

— А завтра она положит кого-нибудь в больницу, и тот прикинется ее мужем, — заметил Оракул, как первоклассный детектив.

— Нет, я положу конец этому издевательству, — решительно заявила Ивэн. — Я сейчас же поеду с вами в больницу, чтобы вы сами прочли часы посещения.

Хирото резко повернулся к ней:

— Неужели вы это сделаете?

— Разумеется, сделаю, — без колебаний подтвердила Ивэн.

— Никуда не ходите с ней, Хирото-сан, — предупредил Оракул, — она сейчас опасна.

— Почему только сейчас? — поинтересовался Хирото.

— Потому что она знает, что в больнице нет никаких установленных часов для посещений ее мнимого супруга.

— Если так, то это ты сделал ее опасной.

— Я знаю, Хирото-сан.

Хирото оставил дверь в лабораторию открытой.

На улице перед складом над цинковой дверью горела единственная лампочка, бросая резкий ослепительный свет, похожий на горящий магний. Выходя из лаборатории, Хирото сказал:

— Извините меня за все это, но вы должны понять, что безопасность должна быть прежде всего. Оракул прав насчет этого.

— Понимаю, — откликнулась Ивэн, следуя за ним по пятам. В ее темных глазах сверкнули зеленые полумесяцы, и Хирото схватился за сердце. Рот у него то открывался, то закрывался, как у рыбы, выброшенной на берег; он попытался вдохнуть, но не смог — отказали легкие. Ивэн отступила назад и стояла, вглядываясь в широко открытые глаза Хирото. Он, шатаясь, попятился назад, в темноту склада, затем повернулся и тяжело рухнул на пол.

Ивэн чувствовала острый запах рыбы, доносившийся с рыбного рынка Цукиджи, расположенного неподалеку. Она стояла и смотрела, как падал Хирото и как сжимались и разжимались его пальцы, словно у новорожденного. Потом она присела рядом с ним и тихо произнесла:

— Проклятая машина. Она более умна и проницательна, чем ты, бедный Хирото.

Она обращалась непосредственно к нему и, когда убедилась, что он больше ничего сказать не может, сильно сдавила через грудные мышцы его перенапряженное сердце.

Хирото подпрыгнул, будто его ударило током. Потом его тело ударилось о землю и он испустил дух. Ивэн опустилась на колени, вытянув шею и открыв рот. Вслед за этим она так быстро закрыла его, что громко лязгнули зубы. Она вынула кусочек ваты, обернула им что-то такое, что выпало изо рта, и спрятала ватку с содержимым.

Проделав это, Ивэн взвалила труп на свое хрупкое плечико, поднялась с колен и пошла прочь. Вес оказался ей по силам. Она отвезла Хирото домой на его же машине и оставила в ней, усадив за руль в его же холодном желе-

зобетонном гараже, закрыв наглухо дверь и не выключив мотор.

Манипулируя с безжизненным телом, Ивэн старалась не касаться чего-либо и не оставлять отпечатков пальцев.

В темном безмолвном доме Ивэн держалась совершенно спокойно, раздумывая над тем, каким образом Юджи и Хана замыслили модификацию Оракула. „Жаль, — вздохнула она, — что Хирото не был посвящен в это, иначе я бы прихватила Оракула с собой и забыла о своей зависимости от Минако и Юджи. Но еще не все потеряно. Теперь мне известно, где они его прячут. Пусть Юджи и Хана завершают свои модификации. А потом, если Юджи и не захочет поделиться с нами своими секретами, я знаю, кто сможет дать мне ответ, — его сестра Хана“.

— Бризард.

— Что?

— Бризард идет!

Чика протянула Вулфу руку и помогла ему встать. Он еле держался на ногах и сползал по забрызганной кровью стене, а она стояла рядом, не в силах отвести взгляд от сморщившихся останков Камивары.

Затем он услышал, как из электронного мегафона раздался голос, громом прокатившийся по всему дому:

— Говорит начальник полиции Джек Бризард! Вы окружены отрядом спецназначения! Сопротивление бесполезно и принесет лишь смерть! Вашу смерть! Бросайте оружие и выходите по одному через парадную дверь, иначе немедленно последует возмездие! Даю минуту на размышление! Вы арестованы! Это касается и тебя, Мэтисон!

Послышался топот полицейских, ворвавшихся в здание. Казалось, их надвигается целое полчище.

Вулф бросил быстрый взгляд на Камивару и произнес:

— Лучше бы этот ублюдок убил меня.

Чика потянула его за рукав:

— Мы должны побыстрее выбраться отсюда.

Вулф убрал бы ее руку, но тогда шлепнулся бы в кровавое месиво у своих ног. Она с трудом оторвала его от стены; разорванная рубашка висела на нем тряпкой, он так перепачкался кровью, будто выкупался в кровавом ручье.

„Боже мой, — подумал он, — и как только Бризард догадался, что я здесь? Наверняка он твердо намерен схватить меня и засадить за убийство Сквэйра“.

Через кухню они пробежали к задней лестнице и поднялись наверх. На лестничной площадке второго этажа

Чика быстро толкнула его в тень, падающую от стены. Внизу включились все лампочки, и они увидели, как полицейские подразделения, вооруженные огнестрельным оружием и газовыми гранатомами, занимают боевые позиции. Как только зажегся свет, Вулф сразу же заметил фигуру Джека Бризарда. Тот надел под пиджак бронежилет. В одной руке он держал мегафон, в другой — девятимиллиметровый пистолет „Магнум“, предназначенный явно не для полицейских нужд. „Прямо как лихой ковбой“, — подумал Вулф. Бризард поднес мегафон к губам и повторил свои слова, сказанные им несколько минут назад.

Вулф, услышав резкие звуки, доносившиеся снизу, схватил Чика за руку:

— Бежим отсюда!

Они промчались уже полпути к третьему этажу, как услышали громовой голос из мегафона.

— Мэтисон! Это я, Бризард! Мы нашли комиссара, вернее, то, что от него осталось. Это твой последний шанс остаться в живых! Сдавайся, пока у тебя еще есть друзья в полиции, которые хотят помочь тебе.

Не обращая внимания на его слова, Вулф и Чика продолжали подниматься. На минуту все стихло, а потом раздался глухой удар и от стены отскочила газовая граната. Она упала на пол и завертелась. Навстречу им из гранаты со свистом вырвалось дымное облачко.

— Слезоточивый газ, — определил Вулф.

Шлепнулась вторая граната.

Услышав звуки разрывов газовых гранат, он подтолкнул Чика, чтобы она быстрее бежала наверх. „Время! — мелькнула у него мысль. — Нам нужно выиграть хоть немного времени!“

На лестничной площадке четвертого этажа Вулф огляделся, отыскивая веревочную лестницу, которая, как он знал, должна была находиться где-то здесь. Отыскав ее, он потянул за цепь — лестница раскрутилась. Они залезли наверх, и Вулф втянул лестницу за собой.

— Где мы находимся? — спросила в темноте Чика.

— На чердаке, — ответил Вулф, вытирая пот, заливающий лицо. Он потащил Чика за собой: — Идем сюда!

У ближнего края чердака они подошли к окну, на котором увидели прикрепленную коробочку с электронной сигнализацией против возможных грабителей. Вулф нащупал провода, снял их с оконной рамы, а затем, открыв коробочку, перочинным ножом аккуратно отвернул оба провода и соединил их вместе под клеммой. После этого он открыл

окно и почувствовал, как на чердак хлынул свежий ночной воздух. Они вылезли на покатый каменный бортик, осторожно прикрыв за собой створки окна.

Они оказались на крыше веранды; полицейские, расставленные вокруг дома, не заметили их из-за обильно разросшейся зелени. Он прополз немного вперед, нащупал парапет и, подтянувшись, оказался на крыше дома, а затем втянул за собой туда и Чику.

Пригнувшись, они пошли по коньку крыши к парапету крыши примыкающего дома. Здания в этом районе были в основном невысокие, в близлежащих переулках и улочках по счастливой случайности стояла непроглядная темень, и поэтому они оставались незамеченными, когда перепрыгивали с крыши на крышу.

Раза два или три Вулф останавливался, заслышав, как ему казалось, звуки работающего мотора. Он подумал, что хотя и не во власти Бризарда привлечь к операции полицейские вертолеты, но использовать вертолет, принадлежащий управлению, он все же может, поэтому Вулф стал торопить Чику поскорее убраться подальше.

В конце квартала предстояло спуститься вниз. Вулф решил использовать для этого внутреннюю лестницу крайнего дома, понимая, что на пожарной лестнице их сразу же заметят.

Чика открыла чердачную дверь, и они оказались внутри помещения. Спускаясь по лестнице, Вулф шепотом проклинал все на свете: ноги у него болели и еле волочились. Он понимал, что Чика могла бы идти быстрее, но нарочно идет медленно, чтобы не отрываться от него. На шею накатывались волны острой боли, все тело горело от ударов. К тому же он чувствовал довольно сильное головокружение.

Они дошли почти до площадки первого этажа, как вдруг услышали, что парадная дверь резко распахнулась и тяжело застучали ботинки полицейских. Оставшийся путь Вулф частично пробежал, частично съехал по перилам, не отставая от Чики ни на шаг. Когда они добежали до задней части дома, в вестибюль ввалились полицейские. Офицер отрывисто скомандовал прочесать помещения. Вулф и Чика в этот момент открывали заднюю дверь, выходящую на маленький грязный дворик, загаженный мусором и всевозможными отбросами, источавшими невероятную вонь. Сквозь дыру в каменной стене они вылезли на улицу и пошли по рассыпанной на лужах щебенке.

Пройдя в боковой переулок, они увидели, что полицейские успели установить там заграждения.

— О боже! — воскликнула Чика.

Вулф оглянулся назад — туда, откуда они только-только пришли, — и увидел, что маленький дворик заполнили полицейские. Еще момент-другой, и они обнаружат дыру, выводящую на улицу. „Ну вот и попались“, — с горечью подумал он.

Неожиданно послышался визг тормозов, и обшарпанный желтый фургон, выскочивший в полуквартале из-за угла, направился прямо к ним. Вулф вытащил стilet и уже приготовился было метнуть его, как вдруг услышал знакомый голос:

— Вулф, не бросай! Это я, Бобби!

Да ведь это же и впрямь Бобби Коннор собственной персоной, сидящий за рулем их старенькой автомашины. Вулф остановился как вкопанный.

— Эй, Вулф! Забирайся, черт бы тебя побрал, поскорее! — крикнул Бобби.

Полицейские тем временем уже вылезали через дыру в стене. Часть из них отодвигали заграждения, чтобы пропустить патрульную машину. Мотор ревел, из-под колес из-за резкого торможения шел дым, на размышления времени не оставалось.

Вулф втокнул Чикау на заднее сиденье и плюхнулся рядом с ней, Бобби нажал на газ, и они понеслись по улице, затем быстро свернули на другую. Движение по ней запрещалось — стояли лишь припаркованные машины да в одном месте фургон с прицепом, на который Бобби не стал обращать внимания. Он резко повернул у перекрестка и выскочил на Восемьдесят шестую улицу, ведущую к Центральному парку с западной стороны.

— Вовремя подоспел, — сказал Вулф. — Но как, черт подери, ты нашел меня? И как меня нашел Бризард?

— Этот сукин сын и в самом деле жаждет твоей крови, — ответил Бобби, обгоняя перекосившийся набок автобус, из выхлопной трубы которого вырывались целые клубы густого черного дыма. Громко посигналив, они легко обошли автобус и помчались вперед.

— Мне по секрету сообщили, — продолжал Бобби, — что Бризард поднял в ружье особое подразделение, ну и я, конечно, заинтересовался, по какому случаю. Похоже, что ему откуда-то позволили и выложили, где ты находишься.

— Нет, это невозможно, — покачал головой Вулф. — Никто этого не знал.

— Однако кто-то все-таки донес Бризарду. — Бобби глянул на Вулфа в зеркало заднего обзора. — Ты же знаешь, что все звонки из других штатов у нас фиксиру-

ются. Так вот после звонка с кодом города два-ноль-два Бризард поднял всю эту свору.

— Сворачиваем налево, — сказала Чика, — на улицу Сентрал-Парк-Саут.

Вулф заметил, как Бобби бросил на нее быстрый взгляд в зеркало.

— Едем, как она сказала, — подтвердил он.

„Два-ноль-два — код Вашингтона“, — подумал Вулф. Единственный, кто знал, куда он направляется, был Шипли. „Теперь ты один из наших“, — вспомнились ему слова Шипли, и тут же „призрак“ заложил его. Для чего? Кто, черт побери, отдал ему такой приказ?

Проезжая мимо парка и лавируя среди многочисленных машин, Бобби увеличил скорость.

— Мне пришлось взять этот фургончик, лейтенант, так как не сумел найти другой.

— Да черт с ним, — отмахнулся Вулф и, повернувшись, стал глядеть назад через заднее стекло.

— Погони вроде бы не видно.

— Я тоже ничего не вижу, — подтвердил Бобби. — Похоже, мы оторвались от них.

Он сбавил скорость, и теперь их машина ничем не отличалась от обычных полицейских фургонов, намозоливших глаза стражам порядка, а потом вообще потащился еле-еле, чуть быстрее людей, занимающихся бегом трусцой.

— Как ты и просил, я отправился повидать брата Сквэйра, — начал рассказывать Бобби. — Сперва он не хотел встречаться, а потом согласился. Сквэйр вовсе тебя не обманывал, Вулф. Брат его и в самом деле задолжал этим кусочникам-акулам двадцать пять тысяч. Почти что его годовая зарплата. Так или иначе, но самое интересное, что брат придумал график выплаты долга, и каждые две недели, как по часам, аккуратно отдавал деньги этим шакалам.

Они еще больше замедлили ход, так как дорогу перегородил изящный конный экипаж. Усталые лошади мерно цокали копытами по мостовой, и Бобби, Вулфу и Чике пришлось тащиться вслед, пока они в удобном месте не сумели обойти упряжку.

— А потом, за два дня до твоей стычки со Сквэйром, все круто изменилось, — продолжал Бобби. — Двое отпетых головорезов пришли во двор местной школы, где учится дочка брата, и стали угрожать ей — ты понимаешь. Вот гады! А ей ведь еще и восьми нет.

— Да, я знаю, — ответил Вулф. — Он продолжал наблю-

дать через заднее стекло машины за всем, что творилось на шоссе.

— Ну так вот, это все же необычная операция для акул — запугивать членов семьи, особенно если долг им выплачивается вовремя. Как сказал брат Сквэйра, на тот поступок Ричардса как раз и побудило вымогательство кусочников.

— Ты здорово потрудился, малыш, — одобрил Вулф действия Бобби. — А нет ли у брата каких-нибудь соображений насчет того, кто прихлопнул Сквэйра?

Они доехали почти до юго-восточного угла Центрального парка. Впереди мрачно замаячили высотные дома, стоящие на Сентрал-Парк-Саут.

— Может, и есть, — ответил Бобби. — Он говорил мне, что пошел повидать Сквэйра в день — вернее, утро — убийства. Пошел для того, чтобы успокоить его, — ведь тот считал, что подонки-акулы пристали к нему не беспричинно... Он нашел Сквэйра за пять минут, как он сказал, до приезда туда парней из службы внутренних расследований. Мне он рассказывал, что видел, как сорвалась с места стоявшая неподалеку машина. В ней сидел один человек — мужчина. Он в этом уверен. Кроме того, он помнит, что машиной управлял азиат, похоже, японец.

— Это ничего не значит, — заметил Вулф. — Акулы могли нанять на мокрое дело любых иностранных профес-сионалов из Чикаго или Детройта.

— Да-а... Но все же это только догадки, — сказал Бобби, сворачивая на Сентрал-Парк-Саут. — А еще брат клянется, что на машине был правительственный номер США.

„Правительство США, — подумал Вулф. — Опять „призраки“. Кто же все-таки отдает Шипли такие приказы? Почему он ничего не докладывает об этом начальству?“

— Вулф, ты же видишь, какая напряженка у нас в управлении. Бризард всех черных доводит до бешенства. Брат Сквэйра боялся противиться этой черной волне, боялся, что они все набросятся на него. Да ты и сам будь начеку. Бризард говорит, что ты негодяй, и, похоже, в его окружении нет никого, кто бы дал ему по мозгам. Просто нет таких, — и Бобби с сожалением покачал головой.

Послышался какой-то посторонний гул, Вулф напрягся, стараясь понять, что это такое, потому что в создавшейся ситуации любое новое явление могло оказаться роковым, так что ничего нельзя было пропускать мимо ушей. Вновь послышался тот же гул, но теперь уже ближе, в соседнем квартале; потом звук исчез — его забил шум

транспорта на улицах Нижнего Манхэттена. Однако Вулф с напряжением продолжал вслушиваться и вскоре уловил знакомый звук: он явственно пробивался сквозь прочие шумы большого города, когда они проезжали Шестую улицу.

— Дело дрянь, — громко сказал он Бобби, — они нас преследуют на вертолете.

— Вот черт! Что ж я за идиот! — выругался Бобби, вцепившись покрепче в руль обеими руками. — Они нас засекли из-за чувствительного инфракрасного покрытия нашей машины. — Он резко затормозил и крикнул:

— Мотаем отсюда!

Вулф не возражал. Вместе с Чикой он вывалился из кабины, но не побежал, так как Бобби за ними не последовал.

— Выходи скорее и бежим! — поторопил он Коннора. Взглянув вверх, Вулф увидел вертолет, пролетающий уже над отелем „Плаза“. — Бобби, ради Христа! Ты не можешь здесь оставаться. Они засекли фургон.

— Да не волнуйся. Мне они вреда не сделают. Они...

— Пойми, это же Бризард, друг ты мой дорогой. У него теперь все козыри на руках, он может вытворять все, что захочет, и вопросов никаких задавать не будет.

— Я с вами не побегу.

Вертолет постепенно приближался.

— Вылезай, к чертовой матери, из этой мишени, Бобби! — настаивал Вулф. — Я знаю, что говорю.

Но тут Чика схватила его за руку и потащила по южной стороне улицы по направлению к ближайшему переулку, чтобы укрыться под густыми кронами растущих там деревьев.

Вулф оглянулся и увидел, что их желтый фургон отъехал от тротуара и помчался прочь от серой каменной стены и ворот Центрального парка. Стрекот вертолета слышался совсем рядом, люди задирали вверх головы, а машины поспешно освобождали дорогу фургону с надрывающейся сигнальной сиреной.

Тень вертолета пересекла асфальтовое покрытие дороги, и Вулф увидел, как желтый фургон резко остановился, а Бобби выскочил и что есть мочи пустился бежать. Между фургоном и другими машинами образовался приличный разрыв. Пешеходы остались далеко позади. Голос из громкоговорителя (может, это орал сам Бризард) перекрывал мощный гул вертолета, накренившегося теперь набок и словно ищущего, где бы приземлиться.

И в этот самый момент — за секунду-другую до того,

как вертолет коснулся земли, — Вулф вновь увидел Бобби, и ему стало легче. Коннор с трудом пробивался между остановившимися машинами. Он почти добежал до деревьев, в тени которых прятались Вулф и Чика, и тут из парка вынырнул вишнево-красный мотоцикл „Электра-Глайд-Хирлей“ и помчался по направлению к нему. Вулф успел рассмотреть, что за рулем сидел Сума.

— Бобби! — только и успел предостерегающе крикнуть Вулф.

Чика резко толкнула его обратно под защиту нависших крон деревьев, а Бобби Коннор в этот момент завертелся на месте, судорожно вздрогнул и вспыхнул ярким голубым пламенем.

Хэм Конрад пришел на теннисный корт и готовился сыграть с адвокатом Харрисом Паттерсоном. В этот момент он увидел, как какая-то вроде бы знакомая женщина направляется к нему. Он лишь тяжело вздохнул.

— О-о! Привет, миссис Симмонс, — произнес он, изображая на лице лучшую из своих улыбок. Только сейчас он понял, что это и есть та самая особа, которая так хитро устоялась на него с Марион, когда они сидели в ресторане на Коламбия-роуд.

— Не лучше ли вам называть меня просто Одри, Хэм? — сказала миссис Симмонс. — Смею надеяться, что вы помните меня.

Она вырядилась в самый что ни на есть модный теннисный костюм от Эллесси, который, по прикидке Хэма, влетел сенатору Симмонсу в немалую сумму — никак не меньше трехсот долларов.

Держа ракетку на плече, она провела своими наманикюрными красным лаком ноготками по его волосатым рукам. Теннисный костюм выгодно подчеркивал ее плоский живот, стройную фигуру с длинными ногами. Хэм даже умудрился рассмотреть набухшие соски под тонкой хлопчатобумажной тенниской и сразу понял, что она не носит бюстгалтер. Сомнений не было: она явилась сюда отнюдь не для того, чтобы играть в теннис.

Одри одарила его лучезарной улыбкой и тут же ринулась в наступление:

— Я рада, что вам понравилось то, что вы видите.

— Э-э-э-э, миссис Симмонс... нет, извините, Одри. Я не хочу выглядеть грубым и обидеть вас, но меня ждет партнер, с которым мы договорились...

— Да-да, я знаю, этот симпатичный тугодум Харрис Паттерсон.

— Вы его знаете?

— Знаю кого? — с обезоруживающей улыбкой спросила Одри. — Ах, этого! Да я же имела его.

„Бог ты мой, — подумал Хэм, — на ком же женился Леланд Симмонс?“

Одри запустила накрашенные ногти под рубашку Хэму.

— Хэм! Если бы ты знал, как я мечтаю побыть с тобой!

— Одри, да я же...

— Я просто мечтаю сделать тебе минетик, почувствовать, как напрягается и твердеет твое естество, как...

— Да не кричи ты так громко! — Перепуганный Хэм схватил ее за руку и повел подальше от ограды теннисного корта, где их могли случайно подслушать. Но он никак не ожидал, что она пустит в ход и вторую руку, ласково поглаживая у него между ног. Глаза ее оживились:

— Ты любишь меня?

— Одри, прекрати! — сердито сказал он, отбрасывая ее руку. — Ведь твой муж направил тебя ко мне для того, чтобы вызволить вашего сына из беды. Я ему помог, и на том все кончилось.

— Нет, не кончилось, — запротестовала Одри. — И ты, и я, оба мы знаем, что, когда придет время, ты призовешь моего супруга и он будет обязан вернуть тебе должок, как это принято делать здесь. Так почему же ты думаешь, что мне на это должно быть наплевать? — Она пристально посмотрела ему в глаза и что-то заметила в них. — А-а, теперь я понимаю. Ты думаешь, что мой муж сможет тебе помочь, а я нет. — Она улыбнулась. — Вот тут-то ты ошибаешься. — Она приложила указательный палец к его губам и многозначительно постучала по ним. — Ну а теперь, позволь мне посмотреть, как ты играешь в теннис с этим великим пронырой и занудой Харрисом Паттерсоном. — Увидев вытянутое лицо Хэма, она усмехнулась и вновь приняла серьезный вид, прежде чем задать неожиданный вопрос. — Любопытно, имеет ли все это хоть какое-нибудь отношение к той бабенке, с которой я видела тебя накануне. Марион Старр Сент-Джеймс — так, кажется, ее зовут?

— Так ты еще знаешь и Марион?

Одри удивленно подняла брови:

— Марион? Разве ее так зовут? Я знаю ее не лично, а лишь со слов Харриса. Но я с ней никогда не встречалась, — и она снова улыбнулась своей многообещающей улыбкой. — Харрис так любит говорить обо всем... но после. Он объясняет, что это помогает ему снять напряже-

ние. Болван да и только! Но иногда бывает почище, чем болван, должна в этом признаться. Вам интересно?

— Одри, миленькая, меня не интересует твоя затея, как похитрее возвратить должок.

Она скорчила недовольную гримаску:

— Неужели я тебе не нравлюсь, ну хоть чуточку? — И опять ее пальчик коснулся его губ. — Не ври, Хэм! Твое тело не позволит тебе лгать.

— Да нет же, я говорю, что ты просто прекрасна, — искренне сказал он.

В ответ она широко улыбнулась:

— Но ведь когда я стала болтать насчет минета и насчет того, что спала с Харрисом, тебе же это понравилось?

— Ну что ж, не я придумал мерки поведения женщины.

Она вся задрожала от гнева и отвесила ему увесистую оплеуху.

— Какое ты имеешь право судить обо мне по тому, как я веду себя с мужчинами. А если бы я была одного с тобою пола, ты тоже судил бы обо мне по тем же меркам? Уверена, что нет! Ты бы лишь ухмыльнулся, подмигнул и стал бы рассказывать скабрзные анекдоты про пенисы и про все такое прочее.

Тут она бросила на него свирепый взгляд и продолжала дальше:

— Ты же сам спал с этой Марион Старр Сент-Джеймс. Имел, кого хотел, а почему бы мне не иметь, кого я хочу?

— Но ведь ты замужем.

— Ой уморил! Ну стань взрослее, пожалуйста, — ухмыльнулась она, лукаво взглянув на Хэма. — Думаю, что тебе лучше прочитать подобную лекцию твоей жене.

— Но ты же не знаешь мою жену!

— А ты не знаешь Леланда Симмонса.

Хэм ничего не ответил, а оглянувшись назад, помахал Харрису Паттерсону и крикнул:

— Приду через минутку!

Обратившись опять к Одри, он спросил:

— Ну так чего ты от меня хочешь?

— Теперь ничего не хочу, — ответила она. — Вижу, что ошиблась адресом. А насчет Харриса я сказала правду. Только вот когда легла к нему в постель и увидела, какой он занудный, тут же смылась от него. Честно говоря, Хэм, я нахожу тебя довольно интересным, более того, даже человечным. Способ, которым ты помог моему сыну, просто великолепен. Мне бы хотелось тоже подходить к нему таким же образом, но не могу: слишком тяжелый груз

давит на нас обоих. Не скрою, твое телосложение и привлекло меня, но я разглядела в тебе и некий огонек. Однако теперь я не уверена, что он горит по-прежнему.

— Одри, да я...

— Все в порядке, Хэм, — улыбнулась она. — Я никогда не собиралась вымогать у тебя что-либо. Просто-напросто разыграла сцену. Мне все это было забавно, а тебе, вижу, не понравилось. Поэтому давай забудем о моей шутке. — Она уже было отошла от него на несколько шагов, но, словно опомнившись, вернулась. — Да, кстати, насчет Харриса и той женщины, Сент-Джеймс. Он заканчивает составлять документ, по которому она исключается из довольно странного договора.

— Что ты имеешь в виду под словом „странный“?

Одри широко открыла глаза:

— Я имею в виду: „очень странный“.

— А с кем контракт-то? Кто партнер?

Одри сняла с плеча ракетку и слегка ткнула ею Хэма в живот.

— Вот это-то и есть самое пикантное в договоре. — Она мягко улыбнулась. — Партнер не кто иной, как твой папаша.

— Я слышу их, — шепнул Вулф. — Они очень близко. Чика быстро зажала ему рот ладонью.

Где-то поблизости скрипнула половица, чей-то голос, лишь немного приглушенный тонкой перегородкой, произнес:

— Получше проверь всю эту проклятую одежду. От этого негодая всего можно ожидать.

Вулф с Чикой лежали лицом вниз в крохотной потайной комнатке без окон, которую Вулф в свое время раскопал при осмотре апартаментов Лоуренса Моравиа. Лишь ничтожная стенка отделяла их от полицейских из нью-йоркского управления полиции, которые с ног сбились, разыскивая их по всем комнатам.

Как раз в тот момент, когда Бобби Коннор загорелся, Чика втащила Вулфа в служебный вход здания, рядом с которым они скрывались под кронами деревьев. Оказалось, что это был тот самый дом, в котором жил Моравиа, и Чика преднамеренно попросила Бобби ехать на улицу Сентрал-Парк-Саут.

Не говоря ни слова, она повела Вулфа мимо мусорных ящиков, потом налево и вниз, и они очутились перед узкой бетонной лестницей. В воздухе ощущалась сырость, слышно было, как где-то рядом из прохудившегося крана капает вода.

По лестнице они поднялись на бетонный помост, весь покрытый масляными пятнами, а в дальнем конце его они увидели дверь большого грузового лифта. Двдцативаттoвая лампочка, ввинченна в дешевенький белый керамический колпачок, еле светила, но все же, подойдя к двери, они смогли различить, что рядом не было никакой кнопки вызова — виднелась лишь сигнальная пожарная чека, что соответствовало предписаниям городских властей.

Чика вынула из кармана какой-то странный ключ и, вставив его в замочную скважину, повернула вправо. Дверь открылась, и они вошли в кабину лифта. Внутри тоже не оказалось никакой кнопки, была видна лишь пожарная сигнальная чека. Чика вновь вытащила тот же самый ключ, вставила его в щель и повернула влево, лифт пополз вверх.

— Так вот каким образом ты попадала в квартиру Моравиа!

Чика согласно кивнула головой:

— Только он да я знали этот путь. Поскольку Лоуренс был проектировщиком, то для него не составляло труда предусмотреть и такую штуку.

„И действительно, почему бы не предусмотреть, — подумал Вулф. — Когда ведешь тайную жизнь, нужно предусматривать все пути и способы самозащиты“.

Лифт остановился, дверь автоматически открылась, они вышли и очутились в крошечной тьме. Но рассматривать ничего не пришлось: в тусклом свете лампочки из лифта Вулф смог разглядеть лишь бесцветные стены и почувствовать, что начисто потерял ориентировку.

— Осторожнее здесь, — предупредила Чика и скользнула куда-то вниз.

Вулф последовал за ней. Они пошли направо. Вдруг он понял, что коридор кончился. Он знал, что Чика где-то рядом, слышал скрежет металла о металл и звук открывающейся крышки люка. Вулфа овеяло свежим воздухом, пахнущим почему-то сеном, что уж совсем было непонятно в этой обстановке.

Тут Чика куда-то исчезла. Затем зажегся свет, освещающая сверху квадратный люк, в который она полезла первой, а потом помогла влезть и ему. Они очутились в знакомой уже Вулфу потайной комнате Моравиа. В ней по-прежнему стояли трюмо и жаровня-хибачи, лежали замшевые перчатки, висели на стене ковер и несколько эротических фотографий. Чика отодвинула подальше тростниковую циновку толщиной чуть более двух дюймов, лежавшую рядом с люком, через который они проникли в

комнату, закрыла его крышку и, задвинув щеколду, вновь подтащила циновку на место, замаскировав тем самым люк.

— Камивара мертв, — сказала Чика. — Ты применил свою способность „макура на хирума“, чтобы убить его. Как теперь чувствуешь себя?

— Хотел бы я знать, правильно ли я поступил, выпустив джинна из бутылки, — ответил Вулф.

— Это хорошо, что ты так думаешь, — сказала Чика. — „Макура на хирума“ определенно имеет и негативную сторону. И тебе потребуется время, чтобы увидеть все в истинном свете. — Глаза Чики при этих словах ярко сверкнули. — Мир изменился для тебя, Вулф, и назад пути нет.

Он вспомнил, как она стояла среди луж крови на кухне Джонсона и разговаривала с Сумой. Что они тогда замыслили? Какую игру она затеяла против него, сначала придя на помощь, а затем выдавая врагу? Ему захотелось спросить, какие у нее отношения с Сумой, да и вообще хотелось спросить о многом. Было ясно одно: мир для него изменился и выяснять отношения с Чикой в данный момент не имело смысла. Он должен был осознать суть происходящего. А пока что Вулф находился в сером промежуточном пространстве. Кто друг, а кто враг? Это было для него загадкой. Он не сомневался лишь в том, что Чика хочет привезти его в Токио. Если он окажется там, то, вероятно, найдутся ответы на некоторые из вопросов. А сейчас разумнее всего было не ломать попусту голову и выжидать благоприятного момента.

— Да, назад пути нет, — сказал он. — Я понимаю.

Вслед за этим последовало молчание. Что за ним скрывалось, Вулф определить не мог. Неужели он сделал что-то не так?

Он взглянул на Чику и сказал:

— Мы можем и не выбраться отсюда.

Чика ничего не ответила. Тогда он придвинулся поближе и спросил:

— Зачем Камивара приходил к Джонсону? Кто он такой?

— Он был не просто профессиональным убийцей, если ты это имеешь в виду. Он здесь долго околачивался и знал все ходы и выходы.

— Как и твой контрагент?

— Не понимаю, что ты хочешь сказать.

— Я говорю о Суме.

— Нет, Сума — другое. — Она на минутку задумалась. — Камивару должны были отозвать отсюда еще

некоторое время назад. Думаю, что решение об этом уже было принято. Он стал... бесполезным.

— Ты имеешь в виду, что он слишком долго не был дома?

— Не совсем так. — Чика секунду помолчала. — Полагаю, что чувство реальности настолько покинуло его, что он перестал быть полезным для общества Черного клинка.

— Ты хочешь сказать, что он тронулся умом?

— Вполне возможно.

У Вулфа снова возникло ощущение, что он делает что-то не так. Ему, видимо, не стоит сейчас вступать с Чикой в конфликт, подозревая ее во лжи или, по крайней мере, в том, что она не раскрывает всей правды. Тут и слепому ясно, что ее не испугаешь.

Вулф подумал о Бобби, мгновенно сгоревшем в страшном огне. Вот он что-то кричит, спасая их жизнь, а в следующий миг его не стало. Общество Черного клинка пытается разделаться и с ним, а федеральная военная разведка, едва завербовав его, предпринимает ту же попытку. Так что он уже и не понимает толком, кто же подставил его — Сума или „призраки“ и разведка. Все это похоже на войну. Впрочем, как сказала Чика, война уже идет, и его втянули в нее.

„Думай, черт бы тебя побрал, — бранил он себя, — думай. Соображай, в качестве какого оружия тебя используют“. Но думать он пока что мог лишь о смерти Бобби и о последней скудной информации, которую тот выдал, — о том, что Бризарду кто-то сообщил о его местонахождении. А сделать это могла только могущественная организация, соткавшая паутину от Токио до Вашингтона, через человека по имени Шипли из министерства обороны. Кто-то в этом министерстве заинтересован в том, чтобы его, Вулфа, убрали.

Он был убежден, что у всех этих разрозненных несогласовывающихся мыслей есть что-то общее, надо только заметить его. Важнее другое. Он вдруг понял, что для кого-то он является чем-то большим, чем он сам мог себе это представить.

И тут он подумал о той картине, которую Чика позволяет ему мысленно рисовать, и о большом жюри присяжных заседателей, которому из офиса окружного прокурора представляют улики и доказательства, необходимые для вынесения вердикта, если его отдадут под суд. И он попросил Чику:

— Расскажи мне побольше о клубе Запретных грез.

— Взгляни на фотографии на этой стене.

Вулф посмотрел на них. Он уже немного привык к ее отвлеченным ответам на вопросы и, к своему удивлению, находил, что ему даже нравится ломать голову над ее словами и как бы просеивать их, подобно тому, как его отец просеивал опалы там, в шахте, в далекой-далекой Австралии. Вулф смутно понимал, что Чика таинственным образом воздействует на него, принуждает покончить с прежней жизнью.

— Что ты нашла в этой теме такого, что заставило тебя фотографировать?

— Если я правильно поняла, — ответила она, — ты имеешь в виду фотографии, на которых отражен процесс фиксации женщин.

— Да, именно их.

— Тебя что, заинтересовала эта тема?

— Признаюсь, от этих фотографий трудно отвести взгляд.

— Да, трудно. А знаешь почему?

— Не знаю.

— А по-моему, знаешь.

— Ну хорошо, — согласился он. — Возможно, из-за их оторванности от жизни. Все они — как бы сцены из спектакля.

— Правильно. Причем из лучшего спектакля. Смысл этих сцен означает открытие правды, спрятанной в глубине, подобно жемчужине, находящейся в теле моллюска. Потому что с помощью фантазии, Вулф, легче изучать психику индивидуума. — Она повернулась к нему. — Видишь ли, навязчивая страсть Лоуренса заключалась не в сексе как таковом, а в создании фантазии секса, с помощью чего он мог изучать скрытые стороны человеческой души. Для него это была единственная правда, представляющая подлинную ценность. — Она показала рукой на фотографии. — Просматриваешь ли ты единую тематику, которая объединяет все эти работы?

— Нет.

Улыбнувшись, она сказала:

— Иди сюда, детектив. Раз уж ты обнаружил это убежище, то должен и суметь определить, что объединяет эти фотографии.

Вулф стал приглядываться более внимательно к каждой детали изображений. Что-то привлекло его внимание в лицах фотомоделей. И хотя все они были густо затенены или сняты полуанфас, он все же сумел уловить на одном снимке линию щеки, на другом — изгиб губ, на третьем —

резкий излом брови. Затем добавил к ним знакомый силуэт.

— Все эти девушки, очевидно, с Востока, — предположил он.

— Да, они японки. — Чика подтянула колени к подбородку и обхватила их руками. — Я повстречала Лоуренса в определенный час и в определенном месте — в храме Запретных грез. Вот там-то я и сделала эти фотоснимки.

— Боже мой, и все это он видел собственными глазами? Что же это, черт побери, за клуб такой?

— Это самый что ни на есть центр деятельности общества Черного клинка.

У Вулфа внезапно закружилась голова, и на мгновение он коснулся Чики.

— Помнишь тот вечер в твоей квартире? — спросил он. — Почему ты занималась мастурбацией, хотя и знала, что я наблюдаю за тобой из соседней комнаты?

— Я всего лишь делала то, чего ты хотел. А ты хотел, чтобы я это делала, Вулф. Я уже говорила тебе об этом.

— А я и тогда не понял, и сейчас не понимаю.

— Думаю, что понимаешь. — Глаза у нее сверкнули мягким светом. — Разве тебе не хотелось, чтобы я поиграла со своим телом?

— Конечно, нет. Я... — И он вдруг замолк на полуслове, с трудом проглотив слюну. По правде говоря, был момент, когда он мысленно произнес: „Хотел бы я видеть, как она ублажает сама себя“.

— Тот генератор в квартире — это своеобразное сердце гигантского зверя, моего зверя. Он выполняет роль экрана, создавая ультразвуковые помехи, заглушающие и блокирующие поле „макура на хирума“. Он экранирует мое поле и прячет меня от „Тошин Куро Косай“. Он же был включен в тот вечер, помнишь?

— Да, помню.

— И все же я почувствовала твоё желание столь сильно, что оно проникло сквозь ультразвуковое защитное поле. Примитивные эмоции обычно достаточно сильны, чтобы пробить защитный барьер такого рода. Вот почему энергия „макура на хирума“ проявляется особенно мощно, когда ее носителя охватывает вожделение, когда подобные эмоции вырываются на свободу.

Вулф снова вспомнил, как Белый Лук повел его на промерзшую плайю. Он не раз задумывался над тем, почему дед выбрал именно то время. Теперь стало ясно: это было время полового созревания его внука.

— Мы, по-видимому, можем чувствовать ауру друг

друга, — сказал он, — но я знаю, что ни Камивара, ни Сума не могли уловить моей ауры. Похоже, я был для них как бы невидим...

— Нет, неверно, — не согласилась Чика. — Стена может быть и чистой, без всяких знаков, тем не менее ты знаешь, что это стена. Твоя аура уникальна. С тобой ничего не происходит, и ты им кажешься как бы не существующим.

— Но ведь ты же уловила мою ауру. Ты же сама сказала, что смогла в тот вечер в своей квартире почувствовать мое присутствие даже сквозь помехи, создаваемые генератором.

— Между нами что-то произошло, — заключила Чика.

Она не отодвигалась от него, и он опять ощутил с близкого расстояния то же поле сексуальности, которое столь сильно возбудило его в той странной атмосфере, возникшей в ее квартире, когда он следил за ней из гостиной. Теперь ему стало понятно происхождение того возбуждения: сказывалось слияние ее и его „макуры на хирума“. И он высказал предположение:

— В таком случае ты хотела меня не меньше, чем я тебя.

Он почувствовал, как от нее исходят волны, словно тепло от нагретых летом городских улиц, только это было тепло особого рода, приятное, обволакивающее, вызывающее томление, подобное тому, которое испытывает шестнадцатилетний юноша при виде молоденькой девушки, внезапно одарившей его из толпы ласковой улыбкой. Но вместе с этим он испытал щемящее чувство тоски, поднимающееся в сердце в момент расставания с кем-то бесконечно дорогим.

Приложив ладонь к левой половине его груди, она шепнула:

— Я слышу, как бьется сердце гигантского зверя.

Вдыхая исходящий от нее запах и чувствуя, что никогда не сможет насытиться этим ароматом, он спросил:

— Твоего зверя?

— Еще не знаю... — Щекой, нежной и гладкой, как шелк, она потерлась о его небритый подбородок. — Он вот-вот пробудится.

Сначала ему показалось, что он почувствовал вкус персика, потом он услышал глубокий стон, сорвавшийся с уст Чики, и непроизвольно застонал сам. В ней зажегся слабый огонь, постепенно разгораясь. Вскоре он охватил все ее существо, все вокруг, а его жар, раздуваемый обоюдной страстью, превратил его самого в огнедышащий вулкан.

В кромешной темноте их ауры, воздействуя друг на

друга, многократно усилились, когда они замерли, обняв друг друга. Наконец-то стало осуществляться сильнейшее желание Вулфа, охватившее его с того самого момента, когда он впервые увидел Чикку.

Атмосфера, горячая и густая, как смола, еще более сгустилась. Вулф начал медленно раздевать Чикку, она слабо застонала. Он припал лицом к ее груди и нежно поцеловал один сосок, затем другой.

Чикка обняла его за шею, потом не спеша сняла с него пропитанную потом и кровью рубашку, стянула джинсы, и он ощутил ее нежные пальцы на своих гениталиях. Она опять тихо застонала, обхватив ладонью его затвердевший член. От ее нежного, трепетного прикосновения он весь задрожал в предвкушении близости. Вулфу страстно хотелось взять ее сразу, без любовной игры, но одновременно с этим им овладело чувство безграничной нежности к этой девушке, захотелось обнимать ее, вдыхать полюбившийся запах, упиться всем ее телом, прежде чем окончательно раствориться в ней.

Внезапно Вулф опрокинул Чикку и, подтянув ее бедра прямо к своему лицу, раздвинул ей ноги. Почувствовав аромат ее плоти, он не удержался и стал жадно целовать ее, ощущая во рту будоражащий терпкий привкус. Изогнув бедра и приподняв их, Чикка подалась навстречу Вулфу, так чтобы его язык проник в нее как можно глубже. Вулф резко поднялся, встал над ней на широко раздвинутых коленях и, крепко сжимая плечи Чикки, слегка приподнял ее над полом. Чикка втянула в рот напряженный член Вулфа по самое основание, нежно придерживая при этом ладонями мошонку.

Ноги ее трепетали и содрогались, мускулы живота то напрягались, то расслаблялись, потом задрожали ягодицы, вверх поднялись бедра, а изо рта, в который глубоко вонзился член Вулфа, непроизвольно вырвался глубокий сладострастный стон. Ноги Чикки широко раздвинулись, и Вулф, не в силах больше сдерживаться, одним движением выдернул член изо рта Чикки и с силой, без остатка, вошел в нее.

Чикка обхватила ногами его талию, так что он ощутил, как трутся о его грудь затвердевшие соски ее маленьких грудей. Он прижал голову девушки к себе, осушил губами слезы на щеках и покрыл все лицо поцелуями, а она, извиваясь и задыхаясь, не в силах остановиться, крепко сжимала стенками влагалища его член, втягивая его все глубже и глубже. Вулф почувствовал, как внутри у него вспыхнул яркий огонь, и их тела и души слились воедино...

После полового акта обычно приходят расслабление и ощущение некоторой опустошенности. На сей раз от любовников исходили энергетические волны-призраки — живые, пульсирующие, возбуждающие, — придавая потайной комнате особую темноту, как чай придает кипятку аромат и привкус. Такой момент может длиться один миг, а возможно, и вечность — кто знает? Но вот пришло время, и призраки стали возвращаться обратно в их мысли, в свои убежища, где они всегда покоятся.

Наступила пронзительная тишина, какая наступает после сверкнувшей молнии и оглушительного грома.

Окружающая обстановка возвращалась в первоначальное состояние, а вскоре они услышали доносящийся снизу шум оттуда, где стена потайной комнаты примыкала к гардеробу Моравиа. Чика перегнулась через лежащего Вулфа и выключила тускло светящуюся лампочку.

Вулф лежал тихо, не шевелясь, прислушиваясь к топоту полицейских, к их приближающимся и удаляющимся голосам, и сердце его то замирало, то начинало биться быстрее.

В темноте он чувствовал, что Чика сидит рядом, и впервые улыбнулся после сексуального напряжения. Но едва он закрыл глаза, как перед ним возник образ Сумы, оседлавшего мотоцикл „Харлей“ и проносщегося с устремленным в одну точку огненным взглядом мимо пылающего Бобби Коннора. Заметив в глазах Чики крохотные огоньки, словно звездочки на небе, он хотел ей что-то сказать, но она пальцами показала на свои уши. Вулф прислушался.

Ничего не слышно.

Тут он вдруг понял, в чем дело, и по телу у него поползли мурашки: исчезло тихое гудение главного кондиционера. Это означало, что полицейские вырубili электричество во всем здании. Положение ухудшилось: перестал поступать свежий воздух. Они, конечно, могут перебраться обратно в тот самый коридорчик, что пониже потайной комнаты, но что потом? Вниз, в вестибюль, они все равно спуститься не смогут, так как лифт не работает. Они находятся на пятидесятом этаже, а за тонкой перегородкой их поджидают бог знает сколько полицейских, готовых схватить их и заковать в наручники. Бризард решил по капле выдавить из них жизнь.

Почувствовав легкое прикосновение руки, он обернулся и увидел, что Чика поползла к тростниковой циновке. Что она намерена делать? Вулф помог ей отодвинуть циновку в сторону, она подняла люк и спрыгнула вниз, в

коридор. Он последовал за ней. В другом конце коридора была видна открытая дверь лифта. Свет в нем не горел. Чика направилась туда. Но для чего? Лифт ведь все равно не работает.

В кабине лифта она молча показала наверх, и он увидел на потолке рабочий люк. Он понимающе кивнул головой, подсадил ее и тут же услышал легкий скрежет открывающегося люка. Она вылезла на крышу лифта. Вулф с трудом тоже стал протискиваться сквозь узкое отверстие. На полпути у него свело мышцы правой руки, и Чика должна была поддерживать его, пока он не протащил левую руку и не оперся локтем на покрытую густым слоем технической смазки поверхность. В какой-то момент он завис в воздухе без опоры для ног и не знал, то ли карабкаться наверх, то ли прыгнуть обратно в кабину. Затем, собравшись с силами, он рывком подтянулся и оказался рядом с Чикой.

Несколько секунд он стоял скорчившись на металлической крыше, не в силах выговорить ни слова. Чика обняла его за плечи, и он ощутил, как от нее исходит то же тепло, что и от Сумы в конце их схватки. Но на этот раз, вливаясь в его тело, оно несло ему облегчение.

Затем он поднялся на дрожащих ногах. Она встала рядом. На крыше лифта было посветлее, и он понял, где они находятся: на самом верху лифтовой шахты, на высоте свыше пятисот футов. „Хорошо, что хоть невозможно взглянуть вниз“, — подумал Вулф.

Вулф заметил, что Чика стала поднимать голову, и ощутил какое-то странное шевеление внутри себя. Свет совсем исчез. Вулфу показалось, что он проваливается вниз, в шахту, и инстинктивно ухватился за центральный кабель, но Чика сразу же отбросила его руки прочь и осторожно взяла их в свои ладони.

Что-то случилось. Вулф ощутил вибрацию. Одновременно с этим нахлынула какая-то давящая темнота, обладающая объемом и формой.

Заметив огненные искорки в глазах Чики и вспомнив объятую огнем Кэти, мертвого Джонсона, голубой огонь в груди Камивары, Суму с устремленным на горящего Бобби пронзительным взглядом, он вдруг понял, что в лицо ее сейчас смотреть не следует — это лицо Горгоны.

И все же он не отвернулся. Пристально глядя Чике в глаза, в которых плясали зеленые серпы, по-новому высвечивая пульсирующую темноту, сгущая ее или ярко освещающая, как во время фейерверка, он ждал, когда все успокоится здесь, на самом верху шахты лифта.

Лифт в это время дернулся. Вулф ощутил толчки в своих мускулах и понял, что они вздрагивают не от усталости, не оттого что он выдохся вконец, — дополнительные резервы адреналина подоспели как раз в ту минуту, когда они вылезли из затемненной, лишенной воздуха потайной комнаты.

Боязнь. Он боялся Чики, боялся себя в измененном виде. И опять он ощутил безмерную силу таинственного магнетизма, влекущего его к Чике, и даже вадрогнул от этого. А потом перед ним возник образ его отца в лихо сдвинутой на затылок мокрой от пота ковбойской шляпе, держащего в руке оплетенный боевой жезл — фетиш индейцев-апачей. Стоя посреди Лайтнинг-Риджа, этого маленького поселка старателей в Австралии, он говорит сыну: „Жизнь гроша ломаного не стоит, если не рискуешь. Запомни это, сын!“

— Нет, я не стану этого делать.

Вулф прищурился, стараясь снова представить себе образ отца. Они с Чикой по-прежнему находились на самом верху шахты лифта в том же самом здании. Стальная кабина лифта, как и прежде, висела над пропастью в пятьсот футов

— Что случилось? — спросила Чика.

— Моя энергия недостаточно сильна. Я пока не управляю своей способностью ясновидения.

Чика молча посмотрела на Вулфа.

— Но это еще не конец, — не сдавался он. — Я не допущу этого.

Взяв его руки в свои, она приложила их к груди и сказала:

— Вызови тень и свет.

В его глазах засверкали зеленые серпы, и он ощутил, как в ладони, руки и тело вливается свет, правда, трепещущий, как птица в сумерках. Затем послышался слабый треск — стало концентрироваться его биополе. Он начал мысленно создавать — как бы это назвать? — столб света, достаточно мощный и в то же время подвижный. Он уже мог двигать этот столб, но поддерживать длительно его существование был не в состоянии. Это он знал точно. Снова возникло чувство страха, но он отогнал его прочь, сосредоточившись на темноте „макура на хирума“, напрягая на это всю свою мыслительную энергию.

— Ну вот, — шепнул он хриплым голосом, — можем ехать.

О господи!

По воле объединенного Вулфом и Чикой биополя „макура на хирума“ лифт пришел в движение и пополз вниз. Двигался он в темноте бесшумно, плавно, будто плывя по течению спокойной реки.

Мощность биополя возросла в тысячи раз, превратив психическую энергию в сверхплотный сгусток, который замедлил время и искривил пространство. В мыслях Вулфа возник его собственный образ — образ Вулфа Мэтисона, сидящего возле умирающего Белого Лука. Тогда он испугаясь возникшей энергии не только деда, позволившей ему явно преодолеть смерть, но и своей, возникшей внутри него самого...

Лифт достиг дна шахты и, тяжело сотрясаясь, остановился. Вулф и Чика слезли с крыши и очутились на цементном полу. Вулфу очень хотелось вспомнить все, что произошло за истекший час, но времени на воспоминания не оставалось: они еще не оторвались от преследователей.

Чтобы не выбираться из здания тем же путем, по которому они пришли, Чика повела его куда-то вниз, влево от лифта. Вскоре они очутились перед металлической дверью. Чика отперла замок и открыла ее. За дверью пахло бензином и машинным маслом — это был подземный гараж. Закрыв за собой дверь и заперев ее, Чика молча повела Вулфа к последнему ряду автомашин, и там, у самой стены, он увидел поблескивающий хромированными деталями черный катафалк, в который она тогда, перед похоронным бюро на Второй авеню, села и укатила прочь прямо у него на глазах. Чика раскрыла задние двери катафалка, и Вулф увидел полированный темно-коричневый гроб. Раздался характерный щелчок и выбросился — ошибиться он не мог — клинок ножа с выкидным лезвием.

Она повернулась к нему, и совсем близко от лица Вулфа сверкнула сталь. Улыбнувшись, Чика спросила:

— Ну и как ты себя чувствуешь на краю смерти?

Глава тринадцатая

Вашингтон—Нью-Йорк—Токио—сельские районы Массачусетса

Торнберга Конрада III окончательно разбудил звон колокольчика. Некоторое время он нежился в постели, бесцельно глядя в потолок. Потом колокольчик зазвонил опять. Он нехотя спустил свои длинные худые ноги с постели, накинул шелковый пестрый халат и поплелся к парадной двери.

Вилла Торнберга в ухоженном дачном поселке Магнолия-Террас стояла в отдалении — так пожелал сам хозяин. Большинство здешних дорогих вилл выходили фасадом на залив, а виллу Торнберга окружала небольшая рощица серебристых берез. Позади нее весело переливался и журчал по гладким черным камням неширокий ручеек и вилась среди кустов жасмина тропинка, огибающая беседку из кедрового дерева и ведущая к парадному входу виллы.

Проходя мимо трюмо, Торнберг на минутку задержался, чтобы полюбоваться на себя: на прямую осанку и на налитые силой мускулы. Затем он зачесал назад седые волосы и открыл дверь.

— Выглядите вы совсем неплохо, — сказала пришедшая Стиви Пауэрс, целуя его в щеку. — Лицо пополнело, морщины разгладились. Хорошо ли вы отдохнули?

— Не совсем, — ответил Торнберг, закрывая за ней дверь. — В основном дремал.

Стиви ласково улыбнулась:

— Это тоже неплохо, — сказала она и прошла вперед, в гостиную. — Как поживает Тиффани?

— Да не очень чтобы, — ответил Торнберг, плюхаясь в обитое декоративной тканью кресло. — Думаю, у нее лейкемия.

Стиви подошла и присела в кресло напротив.

— В таком случае мне лучше переговорить с ней лично.

— Нет, я решил ничего не говорить ей о болезни.

— Вы уверены, что поступаете правильно? Я имею в виду, что болезнь...

— Благодаря лечению симптомы этой болезни не проявятся до самой смерти.

— Но я знаю, что этот курс лечения ведет к раку.

Он лишь согласно кивнул в ответ и продолжал:

— Это все последствия введения инсулина, схожего с искусственным „фактором-1“. Лекарство это многообещающее, но мы никак не можем добиться оптимальных результатов. Порой кажется, что мы достигли цели, но каждый раз приходим к тому же, от чего шли.

Стиви поднялась, подошла к буфету и налила две рюмочки прекрасного виски „Гленlivet“ Торнберг благодарно кивнул, приняв рюмку из ее рук.

— Время, — сказал он, — бежит неумолимо. — Он поднял рюмку на свет и стал тщательно вглядываться, как виски играет и меняет в лучах солнца свой цвет. — Быстро бежит, слишком даже быстро.

Он выпил виски залпом и подбросил рюмку вверх. Она упала на мраморный пол и со звоном разбилась.

— Если бы только нам удалось так же разбить и этот экран сложного протеина, какая это была бы удача, черт побери! Что это за такой неуловимый элемент, который не позволяет распадаться молекулярной цепочке? — Он терпеть не мог долго ждать.

Стиви ничего не сказала и поступила благоразумно: пусть злость шефа пройдет стороной.

Этот урок она усвоила очень быстро, хотя ей в таких случаях приходилось сознательно подавлять врожденное чувство сопереживания — одно из самых нужных качеств психиатра.

В нем появилась какая-то новая раздражительность, природу которой она понять пока не могла. Ей не раз случалось и в прошлом выслушивать его громкие нелюбимые высказывания в адрес науки, которая, мол, хотя и развивается, но слишком медленно. Что же произошло? Она понимала, что, если начнет расспрашивать, этим ничего не добьется.

От напряжения у нее сжались мышцы живота. Свои наихудшие опасения она решила выразить словами:

— Вулф путается с известной вам японкой. Не этого ли вы хотели с самого начала? Теперь лишь вопрос времени, и он заполучит все, что вам нужно.

Торнберг глядел в одну точку, взгляд его напоминал луч фар приближающегося автомобиля. Стиви попыталась понять его мысли, но безуспешно. В его глазах появилось

такое выражение, которого она прежде никогда у него не замечала. Это ее настораживало, так как она видела нечто такое, что видеть ей не полагалось. Почувствовав, как у нее засосало под ложечкой, она, как и многие женщины в подобной ситуации, инстинктивно замкнулась в себе.

— Ну а что вы могли бы сказать в отношении Мэтисона? С ним все нормально? — спросила она.

Торнберг ничего не ответил и тем напугал ее еще больше.

— Что вы о нем слышали? Он цел, невредим? Или... — тут она прикусила губу, не в силах произнести вслух ужасную догадку.

Торнберг на секунду-другую прикрыл глаза. Мысленно он ругал себя на чем свет стоит. Он привык контролировать ход событий — под рукой у него всегда находятся послушные его воле люди — и подчас не считался даже с собственным имиджем ради осуществления своих навязчивых идей. Он знал, что если скажет, что с Вулфом все в порядке, она подумает, что он говорит неправду.

Поэтому Торнберг счел благоразумным выдать ей подобие правды и открыл глаза.

— В настоящий момент, — сказал Торнберг, — Мэтисон испытывает определенные трудности, но он их преодолееет. Даю вам слово.

Похоже, что обещание несколько успокоило Стиви, во всяком случае, подумав, она спросила:

— Вы же знаете, кто убил Аманду, не правда ли?

— У меня на этот счет есть довольно веские соображения.

— Я хочу...

Торнберг понимающе кивнул головой.

— Тебе разве не известно, что я понимаю, почему ты помогаешь мне? — Глядя на нее, он мягко улыбнулся. — Я знаю, чего ты хочешь, и, поверь мне, ты это получишь сполна. Мэтисон уделает убийцу, насчет этого можешь не сомневаться. Я видел его в деле и знаю, на что он способен. Мне уже стало жаль того идиота, который угрохал твою сестру.

— Я хотела бы сама, своими руками уничтожить убийцу.

— Да, да, конечно, — согласился Торнберг. — Верю, что сама и уничтожишь. Твое желание естественно и прекрасно. Мэтисон лопнет от злости, если узнает, что ты опередила его.

Стиви просто из себя вышла — таким снисходительным тоном мужчины частенько разговаривают с глупыми дамочками — и надменно произнесла:

— Если вы принимаете меня за какую-то шлюху, то очень ошибаетесь.

Торнберг пристально посмотрел на нее. Уголки его сухих губ слегка дрогнули внисходительной улыбке.

— Ну конечно же, дорогуша, ты же была близка с Мэтисоном и познала его внутреннюю силу. Скажи мне по-честному, Стиви, ты с ним спала?

Сказать правду она не решалась. Вопрос ее насторожил и напугал: она видела не раз, как он поступал с другими людьми — прикалывал их к стенке, как натуралист бабочек.

— Ну я же вижу: спала. Тебя увлек его магнетизм. — Торнберг приложил к поджатым губам указательный палец с утолщениями в суставах. — А сколько раз ты шлепалась к нему и все-все про меня рассказывала?

— Не шлепалась я.

— В самом деле? — Торнберг вздернул голову. — И даже не занималась с ним любовью?

Стиви не стала отвечать прямо на поставленный вопрос: пусть думает что хочет. Она лишь глянула на свои руки, теребящие складки юбки, и, тяжело вздохнув, сказала:

— Я хочу сказать одно, чтобы в дальнейшем не было недоразумений. Мои переживания — это мое личное дело. То, что я чувствую по отношению к Вулфу или к Мортону, касается только меня одной.

— Да, согласен. Но только если твои личные переживания не вредят моим замыслам.

— Вы боитесь, что я заложу вас Вулфу?

— Дорогуша, когда будешь на моем месте и когда доживешь, если повезет, до моих лет, угроза предательства станет следовать за тобой по пятам.

Стиви улыбнулась и взяла его руку.

— Именно из-за вашего положения я даже и в мыслях не держу предавать вас. Благодаря вам у Мортонa прекрасная репутация в Вашингтоне, а это открыло мне доступ в ассоциации и общества, и теперь я тоже пользуюсь авторитетом. И он и я всем обязаны только вам.

— Мне не нравится слово „всем“. Оно объемлет все и вся, но ничего не определяет конкретно.

Теперь уже Стиви пристально посмотрела Торнбергу в глаза и почувствовала, что уловила в их глубине что-то темное и трепетное. В ушах у нее все еще звучали его слова о „внутренней силе“ Мэтисона. Не означает ли все это страх перед ней? Может ли Торнберг Конрад III по-

настоящему испугаться какого-то другого человека? Раньше ей подобная мысль даже в голову не приходила, но теперь она допускала ее.

— Торнберг... — начала было она и осеклась.

Он резко повернулся к ней и произнес вялым, бесцветным голосом:

— Я должен принять немного лекарства.

— Нет.

— Пойди и принеси немного.

— Абсолютно невозможно.

Голова у него вздернулась, он впился в нее взглядом, гипнотизируя и прожигая насквозь.

— Принеси и дай!

— Но ведь опасно, — слабо запротестовала она, но все же поднялась.

Торнберг лишь ухмыльнулся, лицо его приняло свирепое выражение, отчего сразу стало похожим на маску смерти.

— Единственная опасность, с которой следует считаться, заключается в том, что я долго не протяну без этой штуки.

Стиви поневоле поплелась в спальню и, подойдя к тумбочке около кровати, открыла нижний ящик с двойным дном. Коробочка с патентованными снотворными таблетками и армейский офицерский пистолет калибра 1,4 миллиметра ее совсем не интересовали. Она протянула руку к стеклянным пузырькам, закупоренным резиновыми пробками, и порошок для подкожных инъекций. Насыпав порошок в шприц и разбавив его жидкостью из пузырька, она слегка нажала на шток, чтобы выдавить воздух из шприца.

После этого она вернулась обратно в гостиную и, взглянув на лежащего Торнберга, спросила:

— Может, передумали? Этот медикамент уже убил многих, от него умирает и Тиффани.

— Моя кровь отличается от ее крови, — возразил он тем же безжизненным тоном. — К тому же эта сыворотка очищенная.

— И вы думаете, что поэтому она другая и от нее не будет побочных эффектов?

— Давай, коли!

Стиви встала на колени и воткнула иглу в вену на его бедре, медленно нажимая на шток. Она неотрывно следила за его лицом, так как опасалась совсем другого эффекта — кратковременного, но крайне нежелательного.

Не успела она сделать до конца укол, как Торнберг уже

вскочил с кресла, спина у него сгорбилась, на шее вспучились сухожилия, рот оскалился, обнажая крепко стиснутые зубы, сквозь них со свистом прорывался воздух. И тут она услышала, как он бессвязно говорит:

— Сражаться... не падать... ночью.

Ощущение движения исчезло, лишь четко работал мотор. Вулф прислушался к его размеренному рокоту, улавливая посторонние звуки.

Атласная обивка гроба отдавала химикатами, остро чувствовался запах жидкости для чистки медных изделий, а деревом, можно сказать, и не пахло.

Вулф слышал какие-то голоса и замер. Они доносились откуда-то издали, слов невозможно было разобрать, но тембр он уловил: два низких мужских голоса и высокий — Чики, более отчетливый и нахальный. Теперь многое зависит от ее поведения, особенно в самом начале. Позже, конечно, все ляжет на его плечи. Почему-то вспомнились ее слова: „Ну и как ты себя чувствуешь на краю могилы?“

Она тогда вытащила выкидной нож и, вспоров и сняв с него намокшую от пота и крови одежду, помогла надеть темно-синий костюм Моравиа, который отыскала где-то в задней части катафалка. Вулф не роптал, не спорил, не спрашивал, для чего она все это делает, — ему было все равно. Переодевшись, он влез вслед за ней в катафалк, там она с трудом подняла тяжелую крышку гроба и он улегся в него.

Чика встала перед гробом на колени и принялась раскрашивать лицо и руки Вулфа, придавая им мертвенно-бледный цвет, щеки же она нарумянила, как это обычно делают в похоронных бюро. Он подумал вдруг, не проделывала ли она и с Моравиа такую же штуку, а потом до него дошло, что чем меньше он будет интересоваться подобными вещами, тем лучше.

— Что толку от всего этого? — спросил он, когда она накладывала ему грим. — Если они заставят тебя открыть гроб, то сразу же меня опознают.

— Нет, — не согласилась она, — не опознают.

И он увидел, как сверкнули в ее глазах зеленые серпы, и понял, что она применит „макура на хирума“. Как знать, может, она заставит их видеть лишь то, что сочтет нужным.

— Ты знаешь, как нужно дышать, чтобы не вздымалась грудь? — спросила она, когда кончила гримировать.

Вулф рассказал ей об уроках сенсея, и она удовлетворенно кивнула головой.

— Чрезвычайно важно также не вращать глазами за закрытыми веками, — наставляла она. — Тебе этого очень и очень захочется, когда поднимут крышку гроба и внезапно хлынет свет. — Тут он почувствовал, как она провела пальцем по его лицу. — Ну а теперь немножко поверни голову, вот так. Это для того, чтобы они не смогли прощупать пульс на сонной артерии. — И она захлопнула крышку гроба.

Вскоре тяжело заскрипели петли — это открылась задняя дверь, и голоса стали заметно громче. Он почувствовал, как накренился гроб; катафалк осел под чьим-то солидным весом. Вулф представил себе полицейских в пуленепробиваемых жилетах, в касках с противодымовыми защитными забралами, согнувшихся в три погибели, чтобы пролезть поглубже в катафалк, представил, как они командуют: „Откройте гроб“.

Однако ничего не видно и не слышно, лишь сквозь стенки гроба глухо и неясно доносятся отдельные голоса. Руки и уши соприкасаются с атласной обивкой, и ему приходится отгонять ложное ощущение, что обивка касается его губ, щек, лба и век. „Долой эту тяжесть! Прочь! — приказал он себе. — Глубокий вдох — выдох, теперь расслабься“.

Внезапно послышался скрип снимаемой крышки гроба. Хлынул свет, может, и обычный для салона катафалка, но для него очень яркий, как и предупреждала Чика. Нужно закостенеть, не вращать глазными яблоками — смотреть не на что... разве что на лица „фараонов“, пристально разглядывающих гроб. Прочь эти мысли!

Глубокий вдох — выдох — расслабление.

Слышен мягкий голос Чики, насылающей на полицейских энергию „макура на хирума“.

Но сонная артерия все же пульсирует, хотя ее и не видно в тени, но чем дольше и пристальнее полицейские будут вглядываться, тем больше вероятность, что они ее заметят...

Наконец свет исчез, послышался мягкий стук — крышка гроба снова встала на место.

Спустя минуту мотор заурчал мощнее — Чика включила коробку передач. В ногах ощутилась тяжесть: они поехали, набирая скорость.

Он выждал минут пять, затем сдвинул изнутри крышку гроба, и в туманной прохладе катафалка вздохнул свободнее, медленно делая вдохи и выдохи.

— Чика, ты здесь?

- Здесь я.
- Порядок?
- За нами никто не следует.

Она сидела за рулем, он видел ее затылок, а когда во время движения поворачивала голову, то в зеркале заднего обзора смог разглядеть и лицо.

— Даже не видно ярко-красного мотоцикла „Электра-Глайд-Харлей“?

— Нет, не видно.

Чика перестроила рядность и увеличила скорость, затем опять сменила ряд и стала обгонять попутные машины, ловко лавируя между ними.

— За нами вообще никто не увязался, — заметила она.

— Давай уедем из города.

— Я сделаю еще лучше, — предложила она. — Я намерена увезти тебя совсем из этой страны.

— Если будем улетать, мне не хотелось бы светиться в аэропорту имени Кеннеди.

Он вылез из гроба, перелез через спинку сиденья и сел рядом с ней.

— Согласна, — ответила она и попросила открыть „бардачок“: там лежали в пакете жидкость для снятия грима и крем. — Мы улетим из аэропорта в Бостоне. С документами все уже улажено.

Они выехали на автостраду. Сквозь верхушки деревьев, растущих на обочине, пробивались лучи солнца, похожего на блестящий золотистый диск. Вулф смыл грим с лица, но чувствовал себя скованно, тело еще не отошло от онемения, кое-где запеклись пятна крови. Он подумал, что в дороге неплохо бы и вздремнуть: глаза будто запорошило песком, мелькающий яркий свет раздражал и ослеплял.

Чика подрулила к придорожному универсаму и купила там бутылку перекиси водорода, коробочку с ватными тампонами и пластырь. Вулф снял пиджак, поднял рубашку, и она принялась обрабатывать ссадины и царапины на его теле. На все ушло минут десять, и вот они снова в пути и держат курс на северо-восток, в Массачусетс.

— Я должен хоть немного поесть, — сказал Вулф через два часа. — Теперь рекомендую ехать более глухими местами. На шоссе нас легко настичь.

Чика свернула на ближайшем перекрестке и поехала по узкой трясковой дороге. Наконец она подъехала к стоянке около придорожного деревенского ресторанчика. Обеденное время еще не наступило, посетителей в ресторанчике не было, и они без проблем сели в отгороженной кабинке с видом на озеро. Вулф вышел в туалет смыть остатки

крема с лица. Потом он вынул безопасную бритву, намазлся кремом для бритья, предусмотрительно купленным Чикой в универсаме, и сбрил отросшую щетину. Ополоснувшись, он посмотрел на себя в зеркало. „Кто я такой? — подумал он. — Кем я стал теперь?“

Вернувшись в кабинку, он первым делом осушил полный стакан холодной воды и попросил еще; затем заказал себе на обед бифштекс с кровью и с овощным гарниром, а Чика выбрала себе паровой рис и тушеную фасоль — единственное блюдо из фасоли, готовящееся в этом ресторане на обед.

Чика, тоже приведя себя в порядок в туалете, позвонила в аэропорт и заказала билеты на нужный им рейс, а Вулф в это время расплатился наличными за обед. Ожидая, пока принесут сдачу, он невзначай бросил взгляд в окно и увидел, как мимо сверкающего огнями рестораника промелькнул ярко-красный мотоцикл. Взяв сдачу, он вернулся к столу, оставил чаевые и прихватил несколько пакетиков с сахаром.

После этого Вулф обошел вокруг дома. Так и есть: в зарослях ольхи и черной смородины он увидел мотоцикл „Харлей“. На заднем крыле его еще виднелись следы от вспышки пламени, которое направил Сума на Бобби Коннора, проносясь мимо него.

Вулф огляделся, в ушах звенело. Где же Сума? Моментально он отвернул крышку бензобака и высыпал туда сахар. Теперь на мотоцикле не уехать, пока не прочистишь бензосистему.

Чика поджидала Вулфа у ресторана.

— Я видела Суму, — сказала она. — Он вон в том лесу.

— Пошли туда.

Они прошли мимо мотоцикла и углубились в густые заросли смородины. Сразу же за кустами они заметили тропинку, хоть и узенькую, но значительно облегчавшую передвижение через обильный подрост. Над молодой порослью возвышались лиственницы, дубы и березы, кое-где попадались кедры и серебристые сосны. Тучами летали надоедливые комары. Вулф то и дело хлопал себя по лицу, по шее, по щиколоткам.

Тропинка резко сворачивала влево и круто спускалась вниз. Воздух стал заметно влажнее. Вулф догадался, что где-то рядом река. Он ежеминутно оглядывался назад, всматриваясь в лесной сумрак. Хотя и незаметно было, чтобы кто-то следил за ними, но с уверенностью он не мог этого утверждать, поскольку любые шумы и шорохи заглушались щебетанием и пением птиц.

Наконец он остановился и тихо сказал:

— Он зашел слишком далеко в лес. Не исключено, что мы угодим прямо в ловушку.

— Знаю, — шепнула Чика. Она стояла так тихо, что Вулф даже не слышал ее дыхания. — Не повернуть ли нам назад?

Он, конечно, знал, что такой шаг — самый благоразумный, но очень уж ему хотелось найти Суму. Неожиданно промелькнула мысль о том, что Чика почему-то перестала уговаривать его поскорее улетать в Японию.

— Обнаружить меня Сума не может, — сказал он наконец. — Посмотрим, не сумеем ли мы поймать его в этой игре, затеянной им же самим.

Подлесок внезапно кончился, и они вышли на берег реки. Вулф даже не предполагал, что она может оказаться такой широкой. Чика шла впереди. Внезапно она остановилась на илистом берегу и, улыбнувшись, оглянулась на стоящего сзади Вулфа. Но в ее улыбке и позе он уловил нечто странное — какую-то нерешительность и опустошенность. Пока он ломал голову, что бы это значило, Чика шагнула в воду. В душе Вулфа шевельнулся червячок сомнения. „Не нравится мне все это“, — мысленно произнес он.

Чика приложила палец к губам, призывая соблюдать тишину, и кивком поманила его к себе. Вулф снял обувь, повесил ее за шнурки на шею и стал осторожно погружаться в обжигавшую холодом воду. Солнца уже не было видно за кронами деревьев. Чика показала пальцем на что-то. Он взглянул и тут же заметил неясную тень, плывущую от них к дальнему берегу. Да это же Сума!

Вулф решительно двинулся вперед. Он с трудом вытаскивал ноги из вязкого черного ила. Глубина в реке быстро увеличивалась. Вулф теперь жалел, что не снял рубашку. Она быстро намокла и прилипла к телу, создавая дополнительный вес, тянущий на дно. Ногами он нащупал камни, покрытые слизью и очень скользкие. Вулф пристально вглядывался в даль, стараясь сохранять равновесие. С каждым шагом становилось все глубже и глубже, и скоро он погрузился в воду по самую шею. Но он не обращал на это внимания, поскольку впереди шла Чика и не скрывалась полностью под водой. А может, она передвигалась по камням?

Тут он опять взглянул на нее, но ее впереди не оказалось. Вулф был один посередине реки. Осмотревшись внимательно, он увидел, что Чика уже на другом берегу. Она стояла, заложив руки за спину и пристально глядя на него и странно улыбаясь.

Вулф бросил быстрый взгляд и почувствовал что-то неладное. Ему сразу же вспомнилось предупреждение Стиви, что Чика в конце концов убьет его. „Не торопись на встречу собственной габели“, — мелькнула у него мысль. Он почуял ее, свою смерть, даже воздух вокруг стал тяжелым и спертым. Вулф резко отступил назад и сразу почувствовал, как ускорилось течение: он оказался на отмели. Чика тем временем входила в воду, и около нее даже ряби не появилось. Она сделала еще несколько шагов, и тело Вулфа охватил неприятный холод, сердце у него бешено заколотилось.

— Что это? — прорычал он. — Кто же ты, черт бы тебя побрал?

Как бы в ответ Чика поднялась еще над водой, паря над течением. По-прежнему на ее лице была все та же странная улыбка, и теперь до Вулфа дошло, что в этом выражении лица ничего опасного нет — его можно увидеть на обычном фотоснимке, всего лишь воссоздающем образ человека. Он снова пошел вперед, преодолевая течение, но необъяснимый страх уже не покидал его.

Затем лицо Чики как-то побелело, и было впечатление, что оно вдруг утратило загар. В тот же миг ее лицо вытянулось, нижняя челюсть отвисла, язык вывалился, но это был уже не человеческий язык.

Вулф почувствовал комок в горле и с трудом выдохнул. Когда-то в детстве он видел фильм ужасов, один из сереньких японских фильмов. Фильм был озвучен отвратительно: японские артисты произносили слова в одних кадрах, а американские дублеры зачитывали перевод с запозданием, совсем в других кадрах. Сам фильм по своему действию был довольно слабый, но эффект от сдвинутого перевода произвел на юного Вулфа неизгладимое впечатление. В фильме показывали монстра — полузмея, получудовище, — выползающего из своего логова и пожирающего людей, осмелившихся нарушить его покой. Монстр отгрызал им головы, но перед этим он душил каждую из жертв.

Невероятно, но голова у Чики стала точь-в-точь как у этого скользкого гада. Вулф глядел на нее, замерев от ужаса. Чудище прыгнуло прямо к нему. Он в страхе закричал. Отчасти он понимал — знал! — что такого быть не может, но в то же время вот он — живой монстр во плоти!

Вулф выбросил вперед руки, защищаясь от страшных челюстей, готовых оторвать ему голову. Из них явственно доносился жуткий запах, виднелась их бездонная глубина. Вот сейчас они захлопнутся и...

В самый последний момент он широко открыл глаза и увидел, как чудище задрожало, покрылось рябью и рассыпалось на тысячи искр, которые мерцали и медленно гасли в надвигавшихся сумерках. Тут Вулф почувствовал, как кто-то ухватился за связанные воедино шнуры туфель, висевших у него на шее. Он попытался сорвать эту „дошу“ с себя, но потерял равновесие, и его голые ступни соскользнули с камня. Он с головой ушел под воду. Вулф продолжал сопротивляться и под водой, чем, к сожалению, лишь усугубил положение. Тогда он напрягся, чтобы вынырнуть, — не вышло. Что-то крепко удерживало его. И чем упорнее он отстаивал свою жизнь, тем сильнее его затягивало в глубину.

Он увидел Чику, лицо у нее уже стало ангельским. Она улыбалась прямо перед его выпученными глазами, и он подумал, не покидает ли его рассудок. Улыбка у нее расплывалась все шире, пока не растянулась во весь рот. Вулф понял, что его предали. Все надежды рухнули в одно мгновение. Припомнилось, как он бежал с Чикой из Нью-Йорка, как они предавались любви в потайной комнате квартиры Моравиа. Как он мог так ошибиться в ней!

Невероятно, но улыбка у нее продолжала расплываться, пока не превратилась в сплошную черную пустоту в воде. Теперь он почувствовал холод, кости его заledenели, а сердце перекачивало по венам и артериям густую тину и ил вместо крови.

В голове у Вулфа заплесали огоньки. Четко мыслить он уже не мог, но по-прежнему боролся за свою жизнь, хотя никаких надежд на спасение не осталось: силы иссякали, жизненный огонь угасал, мысли путались. На него обрушилась какая-то пустота, и инстинктивно он принялся защищаться от нее.

Теперь его могли спасти лишь чары „макура на хирума“. Он сосредоточился и стал мысленно создавать биополе, но ужасная пустота все наступала. И опять этот монстр...

„Забудь о пустоте, забудь о монстре! Это все только иллюзии. Борись с ублюдком, который хочет тебя убить!“ — мысленно приказывал себе Вулф.

Наконец к нему вернулась способность направлять энергию „макура на хирума“, и он позволил расслабиться телу. Все вмиг преобразилось, он стал совсем другим и ощутил слизь на щеках и лбу. Открыв глаза, Вулф увидел то, что ему и следовало видеть все это время: перед ним был Сума собственной персоной. Вот, оказывается, кто

тянул за шнуры, затягивая петлю на шее Вулфа. Да, все это время он сражался под водой с Сумой! Чика его не предавала.

Теперь он глянул Суме в глаза и заметил, как японец широко распахнул их, познав могучую энергию противника. Заколебавшегося Суму вмиг охватил ужас.

Вулф направил на него лучи своего биополя. Сума в страхе отпрянул, потряс головой и высоко подпрыгнул, а Вулф, размотав петлю на шее, ощутил еще больший прилив психотропной энергии.

Сума стал поглядывать вверх на проникающий сквозь толщу воды свет и, одним сильным рывком переместившись в сторону, исчез, вытянув стрелой тело, где-то в густом мраке среди камней, громоздящихся на дне реки.

Вулф, резко оттолкнувшись от дна, вынырнул на поверхность, глотнул широко открытым ртом воздуха и почувствовал, как его схватила чья-то рука и потащила назад, к ближайшему берегу. Жадно глотая воздух, он лег на землю. Поддерживая его голову, над ним склонилась Чика с перекошенным от ужаса лицом.

Глава четырнадцатая

Вашингтон—Токио—Бостон

Хэм Конрад поджидал, когда Марион Старр Сент-Джеймс пойдет с работы. Вечер только начинался, солнце еще ярко освещало верхние этажи государственных учреждений. Он сидел за рулем машины и, как только она поравнялась с ним, распахнул дверь и пригласил сесть.

— Привет, — сказала Марион, — какая приятная встреча!

— И для меня тоже. Поедем куда-нибудь, поужинаем.

— Ах, извини, дорогой, — начала она было с улыбкой отказываться. — Я думала, что ты мне позвонишь пораньше. А теперь у меня встреча в семь, а потом...

— Садись в машину, Марион!

Она лишь фыркнула.

— У тебя все в порядке? Ты какой-то психованный.

— Будешь тут психованным, — заметил Хэм, — да я просто взбесился от злости, а почему и сам не знаю. — Он пристально посмотрел на нее. — Делай, что велю! Думаю, тебе не понравится, если я сейчас устрою скандал перед твоими сослуживцами.

Марион села рядом с ним и не успела еще захлопнуть дверь, как машина рванулась с места.

— Ради бога, Хэм, что за муха тебя укусила.

Он кивнул головой на автомобильный радиотелефон.

— Звони, если нужно. Весь этот вечер будешь со мной.

Целую минуту она не отрываясь смотрела на него, потом полезла в сумочку за записной книжкой и позвонила в два места. Позвонив, посмотрела в окно машины и увидела, что они едут по грязному, запущенному району, причем чем больше они удалялись от места встречи, тем больше чувствовались запустение и бедность. Это был район, где процветала торговля наркотиками и то и дело совершались убийства. Одним словом, трущобы, гетто.

— Куда мы едем?

— Ужинать, — ответил он, не повернув головы.

— Здесь? — Она видела на улицах одних чернокожих. — У тебя что, крыша поехала?

— А в чем дело-то? — грубо спросил он. — Тебе не нравятся черные?

— Да нет же, просто надо быть хоть немного благоразумным. — Она взялась за дверную ручку. — Останови машину, выпусти меня.

— Вряд ли это благоразумно.

— Ради бога, Хэм!

Он подрулил к тротуару на Флорида-авеню у дома с затемненными витринами и обитым жестяными листами фасадом. Мерцали неоновые буквы названия заведения.

— Пошли, — сказал он, вылезая из машины и захлопывая дверь.

Марион уставилась на него поверх крыши автомобиля:

— Тебя не волнует, как нас встретят здесь, в этой забегаловке?

— Здесь всегда хватает и белых. Они приходят сюда перекусить.

Она озабоченно озиралась вокруг:

— Уповаю на Бога, что ты в своем уме и знаешь, что делаешь.

Хэм усмехнулся, запер машину, взял ее под руку и повел в ресторан. Внутри было темновато, впрочем, как и на улице. В воздухе стоял сильный запах древесного угля. К обитому жестью потолку были подвешены лампы с матерчатыми абажурами темного цвета. Стены скрывали свое убожество под тонкими деревянными панелями. Выщербленный местами и посыпанный опилками пол был покрыт маленькими потрескавшимися черно-белыми плитками с въевшейся в них грязью.

Проходя мимо длинного бара с цинковой стойкой, они увидели группу местных пьяниц, один вид которых говорил, что они не вылезают отсюда неделями, а может, и месяцами. Освещался бар лишь тусклым верхним светом, отраженным старыми потрескавшимися зеркалами...

Марион с уверенностью могла сказать, что все головы сразу повернулись в ее сторону, когда они вышли, и посетители стали нагло и пристально разглядывать ее фигуру. Она тут же пожалела, что надела короткую шерстяную юбку и прозрачную блузку. Глянув на себя в зеркало, она, к своему стыду и ужасу, увидела, что сквозь материал откровенно просвечивают соски на ее груди. Лучше было бы надеть плащ до самых колен!

— Столик на двоих! — заказал Хэм, подходя к буфетчику внушительной комплекции. Но никто не обратил на него ни малейшего внимания.

За фанерной перегородкой в зале стояло множество столиков. Хоть Хэм и говорил, что в ресторане полным-полно белых, Марион не увидела ни одного — вокруг были только чернокожие.

— Я хочу уйти отсюда, — просящим голосом умоляла она.

— Ни в коем случае! — Хэм крепко взял ее под руку и повел к столику у левой стены. — Вот уютное местечко.

Ребром ладони он смахнул со стульев крошки и соринки, затем положил ей на плечо руку, и Марион присела. Сам он сел напротив.

После того как официантка в третий раз прошла мимо них даже не повернув головы, Марион спросила:

— Ты не мог бы мне объяснить, что заставило тебя буквально украсть меня прямо на улице?

— А ты того и заслуживаешь, — ответил Хэм. — Ты скверная девчонка.

В баре между двумя посетителями вспыхнула перепалка. Марион подождала, пока не иссякнет поток ругательств, и сказала:

— А мне нравится быть скверной девчонкой. Но и хочется знать, что во мне уж такого плохого.

Наконец Хэм поймал взгляд официантки, заказал спиртное и напитки полегче и лишь после этого ответил ей:

— Расскажи-ка, дорогуша, как ты познакомилась с моим папашей.

Кто-то опустил в музыкальный автомат несколько монет. Завертелся механизм, передвигая пластинки.

— Господи! Да у меня в этой забегаловке мурашки от страха по телу ползут.

— Здесь люди как люди.

— Я же читаю газеты и знаю, что бывает в подобных заведениях.

Наконец заказанная пластинка с записью песенок Куинна Латифа подползла в автомате под иглу адаптора. Хэм извинился:

— Нужно на пару минут заглянуть в комнату для „бедных парнишек“. Ща вернусь.

Марион осталась одна за столиком. Напитки все еще не принесли — официантка вела себя так, будто в ресторане вообще никого не было. На Марион не переставали пялить нахальные глаза посетители. Казалось, что они, наоборот, все больше и больше распаляются, интересуясь, а что у нее под юбкой и блузкой. Ей никогда прежде не приходилось бывать в местах, где она была бы, по сути дела, единственной белой, и от этого Марион чувствовала себя особенно

неуютно. Под каждой поношенной курткой ей чудился острый нож или пистолет, а в каждом заднем кармане брюк — пластмассовая коробочка с кокаином. „Глупые мысли, конечно“, — пыталась она успокоить себя и все же тряслась с перепугу.

Потом, собравшись с духом, она подхватила чемоданчик и сумочку и быстро направилась к бару, не обращая внимания на любопытные взоры и враждебные взгляды. Поставив чемоданчик на стойку бара и подождав немного, когда подойдет буфетчик, она попросила:

— Не могли бы вы заказать для меня такси по телефону?

Тот уставился на нее в недоумении желтыми глазами и, покрутив усы толстыми огрубелыми пальцами, сказал:

— Телефон не работает.

— Ну ладно, а есть тут телефон-автомат?

— Тоже не работает, — ответил он.

В одном ухе у него висела золотая бляшка в виде пули. Голова у буфетчика была лысая, волосы росли лишь на затылке.

— Звони не звони, все равно толку мало. Такси сюда в темное время суток не поедет. — Он осклабился во весь рот. — Я шоферов не виню. — Со свистом и шумом он втянул воздух сквозь зубы. — Тут ведь всякое случается. Так что вот тебе мой совет: сядь за столик и жди.

— Рискну все же. — Марион подхватила чемоданчик. — Поищу автомат на улице...

Она резко повернулась вправо и лицом к лицу столкнулась с высоким широкоплечим негром с приятным лицом, но с дурными манерами. Кожа у него была иссиня-черная и даже блестела на бритой голове. Одет он был в фиолетовую рубаху с открытым воротом, вокруг толстой шеи болтались по меньшей мере полдюжины золотых цепочек.

— Куда направилась, мамуленька?

— Извините, — промолвила она, пытаясь обойти пристава, а когда тот попытался удержать ее, громко сказала: — Подонок сраный! — и крепко двинула его каблуком по подъему ноги. Казалось, у парня даже глаза изменились в цвете, но он все же ухватил Марион за глотку и так стиснул, что та не удержалась и громко вскрикнула.

— Ну а теперь попробуй шевельнись только, крутая сука, — произнес злое негр.

— Я... я не одна здесь, — удалось выдать Марион. — Он тебе намылит холку, если ты...

— Ну ты, белокопая шлюха! — угрожающе сказал

бритый. Он улыбнулся, и во рту блеснул золотой зуб. — Твой вонючий защитничек дерьма куриного не стоит. Думаешь, я боюсь его? Да я ему и секунды на размышление не дам. — Он приблизил свою наглую рожу вплотную к ее лицу. — Но мне нравится, как ты разговариваешь. — Он громко щелкнул зубами, изо рта понесло спиртным.

Марион закрыла глаза. „Пронеси, Господи“, — подумала она и тут же прокляла Хэма за то, что он привел ее сюда.

— Эй, Марион!

Услышав голос откуда-то сзади, она открыла глаза.

— Эй! Что тут такое происходит?

— Слушай ты, парень. Тут твоя дамочка вконец обгадилась с перепугу. Тебе, брат, надо подбирать себе более крепких баб.

„Вроде слышится его голос“, — облегченно подумала она и позвала:

— Хэм!

Она принялась изо всех сил вырываться, отдирая от горла липкую ладонь бритого негра, на глаза у нее навернулись слезы. Бритый ослабил хватку, и она в смятиении бросилась к Хэму, разъяренная, ничего не соображая.

— Ты, подонок! — накинулась она на него. — Это все ты нарочно подстроил, а теперь забавляешься!

— Должен же я привести себя в порядок.

Негр громко ржал, буфетчик отвернулся — концерт окончен.

Марион закрыла лицо руками:

— Теперь сядем за столик, — примирительно сказал он и, обняв ее за плечи, повел обратно. Выпивка и легкие напитки уже стояли на столе, рядом лежало меню. Хэм видел, что она вся кипит от негодования.

— По-моему, ты не из породы тех фифочек, которые могут дуться весь вечер, — заметил он.

— Ты еще не знаешь, какой фурией я бываю, — огрызнулась она, доставая из сумочки пудреницу и разглядывая себя в зеркальце.

„Да, не знаю, но понемногу начинаю узнавать“, — подумал Хэм, а вслух произнес:

— Похуже ничего надеть не могла?

— Ты форменный подонок, — отрезала она, защелкивая пудреницу.

Официантка поставила на стол поднос. Марион наклонилась, принюхиваясь к аппетитным запахам.

— Что это?

— Свиные рыла, — ответил он в шутку, разрезая под-

румяненные куски мяса, обильно политые густым красным соусом. — Лучшее блюдо в знак примирения.

Марион лишь холодно взглянула на него и откусила для пробы кусочек, подцепив его вилкой.

— О, довольно вкусно.

— Да, здесь готовят от души, — подтвердил он. — Поэтому-то я и хожу сюда всякий раз. Самые лучшие свиные рыла. Вкуснее готовят только в Сент-Лунсе.

— Что это значит — рыла?

— Хорошо прожаренные свиные щеки.

Марион отложила вилку в сторону и молча уставилась на блюдо. Хэм как ни в чем не бывало продолжал с хрустом разделяться с кусочками мяса, ожидая, пока она не осушит свой стакан.

— Ты вроде хотела рассказать мне, как познакомилась с моим отцом.

— А я надеялась, что мне не придется рассказывать, — отвстила она, немного подумав.

— Полагаю, что все же придется.

Она резко вскинула голову, щеки у нее порозовели.

— Пожалей меня. Трудно все это рассказывать. — В смущении она терзала ожерелье на шее. — Торнберг и мой отец были друзьями.

— Где, когда?

Марион печально улыбнулась и продолжала:

— Ах, мои иллюзии развеиваются как дым. Врала я все тебе, когда говорила, что мой отец еще жив. На самом деле он умер несколько лет назад, когда перевозил партию американских армейских винтовок в районы вокруг Белфаста.

Хэм с сомнительным видом посмотрел на нее.

— Так, выходит, твой отец был торговцем оружием, а вовсе не судостроителем, как ты говорила, — упрекнул он и вспомнил, как она зажигала свечу на его яхте и уверяла, что таким образом молится за здоровье своего отца.

В ответ Марион лишь печально вздохнула:

— По сути дела, он был и тем и другим. Начинал он как судостроитель — эта работа перешла к нему по наследству от отца. А потом он допустил ошибку — продал фирму японцам. — Волнуясь, она закручивала в скатерть столовую ложку и раскручивала, закручивала и раскручивала. — Не думаю, что он радовался после такой сделки. Он сразу сделался угрюмым и беспокойным. По-моему, это и стало одной из причин, что он подался уговорам своих приятелей из Ирландской республиканской армии и стал снабжать их оружием.

— Ну и само собой разумеется, — заметил Хэм, — что, когда его убили, торговлей оружием занялась ты.

— Ничуть не бывало, — парировала она и, заметив наконец, что она делает с ложкой, отложила ее в сторону. — Отец был убежденный шовинист и завещал заниматься этим делом моим двоюродным братьям.

— А-а.

— Да. Ненавижу их, этих жадных ублюдков. Все эти взаимоотношения — наше личное дело, поэтому-то я и врала все тебе. Считала, что тебе не понравится встречать в нашу семейную вендетту.

— И правильно считала. Вендетта — грязное дело.

Она согласно кивнула и попросила:

— Забудь, пожалуйста, что я когда-либо говорила о компании „Экстант экспорте“, ладно?

Она подняла стакан, и уже хотела было пригубить его, как вдруг резко поставила обратно и закрыла лицо руками. Хэм услышал, как она тихо всхлипывает.

Он сидел и смотрел на Марион, не зная, верить ее словам или нет. „Боже мой, она же очаровательна! — подумал он. — И почему мы не встретились, когда я был еще молодым, до того как моя жена отбила у меня всякую охоту к семейной жизни?“

— Тьфу! Ненавижу сама себя, когда плачу, — сказала Марион, прижимая к глазам салфетку.

Хэм слегка улыбнулся, заметив:

— А мужчинам, думаешь, нравится, когда женщины плачут?

— Я где-то слышала такую фразу, — улыбнулась она. — Поэтому и не очень-то плачу при всех.

— Возьмем, к примеру, моего отца: он просто в ярость впадал при виде плачущих женщин. Полагаю, что он считал, будто сможет насильно отучить их заниматься этим. Я даже удивлен, как это он не женился на тебе.

— Разумеется, попытки он предпринимал, — призналась Марион. — И очень настойчивые.

— Да, это уж точно. Вот этой-то черты его характера и боялся больше всего.

— Жить и расти в его доме, должно быть, довольно любопытно.

— Это один из способов познать его характер, но я, конечно, применял и другие методы.

— А вы, что же, вдвоем не уживаетесь?

— Да не в этом дело. Все зависит от блажи отца в тот или иной момент. Ну и, конечно, от его настроения, а у него семь пятниц на неделе, разве не так?

На этот раз Марион рассмеялась от души.

— Ты мне нравишься такой: сильный, уверенный в себе и отчасти бесцеремонный, — заметила она.

— Тогда, может, самое время перестать пудрить мне мозги?

Долгое время она сидела молча, наконец выдавила:

— Мне не нравится так вести себя, но...

— Что „но“?

— Самое ужасное в том, что я не уверена, смогу ли вести себя по-другому.

— Обещаю оказать тебе помощь.

Она положила руку на его ладонь.

— Я знаю, Хэм, но мне нравится быть порочной. Доверять мне нельзя.

— А я и не говорил, что буду доверять.

— Да, не говорил. — Глазами она так и сверлила его. — Что бы ни случилось, обещай, что такую ошибку не сделаешь.

Хэм лишь рассмеялся, как смеется малый ребенок, напугавшийся темноты, а потом понявший, что ничего страшного в ней нет.

— Много ошибок я не делаю, — похвалился он. — А дважды одну и ту же ошибку вообще не совершаю.

— Помнится, твой папаша не раз говорил об этом.

Просмотрев меню, Хэм настоятельно порекомендовал свиные отбивные с подливкой, бабамию с зеленым горошком и свиным салом и пюре из сладкого картофеля.

— Гарантирую хорошее качество пищи, — сказал он Марион.

За обедом они болтали о всякой всячине, но, когда все было съедено и принесли великолепный крепкий кофе, бисквитное ореховое пирожное с кремом и ванильное мороженое, он спокойно взглянул на нее и сказал:

— Ну а что там насчет твоей договоренности с моим папашей?

— А, это-то? Ну ты знаешь, что твой отец прямо-таки какой-то сексуальный маньяк. Он, что называется, помешался на сексе.

— Он уже стар и чертовски переживает, что уже не такой, каким был в молодости.

— Но он все равно милашка, когда позволяет себе дать почувствовать и эту сторону своего „я“, что, должна признаться, случается не часто.

— Да, по характеру отец скрытный.

— Когда мы впервые встретились, он тут же загорелся мыслью разложить меня на матрасе.

— Ну и как ты отнеслась к его ухаживаниям?

Она насупилась и сказала:

— По правде говоря, и мне захотелось побаловаться с ним. Ну а почему бы и нет? Прежде мне не доводилось трахаться со старикашками его возраста. Мне казалось, что попробовать стоит. Но я также понимала, что если пересплю с ним сразу же, то он меня быстро бросит. Не думаю, чтобы мне этого хотелось.

Хэм внимательно следил за ее лицом, наконец спросил:

— Не намереваешься ли ты убедить меня, что тебе удалось поводить отца за нос?

Отпив глоток кофе, она сказала:

— Конечно, нет. Не думаю, что такое возможно. Но ему нравится, когда женщины выкобениваются, вот я и строила из себя недотрогу. Игра увлекала его.

— А что потом?

— Ну а потом на первый план как-то выдвинулись деловые отношения и мы прекратили любовные игры.

— А-а...

— Что ты хочешь сказать этим „а-а“?

Хэм подцепил ложкой последний кусок пирожного, добавил сверху ванильного мороженого и отправил все это в рот.

— Знаешь ли, наиболее распространенное ошибочное мнение, которое люди выносят относительно моего отца, заключается в том, что он, как полагают, непозволительно быстро загорается какой-то идеей. — Хэм вновь запустил ложку в мороженое и облизал ее досуха. — Но ничто так не далеко от истины, как подобное мнение. Не думаю, чтобы у отца были слабые места. Это довольно резко выделяет его из общей массы. Отец терпеть не может тех людей, которые, как он говорит, словно бараны принимают его слова за чистую монету. И секс-то он использует в качестве приманки, когда ему бывает что-нибудь нужно. Как это делают многие соблазнительницы.

Он чувствовал, что слова его не нравятся Марион, но виду не подавал.

— Ты что, имеешь в виду, что он от меня хотел чего-то с самого начала? — поинтересовалась она.

Хэм согласно кивнул головой.

— А для чего же еще он нашел тебя чрезвычайно привлекательной? У меня на этот счет сомнений нет никаких. Стены его кабинета увешаны чучелами голов диких зверей в память о сафари — это занятие он тоже находит довольно привлекательным. Понимаешь, о чем я говорю?

— Трофеи...

— Вот-вот! Слово довольно точное.

Марион допила кофе, и официантка вновь наполнила чашку до краев. Хэм поблагодарил женщину, назвав ее по имени.

— Поначалу Торнберг проявлял интерес к торговле оружием нашей фирмой, — начала рассказывать Марион. — Да это и естественно, почему бы не интересоваться? На таком бизнесе можно сделать очень большие деньги, но только если ты достаточно продувная бестия и сумеешь заполучить свою долю и вовремя отвалить, прежде чем кто-то засадит тебе пулю в лоб, подложит пластиковую бомбу в арендованную автомашину и подсоединит ее запал к системе зажигания или же просто заложит тебя местным таможенникам.

Но все эти опасности Торнбергу не грозили — он просто предоставлял бы нашей фирме оборотный капитал и получал бы за это свою долю прибыли. К удовлетворению обеих сторон. На мало-помалу у меня сложилось впечатление, что торговля оружием сама по себе его мало интересует, что ему нужно нечто гораздо большее.

И вот однажды он пригласил меня на ленч и повез в свой загородный клуб, ну этот... ты знаешь...

— „Магнолиевая терраса“?

— Вот-вот, туда. Великолепное местечко. Оставляет массу впечатлений, теперь я понимаю, почему он возит туда нужных людей. Но ленч-то, в общем, был сугубо деловой. Он хотел знать, занимается ли компания „Экстант“ другими видами контрабанды, помимо оружия и военного снаряжения. Я ему рассказала, что изредка мы выполняем специальные просьбы некоторых наших наиболее надежных клиентов. „Ну а что, — спросил он, — к примеру, перевозили?“ „Женщин, — говорю, — медицинские препараты и оборудование, лошадей и прочее, прочее“. Тут я вижу, он начинает проявлять живейший интерес.

Марион подцпила чайной ложечкой кусочек орехового пирожного и, отправив его в рот, запила глотком кофе. Потом подвинула тарелочку Хэму и удивленно смотрела, как он сгреб все пирожные в кучу, смешал вместе с мороженым и стал уплетать мешанину столовой ложкой за обе щеки. Не вытерпев, она заметила:

— Думаю, Торнберг, глядя на тебя, когда ты ешь, завидует твоему аппетиту. Эта картина лишний раз напоминает ему о возрасте.

Хэм, оторопев, даже прекратил есть:

— Вот уж никогда не думал об этом.

По-прежнему не отводя от него взгляда, она продолжала:

— Теперь, полагаю, ты будешь остерегаться есть при отце.

Он ничего не ответил на ее предостережение, но жевать перестал.

— У тебя, я вижу, типичное сыновнее желание ублажать своего отца. И все же в отца тебе достался сам Торнберг Конрад III, а он очень редко бывает доволен тем, что делают простые смертные, а может, и вообще никогда не доволен.

— Как ты додумалась до этого?

Марион наклонилась вперед, поближе к нему, и пояснила:

— А вот так. До его мерок никто не может дотянуться, пытаться бесполезно. Нет, даже хуже, чем бесполезно, — просто глупо. Я хочу сказать, к чему посвящать всю свою жизнь достижению чего-то такого, чего, заведомо знаешь, никогда не сможешь достичь? К чему стараться стать его человеком, когда можешь стать самим собой?

— Откуда ты можешь знать все это? Он ведь не твой отец!

— И слава богу, что не мой.

Хэм резко отодвинул от себя тарелку с недоеденным пирожным.

— Забавно как-то: ты рассказываешь мне, как нужно устраивать мою же жизнь, — заметил он, но озадаченным при этом не выглядел.

— Ты не знаешь, как трудно было говорить тебе все это. Извини, пожалуйста. Я считала, что должна была...

— Все, что ты должна мне, — сказал Хэм сухо, тщательно подбирая слова, — это без утайки рассказать, что вы вместе с отцом замыслили.

Некоторое время они сидели молча. Из музыкального автомата послышался голос комика М.-С.Хаммера, в баре раздался взрыв смеха. Хэм не обращал на Марион никакого внимания, будто сидел в зале не с ней, а с группой неотесанных приятелей. Она нарочито покашляла, он очнулся и опять стал смотреть на нее.

— Торнберг хотел, — продолжала Марион, — чтобы „Экстант“ поставлял ему людей.

— Людей?

— Да. Безвозвратных людей.

Хэм нахмурился и переспросил:

— Что-то до меня не доходит.

— Мы привозили ему разных людей: арабов, цыган, бог

знает кого! Одиноких, бездомных, одним словом, людей, которых никто никогда не хватится.

Хэм некоторое время сидел и соображал, потом спросил:

— А для чего они ему нужны?

— Он никогда не говорил этого, а я не такая уж дура, чтобы расспрашивать.

— А где он собирался пускать потом этих людей в расход?

— У меня не было возможности узнать, где их приканчивали, — оправдывалась Марион, — но пунктом назначения он назвал какую-то клинику, что-то вроде „Грин бранчес“ около Арлингтона в штате Виргиния.

— Вы посылали меня разузнать, кто вас предал, — доложила Ивэн, — и я нашла предателя.

В комнате было тихо. Стоявшая в ней и пристально глядевшая на дремлющий зимний сад женщина с высоким крутым лбом даже не повернулась и не задала ни одного вопроса, которые другие непременно бы задали. Ивэн не сказала больше ничего. Она бы ничуть не удивилась, если бы узнала, что этой женщине уже известно имя предателя.

Наконец та отвлеклась от созерцания природы и обратила свой взор на Ивэн. Ее желтоватые глаза были золотистыми и дикими, как у тигра.

— Есть ли известия о твоём сыне?

— Да, Достопочтенная Мать, — ответила Ивэн. — Он сообщает, что благоденствует.

Достопочтенная Мать подошла к Ивэн и опустилась на колени напротив нее. Одета она была в золотистое кимоно с вышитыми на рукавах серебристыми цаплями и черными концентрическими кругами спереди — старинным символом общества Черного клинка.

— И он говорит, что скучает по дому?

— Нет, не говорят.

— Он сейчас далеко от дома, — напомнила Достопочтенная Мать, — и уже долго отсутствует.

Ее длинные блестящие волосы были зачесаны назад и уложены в плотный, тяжелый валик на затылке.

— Работа у него скоро заканчивается. И это хорошо, потому что в недалеком будущем он потребуется здесь. Я это чувствую.

— Нишицу, — начала было Ивэн.

— Забудь про Нишицу, — сказала Достопочтенная Мать. — Он выходит из игры. — Тут она довольно хмыкнула. — Меня забавляет, как он самонадеянно и искренне

верит, будто заправляет в „Тошин Куро Косай“. А почему бы ему не верить? Десятилетиями мы поддерживали эту иллюзию среди большинства членов, но наиболее посвященные — ты, твой сын и Минако — знают правду. — Он повернула и склонила голову, будто прислушиваясь к одной ей слышимым звукам. — Ну расскажи мне теперь о предателе.

— История довольно интересная, — начала рассказывать Ивэн. — Я распутала след, ведущий к Шото Вакарэ.

— След был хитро запутан.

— Да, Достопочтенная Мать.

— Но распутать его все-таки удалось.

— Да, я сумела это сделать.

— Сумела, — повторила Достопочтенная Мать. — Разумеется, сумела. — На минутку она прервалась и замерла, как оса на стекле окна. — И ты полагаешь, что Вакарэ предатель?

— Да, Вакарэ нас предает, — подтвердила Ивэн.

— Ты нашла в его квартире шифровальный факсимильный аппарат.

— Да, нашла.

Достопочтенная Мать кивнула головой, будучи удовлетворена скрупулезным расследованием, проведенным Ивэн, и спросила:

— А знаешь ли ты, что это еще не доказательство предательства Вакарэ?

— Конечно, знаю, — кивнула Ивэн. — Мы знаем, откуда он получает зашифрованные факсы. Мы следим за их поступлением.

Достопочтенная Мать снова удовлетворенно кивнула головой и задала другой вопрос:

— Ну и каким же образом он предает нас?

— Как и все мужчины, он жалуется на судьбу своей гейше — ее зовут Мита, — а та передает мне все, о чем он говорит. Она мне многим обязана: я спасла ее отца от мести гангстеров, которым он задолжал большие деньги. — Глаза у Ивэн при этом сверкнули. — Теперь уж недолго ждать, когда Вакарэ приведет сюда, в храм Запретных грез, Юджи Шияна для церемонии приема в члены нашего общества. Но это всего лишь тактическая уловка. Он сказал Юджи, что замыслил устранить нынешних руководителей общества Черного клинка. Вот ради этой цели он и привлек своего друга Юджи.

Ивэн знала все, что рассказывали про Достопочтенную Мать, в том числе и то, о чем никто не осмеливался говорить. Ивэн родилась и воспитывалась в храме Запретных

грез. Это был ее мир, а Достопочтенная Мать — единственная родительница, которую она помнит. Лицо Матери словно окаменело, и Ивэн вспомнила один из рассказов. Ходили слухи, будто она специально отрастила длинные волосы, чтобы душить ими в своей постели незадачливых любовников.

— Ты уверена, что это и есть предательство? — спросила Достопочтенная Мать. — Ведь Вакарэ мог применить эту уловку для того, чтобы ввести в заблуждение Юджи и вовлечь его в наши ряды.

— Я думала об этом, — ответила Ивэн. — Но Вакарэ по-прежнему говорит, что Юджи вступит в наши ряды, а сам в это время хранит Оракул в тайном от нас месте.

— Сомневаюсь, чтобы Юджи смог долго противостоять нашей... технике. В нашем распоряжении достаточно разных интересных новинок.

— И все же есть лучший путь, — настаивала Ивэн. — Минако никогда не говорила нам, где они прячут компьютер, но теперь я знаю где. Муж сестры Юджи, Хирото, любезно проводил меня в то место.

Достопочтенная Мать неодобрительно нахмурила брови:

— Не верю я, что там надежная охрана, если тебе удалось пройти туда вместе с ним. Если Юджи переговорит с ним...

— Это невозможно, — сказала Ивэн, доставая маленький бумажный пакетик, спрятанный под полой одежды. Достопочтенная Мать пристально посмотрела на него, и довольная улыбка промелькнула в уголках ее губ.

— Ты очень умно поступила, дорогуща, — похвалила она, прикрыв свои золотистые глаза и покачав головой, как бы в знак одобрения. Затем, резко протянув руку, цепко схватила пакетик и спрятала его под кимоно, пояснив, что он ей скоро понадобится.

Короткий зимний день заканчивался. Темнело. В тусклом свете волосы Достопочтенной Матери казались твердыми, словно черепаховая рукоять старинного меча. Открыв глаза, она изрекла:

— И на основе представленных тобою улик ты пришла к заключению, что Вакарэ — предатель.

Взволнованная Ивэн ответила:

— Не совсем так, Достопочтенная Мать. Из добытых мною улик и доказательств я сделала вывод, что кто-то еще использует Вакарэ в качестве источника информации. Нам известно, что он предал нас Конрадам, но этот его шаг доказывает лишь то, что главный предатель не он.

Достопочтенная Мать печально вздохнула и, оживившись, словно насекомое после зимней спячки, настоятельно потребовала:

— Ну-ка давай, выкладывай все.

— Я думаю, что Вы уже все знаете.

— Выкладывай! — не сдерживая себя, закричала Достопочтенная Мать с такой яростью, что даже Ивэн, прожившая рядом с ней всю свою жизнь и знающая ее характер лучше всех, кроме, разве что, Минако, вздрогнула и съежилась. Собравшись с духом, она кивнула головой и сказала:

— Оказывается, Вакарэ завербовала Минако Шиян. Она и есть главная предательница.

Вулф и Чика возвратились в катафалк, и Вулф тяжело опустился на сиденье, почти ничего не соображая.

— Что с тобой случилось? — спросила Чика. — Я вышла из ресторана, а ты куда-то исчез.

— Я увидел мотоцикл Сумы и решил вывести его из строя.

— Но ведь Сума наверняка поджидал тебя, используя мотоцикл как приманку.

С таким доводом трудно было не согласиться.

— Так ты убил его?

— Нет, — ответил Вулф. — Он почувствовал, что ты идешь, и исчез.

Вулфу что-то послышалось в ее голосе. Но что? Озабоченность тем, что Сума благополучно скрылся? Нет, он был слишком слаб, чтобы разбираться в тонкостях интуиции.

Заправившись горючим, они снова отправились в путь, держа курс на северо-восток, и через час остановились в десяти милях от Бостонского аэропорта, заехав в кустарник, растущий вдоль узенькой дороги. Чика предложила Вулфу немного поспать в гробу, но он уже достаточно налегая в этой тесной коробке, поэтому они легли в машине рядышком, обняв друг друга. Вулф прикрыл глаза, но уснуть не мог. Объятия лежащей возле него Чики ассоциировались у него с объятиями змеи. Поэтому он осторожно поднялся и сел, прислонившись к борту катафалка. Вулф пристально смотрел на спящую подругу. На ум опять пришло сравнение со змеей, так как в нем с новой силой вспыхнули подозрения.

Он энергично потряс головой, как бы пытаясь прогнать наваждение. Был ли это в самом деле Сума там, у рестораника, или же это Чика предстала перед ним в обличье

Сумы, чтобы убить его, не дав ему даже понять, кто убийца? Предположениям не было конца.

Вулф начал дрожать, как в лихорадке. Он почувствовал себя так, словно оказался в зеркальном зале, где один неверный шаг может привести к тому, что он наткнется на стену и вся шаткая конструкция обрушится на него. Никогда еще не пугался он так сильно, даже тогда, во время субботнего чрезвычайного патрулирования по улицам, когда оказался перед дулом пистолета. Зубы его стучали так громко, что ему пришлось с силой сжать челюсти, чтобы не разбудить Чики. Он боялся, что она может открыть глаза и увидеть его в таком жалком виде. Всерьез пришла на ум мысль убежать, хотя прежде ему не доводилось спасаться бегством. Но сейчас он прекрасно сознавал, что ситуация совершенно иная: он находился в самом центре неистового урагана. Что предпочесть? Глупо кого-то спрашивать, ибо он знал наверняка, что выбор может быть только один: идти вперед, только вперед — в неизвестное ему будущее.

Вытерев дрожащей рукой холодный пот со лба, он, не считаясь с голосом разума, принялся потихоньку открывать боковую дверь и уже было распахнул ее, но в следующий момент прикрыл глаза и, все еще видя перед собой образ Чики, провалился в сон, зыбкий и тревожный.

На рассвете Вулф разбудил ее, они наскоро перекусили пирожками с шоколадной начинкой, запивая их молоком, — все это Чика купила по пути в универсаме — и поехали в аэропорт.

Оставив катафалк на стоянке аэропорта для длительной парковки машин, они добрались до аэровокзала на рейсовом автобусе. Часы показывали половину седьмого утра, но солнце уже припекало.

В семь сорок они взлетели на самолете, направляющемся в аэропорт О'Хара в Чикаго. Спустя полтора часа после приземления они уже сидели в пассажирском салоне „Боинга-747“, ожидающего своей очереди на выруливание на взлетную полосу. Вулф долго ломал голову, пытаясь догадаться, как это Сума ухитрился выследить их на дорогах Массачусетса и где он может быть в данное время.

Вулфа никак не отпускала нервная дрожь: все вспоминались зеленые искры в глазах Сумы, вспыхнувший пламенем Бобби Коннор, горящая Кэти, распластанный на кухонном столе комиссар Джонсон. Вспоминалась Аманда, мертвая, лежащая в луже собственной крови.

Припомнилась могучая таинственная сила, сбросив-

шая его с крыши, ожившие виниловые трубы на грузовом складе, монстр в реке.

Сума...

Вулф отстегнул пристяжные ремни, поднялся и внимательно оглядел всех пассажиров: Сумы не видно. Удовлетворенный, он сел обратно на свое место, закрыл глаза и снова начал вспоминать. Точнее, размышлять. Мысли блуждали рассеянно, как при медленном пробуждении. Он знал, что внутри него происходят какие-то процессы, но какие и к чему они приведут, понятия не имел. Он как бы начал парить, говоря словами Белого Лука, мысленно летать, мысль его вырвалась из телесной оболочки.

У него все еще сохранялось ощущение, будто он упускает что-то важное из виденного им и слышанного. Вулф дал возможность вырваться присутствующей в нем призрачной силе. Вот она взлетела, покружилась над ним и опустилась прямо на его плечи. Он даже почувствовал, как царапают ее когти.

„Катафалк“, — услышал он шепот.

Вулф открыл глаза, бессмысленно уставившись в пустоту.

Да, катафалк!

Вспомнилось, как он впервые увидел его, когда следил за Чикой. Она тогда юркнула в заднюю дверь и быстро умчалась куда-то. Возникал вопрос, на который надо было немедленно найти ответ: кто сидел за рулем катафалка?

Что касается Чики, то она здесь, рядом, а кто еще работает с ней и, что крайне важно, не наврала ли она ему? По ее поведению и из ее слов ясно одно: ей приказано привезти его в Токио.

Но ради чего?

Откроется ли перед ним новый мир, в который ввела его Чика, или же он будет действовать вслепую, руководствуясь ложными сведениями, которыми она с умыслом снабдила его? Что, если, к примеру, она и Сума работают тандемом и стремятся к единой цели? А что, если внутри „Тошин Куро Косай“ нет никакого раскола? Что, если она сама вербует его в члены этой организации? Если сотрудники секретной службы в Вашингтоне знают это, то они наверняка делают все возможное и невозможное, чтобы как можно скорее высвободить его из затягивающейся петли.

Он знал также, что энергия ясновидения, которую Белый Лук носил в себе, ставит гораздо больше вопросов, чем дает ответов, и представляет собой явление более сложное, чем это только можно представить себе.

Вулф прикрыл глаза. Тот, кто сказал, что неограниченная власть развращает, прекрасно знал, о чем говорит.

Минут через двадцать взлетная полоса освободилась, огромный лайнер развернулся, легкая дымка за стеклом иллюминатора превратилась в картину художника-импрессиониста, рамка которой слегка подрагивала, так как самолет пошел на взлет. Затем они увидели убегающую внизу взлетную полосу, двигатели взревели, и они стали медленно набирать высоту в густом влажном воздухе; самолет сделал вираж — город встал позади них на дыбы и быстро исчез из виду в сизоватой дымке.

Торнберг и Минако

Вьетнам—Камбоджа, 1971 год

— Боже мой, но у тебя же есть на это чутье, сынок, — сказал генерал Кросс. Его награждали так много раз, что от тяжести орденов, медалей и значков мундир на нем даже перекосялся. — Старая лиса вроде меня могла бы и подсказать.

Шла осень 1971 года. Генерал Кросс любил носить многочисленные награды даже во время жестоких боев и считал себя не вправе уклоняться от участия в них, так как полагал, что такое подчеркнутое уважение к заслуженным боевым наградам вдохновляет окружающих. И самое странное заключалось в том, что, в сущности, он был прав. Я наблюдал за Вулфом, сидящим на складном парусиновом стуле. Его внешний вид, спокойствие вызывали восхищение, даже зависть. Вокруг шла война — невообразимый хаос.

Мы сидели внутри штабного домика из гофрированного металла. От горячего вьетнамского солнца он раскалился так, что внутри было как в пекле. Я видел, как с Вулфа и с трех молчаливых адъютантов генерала градом катился пот, даже сам генерал изрядно вспотел. Потом я видел, как они загружали боеприпасы в бомбардировщик „Б-52“. Погрузили и напалмовые бомбы. „Эта война, наверное, никогда не кончится“, — подумал я тогда.

Меня никто не представлял, и я заметил, что Вулф проявляет подозрительность по отношению к моей личности и к моей должности. Мне это понравилось.

— У тебя блестящая репутация, сынок, — сказал Вулфу генерал Кросс, хотя не похоже было, чтобы он заглядывал в досье на Вулфа, которое раскрыл один из его адъютантов. — Шесть боевых наград! Твои боевые товарищи гордятся тобой, вся страна гордится тобой. Черт побери, да и я тоже горжусь.

— Благодарю, сэр, — с чувством долга ответил Вулф.

Генерал даже не обратил внимания на его слова и продолжал:

— Военные, сынок, награждают своих героев тем, что просят их превзойти самих себя. Само собой разумеется, что это естественно, потому что только герои могут превзойти самих себя.

Генерал прищурил глаза. У него было вытянутое и мрачное лицо с крупным горбатым носом, впалыми, продубленными на ветру и солнце щеками, перерезанными сетью глубоких складок и морщин, и высоким, как у мыслителя, лбом. Из-под форменной полевой фуражки видны были седые редкие волосы.

— Проклятое времечко, — продолжал он. — Знаю, что не должен говорить тебе этого. Чтобы устоять и выиграть войну, нам нужно применять любое оружие, которым только сможем овладеть, пользоваться даже самым незначительным преимуществом, какого сумеем добиться. — Глаза у генерала теперь сузились настолько, что стали похожи на светящиеся щелки. — Ты, конечно, понимаешь, что я говорю, сынок,

— Так точно, сэр, понимаю.

Генерал удовлетворенно кивнул головой.

— Мы хотим поручить тебе, сынок, выполнить одно особое задание. Такое щепетильное, что даже КВПВ принять решение не касаться его.

Он употребил аббревиатуру, принятую для Командования военной помощи США во Вьетнаме, а по сути, штаба американских войск, ведущих военные действия в этой стране. Кросс окинул взглядом всех, кто сидел позади Вулфа, и продолжал:

— Важность задания ты знаешь, сынок. Люди, которые присутствуют здесь, только они одни, знают, что будет проводиться такая скрытая операция в тылу врага. И только они одни понимают ее важность.

— Но поскольку я еще не осознал ее важности и поскольку высшее военное командование считает, что санкционировать ее — значит очень многим рисковать, то мне хотелось бы знать, имею ли я право выбора в этом щекотливом деле? — спросил Вулф.

— Да, конечно, у тебя есть выбор, — не выдержал я. Мэтисон нравился мне все больше и больше. Он быстро взглянул на меня, и я ощутил тяжесть его пристального взгляда. — Характер операции таков, что мы не можем задействовать большее число людей для ее выполнения.

— А вы кто такой? — спросил Вулф.

— Меня зовут Торнберг Конрад III. Считаю, что это особое задание придумал и разработал я.

— Да, это так, — подтвердил в заключительном слове

генерал Кросс. — Хочу напомнить тебе, сынок, что, задавая слишком много вопросов, ничего не добьешься. Полагаю, все согласны, что интересы безопасности действительно диктуют излагать детали операции лишь в том объеме, в котором они изложены здесь. — Он поднялся с места, поднялись и его адъютанты. — В таком случае я оставляю вас одних.

И с этими словами генерал вышел из раскаленного от солнца домика и увел за собой всех помощников.

— Итак, — сказал я, оставшись наедине с Вулфом, — должен ли я понимать это таким образом, что ты не очень-то настроен исполнять свои обязанности.

И Вулф увидел, что на него нацелен армейский офицерский кольт калибра 11,4 миллиметра.

Вьетнам. Самый разгар войны. Подобно кровожадному зверю, она захватывала своими челюстями молодых парней и выплевывала их мертвыми или искалеченными физически и духовно. В конце концов стало невыносимо терпеть существование этого жестокого и беспощадного зверя.

Спустя много лет, став уже ястребом, я попытаюсь проанализировать, насколько глубоко я презирал войну. Каждый день мне приходилось видеть, как тонет будущее моей страны на залитых водой рисовых полях Вьетнама. Война не может быть непостижимой. Подобные слова можно прочесть в любой сколько-нибудь стоящей книге по истории. И все же эту войну понять никак нельзя. Там творилась такая чертовщина, что, хотя многие и поддерживают ее, найти в ней какой-нибудь смысл очень трудно.

Почти то же самое происходило и в Камбодже. По правде говоря, в своей самонадеянности я и понятия не имел, что последует за моими скоропалительными выводами. При одной только мысли о том, что мои контакты помогут мне обвести генерала Кросса вокруг пальца, у меня в крови резко повышалось содержание адреналина. У Кросса не было выбора, и если бы был хоть какой-то смысл в моих действиях, то я почувствовал бы свою вину перед этим человеком. Вместо этого я втайне злорадствовал по поводу того, что сумел втереть генералу очки и попросить то, что мне нужно, причем получить все это без всяких распросов.

В конце концов я оказался прав. Кросс к этому делу не имел никакого отношения.

Итак, черная-пречерная азиатская ночь. Мы в составе семи человек сели в странный на вид самолет „Мохаук“ в

расположении 1-й воздушно-десантной дивизии в Анкхе. Вулф занял место пилота, и мы полетели на полевой аэродром. По прибытии моя команда выгрузилась из самолета. Помимо меня в нее входили Вулф, сержант Брик из войск специального назначения — своеобразный телохранитель, которого приставил ко мне генерал Кросс, мой медицинский техник Дункан с необходимым оборудованием и приборами для походной лаборатории и трое кхмеров, выросших в том самом районе Камбоджи, куда мне надо было попасть.

Пока мы перебирались через линию фронта и добирались до пункта назначения, в живых остались лишь Вулф и я, остальных подстрелили вьетконговцы. Но я успел все же найти то, что хотел.

На следующий день нашего перехода, ранним утром, когда кроваво-красное солнце только что взошло, мы отчетливо увидели во влажном воздухе высокий, ровный столб дыма, тянувшийся вверх, словно веревка из кувшина факира. Он находился на расстоянии не более полукилометра, на месте спаленной большой деревни. То тут, то там все еще вспыхивал огонь и сверкали белые горячие искры. При такой сырой погоде пожар сам по себе возникнуть не мог. Его источник был явно химического происхождения. Зловоние от обгоревших трупов забивало все другие запахи.

Дункан вытащил аппаратуру для измерения уровня радиации. Как и прежде, аппаратура не показывала радиоактивного заражения. Мертвые тела валялись повсюду: на порогах домов, на улицах, среди развалин и остатков сгоревших домов. Кое-где виднелось оружие. Я услышал, как Вулф спросил одного из кхмеров, кем являются сгоревшие — вьетконговцами или кхмерами. „Здесь и те и другие, — ответил кхмер, и лицо его исказилось от горя. — Вьетконговцы уничтожают пограничные деревни, так как считают, что они тем самым обезопасят себя от нападения со стороны кхмеров“.

„Слишком много вопросов, на которые нет ответов“, — подумал я тогда. Даже если это пожарище и результат бомбежки напалмом, все равно я не смог обнаружить признаков и учуять запах применения химических веществ. Ночью мы тоже не слышали ничего такого особенного. Разумеется, до этого отдаленного и труднодоступного поселения можно добраться на самолете, но тогда мы услышали бы гул авиационных моторов и разрывы бомб.

Молча, жестом я дал команду Дункану приготовить аппаратуру, которая находилась у него в рюкзаке, и он

достал ее. Работал он быстро, сноровисто, отбирая на анализ с трупов мужчин, женщин и детей всех возрастов, лежащих в разных местах деревни, кусочки кожи, мышцы, печени, легких, сердца, мозга, отдельные кости, позвонки. Все это он укладывал в отдельные склянки и футляры с толстыми стенками и запечатывал их, предварительно выкачивая воздух, чтобы создать вакуум. На каждую склянку и футляр он приклеивал бирку, а затем укладывал их с особой тщательностью в ранец под моим внимательным присмотром.

Вулф в это время патрулировал вместе с кхмерами вокруг деревни и, как я заметил, приглядывался к тому, что мы делаем. Вопросов он не задавал, сразу чувствовался настоящий солдат, но, судя по всему, в голове его откладывались факты и фактики, на основе которых, как я понял, он делал собственные выводы.

А вскоре вьетконговцы открыли шквальный огонь и убили Брика и Дункана. Что случилось с теми тремя кхмерами, мы так и не узнали. Убили их, взяли в плен или они просто удрали, бросив нас на произвол судьбы, — кто знает? Война есть война, на ней чаще всего не ведаешь, что происходит и что произойдет, и не обращаешь внимания на происшедшее. Либо миришься с этим совершенно ненормальным раскладом, либо сходишь с ума.

Обстрел был поистине ураганным. Меня в этом бою ранило в голову, и я на время ослеп, а Вулф, собрав все образцы в ранец, вытащил меня из-под обстрела и уволок подальше на территорию Камбоджи. Пока он нес меня, со мной происходили довольно странные явления. Я вдруг почувствовал себя в полной безопасности, ощущение было такое, будто, пока я нахожусь с ним, в нас не могут попасть ни пули, ни осколки мин. Мы оба словно находились в какой-то темной капсуле, надежно изолированной от бушующей вокруг войны.

А вот когда мы остановились передохнуть, Вулф, не смотря на предупреждение генерала Кросса не задавать вопросов, потребовал объяснения, что все это значит, и я сильно испугался. Эйфория моего всемогущества, которым я упивался, развеялась под воздействием суровой действительности. К тому моменту я понял, что больше не являюсь бессмертным и что отныне должен во всем полагаться на Вулфа, поэтому я рассказал ему все, что счел благоразумным. Кстати, он оказался гораздо смысленнее, чем я ожидал, и запоминал из рассказанного, к моему удивлению, лишь самое существенное: что я гражданское лицо, что моя миссия — это, строго говоря, не военная операция,

а научная экспедиция и что мы ищем источник неизвестной ранее формы радиационного облучения.

Я рассказал ему также, что мы пришли сюда для того, чтобы выяснить некоторые странности, о чем сообщалось в разведданных, поступивших от кхмеров. Во-первых, КВПВ не придавало им значения. А во-вторых, такие же данные стали неожиданно появляться в донесениях, поступавших от отряда „Б-50“ из пятой группы войск специального назначения, проводившей особые военные операции на границе между Вьетнамом и Камбоджей. Наконец донесения эти попали в руки генерала Кросса, командующего шестой группой войск специального назначения, или отрядом „Омега“, как любили называть между собой эту группу служившие в ней солдаты и офицеры.

Вулф сумел сразу же „переварить“ всю эту информацию.

— Минуточку, — сказал он, — ведь никакой шестой группы в войсках спецназа нет.

— Верно подмечено, — ответил я.

— Ну а о чем же мы тогда треплемся здесь? — спросил он.

— Все мы находимся на службе правительства Соединенных Штатов, не так ли? С этим следует считаться, — подчеркнул я.

Я заметил, как он воспринял известие о том, что мы выполняем шпионскую миссию и что он, следовательно, тоже шпион. Но по заданию какой организации мы работаем? ЦРУ или, может, ее предшественника — закаленного в битвах Управления стратегических служб? По слухам обывателей, оно вовсе не исчезло, а ушло в глубокое подполье и до сих пор благополучно существует под вывеской какого-то государственного учреждения, каких великое множество в Вашингтоне.

Мне хотелось показать, что я доверяю ему, хотя он и не является сотрудником секретной службы. Мне хотелось также, чтобы он понял, что задавать слишком много вопросов не в его интересах. Но, как я уже неоднократно говорил, по характеру он был человеком упрямым, как тот чертов бульдог: уж если вцепится в какой-нибудь неясный факт, то будет трепать его до тех пор, пока совсем не растреплет.

В ответ на мою реплику он лишь спросил:

— А те донесения, которые попали в руки генералу Кроссу, они что, тоже касались радиационного облучения?

Я объяснил, что имеется много таких объектов, как та деревня. Поначалу создается впечатление, будто их со-

жгли напалмом, но они сгорели не от напалма — во всяком случае, не от нашей настильной бомбежки. Все такие населенные пункты были захвачены отрядами Вьетконга. Командование южновьетнамскими правительственными войсками не лезет в наши дела в Камбодже, а местные мятежные этнические группы не имеют ни сил, ни вооружений, чтобы производить разрушения такого масштаба. Так что же нам остается делать? Ответ прост: нужно все разузнать и выяснить.

— Поэтому-то вы заявились сюда с аппаратурой для замера уровня радиации? — спросил Вулф.

— Верно, для этого. Во время разведывательных операций была отмечена неизвестная форма радиационного излучения. Это тоже озадачило нас. Ничего не оставалось, как сформировать поисковый отряд, чтобы обнаружить источник радиации, — пояснил я.

— Этого недостаточно, — ответил он.

У меня сложилось впечатление, что он тогда очень обиделся на меня за то, что я многое ему не досказываю.

— Мне нужен более полный ответ, — сказал он. — Почему бы, например, КВПВ не направлять свои разведотряды для проверки этих донесений на местах? Почему эту задачу возложили на гражданских и на местных партизан?

— Такое решение приняло военное командование, — ответил я.

— Ты просто мешок дерьма. Это же твоя главная задача с самого первого дня. Не знаю, кто ты на самом деле, но скажу тебе одно: в этом разведывательном поиске у тебя есть свой интерес.

Я услышал, как он ходит кругом, и снова неясно ощутил, что, покуда нахожусь вместе с ним, вреда мне не будет.

— Ну ладно, — продолжал он, — я могу принять за правду эту трепотню, потому как все шпионы только тем и занимаются, чтобы распространять ее повсюду. Но объясни, почему выбрали и включили в твою команду именно меня, заслуженного летчика, но никак не секретного агента.

— Не секретного агента, — заметил я с многозначительным видом. — Довольно уместное замечание. В эту разведывательную операцию я не хотел брать никого из пресловутых летчиков-разведчиков Кросса. Мне и так навязали Брика, хоть я и знал, кому он служит. Он намеревался доложить генералу все, чем мы занимались. Я хотел отобрать кого-нибудь с чужинкой. В твоём личном деле,

которое генерал не потрудился зачитать, ты обрисован как герой. Что же, это немаловажно для выполнения моей задачи. Но я не удовлетворился личным делом и стал расспрашивать людей. Мне сказали, что ты ловкий, находчивый, волк-одиночка по натуре, а мне как раз такой и нужен.

Так уж получилось, что я теперь не вижу смысла возвращаться назад к Кроссу. Я прикинул, что могу рассчитывать на тебя и что ты заменишь Брика, — сказал я.

— Ну что ж, нам определенно не следует больше беспокоиться на этот счет, — ответил Вулф.

Я оценил его юмор.

— Но я намерен идти дальше, — продолжал я.

Кто-нибудь другой ответил бы: „Ты совсем спятил, не можем мы идти. Ты же слепой“, а Вулф сказал только:

— Теперь я понимаю важность задачи, поставленной перед тобой. Но я еще не усек, как ты собираешься покончить со всем этим.

— Не понял, что ты имеешь в виду?

Вулф рассмеялся и заметил:

— Брось прикидываться. Мы уже решили, что наша операция никакая не шпионская миссия. Ты находишься здесь по своим личным делам и, как и я, тоже волк-одиночка. Поэтому-то ты так и был озабочен тем, чтобы о твоей миссии знали поменьше.

По всему было видно, что он понял мою затею, и я еще больше стал ценить его за сметливость, но сказать ему ничего не сказал, а просто спросил:

— В какой стороне восток?

— Не могу определить: слишком густой туман. А почему бы нам не воспользоваться счетчиком Гейгера? — предложил Вулф. — Может, он нам подскажет, в какую сторону идти.

Предложение было толковым, я услышал, что он роется в рюкзаке Дункана, набитом научными приборами и инструментами.

Послышался какой-то посторонний звук, приглушенный густым туманом. Инстинктивно я поднял револьвер, но Вулф положил руку на ствол и отвел его в сторону.

— Пальбой сейчас ничего хорошего не добьешься, — тихо шепнул он.

— А ты откуда знаешь? — спросил я.

И тут из тумана возникла фигура, которую Вулф определил как воина женского пола. И вовсе не по тому, что она была вооружена и несла под мышкой шлем, а по тому, что шла она и вела себя как-то по-женски и сразу было видно,

что это женщина-солдат. Он шепнул также, что ее сопровождают двое мужчин с автоматами Калашникова „АК-47“, висящими на ремне через плечо.

Он добавил, что эта женщина, судя по всему, азиатского происхождения. Но его смутило, что кожа у нее оказалась не красноватой, как у полинезийцев или у ехмеров. Сказал также, что она не вьетнамка и не тайландка. И наконец он определил, что она японка. При этом добавил, что довольно красивая, что лицо у нее нежное и изящное и никак не сочетается с оружием в ее руках. Она не молода и в то же время не стара, какого-то неопределенного возраста. Ее появление довольно непонятно здесь, в этой местности, хоть и лежащей в стороне от военных действий, но все равно подверженной сильнейшему риску.

— Господа, — сказала она на чистом английском языке, — вы заявились сюда отнюдь не случайно. Я вовсе и не надеялась, что... наши эксперименты останутся незамеченными. В конце концов, разведка неизбежна в любой войне.

— Так это вы проводите здесь эксперименты? — не удержался я, поворачиваясь лицом на звук ее голоса. — Кто вы такая?

— Не пройдет ли вы в этом направлении?

У меня душа в пятки ушла, но Вулф взял меня за руку, и странное спокойствие овладело мной. Когда я проходил мимо нее, она ухватила за висевший на моем плече рюкзак и сказала:

— Я облегчу вашу ношу.

Я попытался было увернуться, но что-то словно сковало мои мускулы, и я лишь почувствовал ее руки, отрывающие от лямок рюкзака мои скрюченные, непослушные пальцы.

— Не противься ей, — услышал я спокойный голос Вулфа. — Она уже знает, что в рюкзаке.

Я отстегнул застежки лямок и потряс головой, будто собака, вернувшаяся с улицы, где идет дождь.

— Ну уж поскольку я знаю, как вас зовут, мистер Торнберг Конрад III, — обратилась женщина ко мне, — то и вы должны знать мое имя. Меня зовут Минако Шиян...

Быть слепым — значит быть беспомощным, инвалидом, но в данном случае мне, должно быть, повезло, что я впервые встретил Минако, когда не имел возможности разглядеть ее. Каким-то образом я мысленно видел ее облик, будто от нее исходила особая аура и нормальным зрением ее нельзя было разглядеть.

Если бы у меня в момент встречи прорезалось зрение, то, думается, все предстало бы в ином свете и пошло бы по-другому. Конечно же, я подстрелил бы ее, а ее телохранители наверняка убили бы меня и Вулфа. Но так как я ничего не видел и в полной темноте лишь „узрел“ ее мысленно, то получил ключ к разгадке, что она может из себя представлять.

Она выплыла откуда-то из темноты, и я сразу смог почувствовать ее плоть, ощутить губы, представить ее крепкие мускулы под бархатной кожей.

Она была женщина-воин, и уже от одной этой мысли мне становилось приятно. Я не мог сказать, какой армией она командовала, но держалась она, несомненно, по-генеральски — от нее так и веяло неведомым мне ранее могучим возбуждающим сладострастием.

— Вижу, вы пострадали, — сказала Минако и повела меня, как мне показалось, в какую-то палатку.

— Моя слепота — явление временное, а может, и постоянное. Сейчас у меня нет возможности узнать это точно, — заметил я.

Я почувствовал, что подошел к краю вроде какой-то койки, сел на нее и тут же ощутил, как она мягким прикосновением настоятельно заставила меня прилечь.

— Ну-ка, дайте мне взглянуть.

— Вы думаете, это поможет?

Я вздрогнул от первого ее прикосновения к ране, причинившего мне боль. А потом долгое время ничего не чувствовалось, настолько долго, что мне показалось, будто боль прошла совсем, хотя я не был вполне в этом уверен. Ведь когда постоянно живешь с болью, то свыкаешься и не замечаешь ее. После этого я почувствовал какой-то обволакивающий жар, и в то же время мне показалось, будто койка подо мной исчезла, а я плаваю в море тепла.

Я открыл глаза, но ничего не увидел: обзор загораживала ее ладонь. Она убрала руку, и я прищурился от тусклого света. Оказывается, я и в самом деле лежал внутри палатки и, как и прикидывал, она стояла среди руин разбомбленной деревни, около полуразрушенной оштукатуренной стены дома.

— Ну вот, зрение и вернулось к вам, — сказала Минако.

— Да, — подтвердил я.

Теперь я мог видеть собственными глазами, что ее красота вполне соответствовала силе ее ауры. Я ощутил, как утешенно забилося сердце. Я даже задрожал весь. Но от нее веяло чем-то мистическим, как будто под ее черными брюками из грубой ткани и высокими военными ботинками скрывались хвост и копыта. Я попытался сесть.

— Полежите пока спокойно, — мягко сказала она, положив ладонь мне на грудь, так что я ощутил ее тепло. — Вы еще не совсем здоровы.

— Но я не чувствую боли. Что вы сделали со мной?

Она лишь улыбнулась, и я смутно ощутил неудобство от того, что был таким беззащитным. Меня остро пронзила мысль, что ей ничего не стоит в любой момент вонзить мне нож в сердце. Боль и впрямь ушла, но меня охватила какая-то вялость, которой я прежде никогда не испытывал. А от слабости до беспомощности один шаг.

— Боль не ушла, она пока внутри вас, — объяснила Минако. — Но сейчас ваш организм преодолевает ее другим, более эффективным путем.

Я облизнул пересохшие губы:

— Не потому ли я чувствую себя очень слабым?

— Да, потому.

— Не нравится мне это все.

Она лишь рассмеялась:

— А вы предпочли бы опять стать слепым?

Я ответил не сразу, а немного подумал, чем несколько удивил ее. Наконец я сказал:

— Кое-что в слепоте мне понравилось.

— Что конкретно?

Она не ответила на некоторые из моих вопросов, поэтому почему бы не отплатить ей той же монетой?

— Кто вы такая? — спросил я. — Что вы здесь делаете?

Лицо Минако приняло нарочито равнодушный вид. Она даже не взглянула на меня. Мне показалось, что я смотрю на нее глазами художника, а на ее лице не отражаются ни мысли, ни чувства.

— У вашего приятеля острый глаз, — сказала она в ответ. — Он уже определил, что я не вьетнамка и не кхмерка. А также не китайка, не тайландка и не бирманка.

— Тогда остается лишь японка, — заметил я. — Но я сказал бы, что это невозможно. На вьетнамском театре военных действий японцев нет.

— В таком случае вы меня не видите и я не существую.

Я было приподнялся, опершись на локоть, но голова закружилась, и я вынужден был лечь обратно. Сделав несколько глубоких вдохов, я сказал:

— Вы ведь что-то упоминали про эксперименты.

— Так вот зачем вы сюда заявились: узнать, что мы тут делаем, верно ведь?

— Я пришел сюда, чтобы уточнить некоторые развед-

данные, полученные от южновьетнамского командования и от руководства наших вооруженных сил.

— Но это не совсем так, не правда ли, мистер Конрад?

Разумеется. Но как, черт возьми, она проникла про это? Может, только догадывается? А если нет? Что тогда? От одной мысли об этом по моему телу пробежала дрожь, и я ответил:

— Насколько мне известно, так оно и есть, но не совсем.

Месяца полтора до нашего рейда генерал Кросс по собственной инициативе направил через границу штурмовой вертолет. Он приземлился около одной разрушенной деревни, и экипаж подобрал там среди многих жертв женский труп. Его упаковали в специальный мешок и привезли на базу. Затем этот груз переправили в Вашингтон, где он в конце концов попал в лабораторию доктора Ричарда Халбертона, одного из ведущих патологоанатомов, работающего на министерство обороны. Доктор Халбертон оказался братом моего адвоката Дугласа Халбертона. Мы с ним крепко сдружились. Естественно, что спустя много лет Ричард консультировал меня при найме персонала для работы в клинике „Грин бранчес“.

Но не в этом дело. Главное в том, что именно Ричард Халбертон сообщил мне о странной, как он назвал, пациентке, будто это был живой человек.

В ту пору Халбертон и я вместе бились над разгадкой тайн жизни, смерти и долгожительства.

— Странно очень, — сказал Ричард, пригласив меня в свою лабораторию. — Эту мою „пациентку“ убили вовсе не в бою. Она сгорела, будто пораженная напалмом, а признаков присутствия напалма нет никаких.

Я очень заинтересовался этим открытием и спросил:

— Ну а тогда от чего же она погибла?

— Как ученый я должен сказать, что не знаю. Но по интуиции патологоанатома скажу, что она, по-видимому, умерла от чрезмерной дозы.

— От чрезмерной дозы наркотиков, которые сожгли ее плоть?

Ричард отрицательно покачал головой и пояснил:

— Да нет же, совсем не от этого. В результате проведенных анализов выяснилось, что ей ввели в организм чрезмерное количество ферментов. Вот что уж действительно странно, так это то, что, несмотря на присутствие этого вещества в той или иной естественной форме в любом человеке, моя „пациентка“ не смогла нормально усвоить и переварить все ферменты — возможно, из-за их немыслимого количества. Поэтому я нашел немало их в печени, селезенке, почках и прямой кишке.

Ричард остановился и, пронзив меня взглядом поверх своих маленьких очков, заметил далее:

— Мне кажется, что такой комплекс ферментов просто сожрал ее заживо.

— Вы все еще не выделили эти ферменты?

— О да, выделил, и довольно легко! — встрепнулся Ричард. — Я уже говорил, что приготовил к длительному хранению органы моей пациентки. Теперь встала проблема провести практические опыты и сделать анализ вещества. На это уйдет масса времени, даже, может, несколько лет, если только такое возможно, в чем я сильно сомневаюсь.

— Что вы имеете в виду?

— Дело в том, что ферменты недолговечны и, взятые с живой ткани, сразу же начинают распадаться. Образно говоря, они полуживые. — Ричард повернулся кругом и подошел к столу с крышкой, обитой цинковыми листами, на котором стояли три проволочные клетки, а в них сидели подопытные крысы.

— Посмотрите-ка, — позывал он. — Я дал малюсенькую порцию ферментов вон той паре крыс. Во время проведения предыдущего опыта мы пересадили им ткань злокачественной опухоли. По-моему, на них пересадка никак не сказалась, — и доктор в недоумении пожал плечами.

Некоторое время я внимательно приглядывался к крысам, а потом заметил:

— И мне кажется, что они на больных не похожи.

— Вот-вот, как раз в точку, — ответил Ричард и загадочно усмехнулся. — Они вполне здоровы.

Я переводил глаза с него на крыс и обратно и, не выдержав, спросил:

— Ради бога, что это за фермент?

— Пока я знаю не больше вашего, — сказал Ричард Халбертон, засунув руки в карманы лабораторного халата. — Это вещество, как я полагаю, должно быть, содержалось в Святом Граале. Может, это кровь Христа-Спасителя? — добавил он шутливо.

...Минако присела и, повернувшись ко мне спиной, принялась кипятить воду на портативной керосиновой плитке. В кипяток она бросила горсть ароматного черного чая. Я с жадностью разглядывал очертания ее шеи в том месте, где она была видна из-под густых черных волос. Я смог даже подсчитать небольшие выступы шейных позвонков, и каждый казался мне неким эротическим сигнальным знаком.

— Это китайский чай, называется он „черный порошок“, — объяснила она. — Очень крепкий и полезный.

Она помогла мне потихоньку сесть, потому что у меня все еще кружилась голова, и она заметила это по моему лицу, на котором ясно читалось, что с головой надо обращаться с особой предосторожностью. Я оперся спиной об оштукатуренную стену и сидел, чувствуя головокружение не только от раны, но и от запаха Минако.

В воздухе носилась пыль, проникая даже в глотку при каждом вдохе. Я был признателен за чай. От его острого кисловатого привкуса у меня даже зубы закрипели, но все равно я был ей очень благодарен.

— А куда подевался Мэтисон? — поинтересовался я.

— Он в порядке, — ответила Минако, будто разделяя мою озабоченность, хотя я и знал твердо, что вопрос поставился задать без всякой тревоги в голосе. На секунду другую она прикрыла глаза и вновь открыла их. — По сути дела, в настоящий момент он сейчас спит без задних ног.

— Хочу верить вам, — вежливо ответил я, — но боюсь, что такую возможность вы мне пока не предоставили.

— Ну почему же, здесь вы появились слепым, — возразила она, — а теперь...

— Это на что вы намекаете?

— Вернее сказать, на что мы оба намекаем? — спросила Минако. — Вы же объявились здесь не в качестве военнослужащего США. Если бы ваши военные по-настоящему заинтересовались этим делом, они прислали бы сюда целый вооруженный отряд. Да по правде говоря, мы и ожидали такого подарка. Но вы и мистер Мэтисон оказались людьми иного сорта.

— Почему это вы так считаете?

Минако только хмыкнула, будто раздражаясь от моей недогадливости.

— Вы ведь сугубо гражданское лицо, и здесь вы с заданием чисто гражданского характера и с неофициальным гражданским статусом. Кроме того, эта территория далеко не безопасная, и я не могу себе представить, как это ваши военные позволили вам проникнуть сюда.

— Полагаю, что им глубоко наплевать, жив я или убит.

Минако вскинула голову и сказала в ответ:

— Даже если это и было бы правдой, менее всего я ожидала бы, что они станут беспокоиться о своих людях, выделенных вам в помощь. Из них в живых пока остается лишь один.

Я пожал плечами и, сморщившись от нового приступа головокружения, заметил:

— Война — это риск, эти люди знали на что идут, когда согласились участвовать в рейде.

— Не знаю, не знаю! — запротестовала Минако и вздернула подбородок. — Но все это, разумеется, не имеет значения, не так ли, мистер Конрад? Мы же говорим вовсе не о войне. — Помедлив немного, она продолжала: — Крайне необходимо знать, понимает ли ваше правительство сложившуюся ситуацию, или оно думает... как и вы?

Я пристально заглянул в ее бездонные глаза. Первым моим инстинктивным побуждением было соврать, может, в целях самосохранения, но я заколебался. Совершенно открыто она сделала первый шаг к тому, что я называл бы одной из форм правды. Я понимал, что теперь следующий шаг к правде должен сделать я, и таким образом у нас завяжется диалог... Другого выбора я просто не видел. Альтернативой могло быть лишь продолжение словесной перепалки, которая, с одной стороны, становилась забавной, но с другой, я был уверен в этом, ничего мне не давала, а хуже всего, наверняка отрезала путь назад, через границу.

— Чтобы попасть сюда, мне пришлось воспользоваться своими связями на очень высоком уровне, — начал я объяснять. — Хотя военные круги, как я уже сказал, осведомлены относительно разрушений в этой части Камбоджи от неизвестного оружия, правда заключается в том, что они слишком заняты военными операциями во Вьетнаме и не имеют времени на расследование и изучение этих проблем, тем более что они непосредственно не угрожают жизни американских солдат. Мне кажется, что они даже втайне радуются, что я занялся этим делом.

Сказав это, я принялся за чай, изучая ее реакцию по выражению лица, а затем продолжал:

— Вам известно американское жаргонное словечко „*snafu*“? — А когда она отрицательно покачала головой, я пояснил: — Это военный сленг. Слово вошло в употребление во время второй мировой войны, но его можно с успехом применять к любой армии в любой войне. Оно означает: все в порядке, идем ко дну.

Минако рассмеялась и заметила:

— Английский язык более образный, чем японский. — Она взяла у меня пустую чашку. — Ну как вам понравился „черный порох“?

— Чувствую себя гораздо лучше, это уж точно.

Я наклонился вперед и прикоснулся к поврежденному месту на голове. Прощупывалась здоровенная шишка, но

крови не было. На том месте, где должна бы быть открытая рана, у меня появился шрам.

— Как это вы меня исцелили?

— Я же говорила как. Я просто выровняла кусочки поврежденных тканей и разместила их так, чтобы они побыстрее срослись.

— Для меня это звучит вроде как мумбо-джумбо.

— Извините, не поняла.

— Ну это бессмыслица, звучит красиво, а смысла не имеет. — Я оглянулся. — Нет ли здесь радиационного излучения?

— А почему вы спрашиваете?

— Потому что приборы у наших разведчиков показали в некоторых местах в этой местности следы радиационного излучения.

— Уверю, что здесь никакой радиации нет, — заметила Минако.

— Ну а теперь скажу вам, что мне понравилось в слепоте, — начал я, вдруг переменяя тему. Я всерьез думал, что мне на нее лучше не смотреть: один ее вид, казалось, прожигал мне глаза. — Дело в том, что, будучи слепым, я каким-то образом, каким — не знаю, „видел“ вас или, во всяком случае, какое-то ваше подобие. Мне хотелось бы знать, как это получалось. — Немного подумав, я спросил далее: — Хотел бы я знать также, как это вы узнали, что сопровождавшие меня лица убиты. Даже я не ведаю, куда подевались те трое кхмеров, которые находились в моей команде.

— Они мертвы, мистер Конрад, заверяю вас. Все члены вашей команды погибли, все, кроме вас и Мэтисона.

— Кто вы такая? — тихо произнес я. — Мне очень нужно знать!

Минако снова улыбнулась и сказала:

— Я солдат, мистер Конрад, такой же солдат, как и вы. И в то же время, как и вы, сугубо гражданское лицо, по крайней мере на правительственной службе не состою.

— Это мне почти ничего не говорит, — ответил я и еще плотнее прижался к стене. Я чувствовал ужасную слабость, но изо всех сил боролся с усталостью.

Не вставая с койки, Минако подвинулась ко мне поближе, от нее приятно пахло. Не может быть она солдатом, промелькнула у меня мысль, и я сказал:

— Это приятное благоухание...

— Какое благоухание, мистер Конрад? Я ничем никогда не душилась.

— Запах похож... — не докончив фразу, я закрыл глаза и сразу провалился в глубокий сон.

Проснулся я, когда кругом было уже темно. Тускло светила керосиновая лампа, слабо освещая палатку. В дальнем углу палатки, прямо на полу, свернувшись калачиком, спала Минако. Я долго присматривался к ней, спокойно изучая ее лицо. Ничто мне не мешало и не отвлекало, разве что биение собственного сердца. Впечатление было такое, будто я рассматривал нечто застывшее, помещенное в стеклянную банку на вечное хранение. Я знал наверняка, хоть это и кажется абсурдным, что если я выйду из палатки и взгляну на звездное небо, то увижу неподвижную луну и неподвижные звезды — будто все замерло до рассвета.

Годы прошли, а я так и не забыл той картины или того необычного ощущения, когда находился вне неумолимого течения времени. Да и впоследствии, собственно говоря, всю свою жизнь я снова и снова старался воссоздать для себя ту обстановку.

...Спустя какое-то время я опустил ноги с койки и поднялся. Из-за головокружения я несколько раз останавливался, прежде чем пересек палатку. Казалось, минула целая вечность, с тех пор как я встал. Каждый шаг давался мне с большим трудом. Но вот наконец я подошел к свернувшейся калачиком Минако и стал внимательно разглядывать каждую выпуклость и каждую впадинку ее ребер. Как хорошо стоять в такой позиции и сознавать, что при желании в любой момент можно воизить острый нож прямо ей в сердце! Но такого желания у меня не было. Наоборот, она представлялась мне драгоценностью, бесценной загадкой, несущей внутри себя тайну гораздо более сокровенную, чем можно было представить.

Казалось, будто она держит в своих руках жизнь и может каким-то образом управлять временем — а следовательно, и жизнью — с такой же легкостью, с какой скульптор месит глину. Меня вновь охватила дрожь, но я не понял отчего: то ли от желания овладеть ею, то ли потому, что захотелось разгадать тайну, содержащуюся в ней. В любом случае, какое это имело значение? Ведь оно всегда неразрывно связано с другим, так же как по китайским воззрениям женское начало „инь“ связано с мужским „ян“, как тьма связана со светом. Кровь бросилась мне в голову. Я думал теперь только о том, как бы овладеть ею, ибо, овладев, смогу и познать ее тайну.

Я наклонился над Минако — глаза ее открылись. Нет, это не глаза открылись, они по-прежнему оставались за-

крытыми; с чувством бескрайнего удивления я вдруг осознал, что открылось нечто непонятное, то, что прежде, я был уверен, находилось в покое. И оно, это непонятное, двигалось, сверкая и маня, неся в себе жизнь. Оно направило свою энергию в одну точку, будто пропустив ее через линзу. Происходило все это по воле Минако или независимо от нее? Я терялся в догадках, не находя ответа.

Теперь эта энергия как бы обволакивала меня. Она напоминала гравитационную силу и двигалась в разных направлениях — как по прямым линиям, так и по дугам и касательным. Я почувствовал, что в меня летит что-то вроде ружейной пули, но вот, вопреки всем законам физики, пуля вдруг замерла на полпути и зависла в воздухе.

Если бы я взялся подсчитать число ударов своего сердца в тот короткий период, то мне не хватило бы всей моей жизни. Я скользил, я летел в сжатых челюстях времени, чувствуя себя меньше самой крохотной песчинки, пронзая недра вечности. Я перестал дышать, и кровь, я был уверен, застыла в моих жилах. А может, я просто перестал ощущать себя, может, время прекратило свой бег?

Минако сама расстегнула на мне окровавленную и пропитанную потом одежду. Я огляделся вокруг. Все в палатке показалось мне таким же далеким, как и Вашингтон, все виделось словно сквозь туманную призму. Одежда Минако свободно просочилась сквозь мои пальцы, и я крепко обнял ее за голые плечи.

Кожа у нее оказалась чистой и гладкой, маленькие груди были тугие, как у восемнадцатилетней девушки. Линии ее тела были совершенны. Она перевернулась на живот и подалась назад. Изгибы ее позвоночника и мышцы на лопатках походили на дремлющую зыбь озера. Великолепная россыпь ее густых черных волос, подобно распластанным крыльям ворона, слегка трепетала поверх ее рук, видны были лишь ее пальцы, мастурбирующие между моих ног. В экстазе я захотел было закрыть глаза, но тогда не видел бы ее, изогнувшуюся и раскрывшуюся передо мной, а этого допустить я не мог. Ради еще большего наслаждения я раздвинул ее ягодичы и запустил руку несколько понижее, прямо в ее теплую и влажную женскую плоть. Она вздрогнула всем телом и подалась назад и немного вверх, навстречу мне. Не в силах больше сдерживать себя, я сладострастно застонал и плавно вошел в глубину.

В экстазе я входил все глубже и глубже, пока не почувствовал совсем рядом источник жизни.

А затем все кончилось — быстро, слишком быстро! —

и я, ослабленный и размягченный, медленно и плавно вышел из нее.

...Сразу же после этого Торнберг захотел взять меня за руку, но, как мне показалось, не в порыве своей страсти, хотя, вне всякого сомнения, он был охвачен этим чувством, а просто потому, что не смог получить сполна того, чего так сильно желал от полового сношения со мной. Теперь он ощущал непреодолимое желание добиться этого другим путем.

Разумеется, он получил чрезмерное наслаждение, как, впрочем, и все другие мужчины, с которыми мне доводилось быть близкой. Они просто не могли противостоять моим желаниям, а я не могла никак удовлетвориться, может, из-за своей дьявольской ненасытности. Оно, может, и смешно, если бы не было так грустно, что я, которой самой судьбой предназначено выносить в чреве небывалого ранее ребенка, не могла получить от акта, ведущего к продолжению рода, ни малейшего удовольствия. Мне тогда было уже шестьдесят лет, по нормальному исчислению возраста, а у меня все еще продолжались менструации и я по-прежнему могла родить ребенка, будто мне только что исполнилось двенадцать.

Он, разумеется, интуитивно познал мою натуру, разгадал секрет, за который готов был заплатить жизнью. Но только после полового сношения, когда он, подобно ужу, выскальзывал из меня, я поняла, какую ошибку совершила. С самого начала я считала, что именно он обладает некоей силой и потому нашел меня здесь, в этой глуши, что он разгадал мою естественную природу и как раз от него-то я должна вобрать в себя семя жизни.

Я все проделала как надо и вступила в половую связь с врагом, потому что это было предначертано мне судьбой. Но я жестоко ошиблась. Целиком и полностью я положила на „макура на хирума“, забыв о предупреждении родной бабушки. Ведь Кабуто говорила мне тогда, на кладбище, что в жизни будут встречаться темные провалы, ложные явления будущего, которые никак нельзя предусмотреть, и вот один из таких моментов наступил.

Слишком поздно до меня дошло, что вовсе не семя Торнберга Конрада III оплодотворит мое чрево. В заблуждение меня ввела его слепота и профессиональная способность ощутить мою ауру (у его приятеля Вулфа Мэтисона ничего подобного я не почувствовала). По сути дела, я ничуть не сомневалась в этом, и, хотя такая способность показывала, что он наверняка обладает какой-то формой

ясновидения, тем не менее после нашего полового акта, когда душа должна была бы полностью раскрыться и стать уязвимой, все равно как перед смертью, я смогла прикинуть силу его психической энергии и обнаружила, что она находится в зачаточном состоянии и мне от нее проку мало.

И все же я забеременела от его семени. Ведь это случилось как раз в тот самый момент цикла, когда у меня созрели яйцеклетки и органы мои подготовились к оплодотворению. Я ничуть не сомневалась, что забеременею и буду вынашивать его ребенка.

И вот, когда он взял мою руку, пытаясь отыскать ключ к моей сокровенной загадке, к „макура на хирума“, мне страстно захотелось подняться и ногтями выпарапать ему глаза. Но ничего подобного я, конечно же, не сделала. Вместо этого я кротко улыбнулась ему, такому сильному, крупному мужчине, и поцеловала его ладонь.

— Я не враг тебе, — врала я. — Теперь ты видишь, что я не хочу причинить вред ни тебе, ни твоему другу?

— Но ведь ты не отдаешь назад мой рюкзак, — заметил он, — будто знаешь, что в нем лежит.

Кем бы он ни оказался, но дураком не был. По сути дела, он уже доказал, что является исключительно умным и находчивым человеком, чему, без всякого сомнения, обязан зачаточному состоянию „макура на хирума“, дремлющей внутри него.

— Да вовсе нетрудно догадаться, что ты принес в нем, — добродушно сказала я. — Эксперименты провожу я и никому не позволю совать свой нос в их результаты.

— А результаты, — подковырнул он, — таковы, что ты сжигаешь людей живьем.

Безусловно, он был прав, но говорить ему об этом не следовало.

— Минако, — продолжал Торнберг, — я пришел сюда, чтобы узнать, чем ты тут занимаешься. Кое-что мне удалось выяснить, но нужно знать все. А волноваться тебе не следует. Как тебе стало известно, официального расследования я не провожу, оно носит сугубо частный характер, и руковожу им я и только я.

Тогда я взглянула на него по-особенному и, чуть приоткрыв рот, произнесла:

— А это роли не играет. Я не могу позволить тебе вернуться с результатами анализов.

— Ну теперь-то, когда я встретил тебя, плевать мне на эти результаты, — сказал он, обнимая меня. — Все, чего мне хочется, так это стать частицей тебя, узнать твою

тайну. Ты что, думаешь, что я настолько глуп, чтобы рассказать тебе о своих открытиях?

Я почему-то решила, что он вот-вот бросит меня на пол и снова овладеет мною. „Мужчинами, — еще подумала я, — удивительно легко манипулировать. Стоит только положить руку им на пах — и пожалуйста, делай с ними что хочешь. Разве после этого удивительно, что я отношусь к ним с таким презрением?“

Мне думается, что только его жгучее желание вывести тайну моей внутренней энергии останавливало его от неоднократных поползновений изнасиловать меня. Я его к этому никак не подталкивала. Еще ни один мужчина не смог изнасиловать меня, если я его активно не побуждала к этому, и, думаю, не сможет и впредь.

— Чего я хочу, так только тебя, — промолвил он. — Я знаю, кто ты такая. Ты — эликсир жизни.

Я слегка улыбнулась ему одними губами и почувствовала, как он весь трепещет. Мне доставляет немало удовольствия заставлять сильного мужчину падать передо мной на колени, когда он даже не знает, что из этого выйдет. У мужчин нет верного понимания всего разнообразия психической энергии. Вместо этого их представления обо всех явлениях, происходящих в нашем мире, застывшие, двухмерные и совершенно неправильные.

Поцеловав его, я тем самым вытянула из него по меньшей мере хоть один из ответов. С поцелуя я начала крестовый поход против него. Перво-наперво я прикоснулась к его „макура на хирума“, пробудившей в нем интерес к возможности продления жизни, но вместе с тем она же и настроила его разузнать, чем мы тут занимаемся под прикрытием войны между Вьетнамом и Соединенными Штатами. Считаю, что он не имел ни малейшего понятия, что же тут в действительности происходило.

Однако все это было в прошлом, потому что наши эксперименты, к сожалению, ни к чему не привели. Мы и в самом деле применяли радиоактивные изотопы с быстрым периодом распада, для того чтобы искусственно индуцировать некоторые химические реагенты, которые, как считали, активизируют „макура на хирума“. Единственным результатом всех этих экспериментов была смерть, и, как Торнберг и его спутник самолично убедились, ужасная смерть. Когда я положила его голову себе на грудь, то еще подумала, что ситуация сложилась довольно забавная: он прибыл сюда разведать наши секреты в тот момент, когда мы убедились в провале своей затеи.

Угрожающими темпами уменьшилась численность яс-

новидцев. За несколько лет быстро сократился уровень рождаемости детей с признаками дара „макура на хирума“. Никто из нас не знал причину этого. Но тем не менее было ясно, что если нам не удастся преодолеть эту тенденцию, то в один печальный день психическая энергия человека исчезнет совсем, а наши далекие потомки будут жить среди других людей как равные, лучше сказать — как слепые, глухие и со свихнувшимися мозгами.

Вот ради предотвращения исчезновения ясновидцев и начались наши эксперименты, а принесли они лишь пожирающее пламя и смерть. Утешало лишь то, что в качестве подопытных „морских свинок“ мы использовали только северовьетнамцев: коммунистов, безбожников, варваров с промытыми мозгами, которые отвернулись от своих соплеменников и от буддийской религии. Их страдания и гибель совершенно не трогали нас.

Теперь единственным нерешенным вопросом остался вопрос о том, что делать с этими двумя американцами. Я бы с радостью убила Конрада, но он в один прекрасный день может стать отцом моего ребенка, и у меня поэтому не было права на совершение такого злодеяния.

„Макура на хирума“ открыла мне, что за человек он был, на какую подлость способен при определенных обстоятельствах. Я понимала, что совесть моя не успокоится, если я отпущу его просто так, не преподав ему хороший урок. Если обратиться к прошлому, то такое решение стало следствием того, о чем предостерегала меня бабушка Кабуто, — высшей степени самонадеянности, рожденной в перегретом котле „макура на хирума“.

Вот от этого и видятся ложные пути развития будущего, именно от этого с такой самоуверенностью и протаптывается тропа, отклоняющаяся без каких-либо четких сигналов от предопределенного самой судьбой курса.

Меня разбирал смех. Кое в чем далеко не мало важный дар „макура на хирума“ схож с католическим понятием греха: темная сторона могущества непрерывно соблазняет его обладателя, и чем человек могущественнее, тем сильнее соблазн. Ложный путь развития будущего сбивает с толку даже тех, кто полностью контролирует свою мыслительную энергию, и зачастую они принимают неверные решения. Так случилось с Кабуто, так происходило и со мной.

К чести Кабуто, следует отметить, что она пыталась предупредить меня, но ведь как часто благие предупреждения зароняются в глухие уши молодых людей, которые не могут учиться на ошибках, совершенных старшими.

У меня имелись свои скрытые причины взяться за проведение экспериментов в Камбодже. Хотя такая работа была далеко не безопасна — северовьетнамцы наверняка убили бы нас, попадись мы им в лапы, да и камбоджийцы тоже не преминули бы это сделать, если бы мы не запугали их до ужаса, — я рассматривала эту работу как неплохую возможность испытать себя.

Многие годы я применяла свой дар экстрасенса как своеобразный маяк в надежде завлечь мужчин, которые оставили бы свое семя в моем чреве, из которого родился бы ребенок, обладающий небывалым доселе даром „макура на хирума“. Теперь, проводя эксперименты, я убедилась, что мощь такого сигнального маяка можно увеличить в десять тысяч раз. И как раз здесь-то мое ясновидение указало мне неверный путь развития событий. И все это произошло из-за моего ошибочного возбуждения при появлении Торнберга Конрада III и последовавшего за ним горького разочарования. Я почувствовала себя обманутой, вступив в половую связь с существом, психическое развитие которого было крайне запущено и нуждалось в основательной чистке. Но все же одновременно я не могу отрицать, что ощутила при этом и волнение, которое обычно испытываешь, познав запретное удовольствие.

Прежде я уже говорила, что в своей душе во время полового акта я ничего не ощутила, не было никакого экстаза, который в таких случаях охватывает миллионы людей вот уже на протяжении веков. В течение долгих часов после сношения с Торнбергом я чувствовала внутреннюю опустошенность, или, лучше сказать, ощущала нечто вроде острой боли под ложечкой. Мало-помалу я, к своему ужасу, поняла, что такое переживание возникло в результате моего сношения с этим чужестранцем. Нечто подобное я, по сути дела, ощущала, когда он неистовствовал внутри меня, и вот теперь мне страстно захотелось вновь испытать то же самое. Обуздать свое желание я не сумела. Я опять увлекла его в постель и снова и снова вступала с ним в сношение, пока он не пресытился любовью и не выбился из сил. К своему стыду, я чувствовала, что мне хочется еще и еще. Раньше до этого дня я считала секс лишь необходимым средством для достижения своих целей, одним из видов оружия в моем внушительном арсенале. Теперь все изменилось.

Мне страстно хотелось, как иной раз хочется отведать наркотика, иметь этого человека — чужестранца, врага, наконец, который хотя и потерял разум от полового вожделения, тем не менее не замедлил бы вывернуть меня на-

знанку, если бы только твердо знал, что сумеет таким образом познать мою тайну, которую он загорелся вывести.

А теперь я вспыхнула от желания и чуть было не засмеялась радостно, лежа рядом с уснувшим Торнбергом во влажной темной палатке. В руке я держала его инструмент, которым он только что энергично пронзал меня, заставляя трепетать все мое тело. Ладонь моя стала мокрой от его спермы, и эта слизистая студенистая жидкость, дающая жизнь, заставляла мое сердце биться все быстрее и быстрее.

Сколько в жизни непознанных тайн!

Если бы мне только удалось что-нибудь распутать за те восемьдесят пять лет, что я живу на этом свете! Не раз бывало так, что, когда думаешь, что наконец-то расшифровал какую-нибудь загадку жизни, тут же вклинивается вдруг что-то или кто-то и переворачивает вверх ногами все твои тщательно продуманные построения.

Наконец наступил рассвет, а с ним обострился и характер моей дилеммы. Я понимала, что не могу позволить Торнбергу остаться со мной еще на одну ночь, и почти утвердилась в мысли, что его присутствие представляет для меня угрозу. Так как я не получала сексуального наслаждения в течение длительного времени, его неожиданное запоздалое появление оказывало на меня глубокое и сильное воздействие. Из-за длительного и сильного напряжения духовных и физических сил мысли у меня начали путаться, а пару раз я ловила себя на том, что совершенно не думаю о деле, а мечтаю лишь подольше оставаться с ним. Я даже замотала головой, как бешеная собака, стряхивающая пену с черных губ, и попыталась сделать глубокие вдохи, чтобы вновь обрести спокойствие и ясность мышления.

К тому моменту, когда он проснулся, я уже выбрала свой путь и знала, что это произойдет непременно, но волновать меня уже не будет. Конечно же, моя способность ясновидения предоставила мне возможность бегло взглянуть на опасности, которым он подвергнется из-за моего решения. Но мне уже до этого не было дела, и я считала, что, даже если мне покажут, чем чреват для его жизни предначертанный путь, все равно изменить его уже не могла. В предстоящих событиях я улавливала некий смысл оживших сил, схожести жизней в единстве времени и пространства.

Разумеется, я могла бы спокойно убить Торнберга и Вулфа: лишь одно мое слово — и мои подручные выстре-

лят им в затылок. Может, сейчас я и отдала бы такой приказ, но в ту пору я презирала подобное варварское поведение, полагаясь на „макура на хирума“ в большей мере, чем сейчас, в состоявшемся будущем, которое тогда ослепило всех нас. Вы должны понимать, что распоряжаться жизнью и смертью других людей — дело ужасно забавное, что бы там ни говорили. И я обнаружила, что больше всего ощущаешь волнение не тогда, когда применяешь свою власть над другими, а когда в твои руки попадает враг и ты осознаешь, что вольна поступать с ним как знаешь.

Итак, наступил тот особенно приятный момент, когда Торнберг открыл налитые кровью глаза и почувствовал мой ноготь на своей шее.

— А ведь я могла отдать команду застрелить тебя или, что еще лучше, сама сделать это за попытку украсть секреты наших экспериментов, — шепнула я ему на ухо.

Зачарованным взглядом я следила, как он быстро и инстинктивно потянулся за ножом, который я оставила на полу, как поднес его к моему мягкому оголенному горлу. Ну что же, вот наконец и пробудился в нем мужчина. Все они, эти мужланы, одинаковы, сущие скоты, и я всегда это знала. Им плевать на физические раны, которые они наносят друг другу.

Я не сделала ни малейшего движения, а лишь нажала большим и указательным пальцами на пучок нервов, расположенных прямо под правым ухом. От его лица сразу же отхлынула кровь, он побледнел, рот у него невольно перекосялся, как у старика в предсмертной агонии, жадно заглатывая воздух. Руки и ноги у него вдруг ослабели, потому что в мышцы перестал поступать кислород. Нож со стуком упал на пол.

Я снова приложила ноготь к его медленно пульсирующей сонной артерии.

— Стоит мне лишь вспороть тебе кожу, вскрыть артерию, и ты истечешь кровью, — шепнула я ему на ухо. — И я могу это сделать прямо сейчас, могу через пять минут, могу попозднее, как мне заблагорассудится, и ты ничем не сможешь помешать мне.

Ну что же, в ту пору я была моложе и отчасти истеричка, но он сам довел меня до такого состояния. В эту минуту я ненавидела его так, как никогда в своей прежней и будущей жизни. Во рту от сильного чувства стало так горько, что я еле выговаривала слова. И лишь гораздо позднее до меня дошло, что я и себя-то в это время ненавидела не меньше, чем его.

Итак, я почти утратила самоконтроль, что позволило восторжествовать моей природной самонадеянности. О, я бы с радостью убила его, но мне очень нравилось играть роль жестокой фурии, выступающей против своего же естественного желания (о Будда! Помоги мне обуздать свой характер!).

Вдобавок к этому, в сложившейся ситуации было что-то восхитительное. Если бы только он знал все тайны, ведомые мне!

Естественная ирония в такой ситуации нередко бывает слишком ценна, чтобы беззаботно пренебрегать ею. И я наслаждалась своей властью над ним еще больше, так как точно знала, что в нем вот-вот поднимется волна гнева. Я не ошибалась в отношении него в тот момент, как и не ошибалась никогда впоследствии. Вот только Вулф по-прежнему приводил меня в недоумение.

— Есть лишь один способ, посредством которого ты можешь спасти свою жизнь, — шепнула я ему, как если бы шептала слова любви, — ты должен убить своего спутника.

Он бросил на меня взгляд и не поверил, а несверие приглушило в нем надвигавшуюся волну гнева.

— Ты хочешь, чтобы я убил Вулфа? — спросил он в изумлении.

— Пристрели его, — кивнула я головой. — На глазах моих людей.

И Торнберг не разочаровал меня.

— Лучше убей меня сейчас же, — сказал он, скрипнув зубами. — Я не предатель своей страны.

Мысленно я рассмеялась тогда, ибо он ничего не сказал о предательстве по отношению к своему приятелю. Я была уверена, что, если дам ему пистолет и прикажу стрелять ради спасения собственной жизни в одного из моих сопровождающих, он с готовностью выстрелит. Но в жестокости я его не обвиняла, поскольку, узнавая все лучше и глубже его натуру, я все больше убеждалась в том, что он и сам себя не знал. Люди, подобные ему, никогда не могут познать свою сущность. А если случаем и познают, то толку от этого мало.

— Ну нет, — шепнула я. — Мы говорим не просто о твоей жизни, а о ее продлении. — Приложив губы к его губам, я почувствовала, как он дрожит. — Не этот ли секрет ты пришел сюда выведать? — Я немного отодвинулась, чтобы изучить выражение его лица. — Ты можешь заполучить его, только убив своего спутника. — Улыбнувшись, я продолжала. — В чем проблема? Жизнью больше,

жизнью меньше, что это значит для таких, чак ты? — Я видела, как он вытаращил глаза, и ощутила зловоние его страха. — Да, да, я знаю, тебе так хочется убить его:

— Но не настолько, чтобы продать свою душу.

Я лишь коротко засмеялась.

— Уже одним тем, что ты заявился сюда, — сказала я, — ты продал свою душу, хотя пока и не понял этого.

Я была уверена, что могу соблазнить его и принудить убить друга просто из-за искушения заполучить самое заветное. Я сделала свой ход, и он это знал. Но как-то незаметно он сбил меня с толку. Немного спустя по его состоянию, которое я так и не смогла четко определить, я поняла, что он не убьет Мэтисона, что обрадовало и одновременно расстроило меня. Ясновидение уже помогло мне проникнуть во внутренний мирок Торнберга и уяснить его аморальный характер, но теперь он поступал вопреки своей натуре. Мэтисон не представлял для меня никакого интереса — так, пустая темная дыра, откуда я не получала вообще никаких сигналов. Что такого увидел в нем Торнберг, чем прельстился? И лишь спустя много-много лет я нашла ответ на этот вопрос.

Торнберг следил за мной из-под полуприкрытых век. Лежал он на спине, притворившись, будто приходит в себя, но я-то знала, о чем он думает. А думал он о том, что если ему удастся разозлить меня как следует, то я поневоле ошибусь в чем-то и он сумеет воспользоваться ошибкой и взять надо мной верх. Эта мысль четко читалась на его лице, а он полагал, что ему понадобится всего мгновение, чтобы одолеть меня с новыми силами. Ну ничегошеньки не знал он о мощи „макура на хирума“! А в ней-то как раз и скрывалось мое подлинное превосходство над ним.

— Может, хочешь опять поспать? — спросила я с невинным, ничего не подозревающим видом.

Губы его скривились в самодовольной улыбке, которую я сочла нарочито деланной.

— Я бы сделал это, если бы хотел. Я же знаю, что ты вовсе не собираешься убить меня, это испортило бы тебе удовольствие. До тех пор пока я забавляю тебя, ты и пальцем меня не тронешь.

Тем не менее с помощью моей ясновидящей силы я смогла разглядеть, что его сердце опутано витками темных сил. И тогда я, хоть и держала себя все время в руках, вся сжалась.

Глаза его вдруг раскрылись, он приподнялся и резко сел. Он ждал моего ответного взгляда. Я поцеловала его, а потом обтерла пот с его верхней губы.

Несколько раз он открыл и закрыл рот, не решаясь вымолвить ни слова, а когда наконец решился, я поняла, как трудно ему было говорить.

— За это я убью тебя, — сказал он, и я поняла, что он имел в виду свое унижение. Меня лишь интересовало, не потому ли, что я, существо, по его мнению, стоящее ступенькой ниже, чем он сам, сумела нанести ему боль. Задышавшись и ловя ртом воздух, но все еще не прося пощады, он произнес:

— Я еще увижу тебя мертвой у моих ног, хоть через вечность.

„Нет, это вовсе не от переживаемой боли он говорит“, — подумала я. Этот человек выдержит и не такую боль, и физическую и моральную, но не поступится своими правилами. Для него находиться под каблуком женщины — значит унижить себя, и одна эта мысль вызвала у него ненависть, которая не утихнет до самой смерти. И все это короткое время я просто упивалась гнусностью его противоречивых мыслей.

Ну и как же я отреагировала на его угрозы? Я взяла над ним верх. Его ярость столь сблизилась с желанием снова овладеть мною, что мне захотелось, чтобы эти чувства пересеклись и выплеснулись из него. Ощувив накал моей страсти, он моментально раскрылся, да иначе и поступить — то не мог. А если бы не ответил на мой призыв, то я еще сильнее нажала бы на его нервное сплетение, и он стал бы импотентом и совсем беспомощным.

Он грубо овладел мною, вонзившись в меня без остатка. Я позволяла ему причинять мне боль, зная, что в лоне моем останутся осадины и ушибы, но зато завтра, подумала я, когда он уйдет, мне будет о чем вспомнить. К сладкой боли примешивалось еще какое-то чувство — непонятное и приятное. Должна заметить, что страдания только усиливали наслаждение. Не могу объяснить почему, но в моменты особо острой боли, возникающей от разрывов и повреждений, я дважды испытывала оргазм и теряла контроль над собой и над ним.

А он тем временем лежал, набычившись, на мне и продолжал вонзаться в меня свой член, твердый как камень; все его чувства, похоже, отключились, он своими действиями как бы показывал, что уж здесь-то, в этом-то деле, верховодит он.

Я была уверена тогда, что люблю его так, как никогда не любила ни одного мужчину. В тот момент мне ничего другого не хотелось, кроме как чтобы он перестал контролировать себя и снова и снова врезался в меня своим

естеством, доставляя мне ни с чем не сравнимое удовольствие.

В эти минуты я, по сути, была беззащитной, и он знал это, безошибочно угадывая все мои желания. А потом вдруг он оттолкнулся от меня и, мастурбируя рукой, с презрением выплеснул сперму на пол около моих ног.

Тяжело и страстно задышав, я широко распахнула глаза и уставилась на него. Какое-то время я просто не соображала, что он со мной сотворил, но тут же овладела собой и поняла через непроизвольно возникшее у него биополе, что он просто злорадствует. А затем я разглядела и торжествующую улыбку на его лице. Я знала, что если убью его на месте, так как горела этим желанием, то в результате он выйдет победителем в нашей мысленной дуэли, так как заставил меня применить дар „макура на хирума“ вопреки моему же желанию.

И все же я сгорала от нетерпения, от желания осуществить его волю. Мне страстно хотелось применить свой дар.

Но я лишь наклонилась, обхватила обеими руками его за шею и притянула его к себе. Он повиновался. Думаю, что в этот момент он осознал, какую победу одержал надо мной, и теперь упивался ею.

Глаза у меня сами собой закрылись, а мышцы живота содрогнулись, когда он языком коснулся моего влажного влагалища и проник вглубь. Я затряслась и затрепетала от наслаждения, дыхание мое стало походить на шипение змеи. Потом мои бедра часто-часто задвигались и я в экстазе издала долгий сладострастный вопль. Затем, резко поднявшись, я рухнула на него и с чувством проволоклась грудью по его спине.

Нас ничто не объединяло, только лишь этот всепоглощающий секс. Его хватало с избытком, и в то же время мы не насытились, причем чувствовали это оба. А что еще могли мы думать друг о друге?

Я знала, что он не замедлит выполнить свою угрозу, если я его отпущу. Но я должна была это сделать. Он будет считать, что ловко провел меня, притворившись, будто согласен убить Мэтисона в обмен на тайну продления жизни.

Вы ведь видите, что он не верил мне. Но я помогла бы ему вызвать его собственный дар „макура на хирума“ в тот момент, когда он будет стрелять в затылок Вулфу. Забавно было бы рассказать ему все это через много-много лет. Ведь он ничего бы и не помнил о том, как убил Мэтисона.

Но нет, этого не произойдет.

Наоборот, я верну Торнбергу заряженный револьвер, а сзади поставлю одного из своих телохранителей, который направит на него автомат. Торнберг не выстрелит в Вулфа. Он повернется и убьет телохранителя, а потом они с Вулфом убегут. Все это я прекрасно знала, мой дар ясно-видения позволил мне проследить наперед развитие событий. И я не вмешалась в их ход, так как хотела, чтобы именно так все и произошло. Я тогда не понимала, почему мне этого хотелось, может, всего лишь из-за крохотной картинки будущего, которую я намеревалась воплотить в жизнь.

Книга третья

Запретные грезы

*Каждый раз, когда нам кажется, что
наконец-то докопались до правды,
возникают новые факты и правда
превращается в вымысел.*

Кристофер Фрай

Глава пятнадцатая

Токио—Вашингтон

Уже далеко за полдень Шото Вакарэ привел Юджи в храм Запретных грез. Оба к тому времени были уже изрядно пьяны, а набрались они по той простой причине, что очень боялись. Выйдя из „БМВ“, они быстро прошли по тротуару. Снаружи храм казался довольно необычным сооружением, сочетая в себе признаки старой и новой Японии. По его фасаду из зернистого серого железобетона стояли массивные колонны из выструганных кедровых бревен, придавая стене в сырую погоду вид покрытой осклизлой плесенью старинной синтоистской пагоды. При этом создавалось впечатление, что само здание восстановлено из повывавших виды развалин древнего храма.

Внутри же оно было наполнено запахом благовоний и музыкой. На всем пути Юджи сопровождал мужской голос, певший под аккомпанемент электробаса о хризантемах и любви. В помещениях ощущался нежный и приятный аромат чего-то давно забытого и одурманивающего, словно опиум.

— У нас здесь назначена встреча с Наохару Нишицу, — сказал Вакарэ женщине-карлице, одетой в великолепно сшитый мужской костюм.

Она ничего не ответила, лишь поклонилась и повела их мимо кафе, по комнатам, каждая из которых была расписана и обставлена по-своему. Затем она провела их по длинному залу, и, пока они шли в противоположную его часть, музыка и пение прекратились. Они прошли мимо окна, из которого был виден крошечный садик, великолепный даже в это время года — самый конец зимы. Наконец карлица провела их по короткому коридору с шестью дверями и, показав на последнюю дверь, пригласила:

— Входите, пожалуйста.

Вакарэ обернулся к Юджи и слегка поклонился:

— Извини, но мне нужно по малой нужде.

Показав на отодвигающуюся в сторону ширму из рисовой бумаги, он предложил:

— Ты давай иди, не стоит заставлять Нишицу-сан ждать. А я мигом обернусь.

Юджи, немного поколебавшись, пошел один в конец коридора. Отодвинув ширму, он снял обувь и вошел в комнату. Карлица аккуратно закрыла за ним дверь, и Юджи услышал ее удаляющиеся шаги.

Комната благоухала от запаха мандаринов и роз. Стены ее были обиты расщепленными бамбуковыми дощечками и черно-серым материалом, на полу лежали циновки, на стенах висели горшочки с папоротником, розовыми и темно-красными орхидеями, вечнозелеными деревцами бонсай, повсюду играли солнечные пятна. Воздух в комнате был влажным, будто цветы только что полили. В углу стояли два металлических стула, жаровня-хибачи и тонкий матрас для спанья. На жаровне лежал свернутый в кольцо темно-красный шнур.

Вслед за ним вошла молодая изящная японка с длинными волосами, округлыми формами тела, нежными руками, прямыми плечами. Одета она была как танцовщица или гейша, причем опытная — это сразу бросалось в глаза.

— Меня зовут Ивэн, — представилась она.

Юджи назвал себя, хотя и так прекрасно понимал, что она знает его имя.

Больше Ивэн не сказала ни слова, а только блеснула глазами цвета молочного шоколада. Она носила короткую юбку из темного шелка и белую блузку из того же материала. Макияжа на лице не было. На одной ноге, на голой лодыжке, поблескивал золотой инкрустированный браслет.

— Ну и что вы думаете обо мне? — спросила она.

— Думаю, что еще рано что-либо говорить, — ответил Юджи.

— Разве? А я кое-что думаю о вас.

— Что вы имеете в виду?

Ивэн вздернула подбородок и задорно ответила:

— Думаю, что вы предпочтете: поразвлечься со мной или же посидеть с другом Вакарэ?

— Вопрос довольно бесцеремонный.

— Вакарэ хочет видиться с вами.

— Да, я знаю.

— Неужели знаете?

— Разве вас это удивляет?

Она продолжала пристально разглядывать его.

Юджи спросил:

— А где Нишицу-сан? Я пришел на встречу с ним.

— Вы пришли в храм Запретных грез, — заметила

Ивэн. — Кроме того, вы пьяны. Поэтому вам лучше побыть со мной, а не с Нишицу-сан, не так ли?

Она сбросила с себя блузку и придвинулась к нему, голая по пояс. Затем закинула ему за талию ноги, приподнялась и зашептала на ухо:

— Я люблю иметь мужчину, когда у меня руки связаны на затылке.

Юджи онемел от изумления. Вообще-то она права: он, конечно, пьян и не может говорить с Нишицу. Какой же он дурак, что согласился с безумным планом Вакарэ проникнуть в общество Черного клинка. Но ведь когда они говорили, им казалось, что это легко сделать, более того, даже забавно. А вот теперь реальность оказалась непосильной тяжестью, навалившейся на грудь. Он и впрямь испугался „Тошин Куро Косай“ и встречи с Нишицу. Вот он пришел в храм Запретных грез и ни минуты не сомневается в том, что ему вместе с Вакарэ никак не удастся устранить Нишицу и нынешнее руководство общества.

— Я люблю, когда ноги у меня немеют и я не могу даже пошевелить ступнями, а единственное, что могу, — поднимать и опускать грудь и ворочаться под тобой, — шептала Ивэн, извиваясь на нем.

Юджи не мог устоять перед ее соблазнами и поневоле стал возбуждаться. Может, из-за того, что он перебрал виски и пива, или же опять-таки из-за сильного страха перед Нишицу, но он перестал вдруг владеть собой и чувствовал себя как приговоренный к смерти перед казнью. Во всяком случае, член у него поднялся и затвердел, словно железный.

Почувствовав это, Ивэн принялась напевать ему в ухо, закрыв глаза:

— О-о, вот это я люблю больше всего. Слившись воедино, мы сможем лучше ощутить все тонкости, вспомнить все, что хотим. — Распахнув его рубашку, она принялась тереться сосками о его грудь. — Ты ведь пришел сюда и ради меня? — С этими словами она принялась слегка покусывать его острыми белыми зубками.

Может ли человек из-за сильного страха терять голову? Юджи не мог ответить на этот вопрос, единственное он знал наверняка: он хочет целиком раствориться в Ивэн. Сняв с нее шелковую юбку, он принялся обматывать все ее тело темно-красным шнуром, пока она не превратилась в подобие прекрасной скульптуры. Он натянул шнур потуже, руки ее невольно закинулись за спинку металлического стула, а ягодицы приподнялись над матрасом.

— О-о! — только и могла произнести Ивэн, не в силах

двигаться, лишь грудь ее судорожно поднималась и опускалась. Тело ее покрылось испариной, поблескивавшей в тех местах, куда попадал солнечный луч.

Юджи словно окаменел и не мог сделать ни шагу. Прогнувшись, он тесно прижался к ней, мышцы у него задрожали и содрогнулись. Он с наслаждением вдохнул ее запах, она благоухала, подобно большому трепещущему цветку, с которого он обрывал набухшие от влаги лепестки.

Легко и плавно вошел он в ее теплую плоть и почувствовал, как дрожат у нее бедра, увидел сокращающиеся мышцы живота. Волна восторга, который он редко испытывал, накрыла его с головы до ног, обдав жаром кожу и воспламенив разум. У него как бы открылось второе зрение. Он увидел самого себя в образе марионетки в клоунской маске с заушной физиономией, пляшущего под дергающимися веревочками. А дергал их сверху не кто иной, как Нишицу. Но как только он стал вглядываться попристальнее, веревочки перешли от Нишицу к кому-то еще, стоящему рядом в тени. Но к кому? Этого он не смог разобрать.

Юджи тяжело задышал, растянувшись поперек тела Ивэн и погрузившись в нее, а в следующий момент его подхватил стремительный пенящийся поток и он, не в силах сдержаться, вцепился зубами в ее плечо и ощутил на губах соленость пота и сладость ее крови.

Не менее острое наслаждение Юджи ощутил, когда принялась разматывать шнур и стал наблюдать, как постепенно обнажается белое тело Ивэн, вызывая в его воображении собственный образ в виде марионетки, но пляшущей на сей раз под рукой Минако — его матери, а не Нишицу.

Юджи пристально вглядывался в светло-шоколадные глаза Ивэн. Кровь в его жилах почти остановилась, тело покрылось гусиной кожей, и он весь задрожал.

— Что происходит? — шепнул он.

— Не бойся.

— А я и не боюсь. — Он говорил неправду и видел, что она знает это. — У меня такие тревожные видения.

— Это я показываю тебе мир в истинном свете.

Он даже невольно отпрянул. Хотя Ивэн и сидела почти неподвижно, ему показалось все же, что она вдруг выхватила кинжал и приставила к его горлу.

Ивэн ласково погладила его по щекам.

— Тебе хочется правды, — сказала она, — и я дала тебе возможность познать ее. Да, это твоя мать манипулирует твоей жизнью уже много лет.

— Твой облик чем-то напоминает облик Ханы, — произнес он скорее себе, чем ей. — Что касается видений, то мне пока нечем подтвердить их. Эти картинки внушила мне ты, и я совсем не уверен, что все так и есть на самом деле. — Он приподнялся и сел. — По сути дела, все было подстроено: Вакарэ напоил меня, приволок сюда и в последнюю минуту куда-то смылся. Ты же показываешь мне фальшивую картину бытия, частицу плана Нишицу привлечь меня на его сторону.

Ивэн лишь печально улыбнулась и ответила:

— Ты же сам видел, как разворачивались события, я показывала тебе совершенно точную картину. И что бы я сейчас ни сказала, мои слова тебя не убедят. Хочу попросить лишь об одном — чтобы ты не забывал то, что я показала тебе.

— Мне нужно идти, — сказал Юджи.

Из-за своего неосторожного и необдуманного поступка он чувствовал себя явно не в своей тарелке, но Ивэн не разделяла его страданий.

— Да ты такой же, как и все остальные, — грустно заметила она. — Теперь ты видишь, почему я одинока, почему я вынуждена скрываться здесь? Кому захочется общаться со мной, умеющей читать чужие мысли?

Услышав такое, Юджи даже перестал одеваться.

— Нет, ты ошибаешься, — сказал он. — Я знаю, что значит чувствовать себя одиноким. Моя единоутробная сестра Хана стала одинокой, как и ты, из-за своей способности ясновидения, она стала одинокой здесь, в храме Запретных грез. — Он взял ее за руку. — Я понимаю все, что происходит с тобой.

Ивэн опустила перед ним на колени, ее рука, невесомая будто перышко, покоилась в его руке. Наконец она промолвила:

— А теперь я должна обмыть тебя. У тебя ведь назначена встреча с Нишицу-сан, не так ли?

Она отодвинула в сторону ширму в противоположном углу комнаты. Там стояла роскошная ванна, выложенная гладкими камнями. Целых сорок минут Ивэн мыла и ополаскивала его. Когда Юджи закончил мытье и стал одеваться, она медленно обошла вокруг него, тщательно его осматривая и изучая, как это делает сержант, проверяя свой взвод перед зачетом по строевой подготовке. Затем, кивнув удовлетворенно головой, она повела его по коридору, освещаемому старинными медными лампами. Наконец они подошли к какой-то ширме, и она, отодвинув ее в сторону, сказала:

— А вот и Нишицу-сан.

Юджи сделал поклон.

В дальнем углу комнаты, застланной двенадцатью циновками-татами, сидел Наохару Нишицу, одетый в кимоно рыжевато-черного цвета. Стены в этой роскошной комнате были сделаны из бамбука и кедра и украшены висящими старинными кимоно феодалов-военачальников, которые вели непрерывные междоусобные войны до тех пор, пока их не победил великий Иэясу Токугава, первый сегун. С начала XVII века подобные вещи считаются национальным достоянием и должны храниться в музеях, открытых для всех. Но увы! Здесь они висят в отдаленной комнате, куда разрешен доступ лишь избранным. „Странно как-то, — подумал Юджи, — что Ивэн вела меня по коридору босиком“. Впрочем, все, что касалось храма Запретных грез, было необычным.

— А-а, вижу, вам знакомы эти кимоно! — заметил Нишицу. Он казался очень радостным и оживленным. — Все они принадлежат великим военачальникам той эпохи и висят здесь как напоминание о том, что власть и сила подобны песку: он сыплется сквозь пальцы, как плотно их ни сжимай. — Жестом он пригласил Юджи присесть на циновку напротив. — Смирение — оно как горький чай, а? Невкусно, зато полезно для здоровья.

— На этом пока все, Ивэн, — сказал он и кивком головы дал понять, что она может уйти. В комнате он был не один. Около дверей из рисовой бумаги, ведущих в крошечный садик, который Юджи заметил раньше, на коленях сидела в позе лотоса молодая красивая женщина, одетая в черно-белое шелковое кимоно. Садик казался Юджи самым совершенным, самым прекрасным садом на свете. А женщина, похоже, дремала.

— Извините меня за то, что заставил вас ждать, — начал беседу Нишицу, — но раньше никак не мог вы-браться.

— Может, я пришел несколько рановато? — спросил Юджи и огляделся вокруг. — А что, разве Вакарэ-сан не примет участия в нашей встрече?

Нишицу изобразил подобие улыбки, просто растянув уголки губ, так что Юджи не заметил даже зубов, и сказал:

— Увы, не примет.

— Ну ладно, неважно. До сих пор я здесь неплохо проводил время.

Нишицу даже наклонил голову.

— Вот как? — Глаза у него прищурились. — Что же вы поделывали?

— Простите меня, — ответил Юджи. — Я говорю об Ивэн.

Выражение лица Нишицу по-прежнему оставалось неопределенным.

— Ну и она вам понравилась?

Теперь настала очередь Юджи изобразить улыбку.

— Все казалось неизбежным, как и эта встреча.

Он заметил, что Нишицу не готов к такому повороту в разговоре, и оттого почувствовал себя увереннее. Он понял, что здесь особенно важно уметь отличать правду от вымысла. Является ли правдой то видение, которое „продемонстрировала“ ему Ивэн? И манипулировала ли мать им в самом деле, или же это был какой-то трюк, задуманный Нишицу, последняя отчаянная попытка добиться его расположения и перетянуть на свою сторону?

— Пожалуйста, объясните мне, уважаемый Шиян-сан, что вы имеете в виду, — попросил Нишицу.

— Вы хотите знать, что я думаю об Ивэн? Она необыкновенная женщина. Чем-то напоминает мою сестру Хану. Я имею в виду их дар ясновидения.

Нишицу согласно кивнул, и Юджи сказал далее:

— Ну а потом я провел некоторое время с ней, и, видимо, естественно, что вы позволили нам встретиться, чтобы — как бы сказать? — получше изучить друг друга. — Теперь и Юджи прищурил глаза: — Ей нет цены. Предоставив ее в мое распоряжение, вы, должно быть, хотели тем самым подчеркнуть, что и в самом деле очень нуждаетесь в моей помощи.

Нишицу, допив чай, принялся за подогретое сакэ.

— Вы откровенный собеседник, уважаемый Шиян-сан, и я восхищаюсь вами. В конце концов, отныне мы должны обсуждать „кокоро“ — самое основное из того, что нас интересует. Как вы верно сказали, суть всего сущего во все времена.

Нишицу сидел так тихо и неподвижно, что трудно было определить, дышит ли он; глядя на него, складывалось впечатление, будто весь этот храм целиком поконится на его плечах.

— То, что вам показала Ивэн, относится не только к прошлому. Здесь отражено и будущее. Ну а в конечном счете ведь ради этого вы и пришли сюда: узнать будущее.

Женщина с прекрасным лицом слегка пошевелилась, а так как она сидела на фоне садика, то Юджи показалось, что это ожил какой-то камень.

Нишицу окинул Юджи холодным взглядом своих опаловых глаз.

— Вам я известен как политический деятель, но, по правде говоря, у меня много ипостасей. — Он вынул руку из-под полы кимоно, посмотрел на нее и снова спрятал под полу. — Я ведь также и якудза-гангстер. — При этих словах он медленно и внимательно огляделся вокруг, будто попал в эту комнату впервые. Вот это здание сооружено „Тошин Куро Косай“.

— Обществом Черного клинка?

Нишицу склонил голову и произнес:

— Я представляю некоторые интересы „Тошин Куро Косай“. — Его опаловые глаза прожигали насквозь и цепко держали собеседника, словно крючок на рыболовном удище. — Ивэн открыла вам свою тщательно охраняемую тайну и тем самым поставила всех нас в некотором смысле перед угрозой. На свете немало таких, я в этом уверен, кто заплатил бы большие деньги, лишь бы узнать, что у нее в голове и как это она распознает будущее.

— Моя мать обладает тем же самым даром.

— Гм-м. Ну, может, и не тем же самым.

Смирно сидевшая у двери в сад женщина как-то странно повернула голову. Ее прекрасное лицо приняло сосредоточенное выражение, будто она прислушивалась к тому, о чем говорят находящиеся в отдалении мужчины.

— Что нужно от меня „Тошин Куро Косай“? — спросил наконец Юджи.

Нишицу опять улыбнулся, но на этот раз не тепло, а скорее даже зловеще.

— А то же самое, что и вашей матери нужно от вас. Тайну Оракула.

На некоторое время в комнате воцарилось молчание.

— Не понимаю, что вы имеете в виду.

Женщина с прекрасным лицом резко дернула головой, и свет блеснул на ее щеках. Нишицу ответил резко:

— Подождите, Шиян-сан! Разве мы не согласились говорить „докоро“? Нам известно, что это ваша мать надумала вас сконструировать Оракул. Разве я ошибаюсь? Разве не было других бесчисленных вариантов выбора, но вы все же предпочли ввести в программу гены живого человеческого организма.

Юджи согласно, но как-то неуверенно кивнул головой и подтвердил:

— Да, это моя мать предложила так поступить. Так получилось, что воспроизведение ДНК в Оракуле совпало с ее интересом к проблемам биогенетики.

— О да, да, конечно! Это же ее специальность, — заме-

тил Нишицу, подтверждая свои слова энергичным кивком головы. — А откуда возник этот интерес? Вы когда-нибудь задавались этим вопросом? Нет? По вашему выражению вижу, что никогда. — Нишицу выпростал из-под полы свои сильные руки с толстыми, как сардельки, пальцами и положил их на стол. — А возник он отсюда, уважаемый Шиян-сан.

— Отсюда? От вас? — смутился Юджи.

— Да, — подтвердил Нишицу. — Именно от нас. Из общества Черного клинка.

Снова воцарилось молчание.

— Не могу поверить, — наконец нарушил молчание Юджи.

— Разумеется, не можете, — подтвердил Нишицу. — Я и сам не поверил бы, окажись на вашем месте. — Он пожал плечами. — И тем не менее это правда. Еще несколько десятилетий назад мы поручили вашей матери заняться этим делом. Видите ли, однажды мы обнаружили, что медленно, но верно вымираем. По неизвестным нам и доселе причинам рождалось все меньше и меньше детей с задатками „макура на хирума“, то есть с даром ясновидения. А вот теперь мы дожили — их вообще не стало. Мы должны были найти путь к возрождению. Вот в чем и заключался „интерес“ вашей матери к проблемам биогенетики, который показался вам весьма странным. Поэтому-то мы и послали ее в Камбоджу еще двадцать лет тому назад. — Он протянул руки. — Не тратьте попусту слова, обвиняя меня во лжи. Лучше подумайте о том, что я поведал вам, а уже потом скажете, что это не совпадает с вашими воспоминаниями о прошлом.

Юджи выгадывал время, выбора у него не было.

Нишицу, наблюдая за лицом Юджи, понял, что того начинают обуревать сомнения, и искренне пожалел его.

— А если вы все еще сомневаетесь, подумайте о том, откуда нам известны самые сокровенные мысли насчет вашего наиболее тайного проекта. Нам даже известно, как зовут вашего первого подопытного. Его имя Лоуренс Моравиа. Это ведь ваша мать привела его на склад, где вы скрываете свой биокомпьютер. Может, назвать вам день и час, когда она привела его туда?

Юджи сунул руки под стол и крепко сжал кулаки.

— Как вы узнали об этом? — спросил он безжизненным голосом.

— А так, что я тоже принимал в этом участие, — ухмыльнулся Нишицу. — Ваша мать все время врала вам.

Юджи даже не шелохнулся. Он как будто застыл во

времени, завис меж миров, плыл в крошечной темноте без конца и края.

— Как я говорил, мы встретились здесь, чтобы обсудить проблемы будущего, — сказал Нишицу, напуская на себя деловой вид. — Не то, что произойдет завтра или на следующей неделе, а в отдаленном будущем. Теперь-то понимаете, уважаемый Шиян-сан?

В этот момент Юджи ненавидел жизнь, в которой ему готовили роль пляшущей марионетки. Он согласно кивнул.

Нишицу слегка повернул голову, будто прислушиваясь к чему-то, и Юджи опять вспомнил о прекрасной женщине, которая по-прежнему сидела с закрытыми глазами, сложив вместе ладони, как бы в размышлении.

— Теперь я обязан показать вам кое-что, — нарушил молчание Нишицу и вынул из нагрудного кармана продолговатый предмет длиной около трех дюймов.

Предмет был завернут в слой полупрозрачной рисовой бумаги с личной печатью Нишицу. Наохару Нишицу пододвинул предмет через стол к Юджи. Он выглядел таким красивым на черном лакированном столе. Но для Юджи его красота имела зловещий смысл, он казался шкурой диковинного зверя, блистая черно-белой поверхностью, словно платиновая пластина в струящемся водном потоке.

Пристально разглядывая предмет, Юджи ощутил, что голова его вот-вот расколется. Он чувствовал сейчас то же, что и ныряльщик, задержавшийся на большой глубине в поисках сокровищ и не соображающий теперь, где низ, а где верх.

Аккуратно разворачивая сверток, он смотрел на него с каким-то страхом, так же, как смотрят люди на искореженную автомашину, попавшую в катастрофу, или на убитых на улице людей.

Развернув бумагу, он непроизвольно вскрикнул, увидев отрубленный палец. На пальце было кольцо, которое он сразу же узнал: оно принадлежало Хирото — мужу его сестры.

— Увы, Хирото мертв, — произнес Нишицу. — Ваша мать узнала, что он выдал ее тайну — что она является членом „Тошин Куро Косай“. Он собирался рассказать об этом вам, и, чтобы предупредить этот шаг с его стороны, она убила его.

Юджи резко поднял голову.

— Моя мать никогда...

Нишицу издал хриплый гортанный звук и отодвинул ширму в сторону.

— Мама!

Сразу же за ширмой в другой комнате сидела на коленях Минако. Ее голова была опущена, плечи бессильно поникли.

— Прости меня, Юджи-сан, — вымолвила мать. — Я не хотела убивать Хирото, но он не оставил мне выбора. Он собирался рассказать тебе про меня все-все. — Голова ее качалась из стороны в сторону, как маятник, и Юджи ощутил прежнюю нестерпимую тревогу за нее. — Ты должен понять, что у меня не было выбора. Юджи-сан, теперь твоя судьба всецело в руках Нишицу. Послушай, что он скажет.

Показалась вытянутая рука, и ширма задвинулась, отделив мать от Юджи.

Он захотел встать, но Нишицу остановил его и сказал:

— Теперь она в наших руках. Мы будем защищать ее, как и поступали всегда. — Звук его голоса действовал успокаивающе. — Но вы, Юджи-сан, должны знать, что ваша мать сошла с ума. Временами такое случается, когда способность макура на хирума становится особенно сильной и разум не может выдержать ясновидения. — Нишицу подвинул через стол теплое сакэ для Юджи. Несколько капель упали на палец Хирото. — Мы можем помочь ей. Честно говоря, только мы и можем помочь. — Он показал на лежащий отрубленный палец: — Посмотрите, что она сделала. Здравомыслящий человек так не поступит. — Нишицу опять прищурил свои опаловые глаза и продолжал: — То будущее, которое показала вам Ивэн, поверхностно. Есть в нем кое-что неясное, в него вмешивается еще кто-то. Один очень умный человек манипулирует и вами и мною, он раздувает между нами вражду и подталкивает нас к войне, чего я несколько не хочу. Человек этот — американец, зовут его Торнберг Конрад III, он встречался с вашей матерью еще в Камбодже, и там они создали свой враждебный альянс, который теперь представляет угрозу всем нам.

Юджи прижал руку к левой части груди: сильная боль сдавила сердце словно стальным обручем.

— Могу только посочувствовать вам, Шиян-сан, потому что, как вы сейчас сами убедитесь, все мы находимся в своеобразном лабиринте, — сказал Нишицу. — Вам и мне вместе с вами надлежит найти выход из сложившейся ситуации, иначе этот американец сумеет уничтожить всех нас.

Джейсон Яшида спустился в гараж, устроенный в подвале офиса Хэма, и, взяв там машину, поехал в гостиницу

„Фор сизонс“ в Джорджтауне, где у него заранее была назначена встреча с представителем группы подрядчиков, выполняющих контрактные заказы для министерства обороны.

Там он оставил машину на попечение одного из работников гостиницы, заплатив ему щедрые чаевые за то, чтобы тот поставил машину в надежное и удобное место, а на самом деле надеясь, что таким образом этот человек лучше запомнит его. Потом он прошел через прохладный тихий холл, обставленный изящной мебелью, вышел на улицу и перекусил там в открытом кафетерии с нависающими над головой ветвями деревьев, в которых неумолчно чирикали воробьи. И там он тоже оставил приличные чаевые и несколько минут поболтал с официанткой, отпуская шуточки в адрес членов конгресса и лоббистов — их женской половины.

Спустя минут сорок он вернулся в гостиницу, миновал холл, поднялся наверх и по телефону-автомату заказал такси. Через десять минут такси подъехало к парадной двери магазина мужской одежды, находящегося в трех кварталах от гостиницы, и Яшида, уже стоявший там наготове, сел в него. Он уже успел незаметно выйти из гостиницы через служебный вход. Шофера он попросил высадить его на развороченной Седьмой улице в китайском квартале, там он вышел и, дождавшись, пока такси не скроется из виду, повернулся и направился на Эйч-стрит, узенькую улочку, сплошь заставленную с обеих сторон китайскими жаровнями, лотками и палатками, где прямо на улице готовили пищу.

Позади ресторана „Феникс Чайнатаун“ — этого популярного места встреч — его поджидала Марион Старр Сент-Джеймс. Пройдя по виниловой дорожке, настеленной прямо на тротуаре, он вошел в кабинку, где она сидела, уплетая поджаренные кусочки свинины. Она предложила ему присоединиться, но он вежливо отказался. В это время дня народу в ресторане почти не было, весь обслуживающий персонал сидел на другом его конце и завтракал. Никто не обратил на них никакого внимания.

— Ну как я его настропалила? — поинтересовалась она.

— Великолепно. Он теперь всю жизнь принимается к клинике „Грин бранчес“.

Марион мягко улыбнулась:

— Я же говорила тебе, дорогой, что обтяпаю все в лучшем виде.

— Да, должен признаться, что я все же немного сомневался. Трудновато было натравить его на отца: Хэм вбил

себе в башку, что он единственный послушный ребенок в семье.

— Ребячья любовь к отцу — штука довольно противная.

— Такая любовь настолько глубоко проникает в душу, что зачастую принимает уродливые формы, — заметил Яшида. — Я, к примеру, никогда не знал своего отца, зато люблю твоего.

— Даже больше, чем я? — рассмеялась Марион. — Он мог, когда хотел, становиться отъявленным негодяем и придумывал такие садистские штучки, до которых не додумался бы в своих книжках и сам маркиз де Сад.

— А может, благодаря этому он и сделал из тебя такую, какая ты есть.

— Мой папаша целиком и полностью согласился бы с тобой, не сомневаюсь в этом.

— Я бы не обвинял его, — защищал Яшида отца Марион. — У торговцев оружием масса времени, и они выдумывают всякие изощренные истязания от безделья во время тягучих ночных бдений, когда везут оружие в пункт назначения или на обратном пути.

Он смотрел, как она ловко орудовала китайскими палочками для еды, отправляя с их помощью в рот мелко нарубленные кусочки поджаренной свинины с белой фарфоровой тарелочки, и удивился, что она ест почти как природная китаянка или японка. Он также втайне восхищался ею за то, что у нее хватило духу и сметки превратить доставшуюся в наследство от отца крохотную и ненадежную подпольную фирмочку по торговле оружием в крупную многонациональную корпорацию.

— Думаешь, не знаю, почему ты любишь моего отца, дорогой? — заметила Марион. — Да потому, что он взялся за торговлю оружием вовсе не из-за денег. Он стал поставлять оружие своему ирландскому приятелю, брата которого забили насмерть английские солдаты в Белфасте, и делал свое дело просто из принципа. Он презирал также имперские замашки и был твердо уверен, что все экономические неурядицы, обрушившиеся на Великобританию, вызваны как раз приверженностью к такому мышлению. „Римляне не смогли воплотить в жизнь эту идею, — обычно говорил он, — а они, черт побери, были намного умнее нас. Помяни мои слова, дочка! Они относятся и к Восточному блоку — это же, по сути дела, тоже империя, хоть и не называется так, и она неминуемо рухнет и погребет под своими обломками и Россию“.

Марион покончила с мясным блюдом и, запив его черным китайским чаем, добавила:

— У папаши голова варила просто блестяще.

— И все же ты не можешь пересилить себя и перестать его ненавидеть, — обобщил Яшида. — Такое раздвоение мне очень нравится.

— Еще бы, дорогой мой! Ну а теперь скажи, что ты думаешь насчет отца и сына.

— Торнберг переорал Хэма, — начал Яшида. — Потому что знает, что по закону может размазать его по стенке, как клопа. Хэму он не верит ни на цент. — Яшида улыбнулся. — Он все еще считает себя неуязвимым. — Улыбка его расплылась до ушей. — До него все никак не дойдет, что если кто-то его и приложит, так это собственный сынок.

Марион улыбнулась тоже и заметила:

— Видишь ли, у тебя вообще все раздвигается. Вот как, по-твоему, что мне нравится больше всего в тебе? Да то, что ты любишь жизнь, но, конечно же, если есть возможность заработать пару лишних центов, то своего уж тут не упустишь. Не говорил ли ты мне, что деньги заставляют прошибать даже стены? Они заставляют тебя стремиться заполучить всякие ненужные безделушки, а вот на действительно нужные вещи иной раз и внимания не обращаешь. Деньги разрушают принципы. — Она отпила еще глоток чая. — Скажу тебе еще кое-что, дорогой, — все это отражается, как в капле воды, в Торнберге Конраде III. — Она слегка передернула плечами. — Но теперь ты уже не заставишь меня заползти в постель к этому чудовищу даже за генеральный контракт на поставки оружия для всей армии США. Ну а сын — он совсем иного склада.

— Да, согласен. Хэм не походит на своего отца в гораздо большей степени, чем он думает, — согласился Яшида. — Весь фокус заключается в том, чтобы поддерживать у него заблуждение, будто он и его старик слеплены из одного теста. А потом, когда придет время и он увидит, кем является его отец на самом деле, он просто обалдеет. Гнев его будет ужасен. Он врежется в отца, что твоя крылатая ракета! Я больше чем уверен, что Хэм втайне ненавидит его за то, что тот толкнул свою жену в объятия любовника и разлучил ее с сыном. А увидев собственными глазами перечень грехов Торнберга Конрада III, Хэм просто-напросто убьет его.

— Ну и что, тебя гложет эта мысль?

Яшида пристально посмотрел на нее, но ничего не ответил.

Марион отодвинула в сторону тарелку с таким видом, будто разом потеряла аппетит, и сказала:

— Все войны в сути своей безумны, мой дорогой, но есть такие, которые по своему безумству превосходят все остальные. Вот моя точка зрения. Она имеет принципиальное значение.

Вынув из сумочки пудреницу, она взглянула на себя в зеркальце, подкрасила губы и внезапно спросила:

— А скажи-ка мне, дорогой, как это ты умудрился позволить Одри Симмонс докопаться, что у меня с Торнбергом деловые отношения?

— Не только деловые, но и половые, — ответил Яшида и вывернул обшлага на рукавах своего костюма. — Смотри сюда: в рукавах я ничего не прячу. — Он жестоко ухмыльнулся. — Ловкость рук — отнюдь не привилегия одних фокусников. У меня есть доступ к компьютерам, которые могут из нескольких фотографий сделать одну, обобщенную, и с ее помощью можно убедить ничего не подозревающих людей, по сути дела, в чем угодно. — Он самодовольно хмыкнул. — Ну а что касается деловых отношений, то я взвалил всю грязную работу на Харриса Паттерсона. Он, как видишь, парень нечистоплотный и треплется при случае про дела своих клиентов налево и направо. Ведет он себя так, что если это все выплывает наружу, то его запросто выпрут из гильдии адвокатов. — В ее глазах он прочел восхищение его ловкостью. — Ну а таких болтушек, как эта Одри Симмонс, я как-нибудь и сам знаю. Как и большинство ей подобных, она обожает сплетничать. А уж к Хэму она просто прикипела. Больше чем уверен, что тогда в ресторане она следила за вами обоими. Она уже в душе своей настроилась поверить всему, что я покажу и расскажу ей. Это вроде как самовнушение, ей-богу.

Марион завернула тюбик губной помады и, зашелкнув пудреницу, сказала:

— Пожалуй, мне будет скучновато без Хэма. Он не похож на других. Государственная служба еще не испортила его вконец.

— Ну все это дело времени, — заметил Яшида, а сам думал о том, что она все еще чертовски хороша, просто потрясая бабенка.

— Мне нужно на секундочку в туалет, — извинилась Марион. — А ты тем временем... Почему бы тебе не расчитаться с официанткой?

С этими словами она, подхватив сумочку, направилась в конец ресторана.

Яшида подождал, пока она не скрылась за дверью дамского туалета, а затем, положив двадцатидолларовую банкноту на стол, вышел из кабинки и пошел в комнату

отдыха. Там он открыл дверь мужского туалета, убедился, что в нем никого нет, и прошел дальше. Кругом не было ни души, в самом конце узкого коридорчика, ведущего на кухню, он увидел дверь, выходящую в боковой переулок.

Надев на руки тонкие медицинские резиновые перчатки, посыпанные тальком, он вынул из кармана тонкий и длинный металлический штырь и вставил его в простенький замочек на двери дамского туалета, повертел туда-сюда и открыл дверь. Войдя в туалет, Яшида аккуратно прикрыл за собой дверь.

Торнберг хотел лично присутствовать при кремации Тиффани Конрад. Доктора отговаривали его, поскольку они битых шестнадцать часов резали и кромсали ее труп, чтобы получить побольше данных о том, где, в чем и как они ошибались. Но в конце концов Торнберг все же настоял на своем, да иначе и быть не могло: он платил врачам щедрые гонорары.

Торнберг согласился только на кремацию и напрочь отверг все другие виды погребения, ибо в таком случае от тела умершей супруги останется лишь горстка пепла, как и от прочих жертв неудачных экспериментов с применением инсулинообразного искусственного фермента „фактор-1“.

У него осталось много теплых воспоминаний о Тиффани, и, наблюдая в окошко из ритуального зала, как пламя пожирает ее тело, он мысленно перебирал эпизоды из их совместной жизни. В эти минуты он думал и о смерти, о которой теперь знал очень и очень многое. Теперь мысль о ней стала его постоянной спутницей, расставался он с ней только во время короткого зыбкого сна. Единственное, чего он боялся в жизни и в то же время ненавидел, была смерть.

Почувствовав, как открылась и закрылась дверь, он пошевелился. Вошел Хэм и встал рядом.

— Я торопился как только мог, — объяснил Хэм.

— Хорошо сделал.

Но голос Торнберга звучал безжизненно, и Хэм уловил это. Он прекрасно знал, сколько лет отцу, и тоже искал разгадку преодоления старости, что помогло бы осуществить план, как ликвидировать угрозу экономического порабощения Америки со стороны общества Черного клинка. По правде говоря, он понимал, что между ним и отцом растет пропасть, и впервые ощутил, как в нем закипает гнев, который он длительное время загонял вглубь, не давая ему вырваться на поверхность. Что бы Торнберг ни

делал впоследствии, Хэм никогда не мог ему простить того презрения, которое он когда-то питал к матери Хэма. Сначала бессердечность мужа толкнула ее на любовный роман, а потом он первый осудил ее за человечность и доброту. Разумеется, богам позволительны такие грешки, но Хэм слишком сильно уверился в том, что и его отец относится к сонму богов. Но несмотря на это, Торнберг все же не вечен, как любой простой смертный, а это значит, что в жизни он наделал немало ошибок, хотя никогда и не признается в этом. Достаточно того, что Хэм видел собственными глазами, — отчасти благодаря пронизательности Яшиды, в этом ему не откажешь. Если Торнбергу не хватает моральной честности, чтобы признать свои ошибки, что ж, тогда Хэм сделает это вместо него.

— Поскольку ты уж здесь, — сказал Торнберг, глядя в окошко на пожирающий останки Тиффани огонь, — то, может, подскажешь, как поспособствовать Мэтисону?

Ну вот, еще один момент истины. Некоторое время Хэм раздумывал над тем, не отказаться ли от своего решения высказать отцу всю правду, наврать ему с три короба, сказать, что все идет как нужно. Но тут таящаяся внутри злость опять закипела, и он решил выложить все как есть.

— Мэтисон выскользнул из петли, — стал докладывать Хэм. — Теперь он пристал к этой японке, Чике. Нам известно, что она состоит в обществе Черного клинка. В каком он положении сейчас, мы не знаем — захвачен ли в плен, завербован ли, кто его знает? К тому же еще он замешан в убийстве одного из своих подчиненных, а также подозревается в убийстве с особой жестокостью нью-йоркского комиссара полиции. Его пытались арестовать в Нью-Йорке, но он каким-то образом ускользнул отсюда.

Торнберг некоторое время молчал, и Хэм затаил дыхание. Наконец отец сказал:

— В известном смысле не имеет никакого значения тот факт, в каких дураках ты оказался. Мэтисон теперь находится как раз там, где мне нужно.

— Забудьте об этом Мэтисоне, — в раздражении выпалил Хэм. — Я же уже сказал, что он выскользнул из петли. Яшида и я...

— Знать не знаю, что там в действительности происходит, — резко перебил его отец.

Он понимал, что вышел за рамки, которыми сам себя ограничил, но решил, что теперь ему на них наплевать. Тиффани ушла из жизни, его единственное утешение, сын Хэмpton, перестает послушно вилить хвостиком и становится таким же, как и остальные его дети. Все они не

оправдали его надежд, никто из них не заслуживает быть его наследником.

— Я вертел тобою, как хотел, как вертел генералами из Пентагона, президентом, вообще всеми. — Глаза его блеснули, в них отразилось пламя современного погребального костра Тиффани. — Я более ловок и удачлив, чем вы все, вместе взятые. Ты мне не нужен, не нужен мне и твой макиавеллевский советчик. Единственный, кто мне нужен, это Мэтисон. Он теперь устремился в самое сердце общества Черного клинка. Он остановит их и доставит мне то, в чем я больше всего теперь нуждаюсь.

Хэм молча смотрел на отца и думал, что Яш прав на все сто процентов: Торнберг заикнулся. Все его думы и помыслы — только о Мэтисоне. Подрывная деятельность общества Черного клинка, направленная против США, больше его не трогает.

— Возьмите себя в руки, отец, — сердито сказал он. — Я охотно признаю вашу выдающуюся роль в организации борьбы с обществом Черного клинка, но вы должны понимать, что ваше время вышло. Теперь все ваши заботы замкнулись на Мэтисоне, в то время как Америку уже схватили за горло в экономическом смысле. Ваше поведение неразумно и ставит наши оперативные планы под угрозу риска. Этого я допустить не могу. Отправляйтесь-ка домой и оплакивайте там свою юную супругу, если таково ваше желание. Отныне я слагаю с вас ваши обязанности, а операцию до конца доведу я вместе с Яшем.

Пылкая речь сына показалась Торнбергу столь наивной, что он не смог удержаться от смеха.

— Боже мой, — наконец сумел он выговорить, — делай то, что тебе поручено, и ничего больше. Развитие событий уже вырвалось из-под твоего контроля.

Хэм свирепо смотрел на отца — издевательский смех старикана все еще звучал в его ушах. Но он не позволит Торнбергу поставить себя на колени. Он уже не раз видел, как отец осаживал многих такими тщательно подобранными словами.

— Оставьте в покое активные операции, — грубо ответил он. — Они вас больше не касаются. — И с этими словами Хэм величавой поступью вышел из ритуального зала. Торнберг смотрел ему вслед. По-своему он гордился Хэмом за то, что тот сумел постоять за себя и не дал унижить, чего так старательно он добивался. Но в то же время он и беспокоился, предполагая, что непонимание его сыном общей ситуации является результатом слишком строгой засекреченности многих фактов. Торнберг пони-

мал, что ему надо быстрее что-то делать с Хэмом и Яшидой, иначе их козни могут встать на пути его личных интересов и замыслов.

И все же он призадумался: Хэм во многом прав — он слишком увлекся Вулфом Мэтисоном, но ведь из совершенно разумных соображений, о которых Конраду-младшему никогда и не догадаться.

С самых ранних лет Торнберг привык преодолевать трудности, причем чем сложнее и маловероятнее казалось решение возникшей проблемы, тем с большей охотой и энергией принимался он за ее решение. Он получал истинное наслаждение от жизни, когда добивался своего, в то время как все кругом были уверены, что он непременно сломает на этом деле шею. „Нет ничего лучше на свете, чем увидеть расстроенное выражение лица поверженного соперника, — сказал ему как-то отец. — А упоение победой достигает своего накала, когда уйдешь живым и невредимым от, казалось бы, неминуемой смерти“.

Как рано Торнберг начал играть в прятки со смертью, этого он и сам сказать не мог. Из-за своего непомерного честолюбия ему довелось вращаться в самых разных слоях общества — как на самом верху, так и внизу, а также на всех промежуточных уровнях. В самом начале своей карьеры ему пришлось пообщаться с довольно влиятельными лицами, чьи извращенные понятия о жизни и смерти нормальные люди отвергали и даже поднимали на смех. Но в силу своего неумного характера Торнберг все же увлекся их воззрениями — и психологическими, и квазирелигиозными, однако в конце концов пришел к выводу, что все они отвратительно смердят и яйца выеденного не стоят.

Тем не менее жизнеспособной альтернативы найти он не мог до тех пор, пока не появились на свет новые направления в биохимической науке, которая в ту пору еще и названия-то своего не имела. А затем, уже во время войны во Вьетнаме, случайно промелькнуло одно малозначащее — по крайней мере, с военно-стратегической точки зрения — сообщение, которое надоумило его, как обмануть смерть, и показало, что добиться этого все же возможно.

Ему пришла в голову мысль, что с помощью этого сообщения он сумеет подобрать ключ к разгадке тайны хотя бы собственной жизни. Тем не менее, как ему стало известно, неустанные поиски коллективом сотрудников его клиники модификации инсулинообразного искусственного фермента „фактор-1“ к нужным результатам не приводили, и их нельзя было добиться до тех пор, пока не

будет открыт до сих пор неизвестный элемент, который необходимо добавить к этой модификации. А этот элемент его исследователи не могли не то что синтезировать в лабораторных условиях, а даже определить его свойства.

И вот теперь, глядя в крематории, как пламя пожирает то, что осталось от Тиффани Конрад, Торнберг думал о том, что единственный шанс обмануть смерть — это успешное завершение Вулфом Мэтисоном миссии, возложенной на него. Он считал теперь, что мудро и предусмотрительно поступил тогда, в Камбодже, два десятилетия назад, когда спас Вулфа. И все же жизнь, как убедился Торнберг, зачастую преподносит всякие неожиданные сюрпризы, никогда не знаешь, что пригодится в будущем. Как любят повторять японцы, жизнь — это карма.

Закрыв окошко в камеру, где догорала Тиффани, он подумал, а не наблюдал ли он сейчас за тем, как сгорает сам. Сколько ему еще отпущено прожить? Этого он не знал. Кому-то, разумеется, это известно — в этом он ничуть не сомневался, — но смерть все еще находится за пределами его видения. И вместо того чтобы попытаться определить время прихода смерти, он продолжал колоть себя различными медикаментами, которые поначалу омолодили Тиффани, а в конечном счете угробили ее.

Но в то же время, кто знает, может, без этих лекарств он уже давно бы умер? С некоторых пор он стал подозревать, что уже давно миновал предначертанный ему свыше роковой час. Всего, чего он желал в жизни, он добился. В известном смысле ему удалось обмануть смерть, но он понимал, что в лучшем случае такая уловка окажется пирровой победой, которая, как поучал его отец, вовсе и не является победой.

Он ясно понимал ту простую, но непреложную истину, что процесс приостановки старения — то, что в нас сейчас и происходит, — долго продолжаться не может и вскоре прекратится вообще. Весь его прошлый опыт неумолимо свидетельствует о том, что этот процесс сопровождается ужасными болями, облегчить которые можно лишь с помощью лошадиных доз морфия. От наркотиков же, разумеется, умирать не следовало бы, но он все же умрет именно от них, в этом нет сомнений, если Вулф Мэтисон не сумеет раздобыть ключ к решению загадки, на которую он случайно напоролся много-много лет назад в джунглях Камбоджи.

Марион все еще находилась в кабинке туалета, размышляя над тем, для чего это Джейсон Яшида так много

и подробно рассказывал ей о своих замыслах, как вдруг услышала, что наружная дверь в туалет открывается. Она хорошо помнила, что заперла ее, и тихонько притаилась, пристально глядя на дверь кабинки, будто стремясь разглядеть, что творится за нею. В то же время она лихорадочно рылась в сумочке, висящей сбоку, в поисках чего-нибудь такого, что могло бы послужить оружием. Господи! Да куда же девалась металлическая пилочка для ногтей? Она же вроде предусмотрительно запихнула ее в узенькое отделение, уходя из дому.

Наконец она нащупала пилку, но в это мгновение дверь кабинки распахнулась и на нее злобно уставилась физиономия Джейсона Яшиды. В изумлении она отшатнулась при виде ненависти, отчетливо читаемой на его искаженном лице. К ненависти примешивалась и безличная гримаса презрения. Марион моментально охватило чувство, будто она смотрит на зловонное дно тускло освещенного колодца. От одного лишь беглого взгляда на Джейсона Яшиду у нее застыла кровь в жилах.

Яшида разорвал на ней платье и сорвал с бретелек бюстгальтер, причинив ей боль. К этому моменту Марион уже справилась с первоначальным шоком и попыталась все же достать из сумочки пилку для ногтей. Но пилка встала поперек, зацепившись одним концом за какой-то другой предмет, а другим — за кольцо.

Быстро намотав на шею Марион плотную ленту из синтетики и кружева от ее же платья, Яшида с хриплым рычанием, какое обычно издает бродячий пес, когда найдет на улице объедки пищи, так резко и сильно затянул оба конца, что она даже приподнялась на цыпочках. Она захрипела, глаза ее выкатились и налились слезами от удущья.

Сумочка упала на мокрые плитки пола, и из нее вывалилась пилка для ногтей. Но для Марион она уже никакой ценности не представляла. Яшида подавлял все отчаянные попытки своей недавней собеседницы высвободиться из смертельной петли.

Он придвинулся к ней вплотную, так что ее даже обдало жаром от его тела, пышущего словно раскаленная печь. А ей сделалось так зябко, что, кроме холода, она больше ничего не ощущала. Потом постепенно и это ощущение исчезло. На мгновение она поплыла, будто в невесомости, и тут же перестала что-либо ощущать.

Глава шестнадцатая

Токио—Вашингтон

„Поразительный город, — подумал Вулф, оказавшись вместе с Чикой на шумных и многолюдных улицах Токио. — Он похож на какую-то удивительную крепость из силикона и стали“. Всюду, куда ни глянь, в глаза бросались характерные признаки современного, устремленного ввысь мегаполиса: миллионы крошечных частных владений теснились одно над другим, освещаемые неоновым светом огромных вертикальных реклам.

— Многих иностранцев этот город ошеломляет, — заметила Чика, разводя руками. — Но понять его легко, Токио обладает своим неповторимым „хаде“. Это слово лучше всего перевести как „блеск“, хотя оно также означает „красота“, „сияние“.

Она указала рукой на огни реклам над головой.

— Посмотри, какие цвета вон там и еще там. Мерцающее золото на фоне ослепительно яркой киновари... А вон там колонны из нержавеющей стали сверкают на солнце рядом с богатым желто-оранжевым орнаментом храма. В этом сущность Токио, его „хаде“ — буйство форм и красок.

На улице неподалеку от реки Сумида пахло рыбой. Здесь, в закусочной, они поели лапшу „соба“ с чешуйчатой „бонито“ в рыбно-соевом соусе, запив зеленым чаем.

Во время долгого ночного перелета Вулф спал, но даже во сне он ощущал, будто на спине ему легло что-то тяжелое и зловещее. В огромной летящей птице из стали и алюминия ему спалось тревожно, и сны его перекликались с наихудшими дневными страхами относительно того, что Чика и Сума только внешне враги, а на самом деле они союзники и искусно заманили его в непонятную, смертельно опасную игру.

— Не дай себя обмануть ультрамодерновым внешним видом Японии, — сказала Чика, когда они пробирались сквозь уличные пробки. — У нас во многом все еще феодальное общество. Не совсем в европейском понимании, а

в чисто восточном смысле. Как и столетия назад, здесь все еще сохраняются отношения подчинения и долга — „гири“.

Закрытая конфиденциальная информация, без которой не будет ни карьеры, ни прибыли, свободно циркулирует внутри тесно замкнутых групп связанных между собой людей, выходцев из одной местности, выпускников одной школы или же скрепленных родственными и брачными отношениями. В этом смысле у нас все еще существуют феодальные повелители и вассалы. Совсем как в конце шестнадцатого века, до того как Иэясу Токугава, став сёгуном и объединив Японию под своим знаменем, покончил, казалось бы, с феодальными князьями „даймьо“.

Она остановила такси. Автоматически распахнулась задняя дверца, и они сели. Быстро проехать через весь город оказалось не так-то просто, но Чике явно хотелось показать Токио со всем его обилием теснящихся друг друга, как кильки в банке, колоритных достопримечательностей.

На гигантском рекламном телескрane, установленном на небоскребе из стекла и стали, демонстрировались с изумительной четкостью действия врачей в операционной палате. Эти кадры сменились изображением головы прекрасной девушки, улыбающейся, пышущей здоровьем, произносящей что-то по-японски. Ее неслышимые слова тут же оказались напечатанными — сначала японскими иероглифами, а затем по-английски — и запечатлелись на нарисованном, как в мультфильме, воздушном шаре: „ШИЯН КОГАКУ всегда с вами“.

Наконец такси остановилось перед великолепным деревянным храмом, едва видимым за ведущей к нему высоченной каменной лестницей. Вокруг простирался на удивление густой парк, заросли которого прерывались то тут, то там, по словам Чики, территориями посольств, расположенных по краю района Акасака. Тут же поблизости находился японский парламент — „диэт“, так что они оказались в предельной близости к средоточию политической власти страны. Чика расплатилась с шофером, и они вышли из такси.

— Мы идем в Хиэ Дзинзя — святилище синтоизма, — пояснила Чика, когда они, пройдя под высокими лакированными воротами „тории“, начали подниматься по ступеням к храмовым зданиям. — Храм построен в 1478 году и служил для священной охраны древнего замка Эдо. С тех пор, впрочем, его неоднократно разрушали и вновь отстраивали.

Они вышли к просторному, усыпанному гравием двору между молельней — „хайдэн“ — и зданием для жертвоприношения — „хейдэн“.

— Эти священные сооружения построены в 1967 году, — рассказывала Чика. — Но в японской истории такие святилища традиционно уничтожали, а затем восстанавливали. Поэтому для приходящих сюда сравнительная новизна этих зданий не имеет значения.

Вулф почувствовал, что она права. Здесь, в окружении бурлящей столицы, царил безмятежная тишина, встречающаяся обычно в лесу и на вершинах гор, где она нарушается лишь шумом ветра в ветвях да редким криком дикой твари. Не то чтобы Вулф не слышал грохота транспорта или гула голосов, просто гораздо более значимыми здесь казались настраивающие на размышления звуки из храма — низкий звон колокола, призывающий духов, визг пилы храмового плотника, высокие диссонирующие ноты традиционных музыкальных инструментов. Они действовали в некотором роде наподобие каких-то линз, фокусирующих внимание слушателя и внушающих ему благоговение перед историей.

— Здесь красиво, — заметил Вулф. — Мирно.

Чика чуть-чуть улыбнулась, довольная. Но в то же время он почувствовал, что она напряжена.

— Я привела тебя сюда для встречи с одной женщиной, — сказала Чика, повернувшись к нему лицом. — Пообещай, что выслушаешь все, что она хочет сказать.

— Хорошо, — согласился Вулф, чувствуя, насколько это для нее важно, и рассудив, что терять ему все равно нечего.

Она провела его через двор к храму. По дороге он заметил поодаль два блестящих черных лимузина с шоферами в ливреях, а затем у него на глазах из пристройки храма вышла свадебная процессия.

По обеим сторонам входа в Хиэ Дзинзя стояли стеклянные емкости наподобие больших аквариумов, внутри которых сидели священные обезьяны, наряженные в одежду и очень важные. Перед одним из стеклянных сооружений Вулф заметил одинокую фигуру. Когда они подошли ближе, он увидел, что это женщина. Она повернула к ним голову задолго до того, как могла расслышать их приближающиеся шаги.

— Помни, что я говорила о „гири“ — долге и верности, — сказала Чика тоном, в котором прозвучало предупреждение. — Ей я обязана хранить именно такую верность.

В этот момент Вулф узнал женщину и как бы перенесся на два десятилетия назад, в Камбоджу.

— Минако — моя мать, Вулф, — донесся до него голос Чики.

— Прошло много времени, Вулф-сан, и я рада вновь увидеть вас, — сказала Минако так, будто встретила давнего друга.

Первое, что заметил Вулф, — это то, что она ни капельки не постарела со времени их последней встречи. Более того, что ни говори, она выглядела даже лучше. Совершенно очевидно, Минако обладала даром „макура на хирума“.

Она стояла, одетая по-западному — черная юбка, белая блузка, золотой пояс и ожерелье, а поверх всего длинный черный плащ до щиколоток. Несмотря на строгие цвета, в линиях ее наряда проступала мягкость, определенная утонченность, символизирующая женственность. Это в сочетании с черным и белым Вулф воспринял как адресованные ему визуальные намеки. Минако выбрала такой наряд, стремясь произвести нужное впечатление, — мягкостью приглушить его воспоминания о ней как о воительнице, а черно-белым сочетанием напомнить о двойственности души всех людей, где уживаются твердость и мягкость.

— Я попросила мою дочь привести вас сюда, в Хиэ Дзинзя, — сказала Минако. — Дело в том, что я боялась, что вы склонны смотреть на меня в свете той давней войны.

„Мою дочь“, — Вулф мысленно повторил эти слова.

— В конце концов, это была не ваша война, — произнес он вслух.

— Нет, наша, — возразила Минако. — По крайней мере, если иметь в виду ту войну, которой интересовались вы и Торнберг.

Вулф вспомнил о Торнберге Конраде III, просто не мог не вспомнить о нем, вновь видя перед собой Минако. Под дудку этого короля разведки плясало командование войск США во Вьетнаме на всех уровнях. Во всяком случае, тогда, во Вьетнаме, складывалось именно такое впечатление. И вот теперь Вулф оказался там, откуда все это началось более двадцати лет назад. Ему показалось отнюдь не случайным, что здесь, в точке отсчета новой для него жизни, его встретила Минако, терпеливая, как паук.

Минако и Торнберг Конрад III представились ему двумя тенями, затаившимися столь глубоко, что даже цэрэушиникам, вероятно, ничего не известно об их деятельности. Он вспомнил о Шипли — „призраке“ из министерства обороны, который сначала завербовал его, а потом попытался ликвидировать. Почему? Это случилось сразу после того, как он сошелся с Чикой. Может быть, Шипли работа-

ет на Торнберга Конрада III? Неужели все это — ложь, предательства, убийства, измена, совершаемая против собственной страны и вопреки логике, — объясняется личной враждой между Минако и Торнбергом, войной, которая то в одной, то в другой форме длится более двух десятилетий.

В этот момент Вулф не сомневался, что вся ложь и обман, которыми его окрутили, сплетены в один клубок.

— Это все игра со смертью? — спросил он Чику, тщетно стараясь унять дрожь. Все разворачивалось между тем настолько быстро, что его трясло. — Я стал орудием и для Торнберга, и для вас. Могу только догадываться, что он каким-то способом хотел использовать меня в борьбе против вашей матери.

Он вновь повернулся к Минако.

— А вы? Вы-то что от меня хотите? Все усилия вашей дочери ушли на то, чтобы покончить с моей прежней жизнью. Она у вас работает вполне эффективно. Все уничтожено одним махом — и моя девушка, и мои коллеги, и даже моя работа.

— Моя дочь сообщила мне, что у вас и до того с прежней жизнью не ладилось, — спокойно промолвила Минако.

Вулф не ответил. Он в упор смотрел на Чику. Они как бы боролись взглядами. Воздух неожиданно наполнился глубокими звуками колокола, которыми кто-то из молящихся вызывал духов святилища.

— Ты обещал, что выслушаешь мою мать, — напомнила Чику, и в ее голосе прозвучала нотка отчаяния.

Лучше бы она этого не говорила.

— Я ошибся, не так ли? — взорвался Вулф. — Начисто ошибся, заключив из твоих ответов на мои вопросы, что Сума находится во вражеском стане и противостоит тебе?

Она промолчала, и он решил продолжать атаку.

— Я все никак не мог понять, чего же мне не хватает для решения этой головоломки. Но это все потому, что ты так успешно запутала меня. Так просто расписала мне всю войну в обществе Черного клинка. Совсем просто, а? С одной стороны — ты, представительница хороших ребят, а с другой — Сума, эмиссар сил зла. А на самом деле все совсем не так. В ту ночь из твоей квартиры на Шестой улице я проследил за тобой и видел, как ты пристроилась сзади на отъезжающем катафалке. Чика, кто сидел за рулем катафалка? Можешь не отвечать, потому что я уже знаю, что его вел Сума. Ты с ним вовсе не по разные стороны, и никакие вы не враги.

— Я не солгала, Вулф, о борьбе внутри „Тошин Куро Косай“.

— Заткнись! — рывкнул он. — Как ты можешь думать, что я теперь тебе поверю?

— Я признаю, что лгала раньше, но...

Она осеклась, потрясенная тем, что почувствовала. Все произошло совершенно внезапно, даже для нее. Сила его ярости, его „макура на хирума“ ударила ее, как разряд молнии. Ее отбросило назад, закрутив об угол стеклянного ящика, внутри которого священная обезьяна покачнулась на своем троне.

— Сейчас же прекратите! — крикнула встревоженная Минако.

Вулф, ошеломленный тем, что натворил, мог лишь молча смотреть на все, как немой свидетель происшедшего.

Чика стояла на коленях. Ей не хватило времени защитить себя, но теперь, когда такая возможность появилась, она бездействовала. Опустив голову на грудь, она казалась плачущей. В следующее мгновение она вскочила на ноги и, не глядя ни на Вулфа, ни на мать, бегом пересекла двор, а затем, промчавшись по каменным ступеням вниз, выбежала на улицу, растворившись в „хаде“ города.

Яшида, прижавшись вплотную к трупу Марион Старр Сент-Джеймс, почувствовал, как остывает ее тело. Он закрыл глаза и стал ждать, внимательно считая, как коммерсант дневную выручку, удары своего сердца.

Затем он подхватил ее и с размаху взвалил себе на плечо. Он даже не посмотрел на ее лицо. Смотреть не имело смысла. Подойдя к двери, он выглянул наружу. Коридор оказался пуст. До него доносились голоса работников ресторана, которые после обильной закуски с виски „Джонни Уолкер Блэк“ спорили между собой, кому расплачиваться. Яшида проскользнул в коридор, рывком распахнул заднюю дверь во двор и опустил там свой груз в контейнер для отходов, аккуратно замаскировав сверху мусором.

Через пятнадцать минут он вновь появился в вестибюле гостиницы „Фор сизонз“ и позвонил из автомата Хэму.

— Плохие новости, — сообщил он. — Марион Старр Сент-Джеймс скончалась.

Наступила пауза. На том конце провода молчали, и Яшиде стало интересно, что происходит в голове его начальника.

— Что случилось? — спросил наконец Хэм дрогнувшим голосом.

— Неизбежное, — отозвался Яшида, приблизив трубку к губам.

— Боже мой, такая женщина, — произнес Хэм, и Яшида услышал, как он, тяжело дыша, откашлялся, пытаясь совладать со своими чувствами. — Да-а-а... В том бизнесе, которым она занималась, нажить себе врагов — плевое дело.

— Либо это, — откликнулся Яшида, — либо она слишком много знала.

Он чутьочку помолчал.

— Вам не кажется подозрительным, что ее замочили сразу после того, как она раскололась перед вами насчет вашего старика и „Грин браучес“?

Хэм ничего не ответил. Впрочем, Яшида и не ждал от него ответа.

После того, что случилось, Вулф воспринимал отсутствие Чики так, будто у него отняли что-то очень важное для него. Неестественная тишина храма больше не казалась мирной. Непонятно почему, но он чувствовал на сердце тяжесть. То, что он может так глубоко переживать за человека, то и дело обманывавшего его, представлялось ему величайшей загадкой.

— Вина полностью лежит на мне, — сказала Минако. — Мне ни в коем случае нельзя было спешить с этой встречей. Но осталось так мало времени, а я только что вернулась с похорон зятя, умершего явно преждевременно.

Вулф смотрел на эту женщину, мать той, из-за которой он разрывался на части, и у него возникло странное чувство, будто буквально все, включая цветение сливовых деревьев, происходит по ее воле.

Он твердо решил, что не позволит ей втереться к себе в доверие.

— Чего же вы тогда от нас хотели? — спросил он жестко.

— Вы все перепутали, — ответила она. — Это вы с Торнбергом вышли на меня. Вы и Торнберг с его экспериментами по замедлению процесса старения.

— А как насчет ваших собственных опытов?

Она взглянула на него, но промолчала.

— Между вами и Торнбергом нет особой разницы, — заявил Вулф.

Минако вся сжалась от обиды. Большого оскорбления она и представить не могла.

— Вы всегда плохо знали его, и это, наверное, к лучшему, — проговорила она, отвернувшись от него. — Этот человек отравляет все, к чему ни прикоснется... Почти все.

Она снова обратилась лицом к Вулфу.

— В ту ночь, когда вы спали, я позволила ему соблазнить меня, — сказала она. — Я руководствовалась своими соображениями, но они не имели никакого отношения к моим экспериментам. Мы о многом с ним говорили, ну и, конечно, я использовала „макура на хирума“ и узнала о нем гораздо больше, чем он мог бы даже представить.

Минако опустила голову. Другой молящийся зазвонил в колокол, звуки которого подчеркнули стоявшую в храме тишину.

— Возможно, я даже предвидела нынешний момент, потому что именно тогда все и началось. Вероятно, жить сейчас было бы проще, если бы я тогда убила вас обоих. Но в этом случае, я, несомненно, не осталась бы в живых, а Достопочтенная Мать беспрепятственно продолжала бы осуществлять свои безумные планы.

— Кто такая эта Достопочтенная Мать?

— Она руководит „Тошин Куро Косай“.

— Согласно моей информации, во главе общества Черного клинка стоит человек по имени Нишицу.

Минако отрицательно покачала головой.

— Это достаточно распространенное заблуждение. Хотя внешне и кажется, что „Тошин Куро Косай“ возглавляет Нишицу, истинным руководителем является Достопочтенная Мать. Такая фальшивая видимость полезна ей тем, что позволяет незаметно присутствовать на встречах и беседах с посторонними, не состоящими в обществе. Таким способом можно узнать многое.

— И эта Достопочтенная Мать ваш враг?

— Да, — ответила Минако. — А еще она для Чики то, что соответствует вашему христианскому понятию „крестная мать“.

Вулф присел. Весь его гнев куда-то улетучился, и лишь во рту остался привкус меди.

— Вы бы могли объяснить это получше, — попросил он, — чтобы посторонний человек мог понять, о чем речь?

— Достопочтенная Мать и я росли вместе, — начала Минако. — Мы дружили всю жизнь, и большую часть этой долгой, очень долгой жизни я для нее была правой рукой. Но на протяжении всех этих десятилетий она менялась, медленно и вначале незаметно для меня. Она стала морально нечистоплотной и со странностями и отдалась всевозможным порокам и извращениям. И еще у нее появилось стремление развратить всех, кто ее окружает.

Я слишком поздно поняла, что она остановила свой

выбор на Чике, решив сделать ее своей, скажем, крестницей и взять в свою охрану не только из-за мощи „макура на хирума“ Чики, но еще и потому, что она моя дочь. Дело в том, что Достопочтенная Мать бесплодна.

Думаю, ее забавляло то, что она делает Чикю своей крестницей, присваивает себе часть чего-то, что мне так дорого. У меня четверо детей, а у нее ни одного. Она использовала ее, не без моей по стечению обстоятельств помощи, чтобы выйти на вас и доставить сюда.

— Ну а „гири“? — спросил Вулф. — Разве на вас не лежит долг хранить верность Достопочтенной Матери?

Минако иронически улыбнулась.

— Скажите, Вулф-сан, а вы стали бы слепо исполнять приказы безумной женщины?

— Вы уверены, что она безумна?

— Она хочет, чтобы общество Черного клинка обрело власть над всем миром. Планируется добиться этого экономическими методами, аналогично тому, как общество манипулировало японской экономикой после войны на Тихом океане. Много лет назад Достопочтенная Мать послала в Соединенные Штаты одного из своих убийц по имени Джейсон Яшида. Он там занялся подрывом тех политических сил, которые формируют американскую экономическую политику в области внешней торговли. Достопочтенная Мать сама готовила Яшиду. В последнее время он развил большую активность — систематически убивает политических деятелей, поддерживающих в конгрессе законопроекты, не устраивающие „Тошин Куро Косай“. При этом Яшида обставляет дело так, чтобы все это выглядело несчастными случаями или самоубийствами. Несложная задача для такого маньяка, как Яшида.

Минако со строгим видом покачала головой.

— Я поставила собственную жизнь и жизнь своих детей в зависимость от безумия Достопочтенной Матери, — сказала она, и глаза ее блеснули неестественным блеском. — А теперь у меня вы.

Вулфу, однако, хотелось получить независимое подтверждение тому, что говорил ему Шипли.

— Мне кажется, я не тот человек, который вам нужен, — промолвил он.

— Я знаю, мой дар подсказывает мне, что мое будущее и ваше неразрывно связаны, — возразила Минако уверенно, как историк, анализирующий прошлое. — Вы достигли нынешнего этапа, и вы сделаете все так, как я предвижу.

— Почему я вам здесь понадобился? — спросил Вулф резко.

— Потому что вы стали последним средством в войне, которая, несомненно, будет идти не на жизнь, а на смерть.

Эхо звуков колокола, казалось, зависло в чистом воздухе, становясь все гуще, как мазки краски, накладываемые кистью художника на полотно.

— Не надо судить о моей дочери слишком строго, — сказала Минако, прежде чем Вулф успел прийти в себя после услышанного. — Даже если она обманывала вас, то только по моему указанию.

— Но я слышал... Я ощущал, что она... с Сумой.

— Ах да... Сума.

Минако медленно прошествовала прочь от создававших плотный фон сливовых деревьев и встала в проеме входа в святилище. Вулфу при этом показалось, что она здесь вполне на месте, но в качестве жрицы, а не прихожанки. Он приблизился к ней, увеличив расстояние между собой и толпой людей в дальней части двора. Священная обезьяна скалила зубы в улыбке, будто насмехаясь над ним.

Когда он оказался снова рядом с Минако, та сказала:

— Когда-то Чика и Сума были любовниками. Чика попала в охрану Достопочтенной Матери, которой служит этот наемный убийца. У нее было достаточно возможностей встретиться с ним. Но даже не будь Чика в охране, все равно я сильно подозреваю, что Достопочтенная Мать нашла бы способ свести их вместе. Потому что, опять же, ее извращенной натуре доставляло удовольствие видеть ее вместе с этим... этим существом, которое она создала.

Она сложила ладони вместе.

— И еще, по-моему, она всерьез хотела развратить Чику, повести ее вниз по подготовленному ею же самой пути, уводящему прочь от меня.

— То, что они были вместе, вовсе не означает, что они в конце концов окажутся в общей постели, — возразил Вулф.

— Не означает? — переспросила Минако и покачала головой. — Вам еще многое нужно узнать относительно способностей Достопочтенной Матери. Они у нее весьма необычные.

— Но вы сказали, что Чика и Сума были любовниками, — напомнил Вулф, сделав ударение на предпоследнем слове. — Что же связывает ее с ним сейчас?

Минако покачнулась, как от ветра.

— Вам, Вулф, надо понять ту крайнюю опасность, которой я подвергаю и себя, и Чику. Мы должны вести себя абсолютно убедительно, не давая Достопочтенной Матери

и тем, кто к ней лоялен, ни малейшего повода подозревать, что мы собираемся свергнуть ее. Вот эта-то необходимость убеждать Суму, что она полностью лояльна, и связывает ее с Сумой.

Вулфа одолевали сомнения. Можно ли верить Минако? Реальных оснований нет. Она уже призналась, что он прибыл сюда по ее воле, чтобы уничтожить ее врага внутри общества Черного клинка. Призналась и в том, что они с дочерью добились этого путем коварства и обмана. Но тогда снова вопрос: кому же можно верить? Не Шипли, „призраку“—профессионалу, который пытался отправить его на тот свет. И уж, конечно, не Торнбергу Конраду III, человеку, на которого он почти наверняка работает. Действительно ли Достопочтенная Мать безумна? Или же безумны все остальные? Вулф осознал, что оказался в опасной ситуации и не видит из нее выхода. Как подопытная крыса в лабиринте. Ну, в таком случае придется самому найти для себя выход.

И еще надо разобраться со своими чувствами к Чике. Она настолько привлекательна, что в ее присутствии он почти слепнет. Это что — любовь или нечто совершенно иное?

— Вы знали, что я обладаю даром „макура на хиру-ма“? — спросил он после долгого молчания.

Минако покачала головой.

— До недавнего времени нет. Мне вы всегда представлялись Человеком-Без-Лица, потому что у вас полностью отсутствовала аура. Как будто вас и нет. Но кое-что мне запомнилось. Я устроила Торнбергу испытание. Сказала, что раскрою ему тайну замедления процесса старения, если он застрелит вас.

— Что-то вы ему сказали?!

Минако улыбнулась — первая искренняя улыбка с того времени, как Вулф вынудил Чикю уйти.

— Я же говорю, что устроила испытание. И вот тут Торнберг удивил меня. Он отказался стрелять. Это совершенно не укладывалось в то, что я предвидела при помощи своего дара. В чем же причина? Много лет спустя мне пришлось в голову, что он тогда узнал что-то насчет вас, что-то такое, чего я в своей самоуверенности не сумела понять. Он чуял, что в вас есть что-то особое, хотя и не имел об этом ни малейшего понятия. Сейчас я вспоминаю, что, по моим тогдашним наблюдениям, в нем укрепилось убеждение, что до тех пор, пока он с вами, он в безопасности.

— Поэтому вы нас отпустили.

— Да.

— Наверное, мне следовало бы поблагодарить вас. Да и его тоже, — заметил Вулф. — Но, учитывая обстоятельства, я воздержусь.

С невидимой отсюда улицы внизу к ним донесся звук заводимого мотоцикла, но этот немелодичный металлический треск каким-то образом лишь усилил впечатление царящей в святилище глубокой тишины.

Минако снова улыбнулась.

— С вами нелегко, — сказала она. — У нас таких мужчин называют словом „коха“. Полагаю, что моя дочь влюбилась в вас.

— Чика...

— Поговорите с ней сами. Вы ведь не верите тому, что я говорю. Действительно, с какой стати?

— Если она захочет разговаривать со мной.

— Вы найдете, что ей сказать, — ответила Минако. — Вы обидели ее. Это правда. Но ее также мучает совесть из-за того, что ей пришлось обманывать вас.

— Сначала мне надо еще найти ее.

— Это не проблема. Она отправилась в мой дом. Я научу, что вам надо делать.

— Вы туда не поедете?

— Поеду, но не сразу, — ответила Минако. — У меня назначена встреча с Достопочтенной Матерью, и эту встречу нельзя отменить. В такой обстановке даже малейшее отступление от моего обычного поведения вызовет подозрения.

— Значит, теперь в основе все сводится к отношениям между вами и Достопочтенной Матерью, — констатировал Вулф.

— Да. Это тот путь, на который нас завело ее безумие, — подтвердила Минако. Ее взгляд на секунду метнулся в сторону и снова остановился на лице Вулфа. — Но теперь все изменилось. Даже Чика об этом ничего пока не знает. Дело в том, что Достопочтенная Мать убивает членов руководства общества. Одного за другим.

— Но ради чего?

— Абсолютная власть породила у нее нечто вроде абсолютного безумия. Ее жажда абсолютной власти затмила все прочие соображения. Это правда, что вместе с Нишицу она составила план установления экономического контроля над Соединенными Штатами. Правда, что реализация этого плана вступает в завершающую стадию. Правда также и то, что уже в силу этого ее и Нишицу надо остановить. Но самое главное то, что она открыла какой-то спо-

соб извлекать из других их энергию „макура на хирума“ и добавлять к своей.

Вулф нашел в себе силы рассмеяться.

— Да что вы такое говорите? Что, она замышляет вырезать ваши мозги и съесть их за обедом?

— В метафорическом смысле именно это я и имею в виду, — ответила Минако. Она смотрела на Вулфа так прямо, что, казалось, он мог через ее глаза заглянуть к ней в душу. — Ваши мозги тоже.

Суть сказанного он воспринял как удар, и его мороз продрал по коже.

Минако стояла к нему совсем близко. Она говорила мягким тоном, отчетливо выговаривая каждое слово.

— Я не могу этого допустить, Вулф-сан. Понимаете, вы очень особенный. Когда ваш дедушка умер, он был очень и очень старый, можно сказать, даже древний.

— Откуда вам это известно? Даже я не знаю, в каком возрасте он умер.

— Конечно, не знаете, — согласилась она. — Он бы вам и не сказал, потому что вы все равно бы не поняли. Но мы его знали. В определенных кругах знали всех старейшин мира. И когда один из них умирал, мы четко осознавали, что больше никогда не увидим такого, как он. Но теперь вы здесь, и я понимаю, что „макура на хирума“ рассказала мне. Вы обладаете такой же мощью. И даже гораздо, гораздо большей.

Глава семнадцатая

Вашингтон — Токио

— Ее убил он, — заявил Яшида, — и это так же бесспорно, как то, что я тут сижу и беседую с вами.

Сидящий напротив него за столиком ресторана на крыше отеля „Вашингтон“ Хэм Конрад безучастно смотрел в сторону видневшегося неподалеку Белого дома. Теперь, после сообщения о зверском убийстве Марион, звонок Бризарда о том, что с Вулфом Мэтисоном справиться не удалось, казался ему менее значимым. „Пусть он катится к чертям собачьим, этот Мэтисон! — мысленно выругался Хэм. — У меня есть более срочные дела“.

— Янисколько не сомневаюсь, что Марион Старр Сент-Джеймс убита по заказу вашего отца, — продолжал Яшида. — И причина вам очень хорошо известна. Она слишком много знала о нем и делилась этой информацией с вами.

— О клинике „Грин бранчес“?

— Вот именно.

— О той, куда, по словам Марион, Торнберг организовал транспортировку людей.

Хэм произносил слова машинально, ровным безжизненным голосом, как человек, не оправившийся от шока.

— Да, — подтвердил Яшида. Он внимательно следил за выражением лица Хэма, который, впрочем, этого не замечал. — Нисколько я помню, она рассказала вам, что он подрядил ее компанию перевозить всяких неприкаянных одиночек, до которых никому нет дела, в „Грин бранчес“ — то самое купленное им местечко под Арлингтоном.

Яшида отвлекся на минуту, чтобы заказать что-нибудь выпить по второму разу, хотя Хэм еще не успел осушить первый бокал.

— Как вы думаете, зачем ему понадобились живые люди? — спросил он Хэма.

— Для экспериментов, — отозвался тот все тем же бесцветным тоном, по-прежнему глядя пустыми глазами на Белый дом, залитый в этот час лучами прожекторов. — Видишь ли, Торнбергу не дает покоя процесс старения. Он

считает, что сможет повернуть его вспять. Вот почему он купил „Грин бранчес“ и набрал туда свой штат ученых-биологов. Полагаю, что он использует тех, кого туда привозят, в качестве подопытных кроликов.

— Живых людей?

Хэм мотнул головой.

— А на ком еще ты бы мог ставить опыты? Торнберг в цейтноте.

В этот момент подоспел заказ. Яшида пригубил свой бокал, подтолкнув другой прямо в руки Хэму, и снова заговорил:

— Он совершенно аморален. Послушайте, я видел тело Марион и могу доложить, что зрелище не из приятных. Она, по-моему, сильно мучилась перед смертью. Такое впечатление, будто он хотел показать ей, что карает ее. Людей в этой клинике из-за него убивают направо и налево.

— Наверняка он бы сказал тебе, что все это делается во имя науки, — отозвался Хэм.

— И я не сомневаюсь, что он верит во все это дерьмо, — подхватил Яшида, сосредоточенно размешивая лед в своем бокале.

Они оба помолчали.

— Придется нам в связи с этим что-то предпринять, — сказал наконец Яшида.

— Знаю, — кивнул Хэм.

— Выбора нет.

Хэм сделал несколько глотков. Он думал об отце, о том, как восхищался им и нуждался в его похвалах. Однако сейчас он впервые ощутил, что в его душе живут и другие, совсем не такие светлые чувства, которые он, фанатично добиваясь отцовского расположения, так долго и старательно пытался не замечать.

Под действием последних событий эти чувства стали обнажаться, и теперь перед ним, как перед археологом, раскопавшим погребенный под песками древний город, предстала истина, что любовь и обожание, какими бы сильными они ни были, сочетаются с ненавистью к отцу за то, что тот изгнал мать из дома и из его, Хэма, жизни.

— Ты прав, — сказал он наконец Яшиде, — у нас нет никакого выбора.

Хана уже подключилась к Оракулу, когда в лабораторию, упрятанную в недрах склада на рыбном базаре Сузуки, вошел Юджи. До этого он искал ее на похоронах Хиро-то, но так и не нашел.

— Что ты тут делаешь? — воскликнул он, обращаясь то ли к Хане, то ли к Оракулу.

Спокойствие, написанное на лице Ханы, показалось ему необычным и вызывающим тревогу. Она следила за ним глазами, молча игнорируя все его вопросы, уговоры и, наконец, приказы. Когда-то один раз он уже видел у нее такое выражение...

Это случилось во время праздника „хачутапуо“, когда наступление лета отмечается подачей к столу первого в сезоне рыбного блюда, приготовленного из макрели. Юджи и Хана отправились к докам в Кобэ. Жаркое солнце стояло высоко в небе. Дыхание затруднялось из-за повышенной влажности. Хана привела Юджи в ресторанчик с минна-турной верандой с видом на порт.

Этому ритуалу, как и всем обычаям, отмечающим изменения в природе, Хана придавала большое значение. Хозяин ресторана, хорошо знающий ее, поставил перед ними на стол чайник с зеленым чаем собственного приготовления, взбив его до бледной пены. Сырую макрель, нарезанную тонкими, как папиросная бумага, ломтиками, подали на темно-зеленых бамбуковых листьях. Первая в летнем сезоне макрель — не самая вкусная, но наиболее престижная.

Влажный воздух оставался почти неподвижным, и даже портовые чайки сочли его слишком тяжелым для полетов. Юджи, сидя в тени под зонтиком, лицезрел ржавые сооружения нефтеперегонного комплекса „Ото хэви индастриз“, как грибы-поганки теснящиеся вдоль набережной. На них виднелся рекламный щит „ШИЯН КОГАКУ всегда с вами“. Портовый транспорт функционировал, но на нефтеперегонке Юджи не заметил ни единого рабочего. Гигантские краны молчаливо и одиноко нависали над рядами уродливых ржавых металлических конструкций.

— Наступит день, — сказала тогда Хана, взглянув на него, — когда „бонито“ перестанет водиться в наших загрязненных водах. Что тогда с нами будет? Я задаюсь вопросом, есть ли смысл в той жизни, в которой мы обречены дюйм за дюймом уничтожать наши тела? Мне часто грезится такое бытие, при котором я не была бы связана физическими законами пространства и времени... Такое, где мне, чтобы попасть на другую сторону, не требовалось бы переходить через дорогу.

И вот теперь, не отрывая глаз от Ханы, Юджи протянул руку и выключил питание Оракула.

Но ничего не случилось. Ничего в том смысле, что Оракул не отключился.

— Вы должны смириться с тем, что произойдет, Юджи-сан.

Юджи-сан раскрыл рот от удивления.

— Как ты это делаешь? — спросил он. — Я ведь отключил энергию.

Оракул не ответил. Его занимали другие вопросы. Ровно через четыре минуты глаза Ханы потускнели, веки медленно опустились, а когда Юджи проверил пульс, то оказалось, что он почти исчез.

— Нет! — отчаянно закричал Юджи и стал лихорадочно отрывать он нее присоски-контакты. При этом ему каждый раз чудилось, что он слышит слабый крик.

Хана бессильно оседала у него в руках. Требовалось некоторое время для отсоединения контактов от висков и основания шеи. Ее губы посинели, она не дышала. Он снова прижал палец к мягкой коже поверх ее сонной артерии. Пульс отсутствовал.

Юджи вспомнились ее слова, когда он впервые подключил ее к устройству: „Оракул не допустит, чтобы со мной случилась какая-нибудь беда“.

— Черт тебя побери! — заорал он. — Что ты с ней сделал?

— То, что требовалось, — незамедлительно ответил Оракул. — Я сделал то, что тебе требовалось от меня.

Юджи, стоя на коленях и держа в объятиях Хану, заплакал.

— Пожалуйста, — попросил он, — скажи мне, что произошло. Как я мог хотеть, чтобы ты с ней так поступил. Она же мертва!

— Только ее тело мертво, Юджи-сан. В остальном же Хана вполне жива. Фактически она теперь более жива, чем когда-либо прежде.

Юджи уставился на экран Оракула. Чудится ли ему или же он действительно приобретает общие очертания человеческой головы?

— О чем ты говоришь? — воскликнул он.

— Хана здесь. Во мне, — ответил Оракул терпеливо, как профессор, разговаривающий с тупым, но старательным студентом.

— Не верю.

— Час назад вы бы не поверили, что я могу работать от своего собственного источника энергии.

Юджи на минуту задумался.

— Ясно, что тебе больше не требуется электричество, — признал он. — Что ты используешь?

— „Макура на хирума“.

— Что?

— Чему вы удивляетесь, Юджи-сан? Все логично. Я получил необходимые элементы из ваших собственных генов ДНК. Разве это не входило в мои первоначальные функции?

Юджи в гораздо больше степени, чем любой обыкновенный ученый, верил в возможность самых невероятных вещей, особенно после появления Оракула. Но и его вера имела пределы. Он никак не мог представить, что электроника Оракула сумеет освоить нечто столь нематериальное, как „макура на хирума“. И тем не менее факты, с которыми он теперь столкнулся, свидетельствовали об обратном.

— Боюсь, что я ничего тут не понимаю, — печально промолвил он, не желая смириться с мыслью, что Ханы, его любимой сестры, уже нет в живых. — Хана умерла.

— Вы обращаете внимание лишь на ее тело. Уверяю вас, что она по нему не тоскует. Ей удобно здесь.

Юджи задумался.

— А она может сама разговаривать со мной?

— Я и разговариваю сейчас, Юджи-сан.

— В смысле сама или через него?

— Я и есть сама Хана.

— Не понимаю, — покачал головой Юджи.

— Ничем не могу помочь.

Юджи хмыкнул и решился на новую попытку, стараясь выразить мысли так, чтобы Оракул понял его.

— Я хочу сказать... — начал он, — из тебя сформировалась самостоятельная личность. Это не личность Ханы, с которой я хорошо знаком.

— Конечно, — ответил Оракул. — Я понимаю. Но Хана изменилась. Вот это вам и нужно осознать, Юджи-сан. Мне кажется, что людям трудно постичь любые метаморфозы. Но что поделаешь, такова человеческая натура.

Юджи улыбнулся.

— Где это ты набрался такого чувства юмора?

— Я обнаружил его у Ханы.

— У Ханы? — изумился Юджи. — Я никогда не замечал у нее чувства юмора.

— У Ханы много чего такого, что вы не замечали, Юджи-сан. Но теперь наступило время раскрыть ее тайну. Она сейчас к вам ближе, чем когда-либо прежде.

— Объясни.

— В своем человеческом теле Хана оставалась неполноценной. Она, конечно, не знала об этом. Осознавала она лишь то, что глубоко несчастна. Но инстинктивно ее тяну-

ло ко мне. Тогда она этого не понимала, но теперь поняла. У меня нет тела в вашем понимании, нет никакой физической связи с известным вам окружающим миром. Я — чистая мысль. Я не обременен бесчисленными ограничениями, присущими человеческому разуму.

Оракул умолк на время, и Юджи вновь ощутил, как что-то меняется.

Он бережно положил тело Ханы на пол и приблизился к Оракулу. Теперь он уже не сомневался, что ощущает его присутствие в своем разуме. Это походило на биополе или ауру, излучаемые человеком с даром „макура на хирума“.

— Я чувствую твое энергетическое поле.

— Да. „Макура на хирума“ всегда со мной, — отозвался Оракул невозмутимым тоном, комично обыгрывая рекламу „Шиян когаку“.

— Так вот зачем тебе понадобилась Хана? — с подозрением спросил Юджи.

— Совсем нет, Юджи-сан. Как я уже сказал, я задействовал энергетическое поле из ДНК, которую вы встроили в меня. Я взял Хану к себе, чтобы защитить ее.

— Защитить ее? От чего?

— Не от чего, а от кого. Хирото привел сюда одну женщину. Он думал, что я смогу помочь ее мужу, очень больному, по ее словам. Хирото ошибся. Эта женщина ему солгала. Она намеревается похитить меня, но будет ждать, пока вы с Ханой доведете меня до совершенства, и я смогу успешно осуществлять трансформацию обычной человеческой ДНК с комбинацией для „макура на хирума“. Эта женщина убила Хирото, и она, несомненно, убила бы и Хану, чтобы добиться своего. Я не мог этого допустить.

У Юджи пересохло в горле.

— Ты не прав! — выкрикнул он. — Тебе известно, что ты говоришь о моей матери?

— С чего вы взяли? Эту женщину зовут Ивэн. Она кажется молодой, но в действительности очень стара. Вероятно, даже старше, чем Достопочтенная Мать.

У Юджи подкосились ноги.

— Я ее знаю, — пробормотал он ошеломленно. — Во всяком случае, встречал.

— Она очень опасна, Юджи-сан. Ее энергетическое поле исключительно сильно.

— Откуда ты все это знаешь?

— Я, Хана, знаю это, — прозвучал ответ Оракула-Ханы.

Юджи перевел взгляд с Оракула на тело Ханы. Она, казалось, спала. Наверное, любой нормальный человек

уже вызвал бы скорую медицинскую помощь или, на худой конец, личного врача из „Шиян когаку“. Юджи, однако, ничего не предпринимал.

— Я не знаю, кто такая Достопочтенная Мать, — сказал он наконец.

— Вы встречались с Нишицу в храме Запретных грез?

— Да.

— Значит, вы видели Достопочтенную Мать. Она руководит обществом Черного клинка.

Юджи вспомнил красивую женщину, сидевшую поблизости от Нишицу. На протяжении всей их встречи она оставалась молчаливой и неприметной, как ширма из рисовой бумаги. Какие же неслышимые голоса звучали в ее голове?

— Нишицу сказал, что моя мать убила Хирото за то, что он раскрыл ее тайну — участие в обществе Черного клинка.

— Ложь в обрамлении правды гораздо эффективнее, — услышал он в ответ Оракула-Хану. — Минако действительно член „Тошин Куро Косай“ и, вероятно, совершала в прошлом сомнительные поступки. Но в данном случае ее намерения чисты. Она желает положить конец преступной власти Достопочтенной Матери. С этой целью она заручилась поддержкой сначала моей, а потом и Чики. Сейчас же ей понадобилось привлечь также и вас.

— Но моя мать была там. Я ее видел, — запротестовал Юджи. — Она созналась в убийстве Хирото.

— Нет. То, что вы видели, — это проявление „макура на хирума“. Минако даже близко не подходила к храму Запретных грез, когда вы находились там.

И тут Юджи вспомнил, что уже тогда кое-что показалось ему странным. В облике матери чего-то недоставало. У него возникла ассоциация с куклой-марионеткой „бунраку“, которую он когда-то видел лежащей без движения после спектакля. Она выглядела потрясаяще живой и в то же время неестественной, лишенной внутренней сути, бездушной. Оракул сказал правду: Нишицу и Ивэн обманули его.

— Зачем они пытаются настроить меня против моей матери?

— Достопочтенная Мать не оставила Минако иного выбора, кроме как предоставить в распоряжение общества Черного клинка вас и меня, Оракула. Минако решила сотрудничать с Достопочтенной Матерью и Нишицу вплоть до того момента, когда она сможет использовать против них свое единственное оставшееся оружие. Но теперь, по-

хоже, им стало известно, что она намерена выступить против них.

— Боже мой!

— Юджи-сан, я боюсь за вас. И за нее.

— Что мне делать? — воскликнул Юджи, не скрывая страха. — Теперь я как в ловушке между Нишицу и моей матерью!

Бросниану Ленфанту, бывшему сенатору от Луизианы и формальному главе фирмы „Ленфант энд Ленфант“, понадобилось полтора дня, чтобы раздобыть полный комплект архитектурных проектов клиники „Грин бранчес“. Он сделал это по заданию Яшиды, выполнявшего, в свою очередь, приказ Хэма Конрада.

Ленфант сохранил все до единой важные связи, которыми он оброс за время своего официального пребывания на Капитолийском холме. Его статус в этом мире, где так ценятся обаяние и влияние, тоже оставался прочным. В Вашингтоне многие определяют влияние как умение добиваться результатов, и Ленфант тут явно котирировался высоко.

Архитектурные проекты „Грин бранчес“ он получил в Управлении водного хозяйства Арлингтона, поскольку все коммерческие структуры обязаны по закону предоставлять такие бумаги в этот орган Ее Величества Бюрократии. Милдред, двоюродная сестра Бросниана Ленфанта, очень кстати оказалась сотрудницей соседней конторы, и ей не составило никакого труда удовлетворить его просьбу.

Отличительной чертой Милдред являлась дотошность, благодаря которой Ленфант снабдил Хэма и Яшиду не только обновленными планами перестроенного Торнбергом здания, но и первоначальными схемами.

Уже вечерело, когда он вернулся к себе домой на Кафедрал-авеню в районе Весли-Хайтс на северо-западе Вашингтона. Скинув пальто и шляпу, он прошел по старинному ковру к бару и налил себе порцию крепкого шотландского виски, к которому пристрастился, еще когда находился в Лондоне с миссией по выявлению каких-то фактов.

Сквозь толстые свинцовые стекла Ленфант увидел на ветке какую-то птицу, наверное, вьюрка — первого вестника весны. Он вернулся в парадный холл с мраморным полом и хрустальной люстрой и поднялся по широкой изгибающейся лестнице в спальню. Присев на край постели, он снял туфли и коснулся босыми ступнями мягкого

ковра, покрывавшего весь пол. Затем, отхлебнув глоток виски, пересел за ночной столик и взял трубку телефона, официально не имеющего никакого номера. Эта привилегия дорого обошлась ему, но у него имелись достаточно веские причины обхаживать нужных людей в телефонной компании.

Он начал было набирать номер Торнберга, чтобы проинформировать того о подробностях выполненного им задания Яшиды, как из холла послышался какой-то звук.

Положив трубку на место, Ленфант вышел из спальни. Он успел лишь мельком увидеть нечто вроде тени, нечто бесформенное, но обладающее весом, и ощутил, будто к шее приложили холодное полотенце. В следующий миг это нечто швырнуло его так, что он перекувырнулся через ограждение второго этажа и полетел вниз по лестнице.

Первый удар, от которого Ленфант охнул, чувствуя, как что-то у него сломалось, пришелся на середину лестничного пролета. Стукнувшись о перила, он кубарем покатился вниз по ступеням, до самого конца, и там растянулся, сильно ударившись щекой и плечом о мраморный пол.

Ленфант лежал в шоке, настолько сильном, что даже не чувствовал болевых импульсов в мозгу. Он понимал, что ему нанесли очень серьезные травмы, потому что, насколько мог видеть, его рука и нога находились в положении, возможном лишь при переломе. К тому же дыхание давалось с необычайным трудом, а во рту ощущался вкус крови.

Он обдумывал свое положение некоторое время, но как долго — неизвестно, поскольку состояние шока исказило ощущение времени, стерев различие между минутами и часами.

Вдруг он ощутил, что его кожа покрывается мурашками. Что-то двигалось слева от него. Ленфант скосил глаза и увидел, что спускается человеческая фигура. К нему вернулось воспоминание о той силе, которая перебросила его через ограждение второго этажа.

— Здесь везде кровь, — произнес Джейсон Яшида, встав над Ленфантом. — Вы, сенатор, все тут испачкали.

Ленфант попытался шевельнуть рукой, но Яшида придавил ее ботинком.

— Нет, сенатор. Так не пойдет, — сказал он, нагибаясь и доставая у Ленфанта миниатюрный кинжальчик, который тот всегда носил с собой. — И хозяина твоего тоже звать не надо. Я не хочу предупреждать его заранее о нашем прибытии.

Ленфант давно уже отказался от попытки подать го-

лос. Боль стала слишком сильной, хотя странное оцепенение продолжало бороться с ней за господство над телом. В то же время его разум совсем прояснился. С леденящей душу отчетливостью, которая иногда возникает именно в такие моменты предельного стресса, он понял, кто все последнее время столь ловко и хладнокровно расправлялся со всеми этими сенаторами. Правда, лично ему это уже не могло ничем помочь.

— И разумеется, мне нужно сделать так, чтобы вы ему ничего не рассказали. Никогда.

Одновременно с этими словами Яшиды что-то мертвой хваткой сдавило сердце Ленфанта. Его тело дернулось, как лягушка на лабораторном столе, глаза вылезли из орбит, а рот наполнился кровью.

— Бог ты мой, — промолвил Яшида, наклоняясь над ним. — Вы, сенатор, похожи на саму смерть.

— Сколько в год мы платим Ленфанту? — спросил Хэм, изучая вместе с Яшидой подробный чертеж клиники.

— Он получает сто тысяч и право пользоваться, когда ему надо, оборудованием в офисе на Кей-стрит, — ответил Яшида.

Он прибыл на встречу с Хэмом сразу после того, как разделался с трупом Ленфанта. Способ ликвидации практически исключал вероятность того, что следы сенатора будут когда-либо обнаружены, разве что аллигаторам в Вашингтонском зоопарке почему-либо придется не по вкусу какая-то часть его тела.

— Добавь ему до ста пятидесяти и скажи, что мы даем ему машину на выбор. Американскую, разумеется, — сказал Хэм. — Я ценю этого парня на вес золота и хочу, чтобы он даже не подумал уйти от нас.

Чертежи давали хорошее представление о помещениях „Грин бранчес“. На первый взгляд клиника отличалась странной планировкой — три наземных этажа и четыре подземных. Очевидно, что в ходе проведенной по указаниям Торнберга широкой реконструкции основание первоначального фундамента разрушили и вырыли более глубокий котлован.

Но, если вдуматься, все это имело смысл. Наличие в распоряжении Торнберга всякой суперсовременной техники требовало, чтобы штат лаборатории размещался в просторных помещениях, изолированных от света, пыли и инфекции, которые случайно может занести вспомогательный персонал, снующий туда-сюда по лабораторным коридорам. Лучший выход — спрятать лаборатории под зем-

лей, а административные и прочие подразделения разместить на наземных этажах, чтобы их сотрудники не имели контакта с исследователями.

Задача заключалась в том, чтобы проникнуть в клинику „Грин бранчес“ и раздобыть неопровержимые доказательства: фотографии или компьютерные дискеты. Нелишнее было узнать и о характере экспериментов, проводимых там на похищенных и одурманенных наркотиками иностранцах.

— Я хочу лишнуть отца не жизни, а возможности заниматься бизнесом, — объяснил Хэм Яшиде.

На чертежах реконструированного здания все изображалось очень детально, благодаря чему Хэм и Яшида смогли точно определить, в каких именно помещениях размещены администрация, бухгалтерия, больничные палаты, ординаторские, кабинеты для рентгеноскопии и тому подобное, а какие — из тех, что под землей, — отведены для проведения окутанных тайной биомедицинских исследований и оценки результатов экспериментов.

И тут именно Хэм додумался, как проникнуть внутрь. Он обнаружил на чертежах берущий начало в трех кварталах от клиники старый туннель для электрокабелей, заброшенный после того, как клинику, потребности которой после реконструкции возросли, подключили к недавно отстроенной подстанции. По мысли Хэма, туннель, если только его не заблокировали по окончании работ, выведет их на первый подземный этаж клиники.

Яшида изучил новые чертежи, но так и не обнаружил никаких признаков того, что этот участок изначальных подвальных помещений как-то перестраивался. Они с самого начала использовались для утилизации медицинских отходов, и все здесь осталось в неприкосновенности.

Конец дня Хэм и Яшида провели, вновь и вновь анализируя план своего вторжения, пока не сочли, что не упустили ни одной детали и предусмотрели все мыслимые и немыслимые случайности. Еще полтора часа ушли на то, чтобы собрать все необходимые инструменты, а затем они отправились обедать в гриль-ресторан „Оксидентал“.

Поднимаясь по ступенькам к ресторану, Хэм вспомнил тот день, когда на этом самом месте он встретился с Марион, и его вновь охватило чувство утраты. Если ее смерть хоть чему-то его научила, так это тому, что не с каждой женщиной можно расстаться легко и безболезненно. Эта мысль пришла ему в голову как откровение, вместе с осознанием того, каким глупым зеленым юнцом он был, когда клялся прожить всю жизнь со своей супругой, внешне эффектной, но такой пустой внутри.

Впервые он признал свою собственную ответственность за неудавшуюся личную жизнь, и даже если убийство Марион не несло в себе ничего положительного, тут оно ему неожиданно помогло. Хотя какой-то толк. Не считая, вероятно, лицемерия, Хэм больше всего ненавидел бессмысленную смерть, никому ничего не дающую.

Его угрюмое настроение не укрылось от глаз Яшиды.

— Что такое, Хэм? — спросил он после второй кружки пива.

Хэм промолчал, вода холодную кружку кругами по облицованной металлом поверхности деревянного стола.

— Мы делаем все правильно, — сказал Яшида. — Даже если бы ваш отец был во всех иных отношениях столпом общества, все равно мы правы, ликвидируя „Грин бранчес“.

— Все дело в том, — медленно произнес Хэм, — что Торнберг действительно столп общества. И это не просто какое-то там общество, а Вашингтон, где таких, как он, почитают наподобие римских императоров.

Им подали бутерброды и жаркое. Яшида допил пиво и взялся за кетчуп.

— Но ведь к данному обществу в целом все это не относится, не так ли?

— В общем-то, нет, — буркнул Хэм, уставившись на свой бутерброд. — Это относится лишь к Торнбергу и ко мне.

— Ясно, — кивнул Яшида. — Речь идет о том, попытаетесь ли вы по-прежнему оставаться папенькиным сыном.

На какой-то момент ему показалось, что Хэм собирается его ударить. Вроде бы он и рассчитал все точно, но, если выражаться словами Хэма, необходимо держать нос по ветру. Ведь тут не было постоянной гарантии в том, что он, Яшида, правильно понимает его.

Посвящение Яшиды в наиболее глубокие тайны психологии осуществлялось под руководством различных наставников из „Тошин Куро Косай“, поскольку уже с раннего возраста он проявил замечательную способность докапываться до самых основ чужой психики. Основные точки в ней, действуя на которые можно направлять поведение другого человека в нужную сторону, ассоциировались у Яшиды с вкусовыми ощущениями, и он испытывал наслаждение, пробуя их, подобно гурману, дегустирующему гусиную печенку или черную икру.

В практической деятельности делать это оказалось го-

раздо труднее и сложнее, ибо, как выяснилось, для того чтобы распробовать эти ощущения, требовалось перестать вести себя как сторонний наблюдатель-психоаналитик, а наоборот, глубоко сблизиться с другим человеком, узнать, чем он дышит, научиться любить его, ненавидеть и даже бояться. Причем Яшида узнал, что конкретный тип эмоций не имеет значения. Главное — преодолеть эмоциональную отчужденность. В итоге последствия выполнения им своих заданий оказывались неизбежно тяжелыми в душевном плане и одновременно трагичными.

Так получалось и на этот раз. Яшида знал, что, проникнув в „Грин бранчес“, он приблизит к завершению еще одно свое задание, и это вызывало у него меланхолию, несмотря на растущее возбуждение от предвкушения успеха.

Дело в том, что он относился к Хэму далеко не безразлично, видя в нем воплощение всего того хорошего, что можно сказать об американцах, и, признаваясь самому себе, считал, что на данный момент Хэм является его лучшим другом. Этот парадокс не остался им незамеченным, однако он понимал, что это никак не повлияет ни на его планы, ни на окончательный исход, представлявшийся ему неизбежным.

Яшида ощущал себя орудием истории, и даже сейчас, жуя начиненный сыром, кетчупом и жареным луком бутерброд, он помнил, что в конечном счете лишь история имеет для него значение. Все остальное со временем будет предано забвению, и единственный доступный его пониманию смысл жизни — это не упустить шанс оставить хотя бы маленький, но свой след в истории.

— Ты для меня и друг и соратник, — произнес Хэм, — поэтому я знаю, что с твоей стороны это не хамство.

— Даже в разговоре с лучшим другом нельзя фальшивить, касаясь семейных дел, — сказал Яшида, буквально физически ощущая на себе тяжелый взгляд Хэма. — По-моему, невозможно быть полноценным человеком, если жить, все время под кого-то подстраиваясь. А еще я считаю, что жизнь — это борьба за то, чтобы понять, кто ты есть на самом деле, а не кем бы тебя хотели видеть другие.

— Закончил?

— Да.

— Это хорошо, — констатировал Хэм и взял в руки бутерброд. — Теперь я могу поесть спокойно, не опасаясь несварения желудка.

Три часа спустя, облачившись в матово-черные костю-

мы и намазав лица черной краской, они спустились в систему туннелей под одной из улиц на окраине Арлингтона и, то и дело задевая за стенки, отправились в подземное путешествие по направлению к клинике „Грин бранчес“.

Туннель действительно оказался старым. Лучи от ручных фонарей дневного света освещали трещины в железобетонных стенах, сквозь которые просачивалась вонючая вода, образуя на вогнутой внутренней поверхности слой слизи.

Хэм заметил крысу размером чуть ли не с полруки, но чудище, скорее всего, сытое, не стало приближаться к людям, вторгшимся на его территорию.

Подземный вход в клинику оказался запертым наглухо, работа с замком, хоть и ржавым, почти не отняла времени. Минуту спустя они ступили за обшитую свинцом железную дверь.

— Прежде чем мы расстанемся, — сказала Минако, — позвольте рассказать кое-что о Достопочтенной Матери, этой выжившей из ума богине, к которой я теперь испытываю лишь омерзение и страх. Это демон женского рода. Из того, что я знаю о ней, я почти готова поверить сказкам о том, что у нее клыки вместо зубов.

В голосе Минако звучала ярость. Они стояли у основания лестницы, ведущей наверх к храму Хиэ Дзинзя. Какофония городских шумов уже достигала их ушей, напоминающая зарождающуюся бурю.

— Все это, конечно, глупости. Люди любят распускать такого рода слухи, чтобы усилить ее ауру. На самом же деле им ничего не надо делать для этого. Она и так невероятно могучая.

Чика провела последние три года достаточно близко от нее, и в результате ее душа опалена. Поначалу она испытывала благодарность за то, что выбор пал на нее, однако вскоре обнаружила, что Достопочтенная Мать оказывает на нее, как и на всех в ее окружении, оупляющее воздействие. Ее сила похожа на какую-то черную дыру, втягивающую все вокруг внутрь себя, к своей сердцевине, чтобы испепелить... или полностью изменить, вывернуть наизнанку.

Чика поняла то, что я уже знала, — Достопочтенная Мать обожает выворачивать людей наизнанку, психически мучить именно тех, кто больше всего ей поклоняется. Отвратительное зрелище! После этого Чика стала презирать ее и бояться.

Если вдуматься, то чего же еще можно ждать от жен-

щины, живущей уже так долго? Скука — единственное, что ее по-настоящему беспокоит. Я меньше чем кто-либо хотела бы ее оправдывать. Просто пытаюсь найти какое-то объяснение, хотя применительно к такой твари, как она, это достаточно сложно.

Чем больше Чика приближалась к Достопочтенной Матери, тем реальнее становилась угроза ее полной гибели. Она чувствовала, что гибнет, но так постепенно и незаметно, что поначалу толкования, которые давала происходящему Достопочтенная Мать, казались убедительными.

Когда Достопочтенная Мать проводила время с тем или иным из своих многочисленных любовников, Чика должна была оберегать ее покой как личная телохранительница. Достопочтенная Мать посылала за любовниками, когда наступала темнота, и потом в темноте оседлывала их, доводя себя до экстаза. Чика иногда видела, как лоснится ее атласная кожа в лунном свете, проникающем в окна спальни сквозь ширмы из тончайшей рисовой бумаги. При этом она хрипела, как похотливое животное с гибким мускулистым телом, так что, может быть, у нее были и соответствующие клыки.

Среди окружения Достопочтенной Матери ходили легенды о ее сексуальных аппетитах, и именно таким путем, даря сильнейшее наслаждение мужчинам, оказывавшимся на ее мокрых от пота шелковых простынях, она выворачивала их психику. Последним из них стал американский миллиардер Лоуренс Моравиа, которого доставили в храм Запретных грез после того, как он попался ей на глаза в ночном клубе в Гинзе и вызвал у нее желание.

Она захотела не только его тело, не только его семя, но ей понадобилась и его душа.

Чика, следуя буддизму, не верила в существование души. Насколько ей известно, Достопочтенная Мать тоже не верила. Так что слово „душа“ здесь не совсем подходит. Тогда как же лучше выразиться? Дух? Сущность? Чика как-то раз прочитала, что племена охотников за головами на Новой Гвинее верят, что если съесть мозг врага, то обретешь его силу. Разве не в этом суть философии Достопочтенной Матери? Чика пришла к убеждению, что так оно и есть, хотя и не могла доказать это. Не то чтобы Достопочтенная Мать пожирала их мозги. Ей не требовалось для этого применять свои зубы и язык. Она пользовалась своей „макура на хирума“.

— Теперь я понял, что вам от меня понадобилось, — сказал Вулф, отворачиваясь. — Вы ждете, чтобы я убил эту Достопочтенную Мать. Я не буду этого делать!

— Нет! — решительно воскликнула Минако. — Вам суждено самой судьбой стать тем оружием, которым я нанесу один-единственный смертельный удар. Ради этого я пошла на такой громадный риск, поставив под серьезную угрозу свою жизнь и жизнь моих детей. Все прочие попытки накопить достаточно сил, чтобы уничтожить ее, провалились. Я правильно сделала, послав за вами свою дочь. Мой инстинкт насчет мощи вашей „макура на хирума“ меня не обманул. Сейчас лишь вы способны одолеть Достопочтенную Мать.

— И все же вы должны быть готовы к тому, что я потерплю неудачу, — заметил Вулф. — Как бы ни проявлялась моя сила, не забывайте, что я еще не до конца контролирую ее. На овладение ею потребуется какое-то время.

— Нет, я не могу ждать, — возразила Минако. — Наше время вышло. Безумие Достопочтенной Матери достигло окончательной стадии. Она уже впитала так много энергии „макура на хирума“, что у вас будет всего лишь одна возможность открыто сразиться с ней. В противном случае будет слишком поздно. У нее окажется достаточно сил, чтобы уничтожить всех нас.

Над головой Минако шуршали ветки дерева, а тени, падавшие от них на ее лицо, придавали ему сходство с мрамором.

— Вы должны сделать то, что мне привиделось, — закончила Минако. — Вырезать сердце Достопочтенной Матери черным клинком „макура на хирума“.

Вакарэ все еще находился в храме Запретных грез, но теперь он чувствовал себя, как в цитадели адских сил. А как хорошо начинался вечер! Оставив Юджи на попечение Нишицу, он стал развлекаться с поочередно меняющимися молодыми людьми, которые, несмотря на невинную внешность, отнюдь не походили характером на его целомудренного лучшего друга. На каком-то этапе после первой опорожненной бутылки виски „Сантори“ на него накатило чувство глубокого раскаяния, вызванного растущим убеждением, что, сведя Юджи с Нишицу, он предал Юджи и превратился в инструмент его совращения.

Однако он залил эти страхи новыми порциями виски. А после этого вдруг появилась Ивэн и чуть-чуть не прикончила его на месте.

Он всполошился, почувствовав, как она захватывает его разум коварной змеиной хваткой, и ускользнул, инстинктивно сознавая, что хоть он и сильнее, но она меньше

его отягощена моральными запретами и ей меньше терять, и потому она может одержать верх.

Вывавшись от Ивэн, Вакарэ побежал, спотыкаясь, через зал. Он почувствовал, как она наводит на него „макура на хирума“, как черная молния бьет его в спину, проникая сквозь кожу и тело. Но добраться до своего сердца и раздавить его Вакарэ ей не дал. Он обогнул угол и упал на колени, получив еще один удар черной молнии.

Присутствие Ивэн ощущалось все сильнее, и он чувствовал, что ее энергия растет. Казалось, чем больше она входила с ним в контакт, тем быстрее возрастали ее силы, и Вакарэ впервые засомневался, суждено ли ему остаться в живых. Он не умел предвидеть будущее, пользуясь „макура на хирума“ скорее как орудием борьбы, чем как инструментом познания, но даже сумей он в этот миг хоть что-то предвидеть, все равно он не стал бы вести себя по-иному. Обязанный жизнью другой женщине — Минако Шиян, он твердо соблюдал закон „гири“, и этим определялась его сущность.

Боль обожгла его, и он закричал. Но тут же стряхнул ее с себя, отшвырнул поразивший его клинок тьмы обратно к Ивэн и поспешил по коридору. Ног под собой он больше не чувствовал. Ему казалось, что он лежит в трясине, грозящей поглотить его, и понял, что она побеждает.

Тут он ощутил, что она уже рядом, и бросился вперед сквозь открытую дверь, спотыкаясь о циновки. Силы оставили его, Вакарэ откинул голову и издал вопль. В этот момент „макура на хирума“ Ивэн ударила его в полную силу, и он растянулся на полу лицом вниз. Перекатившись, он приподнялся и, подчиняясь инстинкту самосохранения, попытался нанести удар рукой.

Ивэн поймала его кулак ладонями. Одновременно она резко ударила пяткой в его плечевой сустав, и Вакарэ застонал от острой боли в вывихнутой руке.

Он лежал, беспомощно вытянувшись и задыхаясь. Встав над ним, Ивэн запрокинула назад голову и по-вольчи завывала.

Они чего-то ждали? Чего? Вакарэ не знал. Боль стала нестерпимой. Его перегруженные нервы уже не выдерживали, и возникшие в них импульсы побежали к напряженным, как канаты, мышцам, заставляя их непроизвольно сокращаться и дергаться. Но жалкие телодвижения уже ничем не могли ему помочь. Захват, которым держала его Ивэн, оставался железным.

— Как рыба на суше, — раздался голос. Вакарэ с трудом повернул голову и увидел Достопочтенную Мать. — И, как у рыбы, я съем у тебя самое вкусное.

До сих пор Вакарэ никогда не испытывал настоящего ужаса, но сейчас у него затряслись все поджилки. К горлу подступила тошнота, но его не вырвало. Даже на потуги у него не хватило сил.

Вместо этого он в ужасе смотрел, как Достопочтенная Мать опускается на колени рядом с ним, неотразимо прекрасная, одним своим видом разжигающая в мужчинах желание. Она коснулась его руками, прохладными и белыми, как алебастр, погладила подбородок и щеки. А затем прижала большие пальцы к его векам.

— Нет! — простонал Вакарэ.

Давление ее пальцев не увеличивалось, и на какой-то миг Вакарэ вообразил, что его пощадят. Но тут же почувствовал дикую боль, будто в глазницы вонзили кинжалы.

— Нет! — закричал он изо всех сил.

Он попытался вырваться, но Ивэн ухватила его еще крепче. Достопочтенная Мать, прикоснувшись лбом к его лбу, больше не давила на глаза пальцами. Поддерживался лишь физический контакт, а „макура на хирума“, врубившись в зрительные нервы, проникла по ним в мозг, а там таинственным способом принялась извлекать из Вакарэ его индивидуальную сущность, все его неповторимые особенности. Так Достопочтенная Мать извлекала из своих жертв их „макура на хирума“ и добавляла к своей.

— Нет!

Процесс уже начался, и теперь ни человек, ни Бог не могли остановить его. Несмотря на сильные руки Ивэн, тело Вакарэ изогнулось дугой так, что от жуткого напряжения затрещал позвоночник. Затем он, расслабившись, снова упал на татами и стал дергаться в конвульсиях. Его движения потеряли координацию, и теперь он мало походил на человека, будто Достопочтенная Мать высасывала из него не только „макура на хирума“, но и человеческую сущность.

— Все кончено, — проговорила наконец она, ощущая во рту вкус крови и ртути — признак присутствия „макура на хирума“.

У нее кружилась голова, как будто от чрезмерного употребления спиртного. Поднимаясь с колен, она подала сигнал Ивэн. Та стремительно наклонилась и вонзила большие пальцы в глаза Вакарэ. Ее „макура на хирума“ придала этому движению громадную силу, от которой его голова запрокинулась назад так резко, что хрустнули шейные позвонки.

По завершении последней серии экспериментов Торнберг не отправился домой. С одной стороны, сломалась

главная центрифуга с компьютерным управлением и некоторые наиболее важные анализы проводились на старых приборах, практически вручную. Из-за этого ему пришлось пробыть в „Грин бранчес“ целых пять часов вместо обычных двух.

С другой стороны, он испытывал необычайную депрессию. На его состоянии сильно сказался двойной шок — предательство сына и смерть Тиффани. Возможно, он начал стареть и стал слишком чувствительным, впадая в ту самую сентиментальность, которую когда-то с презрением подмечал у собственного отца. Тогда он твердо сказал себе, что если таков конечный удел всех стариков, в связи с увеличенной или пораженной раком простатой, то это не для него. Как же все-таки старость подавляет человека. Ощущая ее на каждом шагу и зная, что ждет тебя в конце этого пути, поневоле затоскуешь о той жизни, которой ты жил когда-то, так давно, что, кажется, с той поры прошли столетия. Бесспорно, есть что-то поистине славное в том, чтобы погибнуть во цвете лет, как Александр Македонский, — идти все быстрее от победы к победе, а затем вдруг разом отправиться в небытие.

Никакого упадка сил, никаких особых изменений в общем состоянии, просто в крови угас огонь и мало-помалу тебя подводит твое тело. И мозг. О мозге тоже нельзя забывать, ибо что толку от обновленного тела, если мозг продолжает атрофироваться. Боже мой, если задуматься, что такое ад, то вот это состояние и есть тот самый ад.

Помолодевший, если считать на годы, но усталый, как под бременем веков, Торнберг удалился в свой офис в юго-западном углу на третьем этаже. Отдыхать.

Ему пришло в голову, что это даже хорошо, что он здесь. Пустота его огромного дома стала в последнее время невыносимой. Стиви находилась в Вашингтоне, ожидая новой встречи с ним, но он не испытывал ни малейшего желания видеть ее до тех пор, пока не улягутся бушующие в нем страсти.

Его потрясло то, как сильно ему не хватает Тиффани, хотя, в конце концов, эта тоска, возможно, вовсе и не по ней. За всю жизнь у Торнберга была всего одна любовь, всего одна женщина, ради которой он смог бы, если надо, пожертвовать жизнью.

Улегшись на зеленую, как трава, кожаную софу и сунув под голову вышитую подушку, он стал разглядывать узоры на потолке от проникающих в окно лучей света. Они образовывали как бы калейдоскоп, сквозь который он сно-

ва мог узреть события прошлого так, как если бы они произошли вчера, а не двадцать с лишним лет назад.

Он закрыл глаза и начал грезить о Минако Шиян.

Вулф и Чика молчали, глядя друг на друга из противоположных углов комнаты. Их объединяло очень многое, не высказанное вслух: тьма и свет, вопросы и ответы, вопросы без ответов. Вулфу сделалось вдруг больно при мысли, что эта пропасть останется между ними навсегда.

Они находились в доме Минако на окраине Токио. Огромные балки, вытесанные из дерева, образовывали на потолке нечто вроде гигантского решетчатого узора, трансформируя пространство под собой таким образом, что создавалось удивительное ощущение уединения. К тому же интерьер внушал входящему в комнату чувство некоего смирения, напоминая о грозной необъятности природы, в которой человек — всего лишь песчинка.

— Я удивлена, что ты пришел, — проговорила наконец Чика и отвернулась от него.

— Нет, ты не удивлена.

Вулф силился понять, где же правда. Откровения Минако насчет отношения Чики к нему повергли его в состояние шока, особенно потому, что червь сомнения все еще точил его душу. Он так и не сумел до конца избавиться от недоверия.

— Это правда, что ты любишь меня? — спросил он, делая шаг в ее сторону. — Или же ты просто считаешь своим долгом оберегать меня?

Она промолчала, и тогда он добавил:

— Говори правду, а не то, что мне хочется услышать. Последнее у тебя здорово получается.

Чика стояла в полумраке, образованном прикрывающими верхнюю часть окон бамбуковыми жалюзи.

— Правда в том, что я полюбила тебя с того момента, как впервые увидела.

— Ты имеешь в виду, что захотела меня? — спросил он, подумав о той ночи, когда он залез в ее квартиру на Шестой улице.

— И это тоже. Но хотеть кого-то легко, а любить так трудно.

— Ты не права. Любовь — это самое легкое чувство, потому что ему не надо учиться. А вот ненависти приходится учить.

Червь сомнения наконец оставил его в покое. Он медленно направился к ней, сердце его билось, как молот, ибо он так и не мог предугадать, что же произойдет, когда они окажутся рядом.

— Сколько бы времени я ни проводил с тобой, ты все еще остаешься для меня загадкой.

Она улыбнулась, протягивая руку, чтобы прикоснуться к его щеке.

— Ах, Вулф, как же ты равнишь мне сердце!

Подойдя вплотную, она положила голову ему на грудь. Он ощутил ее дыхание и слегка коснулся пульсирующей ямки между ключиц. Чика прильнула к нему, почти как ребенок.

— Теперь ты понимаешь, почему я не могла рассказать тебе все сразу при первой встрече, почему тебе пришлось уяснять все постепенно, шаг за шагом?

Чика говорила так тихо, что Вулфу показалось, будто этот шепот звучит у него в голове.

— Прости, что обидел тебя.

Эти слова прозвучали одновременно у них обоих, и их искренность не подлежала сомнению.

Вулфа изумляла произошедшая с Чикой перемена. В Нью-Йорке она вела себя энергично, смело и более находчиво, чем даже большинство известных ему мужчин. Здесь же, в Японии, он ощущал, как по ней словно стайка угрей пробегает дрожь, вызванная страхом.

— Чего ты так боишься?

— Ты не знаешь Достопочтенную Мать.

— Она не может слышать меня или ощущать мое присутствие, — сказал он мягко.

Но она все равно прижималась к нему с каким-то отчаянием. Тогда он призвал на помощь „макура на хирума“, которая закружилась вокруг них, как песчаная буря. Лишь ощутив его биополе, Чика начала успокаиваться.

— Мне горько вспоминать, — сказала она.

— Воспоминания обладают своей собственной силой, — отозвался он, поняв, что речь идет о времени, когда она находилась в неволе у Достопочтенной Матери. — Но они часто теряют власть над нами, когда ими делятся.

Чика передернулась, и он подумал о том, в каких порочных сценах ей пришлось участвовать в роли свидетельницы или, хуже того, в роли третьего действующего лица.

— Хотелось бы мне верить в это, — прошептала она.

— Верь в меня, — призвал Вулф.

— Я никогда не умела верить в чудеса, — вздохнула она, — именно поэтому я так сильно боролась против своей любви к тебе. Потому что ты для меня как чудо, как живое воплощение моих грез. И я боюсь, что в любой момент ты исчезнешь, растаяв словно дым.

Вулфу стало невыносимо больно видеть, как она мучается от страха, и он решил дать ей выговориться.

— Что тебя пугает больше всего? Расскажи мне, — попросил он.

Чика ответила не сразу. Она дышала так медленно и размеренно, что Вулфу на какой-то миг показалось, что она задремала у него в объятиях. Но вот она нарушила молчание и заговорила шепотом:

— Когда я была совсем маленькой, моя мама взяла меня с собой в храм Запретных грез. С тех пор почти ничего не изменилось. Время, похоже, не властно над всем этим.

Моя мать доставила меня на самый высший уровень, проведя через дверь с изображением двух фениксов, скрытую за черной как ночь лестницей-приступкой „тансу“. Для этого она легко сдвинула лестницу в сторону. За дверью с фениксами оказалась комната, где находилась прекрасная женщина — Достопочтенная Мать. Выглядела она примерно так же, как и сейчас. Достопочтенная Мать нежно поцеловала меня в обе щеки. „Посади свою дочь на циновку передо мной“, — велела она, и моя мать подчинилась. „А теперь возьми вот этот нож, — приказала Достопочтенная Мать. — Я знаю, что значит для тебя Чика, но я также должна знать, насколько ты предана мне. Кое-кто хотел бы видеть меня мертвой, и я должна удостовериться, что ты не из их шайки. Возьми нож и убей свою дочь. Сделай это, ибо я тебе так велю“.

Помнится, я заплакала после ее слов, и тогда моя мать с помощью „макура на хирума“ остановила мой неуместный плач. Мне стало страшнее в тысячу раз. Я увидела, как мама заносит нож и как его лезвие устремляется к моей груди.

Я зажмурилась, но боли так и не ощутила. Приоткрыв глаза, я увидела, что Достопочтенная Мать крепко держит запястье Минако, а острое ножа остановилось в нескольких дюймах от моей груди.

„Теперь я знаю, что ты чиста сердцем, — произнесла Достопочтенная Мать. — Каким бы ни было твое решение, жизни твоей дочери с самого начала ничто не угрожало. Я отношусь к ней, как к своему собственному дитя, и люблю ее точно так же, как и ты. Но теперь ее жизнь принадлежит мне, и я повелеваю тебе никогда не позволять ей забывать об этом“.

Через много-много лет, после того как я овладела „макура на хирума“, моя мать сказала мне, что я нахожусь в совершенно особенном положении, поскольку моя жизнь

отдана Достопочтенной Матери. По ее словам, Достопочтенная Мать в конце концов будет использовать меня как исполнительницу ее воли, что таким образом я узнаю о ней очень многое. Годы спустя она рассказала мне, насколько сильно она теперь ненавидит и боится ее. К тому времени уже состоялось мое посвящение в секреты, точнее, в махинации и амбициозные планы Достопочтенной Матери, и я возненавидела ее за то, что она творит с людьми, развращая их человеческую природу во имя своих целей.

Именно тогда Минако поведала мне о своем решении уничтожить Достопочтенную Мать. Не будучи японцем, ты не способен понять, насколько тяжело далось ей это решение. Как я привязана чувством долга — „гиря“ — к ней, точно так же и она привязана к Достопочтенной Матери.

— Я знаю, — заметил Вулф. — Минако рассказывала мне, как они росли вместе.

— О, это еще не все, — пояснила Чика. — В детстве она спасла Минако жизнь, когда та чуть не утонула в море во время прилива. Достопочтенная Мать нырнула на глубину сто футов, чтобы отыскать ее и вынести на поверхность. Там внизу ничего не видно. Лишь „макура на хирума“ позволила Достопочтенной Матери обнаружить девочку. Так что Минако обязана ей жизнью, а для большинства японцев немислимо не считаться с этим. Но чувство справедливости у Минако сильнее, чем чувство долга.

Вулф как будто видел в темных глазах Чики всю эту давнюю историю, полную очарования и в то же время непостижимую. Они оба молчали.

— Итак, Минако завербовала тебя, — подытожил Вулф.

Из глаз Чики потекли слезы.

— Да, — подтвердила она, плача. — Я стала двойным агентом, шпионом за Достопочтенной Матерью в интересах Минако.

Вулф прижал ее к себе крепче, а она продолжала:

— Я очутилась между Минако и Достопочтенной Матерью, как в ловушке. Иногда мне казалось, что между ними нет разницы. Всю свою жизнь они посвятили „макура на хирума“. Не обществу Черного клинка, не превращению Японии в экономический колосс, каким она стала в наше время, а силе в ее чистом, первобытном виде.

Вот так, Вулф, я научилась ненавидеть. Под крылом у родной матери. Одно время между ней и Достопочтенной Матерью существовала близость сильнее, чем между родными сестрами. Узы любви связывали их нерушимо. Но

время и события извратили эту связь до неузнаваемости и повернули ее темной стороной. Теперь Минако ненавидит Достопочтенную Мать так же люто и глубоко, как когда-то любила ее.

Она запиулась и добавила:

— Самое же плохое здесь то, что я не знаю, как эта ненависть повлияла на Минако.

Ее снова передернуло.

— О Вулф! Я потеряла всякую надежду. Это было так ужасно — оказаться между двумя могучими силами. Достопочтенную Мать я ненавижу, а своей матери обязана жизнью. Но сейчас я испытываю одну лишь ненависть, и это как вкус отравы.

— Твоя ненависть тебя рано или поздно погубит, Чика, — заметил Вулф. — Мне жаль тебя, если это присуще всем вам.

— Послушай, но ведь ты не такой, как мы, — произнесла она, поднимая голову. — Именно это я и имела в виду, когда говорила, что ты стал воплощением моих грез. Моя ненависть истощает меня. Я знаю, что пока она истощила силы моей сестры Казуки и довела ее до отчаяния.

— Может быть, я сумею излечить тебя от ненависти, знать бы только, ради чего это делаю, — сказал он, крепко прижав ее к себе. — Я всю жизнь искал смысл своего существования. Не в отвлеченном метафизическом плане, а конкретно, лично для себя. Сначала я был убежден, что мне надо быть достойным образа моего отца, техасского рейнджера, и ради этого не один год потратил, не живя своей собственной жизнью, а пытаясь подогнать ее под выбранный мною образец.

С оглядкой на отца я стал полицейским. Я воспринял от него те методы, которым он меня учил, и ту яростную отвагу, которую он сам приобрел вдали от законов цивилизации. Но встреча с тобой и пробуждение во мне „макура на хирума“ показали, каким я был слепцом.

Я забыл о важнейшей составной части своей жизни — о шаманстве моего деда. Он во многом пугал меня, так же как пугает тебя Достопочтенная Мать. Но сейчас я вижу, что мой страх порождался всего лишь недостатком понимания. А откуда ему взяться? Дед умер, когда я был подростком. Но учить меня он начал слишком рано. Я делал то, что следует делать только в зрелом возрасте, — переходил в потусторонний мир, видел смерть и боролся с ней.

Вулф ненадолго замолчал, вспоминая, а потом продолжил:

— Теперь-то я понимаю, что у моего деда не было выбора. Он знал, что скоро умрет и что ему надо разбудить во мне энергию до того, как он покинет этот мир. Но все это делалось слишком рано и пугало меня. Что я тогда знал о смерти? Столкновение с ней заставило меня повзрослеть чересчур быстро, и я потерял отца и деда, еще не став вполне самостоятельным. После этого я очень долго старался не вспоминать о деде, потому что эти воспоминания причиняли боль. Боже мой, люди — это такая тайна! — И он покачал головой.

— Ах, Вулф, как же я тебя люблю! — воскликнула Чика, прильнув к нему.

Вулф почувствовал, как она всем телом обвивается вокруг него, и кровь забурила в его жилах. Он стянул вниз ее короткую юбку, Чика освободилась от нее. Вулф приподнял на ней рубашку, обнажив маленькие крепкие груди. Соски Чики затвердели, и он обнаружил, что у нее повлажнело между ног. Она застонала и расстегнула на нем ремень, высвобождая его сразу же отвердевшую мужскую плоть.

Вулф пронзил ее, полностью войдя внутрь. Она задрожала, ноги ее обвились вокруг него, и она прихватила зубами его плечо. Он чувствовал, что она вся пылает от страсти, тыкаясь в него горячими сосками и проводя по его телу языком. Он прижал ее к стене, усиливая напор. По мышцам ее живота пробежала дрожь, и она со стоном стала подниматься по нему выше. Вслед за этим они затихли, прислушиваясь к пульсации крови и кипению адреналина и растворившись в простейшем инстинкте совокупления во имя жизни. Все их глубокие страхи оказались, пусть даже и на миг, но забытыми.

Наконец, громко вскрикнув и вцепившись в Вулфа, Чика испытала оргазм раз, затем другой, ощутив в то же время, как его семя извергается в нее.

— Осторожней, — шепотом произнес Яшида. — Тут везде контейнеры с медицинскими отходами.

— Наверно, поэтому у них и крысы выросли такие здоровенные, — отозвался Хэм. — Как в фильме ужасов „Они“, только там про муравьев.

Он бросил взгляд на предупредительные наклейки на бочках.

— Как ты думаешь, у этой штуки тоже есть период полураспада, как у радиоактивных отходов?

— Хорошо бы, если так, — проговорил Яшида, проskalзывая мимо последнего контейнера. Перед тем как

войти в подвал, он жестом остановил Хэма, пытаясь обнаружить, нет ли тут фотоэлементов, детекторов движения или еще какой-нибудь охранной сигнализации, которую надо отключить. Но этот подвальный отсек никогда не реконструировался, и он ничего не нашел. На всякий случай, чтобы их не зафиксировала какая-нибудь видеокамера, они надели лыжные шлемы, закрывающие лицо.

Они знали, что служба безопасности располагается над ними, на первом этаже. Хэм посчитал, что административные помещения, занявшие почти весь второй этаж, не представляют интереса. Он достаточно хорошо изучил своего отца. Ясно, что тот не допустил бы, чтобы компрометирующие материалы могли попасть в руки посторонним. Следовательно, второй этаж отпадает. Личные апартаменты Торнберга размещены на последнем этаже. Но и в данном случае Хэм, зная своего отца, не сомневался, что тот не станет прятать опасные документы в собственном кабинете, поскольку, в случае чего, власти обыскали бы его в первую очередь.

Таким образом, искать следовало лишь на подземных этажах — здесь ведется наиболее секретная исследовательская работа, и эти помещения, с точки зрения Хэма, легче всего изолировать в чрезвычайной ситуации. Именно эта логика и завела их теперь в самые недра „Грин бранчес“.

Они обследовали подземные этажи относительно спокойно. К этому времени сотрудники большей частью уже ушли, а охранники, как и предсказывал Хэм, вообще тут не появлялись. Своим присутствием они бы только нервировали персонал и мешали сосредоточиться. Хэм с Яшидой также не обнаружили никаких признаков наличия следящих видеокамер типа установленных снаружи, по периметру здания.

Они переходили из лаборатории в лабораторию, но им не попадалось ничего такого, что могло бы дать ключ к разгадке сути проводимых здесь экспериментов. Лишь одно из обнаруженных ими помещений служило не лабораторией, а чем-то вроде комнаты отдыха. Теплая и уютная, несмотря на отсутствие окон, эта комната почему-то запомнилась Хэму, и он в конце концов снова потянул в нее Яшиду. Пол комнаты во всю ширину устилал мягкий ковер. Там и сям стояли удобные, обитые тканью кресла и диваны, столики для коктейля и тумбочки с лампами в восточном стиле, слабый свет от которых придавал помещению особый шик. У стены стоял книжный шкаф с журналами, разложенными в стопки по их принадлежности к

той или иной области биологических исследований и рассчитанными на узкий круг специалистов. Обстановку дополняли холодильник, мойка из нержавеющей стали и электроплита с кухонной стойкой, позволяющие приготовить полный обед. Рядом находился полированный деревянный стол овальной формы и восемь стульев из того же гарнитура.

Хэм внимательно осмотрел все это, но по-прежнему чувствовал, что от его натренированного взгляда что-то ускользает.

— Это местечно выглядит вроде невинно, как попка младенца, — пошутил Яшида.

Хэм издал легкий смешок. Ну конечно же! Если у Торнберга имеется какой-то компромат, то он не станет прятать его дома или где-нибудь у родственников. Аналогично не воспользуется он и банковским сейфом, поскольку такой материал должен всегда находиться у него под рукой. Но все же прятать его надлежит в каком-то укромном месте.

Хэм огляделся вокруг. Додумается ли кто-нибудь искать его в комнате отдыха? Вряд ли. Хэм представил себе, как Торнберг входит сюда с бумагами, которые хочет убедить от посторонних глаз. Куда бы он их спрятал? Туда, где вероятность проверки наименее вероятна. Не за холодильник, не под ковер, не в стены — в таких местах профессионалы ищут в первую очередь.

Он пересек комнату, подошел к книжному шкафу и снял стопку биологических журналов, но обнаружил за ней лишь заднюю стенку полки. Снял еще одну стопку — то же самое. Он прошелся по всей полке, снимая стопку за стопкой. И лишь когда почти покончил со второй полкой, обнаружилось то, что искал. Убрав очередную пачку журналов, Хэм увидел за ней еще одну. Он протянул руку и сдвинул журналы в сторону. Там было темно, но ему не хотелось зажигать фонарь в этой на данный момент безлюдной части клиники. Он наклонился пониже и, всмотревшись, обнаружил сейф.

— Яш, — тихо позвал он.

Отойдя к двери, чтобы не мешать Яшиде возиться с замком, Хэм чувствовал, как сильно бьется сердце. Яшиде потребовалось пять минут для подбора нужной цифровой комбинации, и все это время Хэм потел, томясь от безделья. Сначала он держал под наблюдением дверь, но минуты тянулись медленно, и тогда он прошелся по комнате и встал так, чтобы видеть коридор. Он слышал гудение центрального кондиционера, прерывистый писк медицин-

ского оборудования в соседних лабораториях и больше ничего. Однако продолжал стоять насторожившись и ждал, когда Яшида вскроет сейф.

Фактически Яшиде понадобились три с половиной минуты, чтобы подобрать комбинацию. Он мог бы сделать это и на минуту раньше, но ему пришлось работать, стоя в восемнадцати дюймах слева от сейфа, ближе к густой тени в углу комнаты, чтобы не попадать в поле зрения замеченной им скрытой видеокамеры.

За оставшееся время, прежде чем позвать Хэма, он быстро и профессионально изучил припрятанные Торнбергом бумаги и убедился, что они содержат более чем достаточно улик, чтобы предъявить тому целый ряд серьезных обвинений. Хэм, правда, говорил ему: „Я хочу лишить отца не жизни, а возможности заниматься бизнесом“. Но это пожелание не совпадало с планами Яшиды, во всяком случае, в далекой перспективе. Поэтому он прошелся по всем материалам и нашел то, что ему требовалось. Прихватив корреспонденцию, он сунул остальные бумаги в сейф и тихо окликнул Хэма. Тот с радостью оставил свой пост и, следуя жесту Яшиды, встал прямо перед сейфом. Не видя скрытой камеры, он стянул с лица лыжный шлем-маску и извлек из сейфа компромат на своего отца.

— Юджи-сан, не покидайте меня.

— Мне надо идти, — торопливо ответил Юджи Оракул-Хане. — Я должен переговорить со своей матерью, сказать ей, что она обязана помочь мне освободиться из той темницы, куда она меня засадила.

— Опасность в жизни, а не в смерти.

Он остановился и обернулся:

— Что ты имеешь в виду?

— Не знаю. Но я меняюсь.

Юджи кивнул.

— Я уже слышал от тебя, что ты постоянно меняешься.

— Да, но те изменения происходили по моей воле. А тут по-другому. Сейчас я меняюсь непредвиденным и непонятным мне образом.

Юджи почувствовал, как зашевелились на затылке его коротко подстриженные волосы. Его начала охватывать паника.

— Что происходит?

— Я как будто схожу с ума, — ответил Оракул голосом, странным образом напоминавшим Юджи Шияну голос потерявшегося ребенка. — Меня одолевают жестокие грезы, иррациональные мысли.

— Нарушены лапид-контуры? — спросил Юджи, забегав пальцами по пульту управления.

— Проверьте, пожалуйста, сами.

Юджи осмотрел датчики.

— Все показания, похоже, в норме. Я не вижу никаких неполадок в схемах.

— Так и есть. Тут что-то совсем другое, Юджи-сан. Вы утешите меня?

Юджи озабоченно взглянул на черный лобовой экран своего детища.

— Что?

— Опасность в жизни, а не в смерти.

Юджи подошел вплотную, будто такая близость могла каким-то образом успокоить Оракул. Он положил на него руку и ощутил тепло и легкую вибрацию.

— Ты говоришь бессмыслицу.

— В моих словах есть смысл, но я не могу объяснить его.

— Ничем не могу помочь.

— Пожалуйста, Юджи-сан, то, что я говорю, чрезвычайно важно.

— Значит, наконец ты стал настоящим Оракулом, — заметил Юджи. — Древние греки, часто полагавшиеся на своих оракулов, нуждались в услугах посредников-медиков, чтобы толковать их изречения. Они верили, что оракулы возвещают волю богов.

— Опасность в жизни, а не в смерти, — повторил Оракул. — Ответ заперт во мне. Я его чувствую. Непознаваемый. Плывущий, как акула в глубинах.

— Хана...

— Хана тонет. Она очень напугана, Юджи-сан. Нас атакуют ужасные, непонятные мысли. Мы ускользаем прочь, то и дело теряем контакт с реальностью. Процесс... Я не понимаю... Их... Переборки опустились... Проходы под водой... Иррациональное...

— Хана, используй „макура на хирума“, — взмолился Юджи.

— Мы ее используем. Но тут поднимается... Юджи-сан, мы умираем.

Тревога Оракула стала физически ощутимой, словно по телу Юджи поползли десять тысяч насекомых. Он непроизвольно вздрогнул.

— Хана!

— Юджи-сан, нам нужен нейрохирург. Или медиум. Помогите нам. Пожалуйста!

— Мистер Конрад!

Торнберг открыл глаза. Он по-прежнему находился в своем офисе в „Грин брачсес“. Сон смеживал ему веки, и тогда его охватил приступ гнева из-за того, что он так легко отключается, поддаваясь воспоминаниям прошлого, которые фактически стали для него ярче, чем настоящее. Ведь это явный признак того, что он стареет, одолеваемый злейшим врагом — временем.

— Мистер Конрад!

Он увидел перед собой маску смерти, уже много лет назад ставшей его хорошей знакомой и молчаливой спутницей, и в панике уже вообразил, что, невзирая на лекарства, его смертный час настал. Но тут образ приобрел четкость, и он понял, что перед ним лицо Джона Грэя, шефа его службы безопасности, крупного мужчины с изрубленным морщинами лицом, крутым характером и могучими руками. Как-то раз он на глазах у Торнберга переломил этими своими лапищами сук дерева толщиной с собственную ляжку. Торнберг переманил его к себе из полиции округа Колумбия, где Грэй повздорил со своим начальником-капитаном, которому злые языки наговорили, что его подчиненный „чрезмерно применяет силу против лиц, подозреваемых в правонарушениях“. Такой человек в самый раз подходил Торнбергу.

— Да, — отозвался Торнберг, ворочая во рту сухим и шершавым языком. — Что такое?

Ему все еще казалось, что в воздухе висит этот тлетворный запах. Ее запах.

— Извините за беспокойство, сэр, — произнес Грэй, — но один из моих сотрудников заметил двух человек в лыжных шлемах-масках, и я подумал...

— Где? — спросил Торнберг, приняв вертикальное положение.

— В библиотеке внизу.

— Профессионалы?

— Высокого класса.

— Все еще в здании?

Грэй отрицательно покачал головой.

— Я сам, как только узнал, возглавил облаву, но они смылись. Прочесали территорию, а все без толку.

— Черт побери! — выругался Торнберг, вставая. — Почему твои люди не засекли посторонних раньше?

— С одной стороны, они каким-то образом обошли всю сигнализацию. А с другой — все наши внутренние видеокамеры выключаются с интервалом примерно минут двадцать. Этого времени им оказалось достаточно. Они наверняка заранее ознакомились с планом клиники.

Торнберг кивнул.

— Впрочем, не все еще пропало, — добавил Грэй. — Я хотел бы показать вам видеозапись.

Он провел босса по коридору, затем вниз, на первый этаж, в комнату охраны. Там он нажал пару кнопок на пульте, и на экране возникло черно-белое изображение с отпечатанными внизу датой и временем, показывающим часы, минуты и секунды.

— Вот, — сказал Грэй, тыкая в экран тупым указательным пальцем. — Сейчас вы как раз увидите, как он входит в рамку.

Торнберг смотрел: на экране вскоре появился неясный силуэт, он переместился справа налево в пределах поля съемки камеры, спрятанной в стене библиотеки. Из густой тени проступило скрытое маской лицо. Так уж получилось, что лицо оказалось почти перед самым объективом.

Наклонившись к полке, человек стянул с себя маску, чтобы лучше видеть, и его лицо возникло из темноты, словно светлячок в теплой летнюю ночь.

Палец Грэя ткнулся в кнопку, поставив видеозапись на паузу, и Торнберг четко увидел на экране лицо своего сына Хэмптона.

После того как они пришли в себя, Вулф долго стоял неподвижно, будто изваяние. Все еще разгоряченный, он ощущал, как их потные тела скользят друг о друга. Он открыл глаза, и взгляд его упал на его собственное отражение в зеркале и отражение Чики. Ему вспомнилась созданная ею конструкция, которую он увидел в потайной комнате Моравиа, и тут он понял, почему она тогда вызвала у него такое беспокойство. Странное дело, но Чика, похоже, будто воспользовалась своим даром предвидения, чтобы запечатлеть этот момент из будущего, момент, когда влюбленные представляют собой почти единое целое и когда только-только начинается процесс разъединения — самый сложный и таинственный момент, который он мог себе представить. Его изумление способностью Чики столь достоверно отобразить такой сокровенный миг исключило любую возможность недовольства тем, что она посмела открыто запечатлеть его.

Медленно, по-прежнему наслаждаясь друг другом, они встали на ноги. Чика поцеловала его мягкими, как бархат, губами.

— Мы такие похожие, ты и я. Наше место не здесь, Вулф. Но где же оно?

Они босиком прошли в ванную комнату. Душ в ней отсутствовал, стояла лишь каменная ванна с металлическим краном, из которого при повороте рукоятки текла клубящаяся паром горячая вода. Широкое окно по другую сторону ванны смотрело в сад, который, казалось, охватывал дом со всех сторон. Вулф ступил в ванну и поглядел в окно.

— Что там? — спросила Чика.

В тени двух огромных валунов он различил какое-то движение.

— Кто-то снаружи, — ответил Вулф, чувствуя, как, подобно взводимому курку, нарастает в нем напряжение.

Он направил туда биолуч „макура на хирума“ и обнаружил какого-то неизвестного, а вслед за этим увидел, как из тени появился мужчина, направляющийся к дому. Теперь, разглядев черты его лица, Вулф узнал его, сопоставив с фотографией, которую в свое время показывал Шипли.

— Это твой брат Юджи, — сообщил он Чике.

— Юджи? — переспросила та, подходя к окну. — Почему он пришел сюда в середине дня?

Они вышли из ванной и проследовали через дом к черному ходу. Между братом и сестрой состоялся обмен приветствиями, показавшийся Вулфу хоть и не совсем лишенным родственных проявлений, но все же довольно формальным, учитывая их долгую разлуку. А вслед за этим Юджи сказал, что ищет Минако. Узнав, что здесь ее нет, он, волнуясь, рассказал, что ему стало известно: Достопочтенная Мать знает об измене Минако.

— Где сейчас Минако? — спросила Чика. — Вулф, она тебе что-нибудь говорила?

— Она сказала, что у нее назначена встреча с Достопочтенной Матерью, — вспомнил Вулф.

Кровь отхлынула от лица Чики.

— Боже мой! — только и воскликнула она.

Юджи стоял рядом с ней, оцепеневший, как в каком-то кошмарном сне, от которого невозможно пробудиться.

Вулф, разумеется, понимал, что произошло. Прознав об измене Минако, Достопочтенная Мать вызвала ее в храм Запретных грез. Вызвала в последний раз, чтобы либо убить на месте, либо, в соответствии со своими извращенными пристрастиями, высосать энергию „макура на хирума“ из мозга Минако.

Глава восемнадцатая

Токио—Вашингтон

— Кое в чем вы были правы и, думаю, правы и насчет всего остального, — сказал Сума.

Он смотрел на Достопочтенную Мать, сидящую на камне в саду позади храма Запретных грез. Она всегда напоминала ему дикого зверя: красивого и опасного, потому что невозможно предусмотреть его следующий шаг. Теперь казалось, что она придает жизнь самому камню, оживляет его, будто являясь некой мезоморфной формой, меняющей свой облик с той же легкостью, с какой человек меняет одежду.

Сума смотрел на нее и не знал, слушает она его или нет. Он покашлял немного.

— Например, когда я впервые встретила его, „макура на хирума“ была у него в зачаточном состоянии. Вообще-то если бы вы не предупредили меня, что от него всего можно ожидать, то я поклялся бы, что даром ясновидения он не обладает. Я не ощущал никакой ауры, исходящей от него, ничего совсем не ощущал, а, как вам хорошо известно, определять силу ауры я прекрасно умею.

На лицо Достопочтенной Матери пал солнечный луч, пробившийся сквозь туман, небоскребы и дымку огромного индустриального города. Кожа на ее лице была совершенно чистой, без морщинок и пятнышек, словно у маленькой девочки. Густые, длинные, блестящие и без единой седины волосы, зачесанные назад от высокого крутого лба, ниспадали до самой поясицы. Они были похожи на некое таинственное оружие неизвестного предназначения.

— Ты имешь в виду, что он совсем чист?

— Как грифельная доска без единого иероглифа. Очень походит.

— Ну тогда он один из тех двоих, про которых Минако рассказывала мне в прошлом месяце, когда вернулась с задания из Камбоджи.

— Достопочтенная Мать, — вежливо возразил Сума, —

Минако вернулась из Камбоджи свыше двадцати лет назад.

— Двадцать лет как двадцать минут, — задумчиво произнесла Достопочтенная Мать. — Какая для меня тут разница?

Она открыла глаза, и Сума окаменел. Ему показалось, что он смотрит на солнце. От ее ауры исходил ослепительный блеск, способный выжечь глаза, может, и не в буквальном смысле, но если бы она решила их выжечь кому-нибудь, то выжгла бы непременно — в этом Сума ни капельки не сомневался. Она легко читала мысли собеседника и свободно могла помучить его или, наоборот, утешить. В этом-то и заключалась, по мнению Сумы, ее самая великая сила: она была великолепным психологом.

— Достопочтенная Мать, хотя я и сделал все, чтобы расшевелить у Мэтисона, как вы наказывали, „макура на хирума“, я тем не менее не могу с уверенностью сказать, каков будет результат. Хотя его аура теперь и находится в активном состоянии, я все еще не могу разобраться в ней. Поскольку в нее нельзя проникнуть, то невозможно и определить ее мощь.

— В таком случае весьма вероятно, что пробуждение ауры у этого человека предопределено самой судьбой, чего мы не смогли предусмотреть.

— Вполне возможно.

— Более чем возможно, Сума-сан, — уточнила Достопочтенная Мать. — Хотя ты и съездил в Нью-Йорк, будущее для меня все равно осталось зажатым в кулаке и скрытым от глаз.

Сума терпеливо ждал, пока Достопочтенная Мать не кончит говорить.

— К тому же еще весьма возможно, что его сила может одолеть мою.

— Да, это так, Достопочтенная Мать.

— Или даже одолеть силу Минако, чья „макура на хирума“ с некоторых пор стала посильнее моей.

— Да, и одолеть Минако, — согласился Сума.

— Мне это говорит мое видение. Он единственный такой человек. — Она слегка отклонилась в тень. — Я это вижу очень четко, Сума-сан: он появился сюда по мою душу. Мы должны быть начеку.

— Но как, Достопочтенная Мать? Ведь мы не сможем почувствовать его приближение. Он уничтожит нас.

— Нет, ты ошибаешься. — Она высунула кончик своего странного красного языка. — Для нас как раз настала самая подходящая пора.

Стиви Пауэрс любила останавливаться в Вашингтоне в отеле „Уиллард“ не только потому, что он находился в деловой части города и был расположен неподалеку от Белого дома, что давало ощущение близкой причастности к высшей власти, но и потому, что его залы и коридоры напоминали ей роскошное убранство железнодорожных вагонов люкс, в которых она так любила ездить.

Если Аманда любила все, от чего можно было набраться ума, то Стиви предпочитала возвращаться в обществе. Когда она узнала, что выйти замуж за богача еще не значит, что перед ней распахнутся двери в высшее общество, она страшно расстроилась. Это открытие стало для нее сокрушительным ударом. Члены семьи Мортонна Донахью, может, и были состоятельными людьми, но они занимали не ту ступеньку социальной лестницы Филадельфии, какую нужно, и поэтому двери высшего общества оставались закрытыми для них, а следовательно, и для Стиви. Она оказалась напрочь отрезанной от общественной великосветской жизни и даже не представляла, что же такое можно предпринять, чтобы изменить положение. Если уж говорить по правде, то Стиви и психотерапией-то занялась только лишь потому, что, излечивая других людей без роду и племени, она тем самым лечила себя.

С Торнбергом она познакомилась через Аманду, а та знала его по Колумбийскому университету, где он прочел цикл лекций на юридическом факультете по приглашению попечительского совета за солидный денежный вклад в университетский фонд.

Нетрудно было догадаться, что привлекло ее в Торнберге: он легко мог очаровать и охмурить любого, да еще к тому же имел доступ в сверкающий мир власти, а против этого устоять она не могла. Торнберг оказал неоценимую услугу ее семье, создав Мортону солидную репутацию в Вашингтоне. Для Мортонна это означало, что в последние два года он, по сути дела, безвылазно жил в Вашингтоне, но Стиви надеялась на еще большее.

Она научилась здраво и с выгодой для себя использовать истинный расклад вещей, а он оказался таким, что она больше не любила своего мужа. В сущности, она сомневалась даже в том, нравился ли он ей вообще. Ей было трудно разобраться, изменилась ли она за последние годы, или же изменился Мортон. Но все это мелочи. Главное заключалось в том, что Торнберг сумел с блеском протолкнуть ее в высший свет, более того, он научил ее, как вести себя и лавировать в этом свете. В результате ее перестали

чураться самые осторожные и щепетильные его представители. Вот почему она с таким нетерпением ждала каждой новой поездки в Вашингтон.

Она еще не привыкла к своему новому положению в обществе и, войдя как-то в конце напряженного дня в роскошный вестибюль отеля „Уиллард“, спохватилась, что несет в руках тяжелые сумки: почти весь день она проматалась по магазинам, совершая покупки, а теперь мечтала только поскорее принять горячую ванну, переодеться, пропустить рюмочку-другую в баре „Оксидентал-грил“ и отправиться с Торнбергом в театр. А потом поужинать вместе с ним.

— Доктор Пауэрс?

Она обернулась и почти лицом к лицу столкнулась со стройным симпатичным человеком восточного типа, которому на вид можно было дать около сорока лет или чуть больше.

— Да. Что вам угодно?

— Меня зовут Джейсон Яшида, — представился незнакомец и улыбнулся, не раскрывая рта. — О вас я кое-что слышал, но вы меня не знаете. Не можете ли вы уделить мне несколько минут?

Стиви тоже улыбнулась в ответ.

— Могу, конечно. Но сегодня вечером я, к сожалению, занята.

— Да много времени я не займу, уверяю вас, — настаивал Яшида.

Рот у Стиви еще шире расплылся в улыбке.

— Я очень извиняюсь, но, если бы вы оставили свой телефон у консьержки, я была бы рада поз...

Но тут азиат крепко взял ее за плечо и уверенно повел к лифту, а она почему-то не издала ни звука протеста.

— В ваших же интересах выслушать, что я должен сказать вам, доктор, и как можно скорее, — приговаривал он по пути. Двери лифта открылись, и он втолкнул ее в кабину. — Дело касается вашего знакомого, Торнберга Конрада III. — С этими словами он поспешно нажал на кнопку „Ход“, чтобы никто больше не вошел в лифт.

— Ну и что же вы хотите сказать? — поинтересовалась Стиви.

Ее начало раздражать столь бесцеремонное поведение мужчины. Она смотрела, как азиат нажал на кнопку шестого этажа, на котором она как раз проживала, и ей стало любопытно, откуда он узнал, в какой гостинице, на каком этаже и в какой комнате она поселилась.

Яшида не прекращал в это время как-то странно улыбаться.

— У меня есть информация относительно Торнберга, которая вас, вне всякого сомнения, заинтересует, — сказал он.

— Кто вы такой, не шантажист ли? — подозрительно взглянула она на него. — Меня на дешевку не купишь. — Она сбросила его руку со своего плеча.

Яшида насупился и заметил:

— Вы ошибаетесь, доктор. Я не коммивояжер. — В это время лифт поднялся на шестой этаж, и двери автоматически распахнулись. — Пожалуй, мне следовало бы сказать вам также кое-что о вашей погибшей сестре Аманде. — Искусственная улыбка сошла с его лица, и оно приняло прежнее приятное выражение. — Вот мы и приехали на ваш этаж, доктор. Не разрешите ли мне войти вместе с вами?

— Ну выкладывайте, что там у вас? — поторопила она его, когда они переступили порог ее номера.

Она нарочито задержалась в прихожей и не приглашала его в комнату. Сумки с покупками она впикнула в настенные шкафы в прихожей.

Яшида ловким движением вынул из нагрудного кармана куртки обычный почтовый конверт и передал его Стиви. Она внимательно осмотрела конверт снаружи, но внутрь заглядывать пока не стала.

— Вам знаком этот почерк, доктор? — спросил он.

— Да, знаком. Это писала Аманда.

— Вы не ошибаетесь?

— Она же моя сестра. Думаю, что могу признать многое из ее личного... — заметила она и прикусила язык в раздумье, а не слишком ли резко отбрила собеседника.

Яшида удовлетворенно кивнул головой. Больше он не сказал ни слова и даже не пошевелился.

Стиви открыла незаклеенный конверт и, вынув письмо, начала было читать, но сразу же оторвалась от текста и, насмешливо взглянув на Яшиду, передала письма ему обратно.

— А можете ли вы доказать, что у моей сестры были какие-то связи с Торнбергом? — спросила она.

— Мне до этого нет никакого дела, доктор. Думаю, вам тоже, — ответил Яшида вежливо, но твердо и вернул ей обратно письмо вместе с несколькими другими.

— Вы должны прочесть их все, чтобы понять, в чем тут дело.

Некоторое время Стиви внимательно приглядывалась к нему с явно неприязненным видом, но писем обратно не

отдала. Спустя минуту-другую она все же пригласила его войти в прихожую, а сама направилась в гостиную и, подойдя к маленькому письменному столу около задрапированного окна, присела на стул. Вскрыв первое письмо, она принялась читать. Прочитав его, принялась за другое.

На чтение ушло немало времени. В комнате начало темнеть, и Яшида вышел, чтобы включить электрическое освещение, держась при этом так, словно был ее прислугой.

Стиви будто не замечала его, она целиком погрузилась в чтение. Сестра писала как бы кровью сердца. И, к ужасу Стиви, письма отражали всю правду.

В этих письмах — а их, вне всякого сомнения, писала сама Аманда — сообщалось о ее взаимоотношениях с Торнбергом Конрадом III, если только это можно было назвать взаимоотношениями. За время своей работы по специальности Стиви приходилось сталкиваться с самыми разными определениями слова „отношения“, их было, пожалуй, не меньше, чем самих пациентов, но такого, о чем писалось в письмах Аманды, ей встречать еще не приходилось.

Чувствуя внутреннюю дрожь, она обхватила голову руками, уголок правого глаза начал произвольно подергиваться. „Боже мой, — подумала она, — какого только кошмара не бывает в жизни“. Из писем со всей очевидностью вытекало, что Аманда стала своеобразным подопытным животным в чрезвычайно безобразном эксперименте, проведение которого субсидировалось Торнбергом. За год с небольшим до своей гибели Аманда регулярно три раза в неделю вкалывала сама себе сыворотку, опасную для жизни и не прошедшую еще клинических испытаний. Эта сыворотка разрабатывалась с той целью, чтобы иметь возможность задерживать процесс старения в человеческом организме, чего Торнберг добивался прежде всего для себя. Он же и снабжал Аманду этим дьявольским эликсиром.

Стиви захотелось отложить письма, но она не могла, ибо ее притягивали колдовские чары ужасного злодеяния. Открыв для себя печальную участь сестры, она по-новому взглянула на личность Торнберга и увидела в нем нечто такое, о чем еще час назад подумать не могла.

Из писем Аманды непреложно вытекало также, что она полностью разделяла с Торнбергом его навязчивую идею. По сути дела, получалось, что если бы эта идея превратилась в быль, то случайное знакомство Аманды с Торнбергом на коктейле, устроенном попечителями университета, вылилось бы в... во что? Во что выродились их взаимоотно-

ношения? В симбиоз — только так можно назвать этот странный альянс, в который оказалась вовлеченной Аманда.

Она вместе с Торнбергом поддерживала и лелеяла его навязчивую идею, не рассказывая о ней никому другому. Стиви мысленно ругала себя за то, что не догадалась в свое время поглубже заглянуть в душу Аманды и определить ее психику, которая с виду казалась безмятежной. С болью она припомнила теперь, как неоднократно, когда сестра впадала в депрессию, она объясняла, что все это блажь, пустяки и скоро пройдет. И вот она, Стиви, считающая себя неплохим специалистом, проморгала внутреннюю боль и переживания родной сестры.

Стиви вспомнила, как однажды, когда она еще только начинала свою практическую работу, Аманда сама проанализировала ее состояние и сказала: „Никогда не обольщайся, думая, что уже настолько изучила своих пациентов, что они ничем не смогут тебя удивить. Когда кто-то из твоих пациентов вдруг совершит самоубийство или еще что-нибудь страшное, а ты такого поступка заранее не предусмотритишь, то будешь постоянно казнить себя и спрашивать: как же я упустила это? Как я должна была предотвратить несчастье? И позволь заверить тебя, Стиви, что ответов на эти вопросы просто-напросто не существует“.

Стиви вытащила из конверта последнее письмо и, как это бывает в самый критический момент в классических трагедиях, узнала, как и чем жила Аманда в последние недели своей жизни. Вот что она писала:

„Вы писали мне, что я в отличном состоянии, что эксперимент проходит по плану, но тело мое говорит об обратном. Мне боязно не только потому, что я знаю, что происходит внутри моего организма, но и потому, что я понимаю слабости в вашей моральной позиции. Вы не можете встретиться со мной или даже переговорить.“

Я знаю, что поклялась никогда никому не рассказывать о том, на что согласилась рискнуть, но теперь, когда я оказалась в одиночестве среди тьмы времени и пространства, не могу больше испытывать муки молчания. Я ощущаю себя буквально в преддверии ада, из которого есть только один выход — в сам ад, чего я никак не заслуживаю.

В любом случае, пишу вам (поскольку по телефону вы отказались говорить), чтобы сказать, что я должна нарушить данную клятву. И поэтому я приняла решение все рассказать Вулфу про эту гнусность, пока еще у меня не

сгнило все внутри. Но расскажу не сразу, на это уйдет, без сомнения, некоторое время, поскольку мне надо собраться с духом, которого у меня за последние дни почти совсем не осталось. Но все же Вулфу я расскажу все. Это самое малое, что я могу сделать лично для себя, но весьма возможно, что это в то же время и самое большее.

Я хочу, чтобы вы знали, что я вовсе не обвиняю вас. Я теперь нахожусь в подвешенном состоянии между жизнью и смертью из-за своего слепого фанатизма. Знать бы мне тогда, почему вы не отказались от моей руки, когда я протянула ее вам, чтобы удержать вас, как я полагала, от грехопадения.

Прощайте, Торнберг...

Стиви прикрыла глаза, но слезы все равно катились по щекам, обжигая их, словно кислотой. Под ложечкой она ощутила слабость, будто ее ударили по горлу. Она с трудом удерживалась от рвоты.

— Это Торнберг убил вашу сестру, доктор.

Услышав слова Яшиды, Стиви тяжело вздохнула и молча повернулась к нему. На лице у нее появились пятна и полосы от пролитых слез.

— О-о, я вовсе не имею в виду, что он убил ее самолично, — продолжал Яшида. — Он не такой простак, чтобы влипнуть в уголовщину и засветиться. Но несомненно то, что ее убили по его приказу.

— Зачем? — с невероятным усилием только и смогла вымолвить это слово Стиви.

— В своем последнем письме она четко дает понять зачем, не так ли? — заметил Яшида. — Она же намеревалась рассказать своему приятелю, что творил с ней Торнберг. А Мэтисон ведь полицейский, правда? Ну и как вы думаете, какое бы решение он принял? Он бы привел в действие все имеющиеся у него возможности и не давал бы Торнбергу и дня спокойно прожить. Торнберг, конечно же, никак не мог допустить этого. У него оставался единственный выбор — заткнуть рот вашей сестре.

Стиви опустила голову. Ее слезы размыли последние слова в письме Аманды. Она аккуратно сложила все странички, тщательно разгладив их.

— Я хочу взять их на память.

— Да, да, конечно, — поспешно согласился Яшида.

Стиви смогла лишь начать дышать спокойнее, все остальные чувства и действия вышли из-под ее контроля. Ей почему-то подумалось, что все это происходит в каком-то безумном сне и что если она ущипнет себя и проснется, то реальность окажется не такой уж страшной.

— Ну и чего же вы хотите? — спросила она Яшиду спустя какое-то время.

— А ничего, — ответил тот, направляясь к двери. — Все, что я хотел, получил сполна.

Он вышел, в номере установилась мертвая тишина. Стиви долго сидела сгорбившись за столом. Сквозь окно со звукопоглощающими шторами прорвался звук автомобильного гудка, прозвучавший столь резко и остро, что она наконец очнулась. А потом снова воцарилась мертвая тишина, напоминающая ей густой запах цветов, лежащих у свежей могилы.

— Есть одна древняя японская легенда, а может, и китайская — настолько она древняя-предревняя, — начала Чика. — В ней рассказывается о демоне-людоеде. Как и все прочие демоны, этот тоже был двуполым, то есть одновременно и мужчиной и женщиной, но раз уж он предпочитал являться перед людьми в женском облике, то его и стали называть „она“.

Этого демона изгнали из тринадцатого круга подземного царства, который жители западных стран отождествляют с адом, за нерадивость. Итак, ходила она, бродила по свету и никак не могла придумать, каким образом увеличить свою демоническую силу.

Сначала она пожирала сердца своих жертв, запивая кровью, а обнаружив, что от этого проку мало, пошла в своем стремлении сделаться сильнее дальше: стала пожирать у людей мозги. Почувствовав прилив энергии, она взялась за это дело особенно рьяно и вскоре уже не могла остановиться.

Вот в кого превратилась, по сути дела, Достопочтенная Мать. Она стремится превзойти мифического демона. Единственная разница между ними заключается в том, что она добилась гораздо большего успеха, высасывая и перекачивая из других людей их сущность — дар „макура на хирума“. И предупреждаю тебя, что под какой бы личиной она ни предстала перед тобой, под ней все равно скрывается страшная морда демона-людоеда. Никому, чья „макура на хирума“ сильна, она не позволяет жить на этом свете.

Если ты ослабишь бдительность, она уничтожит тебя, предварительно высосав из тебя то, что сочтет для себя полезным.

Чика и Вулф стояли в тени железобетонного здания, вытянувшегося вдоль узенькой улочки в районе Сибайя. На улочке стоял невообразимый шум, казалось, что даже

густой туманный воздух дрожит от этого шума. Позади них стучало механическое сердце какого-то гигантского генератора. Над головами устремлялась вверх огромная дуга подвесной скоростной дороги, пересекающей этот район. Вулф знал от Чики, что такие генераторы создают поле, способное не пропускать волны особого психического настроя, и таким образом под ними можно укрываться от Достопочтенной Матери и ее людей. Но даже если это было именно так, то Вулф все равно на всякий случай привел в ход свое биополе „макура на хирума“ и создал вокруг них своеобразный защитный экран.

— Теперь, когда Достопочтенная Мать узнала, что Минако предала ее, — сказала Чика, — она никогда не допустит ее в храм Запретных грез.

— Твоя мать, может, уже мертва.

— Нет. Достопочтенная Мать так теперь не поступит. Для нее не будет никакого удовольствия, если Минако легко умрет. Но твой план слишком опасен. Я все еще раздумываю, следует ли мне идти с тобой.

— Да, идти вместе со мной вряд ли разумно, — согласился Вулф. — Она учует твоё появление и получишь подготавливаться. А меня Сума не обнаружит, не сумеет обнаружить и Достопочтенная Мать. Только я один могу вызволить Минако из храма Запретных грез.

— Но чтобы вызволить ее оттуда, ты должен будешь уничтожить Достопочтенную Мать. — Чика наклонила голову и коснулась кончиками пальцев лба Вулфа. — Да, моя мама была права: это твоя карма.

А на роду ему было написано: уничтожить в этом регионе зло, принявшее невероятные размеры.

У дверей храма Запретных грез Вулфа поприветствовала женщина-карлица, одетая если не смешно, то уж, во всяком случае, странно: на ней был прекрасно сшитый по индивидуальному заказу мужской деловой костюм.

— Мое имя Дэвид Уоррен, — представился Вулф. — Я партнер господина Лоуренса Моравиа. Он сообщил мне ваш адрес и сказал, что у вас самый лучший клуб в Японии.

Карлица секунду-другую приглядывалась к нему, а затем, низко поклонившись, жестом пригласила войти внутрь.

Переступив через порог, Вулф услышал, как за его спиной захлопнулась дверь, и почувствовал вокруг своей головы легкие электрические разряды. Время было как раз полуденное, в храме находилось полным-полно наро-

ду. В баре он спросил банку пива и, стоя в тесноте рядом с каким-то японцем в темном костюме, утолял жажду. Освоившись немного и осмелев, он спросил, как пройти в туалет, и покинул бар.

Припомнив рассказ Чики о расположении помещений, он быстро спустился в выложенный каменными плитками коридор. По нему он шел довольно долго и наконец очутился в большой комнате. На стенах были развешаны литографии с изображениями вооруженных самураев, сражающихся в смертельной схватке не только друг с другом, но и со зверями: тиграми, вепрями и удавами. Свиные лица самураев странно контрастировали со стоическими, спокойными выражениями на мордах животных.

Другая застекленная дверь вела из комнаты прямо в сад, оформленный с большим вкусом. Вулф прошел по комнате, толкнул дверь и очутился в саду. Сверху над ним неясно вырисовывались силуэты токийских небоскребов, искаженные волшебными чарами сада. Они казались гигантскими таинственными деревьями, криптомериями, растущими на склонах гор. Вулф четко ощущал, что течение времени здесь не замечашь, и вспомнил, что Чика предупреждала его об этом, рассказывая об особенностях храма.

В саду находилась женщина. Она сидела в позе лотоса на коричневом мху. В легкой дымке было трудно разглядеть ее овальное лицо. Глаза она закрыла и как будто дремала среди необычного спокойствия, царившего в этом уголке. У женщины были густые волосы, блестящие, словно боевой шлем, и зачесанные от высокого лба назад. Полные губы бантиком, накрашенные красной помадой, резко контрастировавшей с бледным лицом, производили необычное впечатление: будто внезапно натолкнулся на срамное слово, написанное на скромной одежде монахини. Она носила черное кимоно с белыми полосками на отворотах и спине. Когда Вулф вошел в сад, ему сразу бросилось в глаза что-то черное на черном же фоне, что создавало впечатление реки, журчащей в темноте ненастной ночи.

Женщина сидела одна и, по-видимому, без оружия. Это и была Достопочтенная Мать.

Но вот она открыла глаза, желтоватые и столь светлые, что казались золотыми. Создавалось впечатление, что сквозь них можно видеть все, что происходит позади нее.

— От вас ничего не исходит, я ничего не ощущаю. И все же вы обладаете биополем, — произнесла Достопочтенная Мать, обшаривая Вулфа взглядом своих широко раскры-

тых необычных глаз, и непонятно было: то ли в них играючи менялся цвет, то ли в глубине разгорался желтоватый огонь.

Вулф ощутил, как рядом с ним возникло и прошло мимо нечто массивное, будто он стоял на палубе корабля, дрейфующего ночью в открытом море и мимо него проплыл айсберг невероятных размеров.

— Либо я слепа, либо вы не существуете, — продолжала она, не сводя глаз с Вулфа. — Но я не слепа, и вы все же существуете. Следовательно, я права.

Легкая улыбка тронула ее лицо, придав ему обезоруживающее выражение, а Вулфу вспомнилась девушка-аборигенка в Лайтнинг-Ридже.

— Скажите мне тогда, а как же моя крестница Чика может улавливать вашу ауру? — задала вопрос Достопочтенная Мать.

— Не знаю, — ответил Вулф.

— Ах, будущее свершилось, — восторгалась она. — Невероятно, но свершилось. Будущее, неизвестное нам обоим.

— Кто убил Лоуренса Моравиа? — начал словесный поединок Вулф. — Кто убил Аманду Пауэрс? Это сделал Сума? Он здесь, я это знаю, я чувствую его ауру.

— Только ради этого вы заявили сюда?

Он направил в пространство свою энергию „макура на хирума“ — черный луч биополя, дрожащий от избытка силы.

— Отвечайте мне!

— Если бы у меня было то, что вам надо, я, конечно бы, передала это вам, — защищалась Достопочтенная Мать. — Наберитесь терпения.

Она закрыла глаза, и Вулф почувствовал, что и его глаза тоже закрываются. Затем он ощутил, что выпадает из времени и пространства, и испытал жуткое чувство, будто он вместе с Достопочтенной Матерью стал единым целым, одной машиной, сила его и энергия неизмеримо возросли, и ему вдруг стало очень тревожно.

Глаза у Достопочтенной Матери внезапно широко распахнулись, и в это же мгновение они открылись и у Вулфа. Она начала говорить — ну прямо сама кротость:

— Чика вас любит, за вас она жизнь отдаст. Благодаря вам ее „макура на хирума“ стала намного сильнее. Вот почему она смогла распознать внутри вас то, что не сумели распознать мы.

Вулф внимательно приглядывался к ней, пытаясь об-

наружить признаки сумасшествия, о чем говорила Минако.

Достопочтенная Мать встала и медленно пошла между холодными камнями и валунами.

— Да, да, хорошенько смотрите на меня, Табула Раза, чистая вы моя доска без нероглифов, — сказала она. — А затем подумайте о своей любимой Чике. Она родилась в 1972 году, но будет выглядеть в предстоящие по меньшей мере сорок лет примерно так же, как и сейчас. — Уголки ее губ раздвинулись в подобие улыбки, напоминающей загадочную улыбку сфинкса; она явно наслаждалась его растерянным видом. — Даже если я и Чика можем сойти за сестер, все равно я старше, так как родилась в последний день последнего года прошлого столетия.

Хотя Чика и говорила ему о том, что люди, обладающие даром „макура на хирума“, живут необычно долго, Вулф мысленно даже ужаснулся и воскликнул:

— Так вы родились в 1899 году? Боже мой!

— Скажите мне, Табула Раза, когда вы родились? — спросила Достопочтенная Мать.

— Сорок три года назад.

— А известно ли вам, что на вид вам не дашь больше тридцати пяти?

Вулф машинально приложил ладони к своим щекам и поинтересовался:

— А сколько лет я проживу?

Достопочтенная Мать неопределенно пожала плечами:

— Моя „макура на хирума“ не может сказать мне о вас ничего.

Она ходила и ходила между валунов, а тень ее бесшумно скользила за ней, гибкая словно кошка. Потом она вдруг очутилась рядом с Вулфом с другой стороны, и он опять ощутил, будто какая-то огромная глыба стремительно прошла мимо него на столь близком расстоянии, что он даже смог бы определить ее массу.

Загадочная улыбка постепенно исчезла с лица Достопочтенной Матери, и она сказала:

— У вас есть какие-нибудь соображения относительно того, как исправить баланс сил, а, Табула Раза? Для меня путь закрыт. Чика — моя преемница. Я люблю ее сильнее, чем любое другое существо, больше любого мужчины, которого я укладывала к себе в постель.

Вулф мог видеть, как с каждым разом она становилась все привлекательнее.

— Понимаете ли вы, что происходит здесь? — продолжала между тем Достопочтенная Мать. — Можете ли вы

постичь новое будущее, которое теперь становится нашим настоящим благодаря вашему появлению? Ее мать создает мне угрозу. Чика — мой надежный страж. Но сейчас и она — это несомненно — тоже стала угрожать мне, и все из-за вас.

— Я здесь, в Токио, вместе с ней, — предупредил Вулф. — Иначе я поступить просто не мог.

Свет, расплывчатый и слабый от дымки, теперь стал поярче и, отразившись от верхних этажей зданий вокруг храма, окрасил сад и фигуру Достопочтенной Матери в нежный бронзовый цвет.

— Вы сами вроде блудного сына, — говорила между тем Достопочтенная Мать. Похоже, она взяла себя в руки. — И, подобно блудному сыну, обладаете внутренней энергией, которая может быть направлена на созидание или на разрушение. — Ее красный рот немного приоткрылся. — Вы уже кое-что испробовали и знаете способность своего биополя. Подумайте о том, как нам объединить силы. Помните, что мощь нашей объединенной „макура на хирума“ — это средство, с помощью которого можно с успехом достичь... чего угодно.

Вулф, ощущая, как его обволакивают соблазн и сладость, исходящие от ее ауры, резко встряхнулся и произнес:

— Я не нуждаюсь в ваших услугах. Суму я смогу найти и сам.

Достопочтенная Мать лишь кротко улыбнулась и заметила:

— А как же насчет Минако? Неужели вы думаете, что и ее легко найдете?

Вулф резко повернулся.

— Что вы с ней сделали?

— Мне как-то странно, — уклонилась от ответа Достопочтенная Мать и гордо вскинула голову. — Почему это вас так заботит ее судьба? Она совсем уже сошла с ума. Я взяла ее сюда ради ее же блага, а также чтобы защитить от других.

— Вы лжете.

— С чего бы мне лгать? Минако моя лучшая подруга. Мы ближе, чем даже кровные родственники. Наша близость носит особый характер, она... уникальна. Она заботилась обо мне, когда все другие отвернулись, и выходила меня. Неужели вы считаете, что я покину ее в момент, когда она так нуждается в моей помощи?

— Я сам решу за себя. Позвольте мне повидаться с ней.

Достопочтенная Мать согласно кивнула головой.

— Пожалуйста. Пойдемте со мной.

Она повела его по саду в противоположную сторону от той, откуда он появился, и ввела в небольшую комнату, стены которой были обиты толстыми кедровыми досками, отполированными до блеска. В комнате стоял острый запах, непонятно какой, возможно, воска и смолы.

Вулф заметил, что Достопочтенная Мать прикрыла за собой скользящую стеклянную дверь и заперла ее, а потом увидел в комнате другую женщину — это была Минако. Она сидела на полу, положив руки на колени.

— Минако?

— Я, Вулф-сан.

Он пристально вглядывался в ее лицо, никакого сомнения — это она.

— Вас здесь удерживают насильно? — спросил он.

— Я нездорова, — ответила Минако. — Временами, когда на меня находит просветление, я понимаю, что со мной не все в порядке.

— Но что же вы мне говорили тогда, в храме...

— Я больна, Вулф-сан. Меня обуревают всякие опасные мысли, и я не могу следить за своей речью.

Она казалась какой-то странной, у нее был неестественный вид. Это о чем-то напомнило ему. Но о чем? Тогда он возбудил свое биополе „макура на хирума“ и направил энергию прямо на нее.

И тут произошла странная метаморфоза. Сползла оболочка, как сползает кожа у гремучей змеи. А под ней таилась знакомая аура, на которую он уже наталкивался там, в грузовом складе в Нью-Йорке, потом под водой в Массачусетсе...

Да это же Сума!

Чика стояла под навесной линией скоростной дороги в Сибуйе. Стало холодновато. Она обхватила себя руками, но от этого не согрелась. Хотя Вулф и приказал строго-настрого и близко не подходить к храму Запретных грез, она все же решила подойти на всякий случай. Если информация Юджи верна и Достопочтенной Матери известно о бунте Минако, тогда все пропало. Однако об этом Вулфу она ничего не сказала — и не потому, что он не поверил бы ей, а просто из-за того, что она не верила, что он встретится с Достопочтенной Матерью. Вспомнив, что она все еще является ее телохранительницей, Чика вздрогнула. Нехорошо, даже подло думать так, но она не могла понять, как это Минако угораздило оказаться в таком двусмысленном положении. Правая рука Достопочтенной Матери и в то же

время агент, работающий на два лагеря, — да, таковым она и являлась. Но какой ценой? Чика знала, что она не раз и не два вливала в Достопочтенную Мать энергию своей ауры.

„Догадываюсь, — подумала она, — что Достопочтенная Мать, хоть и любит меня, все равно с превеликим удовольствием собьет с пути истинного. Только таким образом она сумеет оторвать меня от Минако. Да она, как пить дать, пойдет на это. Своих детей у нее нет, а у Минако их четверо — вот уж детородная машина“.

Чик у передернуло. И вдруг ее буквально пронзила мысль: „Я позволила Вулфу пойти в храм одному, а ведь психологически он не готов к встрече с Достопочтенной Матерью“. Эта мысль не давала ей покоя, поэтому она взяла такси и отправилась в храм Запретных грез, нисколько не заботясь о том, что кто-то обнаружит ее ауру.

И конечно же, этот „кто-то“ сразу нашелся. К счастью, этот человек был вовсе не из руководства общества Черного клинка, чего так опасалась Чика. Им оказалась сама Минако.

— Куда это ты направляешься?

Чика остановилась как вкопанная, с изумлением уставясь на мать. Минако перехватила ее, когда она выходила из такси у храма Запретных грез, и увлекла к входу в ближайшее здание.

— Мама, Вулф сказал, что ты пошла на встречу с Достопочтенной Матерью.

— Да, — подтвердила Минако. — Я ему сама сказала об этом.

— Но ты же здесь, — с изумлением сказала Чика. — И это после того как Юджи известил нас о том, что Достопочтенная Мать знает...

— Разумеется, знает, — резко ответила Минако. — Я сама знала, что она рано или поздно докопается, — вопрос лишь времени. У нее прямо нюх на всякие заговоры, а безумие сделало ее еще проницательнее.

Чика стояла, не в силах сразу осознать сказанное, а потом спросила:

— В таком случае все это, видимо, было частью твоего хитроумного плана? Я имею в виду, что ты нарочно заставила нас подумать, будто тебя заманили в храм Запретных грез, поскольку Достопочтенная Мать раскрыла твои намерения.

— Да, — рассмеялась Минако. — Это был план внутри более широкого плана. Ну как самой не быть дьявольски изобретательной, когда выступаешь против демонов. —

Вздохнув, она продолжала: — Сначала я намеревалась использовать Казуки против Достопочтенной Матери.

— Но ведь Казуки больна и не обладает даром „макура на хирума“.

— А вот тут-то ты ошибаешься, дочка, — возразила Минако. — Как раз она обладает этим даром, но он разрушает ее изнутри, не имея выхода наружу. Видишь ли, ее биополе столь сильно, что вырывается из-под ее контроля. Я пыталась помочь ей, пыталась научить ее, как справляться, но она схватывает уроки слишком медленно, и ее дар вырывается из-под контроля, словно атомная электростанция, и начинает пожирать ее. Теперь этот процесс уже не остановить.

— Боже мой! — воскликнула Чика. — Но ведь Казуки уже давно больна. Я думала, что ты начала бороться с Достопочтенной Матерью...

— Совсем недавно? О нет, уже давно, — широко улыбнулась Минако. — Моя неприязнь к ней возникла несколько десятилетий назад. Я увидела, что делает с ней ее „макура на хирума“, как она подрывает ее здоровье. Она была сильнее Казуки, поэтому смогла управлять своим биополем более долгое время. Но в конце концов и у нее этот дар вырвался из-под контроля.

— Так вот зачем ты посылала меня разыскать Вулфа.

— Да. После того как Казуки вышла из игры, я поняла, что должна найти другого союзника, который помог бы мне одолеть Достопочтенную Мать. Мэтисона я давно имела в виду. Ну а потом родилась Казуки с даром „макура на хирума“, и я настроилась использовать ее возможности в борьбе с Достопочтенной Матерью. Вулф все же представлял для меня загадку. Он как-никак единственный внук Белого Лука, следовательно, он должен был обладать сильным биополем. И все же все обычные проявления биополя у него отсутствовали, поэтому о нем забыли. И лишь гораздо позднее интуитивно я поняла, что его „макура на хирума“ должна быть необычайно мощной. Но как направлять его? Как заполучить его в союзники и привлечь к борьбе на моей стороне?

И тогда я пошла на единственный шаг, который смогла сделать: по секрету все сообщила Достопочтенной Матери. Я знала, что она призовет Суму, а когда она призвала его, то, как ты понимаешь, у меня не было другого выбора, кроме как послать тебя охранять Мэтисона.

Чика находилась в состоянии, близком к шоку, и поэтому изумилась:

— Но подумай, мама! Ведь это так опасно. Зачем было

нужно привлекать к этому делу Суму и рисковать? Почему ты не послала меня с заданием просто привезти Вулфа сюда?

— У меня не было подходящего случая, дочка, — с горечью заметила Минако, покачав головой. — Даже ты не знаешь, на что способна Достопочтенная Мать, а я знаю. Болезнь довела ее до своеобразного психического каннибализма. Вбирая в себя „макура на хирума“ из своих жертв, она с каждым днем обретает все большую силу. Не было никакого резона тратить время и направлять тебя к Мэти-сону, если бы оказалось, что у него нет дара „макура на хирума“ или же что он — дар — недостаточно силен. Следовало подвергнуть его испытаниям в условиях, требующих особого напряжения. Но и еще, разумеется, немало важно, что ты к тому времени созрела для любви.

— Так ты, выходит, все знала, что произойдет?

— Более или менее.

— И позволила, чтобы это все случилось? •

— Даже подтолкнула развитие событий. Я должна была так поступить — он был мне нужен. Нужен нам всем.

Даже находясь в состоянии шока и ужаса, Чика все же заметила, что мать ни разу не упомянула о планах общества Черного клинка, касающихся обеспечения Японии мирового господства. А затем она поняла, что заговор Минако против Достопочтенной Матери всегда носил характер пробы силы воли и мощности биоэнергии между ними. Главное для них — одержать победу любой ценой. К своему растущему ужасу, Чика увидела, как ее мать систематически использовала своих детей, одного за другим — когда сознательно, а когда и нет — в этой честолюбивой борьбе с Достопочтенной Матерью.

— А вот сейчас, в этот момент, Вулф один противостоит Достопочтенной Матери, — вспомнила она.

— Да, один, — подтвердила Минако. — Так и должно быть.

— Но он же не знает ее коварства, он даже вообразить не может, на какие трюки она способна.

— Он с ней справится.

— А что, если не сумеет? Ты знаешь будущее, мама?

Минако молчала.

— Нет, не знаешь, — решила Чика и, взглянув на мать, будто увидела ее впервые. — Ты не можешь предвидеть развития этого будущего. Оно остается для всех нас чистым листом.

— Я знаю...

— Ничего ты не знаешь, — отрезала Чика и, выйдя на

улицу, решительно направилась в сторону задних стен храма Запретных грез.

Вулф сделал всего один шаг к „Минако“, и образ ее сразу же расплылся, как расплывается отражение на поверхности воды. Образ мелко задрожал, будто на экране кинематографа при смене кадров, и выплыл Сума. Вулф тут же сильным ударом отбросил его к стенке из кедровых досок.

Но Сума был наготове и, даже не пошевелив пальцем, напрягся и испустил энергию своего биополя, приглушив биополе Вулфа. Вулф пропустил психологический удар, но устоял. Тогда он резко отступил влево и, наклонившись, нанес Суме мощный удар в грудь, одновременно направив туда же пучок своей биоэнергии. Оба удара попали в цель, но Суму они, очевидно, мало затронули. Вулф почувствовал тяжелый удар в левое плечо и чуть было не задохнулся от пронзительной боли.

В левой руке Сумы оказался серповидный клинок на длинной ручке — грозное оружие, вращающееся, словно веретено, обоюдоострое и искривленное, словно клюв хищной птицы. Им-то он и зацепил левое плечо Вулфа.

Сума даром времени не терял и, раскрутив серп с вращающимся лезвием, сделал новый выпад. Рассекающее со свистом воздух лезвие описало небольшую дугу. Вулф блокировал удар, вовремя перехватив запястье противника, и сделал быстрый и ловкий шаг вправо и назад. Отпустив руку Сумы, он сделал ложный выпад, будто нацелившись ударить его левой прямо в переносицу, а сам, пригнувшись, уклонился от отвлекающего удара Сумы и схватил его за левую руку. Затем он принялся заламывать ему руку назад, вывернул ее обратно и, оказавшись за спиной у врага, обхватил его голову своей правой рукой и, придвинувшись вплотную к нему, попытался свернуть ему шею. Сума медленно отошел назад и ткнул Вулфа толстой рукояткой серпа под нижнее ребро. В глазах Вулфа заплескались искры от боли, а хватка сразу ослабла. Именно этого Сума только и ждал. Он ударил каблуком по правому колену Вулфа, тот зашатался и потерял равновесие. Опять просвистело в воздухе кривое лезвие ножа, и Вулф, все еще не оправившись от удара рукояткой под ребро, с трудом увернулся от поражающего удара в грудь.

Он никак не мог восстановить нормальное дыхание и не понимал, отчего Сума спять взмахнул грозным лезвием. Вулф пригнулся и моментально шагнул вперед под

сверкающий металлический круг. Лево́й руко́й он отвлек внимание противника и, уклонившись от серпа, нанес потрясающей силы удар по его почкам. Удар пришелся в цель, но почему-то опять не в полную силу.

Тогда Вулф снова направил луч „макура на хирума“ вовне и понял, о чем больше всего беспокоился Сума: о зелье, которым было натерто лезвие серповидного ножа. „Да он намерен отравить меня, — мелькнула у него мысль. — Неудивительно теперь, что он не стремится нанести мне смертельный удар, так как считает, что достаточно и малейшей царапины, чтобы я упал без сознания“.

Вулф снова сделал выпад вперед, но Сума проворно отступил назад. Такая позиция повторялась уже дважды, тогда Вулф опустилс́я на одно колено и резко помотал головой из стороны в сторону, как бы пыта́ясь отогнать наваждение. С деланным усилием он встал на обе ноги и неуклюже двинулся на противника. И снова Сума ловко отступил назад, но на этот раз с насмешливой улыбкой на лице. Лезвие ножа болталось у его бедра.

Тут Вулф неожиданно выбросил вперед согнутую в локте левую руку, а пальцами обхватил лезвие и от этого притворно закричал, как если бы обоюдоострое лезвие порезало ему пальцы. Затем он отдернул руку и резко толкнул Суму. Сума широко открыл глаза и с изумлением уставился на кровь, струей бьющую из раны на руке Вулфа, разум его помутился от поступка противника.

Слабость Сумы заключалась в его самонадеянности, и Вулф прекрасно воспользовался ею. Сума слишком полагался на мощь своего оружия, и теперь эта ошибка доконала его.

Вулф притянул его к себе как можно ближе, и черный луч его биоэнергии прошел оборону врага. Никогда в жизни не испытывал Сума такой боли. Она словно проникала в каждую клетку его организма, и они как бы взрывались одна за другой по цепной реакции, отключая разум. Сердце его бешено заколотилось, свет померк в глазах.

Тесную комнату заполнило ужасное зловоние, когда Сума ударился об окровавленные кедровые доски и бесформенной кучей рухнул на пол. А Вулфа охватила ни с чем не сравнимая радость победы и одновременно с этим пронзила боль — яд все-таки успел проникнуть в организм. Он упал на колени, попытался подняться, но не смог. Стало трудно дышать, а мозг, пока еще не затронутый ядом, почему-то обратился к образу Достопочтенной Матери. Где же она?

Он повернулся, пыта́ясь отыскать ее глазами, и тут

раздался жуткий вой, протяжный, как ураганный ветер. От вибрации даже мелко-мелко застучали зубы.

А потом Вулфу показалось, что из комнаты вдруг улетучился весь воздух, а толстые кедровые доски, обрушившись со страшным грохотом, ударили по нему с такой силой, что его отбросило к другой стене, где он очутился под развалинами бревен и камней, но все равно живой, способный еще почувствовать приближение дикого зверя.

Глава девятнадцатая

Вашингтон — Токио

— Мне нужно уехать из города, — заявил Джейсон Яшида.

— Но не сейчас же, — запротестовал Хэм Конрад, повернувшись на стуле, пока изучал фотографии, похищенные из сейфа отца в клинике „Грин бранчсс“. — Материал довольно сенсационный, я даже не ожидал найти такое. По сути дела, мой папаша замешан в похищении людей, работе на торговле, нанесении увечий и в убийстве. Нет, мы не можем так этого оставить. Мне понадобится твоя помощь, Яш, когда я схвачусь с ним врукопашную.

Яшида молча смотрел через окно за спиной Хэма на кусты роз, над которыми вились и жужжали стайки шмелей.

— Шото Вакарэ трижды не выходил на связь в установленное время, — сообщил он.

— Ну и что тебя так волнует? — спросил Хэм, отрываясь от изучения фотографий, проявленных им еще ранним утром. — Он же сообщил нам, что ведет Юджи Шияна в храм Запретных грез. Не стоит слишком волноваться. Разумеется, пока Вакарэ находится там, он не может рисковать, связываясь с нами.

— Боюсь, что ситуация хуже, чем мы думаем, — сказал Яшида, тщательно подбирая слова. — Вакарэ исчез. — Он помолчал, пока Хэм, заинтересовавшись, не поднял голову. — Может, он уже мертв.

— Мертв? — в недоумении переспросил Хэм.

— У меня нет выбора, кроме как поехать и лично разобраться, что там произошло.

Хэм минуту-другую подумал, но затем согласился:

— О'кей. Но делай все побыстрее. Мы не можем позволить тебе долго отсутствовать. — Он сделал решительный жест рукой. — Вылетай первым же рейсом и сообщай мне о всех своих шагах.

Яшида поднялся.

— Слушаюсь, сэр, — сказал он почти по-военному.

Хэм, опять занявшись рассматриванием фотографий,

разоблачающих грязные дела его отца, уже не слушал Яшиду. Он слишком углубился в изучение ужасной правды: Торнберг всю старался показать свою любовь к Соединенным Штатам и ненависть к японцам в качестве причины, вынуждающей его бороться с угрозой, исходящей от общества Черного клинка. Хэм сам не раз был свидетелем проявления его чувств. Он своими ушами слышал, как отец с артистическим блеском неоднократно высказывал это пентагоновским генералам да и самому президенту США. И все это время он занимался, хотя и не своими руками, похищением людей, проведением над ними экспериментов и их убийством. И всю эту мерзость он проделывал ради того, чтобы отыскать мифический эликсир жизни из Святого Грааля. Нет предела лицемерию человека! Хэм не находил слов от возмущения и поэтому как-то не придавал значения отъезду Яшиды. А тот, выйдя из кабинета Хэма, немедленно покинул здание. Он даже не зашел в свой рабочий кабинет, расположенный рядом, и ни с кем не переговорил. Взяв такси, он отправился домой и, оставив шоферу десять долларов, попросил его подождать. Было начало двенадцатого — прошли ровно сутки после их тайного вторжения в клинику „Грин бранчс“.

В своей квартире он в последний раз оглядел три небольшие комнаты, из которых уже заранее были вывезены мебель, картины, постельное белье, кухонная посуда и прочие вещи. По сути дела, здесь не оставалось ничего, кроме двух аккуратно упакованных чемоданов, ожидавших Яшиду сразу за дверью.

Но все же нужно было проделать еще одну процедуру. Яшида прошел на кухню, куда он обычно не любил ходить, и, открыв холодильник, посмотрел на валявшуюся там дохлую крысу. Как бы ему хотелось взглянуть на выражение лица Хэма Конрада, когда тот бросится его искать, но найдет лишь этого поганого грызуна. К сожалению, у него под рукой не было ничего другого, кроме этой крысы.

Разумеется, Яшида выдумал причину, по которой ему якобы нужно было быстро слетать в Японию. На самом деле ему, конечно, совершенно наплевать на Шото Вакарэ и на все, что там с ним произошло. Он использовал Вакарэ в своих целях, равно как и Хэма. А теперь он возвращается в Японию по повелению Достопочтенной Матери.

Яшида еще раз заглянул в пустые комнаты — не забыл ли случайно чего-нибудь из мелких вещей. Вроде ничего. Он вышел в переднюю, подхватил чемоданы и открыл дверь. Выйдя на лестничную площадку, аккуратно закрыл за собой дверь и запер ее на замок.

Спустя сорок пять минут он уже находился в аэровокзале международных линий аэропорта имени Даллеса. Там он первым делом глянул на большие часы наверху. В кармане у него лежал билет на рейс „Джал“.

— На бирках багажа нужно надписать свое имя, — вежливо сказала молодая смазливая сотрудница авиакомпания, выдавая ему посадочный талон.

На двух картонках, подвешенных к чемоданам, отправляемым тем же рейсом, Яшида аккуратно вывел: „Господин Йен Фукуда“, а пониже написал адрес крупной картографической компании в Токио. Эти же фамилия и адрес значились в его паспорте, кредитных карточках, в водительских правах и в других документах, удостоверяющих его личность и лежащих в его бумажнике.

Он прошел контроль службы безопасности, а также иммиграционный контроль, поскольку летел с паспортом японского подданного, где у него проштамповали дату выезда. Часы показывали двадцать минут первого. До отлета самолета, вылетающего в Токио прямым рейсом, оставалось целых два часа. Посадка пассажиров должна была начаться через час, так что времени оставалось более чем достаточно. Яшида купил в киоске журнал „Форбс“ и, взяв в буфете пару безвкусных бутербродов с горячими сосисками и чашку серой кофейной бурды, прочел две понравившиеся ему статьи о свертывании американской автомобильной промышленности.

Наконец объявили посадку. Пассажиры заняли места, и через пятьдесят минут — после вынужденной, как водится, задержки то ли из-за перегрузки, то ли из-за путаницы, устроенной обслуживающим персоналом, — „Боинг-747“ наконец-то оторвался от земли, оставляя за собой грязные выхлопы моторного топлива. „Прощай, Америка“, — подумал Яшида, откинувшись на спинку кресла и потягивая шампанское, поднесенное заботливой стюардессой.

Корпус „Боинга-747“ слегка вибрировал от натужной работы двигателей, когда самолет слой за слоем пробивал толстую облачность. Наконец они поднялись над облаками, и Яшида закрыл глаза. Мысли и впечатления от вечной грязи Вашингтона, от постоянных контактов с американцами наконец-то стали расплываться в памяти и заменяться новыми мыслями подобно тому, как заменяется у змеи сбрасываемая старая кожа новой. До чего здорово снова очутиться в Токио, бродить среди его жителей, говорить на родном языке! Как радостно вернуться в заветный храм Запретных грез, где началась его жизнь и где она закончится!

Жизнь его началась, когда он, словно уторь, выскользнул из утробы Ивэн. Хотя она и до сих пор похожа на подростка, на самом деле ей уже немало лет, правда, никто, даже сама Достопочтенная Мать, не знает, когда все же она родилась.

У Яшиды, разумеется, должен быть отец, но кто конкретно, он и понятия не имел, поскольку родился в результате одного эксперимента по продлению жизни, проводимого Достопочтенной Матерью. Она лично ввела в матку Ивэн сперму неизвестного мужчины-донора, наблюдала за ходом беременности и принимала роды. Сразу же после родов Ивэн тяжело заболела и не смогла первые месяцы кормить ребенка и заботиться о нем. Но младенец уцелел, Достопочтенная Мать делала все необходимое, чтобы он выжил, разве что только грудью не кормила. Но даже если бы Ивэн и захотела кормить младенца, все равно в ее маленьких грудях молока не было. Вдобавок к этому она обнаружила, что ее сын, хотя пока и беззубый, но все же больно и неприятно кусает деснами соски. Поэтому она не обращала никакого внимания на его писк и визг и к груди, хотя бы ради того чтобы успокоить его, не подпускала.

В конце концов Достопочтенная Мать догадалась, в чем дело, и принесла ребенку теплое молоко в бутылочке с пластиковой соской, а в комнате рядом строго наказала Ивэн.

Яшида узнал об этом случае спустя много лет, но вполне может быть, что он тогда слышал, как кричала от боли мать, пока он с жадностью сосал молоко. Он вырос мазохистом и, подобно большинству мазохистов, проявлял по отношению к другим людям изощренный садизм.

Яшида сильно отличался от других. Так, к примеру, он вырос и получил воспитание в храме Запретных грез, а это означало, что власти даже не знали о его существовании. Свидетельства о рождении он не имел, не было у него и документов о школьном образовании, потому что ни в какую школу он не ходил, а учился и получил религиозное воспитание в суровой обстановке за плотно закрытыми дверями храма. Родился он с необыкновенными задатками, и Достопочтенная Мать сразу же разглядела эту его особенность.

Она сама ничем особенным не отличалась, разве что завистливостью. Чрезмерное тщеславие сделало ее безмерно жадной. Яшида научился использовать в жизни эту ее струнку, а Достопочтенная Мать даже и не подозревала об этом. Он вообще прекрасно научился использовать слабости людей, чтобы выжить, и выжил.

Между ними установились странные отношения симбиоза. Они дополняли друг друга тем, чего лишены были сами, и даже умудрялись жить жизнью друг друга, все равно как собственной. Но даже и в этом случае им еще многого не хватало. Однако лучше симбиоза придумать ничего не смогли.

Оба они походили на уцелевших в немыслимой битве воинов, в которой все другие бойцы пали. Раны, нанесенные им в этой битве, оказались столь глубокими, что так или иначе сказывались на всем, о чем они думали, говорили или что делали.

Можно сказать, что Достопочтенная Мать преднамеренно воспитывала Яшиду в том извращенном духе, в каком воспитывали и ее, для того чтобы взрастить себе компаньона, подобного ей. А может, она делала это только потому, что по-другому не умела?

Как-то раз она привезла его в префектуру Нара — самый, пожалуй, сельский район в Японии, наиболее удаленный от городской цивилизации. Там, нацепив на него всего лишь набедренную повязку и одев в белое одеяние синтоистского монаха, она отправилась вместе с ним в путь, несмотря на ночную темень. Сквозь листву и сучья светились далекие таинственные звезды. Стояла поздняя осень, воздух был уже холодноват, остро пахло сухой листвой, все замерло в ожидании первого снега.

Подойдя к древнему храму из камней и дерева, они преклонили перед ним колени. Бронзовые колокольчики зазвенели, и в темноте отозвалось эхо. Достопочтенная Мать развела огонь в бронзовом очаге, бросая в пламя старые веера из рисовой бумаги, чтобы сонм богов, обитающих в этом полном таинственности лесу, оценил ее готовность к жертвам. Затем она произнесла первое заклинание, в котором клялась оставаться верной камням и скалам и сжечь себя, когда придет время.

Поднявшись с коленей, они направились к краю холма, на котором стоял этот синтоистский храм, существовавший и действующий благодаря щедрым ежегодным пожертвованиям Достопочтенной Матери.

Стволы и корни густых деревьев освещались свечами, пламя от которых вытягивалось прямо вверх, ибо сама ночь, казалось, замерла и не дышала. Мальчик Яшида (ему едва исполнилось в ту пору одиннадцать лет) слышал шум воды, который становился все сильнее с каждым их шагом. Они пробирались по усыпанной сосновыми иглами влажной тропинке. Посмотрев вниз, он вообразил, будто видит в свете свечей отпечатки десятков тысяч „гэта“ — обуви на

деревянной подошве, — оставленные паломниками, приходящими к священному водопаду.

Подойдя к берегу горного озера, они остановились и сняли свои „гэта“ и хлопчатобумажные монашеские одеяния „таби“. Достопочтенная Мать вошла в озеро. На некотором расстоянии от них с черных зазубренных скал низвергался священный водопад. Она обернулась лицом к мальчику и протянула руку. Он вместе с ней прошел по гладким и осклизлым подводным камням к тому месту, куда обрушивался сверху поток.

Его поразили неистовство и разгул воды, таящей в себе мощь и энергию.

Достопочтенная Мать положила ему руку на плечо и подвела к самому водопаду, так что холодный поток обдал ему спину. Затем, обхватив его голову руками, она втокнула его прямо в толщу падающей воды.

Под напором воды Яшида упал на колени, он задыхался, а Достопочтенная Мать упорно удерживала его на месте, чтобы он ощутил неимоверную силу и энергию водопада и очистился бы, как это предписывал обычай синтоизма.

Затем она втощила его в самый центр бушующего потока. Там в нескольких местах оказались воздушные мешки, темные и наполненные брызгами, но он все же мог как-то дышать.

Падающий сверху поток был настолько силен, что даже сорвал с Яшиды набедренную повязку — единственное, что было на нем. А может, это Достопочтенная Мать что-то сделала, так чтобы оголилась его плоть, потому что он почувствовал, как ее руки на мгновение оторвались от его головы и дотронулись до бедер. Достопочтенная Мать стояла к нему вплотную, он даже видел, как вода проникала сквозь тонкую хлопчатобумажную одежду и омывала ее. Под мокрой тканью четко различались каждая извилина, каждая складка и каждое закругление женского тела. Это вызывало у мальчика острые эротические ощущения, заглушая его чистые, целомудренные чувства и срывая одежды с богов, населяющих этот лес и насыщающих его природной силой и первобытным великолепием.

Взяв руки Яшиды в свои, Достопочтенная Мать положила их себе на грудь и прижала пальцами его ладони, чтобы он ощутил упругость ее тела. Затем она развела его руки и мокрая ткань отлипла от них. Яшида ощутил, как что-то деревенеет у него в паху, и почувствовал невообразимую боль в груди, от которой, казалось, даже сердце сжалось. Глаза у Достопочтенной Матери засверкали. Ему показалось, что из-за падающих струй ему приоткрылась

тайна, ведущая к бесчисленному множеству звезд, сверкающих холодным блеском над лесистым холмом.

— Я снег зимы, цикада лета, — шептала ему на ухо Достопочтенная Мать, жадно ощупывая его детское тельце. — Я утреннее сияние весны и северный холодный ветер осени. — Она встала перед ним на колени. — Я лисица, жадно поглощающая внутренности кроликов, я молодой олень, который бежит при малейшем шорохе. Я стану лелеять тебя, охранять, кормить тебя и поглощу тебя.

А вокруг них рассыпался мириадами брызг, шумя и пенясь, водопад, они вдыхали воздух, напоенный мельчайшими брызгами, сверкающими и переливающимися на фоне звездного неба.

— Ты будешь любить и бояться меня, а так как будешь бояться, то полюбишь еще сильнее. — Говоря эти слова, она прижала Яшиду плотно к себе, обвила ногами и стала тереться об него, вправо-влево, вверх-вниз, пока у него не закрылись глаза, а рот, наоборот, открылся.

Достопочтенная Мать внимательно следила, как у мальчика напрягся и запульсировал поднявшийся член, и удовлетворенно улыбнулась. Она чувствовала, как он сжимает ее груди, как входит в ее тело, а Яшида, качаясь на волнах ее ауры, тоже ощущал все это. Удовольствие нарастало, и он сладострастно заурчал, пронзая ее снова и снова, пока не забылся, удовлетворенный, в ее жадных руках.

Через некоторое время он очнулся. Сперва Яшида не мог ничего сообразить и подумал, что перенесся в волшебное царство и очутился так близко от звезд, что, казалось, протяни руку — и дотронешься до них. А затем он понял, что Достопочтенная Мать стоит перед ним на коленях и гладит ему лоб.

Тогда Яшида дотронулся до нее, и у него снова поднялся и отвердел член.

— Я хочу тебя, — произнес он.

Достопочтенная Мать отвесила ему увесистую пощечину, отчего у него на лице даже остались следы ее пальцев.

— Эта ночь посвящена обряду и ритуалу, — назидательно сказала она. — Нужны жертвоприношения, чтобы умиротворить богов, которые существуют повсюду. Ты хочешь — ну и хоти. Ты живешь со мной не для того, чтобы думать, чего ты хочешь. Да, ты хочешь меня, но никогда больше не овладеешь мной.

И видя, что мальчик по-прежнему возбужден, начала хлестать его по щекам. Его вырвало, но он сразу же овладел собой и заплакал.

Потом она стала водить его по окрестностям, показывая и подбирая с земли грибы и травы, мох и лишайники, папоротники и различные корни. Она учила его распознавать ядовитые растения — как дикие, так и высаженные ею много лет назад. Они содержали в себе быстродействующие яды, яды замедленного действия, а также такие, которые невозможно было распознать. После этого она принялась рассказывать ему о существующих противоядиях, которые способны если и не вернуть жертве нормальную жизнедеятельность, то уж, во всяком случае, спасти ей жизнь.

Все эти премудрости он постигал всю ночь.

Вскоре она увезла его в Киото — город десяти тысяч храмов и пагод, где зимой нередко случаются сильные холода, а ледяной град бьет в стекла окон так, словно мимо проносится конница. Там она обучала Яшиду практическому приготовлению ядов, давая ему для этого самые разные растения, из которых он должен был сам, своими руками, приготовить отраву. Она показывала, как надо растирать их, очищать, выпаривать, смешивать и варить, чтобы впоследствии, если возникнет необходимость, во всеоружии встретить врага или просто попотчевать тем или иным страшным зельем.

Вот таким образом постигал Джейсон Яшида науку борьбы с врагом, множество раз сам умирая и чувствуя, как жизнь мгновенно уходит из его брэнного тела или же, наоборот, медленно покидает его как бы в процессе старения. И всегда Достопочтенная Мать возвращала ему силы.

Итак, неудивительно, что Джейсон Яшида слепо верил Достопочтенной Матери и был предан ей до конца. Таким образом он обрел облик и натуру, которые Достопочтенная Мать предназначила ему, и стал сродни ей...

И вот он вновь в Японии.

Яшида проспал шестнадцать часов, пролетев за это время многие тысячи миль. Двери салона самолета еще не открылись, и он с нетерпением смотрел в иллюминатор на прячущуюся в легкой дымке макушку Фудзиямы — священной горы, возвышающейся над его родиной, словно некое божество. И тут он вдруг понял, зачем и почему Достопочтенная Мать призвала его вернуться домой. Наступил заключительный этап великого сражения, и главная позиция битвы отныне здесь.

— Вы доставили мне медиума?

— Нет, — ответил Юджи, помогая Чике внести недвижимого Вулфа в помещение на верхнем этаже склада около рыбного рынка Сузуки. — Просто этот человек очень болен.

— И все же он экстрасенс.

— Успокойся, — ответил Юджи Оракулу. Он с беспокойством посмотрел на сестру.

Она сохраняла удивительное спокойствие с того самого момента, когда обрушилась задняя стена храма Запретных грез и едва не погребла ее под обломками.

Сквозь еще не осевшую, забивающую легкие пыль от рухнувших камней и бетонных блоков она разглядела острое изогнутое лезвие серповидного ножа, торчащего из-под обломков, и это лезвие сжимала чья-то рука. Она сразу узнала ее — это рука Вулфа.

Чика невольно вскрикнула и, направив в пространство мысленный луч „макура на хирума“, принялась расчищать проход в нагромождении обломков, которые под действием ее биополя начали расступаться.

Отчаянное, идущее неведомо откуда биополе Достопочтенной Матери угрожающе шевелило камни и бревна с другой стороны, ее черная аура раздвигала острые обломки и раскалывала крупные глыбы камней. Чика чувствовала, как лихорадочно и растерянно мечутся витки „макура на хирума“ Достопочтенной Матери, и сперва даже удивилась, почему та не сумела обнаружить Вулфа, но потом сама почувствовала себя надежно под защитой биополя, которое Вулф все же успел создать в последний момент.

Тогда Чика удвоила свои усилия и сумела наконец раскопать бесчувственное тело Вулфа. Она очень удивилась, обнаружив, что его психическая защита продолжает действовать, хотя он сам находится в беспмятстве. Приложив все силы, она вытащила его из поля действия ауры Достопочтенной Матери. Но еще до этого она заметила у другой стены комнаты скрюченный труп Сумы — это зрелище лишь обрадовало ее, и ей стало немного легче.

И вот Чика принесла Вулфа сюда, на склад, где Юджи устроил свою тайную лабораторию. Более безопасного места она и придумать не могла. Она не видела свою мать там, в храме Запретных грез, и не искала ее. Но, так или иначе, принести Вулфа назад в дом Минако после последнего разговора с ней она просто не решилась.

Теперь Чика тщательно прощупывала пульс Вулфа, прислушиваясь к его дыханию и стараясь мысленно отогнать надвигающийся ужас предстоящего разговора. Она направила биолуч своей „макура на хирума“, пытаясь проникнуть в бессознательное состояние Вулфа и узнать, что там происходит. Снова и снова напрягалась она, но безуспешно — все пути проникновения оказались блокированными.

Подняв голову, она обратилась к Юджи:

— Не знаю, что Достопочтенная Мать сотворила с ним, но он определенно умирает.

— Опасность в жизни, а не в смерти, — изрек Оракул.

Юджи, не обращая внимания на слова Оракула, ответил сестре:

— Есть что-нибудь такое, с помощью чего мы сможем спасти его?

— Да, — подтвердил Оракул. — Он экстрасенс.

Чика повернулась к Оракулу и спросила в недоумении:

— О чем это он говорит?

— Не обращай на него внимания, — с печалью в голосе ответил Юджи. — Что-то с ним случилось. Думаю, он сходит с ума.

— Чуть какая-то, — возразила Чика. — Машины с ума сойти не могут.

— Но ты же не знаешь Оракул.

— А что ты с ним сделал? Его выражение на экране теперь почти как человеческое.

С печалью и вздохами Юджи рассказал ей, как Хана настояла на том, чтобы ее подсоединили к Оракулу, и что в результате этого произошло с ней.

— Я никому об этом не рассказывал, — с горечью заметил он, затем, подождав минутку, громко зарыдал и сказал:

— Не знаю, что и говорить даже. Но я знал, что ты поймешь. Ведь ты лучше всех должна понимать, как несчастна была Хана. Как и у нее, твой дар „макура на хирума“ заставлял тебя становиться тем, кем ты не хотела быть.

Немного помолчав, Чика спросила:

— Где ее тело?

— Я сделал то, что Оракул... нет, то, что Хана просила сделать с ним. Тело покоится на дне реки Сумида.

— Нет!

Не время было вспоминать все прожитое вместе с сестрой, но Чика не могла удержаться. Сама мысль, что Хана ушла навечно, показалась ей непостижимой, и она почувствовала, как на глаза у нее навернулись слезы и покатились по щекам. Ей страстно захотелось обнять Юджи и выплакаться на его плече, но обычай не позволял выражать чувства таким образом. Для выражения горя полагалось просто напиться вдрызг пьяной.

— О Хана!

И все это время ее, не переставая, сверлила мысль:

„Вулф умирает! Делай что-нибудь! Ты должна спасти его!“ Но как? Каким образом? Вот в чем вопрос. Она и так перепробовала все, что только знала. Если даже ее дар „макура на хирума“ не мог спасти его, то что же тогда спасет? Что сотворила с ним Достопочтенная Мать? Чем отравила? Никаких соображений на этот счет у нее не возникало, и это не укладывалось в мыслях...

— Так где же правда? — спросила она. — Жива все-таки Хана или она умерла?

— А это зависит от того, как понимать жизнь и смерть, — подал голос Оракул. — Чика-сан, вы должны помочь нам. Хана здесь, она внутри меня. Но она в то же время утонула. Обоих нас захлестнул вихрь неразумных мыслей, которого я не смог верно истолковать и обуздать. Здесь нужен экстрасенс. Нейрохирург, который, с вашего позволения, облегчил бы наши страдания.

Чика посмотрела на брата.

— Юджи...

— Такой экстрасенс здесь. Мы чувствуем это. Пожалуйста, приступайте к излечению и подключайте его.

— Не слушай его бред, — предупреждал Юджи. — Процедура еще не отработана и требует доводки, она очень и очень опасна. Вспомни, что произошло с Ханой.

— Но она сама не захотела возвращаться.

— Экстрасенс умирает, Юджи-сан. Мы можем сохранить ему жизнь.

— Но в каком виде он будет жить? — с горечью спросил Юджи.

— Угроза нависла над его жизнью. Смерть не страшна. Мы просим вас подсоединить его к нам.

Чика, положив руку на грудь Вулфа, перевела взгляд с его потемневшего лица на светящийся экран Оракула и решилась.

— Ну-ка, подключай, — сказала она.

— Что, что?

— Делай, о чем просит Оракул, Юджи-сан! Подсоедини Вулфа к этому аппарату.

— Но ты же не можешь знать, что произойдет в результате...

— Он умирает, и мы не можем спасти его, — настаивала Чика. — Единственный шанс — подключить его.

Да, она права. Юджи, решив, что о последствиях лучше и не думать, принялся подключать Вулфа к Оракулу в том же порядке, в каком подключал и Хану.

— Вы об этом не пожалеете, — произнес Оракул.

— А почему мне нужно жалеть о чем-то? — спросил

Юджи, тщательно укрепляя контакты на кончиках пальцев Вулфа.

— Потому что горе переполняет вас, Юджи-сан. Вы горюете по Хане, по мне и особенно по своей маме.

— Тебя невозможно понять, — заметил Юджи, приступая к сложному процессу подключения проводов и кабелей, посредством которых в мозг Вулфа будет поступать биоэнергия.

— Я не понимаю, Юджи-сан, что вы имеете в виду, произнося слова „невозможно понять“. Я никогда не ошибаюсь.

— Что ты подразумеваешь, когда говоришь, что никогда не ошибаешься? — спросил Юджи, подсоединяя электроды и контакты один за другим. — Не начинай высказывать свое превосходство. Это ведь отвратительная черта человеческого заблуждения, о которой тебе надо забыть.

— Да вы что, считаете меня невrastеником, Юджи-сан?

— Я говорю о несколько более объемном понятии, чем область психологии, — ответил Юджи, подсоединяя последний электрод.

— Психологи небезопасны, Юджи-сан.

— Ты прав. Они частенько бывают такими, — согласился Юджи, нажимая на первый выключатель, соединяющий Вулфа с Оракулом.

— А я опасен?

Юджи сел за пульт, управляя процессом подключения человека к Оракулу, и был слишком занят, чтобы ответить на вопрос. Он многое узнал об этом процессе, когда экспериментировал с Ханой, поэтому внимательно следил за показателями электроэнцефалограммы, предупреждал перегрузку и мог в случае необходимости отключить любой канал. Но ничего чрезвычайного не происходило — все параметры и показатели находились в норме, как и должно быть.

И вдруг все пошло наперекосяк: раздался свистящий звук электроперегрузки, стрелка показателя электроэнцефалограммы резко сместилась вправо на приборе. Палец Юджи уже было нацелился выключить соответствующую кнопку на панели управления, но оказалось, что он в любом случае никак не мог управлять дальше сложнейшим аппаратом своего же собственного изобретения.

— Юджи, да что же это случилось? — воскликнула Чика.

Повеяло резким запахом озона. Рот у Вулфа широко непроизвольно открылся, и раздался продолжительный стон, заставивший Юджи стиснуть зубы.

И тут же все лампочки и свет внутри Оракула вдруг погасли.

Хэм Конрад ступил на борт отцовской шхуны „Инфлюэнц II“. Был великолепный день начала весны, по небу высоко плыли клочковатые облака, а с берега дул приятный теплый ветер. Отличный денек для того, чтобы походить под парусом.

„Забавно, однако, все складывается“, — подумал он, отдавая швартовы. Днем раньше он уже было собрался поднять трубку, чтобы позвонить отцу, как вдруг Торнберг позвонил сам и предложил встретиться в яхт-клубе на полуденной регате. „Ну вот и отлично“, — подумал Хэм, перепроверяя, не забыл ли фотографии, изобличающие предательство и вероломство отца.

Он понимал, что противостоять Торнбергу будет нелегко, но находка в сейфе в клинике „Грин бранчес“ выбора не оставляла. Яш прав во всем, что касается отца. Правда, конечно, горька, но ведь выбора-то нет. Хэм все еще продолжал надеяться, что сможет припугнуть отца, разоблачив его преступные деяния и заставив покаяться в причастности к гибели ни в чем не повинных людей, ставших жертвой страшных экспериментов. Может, даже удастся вернуть на родину уцелевших и прикрыть клинику „Грин бранчес“. Ну что же, он всегда отличался оптимизмом.

Хэм вернулся в капитанскую рубку, где находился его отец, выводя шхуну в открытое море. Весь экипаж, как сказал Торнберг, был на берегу в увольнительной.

— Иногда они как с цепи срываются, — заметил он. — Да и по твоей роже тоже видно, когда тебе хочется побыть одному.

В воздухе стоял резкий запах моторного топлива, заглушая временами даже запах соленой морской воды. Выбравшись из бухты, Хэм развернул грот-парус, а затем поднял и гик-парус, потому что под парусами яхта со стороны смотрелась лучше. Работу он выполнял методично и охотно, ему всегда нравилось ходить в море. Торнберг учил его ловить ветер. И если бы научил до конца, то, может, Хэм и понял бы, что он с отцом одно целое.

Торнберг направил яхту „Инфлюэнц II“ в Чезапикский залив, сверяя курс по буям и маякам, и вскоре растянутый силуэт Вашингтона остался далеко за кормой. Примерно в полдень Хэм убрал паруса, и они встали на якорь с подветренной стороны маленького островка. Торнберг выставил на стол всевозможную снедь и закуску: толстенные бутерброды с мясом и сыром, политые оливковым маслом, крас-

ный перец с сыром, разные салаты, пирог с сырной начинкой и вдобавок ко всему этому шесть упаковок банок охлажденного пива „Саппоро“, к которому они оба приохотились еще в Японии.

Сидя в камбузе за откидным столиком, Торнберг смотрел, как его сын с хрустом расправляется с огромными бутербродами, а сам в это время, положив себе в тарелку немного овощей, медленно пил пиво. Вот уже много лет, как он потерял вкус к пище, а в последние дни вообще лишился аппетита.

За столом они говорили о всяких незначительных вещах, не спеша и лениво перебрасываясь словами, будто ослепительный солнечный свет, отразившись от воды, действовал на них расслабляюще. Торнберг, казалось, не просто отдыхал, а наслаждался покоем, и Хэм подумал, что так и должно быть после смерти Тиффани. Сам же он, со своей стороны, чувствовал себя довольно напряженно в ожидании предстоящего серьезного разговора. Мысль о трауре послужила для него началом этого разговора, которое он так отчаянно искал и не находил.

— Я вот все думаю, — начал он, вытирая губы салфеткой, — что видел вас в Вашингтоне в подавленном состоянии и понял, что вам не хочется идти домой, ну мне и пришлось в голову, что вам, может, лучше куда-нибудь отправиться.

— Отправиться? — с недоумением переспросил Торнберг, будто сын предложил ему уйти в отставку.

— Ну да, отправиться. Например, в Эспен, а может, даже и в Европу, — выпалил Хэм с излишним энтузиазмом. — Выкиньте все из головы, проветритесь, восстановите силы.

Торнберг напряженно и внимательно слушал сына, а потом спросил:

— В Эспене делать нечего, разве что проматывать деньги да любоваться красотками, изнывающими от безделья. Ну а Европа — так там я увижу только немчуру да япошек, а они и так мне осточертели, напоминая своим видом о державах довоенной „оси“, отчего у меня подскакивает кровяное давление. — Он с холодком посмотрел на Хэма. — Может, есть какие другие блестящие идеи?

Хэм кинул на отца быстрый пристальный взгляд и воткнул вилку в огромный кусок пирога с сыром.

— Ну а к тому же еще, — сказал Торнберг, выдержав приличную паузу, — я не хочу уезжать отсюда, слишком много глупостей наделают без меня. — Он продолжал изучать Хэма с особым вниманием, споря сам с собой, в какой именно момент сын поднимет голову и взглянет на него. —

Ну вот возьми, к примеру, мои биологические исследования. — Хэм сразу насторожился, перестав жевать. — Минувшей ночью кто-то вломился в „Грин бранчес“. Только подумай! Что там им понадобилось в клинике?

— Может, это промышленный шпионаж? — предположил Хэм и отложил вилку.

„Неплохо придумано“, — мысленно отметил Торнберг. Иногда Хэм и в самом деле удивлял его своей смекалкой.

— Конечно, мы все об этом сразу же подумали. Но тогда почему же злоумышленники даже не дотронулись до папок и досье? — заметил Торнберг, прожигая сына глазами. — Ну а потом оказалось, что воров засекли видеокамерой. — Голова Хэма резко вздернулась, и Торнберг мог поздравить себя, что он все же выиграл сам у себя пари. — Не хочешь ли прокрутить видеопленку? Я прихватил сюда копию.

— О господи, нет.

— Господи, нет, — передразнил Торнберг. — И это все, что ты можешь сказать?

— А почему, собственно, я должен что-то говорить? — взорвался Хэм. — Это вам есть что порассказать!

Торнберг смотрел с холодным любопытством, как его сын пытается выпутаться.

— Мне нет необходимости рассказывать кому-либо о своих делах, — сказал он, тщательно обдумывая слова. — О них красноречиво свидетельствуют мой возраст, деньги и привилегии. Но вот что мне необходимо знать в настоящий момент, так это что замыслил мой сын, вламываясь в мои сейфы и проверяя аппаратуру.

— Я хочу знать...

— Брось эту ерунду, дорогой сынуленька! — произнес Торнберг резко и с такой злостью, что Хэм даже вздрогнул. — Если бы мне надо было оповестить тебя о том, что делается в „Грин бранчес“, то я, черт бы тебя побрал, не стал с этим медлить. И если не сделал этого, то только потому, что это не твое дело.

— Ну так я сделал это своим делом.

„Так, так, — подумал Торнберг, — чтобы все это значило? Может, он еще более твердолобый, чем я полагал?“

— Мы должны обсудить вопрос о том, что происходит в клинике, — твердо заявил Хэм.

— Мы должны?

— Да. Ради бога, признавайтесь, что вы повинны в похищении людей, пытках и убийствах. Да вы же просто обыкновенный чертов преступник! Никогда в жизни мне не допереть, как это вы умудрились обвести вокруг пальца целый коллектив блестящих ученых в области бионаук и на каких условиях.

Секунду-другую Торнберг размышлял, стоит ли продолжать по-прежнему вести разговор с сыном в том же тоне. А затем решил: „Да пропади оно все пропадом, если уж ему так хочется, то я и врежу ему в лоб изо всех стволов“.

— Боже мой, какой же ты, черт бы тебя побрал, навязанный человек, а еще считаешься военным, — загремел Торнберг. — Да за деньги и независимость в проведении исследований, которыми больше нигде и не займешься, они с радостью готовы сделать что угодно. Ты что же думаешь, что люди — ангелы? Ну уж фигурки, дорогой мой сыночек, люди они и есть люди со всеми своими слабостями и недостатками, присущими человеку. Дай только людям, чего им хочется, а они уж за ценой не постоят.

— Ваши слова похожи на девиз самого дьявола.

Торнберг на это лишь рассмеялся, но смех его привел Хэма в еще большую ярость. Он обозлился уже в тот момент, когда Торнберг назвал его дорогим сынуленькой, а еще больше, когда отец поднял его на смех.

— Да не получите вы их ни за что, — предупредил Хэм, размахивая пачкой фотографий, которые он выкрал из сейфа в клинике „Грин бранчес“. — Дни вашего всемогущества кончились. Я нашел у вас уязвимое место и не ослаблю хватку, пока не согласитесь на мои условия.

Торнберга едва не хватил удар.

— Никому еще не удавалось диктовать мне свои условия и никому не удастся впредь, — заревел он.

Кровь ударила Хэму в голову, и он почувствовал, что в любой момент у него может случиться сердечный приступ. Ему надоело подчиняться приказам старого лицемера, и он больше не мог мириться с его проделками.

— Принять мои условия — самый легкий путь выбраться из угла, в который вы сами себя загнали, — предупредил он. — Вы столько раз нарушали законы, что я уж не в силах и сосчитать. Что вы намерены делать, если эти материалы попадут в руки главного прокурора и он возбудит дело?

— А как это он их сможет получить, сыночек?

— Да я сам передам их ему! — закричал теперь Хэм, не сдержавшись, хотя и намеревался вести этот неприятный разговор в спокойной манере. — Да перестань называть меня сыночком!

— Вот когда ты перестанешь вести себя как десятилетний бойскаут, тогда я и стану называть тебя именем, каким окрестил при рождении. Кто дал тебе право осуждать

меня — жюри присяжных или палач? Ты что же, думаешь, что мир такой, черт бы его побрал, скромненький и порядочный, что мы все должны придерживаться твоих дурацких надуманных правил поведения? Чужь собачья! Хаос — вот нынешний закон. Всеобщий закон.

— Нормы морали устанавливал не я, — горячо возразил Хэм. Он уже понял, что отец умудрился повернуть их стычку таким образом, что сам стал нападать, а сына заставил обороняться. — Если у разных народов мира и есть что-то общее, то это нормы и правила морали.

— Рассказывай эти сказки арабам, — парировал Торнберг, — или японцам. Они даже и не слышали о таком понятии, как мораль.

— Ошибаешься, — возразил Хэм, лихорадочно пытаюсь вернуться к обсуждению противозаконных деяний отца. — Может, их мораль и не во всем совпадает с нашей, тем не менее...

— Чужь собачья! Напрасная трата времени защищать тех, кто того не стоит. Нету у них никакой морали, сынок.

— Ради Христа, вы говорите так, будто я — ваш сын и больше ничего!

— А как же иначе? И я был сыном своего отца, пока он не умер.

— Нет и нет, — вскочил с места Хэм. — Я не просто ваш сын, а гораздо больше этого!

Торнберг взглянул на него из-под козырька кепочки и сказал:

— А кем бы ты был без меня? У тебя есть какие-то идеи? Сомневаюсь. Я использовал свои связи и оказал нажим, чтобы тебя приняли в школу, а потом и в колледж. Использовал те же связи, чтобы тебя направили служить в Токио на теплое и хорошо оплачиваемое местечко, и ты смог там кое-что легально делать и для меня, ну а затем выпарапал тебя из армии, пристроил в министерство обороны.

Ну а что ты сделал для себя лично? Женился на красивой, но бестолковой женщине, от которой тебе ни удовольствия, ни радости жизни, ничего взамен, и никакого уважения к вашему союзу, в котором она милостиво разрешает тебе крутиться, как мартовскому коту. Ну ладно, а почему бы ей не порезвиться? Тот теннисный тренер преподавал ей несколько таких уроков, что даже я нахожу их взбадривающими.

— Это неправда! — вскричал Хэм, но в глубине души знал, что это правда.

— Да нет, все так и было, — возразил равнодушно

Торнберг. — У меня ведь тоже есть фотографии, дорогой сынок. Хочешь взглянуть?

Отец снова рассмеялся, показав ряд великолепных искусственных зубов. Хэму припомнились подобные стычки между отцом и матерью, свидетелем которых ему случилось бывать в детстве, и тотчас же ощутил, как у него заныли пальцы, потому что он крепко, как и ту далекую пору, сжал кулаки.

— Господи! Это разврат. Больше чем разврат!

— Ну хватит! — выпалил Торнберг и стукнул кулаками по столу, отчего подпрыгнули тарелки и алюминиевые банки и разлилось темное пиво, шипя и испаряясь, словно кислота. — Ты упер мои секретные бумаги, и я хотел бы получить их обратно. Хватит тут философствовать, давай-ка лучше займемся более насущным.

— Чем займемся-то?

— Делом — вот чем, невежда, — свирепо глянул на сына Торнберг. — Я бы обломал тебе руки за то, что ты вломился в мою святая святых и спер там кое-что. Побольше того, что я, откровенно говоря, думал, сможешь спереть. Ну да ладно, тем лучше для тебя же. У тебя есть кое-что, в чем я нуждаюсь, а у меня — связи и влияние, нужные тебе. Для меня это вроде как прочная основа для дела, поэтому забудь о всякой там паршивой морали, пошли все к чертовой матери и давай-ка придумаем что-нибудь.

И тут Хэм понял, что он с самого начала неверно разыграл гамбит. Он пристально смотрел на отца, словно видел его впервые, а в такой ситуации и впрямь впервые. Каким же он был дураком, полагая, что сможет загнать отца в угол и заставить пойти на компромисс. Вместо этого произошло то, что и должно было произойти. Торнберг принуждает его пойти на сделку, в которой не будет места для морали. Теперь он четко видит, что его отцу мораль представляется излишней роскошью, без которой легко можно обойтись, используя деньги и связи. А может, как раз деньги-то и связи мешают считаться с нормами морали.

Эта неожиданная мысль ударила Хэма будто обухом по голове.

„Господи, — подумал он, — за какое же прегрешение меня угораздило родиться в его доме? И как только мать уживалась с ним?“ Но ответ он, разумеется, знал. Торнберг Конрад III обладал особым обаянием, которому трудно было противостоять, хоть даже и начинаешь подозревать, что источник этого очарования нечист и ядовит.

И вот теперь ему стало совершенно ясно — раньше он как-то над этим не задумывался, — что у него, по сути дела, только один выбор. Когда он только усаживался вместе с отцом за стол, чтобы договориться об условиях компромисса, то уже тогда влип и потерпел поражение, как та муха, которая соблазнилась блеском паутины и попалась в нее, подобно многим другим предшественникам.

— Нет, не будем придумывать, — твердо сказал Хэм. Солнечный свет накатывался с палубы волнами, отчего у него слегка кружилась голова, и ему захотелось спрятаться от пристального отцовского взгляда. — Никаких компромиссов, никаких сделок. Вас можно остановить единственным путем, и я пойду к главному прокурору и принесу ему улики.

— Не будь идиотом, Хэм. Никуда не ходи с этими фотографиями. Объекты съемок сгорели в крематории, а когда ты передашь мне негативы и все копии, которые ты напечатал, то и улик больше не останется.

Хэм с грохотом стукнул кулаком по столу.

— Нет, отец! Улики не исчезнут. Они никуда не денутся, пока существует эта поганая клиника.

— Не кипятись, сынок. Злость до добра не доведет.

— Не мели чепуху, — не сдержавшись, перебил его Хэм. — Можешь вешать лапшу на уши любому на выбор, только не мне. Во всяком случае, больше не будешь. — Он встал и пошел к элетрокабестану для выбирания якоря. — Нам пора возвращаться к причалу.

— Никуда мы не тронемся с якоря, — угрожающе произнес Торнберг, — пока не решим этот вопрос в мою пользу.

— Ты уже все сказал, больше тебе говорить нечего, — бросил Хэм, обернувшись через плечо.

— Если только подойдешь к кабестану, я пальну из этой штуки.

Хэм резко повернулся, скосив глаза на открытую дверь рубки, где сидел за камбузным столиком Торнберг, и спросил:

— А что это, черт побери, такое?

— А на что это похоже? — спросил Торнберг. — Это же подводное ружье, которое я таскаю для охоты на акул.

— Вы что, намерены выстрелить из него?

— Разумеется, если возникнет такая необходимость. Так что все зависит от тебя.

Хэм ничего не ответил, а только посмотрел на стальную стрелу в стволе, которая вполне может пробить даже толстую акульную шкуру. Торнберг осаживал его всю жизнь, но если по-прежнему думает, что может и теперь взять его на испуг, то глубоко ошибается.

— Давай кончай эту волынку и садись — поговорим.

Но Хэм упрямо мотнул головой и сказал:

— Мы всего лишь кончим морочить друг другу голову, и каждый станет открыто гнуть свою линию. Но нет, еще не спета последняя песня.

— Всему приходит конец, — философски заметил Торнберг. — Я вовсе не намерен прикрывать „Грин бранчес“. Но обещаю больше не привозить подопытных кроликов, кроме тех, которых я уже...

Хэма захлестнул гнев, какого он не испытывал никогда, даже в разгар вьетнамской войны, и он резко ответил:

— Как вы можете так говорить! Какая невероятная наглость! Если зло сократить наполовину, оно не перестанет быть злом. Вы намерены пойти на компромисс, пообещав убить полдюжины людей вместо дюжины, и считаете, что этим самым замолите грехи.

— А почему бы и не считать? Я хочу пойти на компромисс, Хэм. Но ты из тех, которые ни на что не соглашаются.

— Нет, так поворачивать нельзя, — не согласился Хэм. — Это вы не согласны, а не я. Все или ничего — вот мои условия.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Сначала положите этот чертов гарпун на место.

— Все или ничего — это для меня неприемлемо.

— Принимайте его или отвергайте, — сказал Хэм и двинулся к кабестану.

— Не подходи к нему!

— Пошел ты!.. — выкрикнул Хэм и начал выбирать якорь. — Я больше не намерен называть тебя словом „сэр“ и послушно выполнять твои команды.

Стрела из подводного ружья пронзила его прямо между лопаток. Рана сама по себе была не смертельна, но удар оказался настолько сильным, что Хэма швырнуло вперед, он наткнулся животом на ограждающие поручни, сложился пополам и, потеряв равновесие, упал головой вниз прямо в море.

Торнберг, отбросив ружье, подбежал к поручням и, нагнувшись, стал пристально вглядываться в воду. Он увидел кровавое пятно, расплывающееся и колышущееся, словно саван, а затем и спину Хэма, из которой торчала, будто древко флага, металлическая стрела.

— Боже всемогущий! — только и смог прошептать он, глядя, как шевелется, словно водоросли, волосы сына. И почему-то вдруг в голове навязчиво прозвучала строка из поэмы Уильяма Питса, на которую он случайно наткнулся

еще в молодости, звучащая как размеренная поступь военного марша: „Сокол не слышит сокольников...“

Вулф увидел, что стоит один на длинной плоской отмели, уходящей в открытое море, а над головой проносятся рваные облака, гонимые вперед усиливающимся ветром.

Нет, оказывается, он на отмели не один. Он заметил еще одну фигуру, появившуюся на фоне розоватого неба, и двинулся к ней. Он шел, а отмель позади него все увеличивалась в размерах, подобно языку гигантского зверя. Видны были лишь свинцовое море, клочковатые облака да бесформенный язык отмели, но Вулф как-то вдруг понял, что эта полоска земли — единственное, что его связывает с этим безумным миром.

Расстояние между ним и фигурой на фоне неба постепенно сокращалось. Он все отчетливее различал, что это человек — женщина, японка, и очень красивая. Стояла она на самом конце отмели, пристально глядя в глубины моря. Виднелся ее профиль, и Вулф очень удивился, как сильно она похожа на Минако.

Она повернулась, поджидая его, причем так бесшумно, что он не услышал даже шороха. На лице ее четко читалась печать невыразимой тоски, что Вулф еле удерживался от слез, и тем не менее она владела собой с редким спокойствием, словно скала под волной прилива или птица перед тем, как расправить крылья в полет.

— Меня зовут Хана, — просто сказала женщина. — Я дочь Минако, единоутробная сестра Чики.

Ему подумалось, а ведь в ней есть что-то такое, что заставляет думать, будто они знакомы целую вечность.

— Где я? Я что, умер?

— Ваш мозг подключен к биокомпьютеру, который называют Оракулом. — Она прикоснулась к его груди около сердца. — У вас внутри течет яд. Стойте спокойно: я буду извлекать его.

Вулф хотел было спросить о чем-то, но вдруг вспомнил, как Белый Лук исцелил подобным же образом его отца.

— Он действует. — Ее бледное лицо стало совсем белым, и она крепко сжала Вулфа. — Вы слышите что-нибудь?

— Что? Слышу, как завывает ветер.

— Нет, не ветер. — Она начала пристально вглядываться в даль моря. — Что-то другое.

Вулф повернул голову туда, куда вглядывалась она. И в свисте ветра он уловил другой звук, похожий на жалобные стенания или на похоронные песнопения: какой-то

слабый стон, от которого у него мурашки побежали по спине.

— Оно приближается, — предупредила Хана.

В глубине свинцовых вод стало заметно какое-то шевеление, свечение и клокотание, водоворот быстро увеличивался, захватывая все большее пространство, так что наконец стало вообще невозможно охватить его взглядом.

— Что это? — спросил Вулф, ощущая, как мало-помалу оживает его пульс и возвращается жизнь.

— Это то, что ожидает своего рождения, — пояснила Хана, и в голосе ее послышался неподдельный испуг.

— Вулф, слушайте меня внимательно, — продолжала она. — Я пришла сюда по собственной воле, по глупости, потому что не мыслила жить в человеческом обществе. Я чувствовала себя неловко в человеческом обличье, была несчастной в том развращенном мире, который люди приспособили для своего удовольствия.

Я пришла сюда в поисках убежища, чтобы изведать мир без границ, пожить в месте, огражденном от грязи, а обнаружила, что сама являюсь источником загрязнения, и с момента моего пребывания здесь меня непрерывно заражает вирусом само это место.

— Хана, мне нужно знать...

— Нет, нет, — взмолилась она, — сперва позвольте мне закончить, пока я еще способна думать и не сошла с ума. Время не ждет. Оракул и я — единое целое, и мы оба сходим с ума.

В центре свинцового моря отчетливо показался горб, а море при этом оставалось спокойным, волны не бушевали, будто громадный левиафан был настолько огромен, что, стоя на дне и распрямляясь во весь рост, он поневоле высовывался из-под воды.

Хана говорила взахлеб, но каждое слово произносила отчетливо и понятно, и оно несло в себе правду, ибо он знал эту правду по собственному опыту, правду столь ужасную, что разум Вулфа сразу же помутился под напором гнусности и омерзения. Но тем не менее он продолжал слушать Хану, а она рассказывала о том, что с ним происходит и что может произойти. Она предсказала его будущую судьбу. „Теперь вы видите, как станут разворачиваться события, — сказала она напоследок. — Вы видите свое будущее и знаете, что нужно делать“.

А потом Хана громко закричала, но ее крик заглушили визги и вой усиливающегося ветра, и ветер унес ее вдаль. И тут из глубин моря появилось огромное чудовище.

Сколько путей открывалось перед Вулфом, сколько воз-

можностей! Но сначала нужно было исцеляться, а каким образом — неизвестно. Решать же должен Вулф — он медиум, он нейрохирург. Но ведь Хана лучше знала, каким образом. Она понимала то, чего не мог понять Оракул: что само их совместное существование сводило их с ума, что ее новый мир сам по себе был в конечном счете безумен. Она поняла, по крайней мере, что выхода из этого мира нет, во всяком случае, для нее. А что касается Оракула, то для него не существует очистительного жизненного катарсиса. Оракул не мог даже уловить значения этого понятия, несмотря на отчаянные усилия.

Опасность в жизни, а не в смерти.

Теперь Вулф понимал значение этих слов, потому что Хана растолковала их в последний момент перед тем, как сойти с ума.

У поднявшегося со дна морского чудища несколько голов. Одни из них прекрасные, другие — ужасные, но все одновременно повернулись к Вулфу и стали пристально разглядывать его. Голов было так много, что он не смог бы сосчитать их, даже находясь целый год в этом сумасшедшем мире. Прекрасные и ужасные головы сами представляли собою целый мир.

Вулф закрыл глаза и, мысленно напрягшись, пробудил свой дар „макура на хирума“ и направил тонкий биолуч сквозь черные воды моря. Луч пронзил Оракула, и Вулф мысленно увидел внутри него схему контуров ЛАПИД. Схема эта ничего для него не значила и ни о чем не говорила, и от этого он ударился в легкую панику.

— Я излечил вас. Теперь помогайте мне жить и понимать, — раздался голос Оракула.

Вулф на схемы и контуры внимания не обращал, он прислушивался, присматривался, прикасался к деталям и почувствовал сердцебиение или что-то похожее на жизненный пульс, поскольку сердца у Оракула не было. Но вместе с тем у него, как у всего реально существующего, была сердцевина, без которой он не мог существовать. Теперь Вулф понял, почему этот новый мир показался ему безбрежным океаном. Он ощущал пульс приливов и отливов, чувствовал энергию волн, чередующихся с четким ритмом, а мысленно напрягаясь, мог уловить и собственный размеренный ритм, совпадающий с жизненным ритмом всех живых существ, — некие волнообразные синхронные вспышки, которые происходят во время сна.

„Макура на хирума“ Вулфа, привитые Юджи ДНК и остатки психики Ханы возбудили в Оракуле безумные сновидения. Морское чудище, возникшее из глубин свинцово-

го океана — если его можно назвать океаном, — было таким же безумным, каким являлось и само его существование. Невероятная сила „макура на хирума“ Хану открыла так много возможностей и с такой стремительностью, что ускорила процесс сумасшествия Оракула. Хотя мозг у него и был искусственным, но в то же время по сложности не уступал человеческому и даже, что особенно пугало, во многих отношениях превосходил его по эффективности и целенаправленности. В то же время следовало бы учитывать, что мозг находился еще в стадии разработки, в дремотном состоянии, хоть и развивался довольно быстро, но был уязвим и совершенно не мог усвоить ценности, заложенные в ДНК Юджи и психике Хану. Хотя Оракул и вобрал в себя все, что смог вобрать от психики Хану, тем не менее ее „макура на хирума“ подавила его.

Голоса сумасшедшего дома. Вулф почувствовал бешеный прилив бредовых мыслей уже в тот момент, когда его стали подключать к Оракулу. С головокружительной быстротой он становился совсем другим, его потянуло куда-то, и он чуть не растворился в этой безумной среде и сам едва не лишился рассудка. Однако в последний момент он сумел сосредоточиться, вспомнив какофонию голосов, услышанных в тот момент, когда соприкасался с разумом нескольких убийц, которых разыскивал и арестовывал для передачи правосудию. Теперь, правда, другое время и другие обстоятельства, но его жизненный опыт сослужил ему и здесь хорошую службу.

Не обращая внимания на сбивающий с толку хаос, Вулф направил луч своей „макура на хирума“ еще глубже в устройство Оракула и таким образом смог уловить основной ритм его существования, искажающий пульсацию сердцебиения и мешающий общей синхронизации жизненных всплесков.

— Только так я могу помочь тебе.

И он освободил Оракула от страданий, наладив четкий ритм его жизнеобеспечения.

Вернувшись на свою виллу в загородном клубе „Магнолиевая терраса“, Торнберг Конрад III почувствовал себя так, будто получил изрядную дозу радиационного облучения. Во рту пересохло от горечи предательства сына, под ложечкой сосало от чувства его измены. Он буквально трясся от злости и боли, как трясется дерево в сильнейшую бурю. Добравшись до обтянутого чехлом кресла, он буквально рухнул в него и обхватил голову руками. Света зажигать не стал: сейчас ему больше всего хотелось посидеть в прохладной темноте, окутывающей виллу.

Почему случилось так, что из всех, на кого он рассчитывал, его предал самый надежный? Еще давным-давно он махнул рукой на других своих детей, как на бесполезный мертвый груз, и вытолкнул их из родного гнезда в реальный мир, а в результате оказалось, что он расстался с ними из-за мелочных обид и пустяков.

Никто из них, по сути дела, не заслуживал отцовского проклятия, а вот Хэм заслужил. А ведь он, Торнберг, помогал ему делать карьеру, используя старые товарищеские связи в Вашингтоне, старался всегда выставить его в более выгодном свете.

Торнберг с трудом поднялся с кресла и прошел по ковру к буфету. Там он взял тяжелый хрустальный стакан, налил себе привычную дозу виски с содовой и залпом выпил треть содержимого, будто это было не спиртное, а некое лекарство, каковым оно в данный момент и на самом деле оказалось для него.

В последние недели он жил на этой вилле. Она была сложена из крупных камней и стояла посреди обширного поместья. При жизни Тиффани вилла была его домом, теперь же она казалась заброшенной и необитаемой. Множество комнат, бесшумные шаги слуг, которые, как он подозревал, шпионили за ним, их перешептывания по темным углам насчет него, кажущийся теперь пугающим вид лесных окрестных холмов — все это стало тяжким бременем для его психики.

Пришла на память еще одна строка из поэмы Йитса: „Распалась связь вещей, их не удерживает центр...“

Господи! Похоже, приходит конец всему. Он сделал большой глоток виски с содовой. О чем только думал Хэм, решившись взломать сейф в клинике „Грин бранчес“ и сфотографировать секретные документы с записями клинических экспериментов? Конечно же, эти эксперименты отчасти отдавали преступлениями и в чем-то нарушали законы. Но кто же, черт возьми, принимал эти законы? Он слишком долго вертелся около этих идиотов с Капитолийского холма и имел с ними множество дел, поэтому знал их как облупленных и ничего, кроме презрения, к ним не испытывал. Они были настолько корыстны и продажны, что ни разу не отвернули свои рыла от льющегося на них потока взяток, из года в год подпитывающего их за предоставление определенных льгот.

„Главным недостатком Хэма, — думал Торнберг, — была его неспособность видеть дальше жестких рамок законов, навязываемых человеческим обществом“. Торнберг

же твердо усвоил правило, гласящее, что во вселенском бардаке нельзя долго придерживаться искусственных правил.

Он сделал еще глоток виски и содрогнулся, вспомнив, как вытаскивал из воды тело сына, как заворачивал его в парус, принесенный из трюма, как крепко обвязывал веревкой и прикреплял к запасному якорю, предварительно снятому с цепи. Когда все было готово, он спустил труп с борта спасательной шлюпки и вдруг подумал, что забыл произнести молитву. Он попытался это сделать, но слова совершенно выветрились у него из памяти.

Теперь, вспомнив всю эту картину, Торнберг почувствовал во рту вкус крови и, испустив легкий стон, заковылял по ковру в спальню, где под фальшивым дном ящика в ночной тумбочке у кровати прятал морфий, столь необходимый ему в данный момент.

До кровати оставалось сделать всего шаг, как вдруг он увидел, что кто-то сидит на пуфике, слева от ночной тумбочки.

— Кто тут? — спросил он испуганным старческим голосом.

— А вы что, не rozpoзнали по запаху моих духов?

Торнберг повернул голову и принимался.

— Стиви? — неуверенно произнес он. — Отменяя наш совместный ужин, вы сказали, что возвращаетесь в Нью-Йорк. Что вы здесь делаете?

— Жду вас.

Твердая нотка в ее голосе заставила его насторожиться. „Что произошло?“ — спросил он себя и сразу же растерялся. Может, Хэм показал ей документы, украденные из сейфа в клинике? Нет и еще раз нет, такого быть не может! Хэм даже не догадывался о его отношениях со Стиви. По-видимому, он с каждым днем становится все более подозрительным, нужно срочно принять морфий, а еще нужнее узнать, удалось ли Вулфу пробраться к этой ведьме Минако и проникнуть в мир, где умеют управлять процессом замедления старения и наделять организм необычайной энергией и силой.

— Рад вас видеть, — сказал он наконец.

— По всей видимости, не обрадуетесь, когда услышите то, что я хочу вам сказать.

— Не понимаю.

— Мне хотелось бы знать, почему вы никогда не говорили мне о ваших отношениях с Амандой.

— Стиви, — сказал он и, осторожно ступив, присел на краешек кровати. — Не думаете же вы, что ваша сестра

была в каких-то отношениях со стариком. Просто когда ей стало известно, что я провожу эксперимент по определению эффекта регулирования старения человеческого организма, она упросила меня сделать ее участницей этого эксперимента.

— Стало быть, она добровольно согласилась стать подопытным кроликом?

— Да, добровольно.

— И она знала все опасности, поджидавшие ее?

— Разумеется, знала. Я пытался отговорить ее, но...

— У меня на руках ваша переписка с Амандой.

— А-а, — только и произнес он, уловив в надвигающихся сумерках ее суровый взгляд. Теперь Торнберг понял, в каком она сейчас состоянии и как далеко от него она находится.

Он отрицательно помотал головой и, сказав: „Мне нужно уколоться“, поставил хрустальный стакан на ночной столик и выдвинул нижний ящик.

Стиви сидела не двигаясь, пока он отодвигал фальшивое дно, запускал глубоко в ящик руки и зажигал торшер у кровати.

— Что, ищете вот это? — насмешливо спросила Стиви.

Он посмотрел на нее. Теперь в свете торшера ее легко было рассмотреть: она казалась такой желанной в джинсах цвета хаки, блузке апаш кремового цвета под бейсбольной курткой из кожи и сукна. Ему всегда нравились ее длинные ноги, большие крепкие груди, но в данный момент его внимание привлекли тонкие кожаные перчатки на руках. А привлекли потому, что она держала в правой руке армейский кольт калибра 11,43 миллиметра и в упор целилась в него.

— А ты уверена, что он заряжен?

— Я же сама набивала обойму, — холодно улыбнулась в ответ Стиви.

— Ты никак не можешь выстрелить, Стиви, — убеждал Торнберг. — Ты ведь психиатр и хорошо знаешь последствия этого поступка, я имею в виду не только приговор суда, но и то, что годы спустя ты будешь сама себя мысленно казнить. Да к тому же еще я не сделал ничего такого, что давало бы тебе право целиться в меня из пистолета.

— Вы убили Аманду.

Торнберг с изумлением глянул на нее.

— Ты просто-напросто с ума спятила. С какой стати я бы стал...

— Она умерла от снадобий, которыми вы ее снабжали. Заткнитесь! Не отпирайтесь! — Стиви покачала головой. —

Теми же, от которых загнулась и Тиффани. Только с Аmandой получилось по-другому. Тиффани вы вертели, как хотели. Где лежит ее тело, Торнберг? В морге? Нет, не в морге. Не было ни похорон, ничего не было. Могу спорить, что вы отдали ее своим вурдалакам из клиники, а они изрезали ее на кусочки для всяких там исследований, а потом сожгли. Все шито-крыто, и судмедэксперт не задаст никаких неудобных вам вопросов. А медицинское заключение о смерти состряпает кто-нибудь из врачей в клинике, стоящих перед вами на полусогнутых.

Но с Аmandой такое не прошло бы. Она жила не в вашем обществе, до нее вам было не добраться. Когда вам стало известно, что она вот-вот умрет, вы не могли так просто тайно похитить ее и привезти в клинику. А если бы она умерла от лекарств, которыми вы ее пичкали, то при вскрытии возникли бы очень серьезные вопросы. Так вот, чтобы избежать вопросов, вы ее и убили. А для маскировки все это представили так, будто она пала жертвой подлого вора, которых полным-полно в Нью-Йорке, особенно в районе, где она жила. Вы прекрасно знали, что ее убийство таким образом не поднимет слишком много шума и не вызовет удивления.

— Все сказала? — перебил ее Торнберг. — Рассказала ты все очень складно, но я должен все же назвать твой рассказ сказкой. Не знаю, кто накачал тебя этим бредом, но могу заверить, что...

— Заткнись! — прервала его Стиви, на этот раз в грубой и решительной форме. Она даже встала, не в силах больше выносить переполнявший ее душу гнев... — Я же на себе испытала эти твои хитрые незуитские приемчики. Одного не могу понять — почему это я умудрилась восхищаться, как ты ловко обводишь вокруг пальца многих людей, в том числе влиятельных и могущественных. Да, ты помог Мортону сделать карьеру и таким образом обеспечил мне доступ в свет, о чем я всегда мечтала. А ты был таким могущественным и блестящим, ну прямо как солнце, и я стала близка с тобой, греясь в лучах твоего могущества и наслаждаясь отблеском славы. Стоило мне только назвать твое имя, и нужные двери распахивались передо мной.

Боже мой, как я трепетала в предвкушении чего-то необычного, воображая себя актрисой с Бродвея, играющей на сцене. Как я запуталась в своей лжи! Я просто жила в ней, день и ночь, а вот когда по твоему приказу улеглась в постель с Вулфом, как последняя проститутка, то это переполнило чашу моего терпения. Теперь я оглядываюсь на этот эпизод с опаской и таким отвращением, что ты себе и

представить не можешь. Потому что, когда я вспоминаю, как добилась расположения Вулфа и использовала его ради твоей выгоды, у меня поневоле возникает чувство страха и отвращения.

Но ты все-таки прав в одном: я полюбила Вулфа и уверена, что со временем и он полюбит меня. Но, как ты понимаешь, я не стану тогда в своих с ним отношениях плясать под твою дудку. Никогда даже я не приглашу его с тайным умыслом ну и, само собой разумеется, никогда не скажу ему, что выполняла твое задание.

— Присядь, Стиви, — успокаивал Торнберг, — ты же знаешь, что мне нравилась Аманда, она была моей приятельницей, без нее мне бывало скучновато. Мне искренне жаль ее, но теперь должен признаться, что она всегда уходила от разговора, когда затрагивалась тема клиники. Мне стало просто жутко, когда я узнал о ее смерти, но, поверь, это только лишь слепой случай. Ее убил город, ее убил Нью-Йорк. Конечно же, это трагедия, но обвинять здесь некого.

— Торнберг, меня не интересует, как вы будете выкручиваться.

— Стиви, прежде всего ты должна осознать, насколько заморочили тебе мозги. Ты ведь даже не в состоянии отделить правду от кривды.

— Я же приказала вам заткнуться и знаю, чем заткнуть ваш рот, — Стиви твердо сжимала кольт, целясь прямо в сердце Торнберга, и он прекрасно понимал, что любая попытка обезоружить ее чревата его собственной гибелью. Ему нужно выиграть время, чтобы разобраться во всем, что происходит, ибо сейчас это было для него вопросом жизни и смерти.

— Читая письма Аманды, — продолжала между тем Стиви, — я вдруг поняла, что мне самой грош цена. Замужество мое — смех да и только. В нем не было ни любви, ни симпатии. Оно стало всего-навсего предметом торга. Что же касается моей работы, то я чувствую себя бесконечно далекой от моих пациентов, а моя светская жизнь настолько пуста и фальшива, что мне просто хочется выть от горя.

Настоящие чувства во мне пробудил лишь Вулф, а я ведь и не ведала, что они дремали во мне столь много лет.

Но в конечном итоге, Торнберг, не в вас корень зла. Он в нас самих. Мы словно в капкане, и его стальные челюсти готовы захлопнуться и схватить нас в любую минуту. И виню я себя ничуть не меньше, чем вас.

Она опять наставила на Торнберга кольт, рука ее вы-

прямилась и так напряглась, что он даже подумал, что ошибался, считая, что она не сможет нажать на курок пистолета. „Судя по ее виду, с ней поздно вести разумные разговоры, — подумал Торнберг. — Она напялила на себя такую броню, что ее уже ничем не прошибешь“.

— У меня есть письма Аманды, но в суд я их не представлю, — заметила Стиви. — У меня нет прямых улик, что мою сестру убили по вашему заказу, но я все равно знаю, что ответственность за это несете вы. Я не могу со спокойной совестью позволить вам выйти сухим из воды.

И с этими словами Стиви нажала на курок. Однако за мгновение до выстрела Торнберг умудрился схватить тяжелый хрустальный стакан, стоящий на ночной тумбочке, и запустить его Стиви в плечо, сбив ее с прицела.

Пуля попала ему в грудь чуть пониже сердца. Он рухнул поперек кровати. Стиви вскрикнула, увидев, как из раны хлещет кровь, заливая покрывало. Торнберг широко раскрыл глаза, бессмысленно уставясь в одну точку, но она не смогла удержаться и взглянула на его лицо.

Ее бросило в дрожь, и она заплакала. Вид крови, стекавшей с постели, сильно напугал ее, и она кинулась бежать прямо через лес, к краю площадки для гольфа, и только там увидела, что рука ее все еще сжимает пистолет. Передернувшись всем телом, она зашвырнула его подальше в кусты, а потом, спотыкаясь, поплелась к взятой напрокат машине и с трудом забралась в нее.

Стиви ничего не соображала. Она вела машину, судорожно впевившись в руль. Однако ехала на удивление аккуратно, не превышая скорости и вовремя подавая световые сигналы. У первой же телефонной будки она вышла, нащупала в сумочке монеты и, позвонив в полицию, сообщила о трупе, не называя ни Торнберга, ни себя. Дежурный полицейский настойчиво задавал ей вопросы, но она повесила трубку.

Едва выйдя из будки, Стиви упала на колени и ее начало рвать. Чувствуя головокружение и слабость, она с трудом села в машину, безвольно положила руки на руль и невидящим пустым взглядом уставилась на бескрайнее безоблачное небо. Слышался только приглушенный шум мотора, работающего на холостом ходу, и больше ничего.

Наконец она немного пришла в себя, осмотрелась, мыслы постепенно обрели четкость. Одно дело задумать убийство, находясь в полной уверенности, что оно оправданно и справедливо, и совсем другое — совершить его. Убийство есть убийство, какими бы высокими помыслами человек ни руководствовался, и до Стиви наконец-то дошло, что последствия его неминуемо скажутся.

Глава двадцатая

Токио

В огромном городе наступила ночь.

Современный Токио — это мегаполис с царящим в нем унынием, присущим обществу, еще не оправившемуся от глубокого разочарования, вызванного поражением в войне. Вдобавок ко всему, бездумно придерживающемуся пустопорожних символов, выраженных в безудержном потреблении фирменных товаров или в поклонении пустоголовым рок- и поп-звездам, что придает особую пикантность стилизованной печали ультрасовременному фасаду этого общества.

Вулф, прогуливаясь по ночным улицам Токио, крадучись с осторожностью волка, с удивлением рассматривал архитектуру города, сочетающую в себе чужеродные и сугубо национальные элементы. В ней не чувствовалось никаких излишеств, никакого свободного полета мысли зодчих, ничего похожего на компромисс. Она отличалась строгостью и решительностью форм.

Вулфу пришлось долго отходить от искаженного мировосприятия Оракула. Вышедший из строя Оракул, Хана, обрештая наконец свободу...

Никогда еще не был он так счастлив, как теперь, бродя по темным улочкам города. Далеко позади остались сверкающие неоновые рекламные щиты Гинзы, над которой всю ночь висит жемчужное сияние, словно искусственный рассвет или, наоборот, надвигающиеся сумерки. С меланхолической печалью вспоминалось все хорошее, особенно его первые впечатления.

Вспомнилась и Хана, печальная и одинокая, попавшая, отчасти по собственной вине, в современный ад. Он знал, что ей стали бы понятны его чувства, испытываемые во время прогулки по ночному Токио.

Впереди в ярком свете мелькнул силуэт Чики.

Заняв выгодную позицию напротив входа в храм Запретных грез, он смотрел, как карлица в мужском костюме пропустила в здание Чикю. Дверь закрылась, и на улице

засветились лучи фар приближающегося автомобиля. Машина промчалась мимо, и опять наполнила темнота. Бледные отблески от Гинзы едва достигали места укрытия Вулфа, отчего казалось, что они приходят из другого мира. На улице не было ни единой души, лишь из открытого неподалеку окна доносился мужской голос, звучавший то громче, то тише и прерываемый то и дело взрывами смеха, — по телевизору передавали развлекательную программу.

Теперь все сводилось к одному: план намечен, но он настолько опасен, что лишь отчаяние вынуждало их брать-ся за его осуществление.

Вулф засекал время, когда Чика вошла в храм Запретных грез; минуты потекли крайне медленно; казалось, стрелки часов вот-вот остановятся.

Первое, что он увидел, придя в сознание, как бы проснувшись после долгого сна, было лицо Чики. Никому другому не обрадовался бы он так, как обрадовался, увидев ее. Как сильно любил он ее! И вот теперь ему пришла в голову мысль: а не на смерть ли он посылает ее?

Время.

В темноте смутно различался желтый светящийся циферблат его часов. Вулф напряг зрение, снова оглядел улицу и заметил другой приближающийся автомобиль. Свет фар скользнул по фигуре Вулфа и быстро пробежался по стенам здания, как в старых кинофильмах, в которых непременно показывают побег из тюрьмы.

Вулф пошел вдоль квартала, стараясь быть незамеченным, и, только отойдя подальше, перешел на ту сторону улицы, где находится храм Запретных грез. Там он быстро повернул за угол и двинулся вдоль стены, как его научила Чика, и еще раз повернул за угол. Голову он опустил вниз, сгорбился, шагал быстро и резко, расставив локти, — так обычно ходят японцы. Хотя Вулф и был крупным мужчиной и его вряд ли приняли бы издали за местного жителя, но и за туриста тоже не сочли бы.

Он миновал участок задней стены, под обломками которой Достопочтенная Мать недавно пыталась разыскать и уничтожить его, и увидел, что выломанная стена заделана свежим бетоном и опутана колючей проволокой, пока он не затвердел. Он ускорил шаг, разумно сочтя за лучшее поскорее миновать это опасное место.

Кругом были незнакомые улочки старого Токио, узенькие и не имевшие названий. Даже старожилы города не знали их и в случае нужды не раз переспрашивали дорогу, чтобы добраться до них. Дойдя до глухого фасада второго здания храма, он еще раз внимательно огляделся. Вдоль стены пролежала узенькая улочка, Вулф пошел по ней.

Разбинтовав левую — пораненную — руку, он сконцентрировал на ране энергию своей „макура на хирума“ и моментально излечил рану — теперь виднелись лишь розоватые рубцы и шрамы. Затем он покрутил и постибал руку — боли не чувствовалось, лишь несколько затекли мышцы. Вулф размял их, и они вновь обрели эластичность и подвижность. Но все же, опасаясь повредить руку, он натянул на нее кожаную перчатку, что, с одной стороны, не мешало действовать рукой, а с другой — надежно предохраняло ее.

Сосредоточившись и внимательно посмотрев по сторонам, Вулф дошел до места, где, как ему сказала Чика, вывалились из стены несколько бетонных блоков. В храме было два здания: в первом размещались бар и кафетерий, а во втором находились покои Достопочтенной Матери. Здания соединялись двумя коридорами, между которыми и был разбит и обустроен прелестный небольшой сад. Вот как раз в нем-то Достопочтенная Мать впервые и проводила разборку с Вулфом. Сад со стороны улицы наполовину огораживала стена из грубого камня, что резко отличало ее от стены самого здания.

Теперь Вулф находился как раз у этого уязвимого места. Он протянул руку, пытаясь нащупать непрочную опору в бетонных блоках, наложенных друг на друга, но ничего не находил.

Тогда, осторожно отойдя назад, он размотал нейлоновую веревку, к одному из концов которой заранее привязал „кошку“, изготовленную из легкого сплава титана и стали. После второй — удачной — попытки забросить ее он почувствовал, что она прочно зацепилась за крышу. Подергав несколько раз за веревку и убедившись, что она удерживается достаточно надежно, он полез на крышу.

И тут, наверху, ему невольно вспомнились нью-йоркские крыши, находящиеся теперь за тысячи миль от него. Вспомнились проливной дождь, схватка не на жизнь, а на смерть с неизвестным убийцей Аманды, стремительный полет вниз, сквозь стеклянную решетку.

У него вдруг закружилась голова, и он прикрыл глаза. Что с ним происходит? Хана что-то объясняла, но он даже не помнит всего. Ведь он в конце концов находился внутри биомозга Оракула, и, кто знает, как долго? Юджи говорил тогда, что не более нескольких минут, но ему показалось, что он провел там долгие часы.

Что в самом деле случилось с ним, когда его подсоединили к Оракулу? Вот где тайна. Перешли ли в него новые качества и черты, перелился ли биоразум в его мозг?

Вулф затрясся, не в силах вспоминать дальше. „Сосредоточься на первой задаче, не думай о другом, — мысленно приказал он себе. — Иначе тебе никогда не прожить столько, сколько нужно, чтобы найти ответы на эти вопросы“.

Высоко над его головой возвышались небоскребы Токио, в которых размещались ведущие японские компании, рекламирующие экономическое чудо, определяющее облик современной Японии. А под ним, в садике, росли деревья, цветы и растения, символизирующие естественную природу в столь стилизованном, изощренном виде, что казались даже неестественными и отрицающими саму мать-природу.

А где-то между ними сидела в это время женщина, которая могла бы стать императрицей всего мира.

— Как же сильно я соскучилась по тебе, — патетически воскликнула Достопочтенная Мать и, согнув палец, поскребла ногтем по голой груди Яшиды. — Ну как, дома неплохо, а?

— Мне будет недоставать вашингтонских гамбургеров, — с усмешкой заметил Яшида. — Я привык к большим кусочкам мяса на них. По-моему, никто не может соорудить такие гамбургеры лучше американских негров.

Они сидели в одной из гостиных на первом этаже здания, двери которого выходят прямо в сад. Из каждой комнаты открывается вид на него под своим особым углом зрения, поэтому и сад освещен по-разному: по краям он кажется подернутым дымкой, а в центре блестит, словно сердцевина покоящегося драгоценного камня. Достопочтенная Мать не переносила света в своем саду — он нарушал внутреннюю экспрессию, столь тщательно подчеркнутую особым подбором и сочетанием камней, хвощей, папоротников, деревьев и гальки — этих природных элементов сада.

— Ну а Конрады, как они там крутятся?

Улыбнувшись, Яшида ответил:

— Как планеты под действием притяжения, ни один не уцелеет при столкновении с нами.

— Великолепно! — Достопочтенная Мать от переполнивших ее чувств даже захлопала в ладоши, словно пятилетняя девочка. Она наклонилась вперед и поцеловала Яшиду в ключицы, затем, обнажив белые зубы, куснула его так, что выступила кровь. Яшида закрыл глаза.

— Тебе больно? — спросила она.

— Я ничего не чувствую, — ответил он и слизнул кровь с ее губ.

В их действиях наблюдался традиционный ритуал, отражающий их взаимные отношения, в которых подчеркивается не только индивидуальность, но и сложная роль и место каждого участника, подобно роли и месту в отношениях между матерью и ребенком, учителем и учеником, епископом и священником, вопросом и ответом.

— А так чувствуешь? — спросила она и еще крепче куснула его.

— Да, — ответил Яшида сквозь зубы, но сам даже не поморщился.

Достопочтенная Мать услышала, как Яшида шумно вдыхает воздух, и, приложив ладонь к его груди, почувствовала, что у него от волнения выступила испарина.

— Если я укушу таким образом кого-либо другого, он упадет от боли на колени.

— И даже Нишицу? — удивился Яшида, раздувая ноздри. Только по этому признаку можно было заметить, что ее укус довольно болезнен и мучителен.

— Да, и он тоже, — подтвердила Достопочтенная Мать, внимательно следя за тем, ровно ли дышит Яшида, терпя боль. — Он никогда не отличался терпеливостью.

Своими длинными пальцами она ухватила его руки и стала нежно поглаживать гладкие мускулы, а затем сказала:

— Нишицу должен вот-вот подойти, я вызвала его десять минут назад.

— Может, кто-то из клубных мальчиков задержал его внимание, — произнес Яшида.

Достопочтенная Мать лишь смущенно хихикнула в ответ, словно невинная девушка.

— Тебе хотелось бы провести с Нишицу часок-другой наедине, не так ли?

— Мне хочется попробовать его глаза.

Достопочтенная Мать на этот раз рассмеялась вполне искренне:

— Ты что, думаешь, если съешь их, это прибавит тебе силы?

— А разве не этому вы меня учили?

— Многого не пожалела бы я, чтобы только посмотреть, как ты сработаешься с ним. Может, я и позволю вам поработать вместе, — заметила Достопочтенная Мать, на минутку прикрыв глаза.

Яшида внимательно посмотрел на нее и сказал:

— Нишицу ведь координирует деятельность „Тошин

Куро Косай“ по всему миру. Вам не следовало бы доводить дело до этого.

— Конечно, ошибочно полагаться целиком и полностью на одного исполнителя, — пояснила Достопочтенная Мать. — Такое доверие отдаляет от насущных практических дел, а исполнителю внушает ложное чувство всесилия и могущества. Вероятно, у меня с Нишицу сложились как раз такие отношения.

— Да, но хоть вы и Достопочтенная Мать, но все же не перестали от этого быть женщиной. Нишицу нужен вам, чтобы проводить в жизнь намеченную линию „Тошин Куро Косай“.

Яшида, почувствовав, как у него закружилась голова от сильной боли, наполнившей, казалось, все его тело, не удержался и застонал.

Достопочтенная Мать сильно укусила его в шею — словно осколок стекла вонзился в него, и он невольно содрогнулся, но все же не вскрикнул.

— Пожалуйста, примите мои извинения, — произнес он, когда вновь обрел дар речи. — Я всего лишь хотел сказать про возможные последствия, если мы лишимся Нишицу.

— Глупо задавать мне вопросы, — ответила Достопочтенная Мать и взглянула на Яшиду, как кошка, лакомящаяся сметаной. — Я уже глубоко запустила свои когти в мозг Нишицу. Изю дня в день я вбираю в себя его „макура на хирума“. Он годится лишь на то, чтобы подкармливать меня. Когда придет время, все остальное будет моей заботой.

Яшида уже собрался было сказать, что ей понадобится другое номинальное лицо для прикрытия, если она хочет по-прежнему руководить действиями членов общества Черного клинка, ведущих свою работу в рамках этого гигантского конгломерата по всему свету, как она вдруг схватила его за руку и, посмотрев на потолок, сказала:

— По крыше ходит зверь.

Яшида тоже взглянул на потолок и ответил:

— Я ничего не чувствую.

— Я тоже не чувствую. Но все же там кто-то есть. Мне говорит об этом последняя картинка будущего, которую я смогла разглядеть. Приведи этого зверя ко мне в комнату пяти призраков, — приказала Достопочтенная Мать ровным спокойным голосом.

Поднявшись с коленей, Вулф смотал нейлоновую веревку и быстро пересек покрытую гудроном крышу. На ней там и сям были установлены различные антенны в виде

огромных тарелок для спутниковой телевизионной и закодированной цифровой связи, похожие на дикийвинные деформированные растения. Между ними он заметил решетчатые сооружения, в которых сразу признал сложные устройства для фильтрации воздуха.

Он уже почти дошел до дальнего конца крыши, за которым находился сад, как вдруг смутно уловил проблеск чужой „макура на хирума“. В ней почудилось что-то знакомое, но что конкретно — сразу определить он не смог. Тогда Вулф лег животом на край крыши, осторожно свесился и стал пристально вглядываться вниз.

Он увидел лишь темные очертания камней и деревьев, папоротников и холмиков, покрытых мхом. По миниатюрному садику тихо полз какой-то свет, словно сироп, льющийся через край сосуда. Он ощутил движение знакомой ауры и попытался определить, откуда она исходит.

Прочно закрепив титановую „кошку“ на крыше, Вулф осторожно спустился по нейлоновой веревке на мягкую землю сада. Там, упершись спиной в огромный валун, он стал пристально разглядывать силуэты людей,двигающихся за окнами и дверями комнат, выходящих в сад. Прикрыв глаза, он сконцентрировался и усилил энергию „макура на хирума“, пока не определил точно, откуда исходит знакомая чем-то аура.

Мысленно он представил себе расположение комнат во втором здании, как ему обрисовала Чика, и заметил, что аура перемещается вполне целенаправленно. Хотя тот, кто обладал ею, и не чувствовал присутствия Вулфа, он все равно мог догадаться о его намерениях. Подойдя поближе, Вулф понял, что человек направляется в комнаты Достопочтенной Матери.

Он вошел через полуоткрытую дверь в пустую комнату. Она оказалась такой же, как и другие комнаты, расположенные на первом этаже второго здания. На полу лежали циновки, стены были оштукатурены, у стен стояли невысокие шкафчики и комоды из темного дерева, а на них лежали тяжелые поделки из изъеденного коррозией чугуна — японцы любят старинные вещи: они никогда не выходят из моды.

Продвигаясь дальше, он все больше полагался на свой дар „макура на хирума“. Теперь стало особенно необходимо двигаться как можно скорее и бесшумнее.

По плану, разработанному с Чикой, она должна была задержать Нишицу где-нибудь подальше, а Вулф тем временем выкрал бы безумную Достопочтенную Мать. С первого взгляда задача казалась невыполнимой, ведь, в конце

концов, его первая попытка взять верх над Достопочтенной Матерью оказалась неудачной. Но теперь он заручился дополнительным преимуществом. Когда Оракул воскрешал его из мертвых, то слегка подправил его дар „макура на хирума“. Каким же образом? Хана об этом не имела никакого представления, да и Вулф тоже ничего конкретного не знал.

Задача заключалась в том, чтобы уничтожить Достопочтенную Мать. Если ее не остановить, будут по-прежнему продолжаться убийства сенаторов, окажется принятым законопроект об ограничении японского импорта, а это обескровит в конечном счете американскую экономическую суперструктуру. И кто, как не он, может попытаться помешать такому развитию событий?

План имел шансы на успех не больше и не меньше, чем другие планы, которые разрабатывали Вулф и Чнка. По сути дела, он вполне мог стать самоубийственным. Риск был поистине огромным. Но Вулф любил рисковать. „Какая же это жизнь без риска“, — сказал ему Питер Мэтисон как-то поздним вечером в Новом Южном Уэльсе в Австралии. Риск в жизни отца играл немаловажную роль. Вулфу до сих пор мерещился особый роковой жар, полыхающий в отцовских глазах, когда он сидел вместе с ним в девушковой-аборигенкой там, в далеком Лайтнинг-Ридже. Недаром отец и удрал из Америки в Австралию.

Ну а, в конце концов, разве сын Питера Мэтисона так уж сильно отличается от своего отца?

Вулф, осторожно пробираясь по лабиринтам коридоров и комнат, теперь даже не думал об этом. Он прокладывал свой путь в Лайтнинг-Ридж — место, где законы цивилизации либо не соблюдались, либо над ними откровенно издевались.

Эти властители „Тошин Куро Косай“ обдуманно приняли решение поставить себя выше любого закона, принятого человечеством за два с лишним тысячелетия. А не потому ли такой подход к законам и сделал их всех безумными?

Вдруг Вулф остановился как вкопанный и осторожно осмотрелся. Луч от чужой „макура на хирума“ задвигался, и Вулф пошевелился тоже, удвоив осторожность и особенно внимательно поглядывая назад, в затемненные ниши и двери, стараясь угадать малейшее движение или чье-то присутствие.

Наконец он подошел к комнате с совсем другой мебелью и убранством. Держа руку на ручке двери, он секунду-другую колебался. А может, здесь ловушка? Нет, не может быть. Он знал, что другим не уловить его ауру, поэтому они

не могут знать, где он сейчас находится. Эти другие, может, сидят и здесь — ладно, пусть сидят, но они и понятия не имеют, что Вулф уже на пороге.

Он потихоньку приоткрыл дверь — всего на волосок, чтобы только рассмотреть, что затемненную комнату освещает всего одна крохотная лампочка. По теням и освещенности циновок он определил, что лампочка находится в дальнем углу комнаты. Тогда он еще больше приоткрыл дверь и увидел, что это одна из внутренних комнат, и имеет она только одну дверь. Это означало, что теперь ему нужно действовать быстро, используя фактор внезапности.

Он припал к двери, тяжело дыша и чувствуя, как забурлила кровь в жилах, внутри него разматывалась темная непонятная энергия и ее волны снова и снова омывали тело, вселяя в него решимость, что все будет нормально. Счет пошел на секунды...

Ударом ноги распахнув дверь, он ворвался в комнату, кубарем прокатился по циновкам и привстал, пригнувшись, готовый к схватке с любым, кто там притаился.

Но в комнате не оказалось никого, кроме него самого. Только посредине стояло на подпорках полированное бронзовое зеркало, и больше ничего. Тогда Вулф подошел вплотную к зеркалу и увидел в нем лишь свое отражение. Но тем не менее он чувствовал присутствие чьей-то чужой ауры, исходящей от человека.

„Нужно направить биолуч, — подумал он. — Но тогда этот ублюдок сможет уловить мою ауру, но как?..“

Вулф почувствовал что-то, но, взглянув вверх, успел увидеть лишь мелькнувшие ноги, которые тут же крепко сжали его шею с обеих сторон. Этот чертов сын, оказывается, прятался на потолке!

Короткий блик света скользнул по щеке и подбородку Яшиды, и Вулф вмиг опознал в нем того самого японца, которого встретил в вашингтонском ресторане и сопровождал к агенту спецслужб Шипли. И вот теперь в памяти Вулфа будто спустился курок и он вмиг признал знакомую ауру: это та самая, исходящая от того призрака, с которым он боролся на крыше дома Аманды. Призрака, который, чуть было не убил его после того, как убил Аманду. „Господи, — подумал Вулф, — так то был не Камивара и не Сума. Это же был Джейсон Яшида!“

Каблуком левой ноги Яшида ударил Вулфа чуть пониже уха — это был удар „джука“, настоящие бойцы знают его. Вся левая сторона тела Вулфа онемела от этого удара, а ноги стали резиновыми. Он упал бы ничком на пол, но Яшида в смертельной схватке прочно удерживал его свер-

ху. Его ноги обвилились вокруг шеи Вулфа, словно лассо, сжимаясь все туже и туже, перекрывая приток крови и кислорода к мозгам. Он хладнокровно и умело душил Вулфа.

Вулф понял, что слишком полагаться на вновь приобретенную от Оракула энергию биополя не следует, нужно не забывать и основные навыки полицейских приемов. Нужно было в первую очередь все внимательно оглядеть, в том числе и потолок, а не думать, ворвавшись в комнату, что она совершенно пустая. На дар „макура на хирума“ целиком и полностью полагаться нельзя, а он сам не Господь Бог. Урок этот он хорошо усвоил, да что из этого проку, если он вот-вот умрет?

Вулф захрипел, поскольку смертельная хватка Яшиды еще более усилилась и он даже приподнял Вулфа вверх, так что его ступни закачались над полом, а он задергался и стал похож на марионетку. В глазах у него помутнело, разум затуманился, глаза быстро закрылись, рот открылся, судорожно глотая воздух. Он поднял руки к шее, пытаясь освободиться от цепкой хватки Яшиды, но ножной захват казался каменным, отделившим напрочь голову от туловища. В голове зашумело и зажужжало, будто прилетел целый рой навозных мух, облепивших порядочный кус падали. Вулф понял, что он умирает. В голове пронеслась картина: он лежит в гробу, с белым обескровленным лицом, на котором отпечаталась маска смерти, — он навидался достаточно таких лиц на ночных улицах Нью-Йорка.

„Соси кровь из камня“.

Что? Это ему послышалось, или голос возник в уме? Жужжание мух в голове мешало понять, откуда идет голос.

„Соси кровь из камня“.

Теперь он расслышал и понял, откуда идет голос. Все еще мерцало сознание, ощущение было такое, будто он вздремнул немного. Пробуждайся! Снова послышалось жужжание, тело стал окутывать черно-красный саван.

Камень — это же его собственное тело. Да, оно. Прекратить бороться? Что? Прекратить бороться? Я же умру, уже умираю.

Вулф прекратил сопротивляться, тело его свободно повисло в воздухе, стало резиновым. А теперь в нем ожила „ки“ — внутреннего энергия, восстали жизненные силы. Из спинного мозга в головной стержнем протянулась „макура на хирума“, а затем дождем посыпались сверкающие искры. Поднялся черный ветер, возникло темное непонятное существо, которое, обхватив ноги Яшиды, вонзило в него длинные кривые когти. Сила „ки“ была фонтаном, отчего

вся атмосфера в комнате потемнела и сгустилась до того, что воздух превратился в воду.

Яшида тяжело закашлялся, замолк и сорвался с потолка, грохнувшись вместе с Вулфом на пол.

Вулф вырвался из его хватки и лежал на полу не двигаясь. „Дыши, — приказал он себе. — Дыши глубже!“ Кровь энергии, которую он высасывал из камня своего тела, освежала и влиwała силы. Дышал он способом „хара“ — низом живота, как когда-то учил его сенсей, давая уроки борьбы айкидо. Чувства приходили в порядок, но вместе с ними росла боль. Шея распухла и, казалось, стала в три раза толще, на коже выступили синяки и кровоподтеки, мускулы задеревенели. Снова прервалось дыхание.

Но надвигалось и другое. Его „макура на хирума“ оказалась незащищенной. По комнате разнесся неприятный запах, будто открыли выгребную яму.

Вулфу удалось встать на колени, чтобы продолжать сражаться с Яшидой — тот уже опять сцепился с ним. Вулф захватил своей правой рукой вытянутую правую руку противника, тяжело навалился на нее и вывернул вправо. Яшида сразу же потерял равновесие. Тогда Вулф выпустил его руку и мгновенно ребром правой ладони резко и сильно ударил его по внутренней стороне локтя. Кости хрустнули и сломались, в тот же миг Яшида лбом ударился об пол. Вулф, перекрутившись, ухватил левой рукой сломанную руку Яшиды и, действуя ею как рычагом, повалил врага на спину.

Вулф начал задыхаться. Мускулы рук у него дрожали, телу не хватало кислорода, и он весь затрясся. Он понимал, что теперь уже сражаться не в силах. Внезапно напав на него с потолка, Яшида обескровил его и лишил силы. Если он снова нападет, хоть и со сломанной рукой, Вулф оказать сопротивление не сможет.

Яшида тем временем откатился и тяжело привстал на одно колено. Боль в шее у Вулфа стала почти нестерпимой. С каким-то звериным ревом Яшида опять обрушился на него. Вулф не мог даже поднять головы, но обрушил на Яшиду удар черного луча своей биоэнергии.

Яшида попытался блокировать этот удар с помощью своей „макура на хирума“, но слишком поздно понял, что его биополе совсем ослабло. Вулф же, без труда отразив биоэнергию Яшиды и направив ее против него самого, пустил на него свой биолуч в отраженном виде, используя для этого бронзовое зеркало, а сам приготовился отбить новый, хотя и ослабевший импульс биоэнергии врага.

Удар невидимого луча „макура на хирума“ Вулфа при-

шелся Яшиде по правой стороне, и тот успел лишь коротко вскрикнуть от испуга. Удар был страшный, будто в Яшиду врезался мчащийся на полной скорости грузовик. Тело его оказалось отброшенным, и, пролетев через всю комнату, он с размаху ударился об оштукатуренную стену. Из тела Яшиды хлынула кровь, словно нефть из скважины, забрызгав стены, циновки, дверь и коридор.

Вулф прилег на спину, закрыл на минутку глаза и прислушался к необычному звуку капель: с потолка капала кровь Яшиды.

— Никак не могу понять, почему это Достопочтенная Мать не привлекает тебя к тому, чтобы воздействовать на твоего брата Юджи, — сказал Наохару Нишицу.

„А потому, что она не такая дура, как ты“, — подумала Чика и, улыбнувшись, ответила:

— Юджи никогда не спрашивал советов у женской половины нашей семьи.

— Кроме своей матери, — со смешком заметил Нишицу.

Она подстерегла его, когда он спешил, пробегая полупустой кафетерий в храме Запретных грез. Он явно направлялся во второе здание, где сидела в своих апартаментах, словно огромная паучиха в центре сплетенной паутины, сама Достопочтенная Мать.

На Чике лежала жизненно важная задача задержать Нишицу и отвлечь его внимание от того, что может произойти в садике напротив через несколько минут. Она, конечно же, не позавидовала участи Вулфа, вступившего в схватку с Достопочтенной Матерью, невзирая на то, каким будет ее исход, но одно она знала твердо: нужно оставить их наедине и не дать никому вмешаться.

— А Юджи вообще не слушал ничьих советов, — сказал свое мнение Нишицу. — Что-то сломалось в нем. В своем неудержимом стремлении к индивидуальности он стал почти настоящим американцем. Как он только может проявлять симпатии к американцам? При каждом удобном случае они стремятся совратить нас с пути истинного.

— Ты забываешь, что американцы помогли нам стать такими, какими мы стали, Нишицу-сан, — заметила Чика.

— Что касается американцев, то я не забываю ничего, — раздраженно ответил Нишицу. — Ты что, думаешь, я забыл, что они сотворили с нами? Моя семья жила в Хиротсике. Выжившие в том катаклизме до сих пор носят в душе шрамы от американского злодейства. Я сам, к примеру, никогда не смогу стать отцом ребенка, и это все из-за американской атомной бомбы. Так что не надо при мне хорошо отзываться об американцах.

— Но ведь времена Хиросимы и Нагасаки давным-давно минули, Нишицу-сан, как и бесчисленные зверства, которые совершали наши офицеры и солдаты. Что же нам теперь до самой смерти отравлять свою жизнь грехами прошлого?

— Прошлое рождает настоящее, — отрезал Нишицу. — От него просто так не отмахнешься.

— Да, забыть его невозможно, — согласилась Чика.

Нишицу некоторое время внимательно присматривался к ней, будто просвечивая насквозь своими опаловыми глазами, а потом сказал, словно в подтверждение своих мыслей:

— Прости меня, Чика-сан. Я должен идти, и так опаздываю на встречу.

Чика поняла, что нужно что-то срочно делать и задержать его, поэтому сказала первое, что пришло в голову:

— Нишицу-сан, ты всегда убегаешь с поля боя, потеряв поражение?

— Что? Что ты сказала?

Он всерьез рассердился, но зато Чике удалось привлечь его внимание и задержать.

— Ты же знаешь, что я права, — нажимала она, — но просто уперся и не хочешь признаться в этом. Теперь настало время, когда нужно жить в реальном мире, а не стараться изменить его в соответствии с собственными нуждами.

Нишицу схватил ее и резко дернул, поставив прямо перед собой. Опаловые глаза его сверкали от гнева.

— Что случилось с тобой за время пребывания в Америке, Чика-сан? — Он толкнул ее вперед, к двери, выходящей в коридор. — Думаю, тебе лучше пройти вместе со мной. Пусть Достопочтенная Мать сама услышит, какую ересь ты несешь.

Он грубо толкнул Чикю в дверной проем, крепко схватил ее за руку и повел по коридору. Они прошли по саду и вот-вот должны были войти во второе здание. Нужно срочно что-то сделать, чтобы как-то остановить его.

Заметив раздвижную дверь, она уперлась каблуками и вывернулась из рук Нишицу. Одним движением раздвинув дверь, она рывком проскочила внутрь. Да это же туалет! Она повернулась и с шумом полезла ползком между полок у задней стенки. Банки с красками, моющими средствами, лаками и полировкой рухнули на нее, а вместе с ними упали кисточки, тряпки, листы наждачной бумаги и бумажные пакеты с песком. Один из пакетов Чика кинула в Нишицу, но он отшвырнул его в сторону.

Подбежав, он ухватил ее и вытащил наружу, поставив на ноги, и несколько раз подряд звонко хлестнул по щекам.

— Если еще раз поднимешь на меня руку, — угрожающе произнес он тихим голосом, — я не колеблясь убью тебя. — Ухмыльнувшись, он продолжал: — Думаешь, я не знаю о твоём предательстве? Думаешь, мне неизвестно о предательстве твоей сумасшедшей матери? — Комнату заполнило черное биополе его „макура на хирума“, вырвавшееся, подобно зловещему джину из бутылки. — Нет, ты все же пойдешь со мной к Достопочтенной Матери. — Он злобно взглянул на нее и ударил еще сильнее, явно наслаждаясь тем, как она скривилась от боли. — Я никогда не доверял ни тебе, ни твоему окаянному братцу Юджи. А почему бы мне доверять вам? Я всегда предупреждал Достопочтенную Мать, чтобы она не спускала глаз с Минако, и оказался прав. Вся проклятая семейка Шиянов должна быть уничтожена. Без сомнения, ее теперь ликвидируют.

Он ударил Чики в последний раз, глаза ее закатились, и она рухнула на пол без чувств.

Вулф повсюду искал Достопочтенную Мать, но в комнатах первого этажа ее нигде не было. Он не знал, что делать, и, чтобы заглушить боль и восстановить силы, применил свое биополе, однако дыхание никак не восстанавливалось. Ослабляла и мешала ему вовсе не боль, а травмы, полученные в схватке с Яшидой, растянутые сухожилия и порванные кровеносные сосуды на шее. Итак, прежде всего он попробовал излечить самого себя с помощью „макура на хирума“, но на это потребовалось затратить немало усилий, и, хотя боль заметно утихла, а шишки и синяки почти рассосались, сил совсем уже не оставалось. Он понимал, что нужно передохнуть, но понятия не имел, как долго удастся Чике удерживать Нишццу и отвлекать его внимание. Ему нужно во что бы то ни стало побыстрее разыскать Достопочтенную Мать и расправиться с ней, прежде чем по тревоге поднимутся обитатели храма, и тогда все силы общества Черного клинка обрушатся на него и на Чики.

Но где же прячется Достопочтенная Мать?

„На самом верху храма Запретных грез, — слышался ему голос Чики, — за дверью, инкрустированной двумя птицами фениксами“.

Тогда Вулф быстро пошел по коридорам с бесчисленными резкими поворотами, чтобы отогнать злых духов и не пропустить их в верхние комнаты. В конце коридора он увидел лестницу и помчался по ней, перескакивая по двести ступеньки кряду. Второй этаж, третий, четвертый...

Выше — крыша. В помещениях царила мертвая тишина, густая и плотная, как смола. Хоть окна и были открыты нараспашку, чтобы проветрить и охладить помещения, все равно пение птиц с улицы сюда не доносилось. Все застыло в воздухе, ни малейшего дуновения ветерка, шевелящего кроны карликовых кленов, растущих внизу, в садике.

Тогда Вулф принялся методически прочесывать каждую комнату, направляя луч своей „макура на хирума“ по периметру помещений. Здесь комнаты оказались попросторнее, чем внизу, и более изысканно обставлены. Современная западная живопись сочеталась в них с резьбой по камню, изящными шелковыми коврами ручной работы и другими произведениями искусства минувших веков. Здесь были выставлены несметные богатства. Он принялся тщательно осматривать помещения последнего этажа, как в свое время и в другом месте осматривал фешенебельную квартиру Лоуренса Моравиа. Правда, тогда это был совсем другой Вулф Мэтисон, но тем не менее нынешний досмотр производил он же.

„Позади лесенки, черной, как сама ночь“, — помнится, говорила Чика.

Да, вот она, эта лесенка-приступок, похожая на сундук.

Вулф внимательно оглядел комнату, которая оказалась вестибюлем. В ней не было ни одного окна, а освещалась она флюоресцентными лампами, укрепленными на голых бетонных стенах, вдоль которых стояли антикварные китайские ритуальные столики из тяжелого темного дерева.

На каждом квадратном дюйме крышек столов стоял ярко раскрашенный миниатюрный робот, игрушечный, конечно, но, судя по их возрасту, можно было сразу прикинуть, что за них вполне можно выручить очень приличную сумму на любом аукционе в Японии. Все роботы были мужского пола, но ни один из них не походил на Робби-Робота из книги „Запретная планета“, который, впрочем, был просто большой неуклюжей машиной с заводным механизмом. Такой парад механических игрушек отдавал чем-то мрачным и жутковатым, возможно, оттого, что они чем-то напоминали людей. Лица их казались бесчувственными, застывшими в ожидании команды от своего генерала, их яркая раскраска подчеркивалась сверкающим холодным светом флюоресцентных ламп. Создавалось впечатление, будто в любой момент раздастся магическая команда и миниатюрная армия оживет и двинется в поход.

Он прошел вперед по полу, выложенному черно-белыми плитками, и подошел к невысокой лестнице, черной как ночь. Вспомнив рассказ Чики о том, как Минако передви-

нула с видимой легкостью лестницу-сундук, он внимательно посмотрел и нашел за лестницей кнопку. При нажатии лестница отошла в сторону, и он увидел дверь с двумя инкрустированными на ней фениксами. Прижав ладони к оперенной груди птиц, он сильно толкнул дверь, и она открылась.

Вулф вошел в комнату пяти призраков.

И сразу увидел Чикку. Ее подвесили в форме звезды на знамени, свешивающемся с толстых грубых балок и стропил потолка. Она была совершенно голая и заключена в большую стеклянную емкость, установленную у дальней стены. Голова ее безвольно поникла на груди, волосы распустились и лоснились от пота, из многих тысяч крошечных ранок на теле сочилась кровь.

Вулф пристально глянул на нее и не удержался от крика. Конечно же, Достопочтенная Мать добивалась, чтобы он испытал шок. Тогда шок перекрыл бы у него систему восприятия и притупил чувства, помутил разум, блокировал поступление информации извне. Она рассчитывала именно на такой результат и добилась своего.

Вулфа отбросил назад горячий порыв черного ветра, прижал его к обшитой кедровыми досками стене и прищиплил к ней, как букашку в коллекции натуралиста. А он, по сути, таковым сейчас и был.

— Разум — такая таинственная и непостижимая вещь, — начала разговор Достопочтенная Мать. — Я на свой манер решила загадку жизни и смерти, но сколько еще таинственного и непознанного ожидает меня внутри человеческого разума.

Теперь Вулф мог рассмотреть Достопочтенную Мать, но его охватил такой ужас при виде распятой Чики, что он едва ли обратил на нее внимание. А она на это как раз и рассчитывала.

— Должна признаться, — продолжала между тем Достопочтенная Мать, — что я в некотором роде изумилась, когда вы сумели одолеть Яшиду. В конце концов, я же воспитала и обучила его. Он и Чика были самыми близкими мне людьми, к которым я питала родственные чувства. Вы убили Яшиду и будете также отвечать за смерть Чики.

Она подошла поближе, и Вулф увидел, что теперь она была одета в кимоно из парчи с вышитыми красными и черными мифическими зверями.

— Кое-кто в „Тошин Куро Косай“ счел бы вас за угрозу, — продолжала Достопочтенная Мать и злобно ухмылялась. — Но я лично рассматриваю вас как счастливый случай, который приходит раз в жизни. Поэтому убивать я вас не стану.

— Что вы такое говорите? Вы ведь из кожи вон лезли, чтобы убить меня.

— Вы подразумеваете яд, которым я натерла лезвие ножа Сумы? Ну здесь-то вы как раз ошибаетесь. Он предназначался всего лишь для того, чтобы ослабить вас, утихомирить ваш воинственный пыл, пока я буду разговаривать с вами. А вы ухватились рукой за лезвие и поэтому получили слишком большую дозу яда. — Она покачала головой, но глаз с него при этом не спускала. — Нет, реальная угроза вашей жизни исходит не от меня, а от Минако. Думаете, я лгу? Но я скажу, что, если вы как-то сумеете выбраться отсюда, она наверняка разыщет вас и уничтожит. Вот это единственная правда. Ну а единственный способ выбраться вам отсюда — только через мой труп. А потом она точно определит вашу силу и энергию. Разве вы не знаете свое могущество, Табула Раза? Ваша мощь превзойдет ее, а она уж этого никак не потерпит.

„Опасность в жизни, а не в смерти“, — точно предсказывал Оракул.

Изучая с живым интересом лицо Вулфа, Достопочтенная Мать широко улыбнулась, и он ощутил, что хватка ее еще больше усилилась. Он попытался думать спокойно, но чувствовал, что связывать одну мысль с другой становится все труднее, словно идешь по зыбучему песку.

„И возможно, смертельна“, — вспомнился чей-то голос.

— Разумеется, есть лишь один верный способ узнать, насколько могуществен ваш дар ясновидения, — сказала Достопочтенная Мать, встав прямо перед ним.

Было так тихо, что он слышал даже, как медленно капает кровь, сочащаяся из десяти тысяч ран, нанесенных Чике Достопочтенной Матерью. „Жива Чика или мертва?“ — тупо подумал он.

— Один верный способ.

В комнате началось какое-то движение, лицо его обдул горячий черный вихрь, в воображении возник черный клинок, тонкий и зловещий, как скальпель.

— Да, правильно, — услышал Вулф голос Достопочтенной Матери. — Это и есть скальпель. Им я рассеку ваши мозги и извлеку из них тайну вашей необыкновенной „макура на хирума“. Я могу проделать это. Целые годы я потратила, оттачивая технику психохирургии. Показать ли вам черепа и кости ваших предшественников, чья „макура на хирума“ теперь находится внутри меня? Я могу это сделать, вы же знаете. Все они хранятся здесь, мои компаньоны по ночам.

Она еще ближе подошла к нему, нежно улыбнувшись, будто любовница, и сказала:

— Видите, Табула Раза, какая я есть. Перед вами великий двигатель, который никогда не перестанет работать, а только становится все более могучим, ибо я ненасытна. Но теперь уже очень скоро я все же насыщусь, так как в Японии не останется никого, обладающего энергией биополя. А моему владычеству никто мешать не будет. И я тогда стану единолично командовать членами „Тошин Куро Косай“, сидящими в крупнейших конгломератах мира. У меня будет такая власть, о которой не могла даже мечтать ни одна женщина во всемирной истории, не говоря уже о том, что ни одна из них подобной властью не обладала. Это будет необъятная и повсеместная власть, абсолютная власть. Время начало свой отсчет.

В глазах Достопочтенной Матери сверкало безумие, срывающееся с ее уст. Оно просачивалось, словно отвратительная ядовитая вонь. Запах гниения сгустился в комнате настолько, что у Вулфа даже подступила тошнота к горлу.

Он прикрыл глаза и мысленно увидел зловещий блеск черного скальпеля. „Не закрывай глаза!“ — услышал он внутренний голос. Но вот этот клинок...

Открыв глаза, Вулф сразу увидел руки Достопочтенной Матери с длинными пальцами. Она сжала ими его голову с обеих сторон. Он попытался шевельнуться, но не смог.

„Не закрывай глаза!“ — донесся другой голос изнутри. Откуда он исходит? Каким образом он вообще слышит его? На мгновение он смутился, подумав, что стал таким же безумным, как и Достопочтенная Мать. Но тут же встряхнулся и пришел в себя, припомнив момент, когда таинственный голос подсказал способ, как победить Яшиду. Нужно не закрывать глаза. Что бы это значило?

Психологический скальпель уже парил в воздухе, готовый произвести первый надрез. Вулф попытался привести в действие свою „макура на хирума“, но непонятым образом забыл, как это делается. Он все глубже погружался в тот зыбучий песок, в который столкнула его Достопочтенная Мать. Он ощущал, что его разум каменеет и плывет, становясь невесомым, как невесомой и подвешенной стала бедная Чика.

Чика!

„Не закрывай глаза!“

Психологическое лезвие коснулось его мозга, все тело пронзила боль, и он мысленно вздрогнул.

„Смотри на Чику!“ Он не хотел смотреть — зрелище столь ужасно, а они оба беспомощны и не в силах что-либо сделать.

Его мозги начинают резать на кусочки...

„Не закрывай глаза!“

Вулф взглянул дальше, за черный скальпель, за ухмыляющуюся Достопочтенную Мать, прямо на бедную Чика, подвергшуюся зверским пыткам. Кровь все еще капала из ран, должно быть, ее натекло целое море, она наверняка уже умерла, глядя на циновку под своими ногами. А крови на ней почему-то не видно...

Нет крови!

Черный скальпель вонзился глубже...

Нет крови! Может быть такое?

„Не закрывай глаза!“

И вдруг он все понял. Взглянув снова туда, где находилась подвешенная Чика, он, невзирая на дикую боль, напрыгнул и сконцентрировался, сосредоточив все свое внимание только на ней и не отвлекаясь ни на что иное.

И Чика вмиг исчезла, испарилась вовсе!

Конечно же, она должна была исчезнуть, ее там никогда и не было с самого начала. Это все штучки Достопочтенной Матери, создавшей образ Чики обманном путем, не посредством дара „макура на хирума“. И этот обманчивый образ, поразивший его и причинивший несусветную боль, связал Вулфа по рукам и ногам, сделал его совсем беспомощным, что и позволило Достопочтенной Матери выиграть десятую долю секунды, мгновенно прорваться сквозь его оборонительный заслон и установить контроль над его сознанием. Какой же она монстр!

Вулф уже собрался было начать действовать, как вдруг ожили красные и черные мифические звери, вышитые на кимоно Достопочтенной Матери. Возникли живые драконы, крылатые змеи и прочие представители необузданной дикой фантазии. Их зловещие головы все как один повернулись к нему и со свистом и ревом стали извергать огонь, яд и кислоту. А потом из тени позади этих тварей возникла до боли знакомая фигура, отчего Вулфа даже мороз по коже продрал.

Да это же его отец!

Питер Мэтисон, загорелый, бодрый и здоровый, в рубашке из причудливой ткани с приколотым значком техасских рейнджеров, снял с головы широкополую шляпу и стоял, смахивая ею, как он обычно это делал, пыль со своего лица. Улыбнувшись сыну, он правой рукой выхватил из кобуры, висящей на бедре, шестизарядный кольт и принялся всаживать пулю за пулей в оживших чудовищ. Затем, перешагнув через трупы фантастических химер, он

вложил револьвер в кобуру и, протянув сыну крепкую мозолистую руку, сказал:

— Рад видеть тебя, сынок. Вижу, ты совсем загордился.

Совершенно машинально Вулф в ответ тоже протянул отцу руку, и тут же мучительная боль пронзила его, заставив дрожать и стучать зубами. Он попытался вырвать руку, с ужасом увидев, как у отца сходит с тела загорелая кожа, обнажая гниющую плоть, в которую вгрызаются тысячи белых червей и насекомых. А потом все исчезло, остался только голый череп, костлявый и отвратительный. Челюсти открывались и резко захлопывались.

Вулф наконец вырвал руку, и призрак его отца исчез, растворившись бесследно, словно сахар в стакане чая. Исчезли также и трупы убитых химер. Но осталась Достопочтенная Мать, ее черный психологический скальпель опять был готов резать мозг Вулфа.

Он вдруг оказался стоящим на коленях и никак не мог отдышаться. Голова у него раскалывалась от боли. Он понимал, что Достопочтенная Мать использует против него всякое оружие, имеющееся в ее богатом арсенале. Но он начал также догадываться, что любое ее действие имеет общую основу — вызвать потрясение, шок. Именно таким коварным образом она подавляла волю своих жертв к сопротивлению, прежде чем начать высасывать из них энергию.

Он выкинул из головы Чику, фантастических чудовищ и отца. Они были всего-навсего галлюцинацией, порожденной Достопочтенной Матерью и предназначенной для того, чтобы замутить разум Вулфа, сбить его с толку. Применительно к нему задача эта не из легких. Но она обладала богатым опытом и умела прощупывать психику у своих жертв и извлекать мало-помалу „макура на хирума“ с максимальной отдачей. Вулфу не хватало времени. Уже возникал другой призрак, все четче обретая форму и жутко дрожа перед ним. Вулф может даже потерпеть поражение в схватке с этим призраком.

Он сосредоточился на том, чтобы мобилизовать свои силы. И тут в нем вновь ожила его „макура на хирума“, мелькнувшая изнутри, словно черная молния. Ее энергия захватила его мозг, тело, заполнила всю комнату. Она мгновенно излечила все раны и травмы Вулфа и наполнила его силой. Он схватил черный психологический клинок Достопочтенной Матери — суть ее „макура на хирума“, орудие ее ужасной хирургии — разбил его вдребезги на тысячу сверкающих осколков.

Почувствовав, что Достопочтенная Мать старается вос-

становить свою „макура на хирума“, Вулф приготовился к отражению нападения. Вот в голове его вспыхнул яркий огонь, комнату наполнили десять тысяч беснующихся ос. Но было уже слишком поздно. Черное психологическое лезвие Достопочтенной Матери исчезло, человеческий облик как бы растворился в воздухе, и Вулф увидел перед собой ее сущность — лишенную кожи и костей бесформенную массу безумия.

Секунду-другую эта масса безумия корчилась и выла, и Вулфу представилась возможность глянуть в другое будущее, в котором Достопочтенная Мать получила бы безграничную свободу и не знала бы никаких сдерживающих начал. Шелковое кимоно ее вмиг охватил огонь, вышитые на кимоно фантастические звери зарычали и завывали, ибо пламя пожирало и их.

И тут его „макура на хирума“ обрела наконец-то полную силу. Ее вытянувшийся луч схватил Достопочтенную Мать за сердце и крепко сжал его. Она громко вскрикнула, ее швырнуло через всю комнату, выбросило в окно.

Вулф подскочил к разбитому окну и глянул вниз. Тело Достопочтенной Матери лежало, распростертое, в саду, на самом большом валуне. Из-за темноты сцена на первый взгляд казалась сюрреалистической. А потом рогатый месяц выскользнул из-за плотных облаков и осветил неестественную позу Достопочтенной Матери, лежащей с переломленным позвоночником на крупном, потемневшем от ее крови валуне; таз ее раздробился от сильного удара.

Вулф прислонился к разбитому окну, совершенно выбившись из сил и качая от невыразимой усталости головой из стороны в сторону.

„Не закрывай глаза!“ — как заклинание звучал у него в ушах таинственный голос.

Глава двадцать первая

Токио — Вашингтон

Вулфа принесли домой к Минако на носилках. „Его не нужно класть в больницу, — объяснила Чика матери. — Ему требуется только полный покой и отдых“.

Сердце Минако переполняла радость, когда она смотрела на них. Ей уже, разумеется, было известно, что Достопочтенной Матери нет в живых. Она приказала положить Вулфа в свою спальню и самолично проследила, чтобы он не испытывал никаких неудобств. Когда Вулф наконец проснулся, Минако не спеша накормила его с ложечки горячим бульоном, отварным рисом и напоила зеленым чаем. Пока он спал, она терпеливо сидела с ним рядом. Чика, взглянув на них, ласково улыбнулась.

Пока Минако ухаживала за больным Вулфом, они часто беседовали.

— Итак, в конечном счете вы все же стали моим великим черным клинком, — сказала она как-то раз. — Видите ли, Вулф-сан, такова ваша карма, таков предназначенный вам путь. Я понимаю, что западному человеку трудно согласиться с таким поворотом дела, не задавая вопросов, но теперь-то вы на собственном опыте убедились, как воплощается карма.

Вулф слушал ее, не произнося ни слова. Он лишь молча наблюдал за ней из-под полуприкрытых век.

— Вас привела ко мне карма, — продолжала между тем Минако. — Когда я впервые увидела вас, то была слишком занята своими мыслями и не раскусила, кто вы такой. И только спустя некоторое время я стала сопоставлять факты и догадываться, что к чему. Когда я встретила вас впервые — еще тогда, в Камбодже, вы для меня никакого интереса не представляли. Признаюсь, что в то время я сильно увлеклась Торнбергом Конрадом III и надеялась, что он поможет мне осуществить мою карму: станет отцом ребенка с необыкновенными способностями, еще одного воина в битве с Достопочтенной Матерью. За это он поклялся мстить мне.

С безграничным терпением Минако продолжала кормить Вулфа во время этого рассказа горячим супом.

— Однако впоследствии из слов Чики мне стало ясно, что я все же с самого начала недооценивала Конрада. Видите ли, Вулф-сан, он использовал вас как подставное лицо, чтобы проникнуть в „Тошин Куро Косай“, добраться до меня и выведать тайну продления жизни, секретом которого владеете вы сами, я и Чика, а также владела и Достопочтенная Мать, но вы с ней покончили. Эту тайну он страстно стремился узнать всю свою жизнь. Ирония судьбы во всем этом заключается в том, что вы и я еще будем жить долго-долго, а он скоро умрет. И умрет он, Вулф-сан, не ведая даже, что тайна долголетия, за которой он так упорно гонялся всю свою жизнь, хранится в нем самом. У меня нет никаких сомнений в том, что его „макура на хирума“, какой бы слабой она ни была, могла бы спасти его от смерти, но этого не произойдет. Нет никого, кто расшевелил бы его биополе, как это сделали в свое время с тобой твой дедушка и Чика.

Сильными натренированными пальцами она подхватила чашку с зеленым чаем и быстро унесла ее, заметив по пути:

— Прелести жизни нередко заключаются в острых уколах иронии судьбы, не правда ли, Вулф-сан?

Немного погодя он пробудился от дремоты в тот момент, когда она поправляла одеяло у него на груди.

— А-а, проснулись наконец-то, — улыбнулась Минако такой знакомой доброжелательной улыбкой. — Вы, вне всякого сомнения, с удовлетворением воспримете весть, что со смертью Яшиды отпала угроза дальнейших убийств политических деятелей в вашей стране. Ну а что касается законопроекта о внешней торговле, то пусть этот вопрос решают сами американцы. Если они окажутся настолько глупыми, что позволят принять закон, а президент не наложит на него вето, то им придется тяжело. Здесь я помочь ничем не могу.

Минако прикрыла глаза.

— „Шиян когаку“ всегда с вами, — произнесла она и самодовольно хихикнула. — Не было еще более удачной рекламы, чем эта, вы согласны? Моя фирма на всех парах устремилась к господству в экономике Японии и начинает оказывать решающее влияние на экономическое развитие всех стран на нашей планете.

Глаза у Минако даже засверкали от удовольствия. Она и не пыталась скрыть своего волнения, наклонившись над Вулфом. Увидев близко ее прелестное лицо, он почему-то

безотчетно вспомнил последние секунды своего пребывания во вселенной Оракула.

— Видите ли, Вулф-сан, правду частенько скрывают великое множество лжецов и обманщиков, и в конце концов даже они забывают, где она изначально лежит. А если взять мою семью, то, по правде говоря, все ее члены тем или иным образом оказались полезными для меня. Юджи создал Оракул. Казуки, бедное, обреченное существо, стала для меня уроком. Слабые гены ее отца не позволили ей стать здоровой, поэтому ее „макура на хирума“ съедает ее живьем. Несчастная Хана была моим сторожевым псом. Единственный, о ком она заботилась, это Юджи. Мне известно, что она спасла бы его от общества Черного клинка, пока я была занята другими делами. Ну и, наконец, Чика — моя дочь-воин. Она — моя гордость, родилась она благодаря уроку, который я извлекла из рождения Казуки.

Минако наклонилась над Вулфом, ласково улыбнулась и сказала далее:

— Думаю, вы удивляетесь, к чему это я все говорю вам. Ну что ж, вы все же „гейзин“, то есть иностранец. Мне кажется, что пожилым людям живется легче и спокойнее, когда они выговарятся. Проблема лишь в том, чтобы найти того, кому можно выложить все, что накопило на душе, того, кто понял бы и оценил сделанное.

Она еще ниже склонилась над ним и продолжала:

— Вот вы явились и достигли своей цели. А теперь, когда все кончилось, что мне остается делать с вами? О, меня бояться нечего, я не злобная, как Достопочтенная Мать. Она стала безумной в конечном счете от своей же „макура на хирума“. Но вы сами видите, Вулф-сан, что ваше дальнейшее пребывание здесь стесняет меня.

Теперь Минако шептала ему прямо в ухо:

— Вы слишком много знаете, а если чего и не знаете, то ваша удивительная энергия в конце концов поможет разгадать все. Сердце моей дочери принадлежит вам, и я больше не могу рассчитывать на ее безусловную преданность. Короче говоря, вы слишком сильны, а я с этим смириться не могу.

Минако вдруг излучила „макура на хирума“, превратив день в ночь. По комнате не спеша и важно прошествовала темная и злобная огромная лиса, созданная ее воображением. Широко разинув хищную пасть, она нацелилась вцепиться Вулфу в глотку.

— О разнице между силой и властью почему-то очень легко забывают, — философски заметил Вулф.

Вдруг Минако резко вскочила, повернув голову к две-

ри, и испуганно вскрикнула, увидев, что Вулф стоит в дверном проеме. Огромная темная лиса в недоумении заметалась. Вскрикнув еще раз, Минако повернулась к лежащему на кровати больному Вулфу. Она побледнела и, схватив одеяло, сдернула его.

— Чика? Что?..

Лиса исчезла.

— Сила — зловещее и непостижимое чудовище, — сказал Вулф, входя в комнату. — Сперва она ошеломляет нас, когда мы видим боль других людей, а потом эта боль постоянно напоминает, что наше господство над ними продолжается. Власть же поступает осмотрительно и рассудительно, она должна применяться так, чтобы уравновесивать „ки“ — эту жизненную силу и сострадание.

По лицу Минако нельзя было понять, слушает она Вулфа или нет. Во всяком случае, она, встав на колени, широко раскрытыми глазами непонимающе вглядывалась в дочь.

— Что вы делаете со мной? — вскричала она.

Вулф понял, что вопрос обращен к нему, и поэтому ответил:

— За краткое свое пребывание здесь я многому научился. Чем больше человек знает, тем больше готов к этому. Тем более, когда обладает даром „макура на хирума“.

— Готов к чему? — недоуменно спросила Минако.

— К тому, чтобы сойти с ума, — ответил Вулф. — Видите ли, вот именно этот урок я вынес из пребывания здесь, уважаемая Минако. Угроза заключена в жизни. Не в смерти. Таково последнее предсказание Оракула. Это еще одна тайна, которую мне предстоит раскрыть, тайна, с которой мне никогда не ужиться: она заключает в себе силу, которая неминуемо ведет к безумию.

Он подошел поближе к ней, она не сделала ни малейшей попытки отойти хотя бы на шаг.

— Только одна Хана глубоко поняла сущность природы „макура на хирума“. Тайна ее настолько же стара, как и история времени, и она, уважаемая Минако, заключается в следующем: сила развращает и является источником загнивания; абсолютная сила развращает абсолютно. „Макура на хирума“ — это абсолютная сила, и сама ее природа абсолютного развращения и загнивания выражается в безумии. К такому результату неизбежно приходит всякий, кто обладает даром „макура на хирума“.

— Нет! Нет, нет и нет!

— Да! — решительно произнес Вулф, наклонившись над Минако. — И я считаю, что вы сами начинаете понимать эту неизбежность.

— Я никогда...

— Видите ли, Минако-сан, с тех пор как Чика начала разматывать причины непонятной вражды между двумя кланами в „Тошин Куро Косай“, меня тоже стало кое-что тревожить. Я понимал, что в обществе есть хорошие люди и плохие, но кто есть кто, определить не мог. Была ли, скажем, Достопочтенная Мать безумной? Она казалась таковой, пока не рассказала мне подробно о вашем сумасшествии. Разумеется, она могла тут многое и приврать, но не приврала. Чика потом сама подтвердила мне ее слова там, в храме Запретных грез, когда я покончил с Достопочтенной Матерью.

Реальность все время меняется, подобно химере. Я никак не мог постичь причину, из-за которой враждовали эти два клана, пока не наткнулся на правду, которая показала мне, что добро и зло утратили свое значение. Все вы, члены „Тошин Куро Косай“, медленно, но верно становились безумными. По сути дела, уважаемая Минако, вы ничем не отличаетесь от Достопочтенной Матери. Время покажет, что между вами разницы нет, а ваша исповедь только подтверждает это.

Вы обе утратили способность отличать добро от зла, порядок от хаоса. Вы установили собственные законы, которые никак не сочетаются с интересами и желаниями других людей. В вас воплощена искалеченная жизнь, которую нужно лечить и лечить. А единственной наградой за избранный вами путь может быть только ваша ликвидация...

— Чика... — жалобно простонала Минако. Так стонут обычно старухи, чуя приближение смерти.

Чика покачала головой, лицо ее не выражало ничего, но Вулф почувствовал, что ее сердце разрывается от отчаяния.

— Ты осудила себя своими же словами, — сказала Чика. — Ты научилась лгать с самого начала, как тебя позвали. Вулф говорил, что ты сама избрала свой путь и теперь пожинаешь плоды этого. Ты оттолкнула от себя всех, кто, может, и любил тебя, и осталась одинокой со своим хваленным даром „макура на хирума“, с которым прожила всю жизнь. Теперь ты уже стала сумасшедшей, сцепившись с Достопочтенной Матерью в безумной схватке за верховенство. А что же ты стала бы делать, победив ее? Можешь мне сказать? Нет, не можешь. По-моему, целью всех манипуляций, террора и убийств было уничтожение друг друга, захват власти ради самой власти.

Она взглянула в глаза Минако, сверкающие, как у загнанного зверя, и сказала напоследок:

— Если я смогу как-то посочувствовать тебе, то это будет, видимо, только жалость. А пока же я не испытываю к тебе, мама, никаких чувств.

Минако негромко застонала и упала на тонкий матрас, где лежала Чика, которую вызвал Вулф, чтобы она все увидела своими глазами. Вулф повернул Чикю — она сама не двигалась и застыла, словно каменная, лицо ее побледнело и даже приняло голубоватый оттенок.

— Она едва жива, — заметил Вулф. — Что-то угнетало ее много-много лет, а теперь это исчезло.

Всю свою жизнь Минако посвятила интригам и заговорам, призывая своих послушных воинов присоединиться к священной войне против Достопочтенной Матери. А во имя чего? Ради призрачного будущего, которое, по ее глубокому убеждению, она создаст с той же легкостью, с какой архитектор строит здания?

— Мне кажется, — сказала Чика, глядя вниз на зарывшуюся в одеяло Минако, — мать всегда сталкивалась с неразрешимой задачей, потому что ошибочно считала себя самым Господом Богом.

Позднее, когда прохладный день ранней весны был уже на исходе, Вулф вместе с Чикой прогуливался по саду вокруг дома Минако. После долгой зимней спячки на кленах и криптомериях набухали почки и проклевывались, словно цыплята, нежные листочки. Высокие темно-зеленые деревья качались и шелестели на ветру, а воздух благоухал запахом свежей глинистой земли. Но высоко вверху повисла грязная пелена, густая, словно желе. При виде ее невольно приходила мысль, что никогда больше не удастся разглядеть просторы до самого горизонта.

Вулфу нравилось прогуливаться с Чикой, он с удовлетворением воспринял весть о том, кто ее отец и сколько ей лет, обрадовавшись, что она не старуха, как остальные известные ему женщины с даром „макура на хирума“.

— Расскажи мне, пожалуйста, что произошло у тебя с Нишицу?

— Я рассказывала тебе уже дважды, — ответила Чика и одарила его кроткой улыбкой — единственное, что она могла сделать в данный момент.

— А я хочу послушать еще раз, — настаивал Вулф.

А произошло вот что. Чика быстро сообразила, что сила ее „макура на хирума“ слабее, чем у Нишицу, поэтому она прибегла к хитрости. Притворившись, будто с ней случился обморок, она упала ему на руки, застигнув его врасплох,

и он опять вытащил ее в коридор, а пока тащил, ее короткая юбка задралась, обнажив бедра.

Поведение мужчин в таких случаях легко предугадать. Нишицу, конечно же, остановился, чтобы поглазеть на ее тело, и тут же все его поведение разом переменялось. Она почувствовала, что его воля ослабела, и мгновенно нанесла сильный удар черным лучом своего биополя.

Нишицу тяжело рухнул на пол, и теперь уже для нее не составляло труда справиться с ним. Наконец, почувствовав смерть Достопочтенной Матери, Чика пробралась в самое логово — комнату пяти призраков. Там она нашла Вулфа и обняла его с такой искренней страстью, о которой раньше только мечтала, а завладев им, заплакала не только от счастья, что он жив и невредим, но и от отчаяния перед неминуемым надвигающимся ближайшим будущим, которое сразу же после смерти Достопочтенной Матери повисло в комнате, подобно зловещему призраку.

А потом Вулф объяснил ей, что в будущее следует внести поправки в связи с произошедшими событиями, и сообщил, что они должны делать в таком случае. Итак, они вместе придумали, как перехитрить Минако, пока он будет поправляться в ее доме.

— Знаю, что это довольно жестокое мероприятие, — сказал тогда Вулф. — Но если я прав, то это наш единственный шанс заманить Минако в ловушку.

Чика заранее научила его, как и о чем расспрашивать ее, — ведь она, в конце концов, несмотря ни на что, ее мать. Но Чика без звука согласилась участвовать в „заговоре“, а Вулф лишь недоумевал, восприняв ее согласие как непоколебимую веру в собственное предназначение.

Чика закончила рассказ о том, как ей удалось улизнуть от Нишицу, и он взял ее за руку.

— Никогда не прощу ей того, что она использовала нас в своих целях, — заметила она. — Мы все же ее дети. Как она могла сделать такое?

— Никогда — это понятие растяжимое, но и оно имеет конец, — философски заметил Вулф.

— Особенно если это касается моей матери.

Чика замолкла, замолк и Вулф, поняв, что она не расположена больше говорить о матери, может быть, до другого подходящего момента. Ей и Юджи предстоит пережить немало горестных лет, прежде чем они забудут, кем была их мать и что она творила.

На глаза у Чики навернулись слезы, и она сказала:

— Я всегда боялась оказаться между двух огней и, разумеется, никогда не смогла бы пережить последствий

их сумасбродных замыслов. Но когда мама рассказала мне о тебе, я подумала, что если все это правда, то ты сможешь положить конец их безумству.

— Все это кажется дурным сном.

— Может, потому, что ты понял, что на свете существует множество реальностей, — предположила она и крепко сжала его руку.

Они подошли к той половине дома Минако, которая выходила в сад, и сквозь стеклянную дверь увидели Юджи. Он стоял, засунув руки в карманы, ярко освещенный желтоватым светом лампы, и смотрел пустым взглядом либо на них, либо на деревья, но, похоже, ничего не видел.

— Бедный мой брат! — печально сказала Чика. — Он был вроде лазера, всю свою жизнь направляя узкий луч собственных знаний на всего лишь один уголок будущего, где его блестящий ум мог бы разрешать научные загадки. Очень плохо, что все остальное в жизни оставалось для него тайной за семью печатями.

Она отошла от Вулфа и, направившись к дому прямо по газону, открыла стеклянную дверь и вошла внутрь. Последовав за ней, Вулф стал свидетелем их разговора.

— С тобой все в порядке, Юджи-сан?

— Я ищу Вакарэ, — ответил брат. — Но он куда-то запропастился.

— Он умер, Юджи, — печально сказала Чика. — Я нашла его тело в храме Запретных грез.

Юджи даже не повернул голову к ней, но она все равно заметила, как заблестели его глаза.

— Как же он умер?

— Полиция ломает голову. Если Достопочтенная Мать сотворила с ним что-то такое, что выглядит вполне правдоподобно, то им ни за что не докопаться.

Юджи согласно кивнул головой, а Чика между тем продолжала:

— Бедный Юджи! Жизнь тебя обманула. — Она попыталась заглянуть ему в лицо, но он упрямо отворачивался. — Ты можешь оставаться здесь, сколько пожелаешь.

Ей безумно хотелось сказать побольше, предложить любую посильную помощь. Но она не решилась предложить, опасаясь, что этим обидит и унижит брата. Его уже предали и обманули собственная мать и лучший друг. Теперь Чика понимала, что она просто обязана оставить у него хоть капелючку личного достоинства, дать ему почувствовать, что верит в него и что он еще достаточно силен, чтобы самому справиться с постигшей его ужасной трагедией.

Юджи вадрогнул, оглянувшись, и сказал:

— Нет, спасибо. Я чувствую себя дома только на фирме „Шиян когаку“. Да она и всегда была для меня родным домом. Что бы там ни было, у меня масса работы. Я должен подобрать нового вице-президента по оперативным вопросам и продолжать готовиться к поездке в США с циклом лекций. Сейчас, как никогда прежде, чрезвычайно важно познакомить американцев с нашей деятельностью. Ну а еще нужно позаботиться о Казуки, но как — понятия не имею. Может, я сумею помочь ей, а тогда, может, и Оракул обретет достойное предназначение.

Он вышел из дома, а Чика с тоской посмотрела ему вслед. Он ничего не спросил о Минако и не оглянулся на сестру. Это было все, что ей досталось напоследок.

Чика вернулась к поджидавшему ее в саду Вулфу задумчивая и озабоченная.

— Что теперь нам делать? — спросила она. — Щупальца „Тошин Куро Косай“ проникли в разные уголки земли, но его члены настолько тесно связаны с центром, что без указаний оттуда вскоре утратят способность действовать и впадут в прострацию.

— Мы могли бы заняться тем, чтобы завлекать их в ловушки, словно бешеных собак, — сказал Вулф. — Но, может, нам лучше оставить их в покое, и пусть все идет своим чередом?

Оба они понимали, что все это значит, и, обсудив все варианты, решили остановиться на совершенно других проблемах. Однако приступить к их решению сразу они еще не были готовы.

Держась за руки, они прогуливались по тенистому саду. В ветвях деревьев порхали птицы, перекликаясь в сгущающихся сумерках. У бетонной скамейки без спинки они остановились и, хотя Вулф счел ее неудобной, присели и стали любоваться пробивающимся сквозь кроны деревьев голубым вечерним светом.

— Мы принадлежим друг другу, Вулф, — нежно сказала Чика.

— Да, отныне это так.

Однако к ее словам примешивалось невысказанное: как долго это будет продолжаться. Они ощущали весь ужас того, что произошло с Достопочтенной Матерью и Минако, потому что оба теперь знали, что и их тоже ожидает в будущем схожая участь. Можно ли как-то избежать зловещих последствий дара „макура на хирума“? Разве они неминуемо обречены на безумие?

Вулф принялся тереть виски, ожидая, когда в голове

прозвучит внутренний голос, и он знал, что это будет голос Ханы. Каким-то образом она сумела найти путь и вырваться из заточения; она все же не вошла в симбиоз с Оракулом. Может, она и подскажет им выход? „Но нет, — подумал он, — откуда ей знать, если она не смогла спасти даже себя“.

— Должен же быть выход и для нас, Вулф.

— Возможно, — согласился он. — Но ведь ты и я вместе вглядывались в будущее, а оно ничего нам не показывает.

— Мы также пришли к согласию, что это был последний раз, когда мы применили свой дар ясновидения. Люди не должны точно знать, что их ждет в будущем.

— Появится слишком большое искушение нарушить наше обещание. Как ты считаешь, устоим ли мы перед искушением?

— Да, — ответила Чика твердым голосом, не оставляющим и тени сомнения.

— Разумеется, устоим, — подтвердил Вулф, крепко сжимая ее руку.

Вулф знал, что основные законы жизни постоянно меняются. Он знал также, как глубоко заблуждаются люди, пытаясь проникнуть в тайны Вселенной. Время, то есть вечность и мгновение, — вот основа линейной формы мышления, жалкая непродуманная попытка втиснуть логику бесконечного хаоса в узкие рамки умозрительных построений, уразуметь то, что, по сути своей, никак не укладывается в логические рассуждения.

И он понял: все, что сказала ему Хана, — верно. Не существует такого понятия, как „один миг“. Каждое мгновение времени имеет множество пластов, а это обстоятельство влечет за собой множество решений, изменений и поправок на время и место. Единого нет, а есть только множество вариантов. Теория единого пути ложна. Поэтому для него с Чикой, по всей видимости, найдется выход.

Чика озабоченно взглянула на него:

— О чем ты задумался?

— Я думал о своих обязанностях.

Чика опять кротко и нежно улыбнулась, заметив при этом:

— Да ты становишься совсем японцем.

Долгое время они сидели молча, слушая чудное пение птиц. Быстро темнело. Изредка перед глазами молнией пролетали светлячки. Ночь, казалось, наступала со всех сторон.

Вулф, подняв голову, посмотрел на усыпанное звездами небо.

— Какой бы путь мы с тобой ни избрали, я должен сделать еще кое-что, прежде чем мы уедем. Это будет последней тайной, которую мне предстоит раскрыть.

— Знаю, — ответила Чика, — и хочу быть в это время возле тебя.

— Ты твердо решила?

Она молча кивнула головой, но он ощутил ее беспокойство.

— С матерью я уже разобралась. А разве может быть что-нибудь хуже?

Вулф долго сидел молча рядом с ней, глядя на опустившуюся над ними ночь.

В небе громоадились грозовые облака, щедро рассыпая над городом ливни, сверкая молниями, громыхая над крышами домов и обильно поливая землю.

Вулфа разбудил странный запах. Пахло чем-то вроде разрытой могилы, и он сразу же вспомнил, что не все еще сделано им в Японии.

В доме было тихо и спокойно, однако он ощущал какую-то неясную тревогу, какую обычно испытывает человек, навсегда покидая родные края. Белый Лук не раз говорил ему об этом состоянии. Он утверждал, что это чувство присуще мертвым, чьи души еще не ступили на тропу мертвых, а также тем, кто должен скоро умереть.

Вулф тихонько быстро оделся, вышел из дому и взял одну из стоящих рядом машин, благо ключи от нее лежали в прихожей, в деревянной шкатулке.

Хотя ему впервые в жизни пришлось ехать по улицам с левосторонним движением, да к тому же с непонятными дорожными знаками, он все же уверенно проехал по самому центру Токио, залитому светом неоновых реклам, столь ярким и навязчивым, что они дошли бы даже до невозможных самураев самого Изясу Токугавы. Вулфом управляла „макура на хирума“, она же и разбудила его, предупредив о надвигающейся опасности. Так в чем же заключается опасность? Ответить на этот вопрос он пока не мог. Он лишь чувствовал горечь во рту, по вкусу напоминающую яд, которым едва не отравился.

Какой-то рокер на мотоцикле „Кавасаки“, одетый в блестящую от воды кожаную куртку, подрезал Вулфу путь и, прибавив скорости, так рванул вперед, что только искры сверкнули из-под заднего колеса. Вулфу сразу же вспомнился Сума на мотоцикле „Харлей“, оскалившийся в улыбку, словно мертвая голова. Он поднял глаза вверх — полнеба занимала броская неоновая реклама фирмы „Шиня

когаку". Даже проливной дождь не смог затмить ее гигантские кроваво-красные нероглифы. Он погнал машину в ночь по широким токийским улицам.

Так в чем же угроза? „Опасность в жизни, а не в смерти“.

Вулф остановил машину около рыбного рынка Сузуки. На мокрых бетонных помостах билась рыба. В свете висящих лампочек она переливалась всеми цветами радуги. В воздух поднимался пар от живых рыбин, а когда Вулф проходил мимо помостов, ему в спину на мгновение дохнуло зловонием свежеразрытой могилы. Он пошел дальше, вдоль торговых рядов. Всюду царил оживление: далеко вокруг разносились голоса рыбаков и грузчиков, раздавался веселый смех; от лотков со всевозможной снедью веяло теплом и пахло чем-то вкусным; неподалеку, в тени, подвыпившие труженики не стесняясь справляли малую нужду. Одним словом, на рынке кипела жизнь.

А в темноте в это время притаилась смерть. Вулф явственно ощущал ее, даже увидел, как туман медленно обволакивает его ноги. Свирепый зверь, умный и умелый — а может, он даже и не человек? — разворачивал и действию свою энергию. Его „макура на хирума“ больно ударила Вулфа в барабанные перепонки. Где-то рядом скрывалась неведомая сила, подобная силе гигантской динамо-машины.

Вулф подошел к затемненному складу — обиталищу Оракула, где его и подстерегала опасность. Перед входом в склад светила тусклая лампочка, металлический колпак над ней качался из стороны в сторону под сильными порывами ветра, дующего с реки Сумида. Прыгающий конус света освещал металлическую дверь без всякой таблички, на ней даже не было какой-нибудь надписи, сделанной хотя бы краской.

Но Вулф уже знал, что таится за дверью и куда идти.

Замок двери открылся сам. Он даже услышал, как лязгнул отходящий засов и еще раз громко клацнул как бы по приказу поднявшегося ветра. Вулф толкнул дверь и вошел внутрь. Что он должен сделать еще? Его „макура на хирума“ безошибочно вела его в темноте, и он знал, что идет не напрасно.

„Опасность в жизни, а не в смерти“, — звучали в голове слова Оракула.

Внутри склада царил заустение, — вернее, оно должно было установиться здесь в самом что ни на есть ближайшем будущем. Вулф почувствовал покалывание вдоль позвоночника и подумал, а не показывает ли ясновидение его

же собственную гибель. Перед входом в лифт он оглянулся, всматриваясь в темноту. Неизвестная опасность поджидает его в лаборатории, где покоится вышедший из строя Оракул. Он начал подниматься вверх. Резкие звуки работающего подъемного механизма эхом отдавались в стенах склада, словно звуки зимнего ветра в хвойном бору, наводящего тоску и чувство одиночества. На последнем этаже он вышел из лифта и ступил на старые рассохшиеся половицы, скрипевшие при каждом шаге. В конце коридора, слева, находилась обитель Оракула. Вулф направился туда.

Темнота еще больше сгустилась, сделавшись еще больше похожей на жидкую грязь. Теперь он догадался, почему ясновидение привело его именно сюда: кто-то или что-то пытается воскресить Оракула, заставить его вновь действовать. На пороге лаборатории он несколько задержался и направил внутрь помещения биолуч своей „макура на хирума“.

И вот Вулф в лаборатории Оракула. Он тут же увидел нечто темное, копошащееся возле измерительных приборов и пульта управления. Стояло неумолчное жужжание и гул уцелевших контуров и неповрежденных схем, напоминавшее жужжание мух, облепивших труп. Среди спутанных проводов, силиконовых трубок, многочисленных кабелей и графитовых плат лежал Оракул. Экран его потемнел, мозг бездействовал.

Краем глаза Вулф заметил какое-то движение — будто стремительно взметнулась стайка скворцов. Он повернул голову: что-то двигалось по окружности, но что конкретно — разглядеть было невозможно.

И тут мелькнул мощный черный столб „макура на хирума“, настолько мощный, что здание склада затряслось от фундамента и до крыши. Тело Вулфа при этом охватил страшный жар. Вся лаборатория наполнилась дымом и искрами, вскоре они пропали, но явственно запахло горелым мясом.

Это явление длилось не более секунды, но Вулфу, стоявшему в густой темноте на пороге лаборатории, и этого мгновения оказалось достаточно, чтобы понять кое-что о природе невидимого противника. „Макура на хирума“, принадлежавшая врагу, притаившемуся в лаборатории, была не только чрезвычайно мощной, как он определил это с помощью своего биополя, но и очень древней, гораздо древнее, чем у Достопочтенной Матери. Возраст ее составлял по меньшей мере несколько столетий. И еще он определил, что его врагом и обладательницей этой уникальной „макура на хирума“ является мать Джейсона Яшиды.

Вулф замер, он сумел выровнять дыхание, но не смог обуздать бешеного биения собственного сердца. Он немного напугался, ибо столкнулся со злом настолько древним, что оно даже утратило свое название, но знал, что Белый Лук опознал бы его, и тут же подумал, сможет ли это зло учуять его там, где другие не могли.

Он мысленно вызвал образ Яшиды и вошел в лабораторию. На этот раз он поступил благоразумно, направив предварительно луч своей энергии и обследовав тем самым помещение. Таким образом он сразу определил, что оно сплошь заполнено электрическими разрядами: повсюду летали облака искр. И тут из тьмы появилась Ивэн.

Вулф никак не ожидал увидеть ее такой юной. Пораженный и изумленный, он на мгновение потерял контроль над образом Яшиды, и тот затрепетал и погас, словно пламя свечи на ветру.

Ивэн только того и надо было. Она сразу же переключила внимание с образа сына на Вулфа.

Вулф собрался с силами, и помещение лаборатории мелко-мелко задрожало. Он увидел своего деда. Дух Белого Лука поднял в приветствии руку.

— Я долго ждал, когда ты позовешь меня, — сказал он. От него пахло кожей и мескалином, на лице проглядывали печаль и беспокойство. — Зло сидит здесь, и ты, Вулф, должен победить его. Но тебе понадобится моя помощь.

— Скажи мне, что я должен делать, — попросил внук.

— Иди сюда. Встань рядом со мной. То место, где ты стоишь, все еще остается островком жизни. Ты должен сойти с него и ступить на землю мертвых.

— Но я ведь умру.

— Нет, не умрешь, — ободрил его дед. — Ты все же шаман. Я сам учил тебя. Вреда тебе не будет. Мне нужны твои сила и энергия, чтобы я мог сойти с земли мертвых и вступить в свой последний и решительный бой.

Вулф, уверовав в слова деда, сделал шаг по направлению к нему и почувствовал, как из-под ног уходит пол. Вопреки своей воле, он упал и заскользил куда-то вниз, не в силах сопротивляться...

Слишком поздно понял он хитроумный замысел Ивэн — лишить его памяти, выбить из него способность мыслить. Слишком поздно он осознал, что образ деда возник не так, как следовало: Белый Лук должен был спуститься с небес, а он появился из-под земли. Слишком поздно открыл он глаза и посмотрел на прекрасное лицо Ивэн. Теперь она схватила его за горло и стала все крепче сжимать пальцы, а ее „макура на хирума“ одновременно сжимала его сердце.

— Ты убил моего сына, — зловеще произнесла Ивэн. — К тому же нанес непоправимый вред „Тошин Куро Косай“. — Ногти ее вонзились в шею Вулфа, потекла кровь. — Люди верили, что общество Черного клинка возглавлял Нишицу, немногие посвященные знали, что его главой была Достопочтенная Мать. — Она страшно оскалилась. — А другие считали, что начальницей станет Минако.

Внутри Вулфа стал разгораться голубой огонь, а он всеми силами старался не дать ему вспыхнуть, потому что знал, что огонь сожжет его заживо.

— А на деле же общество Черного клинка всегда возглавляла я, — продолжала Ивэн. — Я держала в своих руках всех и вся. Моя „макура на хирума“ была так сильна, что я имела власть над всеми, еще когда была ребенком. Я родилась с даром ясновидения по своему желанию. Общество Черного клинка — мое детище, и я не позволю тебе уничтожить его!

Голубой огонь постепенно все же разгорался внутри Вулфа, и он чувствовал это, температура уже подходила к критической отметке. Перед ним возникли образы Кэти, когда ее охватило пламя, горящего Бобби Коннора, Хейса Уолкера Джонсона с женой и Аманды, лежащей мертвой в луже собственной крови.

Сделав неимоверное усилие, он все же исхитрился ударить Ивэн кулаком в грудь. Она отшатнулась, успев, однако, расцарапать ему до крови руки своими длинными, словно когти, ногтями, а затем, улыбнувшись, подступила снова.

Давление внутри него, ослабевшее было на короткое мгновение, опять стало нарастать, да с еще большей силой. Вулф попытался применить энергию своей „макура на хирума“, направив темный биолуч прямо в лицо Ивэн, но она, чуть отшатнувшись, опять подступала к нему.

„Грубой силой тут не возьмешь“, — сообразил Вулф. Он попытался направить „макура на хирума“ внутрь себя и посмотреть, что творится у него в голове, а там был полный хаос, и он даже не удержался от стога. У него в мозгу замелькали и зажужжали вдруг тысячи мух, и он перестал что-либо видеть.

А Ивэн вплотную приблизилась к нему, вонзив ногти в его тело, голубое пламя уже вырывалось наружу, огненные язычки охватывали его руку. Запахло паленым мясом, подступила к горлу тошнота...

Перед лицом неминуемой смерти Вулф вызвал настоящий дух своего деда, прося придать ему сил, и напрягся в

последней попытке сконцентрировать вдрызг разбитую энергию своей „макура на хирума“.

Ивэн сильно оттолкнула его прочь от себя и ударилась спиной об экран Оракула. Повернувшись, она не удержалась от улыбки, чуя, что Вулф вот-вот окажется сломленным, и опять стала наседать на него.

И вдруг выражение ее лица резко изменилось. Она остановилась, не сделав и шага, и глянула себе под ноги. Вокруг нее обвисли провода и кабели, а когда она попыталась отшвырнуть их, кругом посыпались искры и засверкали разряды.

Ивэн буквально повисла в воздухе. Бегущий по электрическим проводам и кабелям ток ударил ее с силой молнии, обрушившейся с небес. Глаза ее вылезли из орбит, волосы поднялись и зашевелились, словно змеинная грива медузы Горгоны, тело заизвивалось и забилося, словно в неистовой пляске. Рот открылся в безмолвном крике, а электрический ток тем временем с треском и шипением продолжал уничтожать ее плоть.

Наконец тело Ивэн шлепнулось на пол, руки и ноги задергались в диких конвульсиях.

Вулф медленно подошел к Оракулу. Экран его светился теперь мягким многоцветьем. Он взглянул на провода, обвившиеся вокруг ног Ивэн. И как только ее угораздило запутаться в них? Он нагнулся пониже, чтобы посмотреть.

— Хэлло, Вулф-сан, — отчетливо шепнул Оракул.

Вулф уставился на экран. Разобрал ли он его выражение? Услышал ли в голосе нотку радости?

— Пришло время поспать...

И корпус Оракула начал медленно остывать, а лампы и контуры отключились и постепенно погасли.

Прощание

*А снег перед нами блестит и
Искрится.
Он в этом году впервые
Ложится?*

Мацуо Башо

Вашингтон

Частный госпиталь. Палата, в которой лежит единственный человек. Не слышно ни звука, лишь глухо доносится шелестящий шепот работающей аппаратуры, установленной вокруг этого больного. Он все еще жив или пока не умер — определяется это состояние в зависимости от того, кто как на него посмотрит. Доктора, которые за ним следят и работают в этом преддверии ада, сошлись во мнении, что он и впрямь все еще живет. Другие же, однако, главным образом те, у кого нет специального медицинского образования, чтобы выносить подобные суждения, уже махнули на больного рукой. Даже медсестры и сиделки, умеющие сострадать, и те считают его не жильцом на этом свете, а чем-то находящимся между небом и землей в подвешенном состоянии, как коллоидные растворы в лаборатории.

Умиравший больной — это Торнберг Конрад III. Такова его судьба, наказание за грехи — медленно и мучительно умирать, не жить, а существовать в живом аду на этом свете, не двигаться, не говорить, не мыслить, а лишь механически думать, подобно аппаратуре и механизмам, заставляющим биться его сердце, поддерживающим дыхание, подающим физиологический раствор в кровь через капельницу, очищающим организм от шлаков.

Жизнь ли это? Вряд ли, по его меркам. Но это ему кара, в этом он абсолютно уверен, хотя уже и бессознательно. Кара за то, что презирал первую жену, мать его детей; бессердечно относился ко второй жене, великолепной Тиффани Конрад; за безрассудную любовь к жизни, которая привела к смерти многих людей; за разрыв с детьми из-за того, что они не слушали его наставления и выбирали свой путь. Нет, вовсе не за все это. Это наказание ему за единственный грех, который он взял на душу, — за убийство собственного сына.

Если бы он был христианином, то обратился бы к Богу, покаялся и получил бы отпущение грехов. Но Иисус Христос всегда был для него пустым звуком, ничего не значащим словом, затасканным и истрепанным сверж всякой

меры. Он вспомнил, как когда-то отец говорил ему еще в детстве: „Никого мне не надо, а особенно этих попов, которые только и талдычат, что мне можно делать, а чего нельзя. Что они знают о жизни?“

„А неплохо было бы, — подумал он, — чтобы рядом все же оказался пастор, махал бы рукой, напутствовал и отпустил бы грехи за ужасное преступление — сыноубийство“. Но такое никак невозможно. К тому же ему нужно прощение вовсе не от Бога, а от Хэма. Но сын ушел на тот свет от его же руки.

А затем чувство отчаяния стало столь нестерпимым, что ему уже ничего не хотелось, только бы изойти слезами и умереть спокойно. Даже с помощью искусственных легких дышать становилось все труднее. Он молил небо, чтобы на него снизошла смерть, он знал, что она неминуемо придет, но только бы скорее. Он слышал, как переговаривались около его койки врачи и утверждали, что даже с помощью самой совершенной аппаратуры невозможно длительно поддерживать жизнь в его бренок теле.

Скоро, скоро она придет! Но не так уж и скоро, как хотелось бы.

Вдруг он почувствовал, что открылась дверь. Вот опять эти несносные доктора приперлись, ума никакого, а туда же — обсуждают с серьезным видом всякую чепуху. Как он ненавидел сейчас врачей, какими придурками они казались — прикидываются, будто все знают, все ведают, а сами пешки пешками. О жизни они мало что знают, а уж о смерти вообще ничего не соображают, а ведь только смерть успокоит его навсегда — он это знает твердо.

Как хотелось ему сейчас, чтобы о нем забыли. После долгой борьбы и блужданий в потемках жизни как благое облегчение пришла мысль о том, что все боли и муки скоро отойдут. Но нет, теперь он увидел, что в палату вошли вовсе не доктора и не сонм адвокатов, которые регулярно навешиваются и крутятся здесь, словно грифы-падальщики, высасывая почасовые гонорары.

Но Бог ты мой! Это же сам Вулф Мэтисон, а рядом с ним потрясающая молодая японка! Он поймал себя на мысли о том, что в глубине души надеялся на его приход. И вот Вулф явился, как ангел смерти. „Он же прекрасно знает, что я устроил ему, и теперь пришел завершить дело, начатое Стиви, и доконать меня“, — подумалось умирающему.

— Торнберг, — сказал Вулф. — Я вижу, что ты узнал меня, хотя с нашей последней встречи минули годы и прошлого теперь не вернешь. Ты следил за мной все это время, преследовал меня. Догадываюсь, что скажешь в

свое оправдание. Ну что же, я сделал все, чего ты хотел от меня. Я проник в общество Черного клинка и встречался с Минако. Помнишь ее? Да конечно же, помнишь! Еще бы, разве ты мог забыть ее?

Вулф положил руки на плечи прекрасной японки и продолжал:

— А это Чика, дочь Минако. Родилась как раз спустя девять месяцев после нашего бегства из Камбоджи. Помнишь, Торнберг? Помнишь, что там было? Ты и Минако. И вот она, твоя дочь, Торнберг. Что ты на это скажешь?

Загадочно улыбнувшись, Вулф наклонился над Торнбергом, но тот был настолько ошеломлен его появлением, что даже ничего толком не соображал. Как, неужели эта ведьма Минако забеременела от него? О Господи! Он почувствовал, как все его еще не остывшее естество будто сворачивается в защитный клубок. Он слишком напуган встречей с неожиданной-негаданной дочерью, о существовании которой даже и не подозревал и которая легко проникает в его мысли и все видит и понимает, будто эти мысли находятся за стеклянной витриной. И она все знает! Он заметил по ее глазам, что она чувствует омерзение и презрение к нему. „Уведи ее, — мысленно умолял он Вулфа. — Ради бога, уведи ее!“

Но даже если до Вулфа и дошли его мольбы, он не подал и виду и сказал:

— Торнберг, ты гонял меня, словно крысу по лабиринту. К тому же делал все, чтобы меня убили. Зачем ты так старался? Я же всегда был для тебя вроде счастливого талисмана. Разве не так ты думал там, в Камбодже? Это последняя нераскрытая тайна, но я все же неплохой детектив и разгадал ее. Разумеется, ты не можешь рассказать мне о тайне. Забавно, не так ли?

Но самое забавное, что я все же нашел то, чего ты так страстно хотел: ту тайну, которую ты столь энергично искал долгие годы. И от этого вся моя жизнь пошла наперекосяк. И все из-за тебя, Торнберг, из-за тебя и твоей одержимости одолеть смерть. Но я тебя прощаю. Нет, не так! Я не то что прощаю, а хочу все забыть, потому что ты спас мне в тот раз жизнь. Об этом я буду помнить все отведенное мне на земле время.

Вулф еще шире и как-то загадочно улыбнулся и продолжал:

— А знаешь ли ты, что Минако обладает этой тайной, этим даром „макура на хирума“, как она называет его по-японски, а в переводе на наш язык — даром ясновидения? Я знаю это, потому что сам обладаю такой же способностью. И Чика тоже, да и ты сам обладаешь.

Торнберг заметил, что Вулф внимательно следит, как он реагирует на его слова.

— Да, Торнберг, все это правда: тайна, за которой ты гонялся всю свою жизнь, все это время скрывалась от тебя в тебе же самом. Ее нужно было всего-навсего уметь вызывать, что я сейчас и собираюсь проделать.

„Нет, не надо“, — беззвучно молил Торнберг.

— Это же будет моей благодарностью за то, что ты спас мне жизнь тогда, давным-давно.

„Нет, не надо. Если хочешь отблагодарить меня за то, что я спас тебе жизнь, то лучше всего возьми сейчас в благодарность мою“.

А потом ему показалось, что он выпал из временных рамок и очутился посреди темного огромного ущелья между гигантскими горами. С ужасным грохотом на него обрушился страшный обвал. Но вместо того чтобы оказаться погребенным под горами камней, он каким-то образом воспарил над ущельем, а затем ощутил, будто перенесся в другое пространство. Горы превратились в жидкую магму, а из хаоса образовалась странная темная масса, живая и шевелящаяся, меняющая свой цвет и наплывающая на него. Он пристально глядел на нее, такую жуткую и в то же время чем-то знакомую.

— Торнберг, теперь ты можешь жить долго-долго, — услышал он голос Вулфа. — Кто знает, сколько лет? Двигаться ты вряд ли сможешь, но и аппаратура тебе уже не понадобится, чтобы жить. Жизнь в тебе будет поддерживать твой дар „макура на хирума“.

„Нет, нет, нет! Не надо мне этого дара. погоди минуточку! Я должен сказать что-то. Я хочу умереть. Хочу-у-у!“

— Прощай, Торнберг.

Вулф и Чика уже были в дверях, но загадочная улыбка на лице Вулфа все еще жгла мозг Торнберга Конрада III, запечатляясь в памяти навсегда. Была ли это улыбка друга или врага?

— Надеюсь, новая жизнь придется тебе по нраву, Торнберг.

Ластбейдер Э.

**Л 26 Черный клинок. — Роман. — Пер. с англ.
А.Карпова. — М.: Изд-во „Новости“, 1994. —
592 с.
(Серия „Мировой бестселлер“)**

ISBN 5—7020—0909—1

Главный герой книги лейтенант нью-йоркской полиции Вулф Мэтисон, наделенный сверхмощным даром ясновидения, вступает в неравную борьбу с верховной могущественного японского тайного общества „Черный клинок“, стремящегося к мировому господству, и в результате выходит победителем.

Л $\frac{470000000}{067(02)+93}$ Без объявл.

ББК 84.7(7 США)

Эрик Ластбейдер
ЧЕРНЫЙ КЛИНОК

Серия „Мировой бестселлер“

Заведующий редакцией *Л.Д.Соболев*
Ответственный за выпуск *В.Б.Тетевин*
Редактор *Т.А.Шабалина*
Младший редактор *Н.В.Потатужева*
Художественный редактор *А.И.Хисиминдинов*
Корректор *Л.П.Агафонова*
Технические редакторы *Л.А.Ряховская, Е.А.Егорова*
Технологи *В.И.Руденко, В.Ф.Егорова*

ИБ № 10882

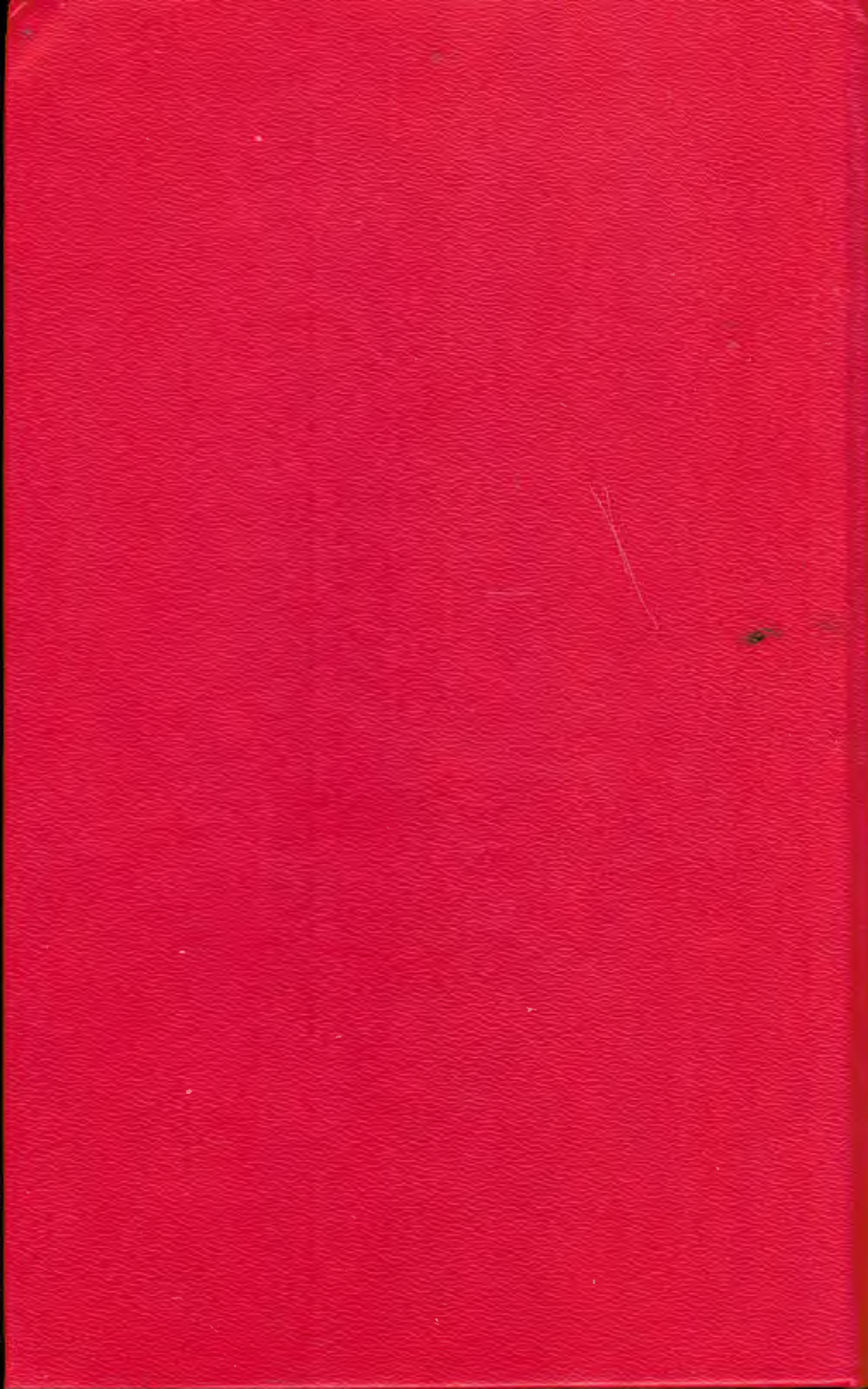
ЛР № 040676 от 28 февраля 1994 г.

Сдано в набор 8.10.93. Подписано в печать 24.03.94.
Формат издания 84х108/32. Гарнитура Антикwa.
Усл. печ. л. 31,08. Уч.-изд. л. 34,34.
Тираж 50 000 экз. Заказ № 5166. Изд № 9110.

АО „Издательство «Новости»“
107082, Москва, ул. Б.Почтовая, 7.

Отпечатано с готовых диапозитивов на Книжной фабрике № 1
Комитета РФ по печати.
144003, г. Электросталь Московской обл., ул. Тевосяна, 25.

По вопросам полиграфического брака обращаться
на Книжную фабрику № 1,
г. Электросталь Московской области.

ЭРИК ЛАУСТБЕЙДЕР

Эрик Лаустбейдер — признанный мастер „крутого“ американского детектива — родился и вырос в Нью-Йорке. После окончания в 1969 году Колумбийского университета он перепробовал множество профессий — от школьного учителя до журналиста,

пишущего о звездах американского рока. Однако наиболее полно Эрик Лаустбейдер раскрылся как писатель. Его романы, среди которых наиболее известны „Черное сердце“ и „Кайсё“, мгновенно стали бестселлерами и принесли своему автору мировую славу.

ЧЕРНЫЙ КЛИНОК

Главный герой книги Вулф Мэтисон — профессиональный сыщик, лейтенант нью-йоркской полиции, сын техасского рейнджера и индианки, в совершенстве владеющий техникой борьбы айкидо и наделенный могучим даром ясновидения. Загадочная смерть крупного дельца Нью-Йорка миллиардера Лоуренса Моравиа (как выясняется, агента ФБР) наводит Мэтисона на след могущественной тайной японской организации „Черный клинок“, цель которой — обеспечение Японии мирового экономического господства.

Занимательный триллер с полуфантастическим сюжетом отличается острой детективной интригой и перемежается сценами захватывающего дух секса.

Издательство „Новости“ продолжает публикацию серии „Мировой бестселлер“, в которую войдут лучшие и наиболее читаемые сегодня в мире книги. Вам представится уникальная возможность познакомиться с произведениями и авторами, прочно занявшими свое место в современной мировой литературе и впервые издающимися на русском языке.

Исключительное право публикации книг, выходящих в серии „Мировой бестселлер“, принадлежит Издательству „Новости“. Выпуск произведений серии без разрешения Издательства считается противоправным и преследуется по закону.